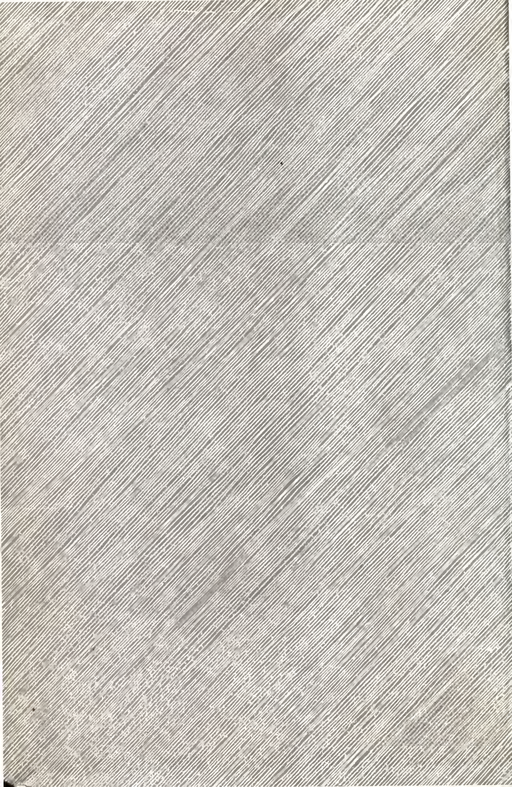

СЫН
ЗЕМЛИ

СЫН ЗЕМЛИ

Сборник

СБОРНИК

*Книга иллюстрирована
летчиком-космонавтом СССР
Дважды Героем
Советского Союза*
ВЛАДИМИРОМ
ДЖАНИБЕКОВЫМ

*Москва
«Советский писатель» 1983*

Р2+6Т6
С 95

В сборник «Сын Земли» вошли очерки, статьи, воспоминания и повести о первом гражданине космоса Ю. А. Гагарине. Тепло, с искренней любовью повествуют о своем товарище космонавты Г. Береговой, Г. Титов, а также те, кто хорошо знал Гагарина как человека,— Марина Попович и другие.

Помещена интересная статья самого Ю. А. Гагарина «О профессиональной деятельности космонавтов».

Предисловие написано Ю. Верченко.

Составитель *В. А. МИТРОШЕНКОВ*

Художник ИРИНА САЛЬНИКОВА

С $\frac{4702010200-080}{083(02)-83}$ 76—82.

© Издательство «Советский писатель», 1983 г.

Содержание

А·ТВАРДОВСКИЙ

Памяти Гагарина

Ах, этот день двенадцатый апреля,
Как он пронесся по людским сердцам!
Казалось, мир невольно стал добрее,
Своей победой потрясенный сам.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник, в пестром пламени знамен,
Когда безвестный сын земли смоленской
Землей-планетой был усыновлен.

Жилец Земли, геройский этот малый
В космической посудине своей
По круговой, вовеки небывалой,
В пучинах неба вымахнул над ней...
В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле — зачем же войны,
Зачем же все, что терпит род людской?
Ты знал ли сам, из той глухой вселенной
Земных своих достигнув берегов,
Какую весть, какой залог бесценный
Доставил нам из будущих веков?

Почуял ли в том праздничном угаре,
Что, сын Земли, ты у нее в гостях,
Что ты тот самый, но другой Гагарин,
Чье имя у потомков на устах?

Нет, не родня российской громкой знати,
При княжеской фамилии своей,
Родился он в простой крестьянской хате
И, может, не слыхал про тех князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба:

Подрос в семье, отбегал хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

А там и самому ходить в кормильцах,
И не гадали ни отец, ни мать,
Что те князья у них в однофамильцах
За честь почтут хотя бы состоять;

Что сын родной, безгласных зон разведчик,
Там, на переднем космоса краю,
Всемирной славой, первенством навечным
Сам озаглавит молодость свою.

И неизменен жребий величавый,
На нем горит печать грядущих дней.
Что может смерть с такой поделать славой? —
Такая даже неподсудна ей.

Она не блекнет за последней гранью,
Та слава, что на жизненном пути —
Не меньшее, чем подвиг, испытанье,—
Дай бог еще его перенести.

Все так, все так. Но где во мгле забвенной
Вдруг канул ты, нам не подав вестей,
Не тот венчанный славою нетленной,
А просто человек среди людей;

Тот свойский парень, озорной и милый,
Лихой и дельный: с сердцем не скупым,
Кого еще до всякой славы было
За что любить,— недаром был любим.

Ни полуслова, ни рукопожатья,
Ни глаз его с бедовым огоньком
Под сдвинутым чуть набок козырьком...
Ах, этот день с апрельской благодатью!
Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчонкой лазал босиком...

Ю·ВЕРЧЕНКО

Нетленная память человечества

Этот сборник могли бы составить произведения самих космонавтов, так как многие из них обладают литературным талантом, но он стал детищем коллективного труда и журналистов, и писателей, и отважных покорителей Вселенной.

Цель его — рассказать об эпохе проникновения в космос наших современников, о великом советском народе, о нашем дорогом и любимом Юрии Алексеевиче Гагарине и его славных товарищах.

Миллионы и десятки миллионов пролетариев всех земель, говорил Алексей Максимович Горький, ждут от нас яркого, горячего слова, ждут простых и ясных изображений великих успехов работы, совершаемой массами и единицами, в которых сгущена чудесная энергия масс.

Космос покоряют не талантливые одиночки, а весь трудолюбивый советский народ.

Авторы посвящают книгу советскому народу. В нее собраны исторические эссе, биографические очерки, хроники, рассказы, главы из повестей и романов. И все вместе они показывают нашу великую эпоху, отображают поколение людей, дерзнувших приблизить космос к земле.

Мечта о небе жила в человеке давно. Возможно, миллионы лет.

Природа одарила человека неукротимой жаждой знаний, которая властно влечет его в неведомые дали, на тернистый путь подвигов и открытий. Как бы много человек ни знал, он всегда хочет знать больше. Утолить жажду познаний невозможно. Яркие, мерцающие огнями галактики и призывно манящие серебристыми лучами далекие звезды тянули к себе, будоражили мысль, взывали к решительности, толкали на отчаянные поступки. Еще не было науки о земледелии, люди не научились приручать скот, не познали богатства моря, но, движимые неукротимым чувством познания, вдохновленные созерцанием неба, сотворили учение о звездах.

Путь в космос богат вымыслом, фантастическими событиями, мифами, легендами, равно как и историческими исследованиями. Литература достаточно широко и образно отразила мечты человека о полете в космическое пространство, сохранила

для потомков уникальные поэтические, драматические и прозаические творения.

Литература проложила дорогу науке, объединила людей, создала были о героях, сформировала понятие об идеале.

Об отважных покорителях Вселенной писали выдающиеся просветители древнего мира Лукиан Самосатский и Фирдоуси, индийский поэт средневековья Тулсидас, английский писатель Иоган Кеплер, немецкий Гриммельсхаузен, французский Сирано де Бержерак, американский Эдгар По, русский Александр Богданов.

Рассказы о полетах людей к планетам Солнечной системы содержатся в народных эпосах «Махабхарата» и «Рамаяна», в творчестве известных мыслителей и писателей Вольтера, Байрона, Дюма, Жюля Верна, Герберта Уэллса, Алексея Толстого, Александра Беляева, Ивана Ефремова и многих других.

Весьма богато и разнообразно тема познания космоса представлена в современной литературе.

Владимир Ильич Ленин, обращаясь к писателям, призывал: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности».

Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, мечтал Владимир Ильич, заражая своим гениальным предвидением прогрессивную интеллигенцию, литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

Роль литературы в отображении исторической эпохи необычайно велика. Вперед и выше, призывал советский писатель, основоположник литературы социалистического реализма Алексей Максимович Горький, это путь для всех нас, это путь, единственно достойный людей нашей страны, нашей эпохи.

Мы включены в огромное дело, писал Горький, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем.

Авторы данного сборника в своих произведениях стремились передать атмосферу тех уже исторических дней через судьбы ученых, космонавтов, инженеров, создателей отечественной космонавтики, рассказать о наших достижениях в освоении Вселенной, заглянуть в будущее человечества, познакомить с миром чувств бесстрашных звездоплавателей. За эти годы отечественная и мировая космонавтика прошла удивительный путь от 108 минут первого полета Юрия Гагарина, открывшего эру пилотируемой космонавтики, до многомесячного пребывания на орбите, знаменующего собой время заселения космического пространства. То, о чем в прошлом мечтали выдающиеся представители русской и мировой науки и техники,— говорилось в обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Минист-

ров СССР ко всем ученым, инженерам, техникам, рабочим, всем коллективам и организациям, участвовавшим в успешном осуществлении первого в мире космического полета человека на корабле-спутнике «Восток», первому советскому космонавту товарищу Гагарину Юрию Алексеевичу,— чему посвятил свою жизнь гениальный сын нашего народа Константин Эдуардович Циолковский, превратилось сегодня в живую действительность, стало явью героических дней... Героическим полетом советского человека в космос открыта новая эра в истории Земли. Вековая мечта человечества сбылась.

В 1957 году Советский Союз впервые в мире запустил в космос искусственный спутник Земли. Запуск искусственного спутника Земли открыл новую эру в истории человечества, он явился осуществлением дерзновенной мечты людей, триумфом науки и техники. В октябре 1957 года газета «Правда» писала: «Научный эксперимент, осуществленный на такой большой высоте, имеет громадное значение для познания свойств космического пространства и изучения Земли как планеты нашей Солнечной системы».

Это была научно-практическая программа для советской и мировой науки в области познания Вселенной.

Вслед за первым искусственным спутником Земли в просторы Млечного Пути пошли новые спутники, межпланетные станции, космические корабли.

От 108-минутного полета Юрия Гагарина до многомесячных полетов советских космонавтов, от одиночных полетов на космических кораблях до групповых международных экипажей на космических комплексах — таков путь многолетней совместной работы ученых Советского Союза и других социалистических стран по изучению и освоению космического пространства.

Ныне космонавтика позволяет решать вопросы навигации, связи, метеорологии, земледелия, геологии, астрономии, геофизики, металлургии, медицины, картографии и многие другие.

Космонавтика позволила людям взглянуть на обратную сторону Луны, а в 1969 году ступить на ее поверхность, приоткрыть многие тайны планет Солнечной системы, лучше понять свойства околоземного космического пространства, открыть радиационные пояса Земли, постичь необъяснимые явления полярного сияния, узнать о существовании рентгеновских лучей и пока волшебных частиц нейтрино, приблизиться к пониманию антимиров.

«Замечательный русский ученый, основоположник космонавтики Константин Эдуардович Циолковский,— говорил Леонид Ильич Брежнев,— предвидел эру освоения космоса. Однако даже в самых дерзких мечтах своих он не мог предположить. что эта эра начнется так скоро...»

Проникновение человека в космос явилось мощным ускорителем научно-технического прогресса. Космические исследования вызвали к жизни новые отрасли современной науки и техники, стимулировали развитие существующих. Космонавтика поставила целый ряд необыкновенно сложных задач перед наукой, потребовала срочного решения многих научно-практических проблем, выдвинула вперед новые методы исследований. Сейчас невозможно оценить все перспективы, которые открылись перед человечеством.

Еще совсем недавно важнейшей задачей полета наука считала научиться жить в космосе, потом работать в невесомости, а теперь — заселение космоса, получение от космоса максимальных выгод для человечества.

Обширна и разнообразна советская программа космических исследований. Прошло более двадцати пяти лет. Очень небольшой срок, но советская космическая наука достигла огромных успехов.

Человечество, неутомимое в своих познаниях, идет все дальше. Первый групповой полет, первый выход в космическое пространство, первая стыковка в космосе, первая орбитальная станция.

Мы живем в эпоху, когда человек оторвался от Земли и получил возможность исследовать планету с высоты не «птичьего полета», а звезд. Более того, недалеко то время, когда вслед за Луной, человек ступит на другие планеты.

И за всем этим дерзновенное мастерство и талант ученых, конструкторов, испытателей.

Данные, полученные наукой за последние годы, уже изменили представление об окружающем нас мире.

Все, что предсказывал наш великий соотечественник Константин Эдуардович Циолковский, сбывается.

Он писал: «Сначала можно летать на ракете вокруг Земли, затем можно описать тот или иной путь относительно Солнца, достигнуть желаемой планеты, приблизиться или удалиться от Солнца, сделавшись кометой, блуждающей многие тысячи лет во мраке звезд. Человечество образует ряд межпланетных баз вокруг Солнца, использовав в качестве материала для них блуждающие в пространстве астероиды... Реактивные приборы завоюют людям беспредельные пространства и дадут солнечную энергию в два миллиона раз большую, чем та, которую человечество имеет на Земле».

XX век — век космоса. Достижения в космосе не только опередили фантастов, предсказавших полет человека в космос лишь в XXI веке, они выявили и новое поколение людей: беззаветно мужественных, широко образованных, ставших примером для современной молодежи...

Товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Наша страна располага-

ет широкой космической программой, рассчитанной на долгие годы. Мы идем своим путем, идем последовательно и целеустремленно...

Наш путь покорения космоса — путь решения коренных, фундаментальных задач, базовых проблем науки и техники.

Советский Союз рассматривает космические исследования как великую задачу познания и практического освоения сил и законов природы в интересах человека труда, в интересах мира на Земле».

В нашей программе космических исследований четко вырисовываются три направления. Первое — всесторонние исследования околоземного космического пространства. Второе — работы, направленные на дальнейшее совершенствование космической техники, предназначенной для исследований на околоземных орбитах, в дальнем космосе и на других небесных телах Солнечной системы. Третье — работы, связанные с широким использованием космоса для народного хозяйства и культуры.

Советская наука рассматривает долговременные орбитальные станции как решающее средство широкого освоения космического пространства. Они могут стать «космодромами в космосе», стартовыми площадками для полетов на другие планеты. Они позволят создать на околоземных орбитах крупные научные лаборатории для проведения исследований в интересах многих «земных» и «небесных» наук. Вынесение исследований в космос окажет огромное влияние прежде всего на развитие геофизики, астрономии, биологии, медицины, метеорологии, географии, геологии.

Советская космическая программа, в которой творчески сочетаются многочисленные, взаимно дополняющие друг друга средства освоения внеземного пространства, успешно претворяется в жизнь. Наряду с автоматическими станциями устремляются ввысь пилотируемые корабли.

Повесть В. Викторова «Человек играл с солнцем» — повествование о подлинных фактах из истории нашего государства. По теме и содержанию она очень соответствует сборнику, а главное — она вводит читателя в подлинную творческую лабораторию писателя-гражданина, человека, который видит свой долг не в кабинетной отрешенности и дачной изолированности, а в неутомимой борьбе за подлинные интересы народа, науки, общества. Стремление Горького помочь Циолковскому проходит через все годы знакомства с ученым. Именно он, Алексей Максимович Горький, рассказал Ленину о калужском гении.

Теперь мы все хорошо знаем, чем завершилось это неожиданное решение Горького обратиться к Владимиру Ильичу.

Автору повести свойственна масштабность замысла. Объединить в одной короткой повести подлинные исторические факты, одухотворить их действиями невымышленных персонажей, придать разрозненным событиям нерасторжимую целост-

ность, вызвать у читателей сопереживания — задача, несомненно, сложная и, пожалуй, трудновыполнимая.

С большой гражданской ответственностью автор охватывает события более полувековой давности, вводит в действие выдающихся деятелей отечественной и мировой литературы и науки, их авторитет использует не для собственной литературной концепционности, а раскрывает на этом материале своих героев. Возможно, все, что отыскал автор и уложил в строгие отточенные главы своего произведения, так бы и осталось разрозненными фактами биографий писателей и ученых, если бы не увидел исследователь новые повороты человеческих судеб, характеров, истории.

Обращаясь к малоизвестным страницам жизни А. М. Горького, К. А. Федина, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, писатель раскрыл для нас глубочайшую их духовность, преданность народным традициям, показал ответственность художника за судьбу нации. И хотя он показывал значительный исторический период разных поколений и даже эпох, все они, в авторском изложении, объединены едиными идеалами.

Тогда, в двадцатые годы, родилась та самая наука, которая должна была фантастику превратить в реальность, возвысить человеческий гений над природой, дать новое глубинное толкование происхождения жизни, обогатить планетян гигантским механизмом управления Вселенной. Давняя мечта человечества подняться к Солнцу, о которой писали многие авторы, теперь, опираясь на силу разума, ставилась в повестку дня.

Юрий Алексеевич Гагарин был в большой дружбе со многими писателями, неоднократно приезжал в Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева, рассказывал о работе своей и своих товарищей, делился творческими замыслами.

Каждая встреча с Гагариным была творческой радостью для писателей.

С именем Юрия Алексеевича мы связываем неодолимое движение человечества к прогрессу, познание новых законов естествознания, обогащение философского постижения жизни, самые выдающиеся проявления нашего века. Подвиг Юрия Гагарина знаменует революционную романтику, диалектическую неустрашимость социализма, несокрушимую поступь будущего.

Юрий Гагарин вышел из недр народа и, достигнув небывалой славы, оставался скромным, простым и доступным человеком, он олицетворял собой лучшие достижения социалистического общества. «Каждый герой символичен и индивидуален. Его личность,— писал о Гагарине известный индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас,— имеет внутреннюю связь с коллективными чертами народа и общественной средой, которая воспитала его. Гагарин является лучшим живым выразителем советской системы».

Гагарин — целый мир планеты, он жил на виду всего человечества, вдохновлял своим подвигом людей Земли на новые свершения. Он оставил огромное научно-литературное наследие, тысячи писем, миллионы автографов, оставил память о себе у миллиардов людей планеты, которые его видели, и у тысяч, которые его знали.

Летчики-космонавты, товарищи по труду и друзья Юрия Алексеевича, лучше других знавшие его, рисуют нам черты большой личности. Евгений Хрунов: «Юрий Гагарин уже при жизни стал легендой, символом того, на что способен человек. Я считаю своим долгом сказать о том, что изображать Гагарина как этакого развеселого ухаря-парня с вечной улыбкой — значит заведомо обеднять его образ. Гагарин был необычайно сосредоточенным, требовательным, строгим...» Виталий Севастьянов: «Да, Юрий был не так прост, как это могло показаться поверхностному взгляду. На самом деле он был очень сложным человеком». Алексей Леонов: «Юра был горяч в деле, там, где дело касалось нашей работы. Своей страстной добросовестностью, исключительным чувством ответственности он заряжал всех нас. Мы учились у него». Первый начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Карпов, вспоминая о назначении Юрия Гагарина на первый полет в космос, сообщает, что во внимание были приняты такие неоспоримые гагаринские достоинства, как беззаветный патриотизм, непреклонная вера в успех полета, неистощимый оптимизм, гибкость ума и любознательность, смелость и решительность, трудолюбие, скромность и другие качества.

«В анналах истории земной цивилизации имя Гагарина,— писал академик Борис Петров,— останется навсегда». Георгий Береговой справедливо писал, что подвиг его не только в том мужестве, с которым он пошел на штурм космоса, а еще и в том, что он изменил природу подвига, расширил и наше представление о прекрасном, возвысил человека и человечество. Звезды землянам теперь не кажутся такими далекими. Вот почему любовь людей к Юрию Гагарину беспредельна. Он воплотил их мечты в жизнь, фантастику превратил в реальность.

Гагарин принадлежит всем людям Земли, ибо ради всего человечества он прошел неторенной дорогой Вселенной.

Подвиг Юрия Гагарина вызвал живую реакцию среди писателей. Многие писательские заседания — творческие, партийные, издательские — посвящались Гагарину. Уже улеглись эмоциональные страсти, поостыли бушевавшие многие недели «высокие штили» оценки подвига, мысль, разбуженная полетом первого космонавта, работала с вулканической мощью, убегая вперед.

Всем хотелось понять не научно-техническое явление, что, бесспорно, было значительным и выдающимся, но впитать явление не менее значительное — личность первого космонав-

та. Свои размышления о Юре Гагарине писатели направляли в правление Союза писателей, в «Литературную газету», в толстые литературные журналы. В 1961 году они стали своеобразными вехами истории. Целые полосы писательской публицистике посвящали партийные газеты.

«Древние не зря называли тернистый путь человеческого развития дорогой к звездам,— писал в газете «Правда» Леонид Леонов 16 апреля 1961 года.— ...Разведка неба — вот содержание человеческого прогресса. Стихийное вначале стремление, оно с течением времен становилось все сознательней: заострить взор, протянуть руку в глубь Метагалактики,— настолько утончить пальцы и осязание, чтобы по своему усмотрению перемещать мельчайшие кирпичики микрокосмоса».

В газете «Правда» выступили Алексей Сурков, Семен Бабаевский, Константин Паустовский, Вера Кетлинская и другие.

Подвиг Юрия Гагарина справедливо рассматривался как подвиг поколения, народа, партии. Писатели вспомнили, что Гагарин родился 9 марта 1934 года, а 16 апреля 1934 года ЦИК СССР учредил почетное звание Героя Советского Союза. Разумеется, здесь нет мистики, но писатели, исследуя время, эпоху, жизнь первого космонавта, находили массу неожиданных сравнений.

В апреле 1961 года исполнилось 27 лет со дня учреждения звания Героя Советского Союза, первый космонавт планеты совершил свой полет в возрасте двадцати семи лет.

Двадцать семь лет.

В этом возрасте народоволец-революционер Николай Иванович Кибальчич создает проект первого в мире ракетного летательного аппарата для полета человека; Фридрих Артурович Цандер завершает работу над рукописью «Путешествие на воздушном и космическом корабле»; Константин Эдуардович Циолковский окончательно решает посвятить себя теоретическим проблемам летания; Сергей Павлович Королев становится начальником группы изучения реактивного движения (ГИРД), которая создает первую в СССР жидкостную ракету «ГИРД-09»; Юрий Васильевич Кондратюк завершает разработку основных проблем космонавтики...

Борис Агапов в те апрельские дни 1961 года писал в «Литературной газете»:

«Так человеческий взор, испытующий небо, впервые отказался от неподвижности!

Астрономический инструмент впервые встал на мчащееся основание.

В тот день открылась новая книга в истории астрономии, и открыли ее советские люди.

Из науки созерцания астрономия стала наукой эксперимента».

«Мы знаем его имя: Юрий Гагарин. Это простое русское

имя отныне будет вписано во все учебники мира, как имя Христофора Колумба, Америго Веспуччи, Афанасия Никитина.

...И не случайно, что космический корабль, унесший первого человека в Звездные выси, стартовал с советской территории. Не случайно, что сложнейшее техническое оснащение корабля построено на советских заводах. Не случайно, что советская наука и конструкторская мысль создали этот корабль...»— писал Борис Полевой.

Читателей взволновали стихи Павла Григорьевича Антокольского. Вот несколько строф.

Я за то вам страстно благодарен
И за то вас полюбил навек,
Юрий Алексеевич Гагарин,
Необыкновенный человек,
Что вы шли в пространство мировое,
Как идут в атаку, в полный рост.
И когда, безумствуя и воя,
Скорость звука поднимала хвост,
Вы не знали страха и унынья,
Перед грозным риском не склонясь.
Будет ваше мужество отныне
Эталоном мужества для нас!

В Союз писателей пришли поздравления от Михаила Светлова, Ольги Берггольц, Эдуарда Межелайтиса, Чингиза Айтматова, Янки Брыля, Валентина Каверина, Эммануила Казакевича, Ильи Эренбурга и многих других поэтов и прозаиков.

Даниил Данин в те дни писал:

«Сколько композиторов в ту среду садились за рояль и осторожно перебирали клавиши, боясь наполнить пространство не той мелодией... Сколько художников садились за мольберт и нерешительно трогали кистями палитру: ах, черт возьми, как мало красок в спектре и как невзрачны их возможные сочетания.

В тот исторический момент каждому человеку хотелось выразить себя не в слове, так в действии, не в мелодии, так в поступке, не в ударе кистью, так в порыве. В чем-то не будничном, не регулярном, что внезапно и доказательно отразило бы переполненность взбудораженной души и счастливое ощущение бескорыстнейшей сопричастности к великому событию дня».

Известный поэт Александр Яшин прислал поздравления Юре, назвав его земляком, потом, узнав биографию в «Литературной газете», он написал: «Сначала мне показалось, что Гагарин Юрий Алексеевич — мой земляк: у нас в Вологде очень много Гагариных. Оказалось, что он из Гжатска.

Все равно земляк, навеки родной всем нам человек, человек Земли, брат всему человечеству».

Илья Григорьевич Эренбург о полете человека в космическое пространство узнал, находясь за рубежом. Взволнованный

этим известием, он прислал в «Литературную газету» телеграмму: «Обидно, что мы так часто употребляли большие слова, а теперь вот не сразу подберешь подходящие выражения для того, чтобы сказать о значении первого полета в космос, полета Юрия Гагарина».

Эммануил Казакевич в своей статье пишет: «Как я радуюсь сегодня, что принадлежу к роду человеческому, народу советскому и единомышленникам Ленина, что я воевал в рядах армии, в которой служит майор Гагарин».

Писатели, чтобы выразить свои чувства, обращаются к высокому стилю, образному выражению, художественной патетике.

«...Я открываю грудь навстречу ветру,— писал Чингиз Айтматов,— и он уносит мои горячие, сказанные от чистого сердца слова: да будет благословен во веки веков миг, когда ты, человек, вернулся из космоса победителем!»

Мариэтта Шагинян писала: «Очень высоко значение нашей научной и технической победы. Но вот этот духовный багаж, с каким вылетел в космос советский майор Гагарин, мужество и престиж советского характера, вызвавшие в ответ в миллионах человеческих сердец благородные и добрые чувства гордости за человека,— вот это ярче всяких слов говорит о нравственной силе советского строя...»

Небо, приковавшее внимание писателей, стало не только предметом восхищения, но объектом исследования. Укротив порыв восхищения и поклонения, писатели задумались над безбрежным пространством, имеющим свою научную и практическую ценность. Писатели напоминали слова Федора Достоевского о том, что если дать русскому мальчику карту звездного неба, то на другой день он вернет ее исправленной. Небо становилось рабочей площадкой.

«...Наша жизнь,— писал Александр Борщаговский,— дает нам много поводов для радостного удивления. Но она же требует от нас и другого — мысли, глубокого размышления над подвигом народа и собственной жизнью. А в такой день, как нынешний, мысль работает с особой беспощадной остротой и отчетливостью...»

Буквально в одночасье Калуга и Гжатск стали литературной Меккой. Молодая поэтесса Нина Бялосинская написала удивительно точные и волнующие строки:

Мне друзья твердили и подруги:
— Ты в Калуге осторожной будь,
потому те улицы Калуги
прямо переходят в Млечный Путь.
Я друзьям ответила:
— А мне бы,
мне б в Калуге не пришлось тужить:
там, где люди поднимают небо,
звезды людям
помогают жить.

Обо всем этом я пишу не случайно. Восторженное отношение писателей к полету Юры, тот огромный интерес, который они проявляли к его личности, необычайно заинтересовали Юру. Он хорошо понимал, что внимание писателей к космосу может быть настоящим и всеохватывающим лишь тогда, когда все это значительно и глубоко научно. Свой полет он не считал личностным подвигом, он справедливо говорил, что полет ознаменовал качественный скачок науки, что это коллективный подвиг страны, народа, ученых, Сергея Павловича Королева, а он, Гагарин, лишь исполнитель их замысла.

В подборе прозаических материалов для сборника составитель стремился соединить жизненный путь космонавта и авторов, привлечь читателей популярностью писательских имен. Многие авторы хорошо знали первого космонавта, неоднократно с ним встречались и сохранили в своих произведениях то волнующее чувство дружеской интимности, доверительной интонации, которые навеваются не профессиональной зримостью, а личной погруженностью в душевный мир своего героя.

В сборнике, в комментарии прозаика Евгении Малаховской, представлена непроизнесенная речь Юрия Алексеевича Гагарина. О своей профессии, об опыте советской космонавтики, о международном значении планетных исследований первый космонавт планеты хотел рассказать с трибуны Организации Объединенных Наций. Однако замыслу Гагарина не суждено было сбыться. С какой удивительной романтикой, возвышенно говорит космонавт о профессии, ее предназначении в познании природы, изучении окружающего мира, о беспредельном прогрессе человечества; «необходимо, чтобы профессия космонавта была мирной профессией и результаты исследований, проводимых в каждом космическом полете, использовались для процветания жизни». С такими словами Юрий Алексеевич хотел обратиться к слушателям авторитетного международного форума.

О своем друге, человеке, которому был доверен партией и народом первый полет в космическое пространство, пишут Герман Титов, соратник и сотоварищ по трудной космической одиссее, сила воли и мужество которого чрезвычайно импонировали Юрию Гагарину; Георгий Береговой, храбрый военный летчик, бесстрашие которого стало легендой, человек, научивший «Союзы» летать. Корректно и скупо передают они события и дела прошлого, повествуют о скромной и напряженной жизни своего наставника, о пленительной широте русского характера Юрия Гагарина.

Для всех нас свидетельства соратников первого космонавта приобретают особую ценность и значимость сейчас, но с годами их документальная, подлинная и эстетическая роль возрастет особо. Передать потомкам душевную щедрость Юрия

Гагарина, его подлинную красоту настоящего человека, его беззаветную храбрость и возвышенный героизм — задача в высшей степени ответственная и почетная.

О Юрии Алексеевиче написано очень много и, думаю, будет написано еще больше. С годами, когда документально-фактический запас возрастет, новому поколению писателей легче будет обращаться к беллетристике, широкому обобщению эпохи шестидесятых годов, более выпукло рассмотреть личность первого космонавта, людей, подчинивших себя общечеловеческим идеям познания космоса.

Чтобы лучше выразить себя, новую для землян профессию — космонавт, группа энтузиастов-испытателей обратилась к литературе. Космонавты не изменяли своей профессии, постигали новую, по их заявлениям, не очень легкую. Они стали журналистами, писателями, литераторами.

Ныне многие летчики-космонавты имеют свои книги, стали членами Союза писателей и членами Союза журналистов.

В книге публикуются материалы о многих космонавтах нашей страны, но и в них четко проглядываются образ и мысли Юрия Гагарина, первого наставника бесстрашных покорителей Вселенной.

И составитель и авторы, выстраивая книгу, не скрывали своей тенденциозности, симпатии к герою, чей подвиг послужил причиной выхода данного сборника. Не возвеличивая личного подвига Юрия Гагарина, не впадая в нескромную крайность, создатели книги шли строго выверенным курсом нравственной концепционности, диалектически верно показывая время, родившее когорту славных сынов и дочерей Родины.

Тематически книга необычайно широка. Авторы уделили достаточно внимания ученым, конструкторам, инженерам, коллективам, в которых формировались, росли и работали Главный конструктор, Главный теоретик, Первый космонавт.

Мне вспоминается такой случай. По просьбе редакции одного из журналов перед сотрудниками выступил летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза, начальник Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина генерал-лейтенант авиации Георгий Тимофеевич Береговой.

Все, что говорил генерал Береговой, выслушивалось с огромным вниманием. Он не стремился монополизировать тему беседы, не подавлял присутствующих своей эрудицией, не вещал бесспорные истины. Он рассуждал вслух, призывал к беседе других, уважительно вслушивался в мнение собеседников, всем своим видом как бы утверждал мысль: космос — дело всего человечества, а не избранной элиты.

Кажется, еще совсем недавно в научной и художественно-фантастической литературе шли жаркие дебаты: можно ли вообще жить и работать в космосе? А сейчас планетяне не удивляются тому, что на орбите экипаж работает месяцы.

Путь в космос был труден: от 108 минут к суткам, от суток к неделям, от недель к месяцам. Сейчас советские экипажи работают на орбите и квартал, и полугодие, и совсем скоро будут работать еще больше.

Пока предела нет.

— Мне хотелось бы напомнить слова нашего дорогого Сергея Павловича Королева,— продолжал свою мысль космонавт Береговой,— опубликованные им в ноябре 1960 года в газете «Правда». Тогда, в те уже далекие годы начала космонавтики, он сказал, что в настоящее время имеются условия, необходимые для того, чтобы советский исследователь мог совершить космический полет.

Сенсация! Нонсенс!

И ниже вполне серьезно и обоснованно Сергей Павлович писал, что полет человека в космос откроет новые, невиданные перспективы развития науки. За первыми полетами последует создание постоянной орбитальной обитаемой станции, сотрудники которой будут вести разносторонние наблюдения, проводить опыты на высоте сотен километров. Космические корабли будут совершать регулярные рейсы с Земли на станцию и обратно.— Георгий Тимофеевич посмотрел на присутствующих, наблюдая, какую реакцию у них вызвали слова С. П. Королева.

Да, он предрек такой путь развития, он своим трудом предопределил движение космонавтики по этому руслу.

Тогда статья вызвала в мировой прессе активные отклики. Писали, базируясь на собственных знаниях, всякие небылицы. Несокрушимая твердость научного предвидения «Профессора К. Серегина», таким именем он подписал статью, породила нападки.

Враги хорошо понимали, что стоит за этими возможностями, и изо всех сил старались опорочить наши научно-технические достижения.

«Нет сомнения в том,— писал в заключении статьи Сергей Павлович Королев,— что не за горами и то время, когда могучие космические корабли весом во много десятков тонн, оснащенные всевозможной научной аппаратурой, с многочисленным экипажем, покинут Землю и, подобно древним аргонавтам, отправятся в далекий путь. Они отправятся в заоблачное путешествие, в многолетний космический рейс к Марсу, Венере и другим далеким мирам. Можно надеяться, что в этом благородном, исполинском деле будет все более расширяться международное сотрудничество ученых, проникнутых желанием трудиться на благо человечества, во имя мира и прогресса».

— Сергей Павлович оказался победителем,— сказал Георгий Тимофеевич,— программа «Интеркосмос» успешно выполняется. Космонавты многих социалистических стран уже побывали в космосе, и в ближайшее время предстоит слетать другим. Ведущая роль в этой важной работе отведена Звездному городку, в котором располагается Центр подготовки космонавтов. Всем сотрудникам Центра — ученым, космонавтам, инженерам, медикам — пришлось много сделать, чтобы успешно выполнить поставленные задачи...

Какая историческая точность, какое высокое благородство!

Не оставили без внимания авторы сборника ни одну из сторон жизни и деятельности космонавтов. С глубиной, достойной похвалы, авторы рассматривают роль семьи в утверждении личности космонавта, влияние здоровой нравственной атмосферы семейного содружества на выполнение ответственных задач научных исследований в космосе. О жене, детях нередко пишут поверхностно, торопливо, обижая их, принижая их роль. Причину этого я вижу не в позиции авторов, а в слабой их информированности, в деликатности темы, в литературной осторожности.

Повесть «Жена» обладает многими достоинствами, смело и оригинально ставит проблемы межличностных отношений.

В нашей литературе создано несколько отдельных произведений о женщине-труженице, женщине-подруге, женщине-матери. Новая повесть объединяет все эти три важнейших предназначения женщины. Оля, героиня повести, с большим нетерпением ждет возвращения своего мужа Андрея Киброва, находящегося на околоземной орбите. Ожидания ее тревожны, но не панические. С большим достоинством она переносит многие жизненные невзгоды, выпавшие на ее долю, с самоотверженным мужеством воспринимает удары судьбы.

Хорошо известно, что невзгоды закаляют человека, но нередко они и ломают его. Возможно, они сломили бы и Олю, хрупкость и незащищенность которой являлись следствием домашнего воспитания, но рядом был человек, воспринимавший неудачи с той же закономерностью, что и успехи.

Всякая новая профессия, а космонавт пока еще является таковой, утверждается одаренными и одержимыми людьми. Андрей Кибров, с самоотверженной настойчивостью исследующий космос, оказывает на Олю самое положительное влияние.

Автор с неподдельным восхищением пишет портрет Оли— жены космонавта Киброва, пишет ее реалистично, в трудных буднях, сложных противоречиях, хочет показать ее обыкновенной женой, но она в силу выстроенности литературного материала становится подлинной героиней книги, идеальным спутником летчика, а позднее космонавта.

В том, что Кибров успешно выполняет очередной полет в космическое пространство, значительная заслуга его жены.

В данном случае автор преодолел недостаток, присущий многим аналогичным изданиям, и преуспел в этом. Более того, своим разведывательским вторжением в тему он расчищает дорогу другим авторам, прокладывает путь к новым вершинам эстетического отображения жизни.

Скупо, но очень точно в сборник внедрена, как перламутровая инкрустация, поэзия.

Составитель духовность героя хотел объединить земляческим родством автора, ведь Александр Твардовский — земляк космонавта, трогательно принявший весть о полете Гагарина и тяжело перенесший его гибель.

Сборник насыщен информацией, важными сообщениями, научными прогнозами. Всем этим интересным материалам придана соответствующая литературная форма.

Марина Попович, известный литератор, бесстрашный летчик-испытатель, с глубокой психологической достоверностью в интимной исповедальной форме повествует о женах космонавтов и наших славных девушках, чьи имена в силу ряда обстоятельств так и остались неизвестными истории, которые неутомимо готовились к стартам в космическое пространство. К покорению безмерного пространства. Годы ежедневных тренировок, постоянных постижений новых сведений о космосе, науки, расширяющие представление о Вселенной и позволяющие извлечь общечеловеческую выгоду. Вслед за Валентиной Гагариной в нашей литературе появились интересные записки Марины Попович о духовном мире неутомимых помощниц мужей.

Огромен, неутолим интерес людей Земли к Юрию Гагарину. О нем написаны тысячи произведений, сложены песни и поэмы, сняты фильмы, однако короткая и яркая жизнь первого космонавта планеты по-прежнему волнует и интересует граждан Земли. С того памятного дня — 12 апреля 1961 года — прошло более двадцати лет.

Рассказать о первом космонавте, поведать правду о том времени, передать потомкам все душевное богатство Юрия Гагарина — почетная и благодарная задача его коллег, товарищей по работе, писателей и журналистов.

«Всех, кто близко знал Юрия Гагарина,— говорил Алексей Архипович Леонов,— работал с ним, с годами будет объединять не только чувство естественной гордости и благодарности судьбе, но чувство возрастающей ответственности за каждое слово о нем».

О Юрии Гагарине писали и будут писать. Это право каждого человека. У каждого времени свое отношение к подвигу Гагарина, у каждого поколения свои критерии ценностей.

Хроника — литературно-беллетристический жанр. Основные, подлинные события, осмысленные писателями, перерабо-

танные и составленные методом наложения, выстраиваются в хронологической последовательности, отражая развитие характера героя, движение его души.

Наряду с известными фактами из биографии первого космонавта автор, прослеживая его жизненный путь, приводит много нового, взятого из бесед, почерпнутого из документов, характеристик, отзывов, высказываний. Выстраивая материал день за днем, автор стремился показать те изменения, которые происходили в Гагарине, ответить на вопросы гагаринского феномена, чуда, давшего стремительный взлет нравственно-эстетических достоинств космонавта. Проделана большая работа. Познавая жизнь Юрия Гагарина, М. Александров стремился не отвергнуть сделанное в этой области до него, а обогатить, типизировать основные черты гагаринского характера, сохранив неповторимую индивидуальность героя.

Работа эта сложная и ответственная. Потомки, обращаясь к образу Гагарина, должны будут найти в хронике подлинное отображение времени, людей, событий, проникнуться уважением к этой эпохе, найти ответы на интересующие их вопросы.

Автору удалось подняться над мелочностью, сенсационностью и броскостью фактов, создать целостный и содержательный рассказ о жизни первого космонавта. Хроника не разнится с другими материалами книги, очень веско и своевременно дополняет, вносит в содержание выверенную хронологическую направленность.

Сборник дает емкое и глубокое представление о жизни и работе космонавтов, о славном для нашей Земли Звездном городке.

Образ Юрия Алексеевича Гагарина стал литературным, олицетворяющим целое поколение советских людей, символом бесстрашных покорителей Вселенной. Эстетическое значение подвига его давно перешло границы нашей Родины. Его имя знают во всех странах нашей планеты, о нем пишут писатели всех стран.

Известный английский писатель Артур Кларк однажды сказал: «С того мгновения, как запустили ваш (советский.— *Ю. В.*) первый спутник, человечество навсегда повенчалось с космосом».

С того самого времени в творчество многих писателей вошла тема космоса. Индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас в год полета Юрия Алексеевича Гагарина в космос написал книгу «Пока мы не достигнем звезд», посвященную первому космонавту. Он писал:

«Понятие героя-сверхчеловека — Прометей, принесший людям огонь, Колосс, перешагнувший через пролив в то время, как корабли с поднятыми парусами проплывали между его

ног, огромный, широкоплечий Улисс, сразившийся со стихией, и необыкновенно сильный Геркулес, раздвинувший своими руками две горы,— принадлежит к области мифологии и фантастики.

В реальной жизни герой — это голубоглазый молодой паренек с открытым взглядом, ростом шесть футов.

Томас Карлейль, английский историк XIX века, в своей книге «Герои и их культ» вывел шесть типов героев: герой-маг, герой-пророк, герой-поэт, герой-жрец, герой-царь и герой-ученый. Но он не знал и не мог себе в то время представить, что мир со временем узнает героев нового типа.

Гагарин внес сегодня в устаревший список Карлейля понятие об этом новом для всего мира типе героя. Герой — простой человек. И действительно, Гагарин не является чем-то необычным».

Как справедливы были слова обращения Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР: «Первый полет человека в космос станет источником нового вдохновения и дерзаний... во имя дальнейшего прогресса и мира во всем мире».

Наша партия придавала и придает большое значение искусству слова, делает все для повышения роли литературы в жизни советского человека.

«И снова мысль возвращается к ленинским словам о задачах партийной публицистики,— говорил Л. И. Брежнев в своей речи при вручении ему Ленинской премии,— писать о современности так, чтобы пером своим приносить посильную помощь практическому делу нашей партии, нашего народа. Это ведь и теперь главная задача нашей публицистики, нашей массовой пропаганды, всей идейно-воспитательной работы партии. А в более широком плане — и нашей художественной литературы и искусства вообще».

Приветствуя отважных советских космонавтов Владимира Ляхова и Валерия Рюмина, совершивших 175-суточный орбитальный полет в космическое пространство, Леонид Ильич Брежнев сказал:

«Как бы порадовались этому замечательному достижению советской науки, советской техники, мастерства и мужества советских людей Сергей Павлович Королев и Юрий Алексеевич Гагарин, будь они сегодня среди нас! Ведь полет Ляхова и Рюмина — блестящее продолжение дела, которому отдали свою жизнь эти великие пионеры космоса».

В этих словах выражена программа для советских писателей, способных в художественных образах запечатлеть великие достижения нашей страны в исследовании Вселенной.

Но время неумолимо движется вперед.

Взят рубеж 185 суток внеземного пребывания.

Успешно завершена программа «Интеркосмос».

В этом смысле успехи советской космонавтики, отображенные в художественной литературе, правдивый и реалистический показ человека, находящегося на передовой линии науки, познающего тайны Вселенной, создающего концепцию происхождения жизни на Земле (и возможно, во Вселенной), несомненно заинтересуют читателя.

Советские писатели вооружены решением исторического XXVI съезда КПСС. В своем замечательном докладе Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к мастерам советской социалистической культуры, сказал:

«В творчестве наших мастеров по-прежнему звучат высокие революционные мотивы. Образы Маркса, Энгельса, Ленина, многих пламенных революционеров, героическая история Родины вдохновляют их на создание новых интересных работ в самых различных видах искусства. Работы авторов, верных военной теме, учат любви к Родине, стойкости в испытаниях.

Бесспорны успехи творческих работников в создании ярких образов наших современников. Они волнуют людей, вызывают споры, заставляют задумываться о настоящем и будущем. Партия приветствует свойственные лучшим произведениям гражданский пафос, непримиримость к недостаткам, активное вмешательство искусства в решение проблем, которыми живет наше общество. Помните, как писал Маяковский: «Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год». И нас радует, что в последние годы в литературе, кино и театре поднимались такие серьезные проблемы, над которыми действительно не мешало бы «попотеть» Госплану. Да и не только ему...

Товарищи! Советский человек — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист. Он воспитан партией, героической историей страны, всем нашим строем. Он живет полнокровной жизнью созидателя нового мира».

У каждого советского писателя есть свой писательский план. Есть в этих планах замыслы о новых книгах, посвященных космонавтам.

Отмечая растущую творческую активность советских литераторов, первый секретарь правления Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков сказал на XXVI съезде КПСС: «Истекшее пятилетие отличалось широким и смелым выходом литературы и искусства к темам и проблемам, связанным с художественным осмыслением самоотверженного труда советского народа, претворяющего в жизнь грандиозные планы партии по строительству коммунизма. В эти годы появились зна-

чительные и яркие произведения о наших современниках, о людях, которые трудятся на самых передовых рубежах коммунистического созидания. Это неоспоримо подтверждает, что художественная мысль страны не отстает от времени, а, может, порой и опережает его, заглядывает в будущее. И это очень хорошо, товарищи!»

Разумеется, всякие новые планы всегда более масштабны, более грандиозны, чем предыдущие. На успешное выполнение их потребуются немалые силы умственного и физического напряжения, собранности и организованности, но осознание того, что в каждом произведении, отражающем жизнь современного общества, нуждаются советские люди, вдохновляет литераторов.

Космос — безграничен в творческом поиске, как безграничны его границы.

Человек открыл путь в космос совсем недавно, и многие думали тогда, что космические полеты еще долгие десятилетия останутся лишь испытанием воли и мужества людей, символом научно-технических возможностей человечества. Но за короткий срок была убедительно доказана огромная практическая ценность космонавтики.

Теперь трудно назвать такую отрасль науки, техники или народного хозяйства, которая в той или иной степени не испытала бы на себе благотворного влияния космических исследований. И можно с уверенностью сказать, что полезная отдача от освоения околоземного пространства в перспективе будет возрастать.

В мировой культуре есть имена, которые характеризуют целую эпоху, начало нового направления, поворот к выдающимся явлениям. К ним с полным основанием можно отнести и имя Юрия Алексеевича Гагарина, совершившего первым в мире полет в космическое пространство.

Имя Гагарина стало символом самых светлых и радостных помыслов человечества.

Подвиг его не только в том бесстрашии и самоотверженности, с которыми он пошел на штурм Вселенной, а еще и в том, что он изменил природу подвига, расширил и наше представление о прекрасном, возвысил человека до высокого горьковского звучания.

С годами подвиг Юрия Алексеевича станет еще более величественным и монументальным.

Любовь людей к Юрию Алексеевичу беспредельна. Он воплотил их мечты в жизнь, фантастику превратил в реальность.

В короткой повести Анатолия Варфоломеева «Анатомия

Вселенной» рассказывается о трех годах жизни Юрия Алексеевича Гагарина. Три года, разумеется, срок короткий. Писатель вправе брать из жизни своего героя любой временной отрезок. Ограничивая себя во времени, автор создает для себя дополнительные трудности. Так, думаю, случилось и на сей раз. Но тем не менее автору удалось показать главные достоинства своего героя: самобытность, оптимизм, беззаветную любовь к Родине, гибкий ум, трудолюбие, простоту и скромность.

Герой Варфоломеева — не супермен, обыкновенный человек, но благодаря сочетанию в нем лучших качеств он становится первым кандидатом на полет.

Повесть содержит много достоинств, и, думаю, включение ее в сборник закономерно.

Александр Митрошенков представлен в сборнике документальной повестью «Алмазные тайны Вселенной». Свою работу он посвящает летчику-космонавту СССР Алексею Архиповичу Леонову.

В нашей литературе образ А. Леонова представлен не так широко. Вероятно, потому, что он пишет сам. У него хорошая проза, удачные литературные композиции, его книги, оформленные им же, мгновенно раскупаются в магазинах.

А. Леонов относится к первому набору космонавтов. Он сам оказал немалое влияние на формирование личности Юрия Гагарина и почерпнул от него многое. Образ Леонова для литературного изложения труден. В свое время, говоря об этапах освоения космоса, Сергей Павлович Королев сказал: «Полет Юрия Гагарина открыл эпоху космической навигации. А эпоха работы человека в свободном космосе началась в... 1965 году, в тот мартовский день, когда Алексей Леонов шагнул из шлюза в открытое пространство и свободно поплыл в нем.

Перед экипажем корабля «Восход-2» была поставлена труднейшая, качественно иная, чем в предыдущих полетах, задача. От ее успешного решения зависело дальнейшее развитие космонавтики, пожалуй, не в меньшей степени, чем от успеха первого космического полета».

На долю Алексея Архиповича выпало немало жизненных испытаний, которые он прошел с достоинством.

Леонов не только обладает огромными профессиональными знаниями, но он и незаурядный художник, автор почти двухсот полотен.

Александр Немов все это и другие увиденные им качества подает в повести в логической взаимосвязи характера и поведения. В Леонове живет художник большого дарования, что позволяет ему видеть мир лучше, глубже, тоньше.

«Я бы отметил основную черту Леонова — живость ума. Это первое. Второе — хорошее усвоение им технических зна-

ний. Третье — прекрасный характер. Он художник, сам рисует, очень общительный, очень, по-моему, добрый и располагающий к себе человек. Смелый летчик. Он технически прекрасно владеет современными реактивными истребителями. Мне кажется, что этот человек заслуживает самого большого доверия».

Эти слова принадлежат С. П. Королеву.

19 марта 1965 года через 26 часов 2 минуты после запуска на 18 витке на корабле «Восход-2» отказала автоматика. Спокойный, но напряженный голос командира Павла Ивановича Беляева донес на Землю тревогу: «Тормозная установка не сработала».

Померкла радость ожидания. Все присутствующие ошеломленно смотрели на динамик, принесший эту весть: они хорошо понимали, что могло произойти сейчас.

— Паша, валяй вручную.— Это был голос Юрия Гагарина. Беляев берет управление на себя и направляет корабль к Земле.

Алексей Леонов выписан выпукло, психологически верно, литературно тонко.

Создание образа Леонова — большая удача автора.

Издание сборника «Сын Земли» — первая, робкая, но серьезная проба литературных сил. За ней, если мы хотим достойно отразить нашу эпоху, время, должны последовать новые работы.

Документальные произведения могут живо, достоверно передать факты, события, явления, но передать психологическое состояние героев может только художественная литература. Это ее стратегическое предназначение, это ее главное направление.

Вырос отряд космонавтов, увеличилось и количество писателей, работающих над космической темой. Теперь, когда накоплен огромный фактический материал, созданы реальные возможности для углубленного, эстетического отражения эпохи пилотируемой техники.

За последние годы значительно вырос багаж космических исследований, но подлинно научные и народнохозяйственные планы по-прежнему обширны. Впереди — бескрайние просторы Солнечной системы, необозримые просторы дальнего космоса. Уже современный уровень развития ракетно-космической техники позволяет основным объектом исследования на ближайшее десятилетие сделать Солнечную систему.

Ныне космос привлек значительные научные и инженерные силы, но с каждым годом будет возрастать и число врачей, биологов, занимающихся космосом.

Уже в ближайшие годы начнутся грандиозные медико-биологические исследования в космосе, более углубленное познание процессов и фактов, влияющих на живые организмы.

Недалеко то время, когда в бескрайние просторы Млечного Пути отправятся корабли в поисках внеземных цивилизаций. Наука пока не располагает фактами их существования, но литература давно исследовала пути содружества цивилизаций.

Но какие бы грандиозные задачи ни решала наука, у литературы останутся свои высоты, она будет исследовать человека во всех его проявлениях, в полете, на Земле, Венере или Меркурии, в других галактиках. Футурологи, прогнозируя картины будущего, предсказывают в начале будущего века установление связи и даже обмен информацией с развитыми внеземными цивилизациями. В XXI веке предполагается полет к Звездным системам, рассчитанный на несколько поколений людей.

Какой простор писательской фантазии.

Ученые предполагают в XXI веке увеличить продолжительность жизни человека в 2—3 раза, создать искусственную жизнь... Но это далекая перспектива.

Советские писатели живут проблемами своего народа. «Космические полеты международных социалистических экипажей в рамках программы «Интеркосмос»,— говорил Л. И. Брежнев,— в немалой мере демонстрируют собой прогресс, достигнутый нашим социалистическим содружеством в ведущих областях науки и техники. Они добывают знания, идущие на пользу всему человечеству».

Но надо хорошо помнить, что на пути мира и прогресса, разрядки и дружбы много препятствий, много врагов. Выступая на торжественном открытии мемориального комплекса в городе-герое Киеве, Л. И. Брежнев сказал:

«Двадцать миллионов своих сынов и дочерей потеряла Родина-мать. Они могли стать героями труда на заводах и полях, инженерами или учеными, поэтами или покорителями космоса, словом, строителями большого счастья людей. Но судьба распорядилась иначе. Им выпало во имя счастья советских людей отдать свою жизнь. И они отдали ее. Отдали, чтобы их товарищи, их дети и внуки могли совершить задуманное, чтобы люди жили в мире».

Трудная профессия у космонавтов, но их труд служит прогрессу человечества. Волю, упорство, беззаветную преданность они посвящают своему народу.

Мы всегда будем помнить, что Советскому Союзу принадлежит приоритет в познании Вселенной. Мы первыми запустили искусственный спутник Земли, первым человеком, который поднялся над планетой, был советский человек — наш дорогой Юрий Алексеевич Гагарин, первые групповые полеты в космос совершили советские космонавты, первой побывала в космосе советская женщина Валентина Владимировна Терешкова, пер-

вый выход в открытый космос совершил советский гражданин Алексей Архипович Леонов.

Мы всегда будем гордиться тем, что были современниками первого космонавта планеты. Очень точно по этому поводу сказал поэт Владимир Туркин:

Да, это верно — не забудем
Ни малой мелочи о нем.
И жизнь его изучат люди
Всю — год за годом, день за днем.

Он вровень встал с грядущим веком,
Но скорбь лишь глубже оттого,
Что до бессмертья своего
И он был смертным человеком.

Весной 1968 года первый космонавт нашей планеты Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин должен был выступить с докладом на конференции ООН по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях.

Он хотел рассказать о новой профессии человечества — космонавт и тех больших задачах, которые должна в интересах современной цивилизации решать космонавтика.

Авиационная катастрофа, в которой оборвалась жизнь Юрия Гагарина, помешала осуществить замысел...

Ю·ГАГАРИН

О профессиональной деятельности космонавта

Человеку от природы свойственно стремление к изучению всего нового, неизвестного, непреодолимая жажда к познанию окружающего мира. В этом — залог непрерывного, беспредельного прогресса человечества.

Во все концы Земли идут экспедиции. Ученые ищут, находят и вновь ищут, исследуют неведомое, чтобы отдать его людям. Беспокойное племя пионеров-первооткрывателей обходит сушу, бороздит океан, опускается на дно моря и взлетает в заоблачные дали.

Наш замечательный соотечественник К. Э. Циолковский еще полстолетия назад утверждал: «Планета — есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели... Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Сейчас мы являемся свидетелями того, как сбываются пророческие слова.

Бурное развитие науки и техники в последние десятилетия

сделало возможным выведение на околоземную орбиту первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 года. В 1961 году человек сделал первый шаг из своей «колыбели» в бескрайние просторы Вселенной... А спустя четыре года он впервые вышел за порог космического корабля и взглянул на Землю, так сказать, со стороны, через тонкое остекление скафандра.

Так началась космическая эра человечества, началось освоение космоса, началось становление новой профессии — космонавт.

Сейчас вокруг нашей планеты вращаются по своим орбитам многие сотни сложных и умных автоматов. Они помогают изучать строение Земли, предсказывать погоду, водить суда, осуществлять беспроволочную связь между самыми отдаленными точками Земли и многое другое. И все же, несмотря на огромное значение автоматических орбитальных и межпланетных станций, решающее слово останется за человеком.

Любой, даже самый совершенный автомат работает по заранее определенным программам. Человек же может в ходе работы изменить программу в соответствии со сложившейся обстановкой, отметить в окружающем такие тонкости, такие нюансы, которые недоступны автоматическим системам. Трудно также переоценить значение личных впечатлений, личного восприятия, пусть даже не всегда точного, но зато эмоционально окрашенного, что подчас гораздо важнее строгих сухих данных, зафиксированных машиной. Ведь недаром говорится: лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что спор между автоматом и человеком решен в пользу человека. Автомат — слуга, помощник, без него подчас не обойтись, но место человека в космическом полете будущего утверждено.

Однако это вовсе не означает, что в космический полет может пойти любой изъявивший такое желание. И дело даже не только в хорошем здоровье. Современная техника предъявляет к человеку, который ею управляет, довольно жесткие требования. Тем более это относится к космическому кораблю. И если летчиком, который выполняет полеты в пределах нижних слоев атмосферы, обычно не выше 20—25 км, может стать далеко не всякий, то понятно, почему космический полет сегодня остается привилегией людей, прошедших весьма строгий отбор и длительную специальную подготовку.

Космонавт — это человек, деятельность которого протекает в необычных условиях, оказывающих на его организм сильное воздействие, нередко близкое к предельно переносимым.

Учитывая, что в настоящее время численность экипажа космического корабля вынужденно ограничена, а космический

полет является сложным научно-техническим экспериментом, космонавт кроме безукоризненного здоровья должен обладать еще глубокими познаниями в различных областях науки и техники, опытом и навыками исследовательской работы. Кроме того, он должен обладать высокими чисто человеческими качествами и, конечно, иметь большое желание летать в космосе.

Успех полета, являющегося завершающим этапом труда многочисленных коллективов, зависит от того, насколько космонавт подготовлен к выполнению поставленных задач. Поэтому проблема профессионального отбора и подготовки членов экипажа космических кораблей имеет огромное значение.

Следует, правда, отметить, что указанная проблема важна не только для космонавтики. В настоящее время имеется немало отраслей человеческой деятельности, которые требуют участия людей с определенными личными и профессиональными качествами. Нередко эти качества являются необходимыми для различных профессий. Естественно, что принципы и методы выявления или воспитания нужных качеств, разработанные в одной области, с успехом используются в другой.

Поскольку сама космонавтика является логическим развитием авиации, многое для отбора и подготовки космонавтов было заимствовано из авиационной практики. С другой стороны, опыт подготовки и осуществления космических полетов обогащает авиационную медицину, способствует совершенствованию профессионального отбора и подготовки летного состава, особенно летчиков гиперзвуковой и стратосферной авиации.

Научные данные, получаемые при подготовке к космическим полетам и в процессе самих полетов, дали многое для понимания реакций человека на сильные, необычные, так называемые стрессовые воздействия, позволили уточнить границы переносимости воздействий и механизмы адаптации к ним. Эти данные имеют большую ценность для общей и профессиональной медицины.

В частности, есть определенная аналогия в условиях и характере деятельности космонавтов и акванавтов — исследователей морских глубин: длительное пребывание в ограниченном пространстве кабины космического корабля или батискафа, большая эмоциональная нагрузка, искусственная атмосфера. состояние своеобразной «невесомости» при выполнении рабочих операций вне батискафа, необходимость пользования при этом специальным снаряжением и т. д. Так как освоение мирового океана, таящего в себе огромные химические, энергетические и пищевые ресурсы, имеет чрезвычайно важное значение для будущего всего человечества, опыт отбора и подготовки космо-

навтов может быть в большей степени использован в практике обеспечения подводных исследований.

Широкие горизонты, которые даже трудно себе представить, открывают космические полеты для развития многих отраслей науки. Астрономы на космических станциях получат идеальные условия для проведения своих наблюдений без помех, создаваемых земной атмосферой. Колоссальные возможности создаются в космосе для физиков, геофизиков, генетиков, биологов, ботаников и многих других представителей самых, казалось бы, земных профессий.

Конечно, космические полеты требуют немалых затрат, и было бы наивным думать, что эти затраты окупятся немедленно, сегодня же.

Как известно, открытие Колумбом Америки не обошлось без издержек для человечества. Однако не надо быть ученым-историком, чтобы осознать, что без великих географических открытий, необычно ускоривших общественный прогресс и вовлекших в его орбиту народы всех континентов, история человечества за истекшие столетия выглядела бы несравненно бледнее.

Проникновение в космос, как и другие великие дела человечества, нельзя рассматривать только сквозь призму повседневных интересов и текущей практики. Если бы люди на протяжении истории руководствовались лишь удовлетворением своих повседневных нужд, то, наверное, человечество до сих пор вело бы пещерный образ жизни.

Я уже подчеркивал, что освоение космоса требует усилий многих и многих коллективов. Несомненно, что специалисту почти любой отрасли науки и техники хотелось бы самому провести интересные, нужные и важные исследования в условиях космического пространства. Свидетельство тому — огромное число желающих стать космонавтами.

Но пока космический полет, к сожалению, удел немногих. Поэтому этим немногим нужно очень многое знать и многое уметь, чтобы сочетать в своем лице и оператора, управляющего сложной машиной, и ученого, выполняющего большой объем научных исследований и наблюдений самого разнообразного характера. И при этом космонавты, как уже говорилось, должны обладать многими специфическими качествами, чтобы сохранять высокую работоспособность в весьма сложных условиях.

Этими качествами, как правило, обладают летчики, имеющие опыт полетов на современных самолетах. В своей профессиональной деятельности летчик приобретает опыт работы в условиях, близких к условиям космического полета.

Наконец, у этой категории людей уже выработаны навыки быстрых двигательных реакций, развита способность ориенти-

ровки, умение оценить сложную обстановку полета, в ограниченное время принять обоснованное решение и быстро его реализовать.

Вот почему космонавты сейчас отбираются из летчиков. Однако даже самых лучших летчиков необходимо специально готовить к выполнению космического полета.

Подготовка космонавта в профессиональном отношении имеет несколько направлений: летная и парашютная подготовка; инженерно-техническая подготовка, специальные тренировки, медико-биологическая подготовка.

Летной подготовке уделяется большое внимание. Она позволяет сохранять хорошую форму, полеты на больших высотах знакомят космонавта с внешней обстановкой, близкой к обстановке космического полета. Выполнение высшего пилотажа позволяет готовить летчика к работе в условиях знакопеременных перегрузок и кратковременной невесомости, тренирует вестибулярный аппарат, вырабатывает навыки пространственной ориентации. Полеты в закрытой кабине и в облаках помогают выработать высокие операторские навыки, требуют умения абстрагироваться от конкретной окружающей обстановки.

В то же время маршрутные полеты дают возможность отрабатывать визуальную ориентировку по земным ориентирам. На специально оборудованном самолете-астролаборатории осваивается астронавигация, развиваются навыки ориентации по звездам и проведения астроизмерений, наблюдений и расчетов. Полеты на групповую слетанность развивают глазомер, быструю и точную реакцию на внешние возмущения, способствуют выработке навыков, необходимых для космонавтов. Так что космонавты не порывают с авиацией. Наоборот, без постоянной летной работы не может быть хорошего космонавта.

Космонавты много времени уделяют и парашютным прыжкам. Парашютная подготовка вырабатывает самообладание и дисциплинированность, устойчивость к большому нервно-эмоциональному напряжению в неожиданных или аварийных ситуациях, устойчивые навыки координированных движений в свободном падении по управлению телом, способность быстро оценивать, анализировать обстановку и отвечать на ее изменения точными координированными действиями.

Особенно необходимы прыжки с парашютом при подготовке к выходу в космос. Здесь можно привести несколько аналогий по выполнению определенных операций при выходе из космического корабля и совершении парашютного прыжка, покидание самолета (преодоление психологического барьера), свободное «плавание» в космосе — и свободное падение парашютиста, особенно в первые секунды, ориентировка в пространстве после выхода из корабля и ориентировка в свободном паде-

нии, восприятие информации, принятие логически обоснованных решений в условиях повышенных эмоциональных и физиологических нагрузок.

Инженерно-техническая подготовка космонавтов имеет свои особенности и занимает важное место в общей системе космической подготовки.

Современный космический корабль является воплощением новейших достижений науки и техники. Поэтому, чтобы изучить конструкцию корабля и его систем, космонавт участвует в макетировании и компоновке корабля, в отработке и проверке его систем в испытательных лабораториях и на стартовой позиции, в технических совещаниях при решении возникающих проблем, в составлении и отработке программы полета и полетной документации.

Для квалифицированного решения указанных вопросов космонавты изучают небесную механику, астрономию, физику верхних слоев атмосферы и космического пространства, навигацию, метеорологию, вычислительную технику, геологию, теорию автоматических систем, радиосвязь, ракетные двигатели, конструкцию космического корабля, методы проведения научных исследований в космическом пространстве и многое другое.

Отработку навыков по управлению кораблем и его системами, по работе с оборудованием и по выполнению различных операций полетного задания космонавты могут проводить только на специальной тренажной технике — в отличие от летчика, который имеет возможность обучаться пилотированию в реальном полете на самолете с двойным управлением. Поэтому космонавт перед космическим полетом выполняет много имитированных «полетов» на Земле.

Так как на одном тренажере невозможно смоделировать и воссоздать все элементы и факторы космического полета, то для тренировок создается множество различных стендов и тренажеров.

Кроме конкретных тренировок по отработке навыков в управлении и эксплуатации космического корабля и его систем на всех этапах полета, космонавты тренируются по действиям после выполнения полета, т. е. после приземления или приводнения. Для этого проводятся тренировки с использованием средств жизнеобеспечения, имеющихся у космонавтов, после посадки в различных климатогеографических зонах: в пустыне, в степи, в лесу, а также после приводнения, когда эти средства необходимо использовать на плаву.

Важным разделом профессиональной подготовки является также медико-биологическая или специальная медицинская подготовка, которая направлена на повышение функциональных возможностей организма, на улучшение переносимости

сильных и необычных факторов космического полета и тем самым на повышение работоспособности космонавта. Большую роль в этой подготовке играет занятие такими видами спорта, как гимнастика, плавание, прыжки в воду, хоккей, лыжи и т. п. Кроме того, космонавты выполняют большую программу целенаправленных физических упражнений на специальных снарядах типа батута, лопинга и других.

Космонавты проходят исследования и тренировки на центрифуге и в барокамере, выполняя при этом ряд операций по управлению кораблем и отдельными его системами при пользовании штатным снаряжением. Во время испытаний и тренировок в сурдокамере оценивается уровень работоспособности в условиях длительной изоляции от внешней среды.

В первых космических полетах советских кораблей серии «Восток» основное внимание уделялось вопросам изучения переносимости человеком условий космического полета. При этом с помощью телеметрической аппаратуры передавались параметры, характеризующие функции организма космонавта: пульс, дыхание, электрокардиограмма, энцефалограмма и другие физиологические параметры. Кроме того, космонавт субъективно оценивал свое состояние и проводил эксперименты по исследованию устойчивости вестибулярного аппарата, психофизических возможностей человека в космическом полете.

Уже в первых полетах выполнялся достаточно большой объем экспериментов научно-технического характера. К ним относились: получение данных для изучения физики земной атмосферы путем фотографирования и наблюдения горизонта Земли при различной освещенности, исследование вопросов метеорной опасности, наблюдение и фотографирование облачного покрова Земли для исследования возможности определения различных метеорологических явлений и прогнозирования их развития, исследование солнечного излучения и солнечной короны, вопросов астронавигации, развития растений в условиях невесомости.

Для выполнения даже перечисленного объема экспериментов необходимы были разносторонние и глубокие знания. Решение большего числа вопросов одному человеку было бы затруднительно, требовалось иметь на борту космического корабля нескольких членов экипажа — специалистов по различным направлениям. С этой целью в Советском Союзе был создан исследовательский многоместный корабль «Восход».

Конструкция корабля «Восход» предусматривала максимальные удобства для работы экипажа, поэтому космонавты в полете находились в удобных для работы костюмах без скафандров.

В этих условиях указанный состав экипажа обеспечил получение в одном полете значительно большего объема ин-

формации, чем это достигалось при полете одноместных кораблей.

Были получены новые данные для развития космической техники, исследовались вопросы групповой деятельности, проведены прямые медицинские наблюдения и инструментальные психофизиологические исследования деятельности человека в полете, выполнен большой объем научно-технических экспериментов в интересах геофизики, а также в целях изучения физики Солнца, структуры и свойств атмосферы и околоземного космического пространства.

Для проверки возможности проведения работ в открытом космосе был создан космический корабль «Восход-2».

На этом корабле экипаж в составе космонавтов П. И. Беляева и А. А. Леонова впервые осуществил эксперимент по выходу космонавта из корабля в космическое пространство. Результаты этого эксперимента блестяще подтвердили возможность работы человека вне корабля.

В этом же полете космонавты выполняли ряд научно-технических и медико-биологических экспериментов.

Особенностью этого полета явилось также использование системы ручного управления при спуске корабля на Землю.

В связи с дальнейшими работами по исследованию космического пространства возникали все новые и новые вопросы. Для решения их требовался принципиально новый космический корабль. Такой корабль — «Союз» — был создан в Советском Союзе. Запуск его был осуществлен 23 апреля 1967 года. Целью полета было испытание новых, существенно более сложных систем корабля и выполнение серии исследований и экспериментов. От момента старта и до заключительного этапа полет протекал успешно. Космонавт В. М. Комаров полностью выполнил программу испытательного полета и осуществил все операции по спуску парашютной системы. Конечно, любой космический полет связан с определенным риском, особенно первый испытательный полет на новом корабле. За многие достижения, способствующие прогрессу, человечеству приходится платить дорогой ценой, нередко — ценой жизни лучших своих сынов. Но движение по пути прогресса неодолимо. Эстафету научного подвига подхватывают другие и, верные памяти товарища, идут дальше. Ведь нет большего счастья, чем служить людям.

Усложнение полетов, а вместе с этим и космических кораблей потребует новых методов и тренажных средств для выработки навыков, обеспечивающих профессиональную деятельность космонавтов. Потребуются новые специалисты, обладающие новыми знаниями. Ведь вслед за освоением околоземного пространства последуют полеты человека к планетам Солнечной системы.

Осуществление длительных полетов на большие расстояния возможно только на кораблях, имеющих на борту экипаж в составе нескольких человек. В этом случае встает вопрос о разделении функций между членами экипажа и их специализации в соответствии с функциональными обязанностями в полете.

В зависимости от задач каждого полета потребуется и определенный отбор в состав экипажа соответствующих специалистов.

В нашей стране придается большое значение освоению космического пространства в целях расширения познаний о Вселенной, изучения новых закономерностей и использования их на благо человека. Люди новой на Земле профессии — космонавты — должны в значительной степени способствовать этому.

Необходимо, чтобы профессия космонавта была мирной профессией и результаты исследований, проводимых в каждом космическом полете, использовались для процветания жизни.

Я также уверен в том, что достижения в области методов подготовки космонавтов найдут полезное применение в решении аналогичных проблем в других сферах человеческой деятельности на Земле.

* * *

Прошли годы, и жизнь подтвердила правильность выводов Юрия Гагарина о новой профессии землян и главном ее предназначении: в космос — ради Земли!

«Наши успехи в освоении космоса,— говорил Л. И. Брежнев,— олицетворяют огромные социальные, экономические, культурные и научные преобразования, совершенные советским народом после Великой Октябрьской социалистической революции».

После полета Юрия Гагарина в околоземное пространство было запущено несколько тысяч летательных объектов, выполнены различные научно-испытательные работы, более чем 50-ю советскими космонавтами, 10 космонавтов побывали в космосе трижды, 15 — дважды.

На смену космическим кораблям «Восток» пришли новые, более совершенные «Восходы» и «Союзы», безупречно работало целое семейство «Салютов» — орбитальных космических станций. Станция «Салют-6», выведенная на орбиту 29 сентября 1977 года, обеспечила проведение ряда важнейших научно-практических задач. Полностью были выполнены программы пяти основных экспедиций и одиннадцати экспедиций посещения.

Как отмечалось в сообщении ТАСС, в период с марта 1978 года по май 1981 года на советских космических кораблях были осуществлены полеты девяти международных экипажей.

Для выполнения все расширяющихся программ исследований требовались не единицы, а десятки космонавтов, сотни ученых, посвятивших свой труд новому направлению науки, людей, обученных основным наукам землян и знаниям новой профессии,— покорителей Вселенной. Нужно было выработать методологию научной подготовки, создать быстроменяющуюся модель учебной программы, возвести техническую базу.

Новая для землян профессия рождалась бурно и стремительно, приобретала на наших глазах новые черты, качественно менялась, расширяя масштабность влияния на науку, жизнь, производство, оказывала влияние на все направления человеческой деятельности.

Профессия «космонавт» создала новый тип человека, она вобрала все лучшие нравственные черты народа.

С каждым годом растет число стран, начинающих осуществлять космические исследования по национальным и международным программам. Все большее число государств начинает убеждаться в экономической целесообразности практического использования космической науки и техники, особенно в таких областях, как метеорология, космическая связь и телевидение, космическая навигация морских судов.

«...Расширяя нашу деятельность по изучению космоса,— говорил Л. И. Брежнев,— мы не только закладываем основы для будущих гигантских завоеваний человечества, плодами которых воспользуются грядущие поколения, но и извлекаем непосредственную практическую пользу сегодня для населения Земли, для наших народов, для дела нашего коммунистического строительства».

Благодаря полетам спутников и орбитальных станций серии «Салют» в околоземном космосе выполнен большой комплекс геофизических, астрофизических, физико-технических и медико-биологических исследований в интересах развития фундаментальных наук и народного хозяйства.

Космические исследования, проведенные в последние годы, позволили в значительной степени расширить горизонты научного познания Вселенной, приступить к решению глобальных проблем освоения космоса, приступить к более углубленному изучению Солнечной системы, эволюции нашей Галактики.

Стремительное развитие ракетно-космической техники позволило наладить межгосударственный обмен метеорологической информацией, улучшить взаимный обмен телевизионны-

ми программами. Сосредоточить усилия национальных академий наук на важнейших фундаментальных научно-теоретических проблемах и усилении прикладного значения космических исследований.

Результаты научной космонавтики очевидны. За пять минут полета орбитальной станции можно сфотографировать миллионы квадратных километров. Реактивный самолет за это же самое время позволяет снять лишь триста квадратных километров.

Работы в космосе чрезвычайно много, и объем проблем, решаемых спутниками и орбитальными кораблями, непрерывно расширяется.

Ученые установили, что раз в одиннадцать лет и каждые 27 дней на Солнце появляются вспышки, резко увеличивается число пятен. С такой же периодичностью земная атмосфера становится то более плотной, то разреженной. Что приводит к такому изменению атмосферы Земли? Насколько значительно она изменится? Как можно измерить перепады плотности? Для ответа на эти вопросы необходимы регулярные, многолетние наблюдения.

До недавнего времени была известна точная величина земного радиуса. То значение, которым пользуются в настоящее время, недостаточно точно для современной науки. На разных материках приходится пользоваться различными величинами радиуса, причем отклонения достигают иногда 100 м. Причина столь значительных отклонений заключается в том, что геодезические работы ограничены территорией суши. Теперь земной радиус можно точно и быстро измерить из космоса.

Уникальные условия космического полета: невесомость, глубокий вакуум и низкие температуры, длительное одновременное моделирование которых в земных условиях просто невозможно,— вызвали к жизни новую отрасль науки и техники — космическое производство и технологию.

Завоевав всеобщее признание, космонавтика все эффективнее участвует в народном хозяйстве, приносит все более ощутимые результаты в экономике страны. Ныне хорошо известно, что один виток вокруг Земли метеоспутника «Метеор» выдает информации о погоде в сто раз больше, чем все десятки тысяч метеостанций за сутки работы.

Мечта Циолковского взять от космонавтики «горы хлеба» сейчас дает конкретные и ощутимые результаты.

Советские экономисты считают, что своевременные предупреждения о стихийных бедствиях сохраняют государству материальных ценностей примерно на 800 миллионов рублей в год.

Сочетание автоматических и пилотируемых аппаратов осо-

бенно эффективно при изучении Мирового океана, природных ресурсов Земли, состояния атмосферы, уровня ее загрязненности. Весьма экономически эффективно фотографирование из космоса, особенно труднодоступных районов. В настоящее время стоимость съемки поверхности Земли размером в один квадратный километр с искусственного спутника Земли в 20 раз дешевле, чем с самолета, а больших площадей — еще и в сотни раз быстрее.

Хорошо известно, что на каждого жителя современного города расходуется до 600 литров пресной воды в день. Для выпечки буханки хлеба требуется 14 литров, для производства тонны стали — 400 тысяч литров, для выращивания одной тонны зерна — один миллион литров, получения 1 тонны каучука — 2,5 миллиона...

В тех странах, которым не хватает пресной воды (к сожалению, их число быстро растет), надо строить целые предприятия для ее производства. Вот и получается — для одной промышленности (например, металлургической) нужна дополнительная промышленность (та же — «опреснительная», превращающая морскую воду в обыкновенную).

Ясно, что это дорого и невыгодно.

Недавно Организация Объединенных Наций объявила восьмидесятые годы десятилетием питьевой воды.

Пока вы читаете эти строки, на Земле не станет сотен и тысяч людей из-за того, что они пили недостаточно чистую воду: так в год умирает до девяти миллионов человек.

Недоброкачественная питьевая вода приводит к значительным заболеваниям людей.

И снова на помощь приходит космонавтика.

С помощью аппаратуры, установленной на борту летающих лабораторий, можно определить величину снежного покрова перед началом таяния снегов, а при дальнейших исследованиях оценить сток воды на больших территориях. Кроме этого можно фиксировать область выхода подземных вод на поверхность. Все это позволит если не полностью предотвратить опасность хронического водного голода, то, по крайней мере, отдалить время его наступления.

Уже давно ведется поиск новых источников продуктов питания. Ученые обратили свое внимание на океан. Именно он, по их мнению, спасет человечество. У них есть серьезные основания так думать.

Общий вес биомассы в океанах исчисляется 25-ю миллиардами тонн. Атлантический океан «по питательности» оценивается в 20 тысяч урожаев, собираемых на всей суше.

По данным ЮНЕСКО, мировой улов рыбы составляет 70 миллионов тонн в год. Прогнозы на будущее — 140 миллионов тонн в год.

Чтобы собрать такой урожай, потребуется фантастическая армия специальных морских судов. Теперь, если принять во внимание, что больше половины времени пребывания в океане им придется тратить на поиск, станет ясно, какая большая роль будет отводиться космоспутникам — промысловым разведчикам.

Проблема эта не кажется праздной, если учесть, что население Земли непрерывно растет. По данным ООН, население планеты в 2050 году составит 7,5 млрд и к 2150 году достигнет 35 млрд человек.

Большое значение в борьбе за сохранение нашей планеты придается космической информации, в системе которой фотографированию принадлежит важная роль.

Недавно получено обзорное изображение огромных территорий нашей страны (5,5 млн кв. км), разнообразных в природном и экономико-географическом отношениях. Значение этого трудно переоценить: единовременной съемкой охвачена территория, на которой сосредоточена значительная часть разведанных и потенциальных запасов ископаемых ресурсов, создаются, функционируют и развиваются мощные народнохозяйственные комплексы. Здесь — основные, наиболее ценные сельскохозяйственные угодья, более половины совхозов и колхозов страны, значительные запасы лесных ресурсов.

Полученная информация используется для поисков нефти, газа и рудных ископаемых.

Космические фотоснимки Памира, Тянь-Шаня и Кавказа используются специалистами для оценки гидроэнергетических ресурсов, определения сейсмического состояния, прогнозирования селевой и оползневой опасности, оценки запасов продуктивной влаги.

Большое значение имеет съемка районов БАМа и строительства нефтегазопроводов. Выявлены и уточнены границы мерзлоты.

Профессия космонавта непрерывно расширяется, как расширяются и задачи космонавтики. По мере развития и усложнения техники будет усложняться программа подготовки космонавтов.

Как-то, отвечая на вопросы корреспондентов о профессиях, Сергей Павлович Королев сказал: «Жить надо увлеченно, с полной отдачей делу, которому посвятил жизнь».

Только таким людям покоряется новая на земле профессия — космонавт.

Расширяя исследования космического пространства, познавая тайны Вселенной, Советский Союз закладывает фундамент для новых гигантских завоеваний человечества.

Космос обжит. В нем научились жить и работать. Регулярные рейсы по трассе Земля — космос — Земля позволят

сменять экипажи, пополнять запасы топлива и расходуемых материалов, доставлять на орбиту новые приборы и оборудование.

Словом, космос изучается, покоряется, осваивается, обживается. Во Вселенную поднимаются все новые и новые разведчики звездных трасс. Но в памяти народной вечно будет жить человек, который первым открыл дорогу в космос,— советский гражданин, коммунист Юрий Гагарин, человек, который опыт и знания советской космонавтики хотел отдать людям всей Земли.

Сейчас существует много направлений международного сотрудничества в космосе: работа по объединению межгосударственных усилий в спасении космонавтов, получение оперативной информации со спутников через наземные станции слежения и наблюдения, расположенные на всех материках земного шара, и, наконец, объединение материальных усилий для более грандиозного исследования Вселенной, окружающего нас мира, понимание космических законов, оказывающих влияние на жизнь планеты. Выявить происхождение Солнечной системы в целом: как и когда возникла вокруг Солнца наша система планет, как она эволюционировала и какой она станет в будущем? И, самое главное, на примере, скажем, Венеры, Марса мы можем лучше понять структуру и эволюцию «колыбели человечества». Уже сегодня успехи в изучении Луны и планет Солнечной системы с помощью ракетно-космической техники позволяют понять такие этапы истории Земли, которые стерты временем или погребены под более поздними отложениями.

Наблюдения с помощью телескопов, выводимых на околоземные орбиты, дадут много новой информации о самых отдаленных уголках, о самых загадочных объектах Вселенной, о тех гигантских катаклизмах, которые там происходят. Результаты, которые мы надеемся получить с помощью внеатмосферной астрономии, будут способствовать прояснению вопроса о возрасте Вселенной и выборе космологической картины мира, о состоянии вещества в молодой Вселенной.

Наука стоит сегодня на пороге новых открытий, еще более глубокого проникновения в тайны окружающего космического пространства.

Впереди новые интересные поиски. Несмотря на поистине гигантские открытия, сделанные в ходе космических исследований, самые большие все-таки впереди. Работы очень много.

Несколько лет ученые занимаются исследованием «черных дыр». Пока это тайна Вселенной. Недавно американские ученые обнаружили в центре Галактики М-87 темный объект очень высокой плотности: масса его в 5 млрд раз больше мас-

сы Солнца. Проблемами «черных дыр» сейчас занимаются ученые многих стран мира.

Ученые считают, что в ближайшие годы человечеству предстоит изучить различные области космического пространства: околоземное, Луну, планеты и межпланетное пространство.

Работая в космическом пространстве, люди должны найти ответ на такие принципиальные вопросы, как строение и эволюция Вселенной, образование Солнечной системы, происхождение и пути развития жизни.

«Есть еще одна причина,— писал летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов,— определяющая интерес землян к длительным космическим полетам: их не оставляет мечта совершить путешествие к далеким планетам, побывать на Марсе, рассмотреть вблизи кольца Сатурна, познать тайны Юпитера».

Вслед за исследованиями Луны человечество предполагает познать Марс, Венеру и, конечно, Солнце.

Сейчас ученые с уверенностью могут сказать, что на Марсе нет жизни, но, как они предполагают, она процветала в ранние периоды существования этой планеты.

«...Невозможно представить, что в бескрайней Вселенной,— сказал Георгий Тимофеевич Береговой,— мы единственные разумные существа».

Вторжение человечества в Галактику, во Вселенную несомненно ее изменит. У многих планет появятся искусственные спутники, живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных просторах Вселенной, изменять атмосферу планет. Разработан план «переделки» атмосферы Венеры. Ученые предлагают забросить в атмосферу водоросли хлореллы, которые, размножаясь, обогатят среду кислородом. Венера, открытая для человечества, долгие годы рассматривалась как идеальная обитель жизни. Автоматы, побывавшие на Венере, проложили дорогу человечеству.

Немало предстоит сделать в ходе космических исследований по изучению нашей Земли.

Надлежит ответить на нелегкие вопросы, почему движутся материки, растут горы (на один сантиметр в год), извергаются вулканы, суша уходит в воду и т. д. Будет ли на нашей планете похолодание? Изменится ли положение Земли в Галактике?

Решения XXVI съезда КПСС нацеливают на то, чтобы продолжить изучение и освоение космического пространства в интересах науки, техники и народного хозяйства.

Задачи грандиозны. Чтобы их успешно решать, целесообразно широкое международное сотрудничество.

Политика конфронтации, нагнетания международной напряженности, практикуемая ныне администрацией США, препятствует созданию атмосферы доверия между государствами, необходимой для совместного решения глобальных проблем. Сама гонка вооружений отвлекает от планируемого исследования космоса огромные средства, сужая возможности решения этих проблем, требующих значительных затрат.

СССР и США в ходе реализации ЭПАС накоплен немалый опыт. Целесообразно разумно его использовать в ходе дальнейших совместных усилий по изучению Вселенной, претворению в жизнь самых фантастических планов.

Г·БЕРЕГОВОЙ

Штрихи к портрету Первого

Это Гагарин назвал наш подмосковный городок Звездным. Теперь же действующий здесь Центр подготовки космонавтов (ЦПК) носит его имя.

На мою долю ныне выпало руководить Центром, и потому мои воспоминания о Юре носят не только глубоко личный, еще и служебный характер. У него есть чему поучиться всем, в том числе и нам, людям самой молодой для землян профессии.

Помните у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Привычка свыше нам дана, замена счастию она»? Свидетельствую: редкостное счастье первооткрывательства сопутствовало Гагарину потому, что он не любил заменителей, чурался эрзацев, был духовно застрахован от рутины, тяготеющей к бездумному повторению пройденного. Подлинность чувств, умение охватить своим пониманием действительность во всей ее неприкрытой иллюзиями сложности, противоречивости, остром сочетании света и тени, трезво оценить высоту препятствий на пути к цели, соразмерить себя, свою личность с масштабом задачи, которая встала перед этим землянином впервые в человеческой практике,— вот что сделало Ю. А. Гагарина Колумбом XX века, как аттестовал его в незабываемые дни середины апреля 1961-го тогдашний президент АН СССР академик А. Н. Несмеянов!

Для меня, как начальника Центра подготовки космонавтов, одним из наиболее значительных открытий Гагарина оказывается, пожалуй, вот эта его запись, сделанная вскоре после облета нашей «голубой планеты»:

«Соревнуясь между собой, мы видели друг в друге не конкурентов, а единомышленников, стремившихся к одной цели. Мы знали, что в первый полет выберут одного из нас. Но так же хорошо знали, что и другим найдется работа, что другие сделают больше первого, продлят и разовьют то, что начнет первый. Кто-то сделает один виток вокруг Земли, кто-то несколько витков, кто-то полетит к Луне, и все будут первыми...»

Меня в этой записи прельщает далеко не только нравственная высота, чистота естественной, как дыхание, скромности Космонавта-1, чье первенство на пути людского сообщества к

звездам навеки останется незыблемым. Выдвинутое им положение — «Все будут первыми» — ценно своей социально-психологической глубиной и профессиональной компетентностью. Оно раскрывает новаторскую сущность космонавтской профессии, в которой еще долгое время каждый стартующий с байконурского краешка Земли будет, как и сам Гагарин, первым.

Ведь как бы многочисленные зрители телевидения ни попривыкли к прямым репортажам из космоса, все, что там делают мои коллеги, остается и в обозримой перспективе будет оставаться первопроходчеством — одолением неизведанного и притаившихся нешуточных опасностей, норов которых познается и одолевается в каждом новом полете.

Истина эта чрезвычайно злободневна для всех, с кем мы в ЦПК работаем. Ибо, если для людей остальных профессий и иного жизненного положения привычка способна лишь заменять счастье, то для выходящего на космические орбиты это исключено. Если космонавт хоть на мгновение утеряет самоощущение первооткрывателя, поддавшись иллюзии привычности нашей внеземной работы, привычка может уже не заменить, а подменить счастье несчастьем. Нам никак нельзя забывать прозорливую и глубокую мысль Юрия Алексеевича: до сих пор каждый космонавт в космосе — первый! Ибо пока даже не предвидится какое-либо полетное задание, полностью похожее на уже выполненные. А любой новый нюанс в полетной программе, вводящий космонавта в сложнейшую систему «человек — корабль — Земля — космос», ставит его перед лицом множества загадок и опасностей.

Ко всему этому и сегодня надобно подходить по-гагарински. Все мы были свидетелями его необычайно мудрого и мужественного подхода к решению задачи, не имевшей себе аналогов. Но глубже многих понял и наиболее полно раскрыл сущность этого подхода, по-моему, наш тогдашний наставник Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Николай Петрович Каманин. Вот что он сказал однажды по этому поводу:

«Первый выход человека за пределы всего земного... Давайте попробуем мысленно, хоть на мгновенье, встать вместе с Гагариным на самый краешек Земли. На часах — 7.00 московского времени, на календаре 12 апреля 1961 года. До старта остается два часа. Неведомое надвигается на Гагарина неотвратимо. Но недрогнувшим, чисто по-гагарински звонко звучащим, твердым и таким задушевным голосом произносит Юра свою предстартовую речь, которой в ту же неделю суждено было обойти едва ли не все газеты мира, зазвучать на всех радиоволнах. Из почти шестисот ее слов я выделю здесь всего десять: «...и если тем не менее я решаюсь на этот полет...»

И он решился. На что? Вот это давайте и взвесим.

Homo sapiens (человек разумный) — вершина всего, что сотворила природа. Она отменно поработала над этой своей конструкцией, в результате длительной эволюции ставшей разумной — за счет самой высокой восприимчивости к окружающему. Но и это самое окружающее неплохо на Земле приспособлено к человеку. В сущности, мы с вами способны жить в мизерном диапазоне температур, в столь же узком диапазоне давлений, в условиях надежной «магнитной связи» с планетой. Наконец, в пределах строго ограниченных скоростей перемещения.

Полет, который поутру 12 апреля 1961 года предстоял Гагарину, впервые вовлекал человеческое существо за большинство этих вековечных пределов. И никакие предварительные расчеты и тренировки, откровенно говоря, очень условно приближавшие будущего космонавта к реальным космическим обстоятельствам, не давали основания с полной уверенностью сказать: как откликнется на совершенную перемену привычных условий человеческий организм? И, в первую очередь, самое таинственное в своей тонкости взаимодействие его чувств с разумом.

Но не только об этой опасности отлично знал Гагарин,— подчеркнул Николай Петрович Каманин.— Как летчик, он еще и прекрасно понимал, что летательный аппарат, у трапа которого он с нами прощался, машина ненамного более его самого приспособленная к полету за атмосферным порогом. Она, в сущности, была экспериментальной. Эта машина, его космический корабль «мог стать для космонавта и колесницей победы, и летающим саркофагом», добавлю: в котором Гагарина вполне могла подстерегать медленная и мучительнейшая смерть.

Взвесьте — легко ли под тяжестью такого знания, стоя у трапа, ведущего к самому неизведанному из неизведанного, сказать: «И... тем не менее я решаюсь...»?

А решиться надо было далеко не только на полет. Просто необходимо было вернуться, преодолев все подстерегающие опасности. Вернуться во что бы то ни стало! Ибо, погибни в тот день Гагарин, и космос оказался бы закрытым для всего человечества, во всяком случае на годы и годы. Прахом пошла бы вся работа, которую все мы вместе с ним столь неистово делали. Еще и вот что знал Юра: даже понятие, нравственно столь чистое своей самоотверженностью, «Или — пан, или пропал» он себе позволить не мог — только победить наступавшую неизвестность!

И вот тут-то его могло выручить только одно — такое самообладание, которого еще решительно никогда от Человека не требовала ни одна из возникавших дотоле задач.

Синхронно думать и действовать, во всяком случае в критических условиях, человеческое существо не способно. Чувства и разум «взять в руки» разом — это нам, людям, до утра 12 апреля 1961 года еще не удавалось. Такая закономерность существует, и она обратила на себя внимание ученых. Вот что сказал как-то на сей счет в одной из лекций «отец атомной бомбы» известный американский физик Роберт Опенгеймер:

«Когда я пишу мелом, то он составляет частицу меня самого, и я пользуюсь им, не отделяя его от моей руки. Когда же я разглядываю этот кусок мела, интересуюсь его структурой, рассматривая его под микроскопом, то этот мел становится объектом изучения. Я могу делать то или другое. Но если всерьез заняться одним, то второе исключается. Я, как и все вы, могу либо принять какое-то решение и действовать, либо я начинаю думать о побуждающих меня мотивах, о моих личных качествах, достоинствах и недостатках и пытаюсь решить, почему я поступаю так, а не иначе. Каждое из подобных действий имеет свое место в нашей жизни, но при этом совершенно ясно, что одно исключает другое».

Первым космонавтом мог стать только человек, который оказался бы способным, в отличие от всех своих собратьев по людскому роду, впервые одолеть это вековечное ограничение: или думать, или действовать. Гагарин таковым оказался! Именно это уникальное свойство его характера — ни на мгновение не зажмуриваться перед лицом острейшей опасности, именно в такие мгновения действовать, думая, — и питало его предстартовую решимость. Оно, это удивительно земное мужество, и позволило ему выполнить небывалую задачу. И подтвердило, что наш выбор, павший на Юру и предопределивший успех всего грандиозного предприятия, оказался верным.

Не нужно возражать мне, ссылаясь на аварийные ситуации, в которые попадали те же летчики-испытатели. Да, они думали и действовали одновременно, ни на мгновение не закрывая глаз, и с честью выходили победителями в единоборстве с обстоятельствами. Но там на стороне человека выступают практика, опыт, предельно развитая и обостренная интуиция. Здесь не было ни того, ни другого, ни третьего и позаимствовать было не у кого.

А теперь, опять же вместе с Гагариным, спустимся с неба на Землю. И, как и он тогда, почти с ходу окунемся в митинговый океан восторженно приветствовавших его миллионов и миллионов людей. Встанем, словно под ливень нескончаемых и нередко весьма острых вопросов на сменявших одна другую пресс-конференциях. Вступим на ковровые дорожки, стелющиеся перед фронтом нескончаемых почетных караулов и в столь же нескончаемую череду приемов на высшем и низшем

уровнях — в десятках столиц, городов и сел мира. Наконец, ощутим на ладони своей тяжесть благородных металлов и самоцветных камней наивысших из почетнейших наград самых разных стран...

И от меньшего по напору давления на одну из коварнейших людских слабостей, каким оказывается тщеславие, кружились и более зрелые головы, чем голова одного из самых молодых майоров мира. И вот уже от такого головокружения субъект, падкий на славу, дальше которой и видеть ничего не видит, весьма быстренько обживается на пьедестале почета, откуда остальное человечество видится ему приспособленным лишь для того, чтобы оттенять его исключительность. Слава представляется ему патентом на привилегии. Делать становится нечего, только принимать поклонение. Да, со славой шутки плохи! Если, столкнувшись с нею, начинаешь действовать произвольно, она тотчас и начисто отнимет у тебя возможность удерживать свои поступки на достойном человека уровне.

Юрий со славой совладал. И прежде всего потому, что не на словах, а на деле он ни на минуту не забывал, что слава Гагарина не отделима от славы Отечества, от славы советских рабочих, ученых, конструкторов, от славы Сергея Павловича Королева. И поэтому Юрий Гагарин мог и должен был принимать решения, действуя одновременно стремительно, точно и, главное, осмысленно. И не только в космической высоте, но и в зените такой славы, с которой до него никто из землян и не сталкивался...

Гагарин никогда не пользовался плодами своей грандиознейшей славы в угоду тщеславию. Была она для него не подарком судьбы, а всего скорей — тяжкой ношей. Он все время работал над тем, чтобы приводить в соответствие с этой всечеловеческой признательностью свое каждодневное поведение и работу — учебную и научную, космическую и общественную, отцовскую и ту товарищескую, которая постоянно укрепляла его человеческие связи с коллегами по самой новой на Земле профессии. И среди своих коллег — подчеркну: по обе стороны океана — Юра пользовался глубочайшей любовью и признательностью за то, что своей решимостью на первый заатмосферный полет, которую лучше всех могли оценить космонавты и астронавты, доказал, что их дело — подвластно людской выносливости».

Как бы подтверждая справедливость умозаключения Николая Петровича Каманина, сенатор США Роберт Кеннеди в телеграмме соболезнования вдове Гагарина написал так: «Он был человеком фантастического мужества, и его полет в космос показал всем нам, чего мы можем достичь в будущем. Он одинаково был героем и для русских, и для американцев и тем

узлом, который связывал обе наши нации. Мы всегда будем помнить о нем».

Так проявился и запечатлелся в памяти людской «феномен Гагарина». Но вопрос о том — что его породило? — возник перед мировым общественным мнением сразу, как только Юра победно возвратился на Землю.

При этом не обошлось без курьезов. Эмигрировавшие после Октября в Соединенные Штаты князья Гагарины решили «приобщить» его к своему княжескому роду, сделав об этом заявление для печати.

— Среди своих родственников,— заявил на первой же своей пресс-конференции для советских и иностранных журналистов Юрий Алексеевич,— никаких князей и людей «знатного рода» не знаю и никогда о них не слышал.

Так был развеян миф об аристократическом происхождении первого героя космоса.

По окончании той же пресс-конференции один из американских корреспондентов предпринял дотошную попытку — выяснить у своих советских коллег тот же вопрос в таких выражениях:

— Черт бы вас побрал! Я могу допустить, что вы рассчитали свой космический корабль и космическую орбиту. Но как вы рассчитали человека? Как рассчитали своего Колумба Вселенной? — И он стал перечислять, загибая пальцы, достоинства первого космонавта: — Красив. Умен. Мил. Обаятелен. Образован. Спортсмен. Летчик. Храбрец. Княжеская фамилия и... классическая красная биография! Как вам удалось добыть такого уникума, как Гагарин?

Это была уже более точная «пристрелка», поскольку она подводила к пониманию социальных корней характера Космонавта-1.

Конечно, его нельзя было «добыть», ибо подобный характер не мог чудесно возникнуть из ничего, равно как и сформироваться в каких-либо «оранжерейных» условиях. Его выплавила сама атмосфера нашего общества, сама история Советской страны. Попробуем же проследить — как встречи с жизненной реальностью, способность воспринимать уроки жизни и опыта людей, с которыми сводила его судьба, формировали свойства личности Юрия Гагарина, о которых так глубоко и восхищенно говорил Николай Петрович Каманин, то есть подлинную социальную родословную Космонавта-1.

Юрий Гагарин родился в семье смоленского крестьянина-бедняка Алексея Ивановича Гагарина. В селе Клушино, где жили Гагарины, отец космонавта слыл талантливым самоучкой и мастером на все руки. Вот откуда у Космонавта-1 пытливость ума, жажда знаний и мастеровитость. Дед Юрия Алексеевича (по матери) Тимофей Матвеевич Матвеев был сверлильщиком

высокой квалификации на Путиловском заводе в Петрограде. В семье Гагариных свято чтили память об этом человеке, неразрывно связанную с революционными традициями путиловцев. Именно на этой почве произрастали семена идейности Космонавта-1.

Мальчишкой столкнулся Юра со всей суровостью Великой Отечественной. И, став непосредственным свидетелем ожесточенных воздушных боев, всем своим мальчишеским существом прикипел к рыцарской доблести советских летчиков, на его глазах не уступавших родного неба врагу, даже если за это приходилось платить жизнью...

Когда фашисты захватили его родное село, Гагарин стал свидетелем подвига неизвестного летчика. Дело было так. Юрий с ребятами видел, как над селом пролетело шесть советских самолетов. Обратно же возвратилось только пять. Позже прилетел и шестой, объятый пламенем. Улица была забита фашистскими войсками, и самолет вел по ним огонь из пушек. Потом развернулся — и снова на колонну. Шум, крики, паника. А самолет уже сыплет бомбами. Наконец врезался в самую гущу фашистов. «Как Гастелло!» — вспоминал Юрий. Сгорели и машина и летчик. В селе не знали, кто был этот герой. Но память о его подвиге всю жизнь жила в сердце Гагарина.

Самолет подбили фашистские зенитчики, окопавшиеся за селом на холме. На другой день пришло возмездие. Утром прилетела пятерка штурмовиков и смешала с землей зенитную батарею вместе с орудийной прислугой. Ни один фашист не уцелел. А скоро село освободили советские войска.

Много лет спустя, в день своего торжества, Космонавту-1 посчастливилось встретиться со своим освободителем. В 1961 году приволжским военным округом командовал генерал армии Андрей Трофимович Стученко. В конце марта министр обороны СССР Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский сообщил ему, что скоро в космос полетит человек, космонавт приземлится на территории округа. Нужно организовать встречу. В Москве был составлен подробный план подготовки встречи космонавта, район приземления разбили на участки. На каждом находился круглосуточный наблюдательный пост. Каждый пост имел в своем распоряжении, кроме визуальных средств, радиолокаторы и другие технические средства наблюдения. Средства наземной разведки нужны были на тот случай, если космонавт приземлится на покрытой лесом, кустарником или болотами местности.

Для розыска приземлившегося или приводнившегося космонавта и оказания ему, если понадобится, помощи были сформированы аварийно-спасательные отряды. Они располагали самолетами, вертолетами, автомашинами высокой проходимос-

ти, лодками, конными повозками, инженерно-медицинскими группами. Больше всего было опасений, как бы космонавт не попал в болото, реку, не повис бы на дереве в лесу и вообще не угодил бы в какое-нибудь опасное место. И начались напряженные дни ожидания...

12 апреля в шесть часов утра из Москвы последовала команда: «Привести все средства встречи космонавта в «готовность номер один».

Поисково-спасательные средства были направлены в район ожидаемого приземления. Через несколько часов снова состоялся разговор с министром обороны. Родион Яковлевич Малиновский сообщил, что пуск только что произведен. В космосе офицер Советской Армии Юрий Алексеевич Гагарин. Министр просил при встрече поздравить от его имени космонавта с воинским званием «майор». Было приказано сшить ему новую форму, дать три дня отдыха, а потом направить в Москву.

В Куйбышеве все ждали появления человека из космоса. К ожидавшим присоединилась недавно прилетевшая группа, возглавляемая генералом (ныне маршалом авиации) Ф. А. Агальцовым,— ученые, конструкторы.

А в это время за деревней Смеловка, Тернского района, Саратовской области в поле работала жена лесника Анна Акимовна Тахтарова. Недалеко играла ее внучка Рита. Она-то и увидела спустившегося с парашютом космонавта в красном комбинезоне. Гагарин тоже увидел их, подошел, спросил, где находится. Скоро подоспела поисковая группа.

Гагарин обнимался с офицерами и солдатами, горячо поздравившими его, сфотографировался с ними. И происходило все это также в месте, весьма значительном для летной биографии Гагарина. Именно здесь шестью годами раньше Юрий впервые летал на самолете Саратовского аэроклуба, правда, в двести раз медленнее и в двести раз ниже, чем в тот памятный день 1961-го.

Может быть, в минуты приземления припомнился ему первый в жизни парашютный прыжок, о котором он так рассказал впоследствии: «Оттолкнулся я от шершавого борта самолета, как учили, и ринулся вниз, словно в пропасть. Дернул за кольцо. А парашют не открывается. Хочу крикнуть и не могу: воздух дыхание забивает. И рука тут невольно потянулась к кольцу запасного парашюта. Где же оно? Где? И вдруг сильный рывок. И тишина. Я плавно раскачиваюсь в небе под белым куполом основного парашюта. Он раскрылся, конечно, вовремя — это я уж слишком рано подумал о запасном. Так авиация преподала мне первый урок: находясь в воздухе, не сомневайся в технике, не принимай скоропалительных решений». Эта беспощадность и рациональность самооценок впо-

следствии неизменно сопутствовали Гагарину. Я думаю, что они в немалой степени способствовали его превращению в Космонавта-1.

Он поступил в Саратовский аэроклуб, учась в индустриальном техникуме. После третьего курса Юрий на лето пошел работать физруком в пионерский лагерь детского дома. На всю жизнь ему тогда запомнились слова завуча детского дома опытной воспитательницы Елены Алексеевны: «От дисциплины до геройства — один шаг». Вот еще одна формула, которой суждено было сопутствовать космическому формированию гагаринского характера.

Раз уж речь зашла о годах, проведенных Юрием в стенах техникума, то как тут не вспомнить об одном примечательном событии тех лет. Юра с большим увлечением занимался в физическом кружке, который вел преподаватель, высокообразованный человек Николай Иванович Москвин. Студент Гагарин взялся сделать в кружке доклад «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». «Для этого,— вспоминал он,— мне пришлось прочесть и сборник научно-фантастических произведений Константина Эдуардовича, и все книги, связанные с этим вопросом, имевшиеся в библиотеке. Циолковский перевернул мне всю душу. Это было посильнее и Жюля Верна, и Герберта Уэллса, и других научных фантастов. Все сказанное ученым подтверждалось наукой и его собственными опытами. К. Э. Циолковский писал, что за эрой самолетов винтовых придет эра самолетов реактивных. И они уже летали в нашем небе. К. Э. Циолковский писал о ракетах, и они уже бороздили стратосферу. Словом, все предвиденное гением К. Э. Циолковского сбывалось. Должна была свершиться и его мечта о полете человека в космические просторы. Свой доклад я закончил словами Константина Эдуардовича: «Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство».

12 апреля 1961 года Гагарин сделал первый шаг на этом «фантастическом» пути.

И вот самолет с возвратившимся на Землю космонавтом берет курс на Куйбышев. Здесь на аэродроме его ждали члены Военного совета Приволжского военного округа, первый секретарь Куйбышевского обкома партии А. С. Мурысев, председатель облисполкома А. М. Токарев и группа Ф. А. Агальцова.

Открылась дверь, и в проеме показался первый в мире человек, облетевший вокруг Земли космической дорогой. Гражданин Советского Союза, первооткрыватель космоса коммунист Юрий Алексеевич Гагарин. Генерал армии Андрей Трофимович Стученко сердечно обнял его и поздравил со зва-

нием майора. Все двинулись в отведенную Гагарину резиденцию на берегу великой русской реки Волги. По дороге до самого места собрались толпы людей, неизвестно откуда узнавших о прилете космонавта. Крики «ура». Возгласы счастья. Сердечные приветствия.

В задушевном разговоре космонавта с генералом армии Стученко Юрий Алексеевич и узнал, что генерал освобождал Гжатский район и в том числе родное село космонавта — Клушино.

То было в сорок третьем. События развивались так. 4 марта на город Гжатск (ныне Гагарин) наступала группа войск, основу которой составляла 29-я гвардейская стрелковая дивизия, которой и командовал генерал Стученко. Атака на фашистов в лоб успеха не принесла. Пришлось в течение второй половины дня 4 марта и в ночь на 5-е все время маневрировать, чтобы ввести фашистов в заблуждение относительно направления главного удара. В этих целях 90-й гвардейский стрелковый полк, которым командовал подполковник Марусняк, обходил противника с северо-востока, захватывая своим правым флангом село Клушино...

Восемнадцать лет спустя на волжской земле, в свой «звездный час», Гагарин наконец обнялся с одним из своих освободителей. Здесь, в Саратовском аэроклубе, и началась его летная биография, на этом пути первым его воспитателем стал летчик-инструктор Дмитрий Павлович Мартьянов. «Подлинный летчик, он просто не мог жить без крыльев — так сказал потом, годы спустя, о нем Юрий Алексеевич Гагарин.— В нем была эдакая «военная косточка», сразу отличающая строевика от гражданских людей. К высокой дисциплине и порядку Дмитрий Павлович привык с детства. Ведь свою воинскую жизнь он начал в Суворовском училище. Мы верили, что такой бывалый человек не успокоится, пока не сделает нас летчиками». Остается только добавить, что Мартьянов прибыл в аэроклуб из истребительного полка, окончив Борисоглебское училище военных летчиков, в котором в свое время учился сам Валерий Павлович Чкалов. Вот откуда берет начало «профессиональная родословная» Космонавта-1.

Мартьянов был прекрасным летчиком, но фронтового опыта не имел. Однако в аэроклубе были фронтовики. Командиром звена у Гагарина был Герой Советского Союза Сергей Иванович Сафронов. Он сражался под Сталинградом, участвовал в знаменитой битве в небе Кубани, сбивал «мессершмиттов» и «юнкерсов» на Курской дуге. Он называл курсантов молодогвардейцами, много работал с ними и так же, как Мартьянов, учил чистоте летного почерка. А начальником аэроклуба был тоже Герой Советского Союза Григорий Кириллович Денисенко. Вот истоки того летного характера, которым наделила Гагарина реально сложившаяся судьба.

Из Саратова Юрий Гагарин был направлен в группе лучших в военное училище летчиков. «Поезд приближал меня к новой мечте — стать летчиком-истребителем,— писал он в своей книге «Дорога в космос».— Ведь и Покрышкин, и Кожедуб, и Маресьев были истребителями. Я придирчиво, как бы со стороны, присматривался к своему характеру, привычкам, знаниям: смогу ли достигнуть всего того, что хочу? И сам себе отвечал: смогу!»

Юрию Гагарину предстояло учиться летать на реактивных самолетах. Это легендарное училище в свое время окончили прославленные во всем мире советские летчики Михаил Громов, Андрей Юмашев, Анатолий Серов. Сто тридцать Героев Советского Союза окончили эту школу пилотов. И среди них — пионер реактивной авиации Григорий Яковлевич Бахчиванджи, в начале 1942 года первым поднявший в небо реактивный самолет, совершивший первый полет в эру реактивных летательных аппаратов.

Учился Гагарин упорно и успешно. В ту пору лишь однажды он получил «тройку» на зачете по теории двигателя. И тут он показал характер: пять дней не выходил из училища, сидел над учебниками день и ночь. На шестой пошел пересдавать. Преподаватель был вдвойне строг. По неписаному закону, пересдающему больше четверки не ставят. Для Гагарина было сделано исключение. Он таки получил заслуженную пятерку. Итог его курсантской жизни запечатлен в документе: «Представление к присвоению звания лейтенанта курсанту Гагарину Юрию Алексеевичу. За время обучения в училище показал себя дисциплинированным, политически грамотным курсантом. Уставы Советской Армии знает и практически их выполняет. Строевая и физическая подготовка — хорошая. Теоретическая — отличная. Летную программу осваивает успешно, а приобретенные знания закрепляет прочно. Летать любит, летает смело и уверенно. Государственные экзамены по технике пилотирования и боевому применению сдал с оценкой «отлично». Материальную часть самолета эксплуатирует грамотно. Училище окончил по первому разряду. Делу Коммунистической партии Советского Союза и социалистической Родины предан».

Став офицером, летчиком-истребителем, Гагарин получил предложение ехать на юг, в хорошие благоустроенные авиационные гарнизоны. Командование училища советовало также остаться на должности летчика-инструктора. Однако Гагарин не был бы Гагариным, если бы не стал проситься туда, где всего труднее — на Север. Здесь, в небе Заполярья, Гагарин достиг высот воздушного мастерства. Здесь ему тоже было у кого учиться. Командиром подразделения, в котором служил на Севере Юрий, был Сергей Георгиевич Курзенков, Герой Советского Союза. Он воевал вместе с прославленным советским

асом Борисом Феоктистовичем Сафоновым, который одержал двадцать пять личных побед над фашистскими стервятниками и из двадцати четырех групповых воздушных боев вышел победителем. Это был первый в Великой Отечественной войне дважды Герой Советского Союза.

Небо Севера — это кузница, в которой закалялись воля, ум, стремление к цели у многих летчиков. Впервые в небо Арктики поднялся в 1914 году русский морской летчик Ян Иосифович Кагурский. Небо Севера дало первых Героев Советского Союза, спасавших челюскинцев. Небо Севера выковало Бориса Сафонова.

Гагарин стал достойным наследником славы героев-летчиков. И северяне воздали ему должное. В море Лаптевых, на островах Комсомольской Правды есть теперь мыс Гагарина, названный так картографами в 1961 году. В Баренцевом море, на Земле Франца-Иосифа ледниковый купол решением Архангельского облисполкома от 2 августа 1963 года назван именем первого космического корабля, на котором стартовал Гагарин.

Трудно переоценить роль, которую в судьбе Гагарина сыграл С. П. Королев. Сергей Павлович был крупнейшим организатором науки, выдающимся конструктором современности. Но он еще был и мечтателем особого рода — смело воплощавшим свои мечты. «С берега Вселенной, которым стала священная земля нашей Родины,— говорил Сергей Павлович,— не раз уйдут в еще не изведанные дали советские корабли, поднимаемые мощными ракетами-носителями. И каждый их полет и возвращение будут великим праздником советского народа, всего передового человечества, победой разума и прогресса!»

...Шестеро первых космонавтов прибыли на предприятие, где создавался космический корабль «Восток». Их провели в большой светлый кабинет. Здесь они встретились с С. П. Королевым.

— Сегодня знаменательный день,— сказал Сергей Павлович космонавтам.— Вы прибыли к нам, чтобы увидеть, а затем полностью освоить первый космический пилотируемый корабль. Мы же впервые принимаем у себя главных испытателей нашей пилотируемой продукции.

После задушевной беседы с академиком шестерка направилась в цех. По знаку Сергея Павловича под стеклянной крышей цеха заскользил кран-балка, и скоро в кабину космического корабля установили кресло пилота.

— Ну, кто первым поднимется в корабль? — спросил Королев.

Вперед выступил старший лейтенант с ослепительной улыбкой — Гагарин.

— Разрешите?

— Разрешаю,— академику явно понравился Гагарин. Тот быстро снял ботинки и поднялся по стремянке ко входному люку корабля. Вот он в кресле пилота. Первым. Первым был он вскоре и в космосе.

А в часы той памятной встречи у «Востока» академик Королев рассказывал ему и другим будущим космонавтам о корабле-спутнике. Они узнали много нового, в частности, что программа первого полета человека рассчитана на один виток вокруг Земли.

— Впрочем, корабль-спутник может совершать и более длительные полеты,— подчеркнул Сергей Павлович.

Космонавты подробно и внимательно осмотрели корабль. Кресло космонавта было установлено под таким углом, что при выведении корабля на орбиту и спуске перегрузки могут действовать только в наиболее благоприятном направлении: грудь — спина космонавта. В кресло встроена парашютная система, катапульта, аварийный запас пищи, воды, радиосредства. Здесь же крепились устройства для вентиляции скафандра и парашютный кислородный прибор.

«Переживая и обдумывая про себя все, что увидели и узнали сейчас,— вспоминал Юрий Гагарин,— мы вдруг поняли, что в этот корабль вложены большие средства и силы всего народа, что для него надо было создать и металл, какого еще не знали наши мартены, и необыкновенное стекло, и пластмассы, и сверхпрочные ткани, и стойкие лаки, и разумные приборы. Вся металлургия и вся химия со всеми своими достижениями работали на это чудо из чудес».

...61-я Генеральная конференция ФАИ, проходившая в Лондоне с 26 по 30 ноября 1968 года, например, учредила специальную золотую медаль в честь летного мастерства и непревзойденного подвига первого космонавта.

Космический профессионализм Гагарина сыграл и продолжает играть весьма ощутимую роль в работе Центра подготовки космонавтов, носящего его имя. Юрий Алексеевич принимал самое активное участие в обучении и тренировке космических экипажей, руководил их полетами.

Конечно, за двадцать лет в Центре произошли значительные перемены. Сильно изменился, скажем, зал тренажеров. Здесь появились новые тренажеры кораблей, орбитальных станций. Помнится, на первых порах в ЦПК не было своей центрифуги. Тренировались на установке одного из институтов. Теперь у нас их две. Растет оснащенность Центра. Все более властно вторгаются в процесс подготовки космонавтов электронные вычислительные машины. Они имитируют ситуации, которые могут случиться в космосе. Наш Центр — организация по-прежнему уникальная, какой и была при жизни

Юрия Алексеевича Гагарина. Ни один вуз страны пока не готовит космонавтов. И не случайно...

Ведь мы занимаемся проблемами радиоэлектроники, сельского хозяйства, фотографированием и спектрометрированием атмосферы и поверхности Земли, исследованием морских течений, шлейфов и донных отложений в устьях рек, наблюдением и съемкой серебристых облаков и полярных сияний, космической металлургией и космической сваркой, отработкой методов нанесения металлических покрытий в условиях космического вакуума и невесомости.

Космонавты сегодняшнего дня должны уметь вести синоптические наблюдения, отыскивать рыбные косяки, вести ледовую разведку, составлять карты отмелей и прибрежных районов, обнаруживать лесные пожары и делать многое другое. «Наш путь покорения космоса,— говорил Леонид Ильич Брежнев на митинге, посвященном встрече экипажей «Союза-6», «Союза-7» и «Союза-8»,— путь решения коренных, фундаментальных задач, базовых проблем науки и техники. Отечественные космические корабли — это корабли науки: они отправляются в космос для осуществления научных и технических экспериментов. Советский Союз рассматривает космические исследования как великую задачу познания и практического освоения сил и законов природы в интересах мира на земле. Мы настойчиво, последовательно выступаем за то, чтобы космос использовался только в мирных целях. Результаты советских космических экспериментов идут на пользу всему человечеству, это наш вклад в мировой научно-технический прогресс».

...Растет, хорошеет Звездный. Высятся многоэтажные дома. На спортивном комплексе, в учебно-лабораторных корпусах ключом бьет жизнь. Одни заняты здесь подготовкой космонавтов, другие ставят научные эксперименты. Советские космонавты и космонавты дружественных стран готовятся к новым ответственным стартам.

В Звездном свято чтут память Юрия Алексеевича Гагарина. Как только заканчивается очередной космический полет и машины с подмосковного аэродрома, куда прилетают космонавты, отправляются в Звездный, у них традиционна остановка возле памятника Юрию Гагарину. В торжественной тишине ложатся букеты к подножию монумента первопроходцу космоса. Это дань признательности ему за его подвиг, отчет последователей. Рапорт преемников Первому, чья мысль, чьи помыслы и чье мужество приняты как эстафета.

Когда приезжают к нам в Звездный делегации, мы показываем фильм о Юрии Гагарине. Так и кажется, что он вот-вот сойдет с экрана, живой, веселый, жизнерадостный. И поведет гостей по аллеям городка, в учебные корпуса и лаборатории.

В Дом культуры Звездного перенесен кабинет Юрия Гагарина. Он сохранен в таком же виде, в каком Юрий Алексеевич оставил его 27 марта 1968 года. Застывшие навек стрелки часов в кабинете героя показывают время его гибели. Здесь бюст Константина Эдуардовича Циолковского и классная доска, у которой годами не умолкали горячие споры. На письменном столе документы, письма. Кажется, только что покинул кабинет его хозяин. Сюда перед очередным отлетом на космодром приходят космонавты. Они делают записи в специальной книге, они мысленно клянутся продолжать дело, начатое Колумбом Вселенной.

Он открыл дорогу в космос и, образно говоря, все человечество устремилось туда, к иным мирам своими помыслами и стремлениями. Гагарин был человеком, сумевшим вобрать в себя все лучшие черты советского народа. Он мечтал о больших орбитальных станциях, о полетах к иным планетам. Его мечты сбываются и будут сбываться. Благодаря ему космос стал рабочим местом ученого, технолога, конструктора. Да, огромные перспективы открыл перед человечеством первый в истории космический полет!

Юрий Алексеевич Гагарин посетил многие страны мира, вел большую общественную работу. Он был депутатом Верховного Совета СССР шестого и седьмого созывов, членом ЦК ВЛКСМ, президентом общества «СССР — Куба», почетным членом Международной академии по астронавтике и исследованию космического пространства. Он бывал в рабочих коллективах и колхозах, встречался с воинами и пионерами. У него была уйма дел и поручений, и все они четко и безотказно выполнялись им.

На Выставке достижений народного хозяйства СССР есть аллея космонавтов. На ней растет и каштан в честь Юрия Гагарина — в честь человека, открывшего новую эру в истории цивилизации. В честь его переименован в Гагарин город Гжатск, именем Гагарина назван кратер на обратной стороне Луны. Имя Юрия Гагарина присвоено Краснознаменной ордена Кутузова Военно-воздушной академии.

Шагнув в неизведанное, он шагнул в бессмертие. О Гагарине написано много книг и песен. Будет написано еще больше. Потому что это величайшая в истории личность. В памяти тех, кому довелось знать Юрия Алексеевича, навечно сохранится образ замечательного человека, коммуниста, жизнелюба. Это был один из лучших людей нашего времени. Потому-то и доверен был ему первый шаг к звездам, к иным мирам. «Именно советский человек,— писал академик Королев,— должен был первым подняться в космос и пройти в нем уверенным шагом никем еще не хоженные пути-дороги».

Величие Гагарина в том, что он приблизил нас к звездам. «Мы увидали,— говорил он,— что планета наша не так уж ве-

лика, если летательный аппарат, созданный руками человека, облетает ее за какие-нибудь полтора часа».

Проникновение в космос человека — мощный ускоритель научно-технического прогресса. Космические исследования вызвали к жизни многие новые отрасли науки и техники, стимулировали развитие уже существующих. Космонавтика поставила целый ряд новых задач перед наукой, потребовала срочного решения многих проблем науки, властно выдвинула вперед новые, неожиданные методы исследований. Трудно даже оценить сейчас полностью все перспективы, которые открылись перед человечеством после тех легендарных ста восьми минут, которые провел Юрий Гагарин в космосе. Одно можно сказать с уверенностью: опыт и замыслы Первого космонавта активно работают и сегодня в системе подготовки очередных экипажей, которую ведет наш Центр.

Но мы не повторяем то, что сделал и задумал Гагарин, а продолжаем его дело.

Г·ТИТОВ

Ответ на два вопроса

Нередко и по сей день мне задают вопросы: «Какие мысли были у вас, когда вы провожали Гагарина в космический полет?» Или: «Что вы испытали, когда Гагарин поднялся в космос?»

Ответить на эти вопросы одной фразой просто нельзя. Но так или иначе, именно эти вопросы дали мне импульс к воспоминаниям о происшедшем двадцать лет назад, к раздумьям о величии подвига Юрия Гагарина и о нем самом, о том, что испытывал я, что думали о нашем друге друзья-космонавты первого гагаринского набора.

ДРУГ

Это слово ко многому обязывает. В детстве я чуть не утонул в проруби, не протяни мне руку смелая маленькая девочка — настоящий друг. Прыгая с парашютом, попал в штопор и непременно бы разбился, если бы не загодя данные советы друга-инструктора о том, как вести себя в подобной ситуации. Не формальные советы, а очень настойчивые, которых не забудешь никогда.

Плечо друга чувствуешь не только в экстремальных ситуациях, когда стоит вопрос «быть или не быть». Чаще в житейских невзгодах, неурядицах и несчастиях.

Такая уж это золотая вещь, мужская дружба. Она проверяется не словами, а крутыми поворотами самой жизни.

Когда мы, космонавты, съехались вместе, случилось так, что с Гагариными мы жили в соседних комнатах. Первая их дочка Лена, тогда еще совсем кроха, родилась на Севере, где служил в летной части Юрий. Моя жена Тамара ждала первого ребенка. Это сблизило наши семьи. Когда же у нас случилось горе, наш ребенок вскоре после рождения умер, я почувствовал искреннюю поддержку прежде всего со стороны Юры Гагарина. Не сюсюкая, не вздыхая, он повел себя как близкий, родной человек, как друг, как брат.

Я был ему в душе благодарен. Хочу избежать таких избитых выражений, как «меня поражало», «меня приводило в восхищение»... Не люблю эмоциональных восклицаний. Юрий

просто был не похож на других. А со временем я понял, что если нужно было бы создать эталон принципиального коммуниста и в то же время веселого и остроумного, предельно честного, открытого, без всяких подвохов парня, то без ошибки можно было указать на Юрия Гагарина.

Волновался ли вообще-то Гагарин? Я знаю, что волновался. И нередко. Он не был твердокаменным, в этом и сказывается его человеческая сущность. Он никогда из себя не строил супермена, эрудита — просто он был очень способным и работящим, а волновался, когда случались неудачи, сбои в работе, волновался перед публичными выступлениями.

Все, что он говорил, было искренне, что делал — естественным как дыхание. Мне нравился его оптимизм, он верил в наше космическое дело. И в то же время все человеческое ему было не чуждо. Мне нравился его характер; шутки, подначки (обычные среди летчиков).

Первые аплодисменты в адрес Гагарина раздались не после полета, а еще тогда, когда начались наши тренировки, занятия спортом. В первые дни пребывания в отряде мы, конечно, присматривались друг к другу. Мы были не только разными по возрасту, росту и внешности, но и по житейскому опыту, характерам и склонностям. Но у нас всех было много общего — отличное здоровье, мы все были хорошо физически развиты, преданы делу, еще не до конца нам ясному, но предельно заманчивому.

Отряд наш вроде бы не отличался от тысяч ему подобных отрядов, собираемых по зову комсомола и партии для броска в труднодоступные условия, для тяжелого дела,— начиная от Северного полюса до Антарктиды, от строительства БАМа до испытания небывалой техники. Словом, пригодного для любой работы, требующей воли, физической закалки, знаний и преданности общему делу.

...На баскетбольной площадке раздался свисток тренера. Баскетбол меня никогда не увлекал, и я постарался остаться в стороне.

Но с первых минут мой сосед-крепыш легко переигрывал своих более высоких соперников. И вскоре на площадке то и дело слышались аплодисменты и возгласы:

— Молодец, Юра! Давай еще разок!

Я невольно увлекся его игрой. И теперь считаю баскетбол лучшей из спортивных игр.

Я чувствовал, знал и видел, что не я один, а все наши товарищи отметили много достоинств Гагарина и всем он пришелся по душе.

Как можно было к нему по-другому относиться? Можно было только позавидовать ему, его общительности, его характеру. Но разве кто-либо завидовал своему другу или брату? К тому же, к счастью, среди нас не было злых, недалеких, эго-

центричных людей. Чтобы вы не подумали, будто только я такого мнения, приведу любое из воспоминаний о Юрии наших товарищей той памятной поры. Когда ни у кого не было золотых звезд на груди, когда никто не знал финала испытаний, к которым мы готовились. Готовились так страстно, ни на минуту не задумываясь о реакции советского народа, нашего правительства, всего мира на первый полет человека в космос. Мы только достаточно ясно представляли, чем может кончиться любой наш полет, и особенно первый. Но мы очень верили нашему Главному конструктору Сергею Павловичу Королеву, и то, что он не скрывал от нас ничего, подогревало эту веру.

Возьмем хотя бы воспоминания дважды Героя Советского Союза Бориса Волынова, под которыми подписался бы каждый из нас.

«Очень скоро,— говорит Борис,— познакомившись со всеми, я понял, что попал в привычную для себя атмосферу. Атмосферу летной семьи: чистосердечную, искреннюю, которая всегда помогает в учебе и работе. А молодость добавила в этот сплав и присущий ей оптимизм и жизнерадостность. Вечные шутки, подтрунивание друг над другом, безобидный розыгрыш — эту неотъемлемую традицию авиации принесли с собой ребята из полков и эскадрилий, где служили раньше. Заводилой шуток и розыгрышей был, как правило, Юрий Гагарин.

Юрий был остроумен и неутомим на всевозможные выдумки. Забегая вперед, скажу, что с первых дней он выделялся своими способностями, жизнерадостным характером, целеустремленностью и, я бы сказал, умением быстро собираться и буквально перевоплощаться. Вот Юрий балагур, шутник, а через мгновение — уже вдумчивый, очень серьезный Гагарин. Он знал время и место шутке. Даже маленький розыгрыш кого-нибудь из друзей готовился им заранее — обстоятельно, с энтузиазмом, но он всегда следил за тем, чтобы его розыгрыш не обидел, не оскорбил кого-нибудь. Знал, когда и над кем и как именно можно пошутить. А на следующий день часами он так же обстоятельно мог просидеть за учебниками, и отвлечь его от занятий никто и не пытался. Бесполезно. Только улыбнется и серьезно скажет: «Делу — время, друзья, потехе — час». Его работоспособности можно было позавидовать. Позже, став старшим среди нас, он сумел остаться равным, добрым другом и в то же время очень требовательным руководителем.

Сказать, что Юрий был общителен, значит ничего не сказать о характере Гагарина. Он обладал редким даром с первых слов найти контакт с человеком. Он был необычайно отзывчив. В самых неожиданных ситуациях и в нужный момент всегда появлялся Юрий и помогал делом. Перенести

вещи семьи на новую квартиру, когда кто-нибудь из нас был в командировке или проходил испытания (ведь мы тогда только устраивались), было для него делом естественным. Помочь товарищу в беде было для него правилом. Поднять настроение у друзей — привычкой.

Помню, когда приехала моя семья, я только что получил квартиру. Тамара, моя жена, была растерянна. Мебели никакой. Я сам только что вернулся с продолжительных тренировок и все, что успел за день приобрести,— это ковровые дорожки, которые лежали свернутыми в углу. Первый звонок в дверь нашей квартиры. На пороге улыбающийся Юрий Гагарин.

— Когда новоселье? — спросил он и тут же сам решил: — Сегодня.

Тамара всплеснула руками. У нас не было ни стола, ни стульев.

И до сих пор вспоминаем, что ни один хорошо подготовленный званый обед не проходил с таким подъемом и так весело, как то новоселье в еще пустой квартире. «Лиха беда начало»,— шутил улыбающийся Юрий. Он был прав.

...Примерно через год мы были готовы к первому экзамену. Настало время испытаний. Кто будет первым? Честно говоря, каждый мечтал быть им. Но, взвешивая все, мы невольно сами отдавали предпочтение Гагарину. И мы угадали.

Государственная комиссия назвала Юрия Гагарина.

Почему он был выбран первым?

Тогда я не сумел бы сразу ответить на этот вопрос. А сейчас ответить очень просто: потому, что он был лучшим из нас.

Комиссия отобрала человека, чья воля, энергия являлись лучшим образцом для тех, кто мечтает служить Родине, науке, людям».

Евгений Анатольевич Карпов, один из тех, кто был ответствен за подготовку космонавтов, вспоминал тот момент, когда председатель Государственной комиссии объявил это решение:

«Десятки глаз были устремлены на него. Он будто вначале не поверил,— неужели в самом деле ему оказаны такая честь, такое доверие? Но уже через секунду его лицо озарила счастливая улыбка. Юрий глотнул воздуха, задыхаясь от прилива чувств. Веки его задрожали. Он не стеснялся этой «чувствительности»... Все понимали: человек переживает наивысший душевный восторг... Казалось, что вот сейчас кто-то из находившихся здесь седовласых ученых, конструкторов, врачей и инженеров не сдержит чувств, подойдет к Гагарину, обнимет молодого космонавта и по-отечески, напутственно скажет: «Лети, сынок. Благословляю». Сдерживало

всех одно: никому не хотелось показаться сентиментальным. Гагарин быстро собрался и твердым голосом отчеканил: «Спасибо за большое доверие. Задание будет выполнено».

Мне труднее описать этот момент, не прибегая к свидетельству Евгения Анатольевича Карпова. Во-первых, потому, что я был вместе с Юрием и другими космонавтами по одну сторону стола комиссии, а Евгений Анатольевич по другую, как говорят, со стороны виднее. Во-вторых, тут же была названа и моя фамилия, и наступила моя очередь сдерживать свои эмоции, и радость, и удовлетворение, что мы оказались с Юрой в одном летном звене — он «ведущим», я «ведомым».

Первый полет человека должен был ответить на десятки самых важных вопросов, и главный из них: может ли человек вообще подняться в космос и вернуться оттуда здоровым? Теоретически все говорили «да». А на практике? Конструкторы и ученые не скрывали от Юрия трудностей. Да и сам он понимал их, сказав: «Но кто-то же должен начать!»

ДУБЛЕР

С момента утверждения Государственной комиссией Юрия Гагарина командиром «Востока», а меня — его дублером и до старта на космодроме прошел не один день. За это время я узнал своего друга еще лучше. Мы и работали вдвоем, и тренировались вдвоем, и готовились к полету вдвоем уже на Байконуре, изучая бортовые документы, последний раз проверялись наши знания корабля. Забегая вперед, скажу, что мы вместе потом поступили в Академию имени Н. Е. Жуковского. Вместе защищали дипломы. Мне доводилось много и часто решать с Юрием различные задачи. Скажу так: с ним можно было хорошо и спокойно делать любое дело и надежно дружить. С ним я чувствовал себя всегда легко и просто в любой обстановке.

Перед отлетом на космодром запомнились два момента, связанные с Гагариным. Состоялось партийное собрание. Повестка его была лаконичной: «Как я готов выполнить приказ Родины». Мы дали клятву Родине, Коммунистической партии, Советскому правительству и своим товарищам-коммунистам с честью выполнить задание. Все затаив дыхание слушали выступление Юрия Гагарина.

— Я рад и горжусь, что попал в число первых космонавтов. ...Не пожалею ни сил, ни труда, не посчитаюсь ни с чем, чтобы достойно выполнить задание партии и правительства. Присоединяю свои усилия к работе многочисленных коллективов ученых и рабочих, создавших космический корабль и посвятивших его XXII съезду КПСС.

Я тоже выступил на этом собрании и заверил всех, что,

если понадобится, сделаю все, чтобы выполнить приказ Родины, как подобает коммунисту.

С собрания мы возвращались взволнованные. Но прежде чем вылететь на космодром, мы попрощались с Москвой. Теперь это стало традицией. Во время прогулки по Москве каждый, видимо, думал о своем, а вернее, об одном и том же. Порой, наблюдая за своим «ведущим», я яснее видел, что, еще не ступив на землю Байконура, он уже весь словно готовился к прыжку. Но не усталость от перенапряжения воли и мышц, а сосредоточенность, четкость, наблюдательность появились в его словах, в манере вести себя. Со стороны же могло показаться, что он оставался верен себе. Был предупредителен и по-прежнему так же реагировал на шутки, шутил сам.

Есть что-то символическое в жизненном пути и биографии Юры. Это — частичка биографии нашей страны. Сын крестьянина, переживший страшные дни фашистской оккупации. Ученик ремесленного училища. Рабочий. Студент. Курсант аэроклуба. Летчик. Этой дорогой прошли его сверстники. Дорога нашего поколения — шло ли оно в авиацию или на флот, в науку или на гигантские стройки пятилеток, где так же, как и в кабинетах ученых и конструкторов, готовилось все необходимое для первого полета человека в космос...

Но дело здесь не только в экономическом потенциале страны, не только в создании мощной ракеты-носителя и решении сложных математических и технических проблем. Для полета в космическое пространство этого было бы достаточно, но не для первого.

Первый полет невозможен без готовности к нему разума человека, воли человека, его исследовательской пытливости и высочайшей морали. И того чувства ответственности первого космонавта перед своим народом и партией, пославшими его в полет. Таким чувством ответственности был заряжен Юрий.

Возвращаюсь к нашей прогулке по Москве. Когда мы пришли с ним на Красную площадь, остановились перед входом в Мавзолей Владимира Ильича Ленина. В это мгновение ударили куранты, а из Спасской башни, чеканя шаг, вышел караул. Он шел на первый пост страны у входа в Мавзолей.

Юрий сделал в раздумье несколько шагов вперед. Я остался на месте. И вдруг он весь как-то собрался и взял под козырек, словно молча отдал рапорт Ленину.

И тогда я понял, что ничто не может помешать ему выполнить задание Родины. Ни опасения некоторых специалистов, прямо скажем, теоретически обоснованные или, во всяком случае, колеблющиеся на грани осмысленного риска, ни отсутствие какого-либо опыта, кроме спутников с животными и с манекеном и... явная неудача при одном из запусков. Словом, сомнений было достаточно.

АВРОРА КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Наконец долгожданный день наступил. Мы на космодроме и на месте приступили к последним подготовкам к полету. Здесь Юрий так же спокойно, обстоятельно, как всегда, вникал в смысл того, что говорили ему специалисты. Не суетился. Нужно было — расспрашивал, переспрашивал.

Заметили мы отцовское отношение к нам Сергея Павловича Королева. Забегая вперед, расскажу о Сергее Павловиче то, что узнал о нем позже. Королев не был идеалистом-мечтателем. Трезво оценивал реальность. Уже после первого спутника говорил: «Жалко, самому не придется слетать в космос. Кто-то, видимо, из молодых летчиков полетит. Передам ему эстафету». Он считал, для такого дела лучше всего подготовлены летчики, люди «неземной» специальности, умеющие мгновенно ориентироваться в необычной обстановке. Каждый из них «и швец, и жнец, и на дуде игрец», то есть и пилот, и штурман, и связист, и бортинженер. Королев сам принимал участие в отборе первого кандидата на полет вместе с другими нашими наставниками — Николаем Петровичем Каманиным и Евгением Анатольевичем Карповым. Остановились на Гагарине. Сергей Павлович долго приглядывался к нему, как бы поворачивал его к себе всеми сторонами характера, примеривал на прочность и затем признал: «Подходит». И, говорят, вздохнул: «Никому не завидовал, а ему завидую».

Этот могучий, волевой человек умело скрывал свое волнение. В ночь перед стартом он пришел к нам в домик, где мы спали. Узнав от дежурного врача, что мы вели себя перед сном так же спокойно, как будто утром нам предстоит обычный, рядовой день, а Юрию не испытания, каких не видывало человечество, он, довольный, кивнул и отправился к себе отдохнуть. Спал ли Сергей Павлович в ту ночь? Перед тем, что легло на его плечи, что предстояло ему пережить через несколько часов? Думаю, нет.

То, что произошло утром 12 апреля, теперь хорошо известно: одевание и проверка скафандров, последние напутствия специалистов. Затем специальный автобус доставил нас на стартовую площадку. Последние рукопожатия. Звенит чистый, чуть взволнованный голос Юры.

События тех часов, минут, секунд запечатлены тысячами всевозможных свидетельств. Но самые главные из них — это ощущения, мысли, чувства первого космонавта, первого из землян, ставшего на самый край Земли, у подножия ракеты. Вот они...

«Дорогие друзья, близкие и незнакомые, соотечественники, люди всех стран и континентов! Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просто-

ры Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно. Вряд ли стоит говорить о тех чувствах, которые я испытал, когда мне предложили совершить этот первый в истории землян полет. Радость? Нет, это была не только радость. Гордость? Нет, это была не только гордость. Я испытал большое счастье. Быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

Но вслед за этим я подумал о той колоссальной ответственности, которая легла на меня. Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Эта ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей. Понимая ответственность задачи, я сделаю все, что в моих силах, для выполнения задания Коммунистической партии и советского народа.

Счастлив ли я, отправляясь в космический полет? Конечно, счастлив. Ведь во все времена и эпохи для людей было высшим счастьем участвовать в новых открытиях.

Мне хочется посвятить этот первый космический полет людям коммунизма — общества, в которое, я уверен, вступят все люди на земле.

Сейчас до старта остаются считанные минуты. Я говорю вам, дорогие друзья, до свидания, как всегда говорят друг другу люди, отправляясь в далекий путь. Как бы хотелось вас всех обнять, знакомых и незнакомых, близких и далеких!

До скорой встречи!»

Вот Юрий на вершине ракеты помахал нам рукой и скрылся в корабле.

Мы, провожающие, ушли со стартовой площадки.

Я смотрел вдаль, туда, где высится гигантское тело ракеты. Серебристая, огромная, без окружающих ее ферм обслуживания, она так просто вписывалась в панораму степи и почти сливалась с белесым от безжалостного солнца небом, будто дрожала то ли от марева утренней дымки, то ли от нетерпения — скорее, скорее оторваться от Земли и умчаться в бездну Вселенной!

А там, на самой вершине фантастической сигары, за холодными листами металла, за крепкой тканью скафандра — человек.

Там Юрий...

Вокруг все стихло, замерло... Кажется, будто с необыкновенной осторожностью, медленней обычного перебираются стрелки часов от одной циферблатной черточки — к другой.

Мы стояли тесной группой. Напряжение достигло предела. Какая-то тяжесть давила на плечи. Нет, тяжесть не физическая. Кажется, будто сама вековая история человечества стояла за нашими плечами и сурово смотрела на нас, ожидая ответа: чем же, чем мы сейчас отчитаемся за все сделанное Человеком, прошедшим такой долгий и трудный путь — от каменного века до небывалого корабля-спутника? Чем отчитаемся за гигантское напряжение воли и мысли великих ученых прошлого — Архимеда и Коперника, Галилея и Бруно, Ломоносова и Ньютона, Кибальчича и Циолковского? Чем ответим конструкторам и теоретикам наших дней? Что же мы ответим истории в эти несколько секунд, которые стартовая команда космодрома уже считает в обратном порядке: десять... семь... три... два...

— Подъем!

— Поехали! — доносится голос нашего друга через динамик громкой связи. И кажется, острее, чем он, почувствовал я, как напряглись все двадцать миллионов лошадиных сил двигателей ракеты, чтоб разорвать цепи неумолимого земного плена...

Кинокадры, снятые с телевизионного экрана, дополняют мои воспоминания. Они донесли до нас улыбку, озарившую лицо Гагарина в то самое историческое мгновение старта. Так с его улыбкой человечество одолело вековечную силу земного тяготения, а человек — самого себя. Так он перешагнул головокружительно высокий исторический и психологический барьер.

И как же это здорово, что выход землян в космос соединился в представлениях человечества с улыбкой Гагарина! Разум и мужество, любовь к людям и душевная стойкость, ответственность за общие судьбы землян и героическая способность первым ступить за предел изведанного — вот что сложило эту улыбку. Да, в ней мечта и явь, радость великого одоления и величайшие испытания истории...

Чудовищный грохот, огонь, дым и снова огонь прокатились по степи. Сигара ужасающе медленно оторвалась от стартовой плиты и будто нехотя пошла в небо. Потом ее скорость начала нарастать. Вот она уже мчится блестящей кометой и исчезает из глаз...

А когда стих гул двигателей, легкий ветерок снова донес

пряный аромат весеннего разнотравья. Все, все осталось в этой древней степи таким же, как было много веков назад, только где-то там, высоко в небе, навеки зажглась рукотворная звезда «Восток» — Аврора космической эры...

А над планетой Земля неслось сообщение:

«12 АПРЕЛЯ 1961 ГОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВЫВЕДЕН НА ОРБИТУ ВОКРУГ ЗЕМЛИ ПЕРВЫЙ В МИРЕ КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ-СПУТНИК «ВОСТОК» С ЧЕЛОВЕКОМ НА БОРТУ.

ПИЛОТОМ-КОСМОНАВТОМ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ-СПУТНИКА «ВОСТОК» ЯВЛЯЕТСЯ ГРАЖДАНИН СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ЛЕТЧИК МАЙОР ГАГАРИН ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ».

Откровенно говоря, осмыслить всю грандиозность первого в мире полета в космос тогда было просто невозможно. Мои впечатления скорее ретроспективный взгляд на все происходившее и мысли, скорость которых подсчитать невозможно. Но теперь, вспоминая все детали, отбросив эмоции, волнение, которое не мог не испытывать любой человек, а тем более я — непосредственный участник этого небывалого события, становятся более понятными чувства и размышления в эти первые минуты полета Юры .В какой-то степени их можно и проанализировать, и даже сравнить с чувствами летчика, провожающего своего товарища в первый полет на новом самолете. Обычно во время такого полета друзья летчика, оставшиеся на земле, внимательно следят за его действиями, все замечают и профессиональным чувством сопереживают и делают выводы для себя. Словно в памяти своей, как в записной книжке, проставляются отметины на будущее. Но это профессиональное качество более всего относится к летчикам-испытателям, одним из которых я стал несколько позже, но я помню, что уже в момент полета Юрия был увлечен технической стороной дела, следил за прохождением команд, докладами космонавта... Когда ракета оторвалась от стартовой площадки и устремилась ввысь, я внимательно следил по еле заметным колебаниям корпуса ракеты-носителя за работой управляющих двигателей, которые обеспечивали ее полет по заданной траектории. В чем же дело? Откуда у меня такой, я бы сказал, «технический прагматизм», да еще в такие минуты?! Я отвечу на это вопросом. А разве Юрий Гагарин волей судеб не был первым испытателем небывалой техники? Или мне, его дублеру, не предстоял пусть другой, но тоже испытательный полет в космос?

После того как ракета умчалась ввысь и рев двигателей смолк, на космодроме стало как-то пусто. Нам, летчикам, это чувство также знакомо. Сколько раз на аэродроме рядом с тобой только что стоял твой товарищ, разговаривал — и вот он уже далеко от тебя. Что с ним сейчас, что будет через

минуту-другую? Это чувство тревоги за исход полета понятно каждому летчику. Мне не раз доводилось беседовать с теми, кто летал в пору Великой Отечественной войны. И я понял, что в любой обстановке, и чем эта обстановка была сложнее, чем опаснее были полеты, летчики, оставшиеся на земле, испытывали не просто тревогу за идущих на задание друзей, но ими овладевала какая-то тоска при виде взлетающих и пропадающих из глаз самолетов своего полка или эскадрильи. Им мучительно хотелось быть в эти минуты рядом с улетавшими товарищами, идти крыло в крыло, и если будет нужно, то помочь, уберечь, спасти. Какой ценой? Да это и неважно. Подскажут обстоятельства, интуиция. Вот почему страшен для любого врага советский летчик в воздушном бою.

Мысленно возвращаюсь на космодром того утра. Сообщения с борта космического корабля были радостными: Юрий хорошо перенес перегрузки. Подошел момент, когда ракета должна была пройти плотные слои атмосферы и должен последовать сброс головного обтекателя. И вот голос Юры:

— Сброс головного обтекателя... Вижу Землю!

— Сработала,— радостно отозвалась Земля.

Из комнаты связи с «Востоком», где оставался Сергей Павлович Королев и Павел Попович, стремительно вышел Николай Петрович Каманин и сказал мне:

— Едем к самолету. Сейчас полетим в район приземления.

С меня успели уже снять скафандр, и я последовал за генералом. Самолет стоял с работающими двигателями. Плавно оторвались от бетонки, набрали высоту. Мы не отходим от установленного здесь репродуктора. Слушаем, что происходит в эфире...

По сообщениям с космодрома мы улавливаем детали и подробности, понятные только тем, кто непосредственно готовился к подобному полету.

Слышим голос Юры:

— Передаю очередное отчетное сообщение: 9 часов 48 минут, полет проходит успешно... Самочувствие хорошее, настроение бодрое...

Голос был гагаринский, звонкий, добрый. Я вспомнил тут же, что в момент подготовки к старту, сидя в кабинете «Востока», на вопрос Королева: «Как себя чувствуете?» — он так же уверенно, с оттенком шутки звонко ответил: «Самочувствие отличное. Все делаю, как учили».

Молодец, подумал я, даже интонация та же. Но тут же вновь голос Юры ворвался в шелест эфира:

— Включилась солнечная ориентация...

И чуть позже:

— Полет проходит нормально, орбита расчетная...

И вслед за этим:

— Настроение бодрое, продолжаю полет, нахожусь над Америкой...

— Внимание! Вижу горизонт Земли. Такой красивый ореол. Сначала радуга от самой поверхности Земли, и вниз такая радуга переходит. Очень красиво...

Предстоял заключительный, может быть, самый важный, пожалуй, наиболее сложный этап полета — снижение и посадка. Все ли сработает? До этого момента сложная автоматика не подвела. Теперь, как я уже говорил, предстоял заключительный этап полета. И хотя система торможения и посадки неоднократно проверялась при полетах космических кораблей с животными, но ведь могут же возникнуть какие-то непредвиденные обстоятельства. Справится ли мой друг, если ему придется осуществить посадку с помощью ручного управления? В сознании промелькнули картины совместных тренировок.

«Все будет хорошо!» — подумал я.

Наконец радио сообщило, что в 10 часов 55 минут космический корабль «Восток» благополучно приземлился в заданном районе. Юрий Гагарин передал с места приземления: «Прошу доложить партии и правительству, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Не я один, все, и в первую голову Главный конструктор, Сергей Павлович Королев, ученые, инженеры, рабочие на космодроме ждали этого момента. И как ждали! Волновались и наши друзья космонавты. И как волновались!

Наш общий друг, необыкновенно честный, прямой, обаятельный человек, дважды Герой Советского Союза Андриян Николаев, вспоминает: «Сразу же после выхода «Востока» на орбиту мы, космонавты, провожавшие его, вылетели в район приземления. В самолете услышали взволнованный голос диктора Левитана о благополучной посадке Юрия. Что творилось в самолете! Мы, как дети, прыгали, кричали: «Ура!» Но вдруг сразу стихло. Впервые в ту минуту мы стали осознавать значение его подвига и нашу ответственность перед советским народом, нашей партией».

С чем сравнить этот старт Человечества, подвиг Гагарина? Константин Симонов со свойственной ему прямотой и лаконичностью написал:

Волненье бьет, как молоток по нервам:
Не каждому такое по плечу:
Встать и пойти в атаку первым!
Искать других сравнений не хочу!..

Первым! Среди миллиардов землян!
Таким я запомнил утро космической эры.

«НЕДОСТАТОК» В ПОДГОТОВКЕ

Когда мы прилетели в район приземления, мне тут же захотелось обнять Юру, но я увидел его окруженным плотным кольцом людей. Вокруг стояли встречающие из группы поиска, ученые. Подойти к нему не было никакой возможности, но я стал пробиваться через эту восторженную толпу. На меня бросали удивленные, порой недовольные взгляды, а я упрямо пробирался. Юра заметил меня, когда осталось несколько шагов, и бросился мне навстречу. Вот здесь мы обнялись, как медвежата тиская друг друга. Он был по-прежнему земным, улыбчатым и обаятельным.

И вновь самолет. Вновь посадка в городе Куйбышеве, где на загородной даче Юре предстоял короткий отдых. По дороге его встречали десятки тысяч людей. Улицы утопали в цветах. Все буквально наступали на машину, стараясь поближе рассмотреть Гагарина. А один особенно настойчивый молодой человек, чтобы остановить машину Гагарина, бросил под нее свой велосипед. Откровенно говоря, многие из нас были удивлены подобной встрече. Тогда мы просто не понимали этого порыва, этого восторга тысяч людей.

Нам хотелось как можно быстрее добраться до места и там расспросить его о всех деталях космического полета, узнать от единственного в мире человека, что же там, как прошел полет, что же такое космос.

Когда мы наконец приехали, я спросил его:

— Устал?

— Да, немного. Напряжение, сам понимаешь. Да и эта встреча.

— А мы все с ног валимся.

Он засмеялся.

— Да разве ты не знаешь... Ведь здесь как в авиации: легче самому лететь, чем ждать на аэродроме.

— Ну сравнил?!

После отдыха мы с Юрой бродили по берегу Волги. Стаял снег, подсыхала земля. Потянуло весенними запахами, а мне все чудился аромат весеннего разнотравья южной степи, степи Байконура. Когда же это было? Вчера. Вчера степь потряс чудовищный грохот и ракета будто нехотя пошла в небо.

А теперь Первый космонавт Земли стоит рядом и тоже что-то вспоминает. Я не сентиментальный человек, но в эту минуту мне стоило больших сил удержаться и не обнять его.

Потом была незабываемая встреча в Москве. Юрий стоял

на трибуне Мавзолея Ленина рядом с руководителями партии и правительства. Москва. Столица ликует. Ликует весь мир. Планета словно сдвинулась со своей оси. Праздник на всех континентах в честь победы Гагарина, победы Человека и Человечества.

Мы с друзьями-космонавтами, слетевшимися в Москву, и из районов приземления Гагарина, и со всех точек слежения и связи с «Востоком», разбросанных по всей территории Советского Союза, словом, всем отрядом гагаринцев шли в тесной шеренге демонстрантов. И, как сотни тысяч людей на Красной площади, не можем удержаться от громких возгласов, аплодисментов. Нам очень хотелось, чтобы Юра увидел нас. И тогда друзья-космонавты подняли меня на руки. Юрий увидел нашу группу, и его лицо словно озарилось теплом, и он долго еще провожал нас взглядом и махал рукой.

Я согласен с моими друзьями, вспоминающими этот день, это всенародное ликование. Все месяцы подготовки к полету никто из нас не задумывался над тем, а что будет потом, когда закончится этот полет. Каждый был готов к любому испытанию, готов был выполнить любое задание, и наши мысли и стремления были целиком отданы делу. Но то, что происходило вокруг, было для нас просто неожиданным, а для Гагарина — тем более.

Позже и сам Юрий откровенно объяснил свое состояние: «Да, мне было страшно выступать перед тысячами людей, видеть их изумленные, восторженные лица. Я был готов к испытанию космосом, но не подготовлен к испытанию морем человеческих глаз...»

Вот тут-то и обнаружился «недостаток» в подготовке космонавтов. Юрий всегда волновался перед своими выступлениями, перед встречами с сотнями, тысячами изумленных, восторженных глаз.

Николай Петрович Каманин вспоминает:

«Вечером после напряженного и трудного дня мы с Юрием Алексеевичем беседовали в кабинете. Чувствовалось, что Юрий устал за этот день, до предела насыщенный официальными встречами, атаками журналистов, усложненный требованиями протокола и дипломатического этикета.

— Николай Петрович, скажите, скажите прямо: как у меня идут дела? Нет ли ошибок?

— Все правильно, Юра. Рад за тебя,— успокоил я.

— Завтра опять ответственные встречи. Как вести себя? О чем рассказать? Как поступить, когда вне программы атакуют корреспонденты?

— Будь самим собой, Юра. Помни, что ты советский человек, рядовой сын партии и народа. Это главное. Никого не

изображай, перед тобой хоть и зрительный зал, но ты не артист. Будь самим собой.

— Спасибо за совет, Николай Петрович. Вот и легче стало! — и Юра улыбнулся».

ДОРОГА ГАГАРИНА

После триумфального гагаринского полета мы отдыхали в Сочи. Собралось много интересных людей: конструкторы, будущие космонавты, ученые, медики, наши руководители. Вместе с нами отдыхал и Сергей Павлович Королев. Все свободное время проводили вместе. Раньше Главный конструктор казался мне строгим, загадочно-недоступным. А тут он сразу покорил меня жизнелюбием, весельем. Он был в нашем кругу центром притяжения. Однажды вечером Королев, оглядывая нас, спросил:

— Ну, кто следующий?

— Разве скоро будет новый полет?

— Скоро. В августе,— ответил он.

Я был поражен. Да, кажется, и все наши ребята смотрели удивленно на Главного конструктора,— не знали, шутит он или нет. Еще первый полет не успели как следует осмыслить, еще перед глазами стояла необычная картина того исторического апрельского дня, а уже намечался новый старт. Я почему-то думал, что очередной полет где-то далеко, за горизонтом. Ведь это огромное событие — космический полет. А события не происходят часто, одно за другим. Они назревают постепенно, готовятся исподволь, на значительном промежутке времени. Королев все перевернул одним словом: «Скоро!»

Я гнал от себя мысль, что этот полет поручат мне. Мое дублерство не было мандатом на очередность. Это знают все.

Но вдруг Сергей Павлович повернул голову в мою сторону и, словно просвечивая взглядом, спросил:

— Думаете, что не успеем? — И тут же сам ответил: — Это уже больше от вас, космонавтов, зависит. Какой темп возьмете. Корабль почти готов. Дорога открыта.

— Дорога Гагарина,— подсказал кто-то.

— Гагарина,— подтвердил Королев.— Сначала по ней полетят одиночки. Потом по двое-трое. Скоро мы будем иметь двух-трехместные корабли. Я думаю, вы не откажете «вывезти» и нас на космические орбиты,— улыбнулся Сергей Павлович.— А теперь давайте посоветуемся, сколько времени отвести на второй полет. Прошу откровенно, не стесняясь высказать свое мнение. Кто начнет? Может быть, Юра?

— Я думаю, три витка,— ответил Гагарин.— За один я не так уж много рассмотрел. Не хватило времени. Три витка — это уже новый шаг. Успеешь и посмотреть и поработать.

Мы про себя думали: «Да, три витка — срок. Целых три раза облететь Землю». А Королев пожал плечами:

— Ну и размах. Три витка! Все равно мало что увидишь. Надо смелее изучать космос. Я вижу более продолжительный полет.— И предложил: — Сутки. Вот это уже цикл жизнедеятельности человека. Мы сразу узнаем, можно ли работать и жить в космосе. Узнаем поближе и невесомость. Проведем наблюдения, сделаем снимки, попробуем и ручное управление. Работать так работать!

В комнате воцарилась тишина. Суточный полет таил много неожиданностей. Как он скажется на организме человека? Причин для осторожности и сомнений было предостаточно, и вновь доводы медиков сводились, в общем, к одному: слишком много риска. С космосом не шутят. Врачей поддерживали некоторые ученые. А Королев улыбался. Ему нравились люди, которые умеют обоснованно возражать. И он не оставался в долгу — уверенно защищал свою точку зрения. Как никто другой, он видел огромные возможности космической техники, ее надежность, знал, что мы подготовлены с «запасом прочности» и сможем выдержать единоборство с космосом. И он увлек всех за собой. Я тоже сказал: «Сутки». Хотя спор продолжался, но постепенно чаша весов стала склоняться в сторону Сергея Павловича: «работать так работать». Тогда и было решено: программа второго полета — сутки.

Незадолго до моего полета Юрий выехал в командировку. Уехал мой наставник, под руководством которого я готовился к суточному полету в космос.

Советский народ, все люди планеты хотели видеть первого космонавта Земли. У Гагарина начались новые, теперь уже «земные» орбиты. Юрий объехал чуть ли не весь Советский Союз, побывал в тридцати зарубежных странах. И все-таки вся напряженная общественно-политическая деятельность, учеба в Академии не могли отвлечь его от того, к чему он прикипел душой. Он не мог и не хотел остаться в стороне от подготовки к новым стартам.

Как Юрий радовался каждому новому космическому полету! Но мы знаем, что в глубине души он грустил и завидовал каждому из нас: полеты становились все более интересными, и он, как профессиональный пилот, не мог оставаться вне этой работы, хотя в подготовку и обеспечение каждого полета он вкладывал все свои знания и усердие. Он провожал в космос своих друзей и вместе с ними переживал каждый полет, учил других и учился сам. Он мечтал о

том времени, когда корабли наши полетят по межпланетным трассам, когда сам вновь сядет за штурвал космического корабля.

Во имя этой мечты Юрий Гагарин совершил свой космический подвиг, во имя этой мечты он работал, во имя ее он жил.

Теперь дорогой Гагарина идут дальше штурмующие космос — ГАГАРИНЦЫ.

МЫ ЕГО НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ

Рано, очень рано ушел от нас Юрий. Этот человек с ясной головой и огромным авторитетом мог бы сделать для космонавтики (я имею в виду организацию подготовки космонавтов) неизмеримо больше того, что он сделал. Он только выходил на большую дорогу своей профессиональной работы после многих лет общественно-политической деятельности. Мир потерял своего героя, потерял неожиданно, и потому наша печаль, печаль всех людей на планете, непомерно велика. Плакали люди в разных уголках мира, плакали женщины и дети, плакали мужчины, молодые, пожилые и старые. Плакали, не стыдясь своих человеческих чувств, слезами отдавая дань любви и уважения человеку Вселенной, человеку, который своим подвигом осуществил их мечты, который за нас ответил перед всей цивилизованной историей планеты, чего мы достигли в своем развитии, утвердив, что мысли и дела ученых мира с древних времен и до наших дней воплощены в реальность — 108 минут космического полета, один оборот вокруг планеты Земля!

И естественно, задаются вопросы: почему не уберегли Гагарина, почему разрешили летать, почему пустили в этот последний для него, трагический для всех нас полет? Вопросы правомерны, если исходить только из любви и уважения к герою планеты.

Юрий пришел в космонавтику не за звездами и чинами. Об этом никто из нас не думал, готовясь к полетам. Он любил и умел летать. После училища просил направить его на Север, где необходимо особое мастерство в пилотировании самолетом, где условия работы суровы и требуют от летчика постоянной собранности, мужества и самообладания. Его зачислили в отряд космонавтов. Итогом учебы и работы Юрия Гагарина был исторический полет 12 апреля, утром, которое народы всей Земли назвали утром космической эры. Но за утром у нас на Земле следует большой трудовой день. Так и в жизни Юрия наступили новые трудовые будни.

Давно известна истина: чтобы не отстать от бурной жизни нашего времени, надо постоянно учиться самому. А для того чтобы учить других, да еще и руководить ими, надо знать

и уметь больше. Юрий руководил летной подготовкой космонавтов, сам готовился к будущим космическим стартам и летал на современных самолетах.

Ему запретить летать было просто немыслимо. Он жил для того, чтобы летать.

Беда пришла неожиданно. Я тогда находился в Италии и прилетел оттуда только на скорбную церемонию в Центральный Дом Советской Армии.

Не могу сейчас выразить словами чувство, которое испытал после того, как мне перевели содержание газетной информации. Тревога и обреченность, непоправимость происшедшего, какая-то пропасть в душе и злость от бессилия, от сознания того, что ты ничего не можешь поправить, не можешь помочь ничем. С теплящейся надеждой ждали мы передачи по телевидению: а вдруг газеты что-то напутали. А после — ночная дорога в Рим и решение непременно, немедленно спешить в Москву — к Юрию. Уговаривать никого не пришлось. Все понимали, чувствовали, что я должен быть там.

Те дни прошли в каком-то тумане. Ничто не могло заглушить чувства скорби. Пусто было внутри, и гудела тяжелая голова... В ушах стояла мелодия Пахмутовой: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой...» — Юрий так любил ее.

После похорон я пришел на место гибели Гагарина и Серегина, где уже стоял камень с надписью: «Здесь будет установлен памятник...» Там, где упал самолет, образовалась яма, заполненная чистой водой и кем-то заботливо обсаженная елочками.

Я не мог оторвать взгляда от берез, оставшихся без макушек. Мне хотелось по этим искалеченным деревьям хотя бы что-то узнать о последних секундах жизни отважных людей, которые в последний миг, возможно, видели эту зеленую чащу.

Через год на место гибели Юрия я приехал с Тамарой и детьми. Старшая дочь Татьяна все спрашивала: «Здесь погиб дядя Юра?», а Галка пока еще всего этого не понимала. А о чем думала Тамара, печально глядя на заполненную водой яму? Может быть, о моих многочисленных полетах в тот год. Именно тогда я стал летать почти на всех серийных самолетах-истребителях и истребителях-бомбардировщиках, на самолете с изменяемой в полете геометрией крыла, получил звание летчика-испытателя. Я же опять смотрел на срубленные верхушки берез и старался понять, что же могло произойти с экипажем. Торжественная тишина, поникшие, обезглавленные березы и сосны создавали сложное ощущение настороженности, неудовлетворенности.

Как дороги мне погибшие здесь люди, дороги и милы тем, что отдали свою жизнь авиации и космосу, своей идее, своей мечте!

Не помню, сколько берез было срублено в тот трагический день. Не знаю, на скольких деревьях остались следы осколков самолета и запах керосина, не знаю, со скольких берез сняли остатки самолетных деталей. Представляю только, как в эту заповедную тишину девственного леса врезался на мгновение тонкий свист — и затем треск ломающихся берез и глухой, как вздох, повторившийся в глубине леса взрыв. И после — тишина. Оператор, следивший за меткой самолета на индикаторе радиолокатора, по инерции повторял позывные экипажа, хотя уже понимал, что случилось непоправимое, случилось страшное, произошла трагедия. Но он не хотел в это верить, и посылал, посылал в эфир позывные...

Мы помним высказывания Юрия о путях развития советской космонавтики:

«...космические полеты не самоцель, не гонка за овладение космосом, о чем много пишут на Западе. Как мудро сказал Циолковский: «Освоение космоса принесет человечеству горы хлеба и бездну могущества!»

Космонавтика может и должна сослужить большую службу человечеству — открыть для него новые миры, даровать власть над погодой, осуществить более быструю связь между континентами. И она уже принялась за это!»

В многочисленных выступлениях Юрий рассказывал о задачах освоения космоса, о различных проблемах, стоящих на пути их решения.

«Прошло уже то время, когда космонавты летали для того, чтобы узнать, как они себя чувствуют, как бьется сердце, какой пульс, проверить биотоки мозга, возможность работы в состоянии невесомости и всякие другие медицинские дела. Теперь на повестке дня у нас более важные, более серьезные задачи, связанные с полетами к другим планетам Солнечной системы, с созданием больших станций, длительное время действующих в космическом пространстве».

Юрий Алексеевич, как и все советские космонавты, мечтая о новых полетах в космос, прекрасно понимал, что они будут несравненно сложнее и труднее предыдущих. Поэтому он много и упорно трудился.

«Иногда нас спрашивают: зачем нужна такая напряженная работа? Зачем мы работаем так, зная, что, в общем-то, работаем на износ? Но разве люди, перед которыми поставлена важная задача, большая цель, разве они будут думать о себе, о том, насколько подорвется их здоровье, сколько именно можно вложить сил, энергии, старания, чтобы их здоровье не подорвалось! Настоящий человек, настоящий патриот, комсомолец и коммунист никогда об этом не подумает. Главное — выполнить задание».

С нами — оптимизм Гагарина. Юрий Алексеевич был великим оптимистом, он верил в большое будущее космонавтики, неиссякаемые силы советского народа.

Юрию было 34 года...

Мне вспоминается, как накануне 50-летия Советской власти Юрий готовил по просьбе журнала «Авиация и космонавтика» приветствие его читателям, друзьям-авиаторам. Он пробовал на слух почти готовый текст. «Именно эти полвека,— читал он,— открыли нам путь в космос. Первыми проложили его советские люди. Уверен, что будущее принесет нам новые победы в покорении высот и орбит. Пусть каждый из нас сделает для этого все возможное.— Юрий остановился, подумал и дописал: — И даже то, что порой кажется невозможным». И подписал размашисто: «Гагарин».

Этот завет друга, первого космонавта планеты, помнят все наши летчики и космонавты. Помнят и мечтают о новых высотах и орбитах и делают все, чтобы покорить их.

М. АЛЕКСАНДРОВ

Избранные страницы хроники жизни космонавта Гагарина

> О нем знают все. Одни больше, кто-то очень много. Но каждый хочет узнать еще хоть чуть-чуть.
> И таково всемирное тяготение личности Гагарина, что и мельчайшая подробность его жизни кажется нам важной и замечательной...
> Предлагаем вашему вниманию отрывки из биографической хроники Космонавта-1.

1959 ГОД

12 сентября. К исходу субботнего дня пришло сообщение о запуске автоматической станции «Луна-2», которая доставила в район Моря Ясности вымпел с изображением герба Советского Союза. К подобным новостям привыкли, и они уже не вызывали бурной реакции. Новость как новость. Однако Гагарин истолковал ее по-своему.

Он знал, что начался первый набор в отряд космонавтов. Профессор М. Давыдов в свое время размышлял: «Что ждет человека в космическом пространстве? Достоверно знали, что он окажется в состоянии невесомости, что при подъеме и спуске на него будут действовать большие перегрузки, что корабль будет подвергаться космическому облучению: физические условия полета были более или менее ясны... Но как повлияет космический полет на психику человека? На этот вопрос никто пока не мог ответить. Находились специалисты, которые ничего хорошего не обещали».

4 октября. Сообщение ТАСС о запуске автоматической станции «Луна-3» вызвало у Юрия новые размышления. Весь день ходил под впечатлением этого сообщения. Он еще не знал, что станция сфотографирует обратную сторону Луны, что полученные фотографии позволят составить Атлас Луны. «Надо жить по-новому,— сказал он Валентине,— время такое. Мне кажется, что я уклоняюсь от чего-то главного, не делаю нужного для людей...»

В эту же ночь он написал рапорт, где сообщил командиру о желании посвятить себя космонавтике.

5 октября. Получив рапорт лейтенанта Гагарина, командир дал ему ход, просил удовлетворить желание талантливого летчика. «Я буду ходатайствовать»,— сказал П. Бабушкин. При представлении Гагарина к очередному воинскому званию Бабушкин напишет: «Стремился к непрерывному совершенствованию военного дела и своей специальности... Состояние здоровья отличное... Возглавляемый им экипаж является передовым в части... Летную специальность любит, летает смело и уверенно...»

7 октября. О рапорте Гагарина узнали в гарнизоне. Несколько человек, в их числе Георгий Шонин, следуя примеру товарища, подали по начальству схожие рапорта. Некоторые торопливо осудили намерение Гагарина. Были и такие, которые остались равнодушными. Одним словом, неизвестность породила массу сомнений, споров. Всех занимал вопрос: последует ли продолжение?

12 октября. Весть в мгновение ока облетела городок: по поводу рапортов прибыла комиссия!

Члены комиссии действительно вызвали на беседу летчиков, которые просили перевести их на другую технику. Двенадцать человек — Гагарина, Георгия Шонина и других — подробно расспрашивали о жизни, планах на будущее, мечтах, что читают, что делают в свободное время. Опросив всех, комиссия не уехала, начала беседы по второму кругу. Число приглашенных, однако, сократилось до шести человек.

22 октября. Поступило распоряжение откомандировать в Москву четырех летчиков. В числе вызываемых был Юрий Гагарин.

24 октября. Лейтенант Гагарин переступил порог Центрального научно-исследовательского авиационного госпиталя (ЦНИАГ) и, еще не ведая, каким медицинским «экзекуциям» будет подвергнут, отдал себя в руки строгих и таинственно-молчаливых эскулапов. Врачи активно использовали технику, новейшие препараты для всесторонней проверки человеческого организма. «Главным предметом исследований,— говорил Юрий Гагарин,— были наши сердца. По ним медики прочитывали всю биографию каждого. И ничего нельзя было утаить».

30 октября. Начался отсев летчиков, прибывших на медицинскую комиссию. Вежливо и учтиво, но безжалостно врачи отбраковывали кандидатов. Потенциальным космонавтам предъявляли высокие требования, необходимые для будущих полетов.

«Но кто мог сказать, какими должны быть эти требования? — писал Георгий Шонин.— Поэтому для верности они были явно завышенными, рассчитанными на двойной, а может быть, и на тройной запас прочности. И многие, очень многие возвращались назад в полки. В среднем из пятнадцати чело-

век проходил все этапы обследования один. Некоторых вообще списывали с летной работы. И кто мог дать гарантию, что этим списанным не окажешься ты? Приходилось рисковать, ради будущего рисковать настоящим — профессией летчика, правом летать. Неудивительно, что среди многих новых знакомых были ребята, которые уже в процессе отбора, заподозрив у себя какой-либо изъян, отказывались от дальнейшего обследования и уезжали к прежнему месту службы».

2 ноября. Руководитель комиссии по отбору кандидатов в космонавты, опытный врач, будущий руководитель Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов провожал в части этих летчиков.

— Продолжайте летать, но не выше стратосферы,— напутствовал он каждого.

6 ноября. Утром лейтенант Гагарин прибыл в часть и, как положено по уставу, доложил своему командиру о прибытии.

7 ноября. На построении личного состава полка Юрия Гагарина и еще нескольких молодых летчиков поздравили с присвоением очередного звания.

10 ноября. Напряженная жизнь в полку несколько сгладила остроту московских впечатлений. Волнения понемногу улеглись. Ждал из Москвы известий без особых переживаний. Что будет — то и будет. Главное — летать.

«...Потянулись дни ожидания... Как и прежде,— писал Юрий Алексеевич,— я по утрам уходил на аэродром, летал над сушей и морем, нес дежурство в полку, в свободное время ходил на лыжах, оставив Леночку на попечение соседей, вместе с Валей на «норвегах» стремительно пробегали несколько кругов на гарнизонном катке, по-прежнему редактировал боевой листок, нянчился с дочкой, читал трагедии Шекспира и рассказы Чехова».

К Гагариным заглянул на огонек старший лейтенант Георгий Шонин. Он не был в числе той четверки, что ездила в Москву на комиссию, и, естественно, его волновал вопрос: «А как там?» Гагарин рассмеялся: «Съездишь, узнаешь». Засиделись допоздна, Юрий рассказывал о высоких требованиях врачей, предъявляемых кандидатам в космонавты.

— Да ты не робей, Жора! Это только с виду, на первый взгляд, все кажется страшным и сложным. Ты пройдешь, я уверен!

Он всячески подбадривал друга, сочувствовал его переживаниям.

Вызов на Шонина пришел лишь в конце ноября.

21 ноября. Зима на Севере буйствовала вовсю. Выпал обильный снег, мороз сковал землю.

В гарнизоне состоялся обмен опытом полетов в зимних условиях. Говорили опытные летчики. Гагарин тоже высту-

пил. Он по элементам разбирал особенности полета в это время года: видимость, ветер, осмотрительность, посадка, торможение... С этого дня «старички» к нему стали относиться уважительно.

1 декабря. Юрий Гагарин продолжает все более серьезно интересоваться звездной астрономией, ее научными концепциями и гипотезами, связанными с космосом, в том числе теорией множественности обитаемых миров. И хотя он теперь сторонится публичных дискуссий, в то же время его интерес приобретает большую глубину и сосредоточенность.

2 декабря. На полетах присутствовали представители авиации штаба Северного флота. Проверяли организацию полетов, соблюдение требований НПП, знания должностными лицами своих функциональных обязанностей, технику пилотирования летчиков.

Методика ускоренного ввода в строй военных летчиков находила все большее понимание и поддержку в высших штабах. С инспектором по технике пилотирования в этот день летал старший лейтенант Гагарин. Всесторонне проверив летную выучку полярного летчика, представитель штаба поставил ему высший балл.

12 декабря. Отправил посылку с подарками и поздравления маме в Гжатск. Юрий знал, как дорога для матери всякая весточка от сына. Анна Тимофеевна плохо разбиралась в воинских званиях, армейской субординации. Но теперь, когда сын стал старшим лейтенантом, она не на шутку заинтересовалась, как скоро Юра получит новое звание. Реальность превзойдет материнскую мечту. Юрий Гагарин не будет носить капитанских погон. За совершенный подвиг он получит внеочередное звание досрочно — майор.

20 декабря. Беспокойство о своей судьбе Юрий никак внешне не проявлял. Как и советовали ему — ждал.

Валя в воскресные дни получала некоторую разгрузку: Юрий нянчил маленькую Лену, пел ей песни, гулял, читал вслух.

22 декабря. На партийном собрании эскадрильи обсуждались задачи коммунистов в новом году. Разговор шел острый и откровенный, подробно анализировались ошибки прошлого года. Коммунисты хорошо понимали, что нельзя успокаиваться на достигнутом, что только трезвый подход к реальному положению дел может способствовать движению вперед.

Это было последнее партийное собрание подразделения, на котором присутствовал Юрий Гагарин.

31 декабря. Вернулся из Москвы старший лейтенант Георгий Шонин. Юрий его встретил у штаба, стал тормошить, дескать, выкладывай новости. Георгий коротко рассказал о новой группе кандидатов, о том, что комиссия по отбору кос-

монавтов, начавшая работу еще в августе, все продолжает поиск, ездит по авиационным частям. И Гагарин, и Шонин достаточно трезво оценивали свои собственные перспективы и были готовы ко всему. И все же надежда жила в них.

— Меня может остановить только медкомиссия,— твердо сказал Юрий.— Буду добиваться. Да и тебе не советую пасовать.

Гагарин уважал Шонина, уважал не только за мужество и смелость, высокую летную квалификацию, но за человеческую порядочность, доброту, отзывчивость.

А вот слова самого Георгия Шонина: «Я благодарен судьбе за то, что на одном из перекрестков жизненных дорог свела меня с Юрием Гагариным».

1960 ГОД

1 января. Новый год встречали дома, впервые нарушив артельный закон Заполярья: болела Лена. Но вскоре после полуночи в гости к Гагариным пришли друзья. Оберегая сон Аленки, сели за стол, чокнулись, расцеловались, добрым словом помянули год ушедший, пожелали друг другу в наступившем году счастья. Георгий Шонин шепнул:

— Забыл тебе, Юра, сказать: у меня все в порядке, зачислен.

— Вот видишь, я тебе говорил,— воскликнул Гагарин, искренне обрадованный таким известием.— Я верил, что ты будешь допущен.

14 января. Пришло распоряжение из штаба авиации флота: командировать старшего лейтенанта Юрия Алексеевича Гагарина в Москву. Зачем и на сколько дней, не сообщалось.

20 января. Началось многонедельное «заточение» в военном госпитале.

Медики, психологи, баллистики, авиаторы настойчиво искали формулу «человек — космос». «Для полета в космос,— писал Юрий Алексеевич Гагарин,— искали горячие сердца, быстрый ум, крепкие нервы, несгибаемую волю, стойкость духа, бодрость, жизнерадостность». Обеспечить безопасность полета человека стало основным требованием к созданию космического корабля. Ученые искали, экспериментировали, пробовали. Известный советский военачальник Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин, возглавивший подготовку космонавтов, считал: «Космонавт — это человек, деятельность которого в процессе полета протекает в необычных условиях, оказывающих на его организм сильные нагрузки, нередко близкие к предельно переносимым».

23 января. В воскресенье процедур, анализов нет. Пси-

хологами предусмотрены подобные «окна». Летчики, устав от недельных экспериментов, облачались в валенки, драповые пальто, серые офицерские шапки и отправлялись гулять. Свирепствовал ветер, снег засыпал расчищенные дорожки. Сугробы, подобно барханам в пустыне, перемещались по парку, а летчики, привыкшие к аэродромным сквознякам, совершали круг за кругом.

Алексей Леонов, которого Гагарин попеременно называл: Блондин, Кучерявый, Карандаш, Художник, рассказывал Юрию о себе:

— Рисовать стал, когда еще не умел писать, не знал азбуки.

А когда в разгар Великой Отечественной войны в далекий сибирский край стали прибывать эшелоны с ранеными, юный Алеша рисует портреты бойцов и командиров. Тема войны всецело занимает его воображение. Все свои рисунки он передает раненым, они — их полновластные хозяева.

В один из летних дней 1944 года сохраненные рисунки Алеши Леонова были вывешены в больничных палатах. Это была первая «персональная» выставка, первое публичное признание.

Пройдут годы, и Юрий Алексеевич Гагарин скажет: «И у меня дома, и в квартирах космонавтов висят картины, написанные Леоновым на космические темы... Мы высоко ценим эти полотна, написанные товарищем...»

24 января. Процедуры возобновились. Кандидатов в космонавты обследовали новейшими биохимическими, физиологическими, электрофизиологическими, психологическими методами. После обеда, как правило, летчики отдыхали, читали, писали письма в полном неведении о том, что будет завтра.

Неторопливый, скупой на слова Андриян Николаев больше слушал, лишь изредка вставляя точные и весомые замечания. Авиационных анекдотов он не знал, расходовать время попусту считал вредным делом. Когда имя Андрияна Николаева станет всесоюзно известным, «На боевом посту» расскажет об одном происшествии.

Героев в этой истории два: самолет с бортовым номером 069 и старший лейтенант Андриян Николаев.

За этой машиной в полку укрепилась плохая слава. Однажды молодой техник, укрываясь от грозы, безмятежно лежал под ней на ватном тюфяке. Ударила молния, самолет оказался незаземленным. Лейтенанта здорово тряхануло. С этого дня под самолетом от дождя не прятались.

Как-то капитан Кулачка выполнял на 069 перехват цели в сложных метеорологических условиях. После успешного выполнения задания он развернул самолет к аэродрому. Сквозь толщу облаков земля не проглядывалась. Пришлось вести истребитель по приборам. И вдруг отказал радиоком-

пас — вышла из строя дальняя приводная радиостанция, аэродром совсем закрыло туманом. Горючее было на исходе. Летчику разрешили выйти за город и катапультироваться. Он так и сделал и благополучно опустился на парашюте. Каково же было его удивление, когда узнал, что оставленный им самолет спланировал и сел на грунт без единой поломки...

А вскоре на «роковой» самолет сел Николаев. На второй или третий день Андриян повел самолет в зону для выполнения фигур высшего пилотажа. На высоте шести тысяч метров выровнял машину и, выполняя «горку», стремительно понесся в лазурную высь. И вдруг на приборной доске вспыхнула лампочка «пожар». Андриян быстро осмотрелся. Обшивка фюзеляжа нигде не изменила цвета, на переднем стекле не бегали рубиновые блики. Но вот самолет тряхнуло. Еще раз, еще... Николаев убрал сектор газа. Толчки прекратились, вслед за этим стали убывать обороты турбин.

— Прошу посадку,— запросил Андриян Землю.

— Что случилось? Вы слышите меня? — волновался руководитель полетов. Маленький истребитель падал на землю...

Первым подбежал к самолету командир полка Герой Советского Союза полковник Соколов. Он помог Андрияну вылезти из кабины, сильно, по-мужски обнял, похлопал по плечу и сказал:

— Спасибо за службу. Награждаю тебя часами.

Самолет с бортовым номером 069 отбуксировали в ангар. Через два дня, после смены двигателя, он снова был на аэродроме. Николаев просил разрешения лететь на нем.

— Обуздать решил? Ну, давай, давай... Правда, это не лошадка!

— Обуздаю,— ответил односложно Николаев.

Шли месяцы. На самолете с бортовым номером 069 больше не случалось чепе. Постепенно стала утихать о нем плохая молва, а потом и совсем забылась.

25 января. Иногда процедуры прерывались, врачи уступали место психологам, будущим руководителям подготовки космонавтов. Беседовали индивидуально, коллективно, группа с группой. Легкой жизни никто не обещал.

Вечерами, когда придирчивая и неугомонная комиссия покидала стены госпиталя, летчики собирались в одной из комнат. Говорили о Циолковском, о Герберте Уэллсе и Алексее Толстом, Александре Беляеве. И еще больше говорили о планах на будущее, о котором точно никто ничего не знал и которое тревожило своей неизвестностью. Снимал напряжение Герман Титов: он читал стихи. Тихо, медленно, как будто для себя, он читал Лермонтова, Пушкина, Байрона, Гейне, Есенина, Блока...

31 января. В воскресенье по госпитальному парку можно гулять и утром и вечером. Морозный солнечный день, иск-

рящийся снег скрипит под ногами, полный, что называется, штиль. Ходят круг за кругом. Валерий Быковский, по природе своей молчун, не торопится перебить собеседника. Хотя язык у Валерия остр...

Из брошенных мимоходом немногих фраз Гагарин узнает, что Валерий любит спорт: волейбол, баскетбол, хоккей, бильярд, шахматы. И особенно — футбол. В футбол в его полку играли все летчики, техники, механики. И даже сам командир полка полковник Василий Игнатьевич Воронович. В связи с поголовным увлечением кожаным мячом он разрешил послать в Москву за новой футбольной формой.

Командир есть командир. Бутсы всем купили черные, а ему, Василию Игнатьевичу, желтые. На стадион полковник приходил, неся их в руке, бережно ставил на скамейку, а сам отдавался организаторской деятельности.

— Ребятки,— обращался он к своим, указывая на «противника»,— поддайте им хорошенько. Пусть знают, какие соколики в нашем полку. Плохо играть будете — сам выйду на поле. Стыдно будет. Где вратарь? (Им, как правило, был Валерий Быковский.) Иди сюда, Валера.

Вратарь молча слушал наставления командира, успевая внимательно следить за соперниками, разминающимися у противоположных ворот. Неказист собою вратарь. Ключицы буграми выпирают под голубой майкой. Острый подбородок уперся в грудь. Выслушав полковника, летчик согласно кивал головой и не спеша, вразвалку направлялся к своим воротам.

Начиналась игра, и менялся неузнаваемо вратарь. Когда противник атаковывал, он, казалось, не стоял, а летал в воротах, закрывал бреши. Но стоило только игре перейти на половину противника, как вратарь вновь становился вялым, угасал. А когда Валерий допускал ошибку, Василий Игнатьевич вскакивал со своего места на трибуне, размахивал руками, бежал к воротам, грозил отстранить вратаря от игры, а заодно и от полетов.

— Не соколики, а желторотики... Обыграть не могут. Такой пропустить! Вот влеплю строгача за плохую физподготовку... Сам выйду играть.

Полковник хватал новые, пахнущие кожей бутсы, расшнуровывал и пытался втиснуть ноги.

Одевание продолжалось долго и безуспешно. Игра подходила к концу. Василий Игнатьевич снимал бутсы, так и не ступив в них на поле.

В середине лета 1959 года игры были приостановлены — наступила горячая страда полетов. Эскадрильи летали посменно каждый день. Отрабатывались групповые и одиночные перехваты, маршрутные полеты. Казалось, все забыли о футболе.

В один из дней звено под командованием капитана Галагана задержалось на стоянке из-за невозвращения с маневров одного экипажа. Галаган упросил командира разрешить вылет в составе звена молодому летчику Быковскому. Через несколько минут истребители, промчавшись по полосе, скрылись в перистых облаках.

Эфир был полон звуков. Отовсюду шли доклады, запрашивались разрешения, неожиданно врывалась музыка, сменяемая треском и свистом. Василий Игнатьевич тревожно припал к стеклу КП: с северо-запада на аэродром надвигалась иссиня-черная громада туч. А вскоре небо прорезали всплески молний. Ураганный смерч подмял под себя все живое.

— «Сиваш», «Сиваш», я — «Беркут»,— взывала Земля.— Приказываю всем срочно вернуться на аэродром.

Полковник взял микрофон и, сдерживая волнение, охрипшим голосом проговорил:

— «Сиваш», «Сиваш»... Валерий, как самочувствие?

Динамик молчал. Командир плотно сжал губы. Густые, выцветшие брови сошлись в одну прямую линию.

Полковнику казалось, что прошло по крайней мере минут 20 после того, как запросил Быковского. Еще он успел подумать о растерявшемся в воздухе молодом летчике. Ведь Быковский не ас. Получив шторм-предупреждение, он, командир, не отменил вылет.

— «Беркут»,— вдруг протрещал динамик. Полковник вздрогнул...— Я — «Сиваш». Самочувствие отличное. Возвращаюсь на аэродром...

Ладони командира стали влажными.

— Валера...— проговорил он, нарушая порядок переговоров,— ты должен посадить самолет. Посадку будешь производить первым.

— Вас понял.

Полковник включил аэродромный селектор:

— Все на аэродроме. Убрать от полосы на 200 метров людей и технику. Включить аэродромные огни. Санитарную машину к месту встречи самолетов, пожарной — первая готовность.

Низкие тяжелые тучи все сильнее заволакивали аэродром, когда в высоте послышался гул турбин возвращающихся самолетов.

— Валера, голубчик,— тихо сказал полковник и громко добавил в микрофон: — Не теряйся, спокойно. Иди на дальний привод. Осмотрись. Щитки выпусти... Молодец, дарю тебе свои бутсы. Теперь ты в них играть будешь...

Самолет Быковского стремительно мчался по полосе, вслед за ним на посадку заходили асы...

На финальную кубковую встречу вратарь команды «Со-

кол» вышел в голубой с серыми подтеками майке и новых желтых бутсах.

1 февраля. Процедуры... Придирчивые эскулапы продолжают выискивать у своих пациентов пороки: бывшие, скрытые, нынешние.

По словам Гагарина: «Врачи выявляли, какая у нас память, сообразительность, сколь легко переключается внимание, какова способность к быстрым, точным, собранным движениям».

Результаты своих выводов врачи хранили как большую тайну. И все же в накаленном воздухе госпитального мира витали слухи об отчислении. Нет дыма без огня: тайные вести вскоре подтвердились. Некоторые летчики возвратились в свои части. Группы стали редеть, число жильцов в комнатах уменьшаться.

6 февраля. Врачи объяснили принцип отбора кандидатов в космонавты. В полете космонавт будет находиться в условиях длительной гиподинамики и невесомости, экипажи космических кораблей подвергнутся испытанию в замкнутом пространстве на психологическую совместимость и т. д., и т. п И чтобы избрать методы борьбы с опасными явлениями, нужно выявить их негативное воздействие на человеческий организм.

8 февраля. Из группы кандидатов уезжали летчики, не пожелавшие больше подвергать себя «непонятным» экспериментам. Это были непредусмотренные потери. Собрались в большой палате, молча посмотрели друг другу в глаза. Каждый считал себя правым: и тот, кто оставался, и тот, кто уезжал. Комиссия никого не удерживала. Принцип добровольности соблюдался неукоснительно. Но в этот день, да и в последующие, в палатах не было обычного оживления.

9 февраля. Вышел первый номер стенной сатирической газеты «Шприц». Идея выпустить газету коллективная. Первым редактором был Юрий Гагарин. Вторым, бессменным — Алексей Леонов.

13 февраля. Врачи придирчиво исследовали каждого кандидата в космонавты. Вспоминают.

Евгений Хрунов: «Группа все уменьшалась. Каждый день кто-то покидал госпиталь... В конце концов из всей нашей группы остался я один. Один из тридцати летчиков, годных без ограничения к «новой» летной работе».

Георгий Шонин: «В среднем из пятнадцати человек проходил все этапы обследования один».

Павел Попович: «Проверка наших физиологических данных была бескомпромиссной. Из-за малейшего изъяна отчисляли сразу».

15 февраля. Основная программа медицинского обследования, как видно, идет к концу. Говорить об окончательных

результатах еще рано, но основные составы групп уже наметились. Отсевы могли быть в барокамере, на центрифуге и других подобных испытаниях. Однако в середине февраля наметился крен в сближении медиков и летчиков.

Врачи стали добрее, внимательнее, улыбчивее.

19 февраля. Свободным от экспериментов наконец разрешили выход в город. Врачи советовали театр, кино, музей, хоккей.

Гагарин уехал в Гжатск. Сказал, что в командировке, вот выкроил пару дней. Дома пока все без изменений, летаю, служу. Лена скоро плясать начнет...

25 февраля. Завершение программы медицинской комиссии предполагается к третьему марта. Седьмого встреча с главнокомандующим ВВС.

С этого дня отсевов не было. Сформировался первый отряд советских космонавтов, большинство из них были коммунисты, пять — комсомольцы. Все космонавты летали на современных реактивных самолетах «МиГ-15», «МиГ-17», а капитан Павел Попович — на сверхзвуковом истребителе «МиГ-19». Они имели налет от 250 до 900 часов, от пяти до девяти парашютных прыжков.

7 марта. В первый отряд космонавтов вошли: Павел Беляев, Валерий Быковский, Борис Волынов, Юрий Гагарин, Виктор Горбатко, Владимир Комаров, Алексей Леонов, Андриян Николаев, Павел Попович, Герман Титов, Евгений Хрунов, Георгий Шонин и другие. Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами Главный маршал авиации Константин Андреевич Вершинин встретился с ними.

Позднее Гагарин вспоминал: «Он (Вершинин) встретил нас по-отцовски, как своих сыновей. Интересовался прохождением службы, семейными делами, расспрашивал о женах и детях и в напутствие сказал, что Родина надеется на нас».

Маршал поздравил военных летчиков с назначением на новые должности.

11 марта. Гагарин, зачисленный в отряд космонавтов, вместе с семьей выехал к новому месту службы. В приказе по части говорилось: «Старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича... откомандировать в связи с назначением на новую должность...»

14 марта. В Центре подготовки космонавтов начались занятия. Первые «вводные» часы провел Николай Петрович Каманин, завершивший свое выступление словами: «Первый полет в космическое пространство может совершить человек, олицетворяющий высшее духовное достижение своего народа, обладающий чувством огромной ответственности, глубоко сознающий свою научную и патриотическую миссию, в совершенстве подготовившийся в объеме программы».

Потом родилась еще одна крылатая фраза: «К полету готовят тысячи — в космос полетит один».

Лекции читали видные ученые, инженеры. По словам Н. П. Каманина, «преподаватели представляли собой лучшие силы высших учебных и научных учреждений».

На Севере Гагарин был знатоком Циолковского, но здесь, в Центре, быстро понял мизерность собственных знаний.

17 марта. Временная база космонавтов размещается в Москве на Ленинградском шоссе. При нынешних размерах столицы это был центр.

18 марта. Евгений Анатольевич Карпов, врач, которому будет поручено возглавить первый отряд космонавтов, человек большой эрудиции. Вот как характеризует его Гагарин: «Красивый, синеглазый, остроумный, он сразу расположил к себе нашу группу, и даже те, кто уже отчислялся по состоянию здоровья, уезжали с хорошим чувством к нему».

Карпов объявил, что с будущей недели вводится новое расписание: три дня теоретические, три дня спортивные... «Возможно,— добавил он,— для следующих поколений космонавтов будет другая, облегченная программа, но вы... должны пройти эту...»

19 марта. Начальство разрешило часть субботы и воскресенья посвятить устройству быта. Холостяки разместились в гостинице, во владениях доброй и заботливой тети Степаниды, женатые, а они пребывали в значительном меньшинстве, на квартирах.

Будущих космонавтов влекла к себе Москва. Всем хотелось побольше посмотреть, чаще бывать в театрах, в музеях, но времени было в обрез. «Потом,— сказал Карпов.— Все успеем. Это, кстати, входит в программу подготовки».

22 марта. На занятия к космонавтам приехал один из пионеров советского ракетостроения, профессор Михаил Клавдиевич Тихонравов. Космонавты знали, что он работал в ГИРДе, является конструктором первой советской ракеты «ГИРД-09», хорошо знает Королева и Глушко.

Михаил Клавдиевич открыл курс «Механика космического полета».

23 марта. Медики не только не оставляют без внимания космонавтов, они стремятся «владеть» ими в течение всех двадцати четырех часов. «...Медицинские барьеры...— говорил Алексей Леонов,— было брать все труднее — врачи становились все придирчивее. И тут уж в нас заговорило профессиональное самолюбие: разве может истинный летчик уронить себя в глазах медиков, которые любой ценой хотят заставить тебя совершить вынужденную посадку? Чтобы удержаться на высоте, нужно было, как говорится, пройти огонь, воду и медные трубы.

И мы их прошли».

28 марта. Состоялась встреча с заслуженным мастером спорта, известным парашютистом, рекордсменом мира Николаем Константиновичем Никитиным. О нем ходили легенды: волевой, хотя и педант, сильный и красивый человек, бесстрашный экспериментатор. Никитин делал в воздухе чудеса. Он выслушал космонавтов, установил степень парашютной подготовки каждого. Однако все, что он говорил, хотя и выглядело фантастично, но казалось им совсем ненужным. Слушая Никитина, Шонин разочарованно спросил Быковского:

— Валера! Тебе не кажется, что мы с тобой сели не в тот вагон?

— Да, Жорик, пора отсюда сматываться, пока нас еще хорошо не запомнили.

Жизнь рассудила иначе. Через несколько дней Быковский боялся пропустить хотя бы одно слово Никитина.

Однажды Гагарин записал:

«Больше всего я сейчас ощущаю нехватку знаний, свою слабую начитанность, недостаточную информированность. Нужны знания! Необходимо учиться! И опять читать! Кажется, Танеев говорил: «Ни одно занятие не представляет такой бесполезной траты времени, как чтение без определенной системы».

13 апреля. Слушатели курсов по подготовке космонавтов вылетели в Поволжье на специальные занятия по парашютной подготовке. Никитин составил жесткий распорядок: подъем, зарядка, теоретические занятия, показательные прыжки, самостоятельные пробные прыжки.

— За несколько недель вы должны сделать сорок прыжков,— констатировал Никитин,— стать инструкторами парашютной подготовки...

Тогда эта задача показалась непосильной, прямо-таки фантастической. Разве можно за двадцать летных дней сделать сорок прыжков? Но оказалось— можно.

7 мая. Пришло сообщение об утверждении Положения о Центре подготовки космонавтов.

«Не было его (Центра),— писал Н. П. Каманин,— но он появился, получив звучное название — Звездный городок.

...Когда начинали, здесь шумел лишь ветер в верхушках берез, елей и сосен. Обычный подмосковный лесной массив с его опушками, лесными дорогами и даже с участками любителей-садоводов. Вдали от шумных магистралей, от промышленных предприятий и городов... наполненный свежим воздухом, запахами подмосковного леса, солнечный и тихий».

15 мая. В полдень узнал о запуске в космос корабля-спутника весом более четырех с половиной тонн. Этот запуск явился отработкой всех систем, обеспечивающих безопасный полет человека. Теперь следовало ждать каких-то решительных известий. И они действительно последовали.

Рабочий день уплотнился до предела, выходные дни становились рабочими. Усложнилась система тренировок, отныне плавание, хоккей, городки, волейбол и другие виды спорта становились обязательными. То, что раньше было развлечением, облекалось в рамки учебного процесса. «Некоторые из элементов тех тренировок,— по свидетельству летчика-космонавта СССР Евгения Хрунова,— потом отпали как малоизученные или вовсе ненужные. Но тогда мы не знали, что является главным, а что второстепенным. И потому нас готовили ко всем маловероятным, неожиданным встречам, ситуациям, готовили к необычному — готовили к космосу».

28 мая. На подведении итогов говорили о важности теоретического курса, о результатах парашютных прыжков. Теперь появилась возможность тщательно изучить, проанализировать возникшие трудности, непредвиденные обстоятельства. У Германа Титова при прыжке перехлестнулись стропы, купол обвис, не наполнившись воздухом. Титов воспользовался запасным парашютом.

Павел Попович прыгал с поврежденным плечевым суставом.

Павел Беляев на прыжках с парашютом сломал ногу...

«Все понимали,— отмечал Шонин,— что первый человек, который пойдет в космос, должен быть не просто безрассудно храбр. Он должен иметь крепкую волю, быть хладнокровным, уметь владеть собой в самых неожиданных и сложных ситуациях, быть способным принять правильное решение в условиях острого дефицита времени. Развитию всех этих качеств во многом способствовала программа парашютной подготовки».

29 мая. Гагарин ездил в Гжатск, был у родителей, встречался с Валентиной.

На вопрос о новой работе ответил уклончиво: много прыгаю, летаю, бегаю. А что он мог сказать? Он был еще летчиком. Космического корабля в глаза не видел, и, несмотря на обнадеживающие запуски космических аппаратов, полет человека в космическое пространство представлялся ему делом по времени не таким уж близким.

30 мая. Истекал срок кандидатского стажа. Гагарин в соответствии с Уставом КПСС обратился за рекомендациями к своим однополчанам по Заполярью. Рекомендации прислали Решетов Владимир Михайлович, Росляков Анатолий Павлович и Анатолий Федорович Ильяшенко.

31 мая. Учитывая сжатые сроки подготовки космонавтов, из отряда выделялась ударная шестерка, старшиной которой назначался офицер Гагарин. Что будет дальше, никто не знал. Много прояснится при первой встрече с Главным конструктором.

На лекциях пока по-прежнему присутствовал весь отряд

космонавтов, но тренажная аппаратура предпочтительно отдавалась ударной шестерке.

2 июня. Тема инопланетян почти никогда не угасает. К ней обращаются как сами преподаватели, так и слушатели.

Воображение волнуют необъяснимые находки в перуанском местечке Наска, загадочные сооружения в английском местечке Стоунхенж, которые, по мнению некоторых ученых, имеют инопланетное назначение.

О создании Стоунхенжа существует много легенд. Считалось, что Стоунхенж построен магом Мерлином, который сумел перетащить из Ирландии гигантских размеров камни. Но для чего, для каких целей построен Стоунхенж почти четыре тысячи лет тому назад? Ученые утверждают, что Стоунхенж — каменная астрономическая обсерватория. Здесь с удивительной точностью вели счет календарным дням, отмечали начала времен года, предсказывали наступление солнечных и лунных затмений.

Ученые назвали Стоунхенж «вычислительной машиной нашего века».

Изучая британское чудо света, многие ученые придут к выводу о возможности контактов неизвестных высокоразвитых цивилизаций с землянами.

Иногда Юрий Алексеевич рассказывал об этом своей Елене, убеждая ее сейчас спать, а когда вырастет, разгадать для планетян эти непостижимые загадки.

3 июня. Евгений Анатольевич Карпов беседовал с ударной шестеркой, разбирал действия каждого, успехи и просчеты.

— Очень трудная программа,— сказал он,— знаю, что не каждому по плечу она, но ведь вы... вы лучшие из кандидатов...

Высокообразованный врач, до инженерного уровня познавший космическую технику, ученый и новатор, Карпов стал первым наставником космонавтов, не утеряв своего лидирующего положения и в последующие годы.

Первый начальник Центра подготовки космонавтов, Евгений Анатольевич всегда вносил много нового. Он объявил, что с группой будут работать кинооператоры, психологи, художники. Через несколько месяцев руководители Центра подготовки космонавтов, просмотрев пленку, обратят внимание на роль Гагарина в коллективе, его взаимоотношения. Гагарин стал нравственным центром.

4 июня. Загадки Вселенной может познать и разгадать только человек. Тайн Вселенной много. Почему Меркурий не повторяет своей орбиты, чем объяснить воздействие Луны на Землю (приливы и отливы, рождаемость и смертность) и многое другое, одиннадцатилетние циклы Солнечной активности, почему при существовании Земли 5—8 миллиардов лет жизнь на ней существует лишь один миллиард лет...

Великий Циолковский, создавая научную программу освоения космоса, предлагал:

«Сначала можно летать на ракете вокруг Земли, затем можно описать тот или иной путь относительно Солнца, достигнуть желаемой планеты, приблизиться или удалиться от Солнца, сделавшись кометой, блуждающей многие тысячи лет во мраке звезд... Человечество образует ряд межпланетных баз вокруг Солнца, использовав в качестве материала для них блуждающие в пространстве астероиды... Реактивные приборы завоюют людям беспредельные пространства и дадут солнечную энергию, в два миллиона раз большую, чем та, которую человечество имеет на Земле».

10 июня. Преподаватели говорят о кометах, астероидах, метеоритах. Научные теории достаточно стройны, но недостаточно верны. В науке много недоказуемого, но в космическом исследовании доказуемое не всегда верно. Космонавтов многое просят принять на веру, априори, так сказать, на слово, но ученые сами возбудили интерес к науке, сами хотели получать максимум от космонавтов, найти активных помощников.

Учеными установлено, что на поверхность Земли ежегодно выпадает 40 тысяч тонн космического вещества (это примерно 100 тонн в сутки). Эту массу образуют 600 тонн мелкой пыли, 16 тонн мелких метеоритов, примерно столько же выпадает космических тел весом от 100 граммов до 10 тонн, интерполяция числа космических частиц представляет массу 6 тысяч тонн.

Если принять, что за последний миллиард лет поток космической материи на Землю не изменялся, то за это время на поверхности нашей планеты накопилось 4×10^{13} тонн внеземного вещества. Если бы эта выпавшая «межпланетная материя» не смешивалась с почвой, земной шар покрылся бы слоем в 2—3 сантиметра.

Планета во власти стихии, человечество неотделимо от мира Вселенной, безмерное пространство космоса — рабочая среда для людей.

16 июня. В этот день первичная партийная организация рассмотрела заявление Юрия Алексеевича Гагарина, в котором он писал: «Прошу партийную организацию принять меня в члены КПСС... Хочу быть активным членом КПСС, активно участвовать в жизни страны...»

В присланных рекомендациях бывшие сослуживцы по Заполярью писали,— Решетов: «Политически развит хорошо... Принимал активное участие в общественных и спортивных мероприятиях»; Росляков: «Летает грамотно и уверенно... являлся членом комсомольского бюро части. Партийные поручения выполнял своевременно и добросовестно...»; Ильяшен-

ко: «...идеологически выдержан, морально устойчив... Активно участвовал в работе партийных собраний, хорошо выполнял партийные поручения, был редактором «Боевого листка».

Коммунисты единогласно проголосовали за принятие в члены КПСС Юрия Алексеевича Гагарина.

18 июня. Евгений Анатольевич Карпов сообщил, что Главный конструктор приглашает к себе космонавтов. Авторитет Сергея Павловича Королева был чрезвычайно велик, и встреча с таким человеком для слушателей, конечно, была большой честью.

Королев и его помощники приняли у себя космонавтов.

Сергей Павлович, вглядывался в лицо офицера, представлялся: «Очень рад вам, будем знакомы, Королев».

Идеальная чистота, образцовый порядок, четкая организованность.

Усадив за длинный стол, он обратился к присутствующим:

— Прежде всего рад приветствовать вас, главных испытателей нашей пилотируемой продукции... Да, мы дожили до того времени, когда полет человека в космическое пространство не мечта, не фантазия, а реальность, реальность завтрашнего дня... Кто-то из вас будет первым, пока ненадолго, и полет только один на трехсоткилометровую орбиту... Готовьтесь... Машина уже есть...

Главный конструктор пригласил гостей посмотреть на космический корабль. Прошли в цех.

Сергей Павлович показывает на большой круглый шар и называет его космическим кораблем. У шара-то и крыльев нет, хвостового оперения и кабину определить нельзя. Словом, этот предмет лишен привычных форм летательного аппарата — самолета. Стоит на подножках белый шар, и сразу не догадаешься, что это такое.

А Главный конструктор спрашивает:

— Может быть, кто-нибудь желает посмотреть космический корабль?

— Разрешите мне? — говорит старший лейтенант Юрий Гагарин. Сергей Павлович внимательным взглядом посмотрел на невысокого офицера и кивнул.

Гагарин стремительно подошел к кораблю и потрогал рукой обшивку, повернулся и улыбнулся присутствующим.

Гагарин взялся за поручень и не поднялся вверх к открытому люку, как этого ожидали присутствующие, а замер на стремянке и медленно опустился на пол на растянутый брезент и снял черные форменные ботинки.

В космический корабль, как в новый дом, по народному обычаю он входил без обуви.

«Какое уважительное отношение к труду»,— скажет о Га-

гарине потом ученый. Встреча с Главным конструктором произвела большое впечатление и на Юрия Гагарина.

«Мы увидели широкоплечего, веселого, остроумного человека,— писал Юрий Алексеевич после этой встречи.— Он сразу расположил к себе и обращался с нами как с равными, как со своими ближайшими помощниками».

25 июня. Расписание занятий на июль, объявленное руководством, предполагало экзамены, зачеты. Необходимо было серьезно готовиться. Юрий Гагарин занимается днем, вечером. Театр, кино, лесные прогулки на время приходится забыть. Зачеты!

29 июня. Пока никто не говорил о сроках полета человека в космическое пространство, не было установлено ориентировочных дат, а учебная нагрузка не уменьшалась.

«Домой приходил усталый,— вспоминает Юрий Алексеевич,— ног под собой не чуял. Понянчусь с дочкой, присяду и начну клевать носом».

1 июля. Начались эксперименты на вибростенде, термокамере, центрифуге, сурдокамере, все чаще слушателей приглашали ученые, конструкторы, инженеры, показывали ракеты, космические корабли, скафандры и другие космические атрибуты.

Несмотря на большую занятость, Сергей Павлович стремился каждый раз, когда космонавты приезжали на его предприятие, встретиться и побеседовать.

Однажды он сказал:

— У нас все готово к полету, но надо все проверить, опробовать, убедиться в надежности, безопасности для жизни. Если вы мне скажете, что ради полета в космос готовы пожертвовать жизнью, я перестану вас уважать... Жизнь — самое важное благо и за нее надо бороться, идти на все, кроме подлости...

13 июля. Космонавтам объявили, что создан тренажный комплект космического корабля, на котором они будут отрабатывать все элементы полета и посадки. Создавать такую тренажную аппаратуру было, конечно, сложно. На корабле было установлено триста приборов, двести сорок электронных ламп, шесть тысяч триста полупроводниковых транзисторов и семьсот шестьдесят электромагнитных реле. И все-таки, несмотря на огромные трудности, тренажный комплект, полностью или почти полностью имитирующий полет космического корабля «Восток», был создан, и на нем начались тренировки.

16 июля. Валя пошла работать по своей специальности. Лену определили в детские ясли. Это несколько разгрузило Юрия Алексеевича, и он теперь целиком себя посвятил делу.

Начались тренировки на центрифуге. Требовательный и серьезный ученый Адиля Ровгатовна Котовская установила строжайшую дисциплину: тщательный медицинский осмотр испытателя-слушателя: температура, пульс, дыхание, кардио-

грамма. Если допущен — сестры устанавливают датчики и усаживают в кабину. Команды те же, что на космодроме:

— Старт!..

Были приняты все меры предосторожности, однако чепе произошло.

В один из дней, осмотрев испытателя после тренировки, Адиля Ровгатовна обнаружила у него на спине множественные точечные кровоизлияния. Тренировки были приостановлены, начались вновь опыты на животных.

Работа с людьми была отставлена на неопределенное время. Необходимо определить действие перегрузок в направлении грудь — спина. Котовская искала, экспериментировала, хотела определить природную устойчивость человека к перегрузкам, психологически подготовить к воздействию ускорений, подсказать особенности спортивной подготовки.

24 июля. Во время купания сломал шейный позвонок Валентин. Он был немедленно доставлен в госпиталь, где в неподвижном состоянии пролежал больше месяца. Благодаря усилиям врачей Валентин выздоровел, но из отряда пришлось уйти.

«Это была первая,— вспоминает летчик-космонавт СССР Георгий Шонин,— но, к сожалению, не последняя потеря. По различным причинам и в самое разное время из отряда ушли Марс и второй Валентин, Анатолий и Иван, Григорий и Дмитрий и третий Валентин — младший...»

Да, труден, тернист путь в космос... Как многие другие профессии, профессия космонавта предполагает огромный труд, преданность своему делу, способность и готовность пойти на риск.

На этом пути были не только победы, но и поражения. Из «гагаринского набора» в Центре подготовки продолжают работать только восемь.

28 июля. Подошла очередь Гагарина на эксперимент в сурдокамере. Полная тишина, мертвая атмосфера кругом. Этот эксперимент проводился под тщательным наблюдением врачей, круглосуточным контролем. Жить в ограниченном пространстве в сплошной тишине неуютно, но это необходимо, надо загрузить себя работой.

Юрий читал. На ключе отстукал радиосообщение: «Живу отлично. Настроение бодрое. Ничего особенного не чувствую. Приступаю к работе».

Он хорошо знал условия, в которых будет находиться десять или более суток. Валерий Быковский первым прошел испытание сурдокамерой. Когда он вышел, его спросили: «Ну, как?» — «Ничего, отсидел»,— ответил он.

Вот теперь должен отсидеть Гагарин. За ним следят, наблюдают, в случае беды помогут. Главное — занять себя. Он составляет четкий распорядок: основное — работать. Читает, ри-

сует, записывает свои размышления, идеи. Было очень трудно, появилось гнетущее чувство одиночества, беспомощности, слабости, иногда он был готов передать: откройте, выпустите, поднимал руку, чтобы сообщить это единственное слово. Но он его не произнесет. Он хорошо знал, что в полете будет еще труднее, и сосредоточивал свое сознание и волю на долге, побеждал слабости.

Позднее врачи писали: «В опыте по длительному пребыванию в замкнутом пространстве Ю. А. Гагарин показал высокий уровень функциональных возможностей нервно-психологической сферы, высокую устойчивость к воздействию экстрараздражителей — помех при выполнении заданной деятельности, адекватные двигательные реакции на новизну, быстроту ориентировки в окружающем, умение владеть собой, высокую способность расслабляться даже в короткие паузы, отведенные для отдыха, быстро засыпать и самостоятельно пробуждаться в заданный срок, отсутствие четких суточных колебаний работоспособности по результатам выполнения заданий при необычном, перевернутом распорядке: ночью — деятельность, днем — отдых. Одиночество перенес легко. Отклонений от нормы не обнаружил».

«Трудновато было порой в этой «одиночке»,— вспоминал позднее Юрий Алексеевич.— Тем более что, входя в нее, не знали, сколько времени придется пробыть наедине с самим собой, со своими мыслями».

19 августа. В Советском Союзе осуществлен запуск корабля-спутника, на борту которого находились собаки Белка и Стрелка, белые мыши, растения и насекомые.

Главной же задачей эксперимента была отработка систем, обеспечивающих жизнедеятельность человека, безопасность его полета.

Юрий Гагарин записывает восторженную хвалу ученым, осуществившим такой запуск и практически подготовившим полет человека в космическое пространство.

23 августа. Интенсивность тренировок не уменьшалась. Эксперимент шел за экспериментом, возросла нагрузка. На каждого космонавта составили характеристики. О Гагарине писали: «...любит зрелище с активным действием, где превалирует героика, воля к победе, дух совершенствования. В спортивных играх занимает место инициатора, вожака, капитана команды. Как правило, здесь играют роль его воля к победе, выносливость, целеустремленность, ощущение коллектива. Любимое слово — «работать».

На собраниях вносит дельные предложения. Постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность всегда устойчива. Его очень трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое...

Вместе с тем трезворассудителен. Наделен беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко: работает результативно. Развит весьма гармонично.

Чистосердечен. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Скромен.

Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстрой реакцией. Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам. Уверенно манипулирует формулами небесной механики и высшей математики.

Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели его некоторые друзья. Отношения с женой нежные, товарищеские».

30 августа. Сергей Павлович Королев на встрече с космонавтами сказал, что нам очень помогают, не жалеют средств, буквально во всем идут навстречу... Все это аванс, за который нам отчитываться хорошими делами перед своим народом...

Центральный Комитет партии, секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, ведающий этим направлением, делают все, чтобы большие задачи по освоению космического пространства были успешно выполнены.

Юрий Алексеевич хорошо помнил слова Главного маршала авиации К. А. Вершинина, которые он сказал в напутствие будущим космонавтам: «Пришло время готовить людей... Много интересного и нового ждет вас, но много и трудного. Дело это, очевидно, необычное, и вам придется часто идти целиной, непроторенными путями, как говорили древние, «через тернии к звездам»... Партия и правительство придают космическим исследованиям первостепенное значение...»

1 сентября. Отношения в отряде сложились сами по себе, были они дружественными, искренними, честными. Простота и доверие, готовность к взаимной помощи объединили этот здоровый коллектив. Многие имели дружеские клички, но ни Владимир Комаров, ни Павел Беляев, самые старшие из группы, при всех равных положениях не имели других имен и пользовались особыми привилегиями. Они имели уже высшее образование, большой войсковой опыт, охотно помогали своим товарищам изучать математику, физику, астрономию. Юрий Алексеевич любовно называл их «академики» и нередко обращался к ним за помощью. В свое время Сергей Павлович, беседуя с космонавтами, напутствовал их: «Вы должны не хуже нас, стариков, разбираться в вопросах физики и ракетодинамики. Вы должны знать высшую математику и сопротивление материалов...»

2 сентября. Гагарины получили новую квартиру. Посмотреть, как живут молодые, из Оренбурга приехала мама

Валентины Ивановны. Решили отпраздновать новоселье, пригласили друзей, соседей...

4 сентября. Появилась возможность отвлечься, съездить в Гжатск навестить родителей, братьев. Как всегда, Юра привез подарки.

Дома заметили в Юре перемены. Чем объяснить их, никто не знал, чем Юра живет эти месяцы работы в Подмосковье, он не говорил, а лишнее у военного человека спрашивать нельзя.

16 сентября. Адиля Ровгатовна Котовская с методической неуступчивостью шла вперед. Она увеличивала нагрузку на испытателей, вырабатывала рекомендации восстановления организма после эксперимента. Старший лейтенант Гагарин легко переносил нагрузки, которые еще недавно казались врачам крайне допустимыми и даже опасными. Обследовав Гагарина после эксперимента, доктор Котовская и недоумевала, и радовалась редкостному сочетанию физического и духовного развития летчика. В один из дней она решилась на новую нагрузку — 13, то есть увеличить ее для Гагарина в тринадцать раз.

Кабина, ускоряя бег, закрутилась по кругу.

— Как самочувствие? — спрашивала доктор.

— Хорошее,— тотчас по системе телефонной связи ответил Гагарин.— А у вас?

20 октября. К тренировкам на аппаратуре прибавились полеты на самолетах. Летали на истребителях, двухместных учебно-тренировочных самолетах, на «Ту-104», оборудованном под космическую лабораторию для кратковременного создания невесомости. Юрий Гагарин записал в журнале:

«...ощущение приятное, хорошее, ощущение легкости и свободы. Изменений со стороны внутренних органов не было никаких. В пространстве ориентировался нормально... Показания приборов читались хорошо. После невесомости ощущение обычное...»

7 ноября. Юра и Валя Гагарины приехали в Гжатск на свадьбу младшего брата Бориса. Юрий был необычайно весел, много шутил, провозглашал здравицы в честь молодых. Поздравляя их, он сказал:

«Молодоженам принято желать счастья... Не знаю, правильно это или неправильно, но таков народный обычай. Я же хочу призвать Азу и Бориса быть мудрыми, терпеливыми, добрыми. Можно дать деньги взаймы, подарить радиоприемник, но никто не может подарить вам счастья, кроме вас самих. Брак ваше добровольное дело, вы осознанно пошли на установление новых отношений, так дорожите взаимным доверием, любовью, будущим...»

1 декабря. В Советском Союзе осуществлен запуск ко-

рабля-спутника, на борту которого находились собаки Пчелка и Мушка и другие биологические объекты. Предполагалось провести измерение доз космического облучения.

7 декабря. «Горьковатый осадок, вызванный гибелью Пчелки и Мушки,— писал Юрий Алексеевич Гагарин,— в котором мы боялись признаться самим себе...»

Тренировки, как отмечал Гагарин, продолжались в ускоренном темпе.

Теоретический курс заканчивался, и основное учебное время отводилось «обживанию космического корабля».

«Во время тренировок,— писал летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов,— мы пытались представить в своем воображении реальный космический полет, но это не очень удавалось. Не удавалось потому, что еще никто не летал в космос, еще никто не ощутил на себе реальные условия такого полета».

Сергей Павлович тяжело переживал неудачу — гибель четвероногих помощников, замкнулся, весь ушел в работу.

Первыми к Королеву приехали Гагарин и Беляев. Эти два человека пользовались особым расположением Главного.

Павел Беляев недавно вернулся из госпиталя, где он лежал со сломанной ногой.

20 декабря. Приближался Новый год. Юрий послал поздравления в Оренбург, Гжатск, пригласил в гости.

Просьбу свою обусловил состоянием Вали — она ждала ребенка.

27 декабря. Вопрос о полете человека в космическое пространство стал реальным. На стихийно возникшем совещании членов отряда встал вопрос: кто полетит первым?

«Лететь, наверное, Юрию» — было коллективное мнение. Летчик-космонавт СССР Андриян Николаев вспоминает:

«Убеждены, Юра, что первым полетишь ты. А потому вот тебе наше напутствие: самое трудное быть первым, но мы все крепко в тебя верим и крепко на тебя надеемся. И еще одно: какая бы слава на тебя ни обрушилась, мы надеемся, что ты останешься самим собой, таким же, каким мы знаем тебя сейчас.

Гагарин и думать не мог, что стартовать первым придется именно ему. Но мы-то в этом не сомневались и потому настаивали на своем и требовали от него прямого ответа.

Взволнованный, растроганный до глубины души, Юрий обнял за плечи меня и Германа — он сидел между нами — и сказал:

— Ну, что вы, ребята... Вот вам мое сердце. Оно всегда останется таким же».

17 января. Начались экзамены в отряде космонавтов. Представительная комиссия в составе Волынкина, Карпова, Феоктистова, Сашкяна под председательством генерала Н. П. Каманина приступила к приему экзаменов. Все космонавты показали отличные знания. Комиссия по собственному усмотрению внесла предложение об очередности полета. Она предложила такой порядок: Гагарин, Титов, Николаев, Быковский, Попович.

25 января. На основании результатов сданных экзаменов было присвоено звание космонавта первой шестерке отряда космонавтов.

В эти дни много говорят о будущих полетах, фантазируют, мечтают. Такой вечер воспоминаний С. П. Королев предложил провести у него дома. «А то другого времени не будет»,— сказал он. В этот день Сергей Павлович отмечал день своего рождения.

«Завидую вам, молодежь! — скажет Сергей Павлович.— Сколько интереснейших дел предстоит выполнить непосредственно вам!»

1 февраля. Юрий написал письмо в Гжатск, рассказал о делах, самочувствии Валентины, повторил приглашение, сообщая, что предполагается длительная командировка, и просил выручить его, помочь.

В феврале в гости приедут к нему мать и отец.

20 февраля. Космонавты начали изучение и примерку скафандров. Юрий шутил: «Скафандр — это космический корабль в миниатюре, земля для персонального пользования».

24 февраля. С отрядом космонавтов беседовал Николай Петрович Каманин. Говорил о близких и далеких задачах, о завершении тренировок, сказал, что освоение космоса — дело чрезвычайно трудное, но никто не знает, чем землянам придется заплатить за свою дерзость...

Каманин разрешил сообщить женам, своим близким родственникам о том, что один из отряда полетит в марте в космос.

«Положение драматизировать не надо,— напомнил Николай Петрович,— но дело новое, требующее максимума напряженности...»

7 марта. В семье Гагариных родилась вторая девочка, ее назвали Галей.

13 марта. Состоялось партийное собрание. Выступая на этом собрании, Юрий Алексеевич сказал: «Подходит к концу наша подготовка, приближается день старта. Этот полет будет началом нового этапа нашей работы... Я могу заверить, что не пожалею ни сил, ни труда, чтобы выполнить задание партии и правительства».

24 марта. Группа космонавтов во главе с Н. П. Каманиным вылетела в Байконур. Это первое посещение Байконура.

25 марта. Юра был ошеломлен зрелищем простора Байконура.

«С каким-то смешанным чувством благоговения и восторга,— позднее скажет Юрий Алексеевич,— смотрел я на гигантское сооружение, подобное башне, возвышающейся на космодроме».

Полет и приземление пятого корабля-спутника прошли успешно. Собака Звездочка и другие биологические объекты благополучно вернулись на Землю.

30 марта. Юрий Алексеевич и еще несколько будущих космонавтов побывали в Москве на Красной площади, в Мавзолее В. И. Ленина. Потом это станет традицией.

3 апреля. Вторая группа отряда космонавтов начала сдавать экзамены.

В 15.00 часов Н. П. Каманин приехал в Звездный и объявил о решении Советского правительства послать человека в космический полет.

В 16.00 С. П. Королев сообщил о своем вылете в Байконур.

4 апреля. Были подписаны документы Гагарину, Титову, удостоверяющие их личность как граждан СССР.

5 апреля. Первая группа космонавтов вылетела в Байконур.

Ясная, солнечная погода сопровождает самолет до самого Байконура. Здесь весна в полном разгаре, поднялись, усеяв всю округу, тюльпаны. Прервав разговоры, все устремились к иллюминаторам и, увидев гигантский ковер живых цветов, замерли, пораженные великолепным зрелищем.

Последние два месяца были напряжены до предела, занятия в цехах предприятий, полеты, неоднократные встречи и долгие интересные беседы с Главным конструктором («Вы непременно полетите к другим планетам,— говорил Королев,— я верю в большое будущее космических исследований»), зачеты, собеседования — не счесть числа их.

Самолет касается бетонки, сильно вздрагивает, встряхивает пассажиров, и все начинают торопливо собираться. Гагарин посмотрел на часы: четырнадцать часов тридцать минут. С этой минуты Юрий Гагарин жил по часам, по строгому рабочему регламенту. Сергей Павлович встречает прибывших у трапа. Рукопожатия, шутки, но в напряженных глазах деловая сосредоточенность. Вопросы Каманину, космонавтам, врачам.

После обеда — отдых, уточнение распорядка, беседа с членами государственной комиссии, занятия по плану, волейбол,

встреча с академиком и создателем космических двигателей Валентином Петровичем Глушко.

6 апреля. На совещании обсуждаются вопросы готовности к полету, тщательно взвешиваются малейшие детали, шероховатости работы системы, вырабатывается задание на одновитковый полет.

Опять вопрос: кто будет первым?

Космонавты тренируются, обживают корабль, отрабатывают ручной спуск, в этом полете этот метод возвращения на Землю считается аварийным. Предусмотрено все, но первый полет — самое трудное испытание и для людей, и для техники.

Встретив начальника Центра подготовки космонавтов Евгения Анатольевича Карпова, Сергей Павлович сказал:

— Не разрешайте слишком усердствовать ни тем, кто учит, ни тем, кто учится. Вы, медики, ратуете за то, чтобы в полет летчик уходил в наилучшей форме. Вот и действуйте, пожалуйста, как нужно. Благо, теперь здесь царит ваша медицинская власть.

Во второй половине дня начали примерку скафандра. Решено, что первым начнут с Юрия Гагарина и Германа Титова. Каманин и Карпов делают все, чтобы снять напряжение, волнение, беспокойство у космонавтов.

7 апреля. После завтрака — занятие по ручному спуску, отработка действий после приземления. Готовясь к этому акту, написали инструкции, но все хорошо понимают, что все предусмотреть нельзя, как и нельзя всему научить. Шесть космонавтов работают по единой программе, пока никому послаблений, готовность к полету всем. «Все могло случиться,— говорил Юрий Алексеевич,— достаточно было соринке попасть в глаз первого кандидата для полета в космос, или температура у него повысится на полградуса, или пульс увеличится на пять ударов — и его надо было заменять другим подготовленным человеком».

Перед обедом два часа занимались спортом. В пятнадцать часов космонавтам разрешили послеобеденный отдых.

Николай Петрович Каманин волнуется больше всех, но внешне спокоен, уравновешен, предупредительно вежлив. Боль и волнение — все внутри, в себе. Один из присутствующих руководителей, наблюдая его в этих сложных перипетиях предпусковых дней, скажет:

— Ну и силища у вас, голубчик, завидую. Я не такой — волнуюсь, переживаю, покрикиваю... Слушайте, Николай Петрович, идите ко мне в замы...

После отдыха снова занятия. Говорят о метеоритной обстановке, о новых вспышках во Вселенной, о множестве тайн, о возможности заселения Галактики.

Вечером просматривали ленты о последнем запуске в

космос, о возвращении манекена «Ивана Ивановича» из полета. Кто же станет первым?

8 апреля. Все космонавты на тренировке в монтажно-испытательном корпусе. К Гагарину подходят инженеры, техники, лаборанты и просят автограф.

— С чего это вы, братцы? — недоумевает Юрий Алексеевич.— Какие автографы?

— Подпиши, Юра,— говорит Андриян Николаев, и Гагарин послушно подписывает, смущенно опустив глаза.

В это время заседала Государственная комиссия по запуску космического корабля «Восток» с человеком на борту.

В зале заседания — ученые, инженеры, конструкторы.

Комиссия утверждает задание на полет, рассматривает вопросы, связанные с поиском и доставкой космонавта после приземления. Вопрос о кандидате на первый полет рассматривался последним. Кто первый? Серьезный государственный шаг. Право внести предложение о кандидате предоставлено генералу Каманину.

Он предлагает на первый полет утвердить кандидатуру старшего лейтенанта Гагарина, обусловливает свое решение, приводит аргументы, факты, доводы. Право выдвигать кандидатуры предоставлено каждому. На первый полет подготовлены: Павел Попович, Герман Титов, Андриян Николаев... Все подготовлены, но пока полететь может только один. «Герман Титов сидел ко мне в профиль,— писал Юрий Алексеевич,— и я невольно любовался правильными чертами красивого задумчивого лица, его высоким лбом, над которым слегка вились мягкие каштановые волосы. Он был тренирован так же, как и я, и, наверное, способен на большее. Может быть, его не послали в первый полет, приберегая для второго, более сложного».

Комиссия утверждает Юрия Гагарина на первый в мире полет в космическое пространство.

Члены государственной комиссии пришли в монтажно-испытательный корпус для ознакомления с ходом тренировок космонавтов.

Сергей Павлович Королев, не разглашая только что принятого решения, стал неторопливо и скрупулезно разъяснять Гагарину работу отдельных систем, убеждая собеседника в их надежной работе. Юрий Алексеевич кивал, соглашался с доводами Главного, незаметно втягивался в разговор. Неожиданно Сергей Павлович замолк и с нескрываемой иронией посмотрел на космонавта:

— Что же у нас происходит? Я подбадриваю его, а он убеждает меня в еще большей надежности корабля...

— Мы, Сергей Павлович,— сказал Гагарин,— подбадриваем друг друга...

Королев распорядился, чтобы командира корабля и его

дублера на предстартовый день и предстартовую ночь разместили в отдельном домике, недалеко от старта. С целью более разумного использования времени он предложил Каманину и Карпову составить для Гагарина и Титова поминутный график занятости в течение предстартовых суток.

До обеда работали по программе. Внешне никаких изменений не наблюдается: все шестеро увлеченно занимаются в корабле. Ведущие конструкторы консультируют, дают советы, подбадривают. Вторая группа космонавтов, прилетевшая из Москвы, появилась нашпигованная столичными новостями.

Авиационный врач Федор Горбов, готовя документы к заседанию Государственной комиссии, составил медицинскую характеристику на Юрия Гагарина. «Старший лейтенант Гагарин,— писал врач,— сохраняет присущее ему чувство юмора. Охотно шутит, а также воспринимает шутки окружающих...»

Клавдия Акимовна, хозяйка домика, где предстоит провести командиру «Востока» и его дублеру сутки перед стартом, спросила Сергея Павловича Королева:

— На какой койке будет спать Юрий Алексеевич?

— Гагарин? — удивился Королев.— А почему вы решили, что именно он будет в этом домике спать?

— Не знаю, просто я думаю, что первым нашим человеком в космосе должен быть такой, как Гагарин. Я ведь мать летчика... Так где же он будет спать?

— А зачем вам, Клавдия Акимовна, это надо?

— Надо. Я поставлю у его кровати много тюльпанов...

Везде, где находятся космонавты: гостиница, лаборатории, столовая, звучит бодрая, веселая музыка.

Все это вместе взятое должно приободрить кандидатов.

Николай Петрович Каманин решает рассказать Гагарину и Титову о решении Государственной комиссии, говорит о комплексе вопросов, которые рассматривались на заседании: о регистрации полета как мирового рекорда, об аварийном катапультировании космонавта на старте и т. д.

«Пригласил к себе Юрия Гагарина и Германа Титова,— вспоминает Николай Петрович Каманин,— побеседовал о ходе подготовки и сказал просто, как можно более ровным голосом:

— Комиссия решила — летит Гагарин. Запасным готовить Титова.

Не скрою, Гагарин сразу расцвел улыбкой, не в силах сдержать радости. По лицу Титова пробежала тень сожаления, что не он первый, но это только на какое-то мгновение. Герман с улыбкой крепко пожал руку Юрию, а тот не преминул подбодрить товарища:

— Скоро, Герман, и твой старт.

— Рад за тебя, Юра. Поздравляю,— ответил Титов».

10 апреля. В жесткий непоколебимый распорядок дня

вторгается расширенное заседание Государственной комиссии. Оно уже не имеет того делового значения, на котором внимательно рассматриваются все особенности полета,— это заседание празднично-ритуальное. На заседании присутствуют гости, кинооператоры, журналисты, авторы будущих книг. На длинном столе вместо деловых папок минеральная вода, фрукты, сладости.

Юрий Гагарин садится к столу, он в окружении наставников, слева от него генерал Каманин. Главный конструктор со своими помощниками — напротив. Карпов, Быковский, Титов на стороне Королева.

Председатель кратким вступлением открывает заседание, предоставляет слово Главному конструктору Сергею Павловичу Королеву.

— Решено, что первым полетит Гагарин,— говорит Королев.— За ним полетят другие... На очереди у нас — новые полеты, которые будут интересными для науки, для блага человечества. Скоро мы будем иметь двух-трехместный корабль...

Генерал Каманин объявляет решение Государственной комиссии об утверждении старшего лейтенанта Гагарина командиром космического корабля «Восток» и старшего лейтенанта Титова дублером.

Офицеры встают.

Первым выступает Юрий Гагарин.

Вероятно, он волновался. Он был взволнован неожиданным счастьем, потрясен свершившейся мечтой.

Но Юрий Гагарин кратко и твердо сказал несколько фраз...

С этой минуты присутствующие на космодроме жили в ожидании исторического часа.

«Он готовился совершить подвиг,— говорил летчик-космонавт СССР Евгений Хрунов,— потому что его полет нельзя было расценить иначе. Он летел туда, где еще никогда не был человек, он летел во враждебную для человека среду, в мир вакуума и безмолвия, в царство убийственных для всего живого ультрафиолетового излучения и частиц высоких энергий, источниками которых являются Солнце и далекие глубины космоса. Он должен был лететь со скоростью, с которой еще никогда не летал человек. Все было впервые. И никто не мог дать полной гарантии в том, что он обязательно возвратится на родную Землю».

Во второй половине дня члены Государственной комиссии были гостями космонавтов.

11 апреля. Обязательная зарядка по методике, разработанной медиками и спортсменами. Завтрак. Юрий Гагарин бодр, в хорошем веселом настроении, рассказывает смешные истории. Смеются не все, на недоуменных лицах напряжение. «Как он может шутить, когда неизвестно, что будет завтра?» Да, что будет завтра — никто не знает. Как завершится полет?

Совсем не случайно вопрос об аварийном катапультировании космонавта на старте рассматривался со скрупулезностью проекта самой ракеты.

По поручению Сергея Павловича Карпов непрерывно информирует его о состоянии Гагарина и Титова. Если информация по какой-либо причине задерживалась, Королев немедленно выходил на связь сам. Именно в эти часы он скажет: «Ведь я его знаю давно, привык. Он мне как сын».

Гагарин оберегается от суеты, лишних контактов, необязательных бесед, от всего, что мешало бы ему.

В середине дня Гагарин и Титов прибыли на стартовую площадку, провели тренаж в кабине космического корабля. «Было очень любопытно наблюдать за Гагариным со стороны,— говорил профессор Б. Викторов.— Чувствовалось, как радостно он настроен, как приятно ему, что он летит первым. Но это не мешало Гагарину быть серьезным, спокойным, сосредоточенным.

Я смотрел на него и умом понимал, что завтра этот парень взбудоражит весь мир».

В тринадцать часов на стартовой площадке состоялась встреча Юрия Гагарина с обслуживающим персоналом ракеты и стартовиками. Таково было решение Главного. Этой встречей закладывались традиции Байконура, подобные встречи станут системой и обязательными при каждом полете.

Обед, предназначенный космонавтам, был особым, впервые употреблялся на Земле.

Послеобеденный отдых уже в стартовом домике. Меблирован он скромно: две койки, две тумбочки, необходимая аппаратура, магнитофон, стенка с посудой...

По поручению Сергея Павловича К. Феоктистов и Б. Викторов проводят инструктаж-беседу с Юрием Гагариным. Полтора часа интеллектуальной разминки: вопрос — ответ на ракетно-космическую тему.

Врач Никитин устанавливает датчики, снимает последние данные медицинского состояния: температура, давление. По настоянию врача с восемнадцати часов никаких разговоров о полете. Можно вспомнить детство, обсуждать прочитанные книги, высказывать свое мнение о кинофильме.

Юрия Гагарина и Германа Титова оставляют одних. Стратегический медико-психологический план вступает в силу. С ними врач, но он сторонний наблюдатель. Герман читает Юре стихи, рассказывает сибирские байки, авиационные анекдоты.

Космонавты играют в бильярд, слушают записи русских мелодий, говорят о детстве, школе, военном училище...

Сергей Павлович навестил их вечером, внимательно осмотрел комнату, задал несколько вопросов, посидел минуту в задумчивости, то ли собираясь с мыслями, то ли отдыхая. Поже-

лал космонавтам спокойной ночи и медленно, тяжело ступая, удалился.

Последняя ночь перед стартом!

В двадцать один час пятьдесят минут Карпов вновь провел медицинский осмотр космонавтов, сделал запись: все в порядке.

— Ну вот что, ребятки, теперь спать!

12 апреля. Королеву показалось, что он первым пришел в этот дом. Он посмотрел на спящих Юрия Гагарина и Германа Титова, вышел на крыльцо и увидел осторожно удаляющегося Евгения Анатольевича Карпова.

Главный конструктор ракетно-космических систем Сергей Павлович Королев предусмотрел все, кроме того, что этот начинающийся день явится водоразделом в его жизни, разделит ее на две очень неравные части, которые сам будет именовать «до» и «после» полета.

3 часа 00 минут. Сергей Павлович Королев отошел на несколько шагов и как бы издалека посмотрел на стартовую площадку, на гигантское тело ракеты: в оцеплении ферм, подсвеченная мощными прожекторами. В усталой отрешенности Главный смотрел на творение рук своих, на детище всей своей жизни.

5 часов 00 минут. Неторопливой походкой к двери комнаты, за которой спали космонавты, подошел наставник советских космонавтов генерал Каманин. Постоял, прислушался, глянул в окно, робко потоптался, посматривая на часы. Сейчас они идут еле-еле, но очень скоро время, тянувшееся медленно, покажется одним мгновением.

5 часов 30 минут. Евгений Анатольевич Карпов с решительностью полководца вошел в спальню и потряс Гагарина за плечо:

— Юра, пора вставать...

Гагарин встал. Синхронно, тотчас поднялся и Герман Титов, напевая шутливую песенку.

Доктор удовлетворенно покачал головой. Предполетная программа выполнялась пунктуально...

6 часов 00 минут. Началось заседание Государственной комиссии. Оно было очень коротким. Все доклады конструкторов, инженеров сводились к скупым фразам: «Замечаний нет, все готово», «Вопросов нет, можно производить пуск».

После заседания было подписано полетное задание номер один космонавту Юрию Гагарину. Этот акт совершил генерал Каманин Николай Петрович.

Первым облачать в скафандр сначала стали Германа Титова. Гагарина — вторым, хотелось избежать чрезмерной утомляемости (вентиляционное устройство скафандра можно было подключить к источнику питания только в автобусе).

Большую помощь в экипировке Гагарина оказывает выдающийся советский парашютист Николай Константинович Никитин, мировой рекордсмен, «профессор» затяжных прыжков, учитель советских космонавтов. Гагарин очень полюбил этого человека и еще не знает, что скоро на одном из испытательных катапультирований Николай Константинович погибнет.

Космонавты, сопровождаемые медиками, вышли из корпуса — их встретил Сергей Павлович. Главный был усталым и озабоченным — видимо, сказывалась бессонная ночь. Позже Гагарин скажет об этой встрече: «Он дал мне несколько рекомендаций и советов, которых я еще никогда не слышал и которые могли мне пригодиться в полете. Мне показалось, что, увидев нас и поговорив с нами, он стал несколько бодрее...»

Через несколько минут специальный автобус голубого цвета, мягко открыв двери, поглотив ударную группу, направится к стартовой площадке.

6 часов 50 минут. Гагарин вышел из автобуса. Многие присутствующие уже знали его лично, всех охватило волнение. Каждый хотел на прощание обнять Юру.

После доклада председателю Государственной комиссии Юрий сделал заявление для радио и печати. Это заявление уместилось на нескольких десятках метров магнитофонной пленки.

Он сказал:

«...через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать Вам в эти последние минуты перед стартом? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты...

Первым совершить то, о чем мечтали поколения людей, первым проложить дорогу человечеству в космос... Назовите мне большую по сложности задачу, чем та, что выпала мне. Это ответственность не перед одним, не перед десятками людей, не перед коллективом. Это ответственность перед всем советским народом, перед всем человечеством, перед его настоящим и будущим. И если тем не менее я решаюсь на этот полет, то только потому, что я — коммунист, что имею за спиной образцы беспримерного героизма моих соотечественников — советских людей».

* * *

И вот она, предполетная минута. Начиная с нее, в наше повествование включается небывалая, мировая слава Космонавта-1. Теперь все человечество поворачивается, чтобы увидеть этого молодого парня с необъяснимо прекрасной улыбкой.

Все средства массовой информации разносят сведения о нем. Города и материки встречают его с радостью, рукоплещут счастливо, провожают с сожалением. Он — гражданин планеты Земля.

Здесь, у входа в пространство всемирной славы, мы временно расстаемся с Юрием. История его взлета — особый рассказ, о котором что-нибудь знает каждый...

Мы вернемся к этой летописи на пороге последнего года его жизни.

1968 ГОД

17 февраля. Юрий Алексеевич защищал в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского дипломный проект.

Государственная экзаменационная комиссия присвоила полковнику Ю. А. Гагарину квалификацию «Летчик — инженер — космонавт».

18 февраля. В конференц-зале газеты «Известия» состоялась встреча генералов и офицеров Советской Армии с сотрудниками газеты. На встречу приехали видные военачальники, известные ученые, космонавты, Герои Советского Союза. С большой речью на этом вечере выступил Ю. А. Гагарин. Он ответил на многочисленные вопросы.

— Юрий Алексеевич, кто полетит следующий?

— Космонавт номер двенадцать!

— Юрий Алексеевич, а вы полетите?

— Да, обязательно. Я не мыслю себе жизни без авиации, без полетов, без космоса.

— Юрий Алексеевич, верно ли, что Землю посещали обитатели других миров?

Гагарин улыбнулся: опять тот же вопрос.

— Наука пока этого не доказала, есть только гипотезы. Думаю,— сказал Юрий Алексеевич,— что по мере освоения космоса число легенд увеличится, а их убедительность возрастет.

— Юрий Алексеевич, но...— неугомонный журналист, не давая опомниться космонавту, переходит в новое наступление.

Юрий Алексеевич, оценив положение, тут же контратакует:

— А знаете ли вы, что через один миллион лет произойдет столкновение Луны и Земли, что во Вселенной есть квазизвезды, обладающие энергией, в миллиарды раз большей энергии Солнца, что скоро искусственные спутники будут таскать их к Земле, и тогда на Земле везде будет «Ташкент»... Будем считать — ноль-ноль,— примирительно подвел итог Гагарин.

20 февраля. Завершил работу над статьей «Ступени во Вселенную» для сборника АПН «В 2017 году».

«О том, что ждет человека на Венере, написана уже добрая сотня романов — и все по-разному. Мне не хочется делать сто первой догадки. Я лишь верю в то, что упорством и талантом человек сумеет изменить природные условия Венеры так, чтобы появилась возможность сделать эту загадочную планету обитаемой».

1 марта. Юрий Алексеевич проснулся рано. Прошел в комнату дочерей, поцеловал их и направился в кабинет. Откинув штору, долго смотрел в окно. Предстоял трудный день. Валентина Ивановна ложилась в больницу, а сам он утром следующего дня улетал на космодром.

Юрий Алексеевич собрал книги со стола, поставил на стеллаж.

После завтрака Юрий Алексеевич уехал в Москву. А вечером прибыл в Дом офицеров Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского на литературный вечер, который организовало Военное издательство Министерства обороны СССР. Юрий Алексеевич выступил перед читателями.

2 марта. Полковник Гагарин улетел на рассвете. Легко взбежал по трапу в самолет, поздоровался с экипажем и попросил разрешения занять правое кресло.

— Как прекрасна наша профессия! — сказал Юрий Алексеевич, надевая шлемофон и поудобнее усаживаясь в кресло второго пилота.— Летать хочу, летать. Вернусь с космодрома — буду летать.

Гагарин присутствовал на запуске многих кораблей и спутников. И теперь его ждали на космодроме. Ждали люди на стартовых установках, на КП — словом, все, кто имел отношение к запуску. Многие космонавты, находясь далеко от родной Земли, слышали его голос с командного пункта — бодрый, сильный, не раз приходивший на помощь.

6 марта. На космодроме анализируют данные, поступившие со спутника. Идет подготовка к запуску очередных летательных аппаратов.

Наконец-то у космонавта появилось «окно» — свободное время. Сегодня у него другая работа — с собой привез верстку книги «Психология и космос», написанную им совместно с Владимиром Ивановичем Лебедевым. Это, пожалуй, первая книга, соединившая в себе раздумья космонавта и ученого. Гагарин читает верстку, внимательно проверяет фактический материал, вносит необходимые дополнения.

Вечером звонил в Звездный городок, разговаривал с Галей и Леной.

8 марта. Юрий Алексеевич позвонил домой, поздравил дочерей и гостившую в его доме сестру Валентины Ивановны

с праздником, отправил поздравительную телеграмму маме в Гжатск.

В середине дня он позвонил в Звездный городок Валентине Владимировне Николаевой-Терешковой и поздравил ее с Днем 8 марта.

10 марта. Вылет в Москву! В самолете Юрий Алексеевич садится у борта и почти неотрывно смотрит в иллюминатор. Его мысли устремлены в будущее. Новые пуски дали хорошие результаты. Итоги командировки будут обсуждаться с генералом Н. П. Каманиным, и он, Гагарин, внесет свои предложения.

Дома Юрия сегодня не ждали. Пока готовили ужин, Юрий Алексеевич позвонил Валентине. Он хотел немедленно приехать к ней в больницу, но она убедила его побыть сегодня с детьми. После ужина он читал девочкам книжку. Потом разбирал почту.

12 марта. Днем Гагарин проходит медицинский осмотр: к полетам допущен. Торопится, чтобы успеть на предварительную подготовку. Изучает упражнения, читает наставление, последние директивы... Как он хочет летать! Просит освободить его пока от всех других нагрузок.

Вечером Гагарин записал: «Нет у меня сильнее влечения, чем желание летать. Летчик должен летать. Всегда летать.»

13 марта. Летный день. После построения Юрий Алексеевич идет к самолету. Двухместный истребитель, бортовой номер 18. Короткий тренаж в кабине. Погода благоприятствует. Видимость — 2 километра, высота облачности не ниже 200 метров, скорость ветра у земли — 15 м/сек. Дует «боковичок», Гагарин летит по кругу, затем совершает контрольный полет в закрытой кабине.

Юрий очень доволен сегодняшним днем. Налет за день 1 час 52 минуты. На старте читает выпущенный боевой листок: «Гагарин на пути к звездам». Ему приятно, что товарищи радуются за него. Перерыв в полетах, кажется, не очень отразился на его подготовке.

Вечером звонит Валентине: «Я снова летаю!»

15 марта. Обсуждается план подготовки к Дню космонавтики.

Вечером он беседовал с Борисом Волыновым, к которому относится с большой симпатией. Кажется, Гагарин первый заметил в Волынове огромный заряд энергии, способный привести к подвигу.

17 марта. Празднично одетые Юрий, Лена и Галя сели в машину и поехали к Валентине. В Москве купили цветы, подарки. Юрий рассказал жене новости и, конечно, снова заговорил о своих полетах.

Домой приехали к вечеру. Девочки радовались встрече с мамой. Лена села за пианино.

Юрий записал разговор с женой, события, которыми были так богаты эти дни.

К сожалению, вел записи непоследовательно: частые командировки, зарубежные поездки, служебная занятость не давали возможности ежедневно делать записи.

18 марта. До обеда Гагарин готовился к следующему летному дню. 15.00 собрался партийный актив Звездного городка, который рассмотрел вопрос о роли коммунистов в овладении новыми космическими программами. Выступали руководители, космонавты, врачи, инженеры, ученые. В перерыве Юрий сказал товарищам:

— Вижу! Молодцы! Полеты — это самая важная наша работа.— Гагарин медленно пошел вдоль «стартовок». Лозунги, плакаты, боевые листки, выписки из Наставления, фотогазеты — все это красочно отражало их учебу. Юрий Алексеевич остановился, внимательно читал и, если у него не было замечаний, шел дальше.

Последний полет в этот день завершился уже в пятом часу вечера. За день налетал 2 часа. Доволен: дела идут хорошо.

21 марта. В 10.00 в служебном кабинете Гагарина собралось много народу. Развернут перспективный план строительства Звездного городка. Продуманы все детали предстоящего разговора с руководством строителей относительно благоустройства Звездного. В одной машине выехали в Москву.

В приемной начальника управления задержались. Секретарь начальника Галина Николаевна Королева протянула Гагарину фотографию.

— Подпишите, пожалуйста. На память моей дочке Наташе. Скоро у нее день рождения, это будет для нее лучший подарок.

Юрий Алексеевич достал ручку, задумался, потом написал на снимке свои добрые пожелания Наташе.

— А каким числом датировать?

Галина Николаевна ответила, не раздумывая:

— Да все равно. Любым числом.

— А когда у нее день рождения?

— Первого апреля.

Гагарин поставил дату: 1.4.1968 года.

Начальник управления внимательно выслушал Гагарина и обещал помочь.

Выйдя из кабинета, Юрий Алексеевич пожал руку Черкасову. Ему нравился этот энергичный работник, отдающий много сил строительству Звездного городка, созданию тренажных павильонов, лабораторий, жилых домов.

22 марта. Летный день. Юрий летает с Александром Устенко. Устенко — опытный летчик, много лет испытывает самолеты. Он знает, что скоро Гагарину будет разрешен самостоятельный полет, а поэтому особенно придирчиво проверяет технику пилотирования, посадку. Гагарин работает четко, фигуры выполняет с изяществом. Оценка отличная.

Ему доставляет удовольствие быть предельно точным. Он не имел права быть последним, даже средним. Мог быть только лучшим.

Был солнечный день, таял снег. Юрий ожидал второго в этот день полета. В домике собралось много народу, разговаривали, шутили.

23 марта. Гагарин едет к генерал-полковнику авиации Н. П. Каманину.

— Очень высокий темп, Юрий Алексеевич,— говорит генерал. Он, видимо, тревожится, чтобы не было перегрузок.

— На то мы и космонавты, чтобы выдержать перегрузки,— угадав его мысль, отшутился Юрий Алексеевич.

Николай Петрович хорошо знал волю и одержимость Гагарина. Он видел его на тренировках, знал, что Юрий всего себя отдавал работе. Генерал не собирался отговаривать Гагарина от полетов, а значит, и от подготовки к следующим стартам. Он и сам, окажись на месте Гагарина, никогда бы не перестал летать...

Юрий Алексеевич едет в больницу. Беседует с врачами о самочувствии Валентины. Заезжает к Евгению Анатольевичу Карпову.

На сей раз к Евгению Анатольевичу вопрос был особый, глубоко личный, как помочь Валентине?

26 марта. Полковник выехал в Москву. В издательстве «Молодая гвардия» он беседовал с главным редактором Валентином Осиповым, встретился с В. Федченко, редактором книги «Психология и космос», верстку которой закончил читать. Расписался и поставил дату. В комнате редактора собрались сотрудники, Юрий Алексеевич поздравил всех с завершением работы над книгой.

— Переквалифицируйтесь, Юрий Алексеевич, в писатели,— предложил кто-то.

— Что ж, можно! Вот только потренироваться надо.— И тут же совсем серьезно сказал: — Труд писателя чрезвычайно сложен. Он, пожалуй, сродни труду космонавтов. А то и сложнее.

В 15.00 Юрий был на предварительной подготовке к полетам. Затем вернулся в свой служебный кабинет, прочел почту, документы, вызвал для беседы товарищей. В настольном календаре написал:

«27 марта — разрешены полеты в одной из авиационных частей, телевидение, «Огонек» к Дню космонавтики в 17.00».

«28 марта — побывать у Вали. Дворец съездов — 100-летие А. М. Горького».

Вечер провел с детьми. Спать лег рано. Завтра — полеты.

27 марта. В этом весеннем дне не было ничего предостерегающего, пугающе-рокового, обреченно-настораживающего. Было обычное мартовское утро: ночной морозец сковал землю.

Юрий Алексеевич проснулся рано.

6 часов 10 минут. Юрий Алексеевич по-спортивному резко, с тренированной ловкостью встал, подошел к окну, отбросил шторы, сделал несколько движений, давая телу нагрузку, физическое напряжение. Услышав шаги, торопливо лег в кровать, принял небрежно-сонную позу.

В комнату осторожно вошла Лена.

— Я знала, что ты не спишь, папа.

Дочь ушла тотчас, как только отец округлил глаза: время!

6 часов 30 минут. Юрий Алексеевич завершил обычный комплекс физических упражнений, принял душ, оделся, прошел в кабинет.

7 часов. Просматривая почту, писал ответы, сделал наброски рабочего плана на несколько дней. Включил приемник, несколько минут работал под музыку.

Энергичный, собранно-деловой вышел из кабинета, направился на кухню, поцеловал девочек. Надев шинель, подошел к телефону, позвонил дежурному: «Я на полетах».

Вышел на лестничную площадку, подошел к лифту, посмотрел вверх на движущуюся кабину, крикнул: «Остановите, пожалуйста, на шестом». Лифт остановился.

Увидев подполковника Георгия Добровольского, Юрий Алексеевич весело произнес: «А, ас, автомобилист Добровольский»,— и тепло поздоровался.

— Куда мы так рано спешим?

— В ГАИ, Юрий Алексеевич,— доложил Добровольский.— У меня сегодня нет полетов. Разрешите?

— Любишь кататься — сдавай вовремя зачеты. Самоволку разрешаю, только сдавай на права по-настоящему, а не как вчера в гараж въезжал.

— В любом деле нужна практика,— парировал Добровольский выпад Гагарина.

Лифт остановился на первом этаже. Секундой раньше на другом лифте спустились жены космонавтов.

Юрий Алексеевич поздоровался, уступил проход. Женщины заулыбались, предлагая первому выйти Гагарину.

— Какие красивые наши женщины! — восхищенно сказал Юрий Алексеевич своему спутнику.— Как изящно идут!

Тамара Волынова, услышав слова Гагарина, обернулась, в том же шутливом тоне ответила:

— Ну еще бы, перед такими мальчиками иначе ходить нельзя.

— Привет.

У опушки соснового леса Виталий Жолобов в гордом одиночестве делал физзарядку. Виталий жил по особому распорядку.

Неожиданно Юрий Алексеевич остановился.

— Фу-ты, черт!

— Что случилось? — участливо спросил Добровольский.

— Ты знаешь? Забыл, кажется, дома пропуск на аэродром.

— Ну и что? В автобусе поедете ведь вместе со всеми. Вас знают, пропустят.

— Да как-то неудобно. Солдат будет проверять, а ты ему объясняй, кто ты есть. Очень неудобно. А потом: порядок есть порядок.

Он еще несколько метров продолжал идти, раздумывая, как поступить, торопливо, но планомерно, по своей системе неутомимо искал пропуск.

— Нет! Вернусь, возьму пропуск. Ты иди. Желаю тебе счастливо сдать. Будь здоров! Да, Жора, будь осторожен, автомобиль — это тебе не самолет, на нем всякое случается, и почаще, чем на аппарате тяжелее воздуха.

Он не ошибся, пропуска в кармане не было.

Гагарин вернулся домой. Пропуск был в повседневной тужурке.

Юрий Алексеевич вошел в столовую, весело поздоровался с присутствующими работниками столовой, сел на свое излюбленное место.

8 часов 13 минут. После завтрака Юрий Алексеевич направился к автобусу.

В автобусе шел обычный аэродромный треп — неистребимы традиции авиации. Космонавты смеялись, рассказывали забавные истории, взбодренные шутками, весело и неудержимо хохотали.

Юрий Алексеевич поднялся в автобус, смех тотчас прекратился, и офицеры, подчиняясь единому чувству воинской этики, встали, приветствуя своего командира. Гагарин спросил:

— Все в сборе?

Ему ответили. Он сам посмотрел на присутствующих, удостоверился — все, распорядился:

— Поехали!

Говорили о полетах, о метеорологической обстановке, об автолюбительстве.

Автобус остановился у штаба. Юрий Алексеевич направился в раздевалку.

В гардеробной комнате Юрий Алексеевич облачился в летный костюм, первым подошел к врачу.

Увидев Алексея Губарева, Гагарин спросил:

— Ты что, Леша, уже пошел?

— Так точно, товарищ полковник. Я на «Ил-14» обеспечиваю ваши полеты, слежу за погодой...

— Хорошо обеспечивай! Ты, Леша, только не паникуй, давай погоду такую, какая есть на самом деле.

— Слушаюсь!

Затем Юрий Алексеевич представился доктору.

— Ну как, доктор, погода? Будем сегодня летать?

— Погода вроде ничего, позволяет. Как вы себя чувствуете? Как спали, Юрий Алексеевич?

— Самочувствие отличное, спал крепко, как убитый, почти 9 часов. Судя по всему, и доктор сегодня не страдал бессонницей.

— Нет, не страдал,— засмеялся тот.

Кто-то из космонавтов спросил:

— Как пульс, Юрий Алексеевич?

Незамедлительно последовал типично гагаринский ответ:

— Как у молодого.

Врач допустил Юрия Алексеевича к полетам, пожелал мягкой посадки.

После этого, направляясь в класс предполетной подготовки, Гагарин зашел в кабинет полковника Владимира Серегина. В кабинете находился начальник Центра подготовки космонавтов Николай Кузнецов. Он проверял летную книжку Юрия Алексеевича, правильность ее заполнения, общий налет.

Кузнецов предложил начальнику штаба части Евгению Ремизову проанализировать погоду на весь летный день, чтобы можно было принять решение на самостоятельный вылет Гагарина.

Гагарин пришел в класс, сел за второй стол среднего ряда, к нему подошел летчик-инструктор — командир звена Хмель. Начальник связи Виктор Понкратьев попросил Юрия Алексеевича проверить данные запасных аэродромов. Гагарин достал планшет и сверил свои записи.

В класс предварительной подготовки вошли начальник Центра подготовки космонавтов Кузнецов и полковник Серегин.

— Проводите предварительную подготовку,— распорядился полковник Серегин.

Степан Максимович Сухнин начал постановку задач. Выступили руководитель полетами, дежурный штурман, начальник связи.

Юрий Алексеевич сделал записи о навигационной и метеорологической обстановке.

Полковник Серегин слушал сообщения начальников служб, быстро просматривал полетные листы, делал необходимые правки. Отыскивал глазами того или иного космонавта и пристально всматривался в его лицо, только после этого, удовлетворенный своими наблюдениями, подписывал летную документацию.

Юрий Алексеевич внимательно сверял записи с плановой таблицей, нанесенной на доске. Записи он делал четко, карандашом ярко-красного цвета.

— Чем вы так красиво пишете? — спросил кто-то из сидящих сзади.

Юрий Алексеевич откинулся на спинку стула, сказал:

— Нравится? Это стеклограф. У меня дома есть, как только Валя придет из больницы, разыщем, я тебе подарю.

— Через два часа погода резко ухудшится,— тихо сказал Серегин Юрию Алексеевичу, Гагарин кивнул.

Полковник Серегин сделал последние необходимые уточнения по летному дню, определил рабочие места своим заместителям, сообщил, что Юрий Алексеевич начинает сегодня самостоятельные полеты.

9 часов 45 минут. Юрий Алексеевич Гагарин в сопровождении Серегина направился к командному пункту. Кузнецов в их присутствии заслушал последнюю информацию о метеорологической обстановке. Посмотрев карту полетов, Юрий Алексеевич поблагодарил расчет КП и направился на аэродром, широко размахивая новым наколенным планшетом.

Несколько дней назад он проверял летную экипировку космонавтов и под угрозой отстранения от полетов — все хорошо знают привязанность летчиков к полюбившимся предметам — приказал получить новые.

Юрий Алексеевич с нетерпением ждал сегодняшний день — он должен был летать самостоятельно, впервые после большого перерыва. Утром к нему подошел подполковник Гришин. Он давно уже собирался взять у Гагарина автограф. И вот наконец сегодня он принес Гагарину книгу «Дорога в космос».

— Подписать? — Юрий Алексеевич возвратил книгу.— С удовольствием подпишу, но только после самостоятельного вылета.

Гагарин попросил разрешения у техника, сел во вторую кабину и провел самостоятельный тренаж.

Полковник Серегин, стоя на стремянке, оживленно жестикулируя, давал последние наставления своему подопечному пилоту.

Серегин уступил место Кузнецову, а сам быстро поднялся во вторую кабину двухместного учебно-тренировочного истребителя «УТИ МИГ-15 бис номер 18».

Кузнецов сделал некоторые пояснения, пожал руку Юрию Алексеевичу, пожелал успешного полета.

Техник самолета проверил парашютные ремни, замки катапультного кресла, перегнулся через борт кабины, включил электропитание. Гагарин запустил двигатель, опробовал его на всех рабочих режимах, запросил СКП.

— Я — 625-й, разрешите выруливание,— запросил Юрий Алексеевич. Самолет, освобожденный от цепких упоров тормозных колодок, резко побежал по рулежной дорожке.

Через несколько минут полковник Андриян Николаев запросил разрешения на запуск двигателя своего самолета. С СКП ему ответил руководитель полетов:

— Подождать.

— Я — 625-й,— звучал на СКП голос Гагарина.— Полет в зоне закончил. Возвращаюсь на точку.

— Я — 625-й, задание выполнил,— Гагарин вновь, как того требовала инструкция, доложил: — Высота 5200, разрешите вход.

Руководитель реагировал медленно.

— Уточните высоту. Следите за высотой.

10 часов 40 минут. Всем самолетам, готовым к взлету, приказали выключить двигатели.

В авиации случается всякое, но в этих действиях было что-то тревожное.

По радио объявили: всем летчикам прибыть в штаб. Часы показывали 11 часов 09 минут.

Всего в нескольких десятках километров от аэродрома жители совхоза Новоселово привычно начинали свой трудовой день. Пенсионер Николай Иванович Шальнов, уважаемый на селе человек, в прошлом учитель, в это утро вышел на прогулку. На улице было тихо. Николай Иванович уловил гул самолета. Видимо, он был где-то высоко в небе, за облаками. Звук приближался и то становился густым, сильным, то удалялся и становился похожим на равномерное гудение жука. Вдруг Николаю Ивановичу показалось, что самолет загудел где-то совсем близко. Учитель поднял голову и увидел, как из облаков с ревом выскочил истребитель и, легко покачивая крыльями, как по наклонной горке, пошел к земле. Потом вроде бы на некоторое время обрел прочность. И даже, подняв нос, стремился уйти в небо. Но вот он пролетел почти над домом Шальнова и, подобно урагану, со свистом и диким ревом, ломая верхушки берез, врезался в лес.

Услышав взрыв, в кабинет директора совхоза сбежались люди.

— Срочно направить к месту падения трактор!.. Соедините меня немедленно с Москвой! Вызов экстренный!.. Лыжников к месту падения!..

Иванов звонил, отвечал на звонки, но он и сам еще не знал, какой упал самолет, что случилось с летчиком. Он надеялся, что, может быть, успеют помочь им.

Над деревней на небольшой высоте пролетели вертолеты. Они вели поиск. Оцеплен район катастрофы, идет фотографирование, исследуются обломки. Группа людей ведет раскопки. На брезент складывается каждый агрегат, даже малейшие детали от разбившегося самолета для будущего расследования.

Что же произошло?

27 марта. В рабочей тетради дежурного были следующие записи:

«1. Передать пригласительные билеты в Звездный городок на торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения А. М. Горького (напомнить Гагарину — выступает)». Потом шли пункты второй, третий, четвертый... Обычные задания дежурному.

И вдруг поступило сообщение: «Исчезла связь с самолетом Гагарина».

Время, кажется, остановилось. Стало тихо в комнате, коридорах. Никто не входил и не выходил. Тишина стала нестерпимой, хотелось что-то делать, но только не сидеть, не смотреть ошалело на телефон, принесший такое известие. На мгновение выглянуло солнце. Потом за окном о металлический карниз стукнула капля — таял снег.

Почему нет связи с Гагариным? Что случилось? Тянулись томительные часы надежды. Включены дополнительные радиоэлектронные средства, в воздух подняты поисковые вертолеты. Комплектуются оперативные отряды, на аэродром одна за другой выезжают «Чайки», «ЗИМы», «Волги».

Зазвонил телефон. Викторов взял трубку:

— Вас слушает дежурный...

— Говорит капитан второго ранга Кучеров. Хотел бы связаться с Юрием Алексеевичем Гагариным и сообщить ему, что буду встречать его у двенадцатого подъезда Дворца съездов. Алло, алло...

— Я слушаю вас...

— Я хотел бы связаться с Гагариным.

— Можно перенести все на завтра?

— Можно.

В комнату стремительно вошел Борис Александрович Котт. Он принес письмо, полученное от одной из американских нотариальных контор. В письме сообщалось, что созданное в США акционерное общество готово рассмотреть просьбу мистера Гагарина в случае, если он захочет приобрести земель-

ный участок на Луне. Разумеется, ему, как первому космонавту, предоставляются льготы.

— Давай сейчас позвоним Юрию Алексеевичу,— предложил Викторову Борис Александрович.— Пусть посмеется.

— Нет, сейчас не стоит...

И отвел глаза. Пока он не мог сказать правду.

29 марта Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР известили советский народ о том, что при выполнении тренировочного полета на самолете трагически погиб первый в мире покоритель космоса, прославленный летчик-космонавт СССР, член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза полковник Юрий Алексеевич Гагарин.

В некрологе, подписанном руководителями Коммунистической партии и Советского государства говорилось:

«12 апреля 1961 года впервые в мире гражданин Советского Союза Ю. А. Гагарин на космическом корабле «Восток» совершил полет вокруг земного шара и благополучно вернулся на священную землю нашей Родины. Это была беспримерная победа человека над силами природы, величайшее завоевание науки и техники, торжество человеческого разума».

В адрес Центрального Комитета партии и Советского правительства в эти дни поступили десятки тысяч писем и телеграмм соболезнования.

«Среди нас он всегда был первым,— писали летчики-космонавты СССР.— Первым шагнул он в таинственный и суровый космос. Первым показал, каким должен быть летчик-космонавт, человек новой героической профессии, показал, как себя вести при встрече с неизведанным и загадочным миром.

...Такие не умирают. Такие живут вечно, даже тогда, когда их нет среди нас...»

Национальная администрация аэронавтики и исследования космоса, Центр управления космических полетов, астронавты США писали:

«Ничто и никогда не затмит память о его достижении, о том, что он стал первым пилотом, совершившим полет в космос».

В послании президента Итальянской Республики Д. Сарагата сообщалось: «Восхищение и изумление, с которым был воспринят его почти легендарный полет в космос, симпатия, которая впоследствии всегда сопровождала его личность, сделали из него настоящего героя. Его полет, беспредельно раздвинув границы мирных завоеваний человечества, открыл человеку новый путь не только к познанию, но и к дерзанию. Пусть это будет темой гордости и утешения

для страны, сумевшей вырастить человека такой высокой пробы».

На траурном митинге в Москве 30 марта президент Академии наук СССР М. В. Келдыш сказал:

«Подвиг Гагарина явился громадным вкладом в науку, он открыл новую эпоху в истории человечества — начало полетов человека в космос, дорогу к межпланетным сообщениям. Весь мир оценил этот исторический подвиг как новый грандиозный вклад советского народа в дело мира и прогресса».

Именем Юрия Гагарина назвали города, села, проспекты, площади, улицы, переулки, корабли, совхозы, колхозы, его имя присваивали пионерским дружинам, производственным бригадам, летним паркам, военной академии.

Я·ГОЛОВАНОВ

Наш Гагарин

Гагарин — сын народа. Принадлежащий сегодня по праву своего подвига всему миру, он был и в веках останется русским, советским человеком. Он жил и формировался как личность в лоне русской природы, русского языка и русских обычаев. Он следовал во всем морали советского общества и был убежденным ленинцем, потому что считал путь, указанный В. И. Лениным, самым верным, а его принципы — самыми справедливыми. Мы можем и должны рассматривать Гагарина не просто как одного из родоначальников звездоплавания и первого космонавта Земли, но видеть движение времени, влекущее его.

О Гагарине написано много, на всех языках мира. Если собрать все — получится большая библиотека.

Короткая и яркая, как молния, жизнь Гагарина изучена в деталях. Подробно прослежен путь гжатского мальчика к вершине его всемирной славы и далее, к той трагической дате, что сразила его влет, как выстрел птицу. В большинстве исследований о Гагарине бьется упрямая мысль об исключительности Юрия, и в то же время подчеркивается, что Гагарин вроде бы ничем не выделялся среди других, что он не «давил» окружающих своей личностью, был «как все». Как же это понять? Я много раздумывал об этом, вспоминал все свои встречи с ним, расспрашивал людей. А понял, как мне кажется, зимой 1975 года, на космодроме Байконур, когда провожал в полет экипаж «Союза-17». В коридоре гостиницы встретились мы с Виктором Порохней, товарищем юности Гагарина. Мы разговорились о Юре. И вот тут вдруг Порохня сказал одну замечательную вещь.

— Вы знаете,— сказал он,— во многих статьях и книгах пишут, что в Саратове, учась в техникуме, Юрий «заболел небом», что он отныне не мог представить себе жизни без авиации. Но ведь это не совсем так. Гагарин действительно с увлечением учился летать. Но я не помню случая, чтобы он говорил, будто хочет стать летчиком. Я убежден, что если бы техникуму было предоставлено право послать в металлургический институт не 5, а 8 своих студентов и Гагарин попал бы в этот список, он наверняка поступил бы в институт. Ведь с металлургией у него получалось, она ему нравилась, он хотел учить-

ся... Я думаю, из него непременно получился бы очень толковый инженер или научный работник, возможно, это имя мы узнали бы совсем в другой связи...

Как глубоко прав старый друг!

Гагарин был талантлив. Не в том смысле, который вкладываем мы в это слово, когда говорим о вундеркиндах, нет! В нем не было того тонкого и очень яркого луча гения, который вспыхнул в раннем детстве Моцарта, Клеро или Пушкина. В нем медленно, но упорно разрастался и ровно горел свет ума и таланта. Этот свет озарял многие дороги, лежащие перед ним, и помогал ему не спотыкаться на пути жизни.

Часто путают ум и образованность. Это совсем разные вещи. Можно быть широко образованным эрудитом и глупцом. И неграмотный человек может быть очень умным. Гагарин был умен. Умен тем крепким, трезвым, ясным крестьянским умом, которым часто отмечен бывает русский человек. Широко образованным эрудитом я бы не назвал его. Но важно другое, он хотел стать широко образованным эрудитом. Как не вспомнить здесь мудрые слова Льва Толстого: требуется от нас не совершенство, а приближение к нему во всем.

И он приближался! Он хотел стать и становился уже универсальным специалистом в области космонавтики. Превозмогая бремя своей вселенской славы, он учился упорно, понимая, что прогресс науки и техники не дает ему ни одного дня передышки.

Последний раз в жизни я встретил Гагарина в гостинице, когда он приехал в Центр дальней космической связи на посадку автоматической межпланетной станции «Венера-4». Потом уже я подумал: а зачем он приезжал? Какое дело ему было до этих автоматов? Я спрашивал специалистов Центра, они отвечали: его интересовала методика управления с Земли. Хотел знать, как и где проходит сигнал, как он преобразуется, дешифруется, все хотел знать до тонкостей.

Жажда знания — можем ли мы не учитывать это прекрасное качество, когда объясняем выбор именно Юрия Гагарина для первого полета в космос?

Пламя его таланта заставляло людей оборачиваться и пристально вглядываться в этого молоденького офицера, ничем, кроме улыбки, казалось бы, не примечательного с виду. Свет этого пламени лежал на его лице, и люди видели это.

Вчитайтесь в его биографию — и вы заметите, что он всегда, с самых юных лет очень много работал. Мне приходилось видеть Гагарина отдыхающим, но я не помню его праздным. Даже когда он отдыхал, он отдыхал активно, энергично, деятельно, так же как и работал. Он был постоянно чем-то занят: делом, людьми, книгами, мыслями. Труд — прочный каркас гагаринского героизма.

Он научился работать рано. В те годы, на которые выпало

его детство, деревенские (да и городские тоже) мальчишки рано становились «мужичками», людьми ответственными, деловыми. Война обузила его детство и рано заставила трудиться, а потом он не останавливался уже всю жизнь.

У него было подчеркнутое уважение к любой работе, будь то новая ракета, журнальная статья или вспаханное поле. В Казанлыкской долине в Болгарии крестьянки преподнесли ему букет таких роз, которые не растут больше нигде в мире. Он увидел их руки, почти черные от солнца и работы, такие грубые, такие не соответствующие их молодым красивым лицам... И в этот момент одна из женщин быстро наклонилась и поцеловала его руку. Если бы вы знали, как он смутился! Какая высшая несправедливость для него была в этом поцелуе!

И когда говорят о гагаринской скромности, то корни ее тоже здесь, в его постоянном трудолюбии и уважении к работе другого человека. Он был скромным не только потому, что это качество было в нем врожденным. Он был скромным еще и потому, что ясно представлял меру своего труда, меру труда множества других людей в том, что принесло ему его неслыханную славу. И слава эта с годами не испортила его потому, что он не просто принимал ее бесконечные подарки, пусть даже скромно и достойно, а продолжал и дальше много и упорно работать. У Альберта Эйнштейна я нашел слова, сказанные будто точно о Юре: «Единственный способ избежать развращения восхвалениями — углубиться в работу. Конечно, всегда есть искушение остановиться и прислушаться, но надо заставить себя отвернуться и уйти в работу. Работа. Больше ничего». Истинно большие люди потому скромны еще, что для того, чтобы стать истинно большим человеком, непременно нужен очень большой труд. Он питает их скромность.

И еще в Гагарине была человечность. Горацио вспоминает отца Гамлета: «Истый был король», Гамлет перебивает его: «Он человек был!» Да, Гагарин был «король», но главное — он был человек. Достаточно было понаблюдать его беседующим с матерью или играющим с дочками, чтобы понять это. Он был ласков. Он делал в срок то, что обещал. Он был веселый. Он помогал другим. Он верил в мужскую дружбу и в женскую любовь. Он человеком был.

Когда мы говорим «ничто человеческое было ему не чуждо», то говорим это не для того, чтобы подгримировать его. Вовсе нет. А почему, собственно, он должен быть идеальным? И что могло сделать его «идеальным»? На его пути встречалось много ярких, щедрых, замечательных людей, он пишет о них в своей книге «Дорога в космос». Но означает ли это, что не сталкивался он с людьми завистливыми, жадными, скверными? И разве не портит нас каждая такая встреча, хотя бы тем, что заставляет разочаровываться в роде человеческом?

Нет, Гагарин был совсем не идеальным, характер его лепили разные люди. И его эпоха — эпоха трудная, сложная и все-таки — прекрасная! И хороших людей, как видно, попадалось ему все-таки больше. Поэтому общий итог работы жизни над Гагариным-человеком — замечательный. Ей очень удался этот человек!

Если не случаен, а глубоко закономерен сам Гагарин, то столь же не случайно, а глубоко закономерно и рождение его корабля. Историкам и философам еще предстоит отыскать и обнажить перед нами удивительные взаимосвязи революции социальной и революций научно-технических. Они не всегда просты, не наивно прямолинейны и очень многочисленны.

«Вы говорите про несогласие моих работ до и после Октябрьской революции 17-го года,— писал в одном из частных писем Константин Эдуардович Циолковский.— Но всякая эпоха имеет свой язык. Надо принять в расчет еще цензурные условия царской России. Моя прямолинейность лишила бы меня возможности продуктивной деятельности...» Именно в годы Советской власти основоположник космонавтики, уже глубокий старик, разрабатывает фундаментальные научные проблемы. В 1903 году он впервые в мире указал на ракету как на средство достижения космического пространства и иных миров. Он развивает теперь эту мысль и, придя к выводу о невозможности космического полета на одноступенчатой ракете, создает математическую теорию «ракетных поездов», теорию ракеты многоступенчатой (1929 г.). Но дело даже не в собственных его открытиях: сотни людей стали его единомышленниками, он понимает, что нужен им. По всей стране растут секции, кружки, общества энтузиастов межпланетных полетов — будущих строителей космических кораблей. «На первом организационном собрании секция постановила войти с Вами в связь и просить Вас принять участие в ее работе...» — это пишут Циолковскому москвичи. Для них он не учитель провинциальной гимназии, не забавный чудак, запускающий с крыши змей... «Секция обращается к Вам с просьбой прочесть в Москве публичный доклад о межпланетных сообщениях...»

А в Новосибирске пишет книгу «Завоевания межпланетных пространств» Юрий Кондратюк, он совсем еще юноша, но как глубоки, зрелы его суждения.

«Именно в возможности в ближайшем же будущем начать по-настоящему хозяйничать на нашей планете и следует видеть основное, огромное значение для нас завоевания пространств Солнечной системы...»

А Фридрих Цандер?! Он поистине неистов в своих трудах, его энергия неистощима, вокруг него растет много талантливейшей молодежи...

В 1966 году в большой, претендующей на обобщения и на редкость малограмотной статье «Русские намерены победить

в космической гонке» американский журнал «Форчун» язвительно писал:

«Идея о том, что будущее человека — вне его родной планеты,— нечто такое, о чем никогда не думали Маркс или Ленин, но она сильно очаровала советский ум».

Да, в трудах В. И. Ленина нет упоминаний о космических исследованиях и ракетостроении. Но вопросы эти, такие далекие тогда от каких-либо форм реального их разрешения, интересовали Владимира Ильича, и он думал о них.

Отдаленное представление об этом может дать запись, сделанная Гербертом Уэллсом после разговора с В. И. Лениным в 1920 году. Эту запись опубликовала газета «Пари пресс энтрансижан» в связи с полетом советской ракеты на Луну. Ленин сказал, приводит газета слова Уэллса, что, читая роман «Машина времени», он понял: все человеческие представления созданы были в масштабах одной нашей планеты. Эти представления основывались на предположении, что техническая мощь никогда не перейдет земного предела. Но если, продолжал Ленин, мы сможем установить межпланетные связи, тогда придется переосмыслить все наши философские, социальные и моральные представления. И в этом случае техническая мощь, став безграничной, положит конец насилию, как одному из факторов прогресса.

В декабре 1920 года в кулуарах Восьмого съезда Советов Ленин снова говорит о космических полетах. Е. Драбкина вспоминала, что в этой беседе Ленин убеждал своих слушателей в безграничной технической мощи людей Земли, в возможности установления межпланетных связей.

Дерзость идей ракетоплавания, смелость в постановке научно-технических задач, которые и сегодня можно назвать сложнейшими, были сродни эпохе, самому духу нового, победившего строя. Это очень субъективно, но, когда я слышу старую песню «Мы кузнецы, и дух наш молод, куем мы счастия ключи...», я лучше понимаю цандеровский лозунг: «Вперед, на Марс!» Разумеется, никто тогда не представлял и десятой доли трудностей дороги к звездам, но в этих словах я вижу оптимизм революции. Этот великий оптимизм и в лозунге Цандера, и в строчках молодого Кондратюка, и в знаменитом завещании Циолковского, и в бессонных ночах ГИРДа — группы изучения реактивного движения.

Для историков науки и техники с каждым годом становится все яснее тот факт, что организованный в первой половине 1931 года ГИРД сыграл в советском ракетостроении огромную роль. Зная, как работали гирдовцы, мы не можем сегодня не восхищаться целеустремленностью и великой верой этих людей в свое дело. И дело не только в том, что их руками созданы первые советские ракеты, но в том, что создан был дух ГИРДа, дух, перенесенный членами этой группы в другие на-

учные центры, институты, лаборатории, передаваемый из поколения в поколение, достигший нашего времени. Стремление к постоянному техническому и человеческому совершенствованию. Почти фанатичная преданность делу, настолько глубокая, что говорить об этом считается вроде бы даже неудобным. Полное игнорирование таких, в общем-то, объективных понятий, как отсутствие времени, утомленность, даже нездоровье. Требовательная доброта друг к другу. Отсутствие иждивенческих настроений: «А нам не помогают...» Юмор, здоровая ироничность к себе — таков в самых общих чертах дух ГИРДа тридцатых годов. Таковы ракетчики вчера и сегодня. Это не журналистский прием, а итог наблюдений и раздумий: я знал начальника Московского ГИРДа — правда, он был уже академиком, когда мы встретились первый раз,— Сергея Павловича Королева.

Первые советские практические работы по ракетостроению имели в основании своем солидный теоретический фундамент. Русская школа ракетчиков, безусловно, была самой сильной в мире, наиболее многочисленной и плодовитой.

Великий калужанин был, бесспорно, главной ракетной вершиной своего времени, но вершина эта не была одинокой. Она входила в целую горную цепь замечательных талантов. Из-под пера Николая Егоровича Жуковского вышли фундаментальные работы в области гидроаэродинамики, развитые затем его учеником Владимиром Петровичем Ветчинкиным. Лекции Ветчинкина в МВТУ, МГУ и Военно-воздушной академии начиная с 1924 года прослушали сотни будущих ракетчиков. Славен и велик вклад в ракетостроение выдающегося ученого-механика Ивана Всеволодовича Мещерского, автора основных уравнений движения тел переменной массы. Впервые рассмотрел условия полета при скоростях, близких к звуковым, Сергей Алексеевич Чаплыгин.

Это был прочный теоретический фундамент, отличная стартовая площадка для эксперимента. И эксперименты начались.

24 апреля 1927 года в Москве на Тверской в доме 68 открылась «Первая мировая выставка межпланетных аппаратов и механизмов». У громадной витрины постоянно стояла толпа: за стеклом расстилался лунный пейзаж с Землей на небосклоне. На гребне одного из кратеров стоял фанерный человечек в скафандре, а вдали возвышалась серебристая ракета. Большие, хорошо оформленные стенды с многочисленными моделями, чертежами, рисунками, фотографиями, оттисками печатных работ были посвящены трудам К. Э. Циолковского, Ф. А. Цандера, Р. Годдарда, М. Валье, Г. Оберта и других пионеров космонавтики. Организаторы выставки, конечно, не представляли себе и десятой доли всех сложностей космического полета, но искренне верили в его реальность и этой верой

своей заражали других. Заражали настолько, что заведена была специальная книжка, куда записывались желающие лететь в ближайшем будущем на Луну. Желающих было много.

Не знаю, сохранилась ли эта книжка; наверное, не сохранилась. Но я вспомнил о ней много лет спустя, когда читал другие письма, письма моих современников, написанные ими накануне гагаринского полета. В этих наивных и замечательных документах эпохи видится великая эстафета романтиков, и я не могу отказать в удовольствии себе и вам, читатель, привести здесь несколько таких писем.

«Я, как и все советские люди, а также люди всего земного шара, приветствую достижения нашей науки и техники. Еще больше горжусь этим, потому что это достигнуто страной, в которой я родился и вырос. Моя просьба состоит в следующем: если можно, то разрешите мне первому подняться на корабле-спутнике. Конечно, для этого нужно человека более грамотного и знакомого с аппаратурой. Но я бы изучил ее, у меня среднее образование, так что, я думаю, разберусь в ней. Старший лейтенант Михаил Мелин».

«Обращаюсь к вам второй раз с большой просьбой взять меня на корабль-спутник. Каждый раз, когда слушаю радио и читаю газеты о том, что запускают спутники, у меня аж сердце болит — хочу лететь. Неужели у вас нет возможности удовлетворить мою просьбу? А. Юрчук, г. Баку».

«Когда очередной спутник полетит в космос, то желательно, чтобы на нем был человек. Я первый полетел бы в космос, если разрешите. Я полностью и без колебаний отдаю всего себя в пользу науке. Пора уже и человеку побывать в космосе, я на это решаюсь. Итак, попрошу не отказать в моей просьбе. Что вас интересует в моей биографии — подробно напишу. А пока сообщу о себе такие краткие данные: работаю шахтером в Сибири в гор. Прокопьевске, работал и мастером, и грузчиком, и сплавщиком. Так что я с детства привык к трудностям и их не боюсь. Родился в 1937 г. в Кировограде. Окончил 7 классов. С 16 лет пошел работать на флот матросом. С 1958 г. работаю шахтером. Не подумайте, что я стремлюсь к славе. Пусть мое имя не будет известно никому, кроме вас. Итак, моя просьба вполне, я думаю, реальна. С уважением Борис Б.».

«Хочу обратиться к вам с просьбой. У меня есть одна мечта, которую я хочу свершить,— первым на всем земном шаре совершить полет на корабле в космос. Хочу и желаю совершить подвиг для нашей Родины. Когда будут запускать корабль с человеком в космос, то разрешите мне принять участие в этом

благородном деле. От своего намерения не откажусь. Я 1939 г. рождения, работаю на заводе в литейном цехе. Глущенко Николай, г. Славянск».

«Дорогие товарищи ученые! Мне 21 год, рост 154 см, вес 60 кг. Я здоровая, крепкого телосложения. Дорогие товарищи, не забудьте меня, когда будет первый в мире полет в космос человека — пусть это буду я. Какой для подготовки к этому полету должен быть режим дня, какое питание и прочее? Прошу мне ответить. Харламова Валентина, г. Ульяновск».

«Буду краток. После успешных полетов Белки и Стрелки, Чернушки и Звездочки вокруг Земли скоро полетит в такое путешествие человек. Для этого можете рассчитывать на меня. Студент 4-го курса Одесского университета Николай Осовитный».

Николай Осовитный, наверное, не знал, что эти же самые слова: «Можете на меня рассчитывать» — три десятилетия назад произносили молодые, нетерпеливые люди, приходя в дом № 19 по Садово-Спасской улице в Москве, где в подвале над ракетными моторами работал ровесник Николая — Сергей Королев, самый нетерпеливый из них, который верил, что здесь, в темном, душном подвале, построит первую советскую ракету.

Да, неподалеку от Красных ворот, в подвале дома № 19 по Садово-Спасской улице, рождались тогда первые наши ракеты.

Однажды, когда испытывали двигатель с медленно горящей смесью, в подвале произошел взрыв. Жильцы дома в испуге высыпали во двор. А когда в космос полетел Гагарин, во дворе этого дома опять было шумно: люди поздравляли друг друга. Но даже старожилы не смогли связать эти два события: работу странных и опасных соседей из подвала и триумфальный полет первого человека в космос. А связь прямая. Ведь именно московские гирдовцы построили и 17 августа 1933 года запустили ракету конструкции М. К. Тихонравова. Тихонравов Михаил Клавдиевич принимал активное участие в создании первого советского искусственного спутника Земли и гагаринского «Востока». Ракету «ГИРД-Х» с жидкостным ракетным двигателем «ОР-2» везли на испытания в трамвае, завернув в брезент, и уплатили за провоз «багажа» рубль. В ракете был один-единственный прибор — манометр. Это было 25 ноября 1933 года.

Трудно поверить, что не пройдет и четверти века — и взлетит над Землей искусственный спутник. За четверть века воля и ум великого народа превратили мастерскую в подвале московского дома в могучую отрасль промышленности, а завернутую в брезент «трубу» — в гигантские ракеты, группу энтузиастов — в армию выдающихся конструкторов, талантливейших инженеров, искуснейших рабочих.

* * *

Журналисты записали однажды такой рассказ Гагарина о встрече с Сергеем Павловичем Королевым.

Перед стартом Королев поднялся вместе с Гагариным на верхушку ракеты, на ту верхнюю площадку, что находилась у самого люка «Востока». Стояли молча. Смотрели на бескрайние степные горизонты. Потом Королев сказал:

— Наверное, с высоты Земля наша очень красива,— и, повернувшись к Гагарину, улыбнулся.— Счастливец! Увидите ее с такой высоты... Старт и полет не будут легкими, Юрий Алексеевич. Предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, возможно, что-то еще, нам неизвестное. Об этом мы много говорили, и тем не менее я хочу еще раз напомнить, что в завтрашнем полете есть доля риска. Это для вас тоже не новость.— Ученый положил руки на плечи космонавта и долго молчал, а потом, перейдя на «ты», по-отцовски сказал: — Все может быть, Юра. Но помни, что бы ни случилось, все силы нашего разума немедленно будут отданы тебе.

Сергей Павлович глубоко вздохнул, по привычке чуть склонив массивную голову набок, долго смотрел вдаль. Потом широко улыбнулся:

— Все будет хорошо! Я абсолютно уверен в успехе...

Как это хорошо сказано: все силы нашего разума! Действительно, Гагарину было отдано нечто большее, чем просто невиданный, не имеющий фактически предыстории космический корабль, большее, чем гигантская, обогнавшая не только звук, но и свое время ракета-носитель. Ему был отдан коллективный разум сотен и тысяч людей! Открытие эры пилотируемых космических полетов складывалось из бесконечного количества маленьких, частных открытий. Новаторство гагаринского подвига лишь завершало творческое новаторство тысяч рабочих, техников, инженеров, ученых.

Писали и говорили, что полет человека в космос близок. Те, кто внимательно следил за космическими стартами, понимали, что полеты животных на кораблях, способных благополучно приземляться,— это генеральные репетиции близкой героической премьеры. Но ни точной даты, ни фамилии будущего звездного пилота никто не знал. Поэтому дня 12 апреля с нетерпением ожидали вообще сравнительно немногие люди, и, наверное, самым нетерпеливым был сам Гагарин.

После его старта мне доводилось беседовать со многими участниками этой воистину эпохальной работы, и все они в один голос отмечают: праздничный день 12 апреля начинался на космодроме совсем не празднично, а буднично, даже подчеркнуто буднично. Прекрасный и тонкий знаток людей, Сергей Павлович Королев ясно представлял две опасности, возможные при подготовке гагаринского полета. С одной стороны,

подчеркивание его историчности. Медь оркестров, знамена и торжественные речи могли нарушить привычный и проверенный многократно ритм работы. С другой стороны, Королев старался снять с людей, в том числе и с самого Юрия Гагарина, всякую скованность, чрезмерное напряжение и волнение. Королев категорически возражал против какого бы то ни было подчеркивания исключительности предстоящего события. Всем своим поведением, каждым жестом и словом он как бы говорил своим соратникам: «Мы спокойно делаем дело, которое с успехом делали уже много раз, и сделать его надо так же хорошо, как и раньше. Ну, может быть, чуточку получше...» Стартовая команда, инженеры-испытатели и все другие специалисты, наблюдая Главного конструктора, быстро поняли и приняли условия предложенной им психологической игры и работали действительно очень спокойно, без нервных срывов.

Столь же спокойны были и космонавты. Они рассматривали полет как своеобразный экзамен, проверку своих знаний, сил, нервов. Люди молодые, они не раз сдавали разные экзамены, и этот психологический настрой для них тоже не был чем-то совершенно непривычным. Они не могли представить себе, какую бурю восторгов на всех континентах планеты вызовет первый старт человека в космос. Знай они о том, что произойдет в мире буквально через несколько часов, они безусловно волновались бы больше.

Гагарина всегда отличало исключительное самообладание, и никто не помнит, чтобы до самого момента старта он как-то выдал свое волнение. Впервые встретившись с ним в Крыму летом 1961 года, я, как хорошо помню, первым делом спросил его, действительно ли он спокойно спал всю ночь перед стартом. Я допускал, что у него не было сомнений в совершенстве техники. Допускал, что он чувствовал себя хорошо подготовленным к полету. Пусть это был просто экзамен, но ведь экзамен высшей трудности, а все знают, что перед трудным экзаменом не легко заснуть. Гагарин задумался, потом пожал плечами и сказал с улыбкой:

— Так ведь надо было обязательно выспаться. Ведь предстоял трудный день...

Да, этот день был трудным для Юрия Гагарина. Впрочем, не только для него...

И потом, когда счастливый майор Гагарин спал после этого невероятного — ведь и не приснится такое! — самого длинного дня своей жизни. Он еще не понимал до конца, что же это такое он сделал сегодня. Он устал и был счастлив. Оттого, что выполнил все, чему его учили и чего вместе с ним так горячо хотели десятки, сотни дорогих ему людей. Он знал, что выполнено очень важное задание, но в тот день он не думал о том, что вся космонавтика, вся мировая ракетная техника вступили в новый этап своего развития. Не до того ему было...

Восторг людей, его встречающих, взволновал и удивил его, но он не думал в тот день, засыпая на даче у крутого берега Волги, о будущих великих восторгах, о встречах, похожих на манифестации, о том, что отныне его будут так же радостно, горячо и открыто встречать во всех городах, во всех деревнях и домах планеты, везде, где есть хоть один человек.

Он ясно представлял себе, что все мы — Советский Союз — снова, в который раз уже подтвердили свое лидерство в космических делах, что полет его, Гагарина, событие политическое, но все-таки в тот день еще не мог представить, что 108 прожитых им сегодня минут меняют очень много в жизни людей разных стран, что он дал толчок к переоценкам и пересмотрам программ, планов, концепций, доктрин, договоров, соглашений и политических курсов, что 108 этих минут сделали больше, чем годы тонкой дипломатической работы, что теперь сам он превращается в удивительно тонкого дипломата и популярного политика.

Первый и единственный в истории человек, совершивший кругосветное путешествие меньше, чем за два часа, спал на берегу Волги. Он родился сегодня второй раз. Обычно в России так говорят о том, кто перенес смертельную опасность и остался жив. Но дело не только в опасности. Конечно, много всяких опасностей подстерегало его на его звездной дороге, но, повторяю, не в этом дело. Он родился заново, чтобы прожить свою вторую жизнь, такую горько-короткую и такую прекрасную.

Гагарина все любили. Среди наших современников не было человека, которого так хорошо знали бы и так искренне любили народы нашей планеты. Когда в 1961 году в городе Уджда на границе Марокко у торговца Мохаммеда Эт-Таджа родился мальчик, он назвал его: Гагарин. Сейчас он совсем уже большой, Гагарин Эт-Таджа. В Шотландии, на окраине Эдинбурга, в мясной лавчонке я видел маленький гагаринский портрет.

Фрэнк Борман, командир «Аполлона-8», впервые облетевшего Луну, сказал:

— Не надо говорить больше о Гагарине. Он слишком много сделал для меня, для всех нас,— и положил руку на сердце, словно ему было больно.

Ночью в каирской кофейне три сонных араба, глухо ударяя в длинные, блестящие от тысяч прикосновений барабаны, пели песню, в припеве которой незнакомым гортанным клекотом звучала фамилия: «Гаа... гарринг, Гаа... гарринг...» На любом материке он мог постучаться в любую дверь и войти. И везде он был бы первым гостем.

Нет, любовь к нему иногда все-таки пробовали объяснить, говорили: «Он молод, красив, у него такая улыбка...» Это так, но этого было бы недостаточно. Все-таки немало людей есть с

прекрасной улыбкой. Люди любили его как предвозвестника будущего.

Прежде чем стать героем, для того чтобы стать им, он жил, как мы, рядом с нами, среди нас. А став героем, не изменился, в общем-то. Просто жил теперь на виду. Поэтому он родной для нас человек. Поэтому его любили.

Я увидел его первый раз в ту секунду, когда он во Внукове вышел из самолета и, быстро сбежав по трапу, зашагал к трибуне ровно, бодро, точно в ритме марша «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». Он шагал, а я думал: «Так вот он какой, этот майор, который стал бессмертным за 108 минут...» И тут я увидел, что шнурок на его ботинке развязался, и все увидели это, и все мы замерли, не дыша, беззвучно молясь всем богам: «Не упади!» А он шел и шел. Остановился, отрапортовал. Начались объятия. Он как-то смущенно подошел к жене, обнял ее, ткнулся носом в Валину шею...

Я вспоминаю его на космодроме перед запуском «Союза». Он проводил Владимира Комарова до люка. И дело не в том, что он был его дублером. Он понимал: проводить нужно, нужно набросить на плечи меховую куртку — стояла зябкая апрельская ночь. Нужно тронуть за плечо в лифте. Нужно пожать руку, прежде чем закроют люк... Потом он дежурил на связи. Утром у него были красные от бессонницы глаза.

— Ты спал?

— Да, меня Леонов сменил...

Леонов сменил, но он, наверное, не спал. Уточнять эти «мелочи» было неудобно: говорить о таких вещах не принято на космодроме, когда в небе корабль с твоим товарищем.

Его очень любили конструкторы, инженеры, техники, которые строили его корабль. Он был первым — и первым испытал то, что было никому еще не ведомо: жизнь в мире без тяжести. Он отдал другим все: уверенность и сомнения, тяжесть перегрузок и парение невесомости, бездну незнакомого черного неба и красоту внеземных зорь — все, чему научил, что показал, что подарил ему космос. Ничего не оставил себе. И отдал не раз — многократно, всегда, когда на старт выходили товарищи.

Когда саратовская газета «Заря молодежи» опубликовала снимок курсанта аэроклуба и назвала его фамилию, курсант послал газету родителям. Мама написала ему в ответном письме: «Мы гордимся, сынок... Но ты, смотри, не зазнавайся...» Через несколько лет в мире не было ни одной газеты, которая бы не опубликовала его портрета и не назвала бы его имени: Юрий Гагарин.

Все хотели пожать ему руку, улыбнуться ему и увидеть его ответную улыбку. Он ро́здал тысячи автографов. Где бы ни появлялся он, его окружала ликующая толпа. Я сам видел во время второго Московского международного кинофестиваля,

как знаменитые звезды итальянского, американского и французского кино, толкаясь, как на рынке, лезли под фотообъектив, чтобы сфотографироваться с ним. Давайте откровенно: когда вам только двадцать семь лет, это может вскружить голову? Еще как! Гагарин выдержал. И мы любили его за это тоже.

Гагарина любила молодежь. Ребята считали его своим парнем, и не было, наверное, девушки, которая не была бы влюблена в Гагарина.

Не раз иностранные журналисты старались сбить его вопросом, поставить в неловкое положение, припереть к стене. Не знаю ни одного случая, когда бы это удавалось сделать. Потому что он был прежде всего убежденным, знающим человеком. И он был поразительно находчив, развивал всячески в себе это качество, понимая его не только как средство защиты, но и как оружие нападения. И часто именно те, кто хотел посадить его в лужу, «намокали» сами.

В Японии — прелестные игрушки. Гагарин пошел в магазин и купил подарки своим дочкам. Вечером — пресс-конференция. Среди множества вопросов — совсем неожиданный, с «подковыркой»:

— Нам известно, мистер Гагарин, что вы везете домой детские игрушки. Неужели даже ваши дети, дети первого в мире космонавта, не могут иметь в Советском Союзе хорошие игрушки?

В вопросе уже не скрытый, совсем явный подтекст: вот, мол, в Советском Союзе даже игрушек нет. Кукла приобретает густую политическую окраску.

— Я всегда привожу подарки моим дочкам,— сказал с улыбкой Гагарин.— Мне очень хотелось сделать им на этот раз сюрприз: привезти японские куклы, которые славятся на весь мир. Очень жаль, что вы заговорили о моей покупке. Завтра об этом напишут в газетах и, возможно, даже узнают в Москве. Сюрприза не будет. Вы испортили радость двум маленьким девочкам...

Гул в зале. Тот одобрительный журналистский гул, когда ответ попадает точно в цель. На таких дуэлях он был снайпером. Его любили за дерзость, за находчивость, за быструю русскую смекалку...

Я вспоминаю тот трагический мартовский день... Люди все идут и идут к его бюсту на Аллее Космонавтов, все растет и растет яркая горка цветов у его подножия, и застыл в ушах тихий шепот старушки: «Что же ты наделал, сынок...» Много людей стоит вокруг. Просто стоят и смотрят в его каменное лицо. Прощаются. Такой живой, энергичный, улыбчивый был человек, столько было в нем солнца, света, так несовместим был он со смертью, что казалось — Гагарин будет всегда, всегда рядом.

И вспоминаются какие-то неважные пустяки, какие-то малюсенькие камешки из мозаики его портрета...

Крым, Форос, сентябрь 1961 года. Я спускался к морю и из-за деревьев еще издали заметил теннисный корт и быстрые фигурки на нем. Он, помню, играл без майки, в коротких белых трусиках. Крепкий, ладненький, какой-то хорошо подогнанный весь. Он играл с большим азартом и при всяком ударе издавал резкий звук, как бы быстро выдыхал воздух. Так дышат фехтовальщики во время боя. И удары оттого, что он так помогал себе, тоже становились резче. Он очень старался, как говорят, выкладывался, носился по площадке со всех ног, но проиграл. Крутя в руках ракетку, подошел, весь еще в азарте игры, еще не отдышавшийся, с дорожками пота на блестящей спине, и предложил:

— Сыграем?

Он хотел победы.

Потом мы ездили в Севастополь: Гагарина пригласили к себе моряки-черноморцы. На обратном пути он, веселый, сидел в автобусе сзади, рядом с летчиком-испытателем Георгием Мосоловым, и они пели шуточную космодромную:

— Заправлены ракеты, конечно, не водою...

Рядом со мной тихо, для себя, подпевал Герман Титов. Много тогда пропели разных веселых песен, и все — с посвистом, с озорной удалью.

Автобус неожиданно повернул, и все увидели за окнами Сапун-гору, где лежит в могиле целая наша армия. Мы вышли из машины, пошли к мемориалу. Вся веселость Гагарина разом исчезла, лицо стало вдруг очень серьезным, непохожим даже, а глаза — темными, скорбными. Он молча осмотрел мемориал и не задавал никаких вопросов экскурсоводу. Потом подсел к столику с памятной книгой, быстро стал писать. Герман стоял над ним, смотрел через плечо, когда он писал. Опять сели в автобус. Всю дорогу до самого Фороса Гагарин молчал.

В Крыму у Гагарина была лодка «Восток», а у Титова — «Восток-2». Гагарин поехал кататься, поплыл в море, а тут ветер с берега. Его стало сносить. Греб что есть силы, выбрался на берег в двух километрах от пристани, мокрый, веселый, с волдырями на ладонях. Герман промолчал тогда, но взглядом осудил...

Вечером ужинали в новой квартире, по-домашнему, на кухне. Вдруг он сорвался, побежал, закричал уже откуда-то из дальней комнаты:

— Забыл! Ведь сегодня такой хоккей!

И уже тащил на кухню телевизор, торопливо устанавливал, вытягивал стебель антенны. Успокоился только тогда, когда всплыли на экране квадратные фигурки в шлемах. Смотрел долго, потом, не отрывая от телевизора глаз, сказал восхищенно:

— Замечательная игра!

Хоккей не мог ему не нравиться. Эта игра в его духе: напор, смекалка, быстрота. Он играл в баскетбол, даже был капитаном — самый низенький во всей команде. Раз выбрали капитаном — значит, был ловчее высоких.

И последняя наша встреча. Центр дальней космической связи. Финиш знаменитой «Венеры-4». Передал в газету репортаж, выхожу на улицу. У «Волги» стоит Гагарин.

— И ты тут! Привет. Говорил с Москвой? Я тут читал тебя...— Заговорил о новых книгах, о фильмах. (Что он говорил? Не записал, а теперь не помню...) — Я в 305-м. Заходи вечером...

Сел в «Волгу».

Вечером я постучался в 305-й номер.

— Их нет,— сказала коридорная проникновенно,— не приехали...

Я заметил у нее на столике приготовленные для автографов открытки.

Мог ли думать я тогда, что никогда не увижу больше Гагарина...

* * *

Можно сказать, что Гагарина знали все. Все люди земного шара, я думаю, хотя бы однажды слышали это имя. Сотни миллионов людей видели его на экранах телевизоров. Десятки тысяч встречались с ним на митингах и собраниях. Сотни беседовали с ним, чувствовали теплоту его рукопожатия. Лишь немногие были его друзьями, людьми, для которых прежде существовал просто Юра Гагарин, а уж потом Любимец Века. Пройдут годы, и этих людей будет становиться все меньше и меньше — все мы подвластны времени. Память о Гагарине времени не подвластна. Образ его будет символом. Наши далекие потомки будут относиться к Гагарину так же, как мы относимся сегодня к Колумбу. Нам трудно представить себе, как двигался, говорил, смеялся великий генуэзец, как играл со своим маленьким сыном Диего на острове Порто-Санто, как радовался золотому песку в устье реки Верагуа, надеясь вернуть себе милость испанских монархов... В нашем сознании нет человека Христофора Колумба, есть Первооткрыватель Нового Света. Наверное, это правильно и справедливо.

Книги часто живут дольше людей. Хочется верить, что и эта книга адресована не только нам, современникам Гагарина, но и потомкам. И очень хочется, чтобы эта книга, написанная очень многими людьми, знавшими Гагарина-человека, живого Гагарина, унесла в будущее частицы этого трепетного знания. Оно сделает наших детей и внуков мудрее, еще теснее приблизит их к нашему трудному и прекрасному времени. Живой Гагарин поможет им узнать еще лучше всех нас — вернее, то

лучшее, что есть в нас. Живой Гагарин непременно заставит потомков наших завидовать нам, он поможет им понять наш труд и нашу жизнь, раскроет перед ними наши мечты и, может быть, поможет полюбить нас сильнее.

Только живой образ способен сделать это. Символ можно глубоко уважать и высоко ценить. А любить — человека.

Когда говорят о бессмертии Гагарина, то чаще всего связывают это с фактом его полета, эпохальным событием, яркость которого не ослабнет, через какую бы толщу лет ни шел к нашим потомкам этот свет. Армстронг и Олдрин оставили на Луне металлический вымпел с его именем. Его вспомнят счастливцы первой марсианской экспедиции. Когда-нибудь о нем будут говорить первопроходцы Венеры и далекие жители космопортов на спутниках Юпитера. Все это будет. Но бессмертие Гагарина не замыкается лишь историческим фактом события 12 апреля 1961 года. Бессмертие Гагарина — это дух Гагарина. Бессмертие Гагарина — это его Земля.

Атомы его крови бродят и поныне в этой земле, несут их вверх березы, глядят в небо глазами прозрачных лесных родников. Он вечен, потому что вечна Земля.

Бессмертие Гагарина — это две дочки, две маленькие женщины, счастливо способные отпечатать его улыбку в грядущих поколениях.

Бессмертие Гагарина — это его верность. Любви. Друзьям. Идеалам. Призванию. Родине и ее великому пути. Это — вера в человеческое совершенство, в то, что бодрость и веселье нужны обязательно, что надо много знать, много уметь, надо быть щедрым и правдивым, надо не уставать делать добро, любить людей, бороться за их счастье. Это — вера в жизнь, которую никогда не сможет одолеть смерть. И потому Гагарин — бессмертен.

Ю·ДОКУЧАЕВ

Шагнувшие за время

Нам, журналистам, работавшим в Звездном и на Байконуре, не раз доводилось толковать с космонавтами накануне стартов. Грандиозность приближающегося для каждого из них так естественно вытесняла все остальное, суетное. Но требовалось доверие, взаимопонимание, какая-то (рискую употребить модный термин) психологическая совместимость, прежде чем сильный, подчас малоразговорчивый человек «раскроется» и скажет тебе: «Знаешь, о чем я сейчас думаю?.. Вот послушай...»

Необходимость такого доверительного разговора очевидна. Если ты только представляешь известный журнал или газету, если нет этого доверительного отношения, то космонавт, загнанный тобою в угол потоком вопросов, отвечает не тебе лично, а лишь уважаемой им газете. Как-то на одном из профессиональных диспутов писатель Анатолий Аграновский высыпал прямо на трибуну из коробка спички и сказал: «Вот такими выходят из-под наших перьев космонавты... Все они верные сыны, только одна Валентина Терешкова отличается от них — тем, что она верная дочь...»

Чаще всего возможные контакты журналистов с космонавтами мимолетны и сводятся лишь к вопросам и ответам на многолюдной предстартовой пресс-конференции, а организация таких конференций и участие в них, мало сказать, тяжкий труд.

Представьте себе, что на фоне ракеты-носителя, готовящейся к старту, журналисты соревнуются в остроумии, задавая вопросы космонавтам, стоящим в эту минуту на самом краешке Земли. В таких интервью, порождении сегодняшнего прогресса, есть все, только мало человеческого.

Каюсь, за долгие годы я не мог придумать ни одного «остроумного» вопроса, который бы в устоявшейся традиции таких встреч космонавтов с прессой вынудил бы кого-нибудь «раскрыться». А если снять кавычки со слова «раскрыться», то раскрыться вот так:

— Дорогие друзья... Через несколько минут могучий космический корабль унесет меня в далекие просторы Вселенной. Что можно сказать вам в эти последние минуты перед стар-

том? Вся моя жизнь кажется мне сейчас одним прекрасным мгновением. Все, что прожито, что сделано прежде, было прожито и сделано ради этой минуты. Сами понимаете, трудно разобраться в чувствах сейчас, когда очень близко подошел час испытаний, к которому мы готовились долго и страстно...

Эти предстартовые слова Юры Гагарина навсегда вошли в сокровищницу человеческих исповедей героев Земли. А мне они навсегда помешали «развлекать» космонавтов и телезрителей пустяками в преддверии непустяковых свершений.

Я просто много лет дружил с теми, кто работал, тренировался в Звездном, переживал как собственную каждую неудачу при сложнейшей подготовке к полету, разделяя предстартовые их волнения, радовался их успехам. И невыносимо трудно было вдруг терять кого-нибудь из этой когорты мужественных честных людей.

Сегодня благодаря поистине «космической» поступи советской космонавтики, благодаря стремительному развитию науки и техники, вдохновенному труду ученых, конструкторов и рабочих нашей страны стали возможными беспримерные космические полеты и работа космонавтов на уникальной станции «Салют-6». В орбиту этой работы вовлечены и братские страны. И вместе мы стремительно идем вперед, но величие наших побед тем и значительнее, что никогда не забывали мы о тех, кого потеряли на пути к нашим победам. Имена павших первопроходцев космоса в памяти нашей, а будущие поколения прочтут их на досках у кремлевской стены — стены славы нашей.

Сегодня, когда над планетой в космосе станция «Салют-6», нужно помнить о тех, кто начинал работать на первом «Салюте». Многое, что успели при жизни доверительно поведать мне космонавты — первый экипаж «Салюта», не принадлежит уже ни мне, ни им. Как не принадлежала им короткая их жизнь, которую они с неизмеримой, никем не взвешиваемой решительностью готовы были отдать народу, Родине, во имя самых чистых, лучших своих побуждений. И отдали ее.

Вспомнив справедливый упрек коллеги Аграновского, я открыл сейф, из его холодной глубины достал две диктофонных кассеты.

Тихо в комнате издательства «Советский писатель». Вращаются бобины, а с магнитной ленты сбегают, как струйки родничка, ручейки звуков. Сливаясь, они заполняют голосами комнату — голосами людей, кто одиннадцать лет назад, встав на самый краешек Земли, рассказал, что у каждого на душе.

— Так слушай...— Тогда это было обращение ко мне. Но теперь я переадресовываю тебе, читатель, и эту исповедь, и последующие.— Так слушай,— сказал Георгий.— Никогда я не делал из этого тайны, да и кто мог бы на такое решиться и зачем? Не представляю. В летных частях и когда был заместителем командира полка — летающим парторгом, как у нас говорят, и когда в Монинской академии учился, я писал об этом в анкетах. Да и здесь, в Центре подготовки, в личном деле это есть. Вот рассказывать не любил. Кому приятно вспоминать, как тебя смертным боем волтузили. Нет, я понимаю, фашисты, оккупанты, враги, но все равно... А сейчас... Откуда, почему? Но не дает мне это покоя. Какой чертовски сложнейший иммельман со мной проделала жизнь. Парень, приговоренный оккупантами к двадцати пяти годам каторжных работ,— ведь это же только подумать надо — к двадцати пяти,— закованный в кандалы, чудом спасся, бежал от расстрела из одесской тюрьмы, сейчас готовится к полету в космос!

Нет, нет,— смеется Георгий,— ты прав. Но я не психую. Просто встало все прошедшее передо мною. Думаешь, мешает, волнуюсь? Да черта с два. Если и волнуюсь, то... как бы тебе сказать, как-то, ну, с боевым зарядом, что ли, со злобинкой, которая не застит сознания. Мол, нате, выкусите, сволочи! Кто теперь оккупанты? Кто я? Я это знаю твердо, как дело, на которое иду, как до мелочей свой корабль.

С самого начала? Ну что же, все в жизни было как у всех. Ты догадываешься, что в детстве,— смеется Георгий (задорный, открытый, удивительно заразительный его смех),— мне горничная не подавала в постель сбитые сливки. Подарками тоже не баловали. Наверное, потому, что я делал их себе сам: рогаток, самокатов перебывало у меня видимо-невидимо. А юность?

И рассказал он, как жила оккупированная врагом Одесса, как вместе с «новым» порядком голод вполз в город вслед за оккупантами. Отец на фронте. У матери и бабушки одна забота — прокормить Георгия. У Георгия — помочь матери и бабушке. Часами стоял на толкучке. Менял чудом оставшийся в доме черный перец на муку. Редко когда везло. Не до восточных пряностей изголодавшейся Одессе. Только во сне снились ребятам, да и не только детворе, фаршированная рыба, которую по-особому готовили до войны одесситки, острые домашние колбасы и разносолы. Хлеба нет. Стакан муки, два початка кукурузы — праздник в доме. Порой у мальчика от голода опухали лицо, руки. Тогда было ему 15 лет.

Жил Георгий воспоминаниями о недавней Одессе: шумной, солнечной, насквозь пропахшей каштанами, морем, беззаботной, сытой.

И росла в нем злоба ко всему, что творилось в городе: к арестам и расстрелам, к выстрелам по ночам.

...Только в кругу однолеток, прячась на задворках или на соседнем кладбище, ребята могли и поговорить откровенно, и вполголоса спеть любимые довоенные песни, даже «Интернационал». И каждый мечтал о настоящем деле, которым здесь же, в Одессе, занимались подпольщики. Но где они?

Где те, кто подорвал фашистскую комендатуру, где те, которые выходили ночью из катакомб и взрывали склады с боеприпасами? Ребята не знали, но готовы были примкнуть к ним.

Однако не голыми же руками бороться с оккупантами. Вооружились. Благо, оружие при отходе наших частей собрать было нетрудно. Во дворе Георгий закопал винтовку с патронами. А пистолет всегда был при нем.

— ...Меня арестовали на улице. Это было в декабре сорок третьего года. Думаю, просто случайно попал в облаву. Возвращался домой поздно. Из-за угла выскочили несколько вооруженных румын. Луч электрического фонаря в лицо. Чем-то ударили по голове. Руки скручены. Обыскали. Нашли пистолет...

А дальше? Я постараюсь передать то, о чем не любил рассказывать Георгий, но, так уж случилось, в ту ночь, рассказал...

В охранке бесконечные допросы. Били. Он молчал. Он не был подпольщиком, но не выдал своих друзей, с которыми пел «Интернационал», не сказал о закопанном оружии. Он был просто патриотом, готовым по первому сигналу идти в бой и на смерть... Для этого и носил оружие.

Военный трибунал. Мальчика втолкнули в зал. Из-за спин стоявших не видел «судей». Слышал только: этому пять лет, этому три года, тому семь.

— Добровольский!

— Я,— стоявшие расступились.

— Оружие было?

— Было.

— Двадцать пять лет каторжных работ.

Уже в коридоре, куда вытолкнули осужденных, он сел в уголок, сжался в комочек.

Мысль одна: что будет с мамой, когда узнает? Переживет ли? И вдруг почувствовал: кто-то сует ему в руки шарф, свитер. Проходя, солдат-румын украдкой положил на его колени полбуханки хлеба. «Не дрейфь,— услышал он чей-то густой бас,— фашистов скоро уничтожат, не дрейфь».

А он и не дрейфил: «Бежать, только бежать».

Во дворе осужденных загнали в грузовик. Всем приказали сесть на пол. У бортов устроилась охрана. Щелкнули затворами винтовок. Попробуйте, мол, только бежать!

Выехали на улицу. Мелькнул знакомый кладбищенский

забор. Георгий весь напрягся. Сейчас выскочит — и был таков. Убьют? Пусть.

И вдруг... мама. Она увидела его. Бежит за грузовиком. «Сынок, не переживай, не мучайся, сынок!» Эх, мама... «Спрыгну,— подумал он,— схватят ее».

Вновь тюрьма, заковали в кандалы, натиравшие до крови ноги, и вновь побои... Наконец бросили в камеру, где сидели смертники и такие же, как он, каторжане.

19 марта 1944 года бежал. Он оказался одним из тех, кому по подложным документам удалось спастись от смерти. Да, от смерти.

Перед уходом из города фашисты, переставшие доверять своим «союзникам»-румынам, расстреляли всех заключенных. Георгий видел этот ров за городом, полный трупов.

Он шел вдоль страшного рва и... вдруг... Человек лежал ничком, сверху еще трупы, на поверхности торчали только ноги, обутые в ботинки. Георгий не мог ошибиться, один ботинок чуть меньше другого, на одном подковка, на другом — дырявая подметка. Тюремное приобретение его, Георгия. Когда сбивали кандалы, Георгий отдал эти ботинки своему соседу по камере, а взамен получил сплетенные из веревок лапти. Он уходил, и тогда никто не знал, вырвется ли он на свободу. Может быть, у тюремных ворот автоматная очередь навсегда остановит беглеца. Какая разница, в чем умирать? А здесь, в тюрьме, сыро, как в погребе. Сосед, пожилой человек, кивком головы поблагодарил за подарок. Этот тихий, рассудительный, безгранично веривший в победу, в счастье человек помог Георгию в тяжелые дни заключения, и он скоро понял, что его сосед — коммунист, подпольщик. Понял сердцем и бесконечно ему доверял.

А тогда он стоял, смотрел на свои ботинки у страшного рва, и сердце обливалось кровью.

— Много лет я летал и одновременно занимался политической работой. Сколько раз я слышал слово «трудно» от своих молодых друзей, столько раз я вспоминал кандалы, бегущую за машиной мать, своего соседа по камере и этот страшный ров и торчащие из него мои ботинки. Труднее этой минуты ничего не помню.

И тогда впервые я увидел Георгия другим. Взгляд стал холодным, тяжелым. Стальным. У этого человека, подумал я, веселого, жизнерадостного, есть и другая грань характера, не всякому со стороны видная. Он тверд как кремень и ничего не забыл...

Когда я вспоминаю об этом, передо мной возникают строки:

...Оккупантский листок «Мова», среда, 23 февраля 1944 года:

«Военно-полевой суд Одессы вынес следующие приговоры:

1. Мироновой Анне из Одессы (Херсонская ул., № 36). При-

говорена к 5 годам каторжных работ за то, что, будучи еврейкой, не явилась к властям, чтобы быть направленной в обязательное место жительства.

2. Белаус Петр из села Хутор Франко, Одесского уезда. Приговорен к 8 годам каторжных работ за то, что хранил в стоге соломы ржавое ружье с 3 патронами, которое было обнаружено во время обыска.

3. Добровольский Георгий из Одессы (Ближние мельницы, Пишенин переулок, дом 5). Приговорен к 25 годам каторжных работ за хранение револьвера (системы «Берета»). Револьвер был в пригодном для действий состоянии».

Да. Это он. Георгий Добровольский, Герой Советского Союза, командир космического корабля «Союз-11».

ВИКТОР

Следующий вечер. Мы устроились в удобных креслах в отведенной Виктору комнате. В открытое окно вливался теплый воздух, до краев наполненный запахом хвои и ароматом ночных цветов. Через три дня лететь на Байконур.

И начал он неожиданно разговор сам. Без вопросов с моей стороны, без предисловий. Спокойно, тихо. Я был бесконечно признателен ему. Он просто был умным, предупредительным, избавив меня от тривиальных зачинов. Понимал, почему и зачем я здесь. Я слушал, стараясь только, чтобы мои вопросы не сбивали его неспешный рассказ, только удерживали в русле.

Рассказ? Нет, скорее всего, он словно размышлял вслух, вспоминал. Будто перелистывал страницы и своей жизни, и своих убеждений. Словно уточнял степень своей готовности к предстоящему.

— Родился и жил в Казахстане,— говорил Виктор,— в Актюбинске. Мне исполнилось семь лет, а тут началась война. Помнится все прекрасно. Отец в первые же дни ушел на фронт. В том же сорок первом погиб под Москвой — пришла похоронка.

Семья? Да небольшая. Двое детей было у родителей: я да младшая сестренка. Мать нас воспитывала и тянула. Она работала. Женщина она работящая, и мы, несмотря на трудности военных лет, управлялись.

Ну как ты думаешь? Естественно, в меру своих сил помогал матери по хозяйству. И за сестренкой присматривал, пытался облегчить матери хотя бы домашнюю работу.

Речь у космонавта простая, чистая. Взгляд на самое суровое время — спокойный. Пристальный к деталям, определившим жизненный путь и склад характера.

— Хоть, кажется, в Казахстане природа и не богатая — степь, речка, но очень люблю свой край. Степь хоть и ровная

как стол, но, особенно весной, даль неоглядная и во всю ширь покрыта сочной зеленью. И как ковер в цветах: тюльпаны, колокольчики. А дышится! До сих пор снится весенняя наша степь!

Развлечения? Конечно. И прежде всего рыбалка. Не я один, а все мои сверстники не упускали случая наловить карасей, ершей в речке Илек и сварить уху. Речка-то небольшая, но тогда нам казалась широкой. Переплыть ее туда и обратно раз пять было для нас, мальчишек, большим достижением.

Ходили на охоту. Вспоминаю и сравниваю себя с сыном. Учится он сейчас в седьмом классе. Мне в такую пору мать доверяла куда больше, чем я доверяю сейчас ему. Наверное, время было другое, жестче с нас спрашивало. Хотя нынешние дети и видят больше, и развиваются быстрее, но, наверное, мы были тогда самостоятельнее. В четвертом, пятом классе втроем, вчетвером уходили на осеннюю охоту — на уток. На неделю уходили, на две. Мать не волновалась. Во всяком случае, не показывала виду.

Все эти увлечения остались до сегодняшнего дня и, видимо, на всю жизнь. Недавно, к примеру, нам устроили отдых. «Взяли» кабана. Ездили и на рыбалку. Наловили рыбешек, уха — хороша!

Нет-нет. Разговор к месту. Нужна и мне небольшая разрядка. Так что, уж извини, выскажусь...

Учился до старших классов нормально, по всем предметам ровно. Сохранились похвальные грамоты. А вот в старших классах стал избирательно подходить к наукам. Заинтересовали математика, физика, астрономия. Полюбил черчение. Наверное, это и определило то, что я стал инженером. Помню, как мы с ребятами из набора линз сделали какое-то подобие телескопа. Получилось. Правда, примитивный телескоп вышел, но мы были рады: звезды к нам вроде стали ближе.

Я вообще технику любил с детства. В младших классах ремонтировал поливные сооружения на полях. Движок, насос, привод помогал чинить вместе с ребятами. А нет-нет, и самостоятельно нам доверяли такой ремонт. Старше начал читать и технические книги.

Из художественной литературы? Пожалуй, больше всего полюбил Джека Лондона.

К концу школы увлекся математическими машинами, изучал различные системы счисления. В десятом классе вычитал в проспектах, что в Пензенском институте открывается факультет по разработке математических машин. И меня потянуло!

Конкурс? Был, но все экзамены сдал нормально.

В институте увлечение техникой перестало быть дилетантским. Но и здесь не ко всем предметам относился ровно. Некоторые мне не нравились, а другие так полюбились, что преподаватели от меня открещивались: «Да куда ты лезешь? Мы

на следующих лекциях это расскажем, объясним. Подожди...» — Виктор улыбался. Улыбался чуть застенчиво, каким-то своим воспоминаниям. Мы молчали. Потом, словно спохватившись, продолжал:

— Со второго курса начал участвовать в работе научно-технического общества, стал председателем факультетского НТО. Было у нас много секций, кружков — на нашем факультете точной механики. Считаю, что работа студентов в технических кружках дает очень много. Позволяет студенту заглянуть в будущее немного, расширить знания, помогает заинтересовать того или иного какой-то проблемой, поломать, как говорят, голову. Это бесследно не проходит. Пусть ребята не всегда самостоятельно решат ту или иную задачу, но они «набивают руку» в подходе к решению и не только технических, но и научных проблем. Надо сказать, что некоторые мои однокашники делали серьезные работы по алгебре и логике, потом некоторые даже вошли в научные издания.

То было время, когда широко начали создавать электронно-счетные машины. Вовсю делались машины непрерывного действия. Быстродействующие только зарождались, и мы были свидетелями создания этой новой, одной из самых интересных отраслей техники и науки. Словом, кибернетики.

И тут я почувствовал, понял, что совсем непроизвольно Виктор уже говорит не только со мной, а со своими сверстниками и коллегами, так как привык делиться с ними взглядами, мыслями. А потом, много позже, когда прослушал эту запись, понял: звучит она как напутствие молодым. Звучит не нарочито и не как завещание, не дай бог, но оказалось именно так.

— После окончания института,— продолжает крутиться магнитофонная катушка,— работал в одной организации здесь, под Москвой. И тут мне пригодились те широкие инженерные знания, которые я получил в институте. Дело в том, что мне приходилось разрабатывать устройства автоматики, которые даже отдаленно не напоминали математические машины, но тем не менее я почувствовал, что запаса институтских знаний хватило. Хватило для того, чтобы начать, именно начать работать.

Несомненно, инженер становится инженером после нескольких лет производственной работы. Теоретические знания были, была отправная база. Но этого показалось мало. Не мешало бы еще расширить знания. Поступил в Энергетический институт, здесь же, в Москве. Два года ездил и слушал лекции профессоров, академиков в Физико-техническом институте в вечернее время.

Трудно? Не знаю. Я привык заниматься, втянулся. Старался всегда не пропустить технические и научные новинки и из первых рук получить знания, а не только путем чтения периодической технической литературы или учебников. проработки

оригинальных научных статей и книг. Старался просто систематически посещать лекции по тем курсам и отраслям знаний, которые или не сумел приобрести в институте, или их следовало бы расширить. И главное в другом. Поскольку время идет, наука движется вперед, техника развивается, порой обгоняя время, инженер вообще должен всю жизнь учиться, чтобы не отстать.

Нет. Я тебя понял. Вызвано это было не только моим убеждением, не столько производственной необходимостью. Скорее, и тем и другим.

Со мной пришли в эту организацию молодые ребята из Энергетического института, из Авиационного. Создали мы группу. Работали увлеченно. Конечно, не все сразу получалось, были случаи, скажем прямо, досадные. К примеру, работаешь-работаешь, а результат нулевой. Набивали себе шишки на этом деле, но даже шишки были не без пользы. Приобретался опыт. Это, наверно, неизбежно для каждого молодого специалиста. Потому что сразу все ухватить и решить со стопроцентной вероятностью может человек, который боится идти на риск и берется только за те задачи, которые ему досконально известны от начала до конца. Есть такой тип инженеров: берутся только за ту работу, которую уже знают, боятся оторваться от уже накопленного опыта. Не хочу спорить, наверное, и такой тип инженеров нужен. Но нам приходилось сталкиваться с другим — принципиально новым. Вступить на тонкий лед неизведанного. Пожалуй, это-то меня и привлекало. В конце концов после определенных усилий мы решали ту или иную задачу. В этом-то и было настоящее инженерное, да и человеческое удовлетворение. И еще. Инженер не может замыкаться в узких рамках, а обязательно должен знать не только, что делается нового по его специальности, но и то, что делается рядом, по соседству. Особенно это важно сейчас. Потому что на стыке разных дисциплин, так же как на стыке разных наук, родятся новые изобретения и открытия. Время, которое человек тратит на изучение смежных дисциплин, смежных наук, никогда не пропадает даром и обязательно принесет свои плоды. Принесет, потому что эти знания воплощаются в новых системах и изобретениях.

Проработав в организации, в которой я начинал, три года, понял: да, мы научились решать те задачи, которые перед нами ставились, нами были довольны, научились делать приборы, которые требовались, но при небольшом техническом коллективе у организации этой был суженный горизонт. Дальше для меня был застой. И я пришел к такому выводу: надо перейти в техническую крупную организацию, где бы я мог получить уже бо́льшую инженерную закваску от людей с большим опытом работы, тех, кто знает больше меня. Так я перешел в КБ. И очень доволен своей работой.

Как появилась мысль о полете в космос? Скажу. Полагаю, что предстоящий полет — для меня логическая необходимость. Я конструктор. Так? Значит, хочу проверить, исследовать бортовые системы различных классов и уровней — а они становятся все сложнее — прямо в эксплуатации, в полете. За этим и лечу.

Готовили меня к этому основательно, теоретически и практически, в школе, в институте, на работе и вот здесь — в Центре подготовки космонавтов...

Он посмотрел мне прямо в глаза. Помолчал. И вновь смущенно улыбнулся.

Ему, пожалуй, было труднее всех, потому что в отряд космонавтов он прибыл позже остальных. Да, несомненно, его теоретическим знаниям, его творческому, аналитическому уму можно позавидовать, но летать на самолетах он не умел, прыгать с парашютом — тоже. Да и многие тренажеры были поначалу для него книгой за семью печатями. Сколько же потребовалось воли, упорства, чтобы не только догнать, но и войти в состав стартующего экипажа!

Да, он поборол все. Он — Виктор Пацаев, Герой Советского Союза, инженер-испытатель космического корабля «Союз-11».

ВАДИМ

Раздался телефонный звонок. «Сам? Иду...» Я был рад предстоящей встрече. Сдержал-таки слово Вадим. Зайти перед отлетом, ведь остались считанные дни, или, лучше сказать, часы... Молодец. И мысли переключились на того, кто сейчас должен был появиться.

Вадимом звали его все, кто был знаком с ним, кто дружил с ним, и все без исключения любили его.

Человек этот — недюжинных способностей. Причем порой таких различных, что просто не верилось, как могут совмещаться они в одном человеке. Он мог бы стать большим спортсменом: нет или почти нет вида спорта, которым бы он не занимался: бокс, футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, альпинизм, плавание. И в каждом — высокие результаты. Он мог бы быть отличным конструктором самолетов. В это не без оснований верили преподаватели его института. Возможно, театральная сцена потеряла хорошего актера. В самодеятельности он был на первых ролях. И, займись он театром всерьез, может быть, мы ходили бы «на Вадима».

Но он мечтал о космосе. И стал космонавтом. Специалистом по космической технике. И здесь, как нельзя кстати, соединились и авиационные знания, и любовь к спорту, и дар импровизации.

Он вошел в наброшенной на плечи летной курточке, несмот-

ря на теплый вечер. Я не спросил, почему так. По лицу, чуть порозовевшему, свежему, сбросившему тень дневной усталости, понял, что он только что из парилки или плавательного бассейна.

— Ну вот. Опять не вижу гитары. Обещай к нашему возвращению завести. Только без банта. Петь хочется. Не стал бы возражать? Ну и славно, старик. Давай о деле, коллега.

Сказав «коллега», он весь просиял. Я знал, что он очень гордился своим званием внештатного корреспондента одной из газет, отправляясь в космический полет. Отсюда «старик», «коллега». В какой-то мере и та инициатива, которую он взял в свои руки, входя в комнату.

Он всегда спешил. У него дел было чуть больше, чем у других. Но, зная его уже много лет, удивлялся, как он умел, когда речь шла о деле, и прежде всего о товарище, отдаться ему полностью, быть собранным, внимательным.

— Итак, летим пока на космодром. Во всяком случае, собрались. Готовы. Я не в первый раз. Волнуюсь... Зачем, как павлин, распускать хвост? Волнуюсь так же, как должен волноваться любой человек перед возможным полетом в космос. Перед первым, третьим, десятым. Нормально? Не полетим, вот тогда буду психовать. Но виду не покажу, и ты — молчок. Условились, старик?

Мы проговорили долго. Часто перебрасываясь с одной темы на другую. Передать разговор трудно, а после того, как уже через несколько месяцев я прочел написанное им самим, мог бы воспользоваться этими строчками как лейтмотивом нашего разговора и его сутью. Вадим писал:

«Как-то я услышал одну фразу школьника, а дети всегда прямодушнее и доверчивее взрослых... Так вот, парень сказал после встречи с космонавтами: «Подумаешь, слетал в космос! Два дня — и уже герой!..»

Мальчик мой хороший! За этими двумя днями стоит вся жизнь, которую мы прожили... Много нелегких шагов приходилось отмерить по Земле, прежде чем сделать тот, хотя бы один. Но мы шагаем. Да, бывает сложно. Да, бывает трудно... Но тысячу раз прав мой коллега и товарищ Алексей Елисеев, когда говорит: «Именно потому, что трудна наша профессия, именно потому, что сложна, именно поэтому ее выбрали мы. И служим ей!»

Этим Вадимом был Владислав Волков — дважды Герой Советского Союза, борт-инженер корабля «Союз-11».

Так устроена жизнь... Когда о человеке тебе посчастливилось узнать сокровенное от него самого, узнавание это на том не кончается. О нем тебе же охотно и подчас неожиданное рассказывают те, с кем он работал и жил.

Когда на орбите работают космонавты, естественно, на Земле все мысли о них и воспоминания, детали, суждения...

вслушаться, записать их — это уже была моя профессиональная обязанность.

«Георгий Добровольский пришел к нам, имея за плечами уже многие годы летной службы, звание военного летчика I класса,— рассказывал Герой Советского Союза летчик-космонавт Евгений Хрунов.— Пришел с должности заместителя командира полка по политической части. Уже одно это достаточно характеризует его, потому что должность замполита в армии прежде всего требует душевной мягкости, точности, деликатности. И в то же время — твердости, принципиальности. Такой он и есть. Я обратил внимание на одну его черту: он всегда смотрит прямо в глаза, приятен или неприятен ему разговор. Вот эта прямота и подкупает.

Хотя Георгий Добровольский отличный летчик, в работе на тренажерах он прямо-таки беспощаден к себе. Но что интересно: не любит простых, понятных задач. Скучает, делает все добросовестно, но без вдохновения, что ли. А вот если проблема с закавыкой, если есть над чем поломать голову — вот тогда и блеск в глазах, и улыбка, и творческий порыв.

Долго ждал Георгий своего звездного часа. Трудно ли это? По себе знаю — очень. Но ведь собственный космический рейс еще не все в работе космонавта. Полет — лишь часть ее. Важная, прекрасная, но часть. А остальное... Тренируясь сам, Добровольский помогал всем, кто стартовал до него, готовиться в путь. Непосредственно участвовал в организации полетов чуть ли не всех «Союзов». И его совет всегда был кстати.

Но, конечно, провожая других, он с нетерпением ждал того дня, когда сам займет место пилота не в тренажере, а в настоящем корабле. И тренировался, тренировался».

Помню, как в кругу своих друзей он говорил:

— Я не мыслю своей жизни без полетов. А космический полет, мне кажется,— это бой, где в сравнительно короткое время надо отдать опыт, все силы, все свои знания, накопленные жизнью. Для тех, кто умеет и хочет отдать всего себя в таком бою, космос — самое подходящее место.

Командир «Союза-11» стоял на площадке перед отлетом. Солнце слепит глаза, и он то ли щурится, то ли улыбается.

— До встречи, друзья! Никто не забыл задать самый главный вопрос?

Кто-то из корреспондентов шутливо отзывается:

— Самый главный и впрямь не задали. Он же самый старый: в чем смысл жизни?

Командир отвечает:

— Смысл жизни, ребята, в жизни. Только это не сразу понимаешь.

«Когда в октябре 1969 года,— рассказывал Хрунов,— вместе с другими космонавтами — Анатолием Филипченко и Викто-

ром Горбатко — Владислав Волков сам полетел на корабле «Союз-7», те пять суток невесомости стали очень весомыми в его жизни. И еще долго после полета в любом разговоре он всякий раз обязательно возвращался к ним, с восторгом рассказывая о перегрузках и невесомости, об увлекательных экспериментах по фотографированию Земли и ориентации по звездам. Но восторги — в разговорах, а на деле — кропотливый анализ, сотни листов научных трудов. И, конечно, упорная подготовка к новому рейсу.

Он был дублером Алексея Елисеева в апреле 1971 года. И после приземления «Союза-10» Вадим долгими часами буквально терзал друга просьбами рассказать чуть ли не о каждой минуте полета. Оно и понятно. «Союзу-11» продолжать дело, начатое Владимиром Шаталовым, Алексеем Елисеевым и Николаем Рукавишниковым».

Такие люди, как Волков, органически не переносят скуки. Можно представить его сосредоточенным, взволнованным, разозлившимся, наконец, но скучающим — нельзя.

Дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Алексей Елисеев так отзывался о своем товарище:

«Что его отличает? Целеустремленность. Грамотность. Мужество. И есть у него качества, которые очень нужны для космонавтов, такие, как любовь к радости, шутке, хорошей песне... Я слышал переговоры экипажа во время полета корабля «Союз-7» и чувствовал, что на борту не скучают. И тон радостного, хорошего настроения задавал Владислав. Я думаю, что, когда на борту «Салюта» выпадет свободная минута, им не будет скучно...»

Вот видите, какая необычная характеристика: любовь к радости. Кажется, все мы предпочитаем радость безрадостности и счастье несчастью. Но, видимо, этого мало. Нужно еще уметь любить радость. Нужно открыть для себя материк счастья и обжить его. Это не всегда просто.

Что же такое радость, счастье в представлении Волкова? И об этом мы говорили в день нашей последней встречи.

«От чего получаешь удовлетворение, радость? Честно говоря: когда я вижу, что я нужен, когда людям нужна моя работа, моя профессия космонавта, я получаю от этого удовлетворение. И вот, несмотря на то, что мне с товарищами предстоит выполнить новое трудное задание, я рад. Потому что вношу лепту в отработку тех задач, которые стоят сейчас перед нашей техникой и космонавтикой. Счастье в том, что ты нужен людям. В моем понимании — это радость».

Вот, наверное, самая прочная нить, связывающая космонавта со своей страной, своим народом.

Космонавт Евгений Хрунов вспоминает: «Когда приступил Виктор Пацаев к тренировкам, мы сразу увидели, каким до фанатизма упорным, волевым и настойчивым может быть этот

молчаливый, мягкий и скромный человек. А скромен он просто до удивления. Помню, в первые месяцы его пребывания в отряде мне пришлось сидеть с ним недели две за одним столом в столовой. Так вот за две недели, кроме «здравствуйте» и «до свидания», он не проронил ни слова. Как потом выяснилось, просто потому, что боялся показаться навязчивым.

Зато когда касается дела, тут уж он не стесняется. Изо дня в день шли тренировки его экипажа. Все фазы полета имитировались на многочисленных стендах и тренажерах. Виктор стремился не отставать от товарищей. И если схватывал, то уж навсегда. Ничто не могло выбить его из колеи: ни сложные ситуации, ни нарочно вводимые руководителями тренировок ошибки. Он обязательно находил верный путь, оптимальное решение.

И еще одно качество необычайно привлекает в Пацаеве. В работе на тренажерах, конечно, меньше, чем в космосе, но все же очень велико эмоциональное напряжение. От Виктора никто и никогда не слышал резкого слова...»

«За несколько дней до полета в космос,— рассказывает космонавт Герман Титов,— Георгию Добровольскому исполнилось сорок три года. Двадцать пять из них он отдал авиации и космонавтике. Георгий летал на «яках» и «лавочкиных», освоил многие типы реактивных «мигов», совершил много парашютных прыжков.

Георгия отличали упорство в достижении поставленной цели и высочайшее чувство ответственности за порученное дело. Он заочно окончил Военно-воздушную академию, ныне носящую имя Юрия Гагарина, умело сочетал партийно-политическую работу с полетами, жадно впитывал в себя все, что касалось освоения космоса».

«Классный летчик, технически грамотен. Скромен. Настойчив. Добр. Хорошо владеет новой техникой. Я в нем уверен» — так отозвался о нем Владимир Шаталов.

«Я очень люблю летать,— говорил Добровольский.— Вообще летать. Я летал на машинах многих типов, и всегда ощущение полета давало мне радость».

С исключительной ответственностью Георгий осваивал новейшую космическую технику, пунктуально выполнял обширную программу летной, парашютной и специальной подготовки. Это дало ему право стать командиром экипажа космического корабля «Союз-11».

«Георгий Добровольский,— отмечал один из видных ученых,— с филигранной четкостью, просто виртуозно произвел стыковку со станцией «Салют».

Так была впервые решена инженерно-техническая задача стыковки кораблей «Союз» с долговременной орбитальной станцией «Салют» и доставки экипажа транспортным кораблем на борт научной станции — спутника Земли.

Под руководством Добровольского была выполнена обширная программа исследований и экспериментов. Своим самоотверженным трудом в области испытаний сложной космической техники командир орбитальной станции Добровольский внес огромный вклад в развитие орбитальных пилотируемых полетов.

А Звездный городок впервые встретил Новый, 1972 год без своего бессменного организатора новогодних вечеров, самодеятельности, автора шуточных куплетов, доброго, чуткого, отзывчивого Жоры Добровольского.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Шестого июня 1971 года транспортный корабль «Союз-11» стартовал в космос. 7 июня после блестящей стыковки с долговременной орбитальной научной станцией «Салют», уже находящейся на орбите вокруг Земли, экипаж в составе Георгия Добровольского, Владислава Волкова и Виктора Пацаева перешел на станцию «Салют» и до 29 июня активно и очень плодотворно вел обширную научно-исследовательскую, испытательную и экспериментальную работу в космосе.

30 июня 1971 года, после того как программа работы была полностью выполнена и экипаж перенес на транспортный корабль все записи, пленки, результаты научных экспериментов, расстыковав «Союз-11» с научной станцией, началось возвращение.

Они шли к Земле, возвращались на родную планету, к друзьям, близким. Они шли к людям...

На последнем этапе спуска произошла разгерметизация спускаемого аппарата, что привело к гибели космонавтов.

Чудовищная нелепость, которая не укладывается ни в какие рамки человеческого понимания. Верить в совершившееся заставляют три мраморные доски в кремлевской стене, на которых на века золотыми буквами выбито: Георгий Тимофеевич Добровольский, Владислав Николаевич Волков, Виктор Иванович Пацаев.

Героические посланцы нашей планеты отдали жизнь за счастье будущих поколений, потому что счастье — в познании, в овладении тайнами природы, в победе над ней.

В·ГАНИЧЕВ

Поклон Шолохову

Летом 1967 года Центральный Комитет ВЛКСМ, издательство «Молодая гвардия» и Союз писателей СССР планировали провести совещание молодых писателей. Закончить совещание мы предполагали в Вешенской у Михаила Александровича Шолохова. Нам казалось, что встреча писателей с большим мастером литературы принесет им несомненную пользу. Учитывали мы и то, что такая встреча не оставит безразличным и Михаила Александровича.

Мы рассчитывали на серьезный и откровенный разговор о литературе, о месте писателя в напряженной жизни, об ответственности творца перед своим народом, перед историей.

Михаил Александрович Шолохов нашу встречу одобрил, план выслушал по телефону, поддержал.

Тогда мы не знали, что через час после разговора с Шолоховым у нас произойдут изменения, и предположить, что с нами к Шолохову полетит первый космонавт планеты Юрий Гагарин, было невозможно. Однако, когда ему предложили эту поездку, он тут же согласился. Сказал, что все уладит с начальством, согласует свои служебные дела с руководящими товарищами.

Конечно, группа писателей, усиленная космонавтом, будет еще представительней, внушительней, авторитетней.

Юрий Алексеевич любил литературу и довольно хорошо ее знал. Его суждения о книгах были необычайно ярки, свежи, оригинальны. В суждениях о книгах, писателях он был предельно корректен, уважителен, уступчив. Именно это и делало включение Гагарина в группу писателей целесообразным и полезным. Мы, обсуждая в ЦК ВЛКСМ программу этого своеобразного семинара, предполагали, что на нем непременно пойдет разговор о художественных произведениях о космосе, космонавтах, об огромном тематически важном направлении литературы, пока еще новом, но вызывающем большой интерес читателей.

К тому времени мы не могли сказать о каких-либо больших достижениях в этой теме. Писатели обращались к космосу крайне редко и очень робко. Некоторое оживление произошло у фантастов, но и они после грандиозных полетов в космос не торопились, выжидали, хотели осмыслить свершившееся. Юрий

Алексеевич, несомненно, будет об этом говорить, обратится к писателям с призывом писать о новых завоеванных мирах, пообещает помощь.

Но Юрий Алексеевич совсем по-другому, по-гагарински воспринял свою поездку в Вешенскую, и очень скоро он все повернул по-своему.

С первой минуты пребывания Гагарина в литгруппе все отношения в ней стали складываться по-иному. Юра стал центром, ее ядром. Он не хотел, и мы это видели, чтобы все внимание сосредоточивалось только на нем. Но Юрина доступность, обаяние, простота, искрящийся оптимизм, внимание к людям, тактичность притягивали к нему как магнит. Он мгновенно со всеми перезнакомился, подавая руку новому человеку, неизменно говорил: «Гагарин Юрий» — и улыбался. Добрая широкая улыбка сразу же завоевывала сердце собеседника. В поведении Гагарина не было ничего от «баловня славы», с любым он держался на равных, старался ничем не выделяться в коллективе, признавал временную субординацию, беспрекословно подчинялся распорядку группы, участвовал во всех мероприятиях, которые предполагала программа.

В самолете, узнав Гагарина, и пассажиры и экипаж устремились к нему. Оттесненный от нас, он оказался в центре внимания. Его угощали соками, фруктами; не желая обижать новых знакомых, он принимал подношения. Но время от времени его быстрый взгляд обращался в нашу сторону. Переживал от невнимания к нам. Ему было неудобно. Желая найти выход из этого положения, он прибегнул к шутке:

— Извините,— сказал он стюардессе,— мне неловко. Вон сидит новый Главный конструктор,— и Гагарин показал на Юрия Николаевича Верченко.— За ним — Главный теоретик,— Юрий Алексеевич кивнул в мою сторону.— Видите, как они наблюдают за мной. Они же авторитеты, лауреаты, герои, и потом они...— Гагарин многозначительно поднял палец.

После этого часть внимания переключилась на нас. Спустя несколько минут, когда в салоне воцарилось относительное спокойствие, Юрий Алексеевич подсел ко мне.

— Мне бы хотелось выступить не только в роли пропагандиста,— произнес он,— но и почитать свои стихи, если в этом есть необходимость.

Вот как! Гагарин творец, литератор, а мы...

— Юрий Алексеевич, да говорите о чем вы сочтете необходимым.

Гагарин проницательно посмотрел на меня. По его сосредоточенному лицу я понял, что сделал какую-то непростительную ошибку. О ней я узнал из нашего дальнейшего разговора.

— В училище занимался в литературном кружке,— признался Юрий Алексеевич,— участвовал в самодеятельности, писал для себя. Это были короткие рассказы, басни, стихи, ко-

нечно, сплошное подражательство. Из меня, наверное, никогда не выйдет настоящий литератор, но писать очень хочется.

Тогда мы не оценили его творческие способности, не поняли его горячего стремления научиться писать.

Юрий Алексеевич умолк и долго смотрел в иллюминатор, очень по-своему воспринимая увиденное. Что он видел, что запоминал — мне неизвестно. Может быть, он вспоминал свои собственные полеты: говорят, небо рождает романтиков. Небо никогда не повторяется. Может быть, сожалел о том, что, поднявшись так высоко над Землей, он не мог рассмотреть Землю. Отрываясь от нее, человек теряет силу. И легенды по этому поводу есть.

Может быть, он, подавляя в себе грусть, думал о Владимире Михайловиче Комарове, который в апреле, после выполнения испытательного полета на космическом корабле «Союз», погиб, приближаясь к Земле.

Юрий Гагарин и все его товарищи тяжело пережили эту большую, невосполнимую утрату.

В адрес Звездного городка Юрию Гагарину стали поступать письма соболезнования. Авторы спрашивали, почему это произошло? Как могло случиться, что погиб такой отважный человек? Боль людская искренняя. Космонавт, не имея возможности ответить на все письма, выступил в газете «Правда»: «Первопроходцам всегда бывает трудно. Они идут по неизведанным дорогам. И эти дороги не прямые, есть крутые повороты, неожиданности, опасности. Но кто однажды ступил на космическую орбиту, тот не захочет сойти с нее никогда. И никакие трудности, препятствия не в силах повернуть его с избранного пути. Пока бьется сердце в груди, космонавт будет штурмовать Вселенную. Володя Комаров был одним из первых на этом тернистом пути».

Профессия «космонавт» не из легких. Об этом не раз говорили те, кто совершал полеты, писал об этом и Юрий Гагарин.

В предисловии к книге «Покорители космоса» Юрий Алексеевич писал: «Каждое открытие — это лишь начало, первый шаг. Чем дальше мы идем, тем более подвластной нам становится природа, но и тем большие неожиданности встречаются на этом пути. Однако трудности и препятствия не могут заставить человечество свернуть с избранной дороги».

И, однако, вопросы, письма, просьбы ответить о причине гибели Владимира Комарова продолжали поступать. В мае Юрий Гагарин дал интервью корреспонденту газеты «Комсомольская правда». Он говорил:

«Полеты в космос остановить нельзя. Это не занятие одного какого-то человека или даже группы людей. Это исторический процесс, к которому закономерно подошло человечество в своем развитии. И космонавты полетят. И новые космонавты,

и те, которые уже летали. И я, и мои товарищи отдаем себе отчет, что гибель Володи — трагическая случайность. Что же касается разговоров о задержках, то здесь не надо быть пророком, чтобы понять: полет нового корабля типа «Союз» будет возможен лишь при полном выяснении причин гибели корабля, их устранении в последующих испытаниях. Разумеется, для этого нужно время».

Возвращаясь к памяти своего друга, Гагарин сказал: «Комаров сделал важное дело: испытал новый корабль, но и другое очень важное дело сделал он: заставил всех нас быть еще собраннее, еще придирчивее к технике, еще внимательнее ко всем этапам проверок и испытаний, еще бдительнее при встрече с неизвестным. Он показал нам, как крута дорога в космос. Его полет и его гибель учат нас мужеству. Он жил и умер как коммунист. Мы горды тем, что он был нашим другом, каждый из нас пронесет память о нем через всю свою жизнь.

Мы думали о времени новых стартов. О новых полетах на новых кораблях. Мы научим летать «Союз». В этом вижу я наш долг, долг друзей перед памятью Володи. Это отличный, умный корабль. Он будет летать. Мы сядем в кабины новых кораблей и выйдем на новые орбиты. Весь жар сердец, весь холод ума отдадим мы делу. Володя погиб во имя жизни. И завещал нам любить ее еще крепче. Мы будем жить и работать. Мы сделаем все, что прикажут нам Родина, партия, советский наш народ. Нет ничего, что бы не отдали мы для чести его и славы».

Гагарин повернулся ко мне, сказал:

— Волнуюсь. Шутка ли: встреча с самим Шолоховым. В апреле 1961 года, сразу после полета, он прислал мне телеграмму. Текст ее запомнил навсегда.— И процитировал: — «Вот это да! И тут уже больше ничего не скажешь, немея от восхищения и гордости перед фантастическим успехом родной отечественной науки». Здорово ведь! Он оценивал не личность, а явление, не факт, а событие...— Гагарин волновался.

Встреча с всемирно известным писателем Гагарину представлялась сказочно яркой. Он учился по книгам Шолохова, зачитывался его романами, конспектировал его речи и публикации, статьи военного времени и вдруг разговор на равных.

Фантастика!

Всем нам тоже было интересно знать, как пройдет встреча писателя с космонавтом, о чем будут говорить?

Михаил Александрович приезд Гагарина воспринял очень радостно.

— Спасибо тебе, Юрик! Порадовал.

Шолохов расцеловал Юру, обнял и, всматриваясь большими, уставшими глазами в лицо космонавта, говорил:

— Хорош! Таким я тебя и представлял. Люблю я вас, орлята!

Юрий Алексеевич, никогда не терявшийся в подобной ситуации, был нем, малоразговорчив, стеснительно покрылся рубиновыми пятнами, держал на губах зыбкую улыбку.

— Да ты не стесняйся, Юра!

Михаил Александрович каждому участнику этой литературной встречи уделил пристальное внимание. Предупрежденный нами о составе группы, он успел прочитать книги, рукописи, судил о них строго, но доброжелательно, по-отцовски.

Михаил Александрович не изменил ни одного пункта нашей программы. Он ее усилил рядом мероприятий, которые ее значительно обогатили.

— Пойдем на сход,— предложил Шолохов.

Писатель жил среди народа, любил народные обряды и обычаи, бережно их изучал и сохранял. Ему очень хотелось познакомить вешенцев со своими гостями.

Вечером собрались на площади станицы. Молва о том, что на сходе будет космонавт Гагарин, молниеносно облетела округу. Людские ручейки потекли к месту схода. Одетые по-праздничному, напряженно-взволнованные, женщины под цветастыми шалями, мужчины в возрасте — в галифе.

Солнце уже зашло. Око прожектора нацелилось на трибуну, высветило верхушки ближних деревьев. Михаил Александрович сделал шаг вперед, стряхнул пепел с неизменной папиросы и кашлянул в микрофон, устанавливая тишину. Дождался, когда угомонились вороны, деловито рассаживающиеся на карнизах церкви, и обратился к собравшимся: «Вешенцы! К нам приехал Юрий Гагарин и писатели. Дадим им слово?»

Юрий Алексеевич подошел к микрофону и начал рассказывать о подготовке к полету, аппаратуре корабля, ощущениях космонавта. Степняки-хлеборобы, столь далекие от внеземных заоблачных высот, слушали его с неослабевающим вниманием. Закричал ребенок в коляске, несколько человек обернулись. Ребенок смолк, словно и он стал слушать удивительную сказку человека, взлетевшего выше земного неба.

Гагарина мне приходилось слушать много раз; но ни до, ни после я не видел в нем такого душевного подъема, такой внутренней сосредоточенности, как здесь, в Вешенской. Перед выступлением он советовался: рассказывать ли о предварительной подготовке, с чем сравнить перегрузку. Говорил он почти час, без всяких конспектов, страстно, увлеченно, очень доступно.

Прошли годы, но то выступление Юрия Алексеевича, по нашему недосмотру не появившееся в печати, я помню. Все мы, и станичники, и прибывшие к ним в гости писатели, забыли о времени, о себе, слушали затаив дыхание о космосе.

Выступление Гагарина Михаилу Александровичу понравилось. Он улыбался, поглаживал усы, приговаривая: «Казак, настоящий казак».

На следующий день мы, по просьбе Шолохова, отвели время на его беседу с космонавтом.

Шолохов умеет слушать. Задаст вопрос, поставит проблему и терпеливо ждет ответа, поощрительно посматривая на собеседника. Гагарин отвечает четко, стараясь не повторяться. И тут же свои вопросы Михаилу Александровичу — тоже ведь хочется послушать известного писателя.

— Беседуя с молодежью, я заметил, Михаил Александрович, что ваши встречи с ней проходят довольно часто...

Шолохов молчит, кивает, дымит.

Гагарин напоминает наиболее интересные места из беседы, цитирует.

— Вы как-то сказали,— говорит Юрий Алексеевич,— что хорошо прожить жизнь с пользой для общества — подвиг. Как это точно! Ведь не только на военных подвигах строится мощь державы Советов. А честная работа на полях, в колхозах, совхозах, на предприятиях, в шахтах! Из миллионов ежедневных, обыденных трудовых дел слагаются величие, экономическая мощь, идейная крепость Родины. С точки зрения героики, военные подвиги, конечно, выглядели внушительнее. Но надо вам сказать, что никакие войны ничего не созидали. Война — это разрушительница. А вот труд — это подвиг созидания. Если бы не было героического труда рабочих, крестьян, интеллигенции после Великой Отечественной войны — в нашей стране еще было бы много руин.

И Михаил Александрович соглашается.

На берегу Дона Юра устроил форменную круговерть. Состязался в прыжках, играл в волейбол, делал стойку на руках.

А потом, весело гикнув, кинулся в реку и быстро поплыл, потянув за собой шлейф преследователей. Большинство конфузливо отстало, и лишь некоторые достигли другого берега. Обратно он поплыл еще быстрее, нам это было уже не под силу.

— Ну, Юра, казак,— посмеивался Шолохов.— Ты мне писателей тут не загоняй...

Тут же, на берегу, продолжили семинар. Зашел разговор о дружбе Михаила Александровича с комсомолом, с газетой «Комсомольская правда».

— Как писатель я дружу с комсомолом с первых шагов! В Москву я приехал в 1923 году. А Маша через год. Помогали мне тогда комсомольцы.

И действительно: первые публикации тогда еще совсем молодого Миши Шолохова были напечатаны в «Юношеской

правде», «Журнале крестьянской молодежи», «Смене» и «Комсомолии». Михаил Александрович неоднократно печатался и в «Комсомольской правде», читает ее и сейчас.

Говорим о письмах, приходящих в газету, затрагивающих самые различные темы. Михаил Александрович интересуется теми колхозами и сельскими комсомольскими организациями, где наряду с общественным производством поддерживают и личные хозяйства, помогают выращивать птицу, телят, поросят на приусадебных участках.

— Дело стоящее,— сказал Михаил Александрович.— Неплохо, если молодой человек будет приучен к крестьянскому труду, будет знать, что булки не растут на деревьях.

В большой комнате, куда перешли пить кофе, солнце бросило свой луч через стекла веранды. Домашняя роза своими листочками почти касается потолка. Тихо ходит под столом Дамка, а за окном копошатся в шапке подсолнуха синицы. Быт великого писателя прост, он живет в окружении обычной русской обстановки.

Михаил Александрович много работает, много времени отдает общественной работе. Почта писателя по-прежнему чрезвычайно велика, а чтение рукописей, депутатские обязанности?!

— Мои творческие планы таковы: думаю закончить роман «Они сражались за Родину», хочу попробовать свои силы и в драматургии. Вы же знаете, как мало у нас хороших пьес о молодежи. Вот и думаю написать о молодых коммунистах и комсомольцах. Ведь я тоже молодой. Во всяком случае, еще не привык к мысли, что молодые, активные годы позади. Все так удивительно быстро пролетело. Беречь надо жизнь...

Михаил Александрович рассказывает о своем отношении к экранизации романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», рассказа «Судьба человека». Он считает, что экранизация романа «Они сражались за Родину» преждевременна. Ведь он не закончен, в романе нет ни одного образа женщины.

Разговор заходит о войне, об эстетике подвига. Шолохов высоко оценивает и героизм советских космонавтов, говорит об этой удивительной профессии, о большом научном и политическом значении космических исследований, о том, что на примере космонавтов надо воспитывать молодежь.

— Молодые люди должны знать все о подвиге первопроходцев космоса, а вы, космонавты, должны помнить, что вы все на виду. Парни и девчата будут учиться у вас. Гордитесь этим. У нас должны быть десятки, сотни Гагариных!

Юрий Алексеевич говорит о популярности у молодежи шолоховских героев, об эмоциональном воздействии при чтении со сцены отрывков из шолоховских книг. И как бы подтверж-

дая свою мысль, он читает наизусть отрывок из романа «Они сражались за Родину».

«Одним махом Звягинцев выбросил из окопа свое большое, ставшее вдруг удивительно легким, почти невесомым тело, перехватил винтовку, молча побежал вперед, стиснув оскаленные зубы, не спуская исподлобного взгляда с ближайшего немца, чувствуя, как вся тяжесть винтовки сразу переместилась на кончик штыка.

Он успел отбежать от окопа всего лишь несколько метров. Позади молнией сверкнуло пламя, оглушительно громыхнуло, и он упал вниз лицом в клубящуюся темноту, которая мгновенно разверзлась перед его широко раскрывшимися, обезумевшими от страшной боли глазами».

Наше пребывание в Вешенской подходило к концу. Как ни напряженно мы работали, усталости никто не чувствовал. В группе царил необыкновенный подъем, приподнятое настроение. Первым покинул наш семинар Юрий Алексеевич Гагарин. По поручению ЦК ВЛКСМ он улетал на празднование 35-летия Комсомольска-на-Амуре. Михаил Александрович, как радушный хозяин, этим последним, прощальным часам придал некую ритуальность, историческую значимость. Он сказал, что приезд Гагарина стал украшением писательского совещания и ознаменовал собой переход космонавта к пишущей братии.

Юрию Алексеевичу это польстило, он скромно улыбнулся, сказал: «Спасибо».

Шолохов подчеркнул мысль, что приезд Гагарина отразил заинтересованность в писательском труде советского народа, доказал, что искусство творит сам народ.

Каждую минуту пребывания Гагарина в Вешенской Шолохов хотел наполнить особым содержанием, придать ей деловой смысл. Он сам предложил еще раз поговорить о самом важном.

— Мы встречаемся здесь в таком составе в первый, но не в последний раз,— говорит Михаил Александрович.— Будущее литературы находится в ваших руках, руках молодых, поэтому я считаю очень важным искать новые формы общения с одаренной молодежью, налаживать духовные контакты с ней. Мы должны быть взаимно строгими и требовательными.

Кто-то спросил:

— А как вы считаете, Михаил Александрович, на какие темы следует писать нам, молодым литераторам?

— Вопрос сложный. На него так, сразу, не ответишь. Однако думаю, что писать надо о том, что тебе подсказывает сама жизнь. И вот еще что: никогда не беритесь за тему, которую вы не знаете. Лично я никогда не писал и никогда не буду писать о том, чего не знаю или знаю плохо, недостаточно. Первый советчик ваш — совесть ваша. Главный судья — народ, для ко-

торого вы должны творить. Помните: в ваших руках будущее литературы. Каждое написанное вами слово сверяйте по сердцу, по делам и мыслям народа. В этом случае вы всегда будете на правильном пути...

Вот тут говорили о праве молодого писателя ошибаться,— заметил Шолохов.— Не надо, дорогие, считать это привилегией возраста. Дело обстоит значительно сложнее. На писателе — и молодом и старом — лежит огромная ответственность. Ошибаются и старые писатели, потому что никогда сам не видишь своих оплошностей. Но, как известно, ошибка ошибке рознь. Можно ошибаться бригадиру — поправит председатель колхоза, а если ошибается писатель, то ошибка может повлечь за собой тысячи ошибок в судьбах людей.

Прошли годы, а память цепко держит то, что составило тогда незабываемое содержание литературного семинара в Вешенской.

М·ПОПОВИЧ

Оборись о плечо

Жены летчиков, летчиков-испытателей, летчиков-космонавтов постоянно мысленно «летают» вместе с мужьями, живут их заботами и тревогами, радуются их успехам, огорчаются их неудачам. Проводят бессонные ночи в томительных ожиданиях... Жены космонавтов... Вспоминаю весну 1960 года... В Москву съезжаются летчики со своими семьями со всех концов страны. Через некоторое время они переселятся в поселок, который разрастется в городок, и люди назовут его Звездным. А пока это только несколько домов, в одном из которых предстоит жить будущим пионерам космоса.

Чтобы стать космонавтами, эти летчики-истребители прошли тщательную медицинскую комиссию. В космосе побывал первый искусственный спутник Земли. В руках ученых уже был большой материал по изучению космоса, но дерзновенные умы шли дальше: необходимо послать человека в космос. Это пока еще на грани фантастики. Еще очень много нужно сделать ученым, в их числе медикам и биологам, которые трудились рядом с инженерами и конструкторами космических кораблей, чтобы испытать такую машину, на борту которой человек смог бы полететь во Вселенную.

Начался отбор кандидатов. Ученые знали, что полеты будут чрезвычайно сложными, все пространство «простреливается» космическими лучами, где с большой скоростью мчатся метеориты и другие небесные тела. Человек на протяжении всего полета будет находиться в состоянии невесомости, а затем при возвращении на Землю — под действием сильных перегрузок. Как все это выдержать? Всем было ясно, что здоровье космонавтов должно быть идеальным, натренированность — максимальной. Морально-волевые качества — безукоризненными.

И первый этап выполнен. Кандидаты в космонавты отобраны. Но это не сверхчеловеки. Это мужественные, закаленные, выносливые люди.

Мне хочется рассказать только об одном опыте медиков, который проводился при отборе в космонавты. Это — эксперимент на психическую выносливость человека.

Дается таблица. На ней сорок девять квадратов, в которых чередуются от единицы до двадцати пяти черные и красные цифры без всякой последовательности. Человеку предлагают называть то черное, то красное число. Одни числа должны идти в убывающем порядке, другие — в возрастающем. Например, когда называешь черную цифру семнадцать, то нужно не забыть, что перед этим назвал красную — четверку, потом снова черную — шестнадцать, а красную — пятерку и т. д.

Особенно все путалось в середине эксперимента, когда цифры менялись, а самое страшное было еще то, что на сложных этапах включался магнитофон и диктор громко выговаривал такие же цифры; то быстрее, то медленнее.

Сложность была еще и в том, что числа надо было называть быстро — в секунду одно или два.

Такие условия работы иногда встречаются у летчиков при заходе на посадку в сложных метеорологических условиях, когда летчик ни на что постороннее не должен реагировать, кроме самолета, его приборов и только той информации с командного пункта, которая касается его, летчика, заходящего на посадку. А в воздухе в это время могут находиться десятки самолетов, и руководитель полетов ими управляет с земли...

Вернусь к эксперименту.

Это испытание чрезвычайно сложное, но мне, как и всем летчикам-истребителям, помогала практика полетов на различных типах самолетов. Тот, кто выдерживал это испытание, шел дальше...

Наконец космонавты отобраны и уже приехали со своими семьями в общежитие. Шумно, весело. В каждой комнатке — семья.

Столы в комнатах заменяли Т-образно сложенные чемоданы и ящики с книгами. У Хруновых в основном учебники по математике и техническим наукам.

Вечером, когда мужья возвращались с работы, все обитатели «казармы» собирались в семье молодоженов, пели песни, импровизировали. По очереди ходили в кино: кто-то должен был оставаться с детьми. Самому старшему из ребят тогда было десять лет — это был Женя Комаров.

Несколько позже приехали Алексей Леонов с женой. Леша пришелся сразу всем по душе, и прозвище ему нашлось — «блондин»! Света не по возрасту сдержанная. Потом узнали, что, когда Леоновы переезжали в Звездный, Леша, всю дорогу шутивший, забыл предупредить шофера о крутом повороте, и машина на большой скорости влетела в пруд. «С тех пор я сдержанная,— с улыбкой замечает Светлана,— а те пруды мы стали называть «леоновскими».

Павла Романовича Поповича на первом же собрании избрали секретарем партийной организации. Он был бессменным секретарем, и только когда началась его непосредственная под-

готовка к полету, Павла Романовича переизбрали. Мне было приятно видеть, с каким старанием муж помогал всем в устройстве, в расквартировании.

Слово «космонавт» тогда вслух еще не произносилось. Мы, жены, знали лишь о том, что наши мужья летчики-испытатели. В нашу «казарму» ежедневно прибывали все новые и новые семьи.

Не обошлось и без курьезов. Одна семья привезла с собой из Молдавии деревянную самодельную вешалку. Как они объяснили, услужливые соседи бросили вешалку им в машину «на счастье», а в пути ее негде было выбросить. Так в «казарме» появился единственный предмет «роскоши». Никакой мебели ни в одной семье не было. Вначале все очень смеялись над вешалкой, но потом право повесить на ней пальто стало считаться своего рода поощрением. У нас была единственная электрическая плитка, и на ней готовили пищу сообща.

Вскоре в одной семье нашего дружного коллектива появился «космический» ребенок. Отец мечтал о мальчике, а родилась девочка. Это была вторая дочь в семье В. Горбатко. По возрасту этой девочки мы теперь исчисляем свой стаж пребывания в космическом центре. Имя ей выбирали женщины сообща, назвали Маринкой.

У всех были приблизительно одинаковые биографии, все молоды, энергичны, полны решимости и силы...

Мужья рано утром уходили на работу. Вечером, когда возвращались, наш «улей» оживал. В каждой семье это проявлялось по-своему. Юрий Гагарин вечерами всегда играл с дочкой Леночкой, учил ее разговаривать. Герман Титов вслух читал своей жене романы Л. Н. Толстого. Слышимость в казарме была превосходной...

Вскоре мы переехали в новый дом. Там всем предоставили отдельные квартиры, но многие отказались от них и поселились в общих квартирах, чтобы не расставаться друг с другом. Так сделали и мы, поселившись вместе с Титовыми.

В лексиконе наших мужей появились новые слова: термокамера, сурдокамера, вибростенд — и книги о космосе. Все это и кое-что другое наталкивало нас на мысль о том, что наши мужья готовятся для полета в космос, скрывая это от нас. Иногда они улетали куда-то на несколько месяцев. К обычным тренировкам и испытаниям, к которым привыкли летчики, прибавились испытания молчанием, центрифуги, термокамеры, вращающиеся роторы, усложненная тренировка вестибулярного аппарата, лопинги, прыжки с вышки и с самолета.

Далеко за полночь приходил Павел Романович домой, усталый, иногда раздраженный, а порой был просто недоволен собой. И тогда наше авиационное «нормально» не произносил. А когда я пыталась разузнать, в чем же дело, отвечал однозначно:

— Сказать не могу.

Пыталась вызвать у него шутку, «упрекала», что он плохой детектив и что не может скрыть своих переживаний. Он не отвечал. Оказалось, что это была пора его самой активной и напряженной подготовки к полету.

Все четверо, первыми слетавшие в космос,— Гагарин, Титов, Николаев, Попович, как я узнала позже, входили в первую группу — гагаринскую.

Тренировки, по всему чувствовалось, подходили к концу. Готовился первый полет человека в космос. Накануне полета Гагарина был «мальчишник». Позже мы, жены, безошибочно, по «мальчишникам», узнавали, когда наши мужья собираются лететь на космодром.

Когда передали по радио, что человек в космосе, в первый миг каждая подумала: «А вдруг мой!»

Радио сообщило, что первому выпало счастье штурмовать космос Юрию Алексеевичу Гагарину... Мы, как и все в те часы, восхищались, ликовали и... плакали... Хотелось скорее увидеть Гагарина, словно мы его и не знали, словно не было вечеров, которые проводились вместе. Со страниц газет, с экранов телевизоров смотрел на нас человек с очаровательной, неповторимой улыбкой. Знакомый и незнакомый. Просто он был чуточку уже иной, новый: он оторвался от Земли, он побывал в космосе. Он был уже не только наш, из Звездного, он принадлежал всему миру.

Вскоре в Звездном состоялась встреча с Сергеем Павловичем Королевым. Запомнились сказанные им тогда слова:

— Ну что же, начинаем штурмовать космос. Это первый шаг, потом будет второй, третий... Но это не самоцель — нет познания ради искусства познания. Мы проникаем в космос, чтобы лучше изучить прошлое нашей планеты, предвидеть ее будущее...

Вскоре в зале, где все мы сидели, появилась сатирическая газета «Нептун». В ней был изображен морской владыка — Нептун, вручающий Гагарину хлеб-соль. Сергей Павлович был показан на командном пункте перед микрофоном, а рядом пустые коробочки из-под валидола... Были в газете юмористические картинки подготовки к первому полету. Кстати, о «Нептуне». Как-то во время парашютных прыжков Попович со своими друзьями уговаривал Николая Константиновича Никитина (тренера по парашютному спорту) разрешить им прыгать пирамидой. Это разновидность парашютных прыжков, когда трое спортсменов, взявшись за руки, вместе отделяются от самолета. Потом, находясь в свободном падении, отпускают руки друг друга и через несколько секунд открывают парашюты.

Такой прыжок требует очень большой подготовки. И Константинович не дал на него «добро», как космонавты его ни уговаривали. Мимо «страдальцев» прошел с важным видом Ле-

ша Леонов. Казалось, он не обратил на друзей никакого внимания. Но только Леша завернул за угол здания, как пулей бросился к себе в комнату, схватил альбом, карандаш и начал делать торопливые наброски. Вечером в столовой висела сатирическая газета «Нептун». И до чего же были комично изображены «просители», на коленях умоляющие Николая Константиновича. Себя художник тоже не забыл. Накануне, прыгая, он не учел силу ветра и, приземляясь, попал в маленькое болотце. На рисунке болото было огромным. От непрошеного гостя во все стороны разбегались лягушки. И все это в красках, с остроумными подписями.

На следующий день Николай Константинович сдался и разрешил ребятам прыжок пирамидой, заметив при этом:

— Благодарите Лешу.

Тот принял эти слова настороженно, но при этом не забыл сказать, подняв вверх указательный палец:

— Великое дело — печать!

— А тебе, голубчик, тоже надо учиться да учиться,— сказал тренер,— чтобы лягушек не пугать.

— Так точно! Исправлюсь! — ответил Алексей.

И выполнил, теперь парашютным мастерством он владеет в совершенстве.

Мы долго не понимали, почему Алексей дал газете название «Нептун». Ведь космос — это не морская стихия.

Однажды мы попали в музей Айвазовского. И вот увидели море — вечернее, утреннее, разгневанное, затихающее и тихое-тихое...

Экскурсоводом у нас был Алексей. Он увлеченно рассказывал историю создания некоторых полотен. И мы по-другому стали на них смотреть. И еще Леша говорил о путешествиях, стремительных каравеллах и суровой судьбе мореходов. Так вот откуда появился «Нептун». Видимо, море было еще юношеской мечтой Леонова, хотя в жизни он выбрал все же другой «океан».

Шли дни за днями... Снова «мальчишник». И снова космонавты уезжали на космодром. Теперь провожали Андрияна и Павла. Я не знала, что будет групповой полет, но знала, что Павел Романович полетит: накануне Николай Петрович Каманин пригласил меня на «мальчишник». Собрались на этот раз в холостяцкой квартире у Николаева. Я не пошла, ждала Николая Петровича на крыльце.

— Очередь пришла лететь и вашему мужу. Разрешаю приехать на аэродром проводить его. Делаю исключение как своей бывшей воспитаннице и летчице,— сказал Каманин.

Дрогнуло сердце. Ноги стали словно ватные. Раньше както все еще было далеко до старта. Шли годы тренировок. А вот теперь все. Павел летит.

Дома что-то собирала в дорогу. Писала зачем-то длинное-длинное письмо. Мысленно разговаривала с ним, а его все еще не было.

...Утро 11 августа выдалось солнечное, но нежаркое. Погода была летная. Встала рано. Когда услышала бег по лестнице и стук в дверь, поняла: «Кто-то в космосе. Неужели Павел?»

И верилось и не верилось. Тамара Титова стучала в дверь и кричала: «Эй, соня, открывай! Сосед в космосе. Андриян! Слышишь?!» Квартира заполнилась женами космонавтов. У нас уже сложились маленькие традиции: благополучный старт — у нас «девишник». Так было и на этот раз.

К обеду приехали корреспонденты. Донимали меня вопросами, словно я по-соседски могла знать об Андрияне больше, чем другие.

«...Утром 12 августа 1962 года в 11 часов 02 минуты по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-4», пилотируемый гражданином Советского Союза, летчиком-космонавтом...» Дальше я уже не слышала. Время словно остановилось или, во всяком случае, затормозилось. Наташа, увидев на экране телевизора отца, страшно удивилась, бросилась ко мне. А я стояла посредине комнаты и не шевелилась, старалась вслушаться в то, что говорилось по радио, и ничего не слышала. А дочка в который уже раз повторяла:

— Мама, там, на телевидении, ошиблись. Вместо дяди Андрияна показывают папу. Ой, что будет!

Я поцеловала ее и успокоила, сказав, что папа наш тоже летает, очень высоко, но скоро обязательно вернется...

Все трое суток ежеминутно в нашей квартире звонит телефон, идут телеграммы со всех концов Земли. Из Кубы, Болгарии, Вьетнама, Индии, Японии, Турции, Ирана, Ирака, Франции, Китая, Колумбии, Венесуэлы, Коста-Рики, Аргентины, Бразилии, Чили, Боливии, Кореи, Монголии и т. д.— поздравления и восторги.

«...Ваш космический корабль носит символическое название «Восток». С востока начинается свет, с востока первые лучи солнца приветствуют Землю. С «Востока» мы бросаем вызов Вселенной. На очереди Луна, Марс, Венера.

Привет вам, слава вам, сыны моей страны!

Мартирос Сарьян. Лауреат Ленинской премии, народный художник Союза ССР».

Тепло пишут лесоводы Молдавии, экипаж атомохода «Ленин», семья Чкаловых...

«Я счастлив, что мы, дравшиеся с фашистами-гитлеровцами под Сталинградом, на Днепре, добившие врага в Берлине и

Праге, в лице космонавтов имеем такую смену, которая сделает еще больше для укрепления мощи и славы нашей Родины.

Н. Павлов, гвардии полковник в отставке».

Поем, танцуем, радуемся все вместе. Меня заставили залезть под стол и пробыть там несколько минут, а все, взявшись за руки, подпрыгивая, стали исполнять танец «дикарей», выкрикивая: «Мужу летать, жене не зазнаваться, мужу летать, жене не зазнаваться!» Потом это стало своеобразной традицией.

У мужчин перед стартом «мальчишник», а у нас после старта мужей — «девишник».

Я ждала возвращения мужа и боялась. Думала, как после длительной невесомости воспримет перегрузку при входе в плотные слои атмосферы? Вспоминалась центрифуга (ЦФ) — гигантская карусель, создающая большие перегрузки. Натренированность у Николаева и Поповича хорошая. Ведь их готовили к полетам и с запасом «давали перегрузку на земле».

Помню, перед испытанием медики обклеили все тело и голову датчиками, опутали проводками. Долго перемещали вверх-вниз — выискивали «зазоры» между телом и креслом, а найдя их, заполняли специальными губками. Готовили — словно хрусталь к транспортировке. Но такая «упаковка» необходима.

Перед глазами световое табло. В ладони зажат цилиндрик с кнопкой. Сто́ит только приподнять большой палец или отодвинуть его в сторону, как освобожденная кнопка поднимается, и центрифуга останавливается. И если ты станешь плохо различать цифры и знаки на табло, неправильно отвечать на вопросы, центрифугу остановят без твоего ведома.

Перед вращением надо настроиться на ритм дыхания, рекомендованный врачами. Начинает работать карусель. Перегрузки вдавливают тело в кресло. Дышать становится все тяжелее. Перегрузка шесть, это значит вес тела возрос в шесть раз. Ни ноги, ни руки не поднять. Перегрузка растет, начинают слезиться глаза. Чугунная тяжесть наваливается на грудь, на голову, на все тело. Следить надо и за крестом, который расположен прямо перед глазами... Толстые пересекающиеся линии, как только они начнут расплываться, следует немедленно сообщить врачу, и перегрузку снимут.

Позывные Москвы... Из всего, что происходило потом, помню только врача, вытянутое его лицо и его команды с непонятными словами...

А через два дня была встреча... Сначала Внуковский аэродром, четкий строй самолетов сопровождения и серебристый «Ил-18» мягко касается полосы приземления. Подруливание. Когда умолк шум двигателей, я услышала приветственные возгласы людей. На трибуне не хватало воздуха, помню все как во сне... Из двери самолета появляются Павел и Андриян: улы-

баются, неторопливо сходят по трапу и четким строевым шагом направляются к трибунам. Короткий рапорт — и космонавты в объятиях родных. Похудевшие, радостные, возбужденные.

Тепло Москва встречала героев. Весь путь от Внукова до Кремля усыпан цветами. Огромный бурливый поток праздничной демонстрации течет и течет по Красной площади. На трибуне Мавзолея члены правительства, покорители космоса. Чуть ниже — близкие и родные космонавтов. Смотрю, как волнуется Красная площадь, радость и гордость захлестывают, хочется всех обнять и сказать спасибо!

Восторженное, приподнятое настроение царило во время этой замечательной встречи в Кремле.

Члены правительства по-отечески обнимают «небесных братьев». Леонид Ильич Брежнев на украинском языке обращается к Поповичу: «Обнимаю Вас крепко, по-украински, как земляка».

— Дякую, дякую,— отвечает Попович тоже на украинском.

— Бажаю всього наикращего,— говорит Леонид Ильич, прикалывает Золотую Звезду Героя и орден Ленина на грудь Николаева, затем Поповича и предлагает тост за великий советский народ.

А вечером огни праздничной иллюминации озарили московские улицы.

Слышен артиллерийский салют. Двадцатью залпами салютовала столица нашей Родины новой победе в космосе. Почти до утра длилось веселье у космонавтов. Паша то и дело с отцом Романом Порфирьевичем заводил песни. Почти все космонавты любят украинские песни и с удовольствием их поют. Правда, слова знает только Георгий Шонин. Протяжные и веселые, грустные и задорные, песни рассказывают о человеческой судьбе. Попович спел любимую «Дивлюсь я на небо», и все подхватили — теперь казалось, что слова этой песни относились только к дублерам, поэтому Попович пел и улыбался, переглядываясь с Володей Комаровым...

Я внимательно наблюдала за ним и вдруг поняла, что в его душевном облике что-то изменилось, появилось что-то новое, необычное. В блеске его глаз проглядывал отраженный свет звезд с налетом легкой задумчивости. Мне казалось, что, вернувшись из полета, космонавты стали по-другому воспринимать мир — более глубоко, более объемно, более нежно. Правда, Попович и до полета был лиричным человеком. Он поразил всех, когда в его вещах, что были в космосе, врачи обнаружили букетик ромашек. Тех ромашек, что я когда-то подарила ему при первом свидании...

Биография у Поповича была нелегкой. Детство и юность, опаленные войной. Так же как и Гагарин, он прошел трудовую закалку в рабочем коллективе Белоцерковского ПТУ, Киевской области. А затем успешно закончил индустриальный техникум

в Магнитогорске. Он, как многие украинцы, обладает красивым голосом и даже в свое время поступал в консерваторию вместе со своим другом Алексеем Компанейцем (впоследствии солист, а сейчас руководитель знаменитой украинской «Думки»).

Но первый шаг в небо на самолете определил его судьбу...

Конечно, трудно было тогда предположить, что он в недалеком будущем станет одним из магелланов, покоряющих космические дали. После возвращения Поповича из космоса шли тысячи писем. Людей интересовало все: биография космонавтов, подготовка, личная жизнь семьи и особенно как отдыхают космонавты после космических рейдов. У меня сохранилось несколько страничек записей в дневнике об отдыхе космонавтов после первых полетов...

«14 сентября 1962 года. Сегодня мы узнали, что едем отдыхать в санаторий на Черном море, в Крым. Андриян и Павел радовались, как дети — еще бы: отдых, море, рыбалка! Тут же появились рыболовные снасти (спиннинги, крючки, запасные сумки, сачки).

Наконец уложено все самое необходимое. Теперь можно посидеть у телевизора, ведь ехать завтра! Но Андриян предложил лечь спать пораньше, так как вставать в 7 часов утра.

15 сентября. В 5 часов мы уже на ногах. Хлопочут все: Наташа старается каждому запихнуть в рюкзак свою игрушку. Паша делает все одной рукой, из другой не выпускает спиннинг и две книжечки (одну я разглядела — «Правила движения по улицам и дорогам СССР»). Едим на ходу. И вот уже грузимся в машины. Паша сел за руль. Ведет он машину осторожно, старается, шофер — инструктор Борис Савин — рядом, приглядывает за новоиспеченным водителем. Движение утром невелико, и мы в общем благополучно добираемся до аэродрома, если не считать небольшого синяка у Наташки на лбу.

У самолета, на котором нам предстояло лететь, сновали люди, среди них были командиры и врачи Андрияна и Павла, они также летели со своими семьями на отдых. Поднялись плавно, почти незаметно, только стрелка высотомера отсчитывает метры. Набран эшелон и взят курс на юг. Дети позавтракали, начались игры.

Взрослые тоже каждый занялся своим делом. Герои просматривали вчерашнюю почту (в связи с отъездом не успели разобрать ее дома). Юра Гагарин развлекал свою маленькую дочку Галку. Носил ее на руках по салону, что-то рассказывал ей. Человек, первым проложивший путь в космос,— заботливый и внимательный отец. Старшая дочь Гагариных Лена сладко спала на откинутом сиденье. Она уже привыкла к воздушным путешествиям, считает, что полет в самолете — самая подходящая для сна обстановка: немного покачивает, потому и спится крепко.

Андриян внимательно читает корреспонденцию. По секрету скажу — ему пишут больше всего. Вот что значит «на земле не успел жениться». Это, конечно, шутка, надо отдать ему должное, письма он читает очень внимательно, своевременно на них откликается.

Юрий дважды садился за «баранку» (так называют штурвал на больших самолетах). Не удержалась и я от соблазна. Попросила разрешения вести самолет. Волновалась, ведь мою работу оценивали три героя-космонавта и прославленный летчик-полярник Николай Петрович Каманин. На груди у командира корабля значок летчика I класса и очень много орденских планок. Он разрешил мне вести самолет, но предупредил при этом: «Осторожно, шероховатостей минимум». «Ясно, товарищ командир!» — ответила я и взялась за управление. Без привычки мне это показалось очень трудным, еще, может быть, и потому, что страшно старалась «собрать стрелки в кучу» (так у нас говорят, когда ведут самолет по приборам, при плохой погоде) и с силой сжимала штурвал. Опытный глаз командира это заметил.

— Не напрягайтесь,— посоветовал он,— устанут руки, слабее держите управление.

Много, много раз так я сама говорила курсантам, когда обучала их водить самолет...

Долетели хорошо. Южане встречали нас музыкой и цветами. Юра с семьей уехал в Гурзуф, а мы с Павлом и Андрияном — в Форос. Нам предоставили двухэтажные коттеджи с видом на море. Был приготовлен праздничный ужин, после которого сотрудники санатория дали концерт художественной самодеятельности. Представление прошло весело. Особенно всем понравился конферансье, прочитавший на украинском языке рассказ про футбол. Павел просто покатывался со смеха, Андриян сдержанно улыбался.

16 сентября. Первый день отдыха. Утром Павел и Андриян сделали, как всегда, зарядку, только теперь они ее провели на берегу моря. Искупались. Вернулись бодрые, веселые. Погода — как по заказу. Андриян много плавал с аквалангом, заплывал далеко в море и очень быстро. Все удивлялись его мастерству. Где он его приобрел?

— На Волге,— отвечал он,— для тренировки бассейн подходящий.

Когда Павел с рыбаками готовили «самодуры» для рыбной ловли, Андриян скептически улыбался, говорил:

— Отсталый вид спорта. Я предпочитаю охотиться под водой, с ружьем, так интереснее.

С первой же охоты он вернулся с изогнутым копьем и разорванной леской.

— Ничего,— говорил Андрюша,— первый блин всегда комом. Но придет и ко мне удача. Посмотрим, как пойдут дела у

«самодурщиков».— И обратился к Павлу: — Возьмешь, браток, с собой рыбачить?

— Возьму,— согласился Павел.— Только как же ты, поклонник высокой техники, на это идешь? Не заскучаешь?..

Под вечер они ушли на катере в море. Долго ходили, отыскивая место для ловли. Море слегка зыбилось. Я думала — не видеть ребятам сегодня рыбы, как своих ушей. Но ошиблась.

Когда солнце уже садилось за горизонт, разочарованный неудачной рыбалкой Андриян собирался было подтрунить над Павлом, да вдруг замер на месте, потом засиял, глаза его округлились: «Клюет!» И начал поспешно выбирать леску. На крючках блестели несколько ставридок. Трудно описать радость рыбаков, это надо было видеть. Впервые я пожалела, что не умею фотографировать.

17 сентября. Утро солнечное. Море темно-синее, даже черное. Скалы. Красота необыкновенная. Живем на даче, где когда-то жил великий русский писатель А. М. Горький. Во дворе памятник Горькому, скромный, но вместе с тем очень величественный. Дети любят играть возле него, взрослые кладут к подножию цветы.

В парке возле дачи большой квадратный пруд. В 1935 году его соорудили комсомольцы в подарок Алексею Максимовичу. В то время великий писатель был тяжело болен. Ему было противопоказано хождение по горам, к морю, он часто отдыхал у пруда.

Теперь здесь устроен гигантский аквариум. Отдыхающие подолгу стоят в молчании возле памятника, и мне кажется, они так же, как и я, думают в эти минуты о великом пролетарском писателе.

18 сентября. Сегодня космонавты встали раньше обычного. Слушаю, как они готовятся идти в море. Их проводник Макаров, они его называют «Адмиралом Макаровым», дает последние наставления. Через четверть часа затарахтела моторная лодка. Отчалили. Не возвращались долго. Этот день у рыбаков был самый счастливый — привезли килограммов тридцать рыбы.

А море! Нет слов его описать: ласковое, теплое. Но не всегда оно ласково. Нет-нет, да и обнаружатся тут следы войны. Много мин фашисты оставили в море. Изредка к берегу прибивает волной страшный рогатый шар. Нынче незваная «гостья» пожаловала к нам. Когда ее увидел Федор Иванович Семихин, который прошел всю войну и знал, что с такой «игрушкой» шутки рискованны, приказал всем удалиться, а сам стал осторожно подходить к мине. Когда осталось шагов двадцать, она взорвалась. Федор Иванович погиб. Жена Семихина не перенесла смерти своего мужа. Так жестокая война, окончившаяся много лет назад, унесла еще две жизни...

19 сентября. Все идет по распорядку. Отдых у космонавтов протекает в своеобразном труде. Они «трудятся», как в космосе. Подъем, зарядка, рыбная ловля, завтрак, пляж, разбор корреспонденции (нужно прочесть не менее 50 писем в день), просматривание газет, вечером фильмы или концерты, прогулка и сон.

По режиму санатория рекомендуется сон после обеда, но ребятам спать некогда.

Сегодня Андрияну удалось на подводной охоте подстрелить большую рыбину, но маленькая копченая ставридка — вкуснее.

Павел ходит именинником, он очень любит делать людям приятное, отдыхающие кушают его копченую рыбу — он доволен.

Каждый день приходят письма и телеграммы с приглашениями. Работники ресторана в Керчи приглашают посетить их и отведать фирменное блюдо. Особенно трогательное письмо прислала пенсионерка из Одессы Надежда Николаевна Соловей.

«Дети мои, написала она,— дорогие мальчики, я хочу вас видеть, поговорить с вами, пожать ваши мужественные руки, заглянуть в бесстрашные глаза! Телеграфируйте — я прилечу».

20 сентября. Погода превосходная. Сегодня у нас гости. К обеду приехал Юра Гагарин. Много пели, танцевали. С Гагариным приехал скульптор Кербель с женой.

Вечером из Одессы прибыла Надежда Николаевна Соловей. Общительный человек. Но жизнь у нее сложилась безрадостно. Нет семьи, и теперь, когда она ушла на пенсию, ее угнетает одиночество...

21 сентября. Целый день дождь. Только песни спасают нас от тоски. Как только ливень кончился, мы пошли на прогулку. В санаторном парке встретились три школьницы. Они пришли из Ялты, пробрались через горы, чтобы повидать космонавтов. Первым встретили Павла и сразу вопрос:

— Дяденька, как нам увидеть космонавтов?

— Один перед вами,— ответил Павел.

— Неправда,— в один голос воскликнули девочки,— космонавты — богатыри, великаны, а вы...

Да, перед ними стоял улыбающийся человек, ничуть не отличающийся от тысяч других. Посоветовавшись, решили спросить документы. И только тут поверили. Сразу начали охать и прыгать, даже прослезились. Потом Павел пригласил Андрияна, познакомились, вместе сфотографировались. К вечеру девочки ушли, унося с собой автографы космических братьев. Сколько будет разговоров!

29 сентября. Утром шли на быстроходном катере в Гурзуф, в гости к Гагариным. Посетили Никитский ботанический сад. Ездили в заповедник. Сотрудники заповедника разрешили кос-

монавтам поймать по одной рыбке в искусственном озере, варили уху на костре. Столько было перепето песен, Андриян и Павел поднимались по реке, ловили форель. На обратном пути встретили стадо оленей. Олень — гордое красивое животное. Особенно радовалась этой встрече Наташа. Юра фотографировал, но снимков, как всегда, не сделает. Очень повеселились на концерте московского «Мюзик-холла» с их космической программой. Особенно понравился конец представления: экипаж готов к полету, звучит марш. И вдруг — бах! — «ракета» взлетела. Павел чуть не свалился со стула от неожиданности, потом за кулисами вспоминали, что, мол, шуму при запуске вашей «нарошечной» ракеты чуть ли не больше, чем от всамделишной.

2 октября. Ездили в Севастополь. Посетили диораму «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года». Это замечательное произведение советской батальной живописи памятник воинам-героям, которые проявили невиданное мужество во время обороны Севастополя. Фигуры людей на переднем плане полотна написаны в естественных размерах, а натурный план сделан из остатков оборонительных сооружений и всякого снаряжения противника. Полотно «Штурм Сапун-горы» написал П. Т. Мальцев.

Андриян спросил, нет ли живых героев, которые здесь изображены. Оказывается, многие участники штурма живы. Они ежегодно приезжают в Севастополь и обязательно посещают диораму. Долго после диорамы мы ходили молча, боялись проронить слово, оскорбить память погибших.

5 октября. День рождения Павла. Со всех концов Союза пришли телеграммы с поздравлением. Вчера был замечательный день — пятая годовщина запуска первого искусственного спутника. Ребята получили много поздравлений и по этому поводу. Желают, чтобы вторая «космическая пятилетка» ознаменовалась посещением другой планеты.

День рождения праздновали прямо в санатории. Приезжали друзья Павла, которые здесь отдыхают на берегу Черного моря. Танцевали, пели, сочиняли частушки. Самым волнующим было преподношение подарка — балалайки с автографами всех гостей.

6 октября. Были в Артеке. Замечательный детский санаторий. Все так красиво, комнаты и обстановка в современном стиле, домики — как в сказке. Андрияна и Павла приняли в почетные пионеры Артека.

После отдыха мы на несколько дней слетали к родным Павла. Когда пролетали над городом Белая Церковь, Павел заметно заволновался...

Смотрю с высоты бреющего полета, как серая лента асфальтированной магистрали пролегла через пшеничные поля

и остановилась в Узине — районном центре Киевской области, широко расстроившемся после войны.

Здесь, в этом маленьком городишке, тогда еще большом украинском селе, родился и вырос сегодняшний Космонавт-4 — Павел Романович Попович. Здесь он сделал свой первый шаг, здесь произнес первое слово.

Берега Роси, поросшие ветлами и ивами. По обеим сторонам просторных улиц в зелени садов утопают белоснежные домики. Тенистая аллея из старых осокорей ведет к дому Поповичей.

С душевным трепетом подъезжаем к покосившейся, крытой старой соломой хатке. Той самой!.. За ее крепкими стенами прожило несколько поколений Поповичей, прежде чем 5 октября 1930 года раздался громкий крик новорожденного, которому суждено было выйти на звездную орбиту.

Ныне Поповичи живут рядом, в новом, крытом черепицей доме. Розово-белый с голубыми веселыми окнами, с тюлевыми занавесками, он выглядит нарядно, приветливо.

Отец Павла Роман Порфирьевич — коренастый, с розовыми, как у ребенка, щеками, озорными глазами и пышными казацкими усами — идет навстречу.

Слегка приоткрыв входную дверь, на пороге появляется мать Павла — Федосья Касьяновна.

— Ох ты лишенько, та это ж Павло с жинкой приехал...

Сбежалось народу видимо-невидимо. Аплодисменты, возгласы... Начался митинг.

После митинга идем по главной улице города (потом ее назовут именем П. Р. Поповича). Наверное, все жители — и не только Узина, а всех близлежащих городов и сел — сопровождают нас...

Уже дома отец встречает сына по-своему. Началась борьба, но я замечаю, Павел только делает вид, что борется.

Смотрю на Пашу — и видится: вот он идет первый раз в школу.

Как все мальчишки, он любил фантазировать. Его манило море.

— Мама, помните, как ребята друг у друга грудь мерили? У кого шире — тому и во флот,— вставила Мария.

Павел рано вступил в самостоятельную жизнь — весовщиком на сахарном заводе, а позднее выполнял обязанности подручного кочегара.

Федосья Касьяновна все помнит. И, конечно, не может забыть, как ее Павлуша чистым, мягким тенорком выводил популярную на Украине песню «Дивлюсь я на небо» или «Карии очи». Любил он забираться на старые осокори. Сидит у самой макушки и поет так, что в степи слышно.

Собрались гости и близкие, быстро накрыли стол, и вот уже зазвенела украинская песня «Ой мороз, мороз»...

Роман Порфирьевич слыл в округе неустанным тружеником. Не зря в народе говорят: какое дерево — таков и плод. Павел унаследовал отцовскую сноровку и с юных лет везде и всюду показывает пример трудолюбия.

Два аттестата получил он в один и тот же год: один об окончании семилетки, другой — ремесленного училища.

В графе «квалификация» значилось: столяр пятого разряда. Отец радовался и гордился: сын идет верной трудовой дорогой. Ему хорошо — и семье подмога.

Но в дальнейшем все сложилось иначе. Павла и двух его дружков, как выпускников-отличников, направили учиться дальше, в Магнитогорский индустриальный техникум.

Кончилось детство, началась юность. Павел повзрослел. Он уже хорошо знал, чего хочет в жизни. А дома его все еще считали мальчиком и сокрушались, снаряжая на Урал.

Павел учился в техникуме и вместе с закадычным дружком Алексеем Компанейцем пел в самодеятельном хоре. Слушатели тепло принимали двух украинских хлопцев, обладавших звучными голосами, пророчили артистическую известность. Алексей и вправду потом стал профессиональным певцом, закончил консерваторию. Ну а Павел — летчик-космонавт. С годами расплывчатая мальчишеская мечта о море уступила ясной цели — стать авиатором. Окончательно это призвание определилось в аэроклубе. Поднялся первый раз в небо и понял: здесь его счастье. И вот в Узин пришло письмо и фотокарточка: Павел в форме курсанта авиационного училища...

Вспомнилась война. Фашисты в Узине.

Подбитый самолет врезался в здание больницы. Роман Порфирьевич вместе с другими мужчинами стали извлекать из-под самолета пострадавших советских летчиков, и тут взорвался бак с горючим. Романа Порфирьевича обожгло. Не успел он оправиться от ран — новая беда. Их первенькую дочку Марусю, которой не было еще 15 лет, фашисты угнали в Германию, в немецкую каторгу. Четыре года беспросветного горя, слез, бессонных ночей. У Федосьи Касьяновны побелели виски, в уголках губ залегли морщинки.

Теперь мать вела себя как всполошенная наседка. Боялась каждого стука, каждого шороха. А немцы лютовали. Что делать? Как быть? Опять беда: во время молотьбы «отличился» Павел; зная его высокий, красивый голос, селяне поставили Пашу у копнителя; когда волокуша наполнялась соломой, он должен был крикнуть возчику, чтобы транспортировал волокушу с соломой к скирде. Так было почти все лето. Появились фашист-надзиратель и полицай на бричке. На подножке стояла дрессированная овчарка. И вот монотонный стук молотилки покрыл резкий крик, это гаркнул Павлик, хотя волокуша лишь до половины была заполнена соломой; лошадь фашиста испугалась и понесла седоков по пшеничному скошенному полю...

Еле-еле ее остановили. До смерти перепуганный гитлеровец приказал отыскать парня, который испугал лошадь... Вечером колхозники принесли Павлика на руках еле живого. Он то приходил в сознание, то снова «летел» в бездонную яму и кружился, кружился...

Полицай ежедневно осведомлялся о здоровье мальчика. Видимо, фашист намеревался наказать ребенка за провинность вторично. Тогда соседи вырыли в конюшне яму, заложили ее тяжелыми воротами, сверху набросали земли и соломы, а сбоку прокопали узенький лаз для подачи воды и чтобы чистый воздух проходил. Яма получилась глубокая, но очень узкая. Туда и поместили Пашу и его обожженного отца. Если один лежал, то другой мог только сидеть. Так спали по очереди. Часто из конюшни сверху слышали они каркающие голоса гитлеровцев, которые переговаривались между собой, забирая лошадей...

Сильно гноились и болели раны отца, а, кроме подсолнечного масла и марганцовки, никаких лекарств не было.

Голова ребенка стала седой. Ясно, больше в подземелье он не выдержит; обрядила мать Павла в Марусино платье, а потом, худенького, щупленького, отправила к сестре в дальнее село, а полицая продолжала уверять, что он на излечении в одной из киевских больниц. А как быть с Романом Порфирьевичем? В трудную минуту женщины исключительно изобретательны.

Федосья Касьяновна соорудила мужу замысловатый наряд. Как только облава, одевает Романа Порфирьевича — и в погребную яму. А один раз немец застал ее врасплох. Но и тут Федосья Касьяновна нашлась: уложила мужа на печку, задернула занавеску, ведро в руки — и на порог.

— Матка, где пан? — спрашивает молоденький лейтенант. Федосья Касьяновна смахивает фартуком слезу, машет рукой:

— Нет пана, угнали...

А ноги так и дрожат...

После первой удачи осмелела. Немцы в дом, а она — навстречу.

— Нет пана, угнали! — и причитает.

Из фашистского плена Мария вернулась через четыре года. Худенькая, измученная, больная. Работала она там на военном заводе, обтачивала болванки для снарядов. Слабые руки подростка часто допускали брак. А брак расценивался как саботаж. За саботаж — строгое наказание: на ночь в одиночную камеру с холодной водой по колени. Заболела Мария ревматизмом.

— Ничего, моя рыбонька,— ласкал, говорила мать,— я тебя выкохаю, на ноги поставлю.— И поставила. Выздоровела Мария, похорошела, щеки порозовели, и глаза засветились радостью...

Пятеро детей у Поповичей. Все разные и очень похожие прямым взглядом, честностью, трудолюбием, почтительностью, дружелюбием.

Павел не был в семье любимчиком. Рос как все. Сначала слабеньким, болезненным, потом выправился.

Черты характера проявляются не сразу. Многое к Павлу пришло потом, в зрелости. Но главное заложено в детстве, в этой замечательной, большой и дружной семье.

Когда в семье заходит речь о нелегкой профессии летчика, Роман Порфирьевич говорит рассудительно:

— Мы с матерью гордимся, что Павел быстро продвигался по служебной лестнице. Давно ли был курсантом, а уже полковник. Но ведь небо — оно такое!

Когда мать узнала, что я тоже летчица, даже не поверила поначалу, погрустнела, но ничего не сказала, только по взгляду я поняла, что тревоги теперь у нее станет вдвое больше.

Мы отдыхали, а Звездный городок готовился к следующим космическим стартам...

3 июля 1974 года.

Два часа до старта Павла Романовича.

Мне и дочери Наташе разрешили присутствовать в Центре управления, который называют «электронным мозгом» полета.

Соблюдены все формальности, и мы в Центре.

Через сто минут Паша уйдет в космос. Позывной его тот же, что и в первом космическом полете,— «Беркут», «Беркут-1», потому что теперь Павел стартует не один, а вместе с Юрием Артюхиным — «Беркутом-2».

— Все идет нормально. Экипаж занял рабочие места.

До старта 30 минут.

Все присутствующие заняли места за пультами. Я чувствую, как стучит сердце и начинается озноб. Волнение нарастает... время останавливается. На световом табло периодически вспыхивают цифры. По громкоговорящей связи идет четкий доклад:

— Экипаж занял исходное положение.

Готовность десять минут.

Голос связиста:

— Ключ на дренаж!

— Есть протяжка!

Эти совсем непонятные команды врезаются в память, и начинает казаться, что ты их понимаешь, знаешь.

Слышится четкий, уверенный голос диктора-связиста. «Голос словно у Левитана»,— проносится мысль.

— Есть общий наддув!

Это значит до старта 1 минута 32 секунды. Диктор громко сообщает пульс космонавтов.

— У командира шестьдесят четыре, у бортинженера — девяносто два.

«Ай да Паша! Молодец!» Подсчитываю свой пульс — 110. Наташенька сидит бледная, потирает нервно руки, не отрывает взгляда от светового табло. А там идут секунды. 27 секунд до старта.

— Отошла кабель-мачта.

Одна секунда.

— Есть зажигание!

— Подъем!

Все замерли. Хочется втиснуться в кресло и исчезнуть. Кружится голова, чуть подташнивает.

— Двигатель вышел на режим.

10 секунд — норма.

20 секунд — норма.

40 секунд — норма.

50 секунд — норма.

Устойчивый нормальный полет. Смотрим на световое табло, где летит корабль...

120 секунд полета. Полет устойчив. Слышу голос Паши. Уверенный, чуть-чуть взволнованный:

— Все идет нормально, перегрузка растет незначительно. Я — «Беркут-1». Полет идет нормально. Чувствуем себя отлично.

190 секунд.

— «Аргон»! Я — «Беркут-1». Сообщайте секунды.

— 240 секунд. Все нормально. Я — «Аргон».

«Аргон» — это Георгий Тимофеевич Береговой, много раз я слышала в эфире его голос и сразу же узнала.

— Стабилизация устойчивая, перегрузка примерно два,— спокойно сообщает Павел.

— «Аргон», какая секунда полета?

— 270, все нормально, я — «Аргон».

— Отошла третья ступень.

— 530 секунд.

— «Аргон», я — «Беркут-1». Все отлично, мы в невесомости. В правом иллюминаторе светит солнце.

— «Беркут», самые вам добрые напутствия, желаем счастливого пути, после выполнения программы примем вас в свои объятия.

Высвечиваются координаты.

Высота в апогее 277 километров, высота в перигее — 255. Дата — 3 июля 1974 года.

4 июля 1974 года.

Второй день полета.

Я снова в зале Центра управления.

Через тридцать минут в космосе начнется не менее сложная работа, чем старт,— стыковка двух космических аппаратов. И хотя это не новый, но чрезвычайно сложный технический эксперимент. Итак, баллистические расчеты и специальные

коррекции вывели спутник на расстояние уже 600 километров. Затем еще раз включились двигатели, между кораблем и станцией меньше 200 метров. Паша спокойно сообщает, что видит цель, все в Центре снова замерли. Выводят корабли «со сдвигом по фазе», то есть в пеленге, на случай отказа автоматики, чтобы они могли разойтись для повторного маневра.

Снова слышу голос Поповича:

— Вижу красавицу, идем на активное сближение. Расстояние двести метров. Наблюдаем габаритные.

Это значит: они видят в оптическом визире и на экране отметку, наблюдают мигающие маяки станции. Можно произвести стыковку и автоматически, но руководители предпочли вручную. «Скорость сближения один метр в секунду»,— докладывают космонавты, а затем: ноль пять метров в секунду. Это относительная скорость.

В космосе все относительно, ведь если представить в абсолютном понятии, то оба спутника несутся по небу с бешеной скоростью — до 8 километров в секунду, или около 28 тысяч километров в час, так что в этой безмерности земные представления довольно относительны.

Когда до станции осталось 100 метров, Павел взял управление на себя, значит, вся автоматика отключена. Движения должны быть очень плавными, чтобы точно подойти в кильватер. Корабль может свободно перемещаться по всем осям. Доза подачи ручки управления должна быть абсолютно точной, чтобы не перевернуть корабль и не оказаться вверх ногами, опять же это относительное понятие — «перевернуть». В невесомости, где верх, где низ, можно определить только по предметам и теперь по видимости станции. Бывало, на тренировках даже очень опытные космонавты из-за малейшей неточности «опрокидывали» корабль. Очень надеюсь, что летный багаж, летные навыки, отработанные десятилетием на тренажерах, умение управлять скоростным самолетом-истребителем, да еще в групповых полетах, помогут Павлу.

— Расстояние 40... Зависание!

— Убираю крен.

Понятно, это он «прицеливается» по оси станции. Думаю, что накренение он определяет по положению горизонта и по бегу Земли, как, впрочем, и на самолете. Самые ответственные секунды:

— Разгон, стыковка!

И еще через мгновение Павел Романович сообщил:

— Произошло касание, начинаем стягивание.— Голос его звучит торжествующе.

С Земли последовал вопрос:

— Как самочувствие?

Ответ:

— Стою на ушах.

Я знаю его любимую поговорку. Конечно, это не технический термин, но значит, что ему сейчас очень некогда. Нет даже секунды сказать о себе. А еще через мгновение корабль вышел из зоны связи, и мы с волнением стали ожидать, когда космонавты снова выйдут на связь.

Мы снова спешим в информационный зал. Какие вежливые, красивые кругом люди, усталости как не бывало, улыбаются.

— «Аргон», я «Беркут-1», на борту порядок, все операции по стыковке прошли успешно, выравниваем давление, прошу ОПЛ!

— «Беркут-1», пока запрещаю. Осмотритесь!

ОПЛ — это значит открытие переходного люка. Значит, Паша просит разрешение перейти на орбитальную станцию. Боже, а вдруг станция неисправна и там произошла разгерметизация? «Нет, никаких вдруг, все будет хорошо! — успокаиваю себя.— Иначе и не может быть!» У меня такое состояние, будто встала после тяжелой болезни...

Потом на очередном витке дали «добро» на открытие люков-лазов, и космонавты заняли места в «Салюте-3». Включили свет, начали распаковывать багаж. Ну точь-в-точь как на Земле при переезде на новую квартиру. Распаковали технику, аппаратуру, «прописали нули» (все в исходное положение) и начали обживаться.

Так завершился этот день в космосе. Уже давно началось утро... Еду домой и думаю: «Как все это грандиозно и величественно!»

Завершился новый этап важного технического эксперимента.

10 июля 1974 года.

21.40 — сегодня ровно неделя, как «Беркуты» бороздят космический океан... Земля их поздравила с недельным полетом. Космонавты благодарят за поздравления и обещают в честь юбилея съесть по луковице и «запить» молдавской приправой.

Земля интересуется самочувствием:

— «Беркут-1», как чувствуете себя?

— Отлично.

— Почему?

— Что почему?

— Почему отлично?

— Ну и ну, вам не угодишь, если плохо, то почему, и если хорошо, опять почему? Лучше, «Заря», скажите, как дела у киевского «Динамо»?

— «Беркут-1», Блохин забил четыре гола.

— Молодец! Он хороший игрок, я бы сказал, высокого класса! Очень рад, очень рад.— «Болеет» Павел за киевское «Динамо» и очень болезненно переживает, если киевляне терпят поражение.

— «Беркуты», готовьтесь, на следующем витке будет телерепортаж.

— Добро, помоем шеи, побреемся.

— Очень хорошо,— отвечают из Центра. Чисто побриться они, конечно, не смогут, так как в длительном полете бритвы затупевают, это явление еще необъяснимо, но схоже с таким же явлением, только противоположным по знаку: если бритву внести в египетскую пирамиду, то она мгновенно начинает заостряться. Это явление, очевидно, связано с магнитными силовыми линиями. Ведь доказано (еще М. В. Ломоносовым), что если человек спит и лежит головой на север, то текучесть крови в организме увеличивается и сон глубже и полезнее. К космосу и ко сну в космосе это не относится, так как в космическом корабле верх, низ, север, юг — понятия относительные. И самое удивительное то, что по отношению к Земле они могут «стоять» на голове и спать.

257 витков вокруг Земли. Смотрим на карту: словно паутина нанесена — траектория полета корабля. Время в полете исчисляется в минутах и секундах, и время суток в космосе равно 90 минутам. Конечно, у этого ускоренного времени есть свои перегрузки, и эти перегрузки ускоряют жизнь человека, форсируют износ, а самое главное — такие напряженные мгновения вдохновляют... Время у них стало четвертым измерением их жизни.

В каждом часу — сутки, в каждой неделе — год.

Год земной жизни вмещается в неделю. Жизнь, богатая впечатлениями, качественными переменами...

18 июля 1974 года.

Вот уже больше двух недель живут и работают космонавты в своей космической квартире. Я почти ежедневно бываю на связи. Голос Павла бодрый, но усталость в нем я улавливаю.

Земля приказала готовиться в обратный путь — домой. Это самый, пожалуй, сложный этап — этап торможения, снижения и «захода» на посадку. После невесомости снова предстоит почувствовать силу земного притяжения. Сила эта очень большая. Законы притяжения известны, а вот отчего это происходит, так и не ясно. Представьте себе человека среднего роста, который вдруг вырос в четыре-пять раз. Земное притяжение так будет притягивать великана к себе, что он не сможет ходить — будет лежать в объятиях Земли... Поэтому, летая в космосе, надо готовиться к встрече с Землей и не допускать, чтобы организм был детренирован.

После первого полета в космос Павел рассказывал: «При снижении на парашюте (в первых полетах кораблей использовался только парашют, теперь же при приземлении кроме парашюта используется и система мягкой посадки, то есть, когда до земли останется меньше трех метров, включается тормоз-

ной двигатель и практически скорость приземления должна равняться нулю), когда до земли осталось всего две тысячи метров, меня охватило какое-то особенное чувство радости, восторга, победы. Я начал петь, хотя знал, что радоваться еще рано, я ведь еще в воздухе, и авиационную заповедь помню, что полет длится от взлета до выключения двигателя на земле, но что может случиться, самый крайний случай — это ушиб, если сильный ветер на приземлении. Но что это в сравнении с тем, что пережито! После того как связался с поисковиками по радиосвязи, стал наблюдать за красотой планеты. Земля в районе приземления была сухая и ветер — восемь метров в секунду.

Я почувствовал запах земли, запах хлеба и полыни, запах жизни. Не успел как следует налюбоваться родными просторами, а тут и приземление. Снял перчатки, схватил горсть земли и начал неуклюже в космическом обмундировании отплясывать гопака, хотелось обнять весь мир...»

21 июля 1974 года.

Пашин и Юрин день.

Встреча экипажа корабля «Союз-14».

Подмосковный аэродром, встретить космонавтов собрались не только родные и близкие, здесь и руководители Центра подготовки космонавтов, ученые, конструкторы, специалисты по различным отраслям науки и техники...

Естественно, что разговор заходит о том, как поработали космонавты в космосе, каков их вклад в космонавтику. Ученые, в чье распоряжение поступят экспериментальные данные, полученные экипажем во время полета, обогатят свои знания в различных областях космической науки и техники.

И вот на трапе появились космонавты, на них обрушиваются дружные аплодисменты собравшихся. Звучит музыка, космонавты четким шагом идут к председателю Государственной комиссии. Попович докладывает о выполнении полетной программы. А мы, близкие, плачем, дети прыгают. И когда Паша и Юра берут младших детей на руки, целуют, Нина Артюхина теряет сознание, десятки рук подхватывают ее. Все садятся в машины, и кортеж покидает аэродром.

Ю·БУЛУШЕВ

Песня о Родине

I

АНДРИЯН НИКОЛАЕВ

Первые энтузиасты ракетостроения ютились в полуподвале, на углу Садового кольца и Орликова переулка, в Москве. Для пробного запуска ракеты их коллеги в Ленинграде приготовили бутыль с азотной кислотой. Москвичи нервничали, ленинградцы задерживали доставку кислоты. Но как, на чем доставить этот страшный груз? Вызвался один из энтузиастов ленинградского отделения. Бутыль с двадцатью литрами жидкости тайно водворили в купе скорого поезда Ленинград — Москва. Товарищи пожелали добровольцу «ни пуха ни пера» и побежали на телеграф сообщить москвичам: «Встречайте!»

Была зима, а в вагоне натоплено жарко.. Принесенная с улицы бутыль стала согреваться. И вдруг владелец мешка увидел, как черное пятно стало быстро разрастаться по мешковине, сжигая ее, как огонь. Невидимое пламя перебросилось на коврик купе. Воскликнув: «Треснула, проклятая!» — пассажир вскочил, открыл окно вагона, а секундой позже мешок полетел на соседний путь.

Поезд еще не отошел. Едкий, густой желтоватый дым быстро распространился под навесом перрона. Пожарные, натыкаясь на покидающих перрон пассажиров, никак не могли установить очаг пожара. К счастью, дым вскоре рассеялся. Поезд с опозданием ушел, а в отделении милиции вокзала состоялась такая беседа:

— Теперь понятно,— выслушав сбивчивые показания инженера, сказал начальник милиции.— Так вы утверждаете, что эти ракеты будут летать?

— Не только ракеты. Со временем и человек с их помощью поднимется к звездам.

— Так-с,— с опаской поглядывая на опрашиваемого, процедил начальник милиции.

— Ракеты ваши, может быть, и будут летать,— примирительно добавил он,— но вот люди... гражданин хороший? Не родился еще такой человек, чтобы...— и он выразительно показал глазами куда-то в потолок...— А пока подпишите протокольчик.

Но человек уже родился. Родился 5 сентября 1929 года в деревне Шоршелы в Чувашии. Имя его — Андриян Николаев.

Сорок лет прошло с того самого дня, когда ленинградский милиционер усомнился в том, что человек будет летать к звездам. И уже был первый полет Юрия Гагарина, уже побывал в космосе сам Андриян Николаев, уже Алексей Леонов вышел в открытый космос, американцы опустились на Луну, а советские космонавты создали на орбите вокруг Земли первую экспериментальную космическую лабораторию...

Сколько свершений! Как далеко шагнула советская наука, все человечество по пути завоевания Вселенной, по пути мирового прогресса.

Я переступил порог дома, где ждал меня космонавт.

— О чем будем беседовать? — приветливо спросил Андриян.

— Начнем все сначала,— сказал я. И мы засмеялись. Ведь с этой фразы началась наша беседа ровно восемь лет назад перед его первым полетом в космос.

— Но журналисты знают, наверное, обо мне все. И уж мою-то биографию, наверное, лучше, чем я сам,— улыбнулся Николаев.

Я возразил:

— Восемь лет — срок не малый, вырос новый читатель, вчерашние мальчишки и девчонки тех лет сегодня студенты, строители, летчики, и они хотят знать все о командире «Союза-9», начиная с его детских лет, его юности, о его первом полете в космос. Итак, сначала.

Подумав, космонавт сказал:

— До поступления в отряд космонавтов моя жизнь не была ничем особенно примечательной. Учился и работал, а потом летал, как все мои товарищи, как тысячи других. Впрочем, если сохранились твои записи рассказа о моей жизни, о первом групповом полете кораблей «Восток-3» и «Восток-4», командирами которых был я и Павел Попович, пользуйся ими. Никаких перемен нет. А о последних годах моей работы я расскажу.

Здесь прервем нашу беседу с Андрияном Николаевым и с некоторыми сокращениями, перелистывая страницы блокнота, приведем рассказ космонавта о себе.

ДЕТСТВО. «...Я чуваш. Родился и вырос в чувашской деревне. Называли Чувашию колонией царской России, и жили чуваши как рабы. Неграмотность повальная. Никакой медицинской помощи. Кругом трахома, туберкулез. Здоровые мужики уходили в бурлаки на Волгу или работали на лесопилках.

Я родился в другое время. Детство прошло беззаботно. В доме был достаток. А из увлечений в детстве не забуду одно. Сколько прошло лет, а до сих пор люблю я рыбную ловлю. Некоторые говорят, что это пустая трата времени. Нет. Не сетями, не переметами люблю я ловить, а удочкой. Думаю, те часы, проведенные мальчишкой на берегу реки, западают в душу че-

ловека на всю жизнь. Надо только чувствовать всю красоту, окружающую тебя. Вот говорят о родине. Казалось, понятие абстрактное. Ведь человек воспринимает Родину не как что-то огромное, громадное,— и Андриян широко развел руками,— а по-другому. Правильно пишут писатели, что Родина — это твой дом и куст сирени под окном или березка. Передо мною всегда встает река большая Цивиль».

Мы долго говорили об этом, о совместном увлечении рыбалкой, и, как наяву, навеянная рассказом Андрияна, встала передо мной такая картина.

Стежка легла через ржаное поле. Дальше она взбирается на пригорок, а там через пойму бежит к реке. Приятно шлепать босыми ногами по прохладной от утренней росы тропинке. В воздухе волглая завеса. Еще темно. И только на горизонте голубеет небо, оттого кругом и тропинки и рожь будто тонут во тьме. Чем ближе к реке, тем завеса гуще. Уже издалека пахнет мокрым ивняком.

Вот и река. Большая Цивиль в полумраке лениво гонит вниз тяжелую, будто маслянистую воду. Выбрав местечко между двумя лозовинами, Андриян разматывает самодельные удочки. Вокруг так спокойно, так хорошо, что рыбачий азарт невольно отступает в сторону.

Над рекой начинает танцевать туман. Он поднимается над водой, клубится, парит, то припадая к самой воде, то вновь взлетая. Густой ивняк на другом берегу загорается блеклым розовым светом. Все больше голубеет небо. Откуда-то появился легкий ветерок. Туман извивается, цепляясь за воду, за прибрежный камыш, меняет цвет. Но все тщетно: ветерок настойчивыми порывами гонит и гонит его вдоль реки.

Улов небогат — два десятка плотвичек. Жаль, что не попалась ершиная стая, натаскал бы он их целый веер. Солнце уже вскарабкалось высоко над речкой — пора домой. Сбросив штанишки и рубашонку, мальчишка прыгает с разбегу в речку. Накупавшись, вылезает и, подцепив удочки, идет домой. Мать и отец, конечно, в поле. Каша в печи уже давно остыла — не беда, холодное молоко из кринки и утолит жажду, и накормит досыта.

«Когда началась война,— продолжал Андриян,— мужчины стали уходить на фронт. К осени сорок первого года остались в деревне только женщины, дети да старики.

Не хватало рабочих рук. Отец мой тяжело захворал и слег, и мы с братом Иваном (он на два года старше меня) стали помогать матери. Весной и осенью работали: пахали, боронили, сеяли, убирали урожай. Здесь я и силенок набрался. Зимой учились.

Когда закончил семь классов, дома стали решать мою судь-

бу. За год перед тем старший брат уже уехал в лесотехнический техникум в Мариинском Посаде. Мне хотелось туда же. Наша бригадирша, узнав про домашний совет, прибежала в избу.

— Что же это ты, Алексеевна,— обратилась она к матери,— один мужик здоровый в доме остался — и того в ученье. Какое тут ученье, война ведь. А мы ему и хлеба выдадим, как взрослому колхознику... Ведь он у нас лучший пахарь!

Я посмотрел на бригадиршу исподлобья и сказал:

— Весной приду пахать.

— Иди, сынок, учиться. Я за вас поработаю,— сказала мать и так посмотрела на бригадиршу, что той и след простыл.

Начались трудные годы учебы. Трудные не потому, что пришлось жить в холодном общежитии, а потому, что мне и Ивану просто хотелось есть. С этим чувством мы вставали утром, с ним и спать ложились. И от матери шли невеселые письма: она тосковала, отцу становилось все хуже.

По вечерам в общежитии у большой изношенной карты, дождавшись известий по радио, мы передвигали флажки. Теперь флажки шли в обратную сторону, на Запад.

В один из воскресных дней отправился домой навестить мать. До деревни пятнадцать километров. Шел и гадал, чем она угостит сына.

Вошел в деревню. Старушки на завалинке, завидев меня, прерывали разговор. Проходя мимо них, услышал:

— Сиротка пришел.— И одна из них всплакнула...

Почувствовав недоброе, бросился к дому. Вошел. Мать подняла глаза. Она не заплакала, только крепче прижала к себе младших, Петра и Зину, и тихо сказала:

— Умер отец наш...

Я всегда поражался мужеству и мудрости матери. В самые трудные минуты жизни она не теряла самообладания. Главной целью ее жизни было выучить нас. Мы уважали ее и подчинялись ее воле.

Как-то решил: «Пусть пока Иван кончает техникум, у него государственные экзамены близко. Ну, а я потом. Матери нужно помочь, сколько ей одной мучиться». Решил остаться дома.

Но мать моему намерению не обрадовалась, встретила настороженно. Посмотрев на наше хозяйство, я понял, что решение мое правильное. Дома даже картошка кончилась.

Была весна. На следующий день я уже работал в поле. Колхозники были рады моему возвращению. Наперебой звали во все бригады.

Но мать следила за мной грустными, тревожными глазами...

— Завтра собирайся обратно. С председателем я договорилась. Если хочешь, чтобы я не знала горя, завтра же уходи...

Шел я в город и вспоминал услышанную где-то пословицу: «Если ты даже на собственной ладони изжаришь яичницу для матери, все равно ты останешься у нее в долгу».

ЮНОСТЬ. «Самостоятельную жизнь начал после окончания лесотехнического техникума,— продолжал космонавт.— Получил диплом. Направили меня под Петрозаводск, в Деревянский леспромхоз. Сначала назначили помощником мастера, потом мастером.

Одно дело — лекции в техникуме, практика в приволжских лесах, совсем другое — северные леса. Здесь другой лес, другая манера его валить.

Первым моим учителем был мастер Пудин. На вид он неповоротлив, а на работе у него появляется такая энергия, что за ним еле успеваешь.

— Лес, Андриян,— учил меня другой мастер, Ухов,— надо валить так, чтобы вывозить больше, а молодняк не трогать, чтобы лес украшать, укреплять, а не уничтожать...

В выходные дни ходили на лыжах подальше от лесосеки и бродили с ружьем по заснеженному лесу. Каких только чудес не увидишь зимой в нетронутом лесу! И какое это волнующее чувство, когда научишься читать жизнь леса, как книгу.

Мне кажется, что если бы я не стал летчиком, то обязательно пристрастился бы к зоологии. Люблю разную живность. Часами могу наблюдать за хлопотами белок. Знаю беды зайчат, хитрость лис. И, конечно, любимую рыбную ловлю...

Летом, когда кончился сезон валки леса и прекратилась работа, я купил подарки и поехал в отпуск к матери. Встретила меня мать, всплакнула — может быть, в первый раз с того самого дня, когда умер наш отец. Мать поседела. Трудные годы войны, тяжелой, не женской работы легли на ее плечи. Она радовалась, что мы с братом Иваном стали взрослыми, самостоятельными, получили специальность. Ведь нас было четверо детей у нее: три сына и дочь. Всем нам помогли стать на ноги наш колхоз, государство. Учились бесплатно, кормили... Да о чем говорить...

В авиацию попал я так: когда работал в леспромхозе, пришла мне повестка в военкомат. Пошел предупредить директора хозяйства.

— Знаю,— сказал он,— а я уже говорил с военкомом. Он предоставит тебе отсрочку на сезон, можешь пока продолжать работать.

Но я все-таки решил пройти медицинскую комиссию.

— В авиацию,— сказал председатель комиссии,— больше вам деваться некуда. У вас отличное здоровье.

Военком пожал плечами.

— Хотите, значит, стать летчиком? Ну, что же... Дайте-ка вашу повестку...

Директор леспромхоза, узнав о моем решении, вначале даже обиделся. А поразмыслив, сказал, наверное, больше самому себе, чем мне:

— Молодым не надо вставать поперек дороги. Собирайся...

Вскоре после заснеженной Карелии я оказался на солнечном юге. Там уже цвели яблони, вишни, абрикосы... Чудеса, да и только!»

ЛЕТЧИК. «Мой путь к штурвалу самолета был нелегким и долгим. Аэроклуба я не кончал и начал с курсов воздушных стрелков. Нас, курсантов, как обычно, учили прежде всего нелегкому солдатскому делу. Изучали уставы и тактику, ходили на полевые занятия, ползали по-пластунски, учились окапываться, «наступали», изучали материальную часть боевой техники. Только после этого стали подниматься в воздух, стреляли по конусу.

Учился я старательно, дисциплины не нарушал, стрелял отлично. Был настойчив, держал себя в руках. Этому учили меня с детства. Впереди была большая цель. Про себя решил, что даже мелочи не должны быть препятствием на моем пути. Их нужно не обходить, а преодолевать. Так я и делал.

Кончил курсы отличником и получил назначение в часть. Перед окончанием вступил в комсомол.

В авиационной части много летал стрелком. Но с каждым днем все больше убеждался, что в кабине воздушного стрелка мне не усидеть. Хотелось самому сесть за штурвал. Я не скрывал своих намерений, и командир эскадрильи, капитан Брахнов, с которым я часто летал, и его заместитель, капитан Ульянов, поддержали меня.

— Понимаю тебя,— сказал как-то Ульянов.— Ну что же, рекомендацию в училище дадим. Только ты сам не подкачай, готовься.

Засел за учебники. Повторял математику, физику, русский язык. Продолжал заниматься спортом. Еще на курсах стрелков полюбил занятия на гимнастических снарядах, показывал хорошее время в беге на сто и тысячу метров. Знал, что хорошая физическая подготовка летчику необходима.

Осенью 1951 года направили меня в училище летчиков-истребителей. После сдачи экзаменов я прошел медицинскую комиссию и был зачислен на первый курс.

В жизни летчика всегда есть его «крестный отец», имени которого он не забудет. Таким «крестным отцом», летчиком-инструктором, с которым впервые вылетел в самостоятельный полет, был для меня Николай Коренец.

Первые самостоятельные полеты, наверное, как у каждого начинающего летчика, не обошлись без ошибок при пилотировании и посадке. Однако вскоре я научился точно работать в кабине пилота, без напряжения и чувствовал себя в воздухе уверенно. К заветной цели — стать летчиком-истребителем —

я подошел тогда, когда пересел на реактивный самолет под руководством инструктора Юрия Анисимова. У него учился не только первым фигурам высшего пилотажа и элементам воздушного боя на реактивном истребителе, а и умению вести себя на земле и в воздухе. Он покорял корректностью в обращении с курсантами и товарищами. Все мы, его ученики, помним десятки случаев, когда в полетах, в трудных ситуациях он проявлял необычайную выдержку.

Окончил училище и вновь получил назначение в авиационную часть, но уже летчиком-истребителем. Наверное, всегда и везде, в любой специальности нет конца учебе. Всегда найдется кто-нибудь опытнее тебя, у кого есть чему поучиться.

Много носился я в небе в одиночку и в паре, полюбил скорость и свою машину».

КОСМОНАВТ-3. «...Мои друзья-космонавты часто говорят: «Андриян Николаев никогда не волнуется». Но я думаю, что они шутят. Просто привык держать себя в руках. Я волновался, когда принимали меня в члены Коммунистической партии. Волновался, когда проходил медицинскую комиссию, отбиравшую летчиков в отряд космонавтов. Очень волновался, когда стартовал Юрий Гагарин. На космодроме я, как и все, волнуясь обнял Юрия и ударился лицом об острый край его шлемофона. Как я жалею, что не осталось той маленькой метины на всю жизнь.

Вместе с новыми друзьями я начал учиться и тренироваться. Я проникся большим уважением ко всему, что связано со словом «космос», к своим друзьям-космонавтам, к нашей большой дружбе, которая помогла мне и всем нам успешно совершить космические полеты.

Я был дублером Германа Титова. В 1961 году мы вместе с ним прошли предполетную подготовку. Каждый из нас поразному относился к многочисленным тренажерам и стендам. Я, например, страшно не люблю термокамеру и говорил всем откровенно об этом. Сто потов с тебя сойдет, пока кончится испытание. Но как ни противен мне был этот тренажер, поблажки я себе не давал. Возьму себя в руки, перешагну порог камеры, а когда кончается время, не вскакиваю бежать, а тихонько, не торопясь поднимаюсь, задержусь немного и не спеша иду. Так я приучал себя к термокамере.

Я люблю нагрузку, но такую, чтобы ветер бил в лицо. Вот парашютные прыжки. Летишь как птица. Дышится легко. Воздух тугой, чистый.

Не забуду тех минут, когда Герман Титов занял место в кабине корабля, а я, сняв скафандр, стоял на командном пункте. Как хотелось полететь вместе с ним, как я жалел тогда, что нет второго кресла в кабине.

Полеты Юрия Гагарина и Германа Титова помогли мне и Павлу Поповичу точно определить, в каком направлении

усилить тренировки. Мы с Павлом Поповичем увереннее готовились к следующему полету. Я, например, много внимания уделял тренировке вестибулярного аппарата.

Когда приехали в отряд девушки, я не думал, что вскоре в моей жизни произойдут перемены и Валя Терешкова станет моей женой. А до этого,— улыбнувшись, продолжал Андриян,— видимо, пользуясь тем, что по своему характеру я, как бы это выразиться, не забияка, что ли, ребята и в летной части, и здесь, уже в отряде космонавтов, буквально донимали меня, что я старше многих, а все еще холостяк.

Вот только Юрий Гагарин да мой самый большой друг Герман Титов всегда помогали мне отражать эти «атаки». Както в ответ на заступничество Германа, зная, что он любит стихи, я прочел ему стихотворение нашего чувашского поэта Александра Алга...»

Нетрудно догадаться, что собеседник Андрияна Николаева — автор этих строк — сделал все, чтобы прочесть это стихотворение. Как оно верно характеризует самого Андрияна. Словно написано оно о нем самом, о его скромности, я бы сказал — застенчивости. Таким мы его знаем все и любим.

Нас однажды вместе пригласили
На гулянье в дальнее село.
Восемь верст идти должны мы были —
Нам, что называется, везло.

Шли тропинкой мы уединенной
(Мне вовек ее не позабыть).
«Вот когда,— подумал я, влюбленный,—
Можно по душам поговорить».

Шла легко ты, чуть земли касалась,
Свежестью дышала луговой.
Мне цветком ты белым показалась —
Грубой не возьмешь его рукой.

Ты у речки разуваться стала;
Глупый, важно я проговорил:
«Мостик бы построить не мешало,
Чтобы вброд народ здесь не ходил».

Мне б тебя поднять — и над водою
Бережно нести и целовать,
Душу слить свою с твоей душою,
Хоть бы на минуту дерзким стать.

Но об этом я — судите сами —
На другом лишь вспомнил берегу.

«Ничего, еще пойдем полями,
Вот где наверстать я все смогу».

Мне б тебя ласкать и не бояться,
Мне б шепнуть, густую видя рожь:
«Лучше места с милым целоваться,
Сколько ни ищи, ты не найдешь».

Не шепнул... Когда ж, под гомон птичий
В лес войдя, мы сели у берез,
Даже и тогда я, непривычный,
Не посмел твоих коснуться кос.

«Ладно,— думал,— тою же тропою
Возвращаться будем из села».
Но с гулянья позднею порою
С парнем ты другим домой пошла.

«Во время очередной тренировки отряда, — продолжал рассказывать космонавт,— нам объявили о том, что назначен день группового полета «Востока-3» и «Востока-4». В ответ раздалось радостное «ура». Радовались все, несмотря на то что лететь предстояло только двоим, а остальным нужно было вновь ждать. Радовались все потому, что наш дружный отряд вновь стоял на пороге главной цели — нового полета в космос. А кто из нас полетит — это уже было не самое главное.

Мы знали и общую задачу полета. Я на корабле «Восток-3» должен был пробыть в космосе четверо суток. Павел Попович на корабле «Восток-4» стартовать через сутки вслед за мной, и нам обоим предстояло совершить примерно в одно время посадку в заданном районе...»

ПЕРВЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ ПОЛЕТ. «Перед стартом, находясь уже в кабине корабля, я перебрал в памяти весь перечень заданий, которые предстояло мне выполнить. Проверил работу приборов и связи. Доложил о готовности к полету. По установившейся традиции по моему заказу включили музыку.

Время ожидания старта прошло почти незаметно. И вот: «Подъем!»

После выхода на орбиту передал на Землю радиограмму: «Чувствую себя хорошо, на борту все нормально. В иллюминатор хорошо видна Земля». Земля сообщила: «Ваша орбита близка к расчетной...» Приноровился к невесомости, которая наступила точь-в-точь как рассказывали Юрий и Герман, передал данные о своем состоянии. Приборы показывали четкую работу аппаратуры...

К концу первых суток полета стал чуть беспокоиться. Особенно в тот момент, когда на несколько минут была приостановлена связь с Землей. Корабль вынес меня на освещенную

сторону Земли, и потекли минуты ожидания. Я превратился в слух, боялся пропустить хотя бы единый звук.

И вот наступила долгожданная минута... В эфире услышал голос Павла: «Самочувствие отличное. Все идет нормально. Вижу облака над Землей».

Он в космосе! Наладил связь с «Востоком-4». Слышу голос Павла. Начал я официально: «Беркут», я «Сокол»! «Беркут», я «Сокол»!..» Но потом не выдержал: «Паша, дорогой, поздравляю тебя!» — «Спасибо, Андрюша, спасибо! Прекрасно слышу тебя!»

Лететь в космосе вдвоем было здорово...

Четверо суток с небольшими перерывами для еды и сна работал я в своей кабине, как в космической лаборатории. Дел было, что называется, по горло. В небольшие паузы между экспериментами и научными наблюдениями мы фотографировали облака и Землю киноаппаратом.

Налетал я немало: более двух с половиной миллионов километров за 95 часов. Наверное, поэтому очень запомнился наш последний виток. Мы понимали, что волнение охватило всех: и на командном пункте полета, и в городке космонавтов — словом, везде, где знали, что сейчас будет посадка. Сами испытали это при полетах Юрия и Германа.

Перед посадкой сделали усиленную зарядку, чтобы подготовить организм к предстоящим перегрузкам.

Мы с Павлом пожелали друг другу счастливого приземления.

Я внимательно наблюдал за приборами. Все устройства работали четко. Включилось тормозное устройство. Начался спуск.

Принял удобную позу и почувствовал, что перегрузки постепенно увеличиваются. Давило, прижимало к креслу. Продолжал наблюдать в иллюминатор. Как только корабль вошел в плотные слои атмосферы, загорелась ярким пламенем теплоизоляция. Температура поверхности корабля достигала нескольких тысяч градусов, но в кабине она не повысилась ни на один градус. Так хорошо она была изолирована. Наконец перегрузки постепенно стали меньше. И вот отступили совсем.

В этот момент сработала катапульта. Над головой открылся оранжевый парашют. Внизу Земля. Куда ни кинешь взор — степь. Мне даже показалось, что до меня доносится запах полыни.

Земля...»

И ВНОВЬ ДЕЛА ЗЕМНЫЕ. Вернемся в Звездный.

— Итак,— сказал полковник Андриян Николаев,— о переменах в моей жизни за восемь последних лет. Мне кажется, любой отец, наверное, любит чуть-чуть похвастаться своим ребенком,— космонавт улыбнулся.— Я не исключение. У ме-

ня замечательная дочь. Сейчас у нас новое увлечение — велосипед. Перед отлетом на космодром наш экипаж сдавал государственные экзамены, как перед каждым полетом. Моя Аленка тоже успешно сдавала мне свой экзамен. Она пересела с трехколесного велосипеда на двухколесный. Не обошлось поначалу без синяков и шишек, но вот сегодня она продемонстрировала мне свои достижения. Мы оба остались довольны.

Свою жизнь мне трудно рассматривать вне дел и забот Центра подготовки космонавтов. То время, когда мы первый раз беседовали, и сегодня не сравнимы. Тогда только начиналось изучение и освоение космоса. Сейчас далеко шагнула вперед техника, выросли люди, весь наш Центр.

Сегодня это большой дружный коллектив разносторонних специалистов. Мы, космонавты, прошли большую школу. От полета к полету усложнялись задания, усложнялась техника. Мы приобретали громадный опыт, учились. Нам очень помогают ежедневно, ежечасно те знания, которые мы получили в стенах инженерной академии имени Жуковского.

Неотделимы от жизни этих лет и общественные дела, общественная работа. Как и всем космонавтам, мне приходится часто бывать на встречах с коллективами предприятий, со студентами и школьниками Москвы, Подмосковья и других городов Советского Союза. Много поездок было и за границу.

Я являюсь депутатом Верховного Совета РСФСР. Ежемесячно более ста писем приходят к нам от избирателей, моих земляков. На все письма надо ответить.

И все это важно, нужно. Это наша жизнь. Но главное — работа в Центре подготовки космонавтов.

ПОДГОТОВКА К ПОЛЕТУ.

— Непосредственная подготовка к полету на корабле «Союз-9»,— продолжал космонавт,— началась давно. Я имею в виду, что мне пришлось принимать активное участие в предварительной наземной отработке космонавтами всех заданий к стартам «Востоков» и «Восхода». Я сам непосредственно стал участвовать в изучении корабля «Союз» и приступил к предполетным тренировкам. Участвовал в подготовке всех полетов на кораблях «Союз» как в Центре, так и на космодроме. Готовность вместе с Виталием Севастьяновым дублировать любой экипаж была той прочной основой, которая дала нам возможность хорошо подготовиться и к этому полету.

Кстати, о Виталии. Нам предстоит лететь вместе. Я могу с уверенностью сказать, что мы сработались отлично, это очень важно в предстоящем полете для выполнения больших и сложных заданий.

Виталия Севастьянова я знаю давно. Еще в первые годы работы Центра он читал у нас курс теоретических лекций. Это

всесторонне развитой человек, хороший инженер и прекрасный товарищ.

Экипаж наш сработался. Друг друга мы понимаем с полуслова.

Сложность полета, прежде всего, в том,— сказал в заключение космонавт,— что на наш экипаж возложен большой объем операторской деятельности. Это и управление кораблем, и испытание его систем.

Нам предстоит выполнить много динамических операций, связанных с продолжительным пребыванием в космосе.

— И последняя просьба к вам, командиру экипажа космического корабля «Союз-9». Что бы вы хотели сказать перед отлетом на Байконур всем, кто прочтет эти строки?

— Мы хорошо подготовились к этому полету. И улетаем на Байконур с Виталием Севастьяновым с большим чувством ответственности перед нашими товарищами, руководителями, космонавтами, перед всем советским народом, правительством и Центральным Комитетом нашей партии.

Мы, коммунисты, сделаем все, чтобы этот полет, его программу выполнить полностью. Тем самым оправдать доверие, которое нам оказано.

1 июня 1970 года на орбиту вокруг Земли был выведен новый по тем временам космический корабль «Союз-9». 18 суток Андриян Николаев и Виталий Севастьянов работали в космосе, выполняя большую программу работ, широкий комплекс научно-технических экспериментов и наблюдений. Блестяще выполнив задание, экипаж возвратился на Землю.

* * *

Поднявшись на второй этаж главного здания Центра подготовки космонавтов, свернул направо и остановился у двери с табличкой «А. Г. Николаев». Минутное раздумье — и, постучав, открыл дверь. Увидев меня, из-за стола поднялся генерал-майор авиации с двумя Золотыми Звездами Героя Советского Союза на мундире, первый заместитель начальника Центра. Он буквально расплылся в доброй улыбке и пошел мне навстречу. Мы обнялись.

— Какими судьбами? Чем могу быть полезен? Ну что же мы стоим? Садитесь...

— Хотелось бы побеседовать, товарищ генерал.

— О чем?

— Думаю, полезно бы было вновь начать все сначала ..— Несколько секунд Андриян Николаев недоуменно молчал и, вдруг все вспомнив, засмеялся. Как много бы каждый из нас

дал, чтобы вместе со мной в кабинет известного космонавта вошел в эту минуту начальник милиции Московского вокзала в Ленинграде, снимавший показания у проштрафившегося энтузиаста ракетостроения.

II

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Он вышел из летной комнаты. Только что обсуждали предстоящие учебные полеты. И вдруг во всю мощь аэродромных репродукторов над взлетным полем, над стоянками боевых машин, как фейерверк, разорвались, разлетелись огненным каскадом слова. Поначалу они потрясли воображение. Не описать волнение, радость всех, кто был в эти минуты на аэродроме. Над полем прокатилось восторженное «ура». Чуть кружилась голова от сознания необычайной победы и гордости за великое свершение Родины, мужество собрата-летчика.

И слова диктора торжественно, величаво плыли над землей, над городами и селами родной страны, над всей планетой.

«12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич».

И вот Владимир Шаталов уже в воздухе, в кабине реактивного истребителя. Привычным движением бросив послушную машину вверх, он на минуту представил себя в кабине космического корабля. Но обычное радостное ощущение полета, скорости вдруг исчезло, стоило ему взглянуть на приборную доску. Высота 800, 1500, 3000 метров. «Как это мало...— подумал он,— как «прижал» меня этот майор Гагарин. Я иду на бреющем полете в сравнении с его высотой. И земля кажется рядом — рукой подать. Да,— думал он,— этого нужно было ожидать. Все говорили о том, что вот-вот человек покинет планету и устремится в космос. Советская техника, наука последние годы шла семимильными шагами к этому дню. Первые спутники Земли, полеты животных, их благополучное приземление... Да, все ждали этого дня, но не предполагали, что это свершится завтра. Молодец майор! Вот бы взглянуть на него. А ведь все в его биографии — наше, все незамысловатое, обыкновенное...— И вдруг сознание будто обожгла мысль...— Космонавт... Наверное, пригодятся и мои образование и немалый летный опыт. Без сомнения, теперь за майором пойдут в космос другие...»

Он еще долго, не один день находился в состоянии раздумий. Беспощадно, критически анализировал каждый свой шаг, каждый поступок, каждый прожитый день — все, что называется одним словом: жизнь.

...Отец сделал себе новый фанерный чемоданчик. Старый отдал сыну.

— Собирайся, на паровозе поедем,— сказал он.

Володя, ждавший этой минуты, быстро уложил в почерневший от времени и машинного масла баул сверточек с едой, которую собрала мать, и, сдерживая волнение, отправился с отцом.

Паровоз маневрировал на сортировочной, собирая очередной состав. Володя устроился у окна паровозной будки и с восхищением смотрел и слушал. Звуки рожков, лязг вагонов на стрелках, голоса сцепщиков, свист пара, вырывающегося из котла, короткие паровозные гудки, жар топки, запах кокса и машинного масла, грохот сталкивающихся вагонов поначалу ошеломили его.

Только потом Володя понял, что вся эта сумятица звуков, движения направлена на то, чтобы выстроился один длинный состав вагонов, которые куда-то далеко поведет его, Вовкин, отец. И в сердце мальчишки родилось чувство гордости за отца и уважения к тем, кто помогал формировать его состав.

Это чувство росло по мере того, как Владимир взрослел. Он знал, что отец начал работать на железной дороге кочегаром, потом стал помощником машиниста и машинистом. Перебравшись в Ленинград, отец продолжал водить поезда по Октябрьской железной дороге. Работая, он учился и занимался рационализацией. Сохранился не один десяток грамот, авторских свидетельств. Помнит Володя, как соседки по дому говорили о том, что Александр Борисович получил за какие-то изобретения кучу денег, но отказался от них — отдал государству. «Какой-то чудак»,— судачили кумушки. «Молодец, Александр»,— слышал Володя, когда говорили об отце рабочие. И опять гордость за отца переполнила мальчишеское сердце.

Потом отца назначили диспетчером Управления дороги. Он стал чаще вечерами бывать дома, охотно занимался с сыном. Тогда Володя впервые услышал о том, что в гражданскую войну отец работал в воздухоплавательном отряде. Рассказы отца о первых аэропланах, об авиационных моторах, о первых конструкторах и советских летчиках были яркими, образными.

Отец видел, как загораются глаза сына. Может быть, тогда он подумал: «Ну, что же, сам не стал летчиком, станет им Владимир».

В то утро Шаталовы собрались на рыбалку. Володя готовился к ней уже неделю. Отец обещал: «В первый же день

отпуска поедем с ночевкой». И вот последние приготовления. Володя стремглав летел в булочную за хлебом. Несмотря на воскресенье и ранний час, на улице люди, много людей. В чем дело? Володя услышал: «Война!» А через час посыльный принес повестку отцу.

Скоро и Володя со старшими школьниками уехал строить оборонительную полосу. Потом пришел к отцу в поезд, который восстанавливал разрушенную врагом связь и сигнализацию. Так Шаталов-младший впервые надел военную форму. За восстановительным поездом охотились и авиация, и артиллерия фашистов. Здесь подчас было так же жарко, как на передовой. Отец был несколько раз ранен. Заставить эвакуироваться сына помог один довод: «Мы бросили одних женщин — мать, бабушку и тетю. Езжай, ты в ответе за них, не подведи».

Отец воевал. Принимал участие в строительстве «Дороги жизни» в осажденный Ленинград через Ладожское озеро. За это был удостоен самой высокой награды Родины — ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Закончив восемь классов, Володя сразу же поступил в спецшколу ВВС, затем в школу первоначального обучения пилотов и потом в училище военных летчиков.

Спокойный, привычный и, как казалось молодым летчикам-инструкторам училища, несколько однообразный темп жизни был нарушен: в училище приехал генерал — начальник школы испытателей. Он беседовал с летчиками, присматривался, отбирал. Какой летчик не мечтал летать на новых машинах?!

Валентин Мухин, друг Шаталова, отмахивался от наседавшего на него Владимира:

— Не примет он. Ты думаешь, у него есть время выслушивать каждого?

— Да, есть,— горячо убеждал друга Владимир.— Он для этого и приехал.

Так друзья очутились перед начальником школы.

— Слушаю вас внимательно.

Говорил Владимир горячо. Больше — о друге, меньше о себе.

— Понял,— сказал генерал.— Все, что вы сказали, звучит очень убедительно.

— У нас к вам еще одна просьба,— смутившись, сказал Владимир.

— Какая же?

— Здесь нас двое, но все, что я говорил о нашем стремлении стать испытателями, в большей мере относится к третьему нашему другу — Евгению Кукушеву...

— Видите ли, Владимир Шаталов и Валентин Мухин,— сказал генерал.— Кукушев уже был у меня и просил за вас.

Вы просите за него, и это лучшая рекомендация вам. Фамилии ваши я уже записал. Ждите вызова на комиссию.

Владимиру Шаталову тогда не повезло. Командование школы его не отпустило с инструкторской работы, а его друзей — Героя Советского Союза, заслуженного летчика-испытателя Валентина Мухина и заслуженного летчика-испытателя Евгения Кукушева знают у нас в стране. Один — испытатель самолета с вертикальным стартом, другой — самолета с изменяемой геометрией крыла.

Такие люди скупы на слова, на похвалы. Но, забегая вперед, не могу не вспомнить январь 1969 года. Весь мир узнал, что новый советский космический корабль «Союз-4» выведен на орбиту вокруг Земли. Буквально через несколько часов собрались друзья Шаталова — летчики-испытатели Валентин Мухин и Евгений Кукушев и кандидат военных наук, полковник Иван Савченко. Им было о чем вспомнить, о чем поговорить.

— Мы все,— сказал Валентин Мухин,— знаем друг друга более двадцати лет. Мы дружим еще с того времени, когда все были курсантами летного училища. Когда мы кончили обучение, нас оставили в том же самом училище летчиками-инструкторами и мы вчетвером — Шаталов, Кукушев, Савченко и я — стали работать в одной эскадрилье. С Володей Шаталовым мы были холостяками и жили в одной комнате.

Вчерашние курсанты, мы должны были стать учителями, завоевать авторитет. А в авиации это дело не простое. Ты должен быть не только образцовым командиром на земле, но и летать так, чтобы было чему у тебя поучиться.

Я думаю, что именно наш друг Володя сыграл не последнюю роль в наших взглядах на то, каким должен быть летчик-инструктор.

Правда, когда рассказывают о герое, нередко стараются чуть-чуть припудрить его,— улыбнулся Герой Советского Союза Валентин Мухин,— но что касается Владимира, то приукрашивать его нет нужды. Мы удивились тогда, как быстро наш друг нашел общий язык со своими учениками, и пока мы примеривались и приглядывались, он уже действовал на зависть нам как опытный инструктор-педагог. Он был на высоте. Спокойный, всегда доброжелательный и в то же время строгий, он искренне делился с начинающими своими знаниями, никогда не пытался подчеркнуть своего превосходства. Его курсанты чувствовали в нем прежде всего человека, который постиг больше, чем другие, и готов передать свой опыт молодежи.

— Прав Валентин. Да, мы учились у него,— добавил полковник Савченко...

— И не только умению руководить курсантами,— сказал улыбаясь Евгений Кукушев и посмотрел на Мухина.

— Это уже камешек в мой огород,— признался Мухин.— В те годы характерец был у меня: обидеться, надуться — дело одной минуты. Так Володя взялся меня перевоспитывать и, мне кажется, преуспел.

— Потом,— рассказывал Мухин,— мы сделали все, чтобы уйти на летно-испытательную работу. Володю с нами не отпустили. Училище категорически отказало школе испытателей. Он был лучшим инструктором.

— Но, оставив его в училище,— вспоминал Иван Савченко,— командование все-таки послало его переучиваться летать на новых реактивных машинах. Он добился этого.

Володя Шаталов и мне помог. Мы поступали с ним в академию. Конкурс был большой. Я оторопел, но Володя так готовился к экзаменам, что и меня увлек своим упорством. Экзамены мы сдали. Как учился Володя, и говорить нечего: окончил он академию блестяще. Но все-таки мы, пожалуй, не сказали главного о Володе. Главное в том, что достаточно было одного звонка, чтобы мы собрались вместе, вот как сегодня; то, что вот уже двадцать лет нас не разлучает, то, что очень крепко сидит в каждом из нас и, может быть, сильнее всего во Владимире,— это чувство товарищества, чувство дружбы. У Шаталова в характере столько оптимизма, столько доброго и сердечного в душе, что это притягивает к нему людей. И, может быть, именно эта черта его характера цементирует наши отношения, дружбу летчиков, а теперь уже — и дружбу наших семей.

Немало счастливых семей. В семье Шаталовых счастье особое. Как-то Владимир Шаталов пошутил:

— Мы с Музой вроде бы молодожены, всего несколько лет живем под одной крышей.

И мне поведали о том, как молодые, любящие друг друга люди подчинили свою жизнь долгу. Почти двенадцать лет — срок большой — учились и работали, шли разными путями к счастью, которым сейчас полон их дом.

Муза окончила с отличием Новочеркасский сельскохозяйственный институт. Познакомилась со своим будущим мужем, когда училась в аспирантуре. Поженились, родился сын Игорь, а отец уехал учиться в академию. Муза получила назначение на работу на юг.

Летчик Владимир Шаталов, окончив академию, просил тоже направить его на юг, поближе к семье. Ему пошли навстречу. Но большая ответственная работа, которая легла на плечи Шаталова в авиационной части, неблизкий путь от аэродрома домой — все это определило условия жизни семьи. Он только изредка приезжал к семье. Куда чаще Муза видела его самолет в небесной сини, и не было уже никаких сомнений, что

это он, Владимир, когда истребитель. пролетая над их домиком на бреющем полете, покачивал крыльями.

Потом она защитила кандидатскую диссертацию, причем поехала на защиту с только что родившейся дочерью Леной. А когда вернулась, с головой ушла в работу. И не она одна. Местных садоводов без преувеличения называли подвижниками. Шаталов знал, что его жена на хорошем счету у людей, что ее избирали членом бюро райкома партии, а затем кандидатом в члены обкома партии. Он знал это и гордился женой.

Муза, вспоминая то время, как-то сказала:

— Это были годы испытания для нашей семьи... Я поняла, как мне посчастливилось, что я встретила Володю. Это он внушил мне мысль, что каждый из нас должен в своем деле принести максимум пользы. И все эти годы я стремилась к тому, чтобы наши дети были похожи на отца, чтобы сын был таким же, как он, цельным, добрым, умным, знающим и скромным.

Так в годы добровольной разлуки Шаталовы не растеряли чувства уважения, любви и доверия друг к другу. Тогда-то я понял все значение слов Володи Шаталова. «Мы с Музой вроде бы молодожены...»

Но вернемся к началу нашего рассказа.

Вскоре после полета Юрия Гагарина Владимир Шаталов узнал, что подбираются кандидатуры для зачисления в группу космонавтов, а когда познакомился с предварительными условиями, которым должны соответствовать кандидаты, по его собственным словам, долго не мог успокоиться, так был взволнован.

Предельный рост — 180 сантиметров, вес — 80 килограммов, возраст — около 35 лет, образование — высшее.

— Так это я и есть,— невольно вырвалось у Шаталова.

И верно. По всем отправным данным он буквально «вписывался» в эти требования. Но только ли сухие цифры открывали двери Шаталову в отряд космонавтов? Путь от большой мечты к реальности, к ее осуществлению — самый трудный путь человека.

Командование поддержало просьбу Шаталова предоставить ему право пройти все комиссии, все испытания. Но сколько пришлось перед этим поволноваться, убеждать! Его не остановило и то, что к тому времени он занимал высокий командный пост и перед ним открывалась широкая перспектива роста. К тому же на его пути в отряд космонавтов стояла самая строгая и придирчивая медицинская комиссия.

Но все позади. В 1963 году Владимир Шаталов перешагнул порог Центра подготовки космонавтов и начался новый этап его жизни, но все та же учеба, работа. Он пришел сюда с твердым намерением, как везде, принести максимум пользы в

новом для него деле. Он пришел сюда с большим опытом летной работы, знаниями и незаурядным талантом воспитателя.

Но прежде он сам сел за парту и настойчиво, с обычной для него обстоятельностью стал изучать теорию космических полетов, космическую технику, конструкцию космических кораблей — словом, все, что было связано с его новым поприщем.

Пять лет пролетели быстро. Они летели, эти годы, чуть ли не с космической скоростью. Каждый день ты преодолеваешь все новые трудности, решаешь новые задачи, а оглянешься назад — и все в прошлом. Вот почему так дорого время. И все-таки каждый час, каждый день, не прожитый зря, оставляет заметный след в жизни человека. Накапливает знания, расширяет кругозор, приближает тебя к той цели, которой ты посвятил свою жизнь.

В октябре 1968 года на космодроме рядом с космонавтом Георгием Береговым перед стартом корабля «Союз-3» стоял его дублер Владимир Шаталов. А 14 января следующего года Владимир Шаталов, менее, чем через три месяца, докладывал о своей готовности выполнить сложный космический полет.

Космонавт. Сбылось. Осуществилось.

Сбылась мечта. Бывает, что мечта сбывается. Сбывается просто так, без особых усилий с твоей стороны. Обстоятельства, случай способствуют этому. Но надеяться на случай — дело гиблое. Применительно к Шаталову лучше сказать — осуществилась его мечта. Потому что с того памятного дня, когда Шаталов позволил себе помечтать о работе космонавта, он без устали работал для того, чтобы стать космонавтом, осуществить им задуманное. Завидная целеустремленность, завидное мужество, настойчивость, преданность делу.

Полет космического корабля «Союз-4» и присоединившегося к нему на орбите «Союза-5» во главе с командиром корабля Борисом Волыновым и членами экипажа Алексеем Елисеевым и Евгением Хруновым стал новой вехой на пути космических исследований.

Владимир Шаталов безукоризненно осуществил стыковку своего корабля с кораблем «Союз-5». Так была образована первая в мире экспериментальная космическая станция. И тоже впервые через открытый космос в корабль Шаталова перешли два космонавта — Елисеев и Хрунов. С ними Шаталов благополучно вернулся на Землю. Вслед за ним приземлился уже в одиночестве Борис Волынов на корабле «Союз-5».

Прошло девять месяцев со дня первого полета Владимира Шаталова, и вот он вновь готовится ко второму полету. Целая эскадрилья — три космических корабля должны были встретиться на орбите вокруг Земли. Командовать экипажами кораблей, их действиями было поручено Владимиру Шаталову. Перед отлетом на космодром удалось поговорить с космонав-

том, расспросить его о впечатлении о первом полете, о делах семейных, о настроении перед новым стартом...

— До сих пор,— сказал Владимир Шаталов,— осталось самое радостное и самое приятное воспоминание от январского полета. Радостное потому, что я долго мечтал об этом полете, много готовился к нему и он прошел успешно. Полет сам по себе был сложным, интересным и очень насыщенным динамическими операциями и различными экспериментами.

Приятно вспоминать о нашем полете и потому, что все, от кого зависел успех создания на орбите Земли первой экспериментальной космической станции, работали четко, слаженно. Прежде всего я говорю о тех, кто готовил полет, кто его обеспечивал. Приятно вспомнить, что начиная с момента старта и до приземления вся техника работала безукоризненно.

Прошел достаточный срок после нашего полета. Вспоминая вновь и вновь, каждый из участников не раз проанализировал свои действия, свою работу. Мне, например, кажется, что в ряде случаев отдельные, как говорят, мелочи ускользали от внимания. Я сосредоточился на выполнении главных операций. Но в космическом полете мелочей не должно быть.

Здесь порой бывает сложно сразу определить, помимо основных операций какое из ощущений или явлений — главное в это мгновение, какое — второстепенное и на чем следует сконцентрировать свое внимание. Часто так бывает в жизни — бросается в глаза то, что блестит, а потом разбираешься и видишь, что это далеко не золото. Так и в сложных экспериментах.

Если бы мне представилась возможность повторить полет, я бы иначе распределил свое внимание и поработал бы в космосе более продуктивно. Во всяком случае, одни вещи, теперь уже совершенно ясные и отработанные, не вызывающие сомнения, требуют меньше внимания, другие больше.

Как формировался мой характер?

Шаталов помолчал, подумал.

— Я убежден,— сказал он,— что характер человека формируется по крупицам, так же как создает картину художник отдельными штрихами и каждый штрих имеет свое значение. Но, в отличие от картины, характер человека создает не один мастер. Их может быть десятки, сотни.

Я с благодарностью вспоминаю сейчас тех, кто помог мне стать летчиком, космонавтом, кто помогал мне в Звездном в подготовке и выполнении космического полета. Но прежде всего я обязан своему воспитанию — родителям, отцу. Он много сделал, чтобы привить мне такие черты, как настойчивость, любознательность, аккуратность. Эти же черты я пытаюсь сейчас привить и своим детям — сыну и дочери. И только сейчас, говоря откровенно,— улыбнулся Шаталов,— я понимаю не только, как это важно, но и как это порой бывает трудно.

Я вспоминаю и учителей школы — моих первых наставников, инструкторов училища, преподавателей академии, моих командиров в авиационных частях, своих друзей. На разных этапах жизни, в разное время мне посчастливилось испытать влияние многих, разных по характеру, но честных, целеустремленных, бескорыстных людей. Я уверен, что не только мне одному посчастливилось. Тысячи их воспитанников, с которыми я учился в одних классах, летал в авиационных частях — пусть они и не стали космонавтами,— с благодарностью, как и я, вспоминают сейчас о всех своих наставниках.

Сразу же после полета и месячного отпуска мне было поручено помочь моим товарищам в подготовке к новому полету. Передать им наш опыт, пока он свеж в памяти, помочь им советом, делом, с тем чтобы они лучше подготовились к новому сложному, интересному полету.

Сейчас мои друзья очень хорошо подготовились. Все экипажи отлично работали на тренажерах, успешно закончили все предполетные испытания. Что касается меня лично, то я думаю, что любой летчик-космонавт должен ежедневно тренироваться и быть готовым к новому полету. Каждый новый полет уникален. От полета к полету космические корабли совершенствуются. В конструкторском бюро, в лабораториях идет напряженная работа. Здесь учитываются все научные достижения, а также замечания и предложения космонавтов, и, конечно, задачи, которые стоят перед каждым новым космическим полетом. В корабле появляются и новые агрегаты, и новая компоновка.

Нам пришлось изучить и эту новейшую технику и вместе с новыми экипажами испытать, освоить ее на тренажерах. Словом, подготовка к новому полету для меня была естественной и психологически являлась продолжением всей моей предыдущей работы, включая и полет на корабле «Союз-4».

Моя семья? Думаю, так же, как восприняла бы любая семья летчика, семья космонавта. В нашей жизни это немаловажно. Во время войны прочность тыла — один из основных факторов, который определяет успех на фронте. Простите мне такое сравнение, но ведь это действительно так. Разве в жизни любого человека, вероятно на любой работе, не сказываются дела семейные? Еще как сказываются! Мне кажется, как бы человек хорошо ни работал, какие бы хорошие начинания ни пытался он свершить, какие бы хорошие планы он ни строил, если дома, в семье они не встретят поддержки и ему будут мешать работать, то многое из того, что замышляет человек, он не выполнит и мечты его останутся мечтами.

Мне, наверное, в этом отношении повезло. И в летном деле, и в учебе жена была для меня другом и помощником. Безусловно, она волновалась каждый раз, когда я уходил на полеты еще в авиационных частях. Наша жизнь началась вблизи

аэродромов, а жены летчиков очень хорошо, по каким-то неуловимым приметам, знают, все ли благополучно на аэродроме.

Так и сейчас в нашей работе — жен не обманешь. Утверждать, что ты не готовишься к предстоящему полету в космос, бессмысленно. Лучше помалкивать. Они все сами понимают...

Шаталов задумался, потом продолжал:

— Очень многое в настроении, в успешной работе зависит от семьи. Мне кажется, что мои понимают и сложность моей работы, и ответственность, которая лежит на космонавте, занятом предполетной подготовкой. И жена и сын делают все, чтобы те немногие часы, которые я провожу дома, были для меня часами отдыха. Домашние дела решаются без моего активного участия. И дочь и сын помогают матери. Словом, я чувствую, что меня потихоньку отстранили от многих забот по дому. Сын, кстати, недавно преподнес мне большой подарок. Может быть, по наследству от деда, а может быть, частично и от меня он перенял аккуратность, трудолюбие, умение ценить время так, чтобы ни одна минута не пропадала даром. Он окончил школу с золотой медалью и, сдав экзамены, поступил в авиационный институт. Главное — у него хватает времени и на спорт и на дела по дому.

Вот так реагирует моя семья на мою подготовку к новому полету. Жена, естественно, волнуется, но знает мой характер, знает, что, пока мне позволят состояние здоровья и возраст, я буду летать. В этом вся моя жизнь, и я благодарен жене за то, что она как может помогает мне в моей работе.

Улетаю я на космодром с чувством большой радости, с чувством большого желания занять место в корабле. Я сознаю и всю ответственность и как коммунист, и как космонавт, которая лежит передо мною. Но я чувствую, что хорошо подготовлен, знаю, что хорошо подготовлен к предстоящему полету и второй член экипажа — Алексей Елисеев. Это создает уверенность и соответствующее настроение.

11 октября 1969 года в Советском Союзе стартовала ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-6». Корабль пилотировал космонавт Георгий Шонин, бортинженером был Валерий Кубасов, через сутки, 12 октября, на орбиту вокруг Земли был выведен космический корабль «Союз-7» с экипажем из трех космонавтов: командир корабля — Анатолий Филипченко, бортинженер — Владислав Волков, инженер-исследователь — Виктор Горбатко.

А 13 октября на космическом корабле «Союз-8» Владимир Шаталов и бортинженер Алексей Елисеев замкнули космическую эскадру. Владимир Шаталов установил связь с экипажами космических кораблей «Союз-6» и «Союз-7» и приступил к исполнению обязанностей командира группового полета.

Три космических корабля, координируя свои действия, маневрировали на орбите. Сходились и расходились. Все операции по сближению кораблей производились с помощью ручного управления.

Полет кораблей «Союз» проходил на очень близких орбитах. Экипажи, помимо большой программы разносторонних исследований, определяли возможность ориентации корабля в сумерки и в тени Земли... Постоянно поддерживалась связь с Центром управления полетов, с наземными станциями слежения на территории нашей страны и научно-исследовательскими судами, находящимися в разных точках Мирового океана, которые тоже обрабатывали информацию, поступающую с борта космических кораблей.

Почти 119 часов были три корабля на орбите, и все это время шел грандиозный эксперимент по связи, отрабатывались многочисленные приемы навигационных средств управления кораблями и многое-многое другое.

В довершение полета космических кораблей «Союз» космонавты Георгий Шонин и Валерий Кубасов осуществили эксперимент по сварке различных металлов в космосе.

За успешное осуществление группового полета трех космических кораблей и проявленные при этом мужество и героизм командир корабля «Союз-8», Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Владимир Шаталов был награжден Советским правительством второй медалью Золотая Звезда. Так говорилось в Указе Президиума Верховного Совета.

Мужество. Героизм. Глубоко понимая значение того, что сделал космонавт, я не мог в беседах с ним найти отзвука совершенных им героических дел. Уж слишком обыденными, слишком спокойными, рассудительными казались его рассказы о полетах.

Так что же представляет из себя космонавт Шаталов? Человек-машина? Человек без эмоций?

Но вот он готовится в космос в третий раз.

Для тех, с кем он работает, для всего коллектива Центра подготовки космонавтов, его назначение командиром корабля «Союз-10» не было неожиданностью.

Скорее, наоборот.

В аудиториях и классах Звездного часто можно встретить Владимира Шаталова в окружении инженеров, конструкторов, врачей. С ним советуются, к его мнению прислушиваются. Не только потому, что это образованный человек, внимательно изучающий все, что может иметь отношение к подготовке космонавтов, но, видимо, и потому, что его считают одним из самых сведущих специалистов в практике космических полетов.

Он охотно делится своими знаниями, опытом. Делится, но не навязывает. Послушаешь со стороны, он будто просто

рассуждает вслух. И собеседник остается удовлетворенным: обменялись мнениями и выбрали оптимальное решение.

Человек, избравший такую трудную профессию, естественно, сталкивается со множеством проблем, решение которых не лежит на поверхности. Но, как бы сложно ни складывались ситуации, Шаталов не позволял себе быть неуравновешенным, раздражительным. Во всяком случае, окружающие товарищи не видели его таким. И на аэродроме, во время тренировочных полетов, и во время сложных испытаний, во время самих космических полетов от него всегда веет спокойствием, уверенностью, обстоятельностью.

И невольно я вспомнил встречу с друзьями Шаталова в день его первого полета в космос, слова заслуженного летчика-испытателя, Героя Советского Союза Валентина Мухина, вспоминающего о годах их совместной работы летчиками-инструкторами.

«...Когда рассказывают о герое, нередко стараются чуть-чуть припудрить его,— сказал Мухин,— но что касается Владимира, то приукрашивать его нет нужды. Его курсанты чувствовали в нем прежде всего человека, который постиг больше, чем другие, и готов передать свой опыт молодежи».

И вновь мы беседуем с Владимиром Шаталовым накануне его третьего космического полета. В космос к тому времени была запущена впервые в мире орбитальная станция «Салют-1». Владимиру Шаталову и его экипажу была поручена чрезвычайно ответственная задача: проверить усовершенствованный транспортный корабль «Союз», проверить новую систему поиска, подхода к станции, проверить надежность нового стыковочного узла и четкость работы основных агрегатов и аппаратуры станции «Салют» и многое-многое другое. Словом, привезти ключи от орбитальной научно-исследовательской космической станции и передать их в руки экипажу, которому предстояло на ней работать.

— Корабль,— рассказывал Шаталов,— на котором теперь предстоит лететь,— правда, он тот же «Союз»,— претерпел большие изменения. В частности, система стыковки совершенно новая... Создали такой стыковочный узел, который позволит в дальнейшем перейти без скафандра из корабля на станцию «Салют».

Вот почему я считаю его экспериментальным, а испытание его — интереснейшим делом. Вот то чувство, с которым вступлю на борт корабля.

Станция «Салют» — это огромнейшее сооружение по объему, по внутреннему интерьеру, по оборудованию, по количеству и характеру научной аппаратуры. Это действительно станция будущего, которая идущим вслед за нами поможет решить очень многие проблемы и конкретные задачи. У меня всегда была мечта поработать на многоцелевой станции, ко-

торая имеет огромную площадь, приспособленную для плодотворной работы.

Что касается экипажа корабля, то я рад такому составу,— сказал Шаталов.— Экипаж «Союза-10» сложился естественно, как он и должен был сложиться. Здесь ничто не противоречит здравому смыслу. Так и положено при ответственной серьезной экспедиции, которая будет работать в отрыве от земного коллектива. Для такой работы экипаж должен быть работоспособным, слетанным. Думаю, что обязательны и личные симпатии друг к другу. Желание работать именно в таком составе. Считаю, что наш экипаж в наибольшей степени отвечает этим условиям. Алексей Елисеев и я — уже дважды работали в космосе вместе. Первый раз трое суток, второй раз — пять суток. Проверены на всех режимах. Понимаем друг друга с полуслова, иногда молча, по одному взгляду.

Третий — Рукавишников. Он длительное время находился в Центре подготовки космонавтов. Проходил подготовку в качестве дублера. Работал много. За подготовкой можно было следить и видеть, какой он специалист и человек. Я убедился, что у него хороший, общительный характер. Николай Рукавишников не лишен чувства юмора. Это тоже не последнее качество человека в космическом полете. Как инженер, он хорошо подготовлен. Думаю, у нас сложился хороший, здоровый экипаж, члены которого дополняют друг друга, и в таком составе будет интересно и приятно работать. Уверен в этом.

Да,— сказал космонавт,— третий полет — не первый. Здесь свои преимущества. Я продумал все трудности, которые встретились в первом полете, нашел оптимальные решения на земле и потому второй полет перенес гораздо легче: работал дольше, а сил затратил меньше. Если в первом за трое суток потерял четыре с лишним килограмма, то во втором за пять суток — только два. Это подтверждает, что я сделал после первого полета правильные выводы. Знал, как вести себя, что делать, как распределить силы. Думаю, что опыт двух полетов поможет мне и на этот раз в новом, более ответственном и сложном полете. Убежден, что в конце концов стаж в космосе имеет такое же значение, как и здесь, на Земле.

Что привлекает меня во всей этой сложной работе? На этот вопрос ответить нетрудно. Живу и работаю для того, чтобы летать. Это не разовая работа, требующая одного взлета, а потом располагающая к спокойной жизни. Меня увлекали и увлекают долговременные орбитальные станции, работа на них. И вот почему. Это — работа на будущее. То, что мы делаем сейчас, это вклад в развитие той техники, которая будет служить людям через десятки лет. Разве непосредственно участвовать в закладке фундамента будущего космонавтики не увлекательное дело?

Человек открывается не вдруг. Владимир Шаталов тоже открывался не сразу. С чем же можно сравнить работу летчика-космонавта? Пожалуй, в какой-то мере с работой летчика-испытателя. Помог мне в этом Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии, заслуженный летчик-испытатель Сергей Анохин. Он, рассказывая о своей жизни и работе, писал, «...без мечты сюда не идут, случайно в авиацию попасть невозможно». А я читал, думал о Шаталове. Да. Случайно космонавтом стать невозможно.

«...Пусть не покажется вам, что работа летчика-испытателя,— писал Сергей Анохин,— постоянные воздушные приключения. Это и не роковая игра со смертью, а напряженный, повседневный труд, требующий полной отдачи, труд до седьмого пота».

Раздумывая над этой фразой, я невольно вспоминал старты космических кораблей. На самом верху гигантского тела ракеты-носителя в кабине космического корабля, пристегнувшись ремнями, работает космонавт. Идет проверка готовности к старту. Волнение растет. Все ближе последняя команда «Пуск!»...

9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2... и... огонь, нарастающий грохот двигателей, равных по своей мощности многим миллионам лошадиных сил, заглушает все звуки, подавляет все живое. На несколько секунд будто остановилось время, будто выключилось сознание, будто только огонь и грохот, только они властвуют на земле. Мгновенье, другое, третье — и, пораженный, видишь, как поднимается из пламени серебристое тело ракеты-носителя и медленно, а потом все быстрее, быстрее уходит в небо... Только огненный шлейф как бы не хочет, не может оставить ее и несется вслед за огромной ракетой.

И в эти секунды, потрясенный свершившимся, ты слышишь... Еще не разбираешь, не осознаешь, о чем идет речь, но слышишь голос космонавта. Он четко докладывает на Землю показания приборов, свои наблюдения, ощущения, отвечает на вопросы руководителя полетов. Одно слово звучит чаще других, самое понятное слово — «нормально». «Все нормально», «Самочувствие нормальное», «Отработала первая ступень нормально», «Вторая — нормально...».

Преодолев силы земного притяжения, космический корабль начинает свой полет с непомерной скоростью в 28 000 километров в час. Такова скорость, при которой летают космические корабли по орбите вокруг Земли. Только на такой скорости ракета-носитель может выбросить корабль с космонавтом в космическое пространство. А там начинается другая работа... Невесомость...

Выполнив задание, экипаж «Союза-10» благополучно приземлился. Путь на станцию «Салют-1» был открыт. Но интерес-

но послушать рассказ самого Владимира Шаталова об этом полете.

— Полностью о сделанном, вероятно, говорить рано,— сказал космонавт сразу же после приземления.— Полет по времени непродолжительный, но по объему работы, по целям и по задачам очень большой и напряженный. Мы продолжаем идти по пути создания орбитальных научно-исследовательских станций. Наш полет — очередной этап на пути создания таких станций, на пути новых свершений в космосе. Нам было поручено выполнить комплексные испытания модифицированного корабля «Союз-10» совместно с научной орбитальной станцией «Салют», которая была выведена на орбиту за четыре дня до нашего старта. Эту работу мы провели, провели испытания корабля, его новых систем и в совместном полете — испытания систем станции, совместного маневрирования со станцией. Одной из важнейших задач была отработка усовершенствованной системы поиска, обнаружения, подхода к беспилотному объекту, новой системы стыковки и совместной работы с ним, расстыковки. Все трудно даже перечислить.

...Казалось бы, в третий раз я мог спокойнее переживать это событие. Но мне кажется, что пульс у меня был чаще, чем в первый и второй раз. Сначала на далеком, потом на близком расстоянии мы любовались орбитальной станцией — такое впечатляющее сооружение! Хотя еще на Земле мы его изучали, испытывали, принимали участие в конструировании, долго рассматривали на космодроме до того, как станция была выведена на орбиту... Волнение испытывали я и мои товарищи.

До расстыковки, честно говоря, особенно любоваться станцией некогда было, потому что все внимание было направлено на то, чтобы проверить работу автоматической системы, которая нас сближала. Потом, после сближения, после того, как включили ручное управление, все внимание было направлено на то, чтобы плавно подойти, состыковаться, чтобы все было, как у нас говорят, «по нулям», чтобы ни малейшего отклонения не было ни в одной плоскости. Все-таки, если с таким сооружением столкнуться немножко резковато, то «брызг» может быть много. А основные эмоции были тогда, когда уже после завершения совместного полета, после выполнения совместной программы мы расстыковались, зависли и начали осмотр деталей станции, состояния станции, ее узлов, всего того, что находится на ее поверхности.

Да. Человек открывается не вдруг. Очередное мое открытие Шаталова произошло позже. Как-то в разговоре он сказал:

— Удивительно дотошный вы народ, журналисты. Раньше мне казалось, что многие ваши вопросы, что называется, «от лукавого», что любишь, что нравится и тому подобное. Так

меня однажды спросили о любимой песне. Помню, удивился и, кажется, даже не ответил.

Потом вспомнил об этом вопросе при довольно удивительных обстоятельствах. Это было во время моего первого полета на корабле «Союз-4». Представь себе, много лет подготовки к полету. Старт корабля. С первых минут тяжелая, напряженная работа. Хочется лучше выполнить задание, провести успешно все операции. До минимума сокращать время отдыха.

С Земли слышу голос диктора радиопрограммы:

— Космонавт обедает.

— Космонавт отдыхает.

Я улыбнулся. Честное слово, в течение многих часов полета об отдыхе я и не помышлял, а вот к концу первых суток напряжение несколько спало. Передал на Землю отчет. И уже там, на «конце» Земли, над экваториальной зоной, где в темноте под кораблем полыхали грозы, решил по-настоящему отдохнуть. Развалился в кресле, включил приемник. И вдруг услышал песню. Услышал без помех, как будто рядом. Раньше я ее не слышал. Теперь — не забуду. Узнал голос Марка Бернеса: «С чего начинается Родина?..»

И я вспомнил жену, детей, мать, отца, друзей и Гагарина, позвавшего меня в космос. И так эта песня меня тронула, что спазм подступил к горлу. Все в этой песне было — и хорошие товарищи, которые в тот час готовились к старту,— назавтра мне предстояло их встречать,— и чувство Родины, для которой каждый из нас готов идти на все...

...Шаталов умолк, улыбаясь чему-то своему. А я подумал: не зря кто-то из моих коллег спросил его когда-то о любимой песне. Вот он каков, этот «железный» человек! У него доброе сердце.

— А что является, по-вашему, источником человеческого мужества? — вспомнил я вопрос, который был задан одному из космонавтов.

— Высокая цель,— ответил он.

Для тех, с кем работаешь, с кем встречаешься по различным делам, не было неожиданностью назначение дважды Героя Советского Союза, летчика-космонавта СССР, генерал-лейтенанта авиации, кандидата технических наук Владимира Александровича Шаталова руководителем всех звеньев подготовки советских космонавтов к космическим полетам.

Скорее — наоборот.

Те, кто знают Владимира Шаталова, хорошо понимают, что именно такой человек должен заниматься этой трудной и ответственной работой. Человек с большим жизненным опытом, талантом воспитателя, имеющий за спиной многотрудную практику полетов в космическое пространство.

III

РАССКАЗ ОТЦА

За лесом, сотрясая тишину, раздался раскатистый рев. Нарастая, он перевалил через пригорок и понесся над водным простором вслед за реактивной громадой. В отблесках уходящего дня, запрокинув назад крылья, промчалась она на восток, увлекая за собой громовой звук.

— Мощь-то какая,— заметил Федор Федотович Быковский, провожая взглядом едва заметную точку на пламенеющем горизонте, и смущенно добавил: — Вот так всегда. Как увижу самолет, что-то внутри шелохнется, будто в каждом частица меня самого. Все это, наверное, оттого, что Валька летчик. Нет, я не жалею, что он летчик...

Мы сидели на берегу водохранилища. Было это семнадцать лет назад. Вспоминали прожитое, общих друзей. И тут Федор Федотович заговорил о своей семье. Говорил не спеша, вспоминая. Иногда теребил посеребрившиеся усы, нет-нет да и улыбнется одними глазами.

— Ты как-то спрашивал, как Валя стал летчиком. Пожалуй, для нас с матерью это было неожиданностью. Срочную службу в армии я проходил на Балтийском флоте. Было это в начале тридцатых. Так вот Валя с детства тоже мечтал стать моряком. Но случилось так, что в его школе выступил как-то представитель аэроклуба, агитируя старшеклассников учиться летать. Сын и еще двое его однокашников решили попробовать. Но не тут-то было. Пока бегали ребята в аэроклуб, проходили медицинскую комиссию, домашние уроки, конечно, запустили, и Валя схватил двойку. Когда дело дошло до справки из школы, что нет возражений против занятий в аэроклубе, кто-то ему сказал: «Школа справки тебе не даст, как неуспевающему». И, чтобы подтрунить, что ли, над ним, добавил: «Рожденный ползать летать не может». Что было тогда с парнем!

Валерий ходил мрачный, задумчивый. Впервые я таким его видел. Вгрызся в учебу. Скоро получил справку. Одновременно с окончанием школы закончил аэроклуб. А потом поступил в летное училище. Занимался настойчиво. Вот что значит взяло за живое...

Взрослый стал сын. А мы с матерью все звали его Валей. Как-то мать и говорит: «Большой ты стал. Теперь тебя будем Валерием звать, как в метрике записано». «Нет,— смеется,— до Валерия Чкалова мне очень далеко, пока подожди, мама».

И знаешь, что меня всегда радовало в сыне? Это его смелость, упорство. Умел добиваться цели, умел не жаловаться, когда трудно.

Вспомнил Федор Федотович лагерь под Москвой. Там все ребята самозабвенно увлекались спортом. Построили себе стадион, по всем правилам разметили площадки и сделали беговую дорожку. В один из дней в лагере устроили спортивный праздник, пригласили родителей, спортсменов. Начались соревнования. В одном из забегов принял участие мастер спорта. Дан старт. След в след неотступно бежал Валя. Мастер усиливает темп. Мальчишка бежит за ним, как привязанный. И вдруг на одном из поворотов подвела самодельная дорожка и тапочки без шипов. Зрители ахнули.

— Мы с матерью, прямо скажу, испугались,— улыбается Федор Федотович,— грохнулся парень здорово, содрал кожу на руках и ногах, но, видим, вскочил и продолжает бег. Ну, думаю, значит, ничего опасного.

С того самого дня, как Валька стал ходить, всегда он был весь в синяках, царапинах, ссадинах,— рассказывает Федор Федотович.— Баловался, но не ради бахвальства перед ребятами. Как, думаю, воспитывать его? С чего начинать? Запретить прыгать, лазить по деревьям, гонять в футбол? Попробуй! Чего доброго, станет неискренним, замкнется. И стал я действовать так, как подсказывало отцовское сердце. Никакой особой системы воспитания у меня, конечно, не было. Педагогическим даром ни я, ни мать не обладаем. Но я был строг с сыном, ну, а мать не раз, бывало, попустительствовала ему. Это понятно, на то и мать.

Как-то, когда ему было четыре года, всей семьей поехали мы в воскресный день в Сокольники, к прудам. Не успели расположиться, а Валька уже оказался в одном из прудов и, нахлебавшись воды, стал тонуть. Не будь старшей дочери рядом, не знаю, чем бы эта история кончилась. Взялся я учить его плаванию. Прежде всего преподал ему урок теории и предложил затем попробовать. Смотрю, сын не торопится. «Урок» в Сокольниках ему, наверное, здорово запомнился. Тогда, показав на островок в нескольких метрах от берега, сказал: «Плыви!» — и сбросил его в воду. Мне, конечно, страшнее было, чем ему. Не растерялся Валя и кое-как добрался до цели. Так научил я сына плавать.

В другой раз,— смеется Федор Федотович,— прибежала к нам взволнованная соседка. Висит, говорит, ваш Валька на дереве и не может слезть — повис на рубашке на верхнем суку. А сын молча, закусив губу, наблюдает, как взволновались соседки. Не дождавшись помощи — взобраться на дерево никому не удавалось,— он рванулся и сквозь густые ветки свалился на землю. Вскочил и, прихрамывая, бросился наутек.

«Ну, как, больно? — спросил я его вечером, а вид у него был такой, точно его через терку пропустили.— Это еще ничего,— подбодрил я сына.— Мне как-то пришлось много ча-

сов пролежать одному в степи с переломом берцовой кости. Кулак, у которого я батрачил, не отвез меня в больницу, пригласил знахарку. Так вот, начался у меня, как говорят в народе, антонов огонь. Куркуль и не думал меня в больницу везти. А болел я месяца три. Вот тогда-то было по-настоящему больно, да так, что от боли не раз терял сознание, но терпел...»

Был у нас с ним такой случай. Валя вконец изгваздал в футбол новые сапоги. Смотрю, прячут они их с матерью от меня. «Мне не сапоги жалко,— сказал я ему.— Но нужно бережливо, аккуратно относиться ко всем вещам. Ценить и свое, и чужое, и труд, и его плод». «Не нужны мне сапоги,— заявил Валя,— не буду их носить. Носите сами». Вижу, не понял, обиделся парень. «А знаешь ли ты,— спросил тогда Вальку,— почему я так ценю сапоги? Почему недоволен тобой? Я много лет в лаптях проходил. Знаешь, что такое лапти? Знаешь, что меня и моих братьев — твоих дядьев — когда-то пренебрежительно звали «воронежскими лапотниками»?» И рассказал я ему в тот день всю свою жизнь.

Незамысловатый рассказ Федора Федотовича я постараюсь передать. И не потому, что это необычайная история, а именно потому, что в ней люди старшего поколения найдут штрихи, а может быть, и целые страницы, будто написанные о них, о прожитой ими жизни. И неудивительно. Это не только судьба крестьянского парнишки Федора Быковского, это жизнь и судьба миллионов людей, вырванных могучим революционным потоком, Советской властью из тисков голода, разрухи, нищеты.

В сорока километрах от Воронежа, на правом берегу Дона, у крутого взвоза раскинулось село Сторожевое. Семья Быковских большая — мать-вдова, три старших брата Феди и две сестры — и, как почти все семьи в Сторожевом, бедняцкая, хотя без роздыха гнули спину, хлеба редко хватало до «великого поста». В первую мировую войну погиб старший брат — Иван. Василий вернулся с перебитой ногой. А Михаил словно пропал.

Подрос Федор. Но в сторожевскую школу без волостного чиновника бедняку не попасть. Завязала мать в узелок, как советовали, собранные у соседей и родных 50 яиц, две курицы и свежего сома. Одела на Федора давнишнюю, десятки раз штопанную и белесую от стирки рубаху и отправилась с сыном в волость.

Чиновник с недовольным видом принял бедняцкую взятку и разрешил Федору посещать школу.

Разруха — последствие империалистической войны да недороды как ржа разъедали непрочные крестьянские хозяйства. Начался голод. В школе мальчишки, добывавшие ноч-

ной рыбалкой себе на пропитание, клевали носами на уроках, чаще — на «законе божьем». Одни учителя просто били «нерадивых», другие ставили коленями на горох...

А когда революция докатилась до Сторожевого и по улицам прошли бедняки с красным знаменем, Федор и вся школьная детвора были в восторге. В классе отменили «закон божий» и перестали бить.

Но голод сразу отменить было нельзя. От села к селу пополз тиф, подобрав десятки мальчишеских голов. Федора он миновал, но ушла в могилу мать. Остался Федор круглым сиротой.

Отряды белоказаков налетали на Сторожевое как саранча, отбирая последние продукты, лошадей, фураж. Однажды они вновь прошли через село. Уже затихла за селом стрельба, когда во дворе двоюродного брата Федора раздался душераздирающий крик. Туда бросились соседи. Дрожа от страха, заглянул во двор Федор. Перепуганные соседки склонились над уже безжизненным телом хозяйки. Несчастная ждала ребенка. В ужасе застыли мужики.

— А где сам-то? Неужто она узнала что? — спросил один из соседей и, не дождавшись ответа, выскочил на улицу.

Люди бежали молча. Порывисто дыша, нелепо выбрасывая искалеченную ногу, не отставал от других брат Федора Василий.

За околицей, в поломанном подсолнечнике, лежали изрубленные шашками люди. Почти весь волостной ревком. Поодаль еще одно изуродованное тело. Федор узнал двоюродного брата. Желтые соцветия, свидетели драмы, будто окаменели, вперившись своими широченными глазницами в окровавленную землю.

Так погиб Иван Быковский, председатель волостного ревкома. Весной двадцать первого голод стал буквально косить сторожевцев. Тут появился невесть откуда брат Михаил. Он рассказал Федору о «хлебных» городах в Средней Азии.

Пробирались в район Армавира. На одном полустанке попытались сесть в теплушку. Мешочников видимо-невидимо. Подталкивая Федора на площадку товарного вагона, сам Михаил уже еле стоял на ногах.

— Поезжай, братень, а то здесь вместе помрем, один я потом как-нибудь выберусь.

Ростов-на-Дону встретил криками, базарной руганью, запахом тухлой рыбы. Кругом кишели беспризорники. Федор сел на насыпь и погрузился в мучительный, болезненный сон. Давно перестало сосать под ложечкой. Казалось, все, что случалось в его жизни, было давным-давно. А может быть, и вовсе не было.

— Эй, парень! — услышал он сквозь дремоту.— Слышишь, я тебя зову! — Федор с трудом поднял голову. В вагоне товарняка стоял красноармеец.— Смотри-ка, никак ты опух без харча. А ну, иди-ка сюда!

Федор пошатываясь подошел к вагону. Но в этот миг состав, лязгая сцепами, тихо тронулся.

— Погоди! — крикнул красноармеец и метнулся в вагон. Он вновь появился с большим половником в руках.— Ах, ты, каналья, куда же тебе налить-то? — Федор сорвал с головы кепку и, держа ее на вытянутых руках, пошел за вагоном. И красноармеец вылил ему в шапку половник.— Ешь медленно, а то скрутит! — только и успел крикнуть.

Ничего не помнит до сих пор Федор Федотович вкуснее, чем тот красноармейский рыбный суп.

На площади большой казачьей станицы Невинномысской парусили палатки красноармейской части. Федор уже знал, кто такие красноармейцы, и смело направился туда. Его накормили. Он взялся помогать красноармейцам. Чистил лошадей. Водил их на водопой. Прожил так с неделю. А когда часть уходила, красноармейцы попросили комиссара зачислить «работящего паренька» в часть. Но тот отказал. Бойцы шли в бой с какой-то белогвардейской бандой. Рисковать жизнью ребенка комиссар не хотел.

Легендарные то были годы. Сойдя с седел, повесив на стены шашки, красные конники брались за тачки, лопаты, кирки. Стране нужен был уголь, и рабочие спускались в забои, как в окопы на поле сражения. Федор стал солдатом этой рабочей армии. Здесь впервые он узнал, что такое рабочая дружба, здесь впервые оценили его труд. В 1927 году молодого шахтера Федора Быковского приняли в комсомол. Работа в комсомоле, лекции в клубе, книги расширили кругозор, помогли окончательно выбрать свой путь. В 1929 году Федор Федотович стал коммунистом.

Судьба привела молодого шахтера в Подмосковье, в район ткачей. Был он инструктором районного комитета крестьянских обществ взаимопомощи. Словом, занимался всем и делал все честно, куда бы ни посылала его партийная организация.

Потом — служба на флоте. А пришел он с военной службы уже в Москву. Стал работать на железной дороге.

— Рассказал я сыну свою жизнь,— продолжал Федор Федотович,— и порадовался, заметив, что он будто вместе со мной переживает подробности моей судьбы. Однажды услыхал, как он говорил своим друзьям, пожалуй, даже с гордостью: «А мой отец когда-то пастухом батрачил». Мою жизнь, жизнь матери, потомственной ткачихи, сын принял и понял,— не скрывая удовлетворения, заключил Федор Федотович.—

И вот еще одна деталь: мне кажется, после моего рассказа я стал для него значимей. Полюбил он со мной и плотничать, и слесарить...

Люблю я играть в городки — и Валька за мной. А спортсмен он отменный. Все модные игры: футбол, хоккей, баскетбол — готов пропустить, лишь бы поиграть со мной в городки.

Но порядок был у нас один — почти каждый день просматривал его дневник. Не скрою, огорчал он меня не раз, и тогда ему приходилось туговато.

Есть у нас, рабочих людей,— замечает Федор Федотович,— плохая привычка. Думаем мы, если сами плохо жили когда-то, то детям нашим, как появится возможность, отдай все, но упаси их от трудностей. С матерью я частенько «воевал» против такой философии. Порадовала нас своей самостоятельностью дочка, а пришло время — и сын доказал, что нет у него иждивенческих настроений.

Валя еще не закончил семилетку, как Маргарита поступила уже в инженерно-экономический институт. Сейчас она инженер. Вышла замуж. Но ребята продолжают дружить. Не хочу хвалиться, однако прямо скажу: семья у нас спаянная, и каждый помогает другому.

Из летной части сын писал постоянно. Мы уже стали привыкать к его летной работе. Но вот однажды он неожиданно появился дома. Мать захлопотала по хозяйству. Отозвал меня сын в сторонку и тихо, чтобы не волновать мать, сообщил о новой своей работе. Он не рассказывал о деталях, но тогда показалось мне, что все это смахивает на фантастику, хоть и прошел уже над миром первый спутник.

«О чем это вы толковали?» — спросила меня мать, и впервые я скрыл от нее разговор с сыном.

А несколько позже он пришел первым делом к матери: «Познакомься, мама, это моя невеста — Валя...»

Сыну тогда было двадцать восемь лет. Представляешь мои отцовские чувства, когда я увидел среди новых его друзей и Юрия Гагарина, и Германа Титова, и Павла Поповича, и Андрияна Николаева, приезжавших к нам в гости с Золотыми Звездами на груди? Все они одного поколения.

Как изменилось время! Разве можно сравнить двадцать восемь лет Вали и мои двадцать восемь? Так что же будет еще через десять — двадцать лет?

Может быть, все это действительно и есть самая настоящая, жизнеутверждающая педагогика, подумалось мне. Ощущение кровной связи детей с судьбами отцов способствует воспитанию их характера, самостоятельного мышления и глу-

бокой убежденности в том, что честный, порой героический труд старшего поколения создал то, что называем мы сегодняшним днем нашей страны.

Буквально на днях встретился я в Звездном с полковником Валерием Быковским, совершившим третий космический полет со своим новым другом — гражданином Германской Демократической Республики Зигмундом Йеном. И я вспомнил о давней беседе с Федором Федотовичем. Вспомнил и порадовался я за отца и за Клавдию Ивановну, мать космонавта, дважды Героя Советского Союза, награжденного за третий полет орденом Ленина, Героя Германской Демократической Республики, кандидата технических наук Валерия Быковского.

Разве это не ответ самого Валерия на вопрос отца: что же будет через десять — двадцать лет?

А·МИТРОШЕНКОВ

Алмазные тайны Вселенной

Этот день вошел в его жизнь как день исполнения его мечты. Это было 18 марта 1965 года.

Космодром Байконур. На стартовой площадке ждали появления автобуса с космонавтами — одним из которых был Алексей Леонов. Наконец машина показалась.

Чуть меньше сотни метров между бело-голубым автобусом и ракетой. Трудные последние метры земной дороги — Павел Беляев и Алексей Леонов уже в скафандрах.

В самый последний момент, перед посадкой в лифт, Главный сказал в напутствие:

— Дорогие мои орёлики! Науке нужен серьезный эксперимент. Если в космосе случатся неполадки, принимайте разумные решения...

И уже одному Леонову:

— Леша, я не буду тебе много советовать и желать. Я попрошу тебя только об одном: ты выйди из корабля и войди в корабль. Вот и все. Попутного тебе солнечного ветра!..

Через несколько минут захлопнулся герметический люк Алексей Леонов и Павел Беляев остались одни в кабине космического корабля «Восход-2».

Завершающие команды и наконец долгожданное: «Подъем!»

На связи Гагарин:

— Как ваше самочувствие? Машина работает великолепно!

Отвечает Беляев:

— Отлично! Перегрузки растут, но медленно. Ракета, можно сказать, нежная.

Еще раз Гагарин:

— «Алмаз», я — «Заря». Как чувствуете себя теперь? У нас все отлично.

— Я «Алмаз». И у нас все отлично. Видим Землю. Красиво! А небо — черное-черное!

Потом голос Леонова:

— Вот выйдем, тогда со всем, что здесь сеть, разберемся!..

«Восход-2» на орбите. Алексей и Павел пожали друг другу руки. Полет начался успешно...

Бортовые часы отсчитывали время. Несколько десятков минут — и Алексей Леонов стал готовиться к выходу в открытый космос.

Беляев помог ему надеть ранец с автономной системой жизнеобеспечения. Каждое движение было подчинено строжайшему графику. Проверка подачи дыхательной смеси в скафандр, система контроля, работа клапанов. Руки сами находили нужные тумблеры, застежки, кнопки.

Сделав первый виток, «Восход-2» вышел на южную оконечность Америки, миновал мыс Горн и поплыл над Атлантикой.

Спустя несколько минут Алексей Леонов покинул кабину корабля и вошел в камеру шлюза.

Беляев докладывал на Землю:

— «Алмаз-два» находится в шлюзовой камере... Все идет по плану. Самочувствие отличное.

Леонов в шлюзовой камере. Еще немного — и открывается люк.

В наушниках Павла Беляева раздался резкий, взволнованный голос «Алмаза-2».

— Нахожусь на обрезе шлюза. Самочувствие отличное, подо мною вижу облачность. Море...

Беляев был невозмутим и официален:

— Слышу хорошо. Немного потише говорите. Поздравляю с выходом...

Леонов не спеша выбирается из шлюза... Только тонкий фал соединяет его с «Восходом-2», маленьким земным мирком.

И в этот момент Павел Беляев объявляет миру:

— Чело-век вы-шел в косми-чес-кое прост-ранство!

Уже после полета доктор медицинских наук Федор Горбунов так сказал о первом выходе человека в космос:

— Представьте себе человека, который стоит на краю пропасти и должен шагнуть вниз. Страшно? Да, страшно, потому что появляется ощущение огромной высоты и возникает картина падения.

А теперь вообразите, что тот же человек прыгает в пропасть с парашютом или какими-то крыльями — одним словом, это прыжок с известной гарантией безопасности. Однако, чтобы решиться на такой прыжок, человек должен обладать «пространственной смелостью». Это должен быть волевой человек...

Леонов снял заглушку с киноаппарата, который должен был его снимать. На секунду задумался: куда ее деть? — и тут же бросил в сторону голубой планеты.

Находясь за бортом «Восхода-2», он услышал и сообщение ТАСС о полете.

Позже Алексей Леонов скажет о первых минутах своего космического плавания:

«При открывании наружной крышки шлюза космического корабля «Восход-2» необъятный космос предстал перед моим взором во всей своей неописуемой красоте. Земля величественно проплывала перед глазами и казалась плоской, и только кривизна по краям напоминала о том, что она все-таки шар. Несмотря на достаточно плотный светофильтр иллюминатора гермошлема были видны облака, гладь Черного моря, кромка побережья. Кавказский хребет, Новороссийская бухта. После выхода из шлюза и легкого отталкивания произошло отделение от корабля. Фал, посредством которого осуществлялось крепление к космическому аппарату и связь с командиром, медленно растянулся во всю длину... Мчавшийся над Землей космический аппарат был залит лучами Солнца. Резких контрастов света и тени не наблюдалось, так как находящиеся в тени части корабля достаточно хорошо освещались отраженными от Земли солнечными лучами. Проплывали величавые зеленые массивы, реки, горы.

Ощущение было примерно таким же, как и на самолете, когда летишь на большой высоте. Но из-за значительного расстояния невозможно было определить города и детали рельефа, и это создавало впечатление, что как будто бы проплываешь над огромной красочной картой».

Двенадцать минут провел Алексей Леонов за бортом корабля — это была огромная научная победа.

В статье «Шаги в будущее», опубликованной в газете «Правда» 1 января 1966 года, Сергей Павлович Королев (он выступал под псевдонимом «Профессор К. Сергеев») писал:

«Перед экипажем корабля «Восход-2» была поставлена труднейшая, качественно иная, чем в предыдущих полетах, задача. От ее успешного решения зависело дальнейшее развитие космонавтики, пожалуй не в меньшей степени, чем от успеха первого космического полета. Павел Беляев и Алексей Леонов справились с ней, и значение этого подвига трудно переоценить: их полет показал, что человек может жить в свободном космосе, выходить из корабля, не чувствовать себя ограниченным его стенами, он может работать всюду так, как это окажется необходимым.

Без такой возможности нельзя было бы думать о прокладывании новых путей в космосе. Ведь это было бы равнозначно тому, например, что экипаж морского судна во время плавания не может выйти из своего корабля и даже опасается это сделать...»

Полет продолжался.

От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Советского правительства и всего советского народа Леонид Ильич Брежнев сердечно привет-

ствовал отважный экипаж и поздравил космонавтов с выдающимся подвигом.

19 марта в 10 часов утра кончились сутки полета. Программа подходила к концу. Пора было думать о возвращении.

На восемнадцатом витке Юрий Гагарин передал на борт «Восхода-2» распоряжение о посадке.

Выполнив необходимые операции, космонавты поудобней устроились в кресле. Алексей Леонов немножко взгрустнул — жаль покидать орбиту.

Корабль вышел на «финишную прямую».

— Поехали...— сказал «Алмаз-2».

Летели километры. Работали приборы. Внизу проплывали океаны, острова... Показатель спуска изменение орбиты не регистрировал.

«Отказ техники или так решила Земля? — тревожно забилось сердце.— Но почему не предупредили?»

Беляев на связи:

— «Заря», «Заря»! Я «Алмаз-один»...

Тотчас раздался спокойный голос Гагарина:

— «Алмаз». Я «Заря». Слышу вас хорошо...

И Беляев и Леонов обстановку поняли. Случай редчайший, но возможный, и они знали это.

Земля на время замолчала. Необходимо было найти причину случившегося и выработать рекомендации экипажу.

«Алмазы» представляли, как там, «внизу», на родной «старушке» планете, находится человек, волнующийся за них сейчас даже больше, чем они сами за себя. Как он придирчиво спрашивает оперативную группу управления, чтобы окончательно сделать выбор. Этот человек верил им, они верили ему... Этого человека звали — Сергей Павлович Королев...

Включилась «Заря»:

— «Алмазы», вам разрешается ручная посадка на следующем витке.

Павел Беляев — командир «Восхода-2» передал в эфир:

— «Заря»! Я «Алмаз-один», вас понял, нам разрешена ручная посадка на восемнадцатом витке.

В 11 часов 35 минут 44 секунды после ручной ориентации корабля Беляев нажал кнопку включения тормозной двигательной установки.

«Восход-2» устремился вниз. Росли перегрузки. В иллюминатор было видно, как плавилась обшивка корабля. Страшная огненная стихия бушевала за бортом. Мириады огненных брызг, ярких до боли в глазах, создавали впечатление чего-то нереального, сказочного...

Через несколько десятков секунд раздался выстрел —

отлетела крышка и раскрылся тормозной парашют. Земля была уже рядом...

Приземлились они в районе Перми, в глухом лесу. Крепкий русский мороз. По пояс снег. Первые слова Леонова:

— Грех не запечатлеть на полотне водопад неземных красок. Яркие восходы и закаты, ослепительный кокошник солнца, черный бархат неба с брошенными на него алмазами созвездий...

Он жил еще космосом. Навсегда заболев звездной болезнью, летчик и художник Леонов стал космонавтом...

Как память о дерзновенном появился космический автопортрет: в белом скафандре, в гермошлеме с ярко-красными буквами «СССР» он парит в черном космосе над зеленеющими черноморскими берегами. И как ни велика Земля — человек и его дело величественнее...

Алексей Леонов пришел в отряд космонавтов в 1960 году. Он вошел в первую группу, которую позднее назовут гагаринской.

Вот что пишет космонавт о том времени в своем дневнике: «Сурдокамера, центрифуга, барокамера, прыжки с парашютом, тренировочные стенды — все было обязательным и одинаково важным для нас. Мы не знали, кто полетит первым, кто вторым, кто третьим, и поэтому все работали дружно, настойчиво, серьезно...

Ребята в отряде подобрались замечательные. Родные души. Есть лирики, есть физики. Есть весельчаки, есть мыслители, но все — мечтатели и работают отменно. Но не все открытые. Есть склонные к замкнутости и смущению. Разная у нас психология переживания, а вот «темнил» нет. И это хорошо. Уж лучше самое наивное и даже несправедливое возмущение непонятным и трудным, нежели вымученное согласие со всем.

Я не помню случая, чтобы кто-нибудь сорвался, нагрубил товарищу, чтобы кто-то кого-то обидел. А ведь нам приходилось решать и спорные вопросы, требующие нелицеприятного обсуждения. Однако эти споры были не из числа тех, что кончаются разладами и склоками. В них — рождалась истина... ...Работы чертовски много. Каждый день учеба, тренировки, парашютная подготовка, полеты... А потом — зачеты и экзамены.

...Сегодня были на предприятии. Там времени зря не теряют. И еще — о Королеве: необыкновенный человек! До мельчайших деталей знает дело, все подмечает, быстро и правильно оценивает обстановку. У него масса идей — интересных, поражающих своей грандиозностью...»

Один из кандидатов на первый полет стал Леонову самым близким другом.

Это был Юрий Гагарин.

Познакомились они так.

Леонов находился в госпитале. Многочисленные медицинские обследования. Комиссии одна за другой. Из десятков летчиков должны были отобрать несколько человек для дальнейшей подготовки к «новой технике». Шли дни. Один за другим уезжали летчики, получив заключение: «Не годен...» Леонов оставался. Но настроение, естественно, падало.

Однажды к нему в палату зашел молодой парень. Представился:

— Юрий Гагарин.

Оказалось, что они одногодки, что схожи их биографии, что даже летают на машинах одного типа. Стали говорить о «медицинских мучениях».

Алексей сказал тогда:

— Некоторые считают, что комиссия обязательно находит какую-нибудь зацепку и можно не только с космосом распрощаться, но и с авиацией.

Юрий возразил:

— Думаю, что такого быть не может. Нас собрали ведь не для того, чтобы всех «рубить» под корень. Кто-то обязательно останется...— И уже грустно добавил: — А вообще, хотелось бы быстрее разделаться со всем этим делом и вернуться домой — там жена, дочка, самолеты...

Они, конечно, не знали, что пройдут все этапы отбора, прославятся на всю планету, что их будет связывать крепкая мужская дружба.

У Алексея Леонова есть такая запись:

«Я почувствовал, что Главный, хотя и держится со всеми вроде бы одинаково, но к Гагарину присматривается внимательнее, чем к нам. Оно и правильно: Юра — это явление...

...Еду в командировку. На край земли! Скоро начнется то, к чему все мы готовились больше года. Что нам расскажет Юрий, когда вернется?..

И все-таки это не укладывается в сознании: человек покидает Землю. Сказка? Призрачная нереальность? Нет, наша жизнь. В ней все: и красоты приближающейся весны, и солнечные всплески на заре, и этот полет...»

Насколько нереальным казался тогда многим полет в космос, может показать следующий факт.

Шел 1960 год. Однажды директора Московского планетария К. А. Порцевского предупредили, что к нескольким занимающимся в Планетарии группам полярных летчиков прибавится еще одна. Занятия с новичками стали проводить сам Константин Александрович и Борис Александрович Максимачев.

Эта группа не вызвала удивления директора. И раньше занимались. Ведь полярным летчикам надо знать ночное не-

бо. Только поразил объем занятий — в несколько раз больше обычного.

Подружились они быстро. Преподавателям всегда приятно иметь способных учеников. А эти молодые, всегда улыбающиеся полярные летчики проявляли явно недюжинные способности.

А когда занятия кончались, начиналась теплая дружеская беседа, иногда перерастающая в спор.

Спорили, как правило, на космические темы. Однажды, когда страсти особенно накалились, Порцевский сказал невысокому симпатичному старшему лейтенанту, который убежденно говорил о полете человека к другим мирам:

— Вы так уверены в этом, будто уже готовы распрощаться с матушкой-Землей и полететь к далеким звездам...

На календаре был январь 1961 года.

Наступила весна. 1 апреля многие шутили: «Ты знаешь, человек в космосе», но прошло двенадцать дней — и в космос действительно был запущен космический корабль «Восток» на борту с гражданином Советского Союза Гагариным. Вся планета рукоплескала первооткрывателю Вселенной. Людям всех стран и континентов хотелось видеть первого космонавта: какой он, что он думает, о чем мечтает? В каждой газете с первой полосы смотрел симпатичный, улыбающийся Юрий Гагарин. А когда его увидел Порцевский, то смог лишь сказать: «Вот тебе и летчик!» На него смотрел тот самый «полярник», с которым он занимался целый год и который был так уверен в полете к звездам...

Один за одним стартовали в космос корабли, а Леонов все тренировался. Обиды не было: все его товарищи были достойными коллегами и все имели право на полет.

— В нашем деле,— скажет потом Алексей Архипович,— ждать — не последнее дело.

И он ждал, ждал и учился, ждал и тренировался.

И однажды (было это в 1963 году) академик Королев сказал:

— Следующим вы пойдете, программа сложная...

Павел Иванович Беляев, опытный и солидный человек, был утвержден командиром «Восхода-2». Вторым пилотом — Леонов. Характеризуя новый экипаж, Сергей Павлович говорил:

— Что касается командира корабля... человек он очень спокойный, неторопливый... но очень основательный. Он не мастер говорить длинные и красивые речи, но тем не менее он все делает очень фундаментально.

Полет подтвердит правильность психологических и деловых характеристик экипажа.

Алексей Леонов был у академика на особом счету. Сергей Павлович великолепно владел собой, своим настроением,

чаще был сосредоточен, строг, но при виде Леонова смягчался, говорил:

— Я бы отметил основную черту Леонова — живость ума. Это первое. Второе — хорошее усвоение им технических знаний. Третье — прекрасный характер. Он художник, сам рисует, очень общительный; очень, по-моему, добрый и располагающий к себе человек. Смелый летчик. Он технически прекрасно владеет современными реактивными истребителями. Мне кажется, что этот человек заслуживает самого большого доверия.

О подготовке к космическому старту космонавт рассказывает:

«Всем отрядом приехали в конструкторское бюро знакомиться с новым кораблем. Уже по первым рассказам Сергея Павловича я представлял себе его схему и предстоящую работу... Собралась большая комиссия. Главный конструктор подробно рассказал о задачах полета. Затем предложил мне произвести выход из кабины в шлюз и на площадку.

Признаться, я удивился и, может быть, поэтому довольно долго надевал скафандр.

Наконец-то занял место в корабле и по команде произвел шлюзование. Я очень торопился — сильно волновался: за мной наблюдали десятки глаз членов комиссии и моих товарищей. Волновался еще и потому, что после опробования системы следовало дать заключение о возможности выполнения задуманного. Грамотное и обоснованное.

После двухчасовой работы я высказал Королеву свои соображения. Сказал, что выполнить эксперимент можно, надо только все хорошо продумать.

— Тогда начинайте работать! — сказал Сергей Павлович и шутливо добавил: — Только уговор: продумайте все с самого начала, не то... не попадайтесь мне на глаза!»

Королев вникает во все детали подготовки космонавтов. В один из дней он скажет им:

— Подготовка к старту проходит нормально. Были кое-какие неполадки. Они устранены. Полет и сам эксперимент по выходу сложны. От вас требуем четкого выполнения программы... Вам самим следует учитывать все обстоятельства и принимать разумные решения. Всего на Земле предусмотреть невозможно. Повторяю, мы об этом не раз с вами говорили во время тренировок,— надо действовать по обстоятельствам. Земля, конечно, останется вашим советчиком. Но на корабле и ваша жизнь и судьба эксперимента в ваших руках...

Если заметите неполадки, все может быть, не лезьте на рожон. Вы меня поняли? Не нужны рекорды, нужен серьезный научный эксперимент. Вы понимаете, как много мы ждем от него? То, что мы проведем завтра, откроет целое направление в космических исследованиях...

Космонавты выполнят просьбу Главного, с честью пройдя сквозь все испытания, выпавшие на их долю.

Как-то прочтя в газетах отчет Леонова о полете, Королев выделил запомнившиеся ему следующие слова: «...во время полета наше внимание привлек предмет, купавшийся в солнечных лучах. Мы с Павлом вскрикнули от удивления и радости. В стороне от корабля, примерно в километре, «плыл» искусственный спутник Земли. Эта встреча нас очень взволновала. Подумалось, что настанет время — и встречи в космосе с другими посланцами Земли станут обычными. На космических дорогах не раз еще встретятся корабли».

При встрече он сказал Алексею Архиповичу:

— Знаю, знаю, на что замахиваешься, это реально, будем общаться в космосе с посланцами других стран.

Алексей Архипович покраснел и, будто уличенный в чем-то преждевременном, глухо сказал:

— Это я по наитию, Сергей Павлович, и, кстати, развивая именно ваши идеи.

— Мои? У меня разве есть такие идеи?

— Когда я был в полете, вы сказали журналистам, кажется, так: «...наконец, надо считаться и с таким фактором, что ведь может в конце концов сложиться такая ситуация, когда один корабль должен оказать помощь другому. Но каким же образом? Ведь корабли представляют собой очень защищенные в тепловом и в прочностном отношении конструкции. Значит, можно подойти к кораблю и ничего, собственно говоря, не сделать, потому что если его просто разгерметизировать через входной люк, то люди там погибнут. Значит, должна быть отработана такая система шлюзования, жизнеобеспечения и выхода из корабля, которая бы давала возможность оказать такую помощь...»

Сергей Павлович выслушал и, смеясь, сказал:

— А ведь верно, говорил. Я эту идею своровал у Валерия Брюсова. Еще в 1912 году он писал. Сейчас вспомню. Сразу могу читать только Есенина. Ах, вот:

Но есть еще мечта чудесней и заветней,
Я снова предан ей, как в юные года.
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сверкает и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг! Наш брат!
Двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлучены!
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

— А я, Сергей Павлович, у вас похищаю мысли...

Это была последняя встреча с академиком Королевым. Потом, много месяцев спустя, журналисты напишут:

«Часы, прошедшие до приземления «Восхода», оставили свой след. Казалось, на висках Сергея Павловича появилось больше седины, возле глаз стала плотнее паутина морщинок, а у рта глубже складки».

В январе 1966 года в больнице, на операционном столе, оборвалась жизнь Сергея Павловича Королева...

Алексей Архипович тяжело переживает потерю. Это было так неожиданно и так невосполнимо! Вместе с ним, казалось, ушла из-под ног земля, надежда, перспектива, та величайшая нравственная опора, отсутствие которой замечаешь лишь с ее уходом.

И даже предположить не мог Алексей Леонов, что последний разговор с Главным окажется пророческим и он будет космонавтом — участником первого международного космического полета.

Что и говорить, одному из девяти детей Архипа Леонова, потомственного рабочего, была уготована удивительная судьба.

Родился Алексей Архипович 30 мая 1934 года в небольшом сибирском селе Листвянка Тисульского района. Отец его перебрался туда после первой мировой войны, пройдя трудовую школу в шахтах Донбасса. В Сибири он организовывал первые коммуны, участвовал в борьбе с колчаковцами...

Уважение и любовь к отцу будущий космонавт пронесет через всю свою жизнь.

Есть характерная деталь детства Алексея Леонова — именно тогда, еще не умея писать, не зная азбуки, он стал рисовать.

Однажды Шекспир заметил: природа выше искусства. Именно природа пробудила Алексея Леонова к рисованию. Солнце, небо, зори с невообразимыми оттенками, леса, реки дикого края — вот тема первых его рисунков. Писал он и семейную любимицу — корову Пеструшку, которую выходил своими руками с крохотного теленочка до красно-белой громадины. Она была кормилицей огромной семьи Леоновых — десять ртов — и в ее жизни занимала весьма уважаемое место.

С каким вдохновением Алексей наносил первые линии будущего «шедевра», как трепетно переживал свои первые находки, завершенные куски, воплощенные в образы предметы. Что это было? Пожалуй, детское восприятие мира, впечатление, крепко державшее его в плену чувственного видения жизни, город, поразивший его воображение. Вообще-то это было открытие. Мальчишка узнал, что за пределами деревни есть продолжение Вселенной — каменный город со сво-

ими причудами, стеснявшими человека. Слишком он мал был, человек, в этом громадном каменном мешке.

И он, юный художник, рисовал пятиэтажные дома, увиденные впервые и поразившие его воображение в такой же степени, как человека, пришедшего на край земли. Между домов он выписал вертикальный трамвай, переполненный пассажирами, разместил на тротуаре уличные фонари... И еще что-то сделал. Картину повесил дома на стену печки, и соседи приходили ее смотреть. Одобряли, хвалили.

Много лет спустя, увидев эту сохраненную родителями работу, Алексей удивится их предвидению...

Но детство его было недолгим: ученический период окончился в 1941 году.

Алексей Архипович потом запишет: «Лето в Кемерове часто дарит погожие, ясные дни. В один из таких дней мы, 7—8-летние ребята, играли во дворе. Вдруг из всех окон, как по команде, нас стали звать домой. Вбежав в квартиру, я сразу понял: произошло что-то ужасное. У нас собрались соседи. Мужчины были мрачны. На глазах женщин — слезы. Война. Я думаю, что именно в этот день, 22 июня 1941 года, началась моя сознательная жизнь.

Что такое война, я по-настоящему понял, когда однажды забрел на вокзал. Только что подошел санитарный поезд. На перрон и на площадь перед вокзалом вынесли раненых. Землистые лица солдат, окровавленные бинты, сдержанные стоны. Как ни показалось мне все это страшно, я и потом часто бегал на вокзал, когда приходили с фронта санитарные поезда. Не из любопытства. Просто эти составы привозили с собой эхо сражений. Потом видел, как на фронт к Москве отправлялись полки сибиряков...»

Встреча прибывающих эшелонов, участие в размещении раненых, уход за ними становятся, как и занятия в школе, чуть ли не плановыми и ежедневными.

В этот период небывалого патриотизма, желая облегчить участь раненых, помочь им вернуться в строй, юный художник пишет портреты бойцов и командиров, картины боев, сцены сражений. Тема войны занимает его воображение всецело. Все свои рисунки Алеша передает раненым, они — их полновластные хозяева. Да, это была память, память навсегда. Ведь так хотелось иметь фото, послать родным, знакомым, оставить при себе. Но где сфотографироваться?..

Так случилось, что никто не послал в другой город, в другую область рисунок, сделанный еще неумелой, но такой щедрой и искренней рукой. Никто из раненых не сговаривался, они так хотели и так поступили. В один из летних дней 1944 года рисунки Алеши Леонова были вывешены в больничных палатах. Подарки раненым стали подарком автору.

Это была первая персональная выставка признанного художника.

Алеша не знал, почему так поступили взрослые. Вроде бы он ничего особенного не сделал, геройских поступков не совершал... Взрослые иногда ведут себя странно. Леша делал только то, что ему очень нравилось: рисовал. Писал картины со старательностью ученика, выполняющего уроки по чистописанию, почти ежедневно, использовал вместо холста бумагу, картон, фанеру и даже стекло...

Да, так было. Отец принес однажды краску для ремонта дома, окна там покрасить, двери, потолки, табуретки... С красками было трудно, и он заготовлял ее исподволь, принося домой небольшие емкости. Ставил в уголок, где это оберегалось всем семейством.

В марте, по остужей и метельной поре, Алексей заболел и был оставлен дома для выздоровления. Как-то к середине дня температура спала, головная боль отпустила, и он, почувствовав облегчение, встал. Ему хотелось рисовать. Ни бумаги, ни картона дома не оказалось. Тогда он, и сейчас не знает почему, решил масляными красками поработать по стеклам окон. На стеклах свинцово стыл лед, матовой пудрой были высыпаны красивые узоры, кое-где робкими подтеками слезились рамы. Алексей вспомнил теплое лето, яркое солнце, жгучий нагрев песка. И ему, находившемуся в температурном бреду много ночей, вдруг захотелось тепла, чистоты летних красок. Все лето он мог уложить в трех цветах: желтом — солнце, голубом — небо, зеленом — деревья, кустарник, траву...

Алеша завершил работу, использовав припасенные краски и стекольные проемы окон. Только вымыл кисти — он делал это всегда, заботясь о главном оружии художника,— как, шумно распахнув дверь, в квартиру вошел отец. Он снял шапку, обмел снег с валенок и остановился зачарованный оконной росписью. Картину осматривал долго, неторопливо, придирчиво. О чем думал тогда отец, сын никогда не узнает. Молчаливость, дотошность, скрупулезность — качества не так уж и привычные у старшего Леонова, поразили Леонова-младшего. В какой-то момент Алексей, испугавшись сумеречной хмурости отца, даже подумал: побьет за порчу окна, но, увидев на окаменевшем лице едва приметную мягкость, успокоился, всмотрелся в усталое, постаревшее лицо родителя и обнаружил совсем новое, неожиданное движение. А палку, взятую у двери и угрожающе сжимаемую в руке, отец использовал не по назначению: ею он отбросил занавески, мешавшие обзору.

К началу учебного года Архип Алексеевич приготовил сыну цветные карандаши, которые по военному времени было чрезвычайно трудно приобрести, несколько листов плотной

бумаги, коробку акварельных красок. Какое богатство! Ощутить себя полновластным хозяином такого набора цветов — Алеша ценил не сам предмет, а его способность выражать цвет — было поистине огромным счастьем...

Он искал им применение и очень скоро нашел. Учительница литературы Зинаида Михайловна Морозова на одном из уроков решила поэзию Некрасова выразить в картинах.

Она хотела бы в цвете передать содержание поэм Некрасова, вызвать у ребят зрительное восприятие эпохи, времени, людей. И еще учительница сказала, что можно поискать материал в журнале «Огонек», использовать помещаемые там цветные вкладки и тексты, которые, по ее мнению, чрезвычайно точно передают авторский замысел.

И Алексей начинает читать. Это обогащает его понимание живописи. В голове шумело от прочитанного. Ван Гог, нет, Винсент Ван Гог, как и он, любил три цвета. Портретист двора его величества Солнца. Лик владыки интересовал художника... Светило велико и грозно, но оно источник жизни. В любимой Ван Гогом картине «Красные виноградники» солнце он поместил справа над срезом картины, множество женщин, погружаясь в рубиновые виноградники, подставляют спины солнечным лучам. А может, они склоняются перед величием и силой галактического гиганта? В картине «Жатва. Долина Ла Кро» Ван Гог вновь прибегает к ярким тонам, разбрасывает композицию, создает нечеткий передний план... Бедный Ван Гог, его никто не мог, не хотел понять. «Красные виноградники» — единственная работа художника, купленная при его жизни.

Потрясли слова Писсаро, встретившиеся в журналах. «Я знал,— писал он,— что Ван Гог сойдет с ума, либо оставит нас далеко позади. Но я никогда не предполагал, что он сделает и то, и другое».

Алексей много читает о русской живописи, передвижниках, выдающихся пейзажистах, гениальном Репине. Все они учителя его, советчики и добровольные консультанты.

Познакомившись со школой фламандской живописи, величайшими творениями Рембрандта, Веласкеса, Рубенса, Пуссена, ван Дейка, он сравнивает их приемы с отечественным направлением в живописи. Пейзажная, портретная, бытовая... А разве художник может развиваться одинаково сильно во всех жанрах? Пока этого юному Леонову не понять. Ведь так хочется писать и то и другое. И он пишет, пишет сам те картины, которые, по его мнению, должны присутствовать на показе и их трудно достать. Он создает собственную галерею.

В школу Алексей пришел с толстой папкой. Репродукции были сложены по порядку. Сверху лежал Савицкий, «Некрасов в живописи, печальник горя народного», как его называли

современники. С него и начал свой рассказ о жизни рабочих в царское время. Показал ребятам картину «Ремонтные работы на железной дороге», прочитал некрасовские строки:

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты,
А по бокам-то все косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Начало получилось впечатляющим. Потом шел Репин, «Бурлаки на Волге».

Но вдруг я стоны услыхал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки.

Далее Перов, «Проводы покойника»... Урок он закончил Крамским. Вынул из папки его «Последнюю песню», картину о последних днях жизни великого русского поэта. Класс притих, уставившись на репродукцию. Некрасов сидел на подушках, измученный тяжелой болезнью. Жизнь едва теплилась в высохшем теле. Но в глазах, во взгляде поэта еще горел огонь, кипучая страсть борца за народную правду. Несмотря на недуг, на покинувшие силы, он должен воплотить зародившиеся в нем образы...

Каждый год сурового военного времени был этапом становления гражданина, художника Алексея Леонова.

Вот еще несколько строк из его дневника:

«...весну 1945 года мы встречали в строю, на параде в честь Дня Победы. Нам, пионерам, доверили в военкомате настоящие винтовки, и мы маршировали с ними по центральной улице города рядом со взрослыми...»

Вскоре после войны, когда Леоновы переехали в Калининград, в его творчество прочно вошло море. Увидев его однажды, он полюбил его, как и тайгу. Великий Айвазовский стал для него кумиром в живописи. Все, что было издано об этом гениальном художнике, собрано сегодня в библиотеке космонавта. Больше того, многое из написанного им, Леоновым, сделано под непосредственным влиянием творчества Айвазовского, в его манере.

Будучи еще курсантом летного училища, он с таким мастерством выполнил копию с одной из известных картин Айвазовского «Бриг «Меркурий» возвращается после победы над двумя турецкими кораблями», что командир полка решил серьезно поговорить с автором копии.

— Видел вашу работу,— сказал он.— Сделана талантливо. Если хотите, могу посодействовать увольнению из армии. Можете стать большим художником.

— Спасибо, товарищ полковник,— ответил Леонов.— Но я хочу стать военным летчиком. Это моя мечта.

— Да, летные способности у вас отменные,— согласился командир полка.— И все-таки подумайте над моим предложением.

Но он не думал над этим предложением. Ведь однажды он сделал выбор между военным и художественным училищами. Возможно, и не очень осознанно принимал решение: о профессии художника кое-что знал, а о летной — ничего. Правда, были книжные знания. Но в выборе профессии участвовали все человеческие чувства, прежде всего — чувство долга...

В Калининграде Алексей увидел тяжелые последствия войны: разрушения. Вместе с ним учились сироты. Даже спустя годы война напоминала о себе. Алексей хорошо знал, кто спас Родину от фашизма, уберег мир от коричневой чумы. Воин, защитник Отечества стал для него идеалом храбрости и мужества, которому хотелось подражать.

В эти годы формируется его мировоззрение, отношение к художественному ремеслу, идет дальнейшее постижение профессионального мастерства.

Алексей Леонов по-прежнему много читает, пишет — набивает руку. Как балерина у станка, так он у мольберта стоял ежедневно, по многу часов.

Позже о Калининграде Алексей Архипович скажет, что он стал для него второй родиной...

Успех сопутствовал молодому художнику. Его работы экспонируются на районной, городской и областной выставках, они обращают на себя внимание профессиональных художников, о них пишут в газетах. Казалось, судьба его определена. И он поступает в Рижскую художественную академию, поступает, чтобы тотчас уйти из нее. Пересилило окончательно другое — не призвание, а долг. Он должен стать солдатом.

Вот что он рассказывает:

«...Датой моего воздушного крещения стало 7 января 1955 года. Самостоятельно я отправился в полет 10 мая .. Когда спрашивают, где я стал летчиком, не без гордости отвечаю: «Я чугуевец»...»

Тогда он еще не знал, что, ломая свою судьбу, он создает ее, определив самый короткий путь к вершине своего творчества, что он станет первым художником, изобразившим космос. Далекий, холодный неведомый и загадочный мир Вселенной, с его безостановочным движением, непознанными ступенями преобразования пространства и времени...

В училище он будет писать портреты своих командиров, товарищей и все работы подарит любимой Чугуевской школе

летчиков. В авиационном полку, в котором будет проходить службу, он оформляет комнаты, офицерский клуб, напишет ряд картин на темы из их летной жизни.

По просьбе боевых товарищей, сослуживцев, все работы военного летчика Алексея Леонова будут собраны на его персональную выставку. Ее даже назовут: первая персональная в гарнизоне. Но она станет и последней. В эти дни, так угодно судьбе, Алексей уехал в Москву...

Впереди были долгие годы работы и тренировок, занятий и редкого отдыха.

Потом пришла слава, торжественные встречи, поездки за рубеж. Но это не изменило художника и космонавта. Он оставался таким же, как и был...

Наступил 1967 год.

23 апреля в космос ушел «Союз-1». Его пилотировал летчик-космонавт Владимир Комаров.

24 апреля случилось непоправимое... Трагически погиб Владимир Михайлович. Это была первая космическая, но потому и самая тяжелая утрата.

Погиб один из самых близких друзей Леонова.

Алексей Архипович хорошо понимал, что исследование космического пространства — дело трудное, новое, таинственное, что оно вряд ли обойдется без жертв, но привыкнуть к этой мысли он не мог...

Владимира Михайловича Комарова хоронили на Красной площади у Кремлевской стены в канун первомайских дней. Столица была уже в праздничном убранстве, в ярком огниве кумача, расцвечена весенним солнцем. И вдруг рядом лег черный креп.

Юрий Алексеевич Гагарин подбадривал всех, заботился о супруге и детях Владимира Михайловича Комарова, сдерживал себя, не давал волю чувствам.

В тот день он сказал: «Мы клянемся тебе, что научим «Союзы» летать...»

И научили. Космические корабли «Союз» пошли в просторы мироздания, понесли славу советской науки.

Начала складываться новая программа полета, и Алексей Леонов включился в сложный этап тренировок. Юрий Алексеевич Гагарин был постоянно рядом — он добивался разрешения на второй полет и вдохновенно, с величайшей самоотдачей занимался.

Все с нетерпением ждали весны. Новые полеты, новые планы...

27 марта 1968 года во время учебно-тренировочного полета погиб Юрий Алексеевич Гагарин.

Неожиданная весть, приведшая Леонова в смятение, через несколько минут вызвала в нем неукротимую энергию. Он настаивал на прослушивании эфира — самолет мог в крайнем

случае сесть на вынужденную. Вместе с Гагариным во второй кабине летчик-инструктор Герой Советского Союза Владимир Серегин. Два таких аса. Не может быть!

Тогда Леонов попросил разрешения полететь на поиск, прыгнуть на парашюте, найти — ведь они, может быть, нуждаются в помощи!..

В последнее время, когда Валентина Ивановна Гагарина лежала в больнице, Юрий Алексеевич часто бывал у Леоновых, участвовал с ним в тренировках... Так трудно поверить, что его нет!

«Я закрываю глаза,— говорит Алексей Архипович,— и передо мной встает Юрино лицо. Оно очень подвижное, его лицо. Малейшие оттенки настроения отражаются на нем и быстро меняются, как у всякого горячего по натуре человека...»

Работалось в эти дни трудно. Дома на мольберте стоял холст. Леонов брал кисть, вешал на палец палитру, подходил к подрамнику и замирал.

Он создал уже немало картин, красочных, посвященных трудной профессии космонавтов, наполнил их мажорной гаммой красок, в каждом сюжете четкость, уверенность в победе человека над стихийными силами природы!

Его картины экспонировались на выставках, выставлялись на отчетных показах в Москве, Орле, Симферополе, Братиславе, Праге, Оттаве, Хельсинки. О нем писали как о признанном художнике, издательства охотно выпускали альбомы его работ... Но зачем все это, если нет Юрия...

Мысли бессвязно скакали, носились, метались.

Это большая трагедия, когда погибает летчик.

Алексей Архипович хорошо помнил свою первую поездку во Францию. Там сотрудники посольства однажды ему сообщили, что жена Антуана де Сент-Экзюпери желает встретиться с ним. Мадам Консуэло, всегда бежавшая от летчиков, просила аудиенции у летчика.

— В любой день и час.

Невысокая, аккуратная женщина, современно одетая, говорила:

— Я просила этой встречи, мсье Леонов, чтобы сказать, что вы напомнили мне Антуана.

— Спасибо. Я необычайно счастлив, что вижу спутницу великого Экзюпери.

— Вы знаете Антуана, читали его, да? Он правда неплохо писал?

— В нашей стране любят Экзюпери, его книги изданы огромным тиражом. «Маленький принц» идет в театрах многих городов...

— Антуан сделал много ошибок. Однажды он плохо написал о вашей стране, гостем которой был в 1935 году. Он потом очень переживал. Если бы он знал, что русские станут

первыми в космосе... Потом он написал и такие строчки: «Постепенно я начинаю понимать, как я был наивен, когда верил всяким россказням... Я не стану больше удивляться внешним проявлениям жизни... По собственным ошибкам я вижу, как настойчиво стараются у нас исказить русский опыт. Нет, эту страну надо искать в чем-то другом. Лишь через это другое можно понять, как глубоко ее почва взрыхлена революцией...»

— «Это очень печально — когда забывают друзей»,— процитировал Леонов.

Консуэло встрепенулась, словно увидела хорошо знакомого человека.

— Вы помните «Маленького принца»? Да, да, вы художник, я забыла.— Глаза Консуэло повлажнели, но, вспомнив о присутствующих респектабельных мужчинах, мило и отвлеченно улыбнулась своим мыслям.— Это хорошо, когда художники приходят в авиацию.

— Меня авиация сделала художником,— стеснительно заметил Леонов.— Она стала темой моего творчества.

— Скажите, для чего вы пишете? Я не обижаю вас этим вопросом? Я не спрашиваю о суммах ваших гонораров.

— Почему я пишу? Мне пишется. Я ищу способ самовыражения. Карандаш, кисть помогают мне познать человека, в том числе и себя, раскрыть духовный мир моих современников, проникнуть в мысли, чувства, сделать человека лучше...

— Что же побудило вас стать художником?

— Моя профессия!..

В декабре 1969 года тяжело заболел Павел Иванович Беляев, командир «Восхода-2». Все свободное время Алексей Архипович посвящает семье друга, командира, бывает у него в больнице. Врачи предлагают делать операцию. Беляев соглашается. Он весел, разговорчив, просит не беспокоиться о его здоровье, скоро он покинет больницу.

Но самочувствие Павла Ивановича все ухудшалось.

Как помочь, что сделать? Алексей Архипович встретился с одним из хирургов больницы, спросил о возможных способах помощи Павлу Ивановичу. Хирург поправил маленькие очки, в упор посмотрел на космонавта.

— Помощь не нужна.

— Как не нужна? Он ведь болен. Может быть, можно что-то взять из моего организма?

— Спасибо, Алексей Архипович. Я все понимаю, но мы мужчины. Поймите, медицина не всесильна...

— Разрешите побывать у него.

— Пожалуйста...

Павел Иванович лежал в палате один. Леонов приоткрыл дверь, нарочно громко, чтобы и разбудить Беляева, и заодно продемонстрировать оптимизм, выкрикнул:

— Можно, товарищ командир?

Павел Иванович повернул голову, увидел Леонова, улыбнулся.

— Можно, все можно второму пилоту.

Говорили о космосе.

Павел Иванович говорил тихо, но достаточно внятно, размышлял над каждым фактом, вникал в его суть:

— Помнишь, мечтал Константин Эдуардович. В повести «Вне Земли» он составил интернациональный экипаж — русский, американец, француз, англичанин, немец и итальянец.

Алексей Архипович, давая больному передышку, перебил его:

— А Фрэнк Борман ведь так и сказал в Звездном городке: «Ныне достижения в космосе американских и советских космонавтов стали достояниями народов, они вышли за национальные границы...» — Леонов говорил и говорил, стараясь развлечь Павла Ивановича, а сам думал: «Как жаль, что человек еще не совершенен. Сколько бы он успел сделать, если бы не...»

— Леша! — Беляев неожиданно перебил Леонова.— Пока нет Тани, я хочу тебе сказать кое-что.

— Слушаю, командир,— с готовностью согласился Алексей Архипович, наклонился к голове Павла Ивановича и подумал о телепатии.

— Леша! Болезнь прогрессирует, видимо, я встречаю последний Новый год в своей жизни...

— Паша! — В энергичном порыве, так присущем Леонову, он встал и, размахивая руками,— замолчи, дескать, не хочу слушать,— сказал: — Паша, как можно об этом говорить! В тебе болезненно заиграло больничное уединение. Мы еще с тобой полетим...— Какой был смысл так грубо врать! Он сделал вдох и услышал скрип двери: на пороге стояла улыбающаяся, порозовевшая на морозе Татьяна Филипповна, жена Беляева. Спасительное вторжение.

— Мне пора уходить? — спросил Леонов.

— Нет, это, наверно, я рано пришла.

Леонов знал Татьяну Филипповну не один год: умная, тактичная, обходительная, добрая, щедро несшая тепло и радость и в свой дом и дома друзей.

Татьяна Филипповна была наградой Павлу Ивановичу за его жизненное бескорыстие...

10 января 1970 года Павел Иванович скончался.

Ушел из жизни наставник и командир, свидетель и участник дерзновенного эксперимента — выхода в космос, выдающийся летчик, душевный и умный человек... «...Образцом для подражания был для меня и Павел Беляев. У него я многому научился»,— скажет Алексей Архипович.

Именно в этот период Леонов обращается к журналисти-

ке, в поисках путей поведать о пережитом, рассказать о товарищах, о неутомимых поисках в науке. Он выступает со статьями и публицистикой, пишет научные исследования. Продолжал заниматься он и другим, любимым искусством — живописью. Правда, космонавтика по-прежнему забирала все основное время. Профессия владела им сильно и всецело.

«За последние два с половиной года,— писал Леонов,— я сделал не так много: четыре картины маслом, несколько пастельных и десятка полтора живописных работ, что называется, «для души». У меня просто нет времени». Но... «Я знал,— скажет Леонов,— чего хотел в жизни».

...Как-то в Звездный городок приехали однополчане Алексея Архиповича. Говорили о новостях, о бывших сослуживцах, о тех, кто больше всего оставался в памяти: людях со счастливыми и неудачными судьбами. Ребята держали себя скованно.

Алексей Архипович расстроился, сказал им об этом.

— Вы такой известный человек... космонавт...

— Вы! Да что я, чужой вам? Ведь я летчик и всему хорошему, что у меня есть, обязан полку, друзьям. А вы передо мной...

— Не обижайся, Леша, но мы все-таки робеем. Космонавты выше летчиков, и вовсе не потому, что их, то есть вас, мало, а потому, что от вас большего ждут. Вы не имеете права обмануть надежды людей.

Для музея части летчики попросили кое-что.

— Берите все, что надо,— сказал Леонов и показал на обилие сувениров в доме.

— Нам бы хоть одну вашу картину!

— Пожалуйста!

— Нам бы...

— Пожалуйста!

Нагруженные и навьюченные подарками и «экспозиционным материалом», однополчане возвращались домой...

Или вот другой случай того времени.

В одном из художественных салонов готовилась выставка картин Алексея Архиповича.

Когда с выставки исчезла одна из работ, устроители ее, не сумевшие обеспечить сохранность произведения искусства, не на шутку взволновались исчезновением художественного полотна: пропажа несомненно наносила удар по престижу этого салона. Но факт есть факт. О пропаже надо сообщить автору. Расстроенные и измученные поисками организаторы выставки сбивчиво и не очень внятно известили Алексея Архиповича об утрате картины.

— Правда украли? — спросил космонавт.

— К сожалению, правда. Но мы готовы возместить...

— Очень хорошо,— улыбаясь, сказал Алексей Архипович.— Если взяли, значит, она кому-то нужна...

Между тем жизнь Звездного шла своим чередом. Усложнялись программы стартов, усложнялась подготовка экипажей.

На проходившей в октябре 1970 года в Москве первой встрече американских и советских технических специалистов в области космоса состоялся предварительный обмен мнений о возможности обеспечения средств сближения и стыковки космических кораблей.

В июне и ноябре 1971 года состоялись еще две подобные встречи. На них была рассмотрена возможность испытания создаваемых совместимых средств сближения и стыковки во время пилотируемых полетов на существующих космических кораблях СССР и США в середине семидесятых годов. Встречи проходили поочередно в Москве и Хьюстоне и возглавлялись председателем совета «Интеркосмос» при Академии наук СССР академиком Б. Н. Петровым с советской стороны и руководителем Центра пилотируемых полетов НАСА Р. Гилрутом — с американской.

6 апреля 1972 года был принят «Итоговый документ», в котором фиксировалась договоренность о том, что для испытания разрабатываемых совместимых средств сближения и стыковки космических аппаратов целесообразно осуществить экспериментальный полет со стыковкой советского и американского космических кораблей.

В октябре 1972 года была назначена дата совместного экспериментального полета «Союз» — «Аполлон» — 15 июля 1975 года...

В начале 1973 года Алексея Архиповича вызвали в совет по международному сотрудничеству «Интеркосмос». Разговор был деловой. Ему предложили участвовать в программе «Союз» — «Аполлон», в качестве командира первого советского экипажа...

Не ожидая такого крутого поворота, Леонов на мгновение растерялся, не зная, как и что сказать. Но, будучи человеком предельно собранным и целеустремленным, перешел к делу:

— А кто бортинженер?

— Кубасов...

— Хороший специалист,— ответил Леонов.

Валерия Кубасова Леонов знал уже почти десять лет как инженера КБ, где создавались космические корабли. Вместе они готовились по одной программе «Салюта». Он был ему близок еще и тем, что имел очень много общего с Павлом Ивановичем Беляевым, его первым командиром по «Восходу-2». Немногословный, рассудительный и такой же, как он, дотошный. Во всем докапывается до деталей. Первое впечатление: медлителен, тугодум. Но нет. Глубоко думает, ничего на веру

не берет. И решений с бухты-барахты не принимает. Темпераментный Леонов иной раз его подгоняет, а он, сангвиник, сдерживает. И ошибок оба делают минимум.

Как-то во время одной из тренировок экипаж — Валерий Кубасов и Алексей Леонов — получил радиограмму. Леонов ее принял. Умом и сердцем, как говорится, пошел дальше. А он, Кубасов, просит «Землю» повторить еще и еще. Алексей не выдержал:

— Хватит, Валерий. Ясно давно.

— Нет, Леша, здесь со временем не так...

— Ну запиши. Потом проанализируешь,— не унимается импульсивный командир экипажа.

— Потом будет поздно. Выйдем из зоны связи...

Бортинженер продолжает копаться в документах. Леонов смотрит на часы. Времени действительно в обрез. Еще немного — и связь оборвется. Тогда не уточнишь. Вчитывается в радиограмму: да, напутано! Кричит: «Ну и мужик же ты правильный, Валерка»...

Леонов обдумывал предложение.

Алексей Архипович хотел уже было дать согласие, поблагодарить за оказанное доверие, заверить в том, что выполнит государственное задание самым лучшим образом, как вспомнил свои скромные познания в английском. Смущаясь, сказал:

— Но у меня нет языковой подготовки...

— Создадим условия — наверстаете,— подбодрили его.— Технику знаете хорошо, сосредоточитесь на изучении английского. Еще два года до полета... Хватит вам этого времени?

Леонов понимающе улыбнулся:

— Вполне...

Его мечта сбывалась...

Он вспомнил свой последний разговор с Сергеем Павловичем Королевым. «Всегда прав был Главный...»— подумал он.

В конце мая того же года Леонов и три других командира экипажей со своими бортинженерами вылетели в Париж, в Ля Бурже на встречу с американскими астронавтами. Кто назначен в состав основного экипажа от Соединенных Штатов Америки, он уже знал.

О Стафорде и Слейтоне какое-то представление имел. О Бранде — никакого. Он не из летавших в космос. Владимир Шаталов, побывавший уже в Хьюстоне, рассказывал: «Видел там паренька, зовут его Вэнс Бранд, который превосходно работает на бортовой вычислительной машине. Буквально разговаривает с ней...»

И все. Другое дело Слейтон. С ним встречался еще в Афинах, на одном международном конгрессе. Он тогда занимал большую должность — возглавлял отдел подготовки астронавтов. В Греции Слейтон произвел на него сильное впечат-

ление. Подтянут, корректен, знающ. А главное, был весьма порядочен во взаимоотношениях с советскими космонавтами. Не пошел на поводу у отдельных темных личностей, обеспечивающих их представительство на конгрессе.

Лучше других Алексей знал Тома Стаффорда. Познакомился с ним еще в июне 1971 года, когда Том приезжал проводить в последний путь погибших советских космонавтов — Добровольского, Волкова, Пацаева. Поговорил с ним тогда немного, не зная, конечно, что в будущем их сведет общая работа. Выглядит Том старше своих лет. Степенен и рассудителен, как дед. За ним сразу же закрепилось это прозвище — «Дед Том». Мягкий и добрый по натуре, он и во время тренировок обращался к Леонову на манер высшей интеллигентности. «Включите, пожалуйста, Алексей, это», «Извините, пожалуйста...», «Я хочу сделать это. Помогите, пожалуйста». Другого обращения он не признавал. Даже после, когда они близко сошлись, стали дружить семьями, Том не изменил себе. Голубоглаз, в меру худощав и подвижен, он понравился Алексею с первой встречи.

Свои рассказы Стаффорд, как азартный мальчишка, сопровождает выразительными жестами, мимикой. А за плечами — огромная интересная судьба, деятельная жизнь в авиации, космосе.

До прихода в Центр подготовки в Хьюстоне Стаффорд занимался летными испытаниями самолетов. Провел в воздухе более тысячи часов, доведя до требуемой кондиции десятки истребителей, в том числе и небезызвестный «фантом». Одно время командовал даже школой летчиков-испытателей.

Как признался Стаффорд, вряд ли он стал бы астронавтом, не будь потрясшего мир броска в космос нашего Юрия Гагарина. В тот апрельский день шестьдесят первого года он, возвратясь из очередного испытательного полета, услышал эту потрясающую новость: русские послали во Вселенную человека!

Вот что писал собственный корреспондент «Правды» в Нью-Йорке 13 апреля:

«Пожалуй, никогда еще Америка не была так взбудоражена и взволнованна, как в эти дни. Нет сейчас в США человека, который не повторял бы русской фамилии Гагарин. Его портреты то и дело появляются на экранах телевизоров, о нем каждые 10 минут говорит радио, его имя выстукивают телеграфные аппараты. «Колумбом космоса», «Героем среди героев» называет Юрия Гагарина потрясенная Америка.

На улицах, в автобусах, в кафе то и дело можно услышать ласковое сокращение: «Гага...»

Известие о полете Гагарина произвело на Стаффорда такое сильное впечатление, что он решил во что бы то ни стало стать астронавтом. И добился своего...

Но вернемся к прилету Леонова в Ля Бурже.

Тогда, в Париже, Вэнса Бранда не оказалось. Американцы осуществляли полет по программе «Скайлэб». 30 мая стартовал в космос экипаж Чарлза Конрада и Бранд находился на космодроме.

Там, в Бурже, Алексей встретил свой день рождения. Ему исполнилось 39 лет. Космонавты отметили эту дату весело, с выдумкой, поставив по традиции именинника на голову, чтобы отстоял «положенные» 39 секунд, и вручили огромный торт.

Кроме Стаффорда и Слейтона на этой встрече были и возвратившиеся недавно из своего космического путешествия на «Аполлоне-17» Сернан, Шмидт и Эванс, совершавшие свою рекламную «кругосветку» по странам.

...Спустя месяц, в июле, состоялась их новая встреча — в Хьюстоне, куда в свою первую рабочую командировку отправились все четыре советских экипажа, определенных для участия в ЭПАС. Красавец «Ил-62» перебросил космонавтов через Атлантику в Нью-Йорк. Затем «Дельта», рейсовый самолет местной авиакомпании, доставила их на аэродром, расположенный вблизи Центра подготовки астронавтов имени Джонсона.

Был поздний час, когда «Дельта» остановилась у залитого яркими огнями аэропорта. Встречавших было много. Их здесь ждали. Леонов легко узнал в толпе рослого стройного «Деда Тома», приветливо махавшего рукой. Сбежав по трапу, Алексей попал прямо в объятия Стаффорда.

Здесь же, в порту, был и Вэнс Бранд. После Парижа Алексей знал теперь о нем больше. «Умный, очень подготовленный инженер, к тому же хороший летчик и астронавт,— рассказывали американцы.— Но невезучий. Планировался в космический рейс, не раз доходил до самого старта, и тут какая-нибудь болезнь давала о себе знать. В последний раз прямо перед посадкой в ракету выступила краснуха. Болезнь детская, но его опять заменили дублером...»

Познакомившись с Брандом ближе, Леонов убедился в справедливости данной ему аттестации. Действительно, Вэнс общался с вычислительной машиной удивительно легко, будто разговаривал с человеком, а не с ЭВМ. Королем он был и на тренажерах. Во внешнем облике Вэнса, его характере было немало русского, и наши парни окрестили его тут же на свой манер — Ваней. Это ему очень понравилось. «Иван» быстро привык к своему новому имени, охотно откликался.

Стаффорд и Леонов с первых дней установили деловые командирские отношения. Пока им в этом помогал переводчик. Они тянулись друг к другу, стремясь «состыковаться» прежде всего характерами. И всем это было понятно. Они — командиры экипажей, главные организаторы и ответчики за полет, успех эксперимента во многом зависит от них.

Есть у летчиков-испытателей и свои правила жизни, работы. Летное мастерство, риск в полете — обязательные атрибуты их дела. И мужество для них — это не какой-нибудь особый признак характера, а просто исполненная работа. Не больше. И проверяют они друг друга порой не принятыми в широком кругу способами.

Подвергся этому в Хьюстоне и Леонов... Но до этого у него была своя проверка, которую учинил ему однажды летчик-испытатель Егор Милютичев, один из асов вертолетчиков. По программе Алексею требовалось дать хорошую вертолетную подготовку. Он ее получил. Настала пора держать летный экзамен на «Ми-4». Принимал сам Милютичев. Выполнив задание в пилотажной зоне, Леонов повел было вертолет на аэродром. Но Милютичев взял управление в свои руки и изменил курс полета. Выбрав в лесу небольшую полянку, посадил туда машину. Мотор приказал не выключать. Выпрыгнул из кабины, безразлично махнул рукой:

— Лети! Сделай пару полетиков...

Леонов глянул за борт. Будто в бурю перед грозой, раскачивались рядом ветки взбудораженных винтами деревьев. Взлететь отсюда по силе только летчику особой собранности и глазомера. Он дал обороты мотору, потянул на себя ручку «шаг-газ».

Машина круто вздыбилась над лесом. Он ее развернул и повел курсом на север. Не больше тридцати минут длился этот полет, но он оказался для него серьезным испытанием на готовность к работе в космосе...

И вот теперь, по существу, такой же проверке подверг его Стаффорд, этакий «волк» в летно-космических переделках. В одну из тренировок с ним Стаффорд предложил ему свое командирское место в тренажере «Аполлона», рассказал о предназначении кабинного оборудования, выполнении полета на корабле. И поставил задачу — посадить возвращающийся с Луны корабль в заданном районе Тихого океана. Расстояние до Земли 11000 километров, скорость — вторая космическая, 11 километров в секунду.

Леонов в корабле остался один. Стаффорд и специалисты спустились вниз, к пультам контроля. И хотя Алексей впервые «видел» этот тренажер, посадка у него получилась на редкость удачная. Всего 600 метров от «креста»! Астронавты явно были удивлены. «Как это так,— говорили они.— Русские не имеют пилотируемой лунной программы, их командир на «Аполлоне» никогда не летал, а задание выполнил превосходно».

Том Стаффорд ликовал, пожалуй, больше других. Именно с таким русским парнем ему хотелось работать в космосе. Остро чувствующим технику, хватким, умным. Да, конечно, он Леонова знал еще по встрече в Москве, но то были представления, не связанные с их будущим полетом. А теперь, показы-

вая запись телеметрии, Стаффорд торжествующе жестикулировал, издавал эффектные щелчки пальцами.

«Стыковка» командиров проходила великолепно.

Разобрав полет по косточкам, Стаффорд обнял Леонова за плечи.

— О'кэй, Алексей! — сказал он и улыбаясь добавил: — В следующий раз получишь для посадки не район, а точку...

— Можно и точку,— ответил на шутку шуткой Алексей.

Как и Том, он отлично понимал, что при космических параметрах полета это почти невозможно.

А вскоре пришлось держать еще одно испытание. И опять его учинил Стаффорд, признанный выдумщик нештатных ситуаций. Предложил Леонову выполнить стыковку «Аполлона» с «Союзом» ночью по бортовым габаритным огням. Программой ЭПАС это не предусматривалось. Все они делают днем. Это Стаффорду ясно. Как ясно и то, что, если Леонов хорошо причалится в темноте, на свету ему, как говорится, и делать нечего будет. Потому и дал такую «сверхзадачу»...

Алексей понял это, будучи уже в «полете». Пилотируемый им «Аполлон» вошел в ночь, и тут он вдруг получает команду: произвести стыковку. Первое охватывающее его чувство — отказаться. Но тусклой звездочкой вдали мерцает родной «Союз». Он посвятил ему многие годы своей работы в Центре и верил в него как в самого себя. Решительно подал крупную порцию газа в реактивные рули. Приближался к «Союзу». Но что это? По мере сближения он все никак не узнавал его. Бортовые огни виделись как бы с изнанки. Притормозил, пристально разглядывая «машину» в визир. Не разобрался. Дал газ еще, подошел ближе. И тут только понял: «Союз» повернут к нему тыльной стороной да еще потихоньку вращается. Ну и Дед! Придумал же вводную...

Действуя осторожно, подвел «Аполлон» к «Союзу». Завис возле него, вникая детально в обстановку. Двинулся в обход, к тому месту, где находится стыковочный узел. Метрах в пятнадцати остановился, выровнял корабль, давая крохотные доли газа в рули, пошел на стыковку. Шаг. Еще шажок. Ближе. Еще ближе. Впившись в перекрестие прицела, лишь сжатием ручек управления подавал кораблю нужные команды. «Аполлон» не шел, а буквально крался к «Союзу». Ткнулся в «причал» и стих. Алексей метнул взгляд на табло. Оно сигналило о том, что корабли соединились, операция по стыковке завершена.

На миг расслабился. Откинулся слегка на спинку сиденья, облегченно вздохнул. Хотел было сдуть капельку пота с кончика носа, но тут услышал в наушниках знакомый голос Тома:

— О'кэй, Алексей! Отличная работа...

Алексей был в гостях почти у всех астронавтов. Живут

они в одноэтажных коттеджах, в окружении стриженых газонов и вечнозеленого кустарника. Но чаще заходил к Стаффордам. Провести вместе ужин, а то и просто так — потолковать о работе, о воспитании детей, всякой всячине. У Тома две дочки. Одна училась в университете, другая заканчивала колледж и собиралась поступать в высшую школу. Жена Фэй имеет свой частный магазинчик, прямо возле гостиницы, где жили космонавты.

Стаффорд, рассказав об этом, в шутку заметил:

— Моя жена имеет бизнес. Зарабатывает в день полдоллара!..

Том типичный янки, но с сильным оклахомским выговором, и космонавты по этому поводу не раз шутили. Мол, невозможно уловить ни начала ни конца в его фразах. Даже его жена признавалась Леонову, что не всегда понимает Тома.

Уже после полета миссис Фэй Стаффорд как-то спросила Алексея:

— Как вы его понимаете? Я прожила с ним двадцать лет, а иногда не понимаю, о чем он говорит.

На что ей Алексей шутливо ответил:

— Миссис Фэй, если бы вы провели с ним столько дней на комплексном тренажере, уверен, стали бы лучше понимать своего мужа.

Языкового барьера, как и других барьеров, у них не было...

Подготовку советских космонавтов, их инженерную эрудицию, крепкую летно-космическую выучку высоко оценили американские специалисты. Янки не удивились, когда Леонов поведал им о том, что к такому полету они готовились, по существу, давно. Задолго до приезда в Хьюстон. Изучали «Аполлон», его системы, принципы управления в полете, технику возвращения с лунной орбиты на Землю. Здесь же, в Хьюстоне, им нужны были лишь тренировка на реальном корабле, его тренажере. И на командирском сиденье бригадного генерала Стаффорда Леонов чувствовал себя уверенно.

Корабли эти в принципе мало чем отличались. И тот и другой к моменту рождения проекта ЭПАС прошли большой «космический путь». На «Союзе» осуществлены многочисленные пилотируемые полеты по орбитам спутника Земли, «Аполлон» освоил трассу Земля — Луна. Созданные для решения разных задач, корабли, понятно, имели и разный вес, и разную тягу двигателей управления. На американском корабле они по 40 кг каждый, на «Союзе» — по 10. Садясь за командные органы «Аполлона», наши космонавты действовали в полете как бы более энергично. А астронавты США, привыкшие к своим мощным рулям, на «Союзе» поначалу пилотировали не всегда удачно. Приходилось много показывать и рассказывать, пока не вошло все в норму.

...Хьюстон. Что знал о нем Леонов и прибывшие с ним товарищи? Очень мало. Ну то, что город этот по размерам шестой в США, что расположен он вблизи Мексиканского залива, чуть ли не в самом жарком месте нашей планеты. А приехав, увидел, что Хьюстон город бурно растущий, что многие сотрудники американского космического Центра, расположенного километрах в сорока южнее, «укушены домовым жуком»,— другими словами, заражены идеей частного строительства.

Увидели, поняли, что для американцев, разумеется обеспеченных, дом не только жилье, но и возможность вложения капиталов. Они скрупулезно следят за тем, как изменяется цена на недвижимость, возрастает ли ее стоимость или она «замерзла», какие есть возможности выгодно приобрести новый участок земли, какова конъюнктура в строительстве. Воспользовавшись благоприятными условиями, пожалуй, самого растущего города в США, новые дома построили себе многие работники Центра пилотируемых полетов.

Дома и машины — своеобразный культ для американцев. Советские космонавты воочию могли убедиться, что настоящий американец — обязательно архитектор своего дома и механик своего автомобиля...

На месте, где сегодня раскинул свои здания американский Центр, когда-то были заболоченные места. НАСА эти земли купила, провела немалые мелиоративные работы. А осушив, создала здесь свой Центр, дав ему имя одного из президентов своей страны — Джонсона. Вокруг постепенно выросли жилые массивы, состоящие в основном из частных одноэтажных или двухэтажных домов. Сам же Центр очень компактен. Много больших зданий — административных, учебных, тренажерных... Последние наши космонавты узнавали легко: ни одного окна, одни двери. Внутри кругом искусственный свет, стерильная чистота. И конечно — постоянно умеренный климат.

Влажность в Хьюстоне высокая, температура воздуха — тоже. С апреля по декабрь — за 35 градусов по Цельсию. Духота.

— Как вы тут жили, когда не было кондиционеров? — спрашивали космонавты у хозяев.

— А мы здесь и не жили,— улыбаясь, отвечали они.

Центр весь обнесен забором из сетки. За ним — водный канал. Но с 10.00 и до 17.00 въезд в городок для всех свободен. Туристов бывает много. Паркуют свои автомобили на специальных площадках, вереницей тянутся по дорожкам, глазея направо и налево. Толпятся на смотровых площадках, смотрят на комплексный тренажер за стеклянными витражами, как тренируются астронавты, чем занимаются. В дни приезда советских космонавтов их особенно много.

Делается это ради налогоплательщика. Пусть приходит, смотрит, куда тратятся его деньги...

Кроме астронавтов самыми близкими из американцев к космонавтам были доктор Гленн Ланни и назначенный руководителем полета с их стороны Пит Франк. Встречались с ними чаще всего. Этим американцам тогда было где-то за 40, но считались они одними из самых квалифицированных специалистов в своем деле. Любые технические вопросы, организационные умели решать предельно оперативно, с большим толком. Подхватывали сразу любое интересное предложение, брались за его разработку тотчас.

Однажды во время обсуждения деталей стыковочных возможностей кораблей Леонов заметил, что на «Аполлоне» не установлена мишень, с помощью которой можно было бы уверенно выполнить эту операцию. Сказал об этом Ланни:

— В конструкции корабля не нахожу очень важной для меня детали.

— Какой, мистер Леонов?

— Стыковочной мишени. Мы же ставим на «Союз» такие, даже две... Как мне контролировать положение корабля во время подхода «Аполло»?

Опытный инженер, Ланни сразу смекнул: космонавт прав: без мишени не обойтись.

Прошло два дня, Леонову показали чертежи. Это было устройство из диска и креста, установленных друг за другом. На диске тоже изображен крест. Они крепятся на штанге, которая выпускается после выхода корабля на орбиту. Такое устройство позволяет определить и створ, и дальность до «причала», видеть свой угол тангажа и курс по отношению к «Аполлону». Стыковочную мишень американцы спроектировали хорошую.

— Согласны, мистер Леонов?

— Да.

— Тогда запускаем в производство...

Ему вспомнился этот разговор в Хьюстоне на четвертый день их полета. Выполнив намеченную программу, «Союз» расстыковался с «Аполлоном». Предстояло продемонстрировать его работоспособность в активном режиме. Корабли разведены в сторону, выполнен эксперимент «Солнечное затмение». И через 6 минут, в 15 часов 34 минуты, «Союз» и «Аполлон» коснулись, выровнялись, началось стягивание. Время неслось к рубежу.

На календаре была дата — 19 июля 1975 года...

Все вопросы они решали тотчас, с оперативным исполнением замысла. И в этом немалая заслуга директоров ЭПАС члена-корреспондента АН СССР профессора К. Д. Бушуева и доктора Г. Ланни. Бушуева ученый мир знает как крупного ученого в области космической техники, руководителя одного из отделений Академии наук СССР. Ланни известен в НАСА как многократный победитель конкурсов на звание лучших деловых лю-

дей США. Оба по праву носят свои высокие титулы. Кто же они такие, директора программы? Не только представители сторон, но и основные руководители, которым поручается решение всех вопросов, связанных с успешной реализацией ЭПАС. Они определяют программу, организуют и ведут ее до конца. Подбирают кадры ученых, инженеров. Распределяют заказы, собирают их. В общем, это те личности, которые руководят всем, что происходит до полета, во время полета и после полета.

Гленна Ланни программа ЭПАС сделала в Америке широко известным. Он по праву считается выдающимся специалистом своей страны по космической технике. Как большой знаток, он высоко оценил достижения советской космонавтики, советской космической техники. Корабль «Союз» в его собственном представлении, представлении американских астронавтов технически очень совершенная машина. Удачна, во многом поучительна компоновочная схема ее кабины. Она значительно отличается от американской. На «Аполлоне» она напоминает кабину большого самолета. Обилие пультов, усеянных тумблерами, переключателями, рубильничками. Каждая бортовая система корабля, по существу, имеет свой пульт.

На советских же кораблях избран матричный вариант компоновки. На небольшой «квадрат» приборной доски выводится большой объем информации. На один контрольно-электронный прибор, по усмотрению космонавта, могут «вызываться» параметры любой интересующей его системы. Это экономно, прогрессивно, оригинально...

В общем, работая вместе, «стороны» могли убедиться, что и советские технические решения, и американские имеют много «за» и «против». Такой обмен помогает выбрать оптимальные требования, единые для всех космических систем, создавать корабли по последнему слову науки и техники.

...Американские астронавты появились в Звездном впервые в ноябре 1973 года, четыре месяца спустя после возвращения из Хьюстона советских экипажей. У нас стояли уже сильные холода. Прибыв к нам налегке, свою работу они начали с переодевания в русские зимние одежды. Получили шерстяное белье, теплые спортивные костюмы, обувь. Облачившись в непривычный наряд, много шутили, смеялись. Но одежда пришлась им по вкусу: теплая, гигиеничная, из натуральной ткани...

Первое совместное занятие — спорт. У астронавтов хорошая беговая подготовка. Считают, что бег позволяет держать себя в форме. У Алексея в то время был перерыв в беговой подготовке. Не занимался кроссами с полгода. Вгорячах побежал вместе со Стаффордом, Слейтоном и Брандом. Темп гости задали высокий, и Алексей едва выдержал дистанцию...

А потом они встретились в спортзале. Играли в любимую игру американцев — баскетбол. Леонов, Кубасов, Филипченко, Иванченков и Андреев — с одной стороны. Стаффорд, Слейтон,

Бранд, Бин и Сернан — с другой. Гости прекрасно владели мячом, красиво водили и метко бросали по кольцу. К тому же они выше наших парней. Но ребята противопоставили им свою волю, напористость и хорошую тактику игры. Баскетбольные поединки между ними все же проходили на равных. Ну, а в футболе переигрывали гостей не раз.

Особенно по душе пришлись американцам «тренировки» в русской бане, той, что построена по настоянию и под присмотром Юрия Гагарина. Обжигающая ледяная вода в шайках. Стоградусный пар, перехватывающий дыхание. Сладкий аромат березового веника... Все это было высшим компонентом в испытании на выживание. Жаль, на озере ледок тонкий, а то на российский манер купнули бы гостей в ледяной купели!

Гостеприимство русское известно какое. Широкое, от всей души, искреннее. Его сполна получали американские астронавты в Звездном и в других местах, куда приезжали.

Однажды произошел такой случай. Шли тренировки на макете советского корабля «Союз», где стоял стыковочный модуль американского аппарата. К нему, как и к орбитальному отсеку «Союза», подводились трубы от кондиционера для обеспечения гигиенических условий во время тренировки. Трубы эти, хотя и были изготовлены из титана, напоминали обычные самоварные.

Однажды американские коллеги спросили Леонова: «Что это за трубы подведены к орбитальному отсеку?» Он совершенно серьезно им ответил: «Знаете, русские люди любят пить чай из самовара. Так они для того, чтобы пар выходил». «А зачем вы к нам в стыковочный модуль их провели?» — не унимались астронавты. Тогда Леонов решил разыграть их до конца: «А мы думаем и вас чаем угостить».

Американцы стали благодарить, поминая добрым словом русское радушие. Когда же выяснилось, что это была шутка, долго смеялись.

Трудная, напряженная работа, как известно, не мыслима без разрядки...

Тренировки в Центре подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина, как и в Хьюстоне, проводились в полный накал сил, по плотному распорядку. Всего сразу было не охватить, поэтому первый этап совместных работ в Хьюстоне и Москве был посвящен изучению космической техники. Наши экипажи изучали конструкцию «Аполлона», а астронавты — «Союза». Обменялись необходимой документацией, видеозаписями и схемами, облегчающими самостоятельное изучение особенностей конструкции и эксплуатации бортовых систем кораблей.

И уже в следующем году, на втором этапе совместной подготовки, приступили к тренировкам. Оба Центра — Центр подготовки имени Гагарина и Центр имени Джонсона — к это-

му времени создали достаточно хорошую техническую базу. А на очередной встрече, в апреле 1974 года, усилиями обеих сторон были отработаны и согласованы все особенности выполнения наиболее ответственных операций по переходам из корабля в корабль, утвержден словарь радиообмена, опробована космическая пища и выбраны рационы питания.

На тренажерах и макетах кораблей «Союз» и «Аполлон», а также на стыковочном модуле заканчивался проигрыш всех этапов штатных операций при выполнении стыковки, переходов и совместных научных экспериментов в ходе полета. Стало возможным послать в испытательный полет космонавтов А. Филипченко и Н. Рукавишникова на «Союзе-16», «родном брате» «Союза-19»...

Стыковочные агрегаты, созданные инженерами обеих стран, работали в космосе безупречно, показав свою высокую надежность...

В свободное время, которого, конечно, выдавалось немного, астронавты и космонавты любили поговорить на «космические» темы. Мнения по некоторым вопросам совпадали.

Вэнс Бранд считал, что неотложной задачей, которую человечество должно решить в самом ближайшем будущем, является обеспечение легкой и дешевой транспортировки больших полезных грузов и большого числа людей для того, чтобы ускорить проведение научно-технической революции в космосе.

Задачей, которую люди будут решать в последующее пятидесятилетие, на его взгляд, должно стать дальнейшее исследование Солнечной системы, наблюдение и регулирование земных процессов с орбитальных космических станций, а также создание солнечных орбитальных электростанций. Дальнейшее изучение Солнечной системы позволит лучше понять собственную планету и таким образом окажет непосредственную практическую помощь.

Алексей Леонов видел одной из важных задач — познание связей Земля — Солнце, Солнце — Галактика, Галактика — Вселенная. Ведь не случайно все больше и больше ученых стало обращать свое внимание к Солнцу: именно оно поможет предсказать завтрашний день планеты. Оно поможет дать окончательный ответ, потеплеет или похолодает на Земле.

Да и будущее Солнца не такой праздный вопрос.

28 января 1976 года, например, была зафиксирована гибель звезды размером с наше светило. В течение 40 секунд звезда сжалась (коллапсировала) до размеров Луны. При этом произошло такое выделение энергии, что нынешнему поколению Земли ее хватило бы на миллиарды лет.

В общем, это одно из тех загадочных явлений, которые еще только предстоит понять и изучить космической науке...

Говорили космоиспытатели и о внеземных цивилизациях.

Вэнс Бранд:

— Откровенно говоря, я не знаю, что бы я сделал, если бы встретился с инопланетянами, но, вероятно, проявил бы одновременно и любознательность и осторожность. В этой ситуации, мне думается, очень важно сообщать на Землю абсолютно обо всем, что ты видишь, чтобы люди смогли составить определенное представление о другой цивилизации.

Где-то далеко во Вселенной должны существовать цивилизации с более высоким уровнем развития, чем наша. По теории вероятности, такие цивилизации существуют, но я сомневаюсь, что мы встретимся с ними в скором будущем.

Томас Стаффорд:

— Я не могу даже представить себе, как я поступил бы, встретившись с кем-нибудь из глубин космоса. Я надеюсь только, что он — или она — окажется дружелюбным и коммуникабельным.

Да, я полагаю, что где-нибудь в космосе должна существовать какая-то жизнь. Я не могу поверить, что самая разумная форма жизни развилась на Земле (потому что куда же тогда деваться всем прочим бедным душам?), если представить себе, какие безграничные возможности для развития еще более высокого разума могли встретиться где-нибудь в другом месте. Быть может, космос действительно огромен и нашей Земле придется прожить еще очень долго, пока мы натолкнемся на доказательство существования и других форм жизни.

Во время полетов я видел интересные, а подчас и редкие по красоте вещи, но не встретил ни одного «неопознанного летающего объекта».

А Алексей Леонов рассказал американцам об одной интересной версии.

Всякий раз, находясь рядом с Солнцем, кометы значительную часть своего вещества расходуют на образование хвоста. Зная массу кометы и массу хвоста, можно вычислить время ее жизни — время, за которое она саму себя истратит. Но комета, исчезнув с небосклона, через сто — двести — триста лет, нарушая все прогнозы, появляется вновь и вновь! В чем дело? А как же закон сохранения вещества?

Очевидно, где-то в космической дороге кометы претерпевают неизвестные изменения.

Остается открытым вопрос и о том, откуда они вообще берутся. Ведь известно — возраст Солнечной системы не менее 4,5 миллиарда лет. И если предположить, что они родились одновременно с ней, то уже давно должны были израсходовать все свое вещество. Но если верить «глазам своим», кометы все-таки существуют, и, более того, число их растет.

Получается, что кометы «сотворяются» где-то в неведомых ученым небесных мастерских. По одной версии — вследствие мощных вулканических извержений на больших планетах и

спутниках. По другой — они рождаются в окрестности Солнца из гигантского кометного облака.

Но фантазия исследователей завела их еще дальше — появилась гипотеза о том, что некоторые кометы есть корабли — разведчики иной цивилизации и они уже тысячи лет собирают информацию о Солнечной системе и, в частности, о Земле. Кстати, перечисленные факты этому не противоречат...

Узнавая лучше друг друга, космонавты и астронавты готовились к главному: полету.

Подготовка завершалась. На очереди был старт.

Наука являлась ведущей силой в намечаемом мероприятии. Движение аппаратов по орбите очень чувствительно к влиянию даже малейших отклонений. Например, если при выведении скорость превысит расчетную всего на 1 метр в секунду, то в противоположной точке орбиты высота полета будет больше расчетной примерно на 3,5 километра. Кроме того, увеличится на 2 секунды период обращения по орбите, так что положение корабля через один виток будет отличаться от расчетного на 15 с лишним километров. Это отклонение будет нарастать пропорционально времени полета. В итоге к назначенному моменту встречи аппараты в действительности окажутся на очень большом удалении.

Стыковка кораблей должна состояться на круговой орбите. По соглашению между советскими и американскими специалистами решено считать Землю правильной сферой с радиусом 6378 километров. Так удобнее для расчетов.

Алексей Леонов в своих интервью говорил:

— Последние годы были направлены на дальнейшее изучение космической техники, ее разработку, на модификацию корабля «Союз»... Я — заместитель начальника Центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Значит, моя задача — готовить космонавтов, проверять их и давать им заключения на полет. Для того чтобы иметь моральное право это делать, надо самому уметь все, по крайней мере быть не хуже тех, кого проверяешь. Я был инструктором на кораблях «Восток», «Восход», «Союз». Как это ни грустно, я уже стал космическим ветераном и за годы, отданные профессии космонавта, участвовал в работе практически по всем советским программам.

В другом интервью (а их было много, ибо интерес к полету нарастал) будущие его участники заявляли:

А. Леонов:

— Наш полет должен оказаться полезным не только для двух стран — СССР и США, но и для всех, кто выйдет со временем на космическую дорогу. Мы рассматриваем полет как начало объединения усилий народов в изучении и освоении космоса при помощи пилотируемых аппаратов.

В. Кубасов:

— В известном соглашении между СССР и США о космосе в числе одной из главных целей — гуманная идея: поиск путей для оказания помощи кораблю или экипажу, попавшим в бедственное положение. Наш полет — это интернациональный полет, так как в нем участвуют представители двух государств. И надо думать, что в будущем международные экипажи станут обычным делом.

А. Леонов:

— На борту корабля «Союз» будет находиться флаг Организации Объединенных Наций. ООН приняла ряд важных документов, определяющих космический правопорядок. Вручением этого флага ей мы еще раз продемонстрируем всему миру, что космос — это великая сфера деятельности землян, принадлежащая всем. Космос будет служить только высоким идеалам человечества.

В. Кубасов:

— ООН называют «инструментом мира». По окончании полета вместе с американскими коллегами флаг, пронесенный над Землей первым международным экипажем, мы передадим этой авторитетной организации.

Для космонавтов был установлен четкий график тренировок, посещений КБ и заводов, изучения языка. Экипажи восемь часов были на службе и восемь часов работали дома.

В один из вечеров жена Алексея Архиповича Светлана, прервав занятия мужа, нежно сказала:

— Ты устал, Алеша. Сделаем сегодня перерыв.

Леонов улыбнулся, устало раскинул руки, смежив веки. Да, хорошо бы сейчас в лес, побродить с ружьем, порыбалить, посидеть у костра до синего утра, но...

— Мы обязательно погуляем,— сказал Алексей,— но не сейчас, потом... ну, скажем...

— После полета,— вкрадчиво сказала Светлана.

Алексей Архипович, уловив иронию, сказал:

— Может быть, и до полета.

Как-то в руках Леонова оказалось интересное сообщение. В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР хранятся материалы, датируемые 1877—1878 годами, под названием: «О приготовлении... для правительства Северо-Американских Соединенных Штатов употребляемых у нас спасательных ракет».

Оказывается, в 1877 году министерство иностранных дел России переслало в Российское общество подаяния помощи при кораблекрушениях «ноту пребывающего здесь поверенного в делах Северо-Американских Штатов о желании его правительства приобрести спасательные ракеты, употребляемые нашим Обществом...»

В связи с американским заказом Николаевский завод обязался, не снижая предусмотренных темпов производства ракет для нужд армии и флота России, изготовить дополнительно за оставшиеся пять месяцев 1877 года 50 спасательных ракет, а в 1878 году — 150 ракет.

Да, история хранит тайны лишь до поры до времени...

Вот один факт, касающийся начала работы над ЭПАС.

Уже много месяцев между советскими и американскими учеными шли переговоры. После долгих лет «холодной войны», породившей недоверие, подозрительность, враждебность, научные раунды пока были малорезультативными.

Появились сомнения в целесообразности намечаемого «космического» контакта. На пути его встали и различные подходы к техническим проблемам, несовместимость методики подготовки...

Когда успешно завершится программа ЭПАС, замдиректора НАСА доктор Джордж Лоу скажет: «Свою радость я с удовольствием делю с выдающимися советскими учеными, которые отдали ЭПАС столько сил. В первую очередь я хотел бы назвать академиков Келдыша, Котельникова и Петрова, а также профессора Бушуева, от работы с которым я получил истинное удовольствие. Потребуется еще немало времени, чтобы правильно оценить масштабы проведенной работы. Ее главный итог я вижу в том, что она распахнула перед нами двери в будущее. Я надеюсь, что сотрудничество только начинается и обе наши великие страны и впредь будут работать сообща в космосе...»

Осуществляя программу ЭПАС, советские и американские ученые совершили научный подвиг.

В один из дней, когда казалось, что все, что так долго обсуждалось, тщательно обговаривалось, может рухнуть, предложили обменяться делегациями космонавтов. В США побывали Константин Феоктистов, Георгий Береговой, Владимир Шаталов, Андриян Николаев, Виталий Севастьянов; СССР посетили Фрэнк Борман, Нейл Армстронг и другие.

Каждая сторона как полпредов делегировала своих лучших граждан, достойных представить страну и в космосе, и на Земле.

Отношения потеплели.

Работа по ЭПАС теперь продвигалась успешнее.

Удастся ли экипажам достичь психологической совместимости, взаимопонимания?

К совместному эксперименту была проведена огромная подготовительная работа, зрительно которую можно выразить, скажем, в таких цифрах.

С мая 1972 года по день полета состоялось более 20 встреч, 11 совместных испытаний всех видов, 6 тренировок экипажей и 6 — персонала центров управления полетом. Экипажи про-

вели 700 часов в совместных тренировках, или 18 недель. Были нанесены четыре визита советских космонавтов в США и четыре визита американских астронавтов в СССР. Стороны выпустили более 1500 документов объемом от нескольких десятков до нескольких тысяч страниц.

Многие из тех, кто успешно решал судьбу сложной и необычной программы ЭПАС, выросли в «школе» С. П. Королева, участвовали в свое время в разработке первых советских спутников, создании космических кораблей «Восток», «Восход» и «Союз», орбитальной станции «Салют»... Будучи людьми из «окружения» академика Сергея Павловича Королева, его воспитанниками, они выделялись среди других специалистов прежде всего активностью своей технической позиции, наступательным духом в поиске новых идей и решений.

И шло это, разумеется, от их Главного, его стиля работы, склада ума. Сергей Павлович был из тех руководителей, которые не ограничиваются констатацией фактов, а используют их, чтобы ставить новые задачи, и логика его рассуждений подчас была такова, что факты делали поставленную задачу совершенно обязательной для исполнителя.

Сегодня, когда остались позади сотни, даже тысячи решенных больших и малых проблем, ставивших порой всю работу ЭПАС на грань срыва, можно с уверенностью сказать, что преодолеть это удалось лишь благодаря таланту, мастерству и мужеству учеников и последователей академика Королева — человека новой научно-технической эпохи.

Все, кто работал с ним бок о бок или просто являлся свидетелем его деятельности в конструкторском бюро, на опытном заводе, отмечают удивительную способность «мэтра» опираться на творческую одухотворенность своих сотрудников.

Он замечал талантливого человека буквально с ходу. Помогал ему проявить себя в полную силу, работавшие с ним не помнят случая, чтобы он задавил кого-нибудь своим авторитетом, властью. Но к тем счастливчикам, кто попадал в его поле зрения, он предъявлял особые требования. Должны были работать за двоих. Им Главный обычно поручал самые срочные и ответственные задания. Им доставались и самые темпераментные разносы и в качестве утешения только такой довод: «Ты мне нужен, поэтому тебе и достается».

...Это было в самый разгар работы над «Союзом», космическим кораблем, принципиально отличным от своих предшественников — «Востока» и «Восхода». Для него уже была принята в качестве основной не сферическая форма спускаемого аппарата, ведущая его к Земле по траектории метеорита, а сегментальная. «Союз» обладает аэродинамической подъемной силой. Соответственно имел систему управления спуском с реактивными двигателями малых тяг. На «Союзе», кроме

того, применялись более совершенная система приземления и средства спасения экипажа, получившие впоследствии название системы мягкой посадки. В отличие от «Востока» новый космический корабль строился больших размеров: два жилых отсека, один приборно-агрегатный, что обеспечивало космонавтам определенный комфорт, позволяло находиться на борту длительное время, осуществлять выход в открытый космос, смену экипажей...

В общем, «Союз» был космическим кораблем третьего поколения, создан с прицелом на перспективу, его многолетнее долгожительство. Сегодня доподлинно известны все его преимущества перед своими предшественниками и за счет чего они достигнуты. Но тогда, в пору проектных изысканий, Сергей Павлович Королев, случалось, очень жестко спрашивал с разработчиков.

В один из таких дней он появился в проектном отделе своего КБ. Вошедшего в зал Главного встретил начальник одной из ведущих групп. Они прошли вместе к столу, где Королева поджидали семеро инженеров.

— Давайте знакомиться,— сказал Королев, протянув руку крайнему из них.

Поздоровавшись с каждым, Сергей Павлович снял с себя пиджак и повесил его на спинку стула, как бы обозначив этим, что разговор у них будет долгий, домашний.

Сев за стол, он сразу стал говорить о трудностях с новой машиной. Корабль они создают принципиально новый. И решения тут должны быть смелыми, оригинальными. Но в разработанных отделом схемах он, к сожалению, не видит этого, много обычного, блеклого. Нет изюмины. А это плохо, совсем не годится при разработке столь серьезной машины. Почему бы это?..

Королев выжидающе смотрит на инженеров, переводя взгляд с одного на другого. Те смущенно переминаются с ноги на ногу, не могут ответить. Видно, трудно бывает сойти с нахоженной дороги в сторону, тянет желание следовать знакомыми инженерными ходами в проектировании. А надо от этого уходить, сами чувствуют...

Понимая их терзания, Сергей Павлович говорит:

— Хочу поручить это дело всем вам. Именно всем. Думайте. Считайте. Рисуйте. Фантазируйте. Через месяц представите мне вариант, но такой, чтобы убеждал. Единственный вариант!

Сила Королева, возглавлявшего ведущий опытно-конструкторский коллектив в области создания ракетно-космических систем, в том и заключалась, что он, поставив задачу, не дожидался результата в тиши своего кабинета, а почти ежедневно являлся к разработчикам и вникал в их работу. До мелочей вникал. Иной раз камня на камне не оставлял от

какой-нибудь неудачной работы. Или молча стоял позади проектировщиков. Глядя на наброски, полностью уходил в себя. Выводов, однако, никаких не делал.

Настал день представления проекта. Вызвал начальника группы к себе. Тот разложил перед ним принесенные с собой схемы. Вариантов было несколько. А нужен один. Королев сказал об этом инженеру. Ох, как велико было его желание угадать мысли Главного! Но сделать это было невозможно. На каменном лице Королева никаких признаков.

— Вот эти,— сказал инженер, отобрав из вороха схем два крупных листа.

Королев и глазом не моргнул.

— Нужен только один.

— Этот...

— Спасибо, я его тоже выбрал.

Было найдено хорошее решение, сэкономлено время, которого у первопроходцев в то время было особенно мало.

Такой была атмосфера в его конструкторском бюро, и люди здесь всегда были на высоте творческого вдохновения, находили свойственные космическим программам оригинальные решения. Рядом с ним появилось немало талантливых инженеров, приумноживших космическую славу Страны Советов.

Один проект, одна программа покорения космоса завершали свое существование. Появлялся другой проект, другая программа, более совершенные и сложные. Два года трудились на космических орбитах гагаринские «Востоки», совершившие шесть успешных полетов. К стартам готовились новые корабли — «Восходы». Но уже в «живом» виде существовал и ставший позже легендарным «Союз». «Перекрытие» одной нашей космической программы другой обеспечивалось набравшей силу материально-технической базой, ростом соответствующих кадров.

Выросшие в КБ С. П. Королева специалисты оказали решающее влияние на поиск путей взаимного сближения, технических возможностей советского корабля «Союз» и американского корабля «Аполлон».

Далеко не сразу были преодолены трудности, связанные с проектом ЭПАС. Проблем встало немало. И реакция на них была не одинаковой. Одни опускали руки, считая задачу неразрешимой, другие вносили в проекты столько изменений, что, во-первых, это было едва ли выполнимым в те сроки, которые отводились на подготовку к полету, и, во-вторых, технически они так сильно изменяли корабли, их оснастку, что делали предстоящий старт в космос небезопасным.

Королев любил часто повторять: «Лучшее — враг хорошего». Для него эта простая житейская истина означала стремление всесторонне взвешивать каждое решение, чтобы

не допускать излишеств, приводящих к затяжке сроков и не дающих существенного эффекта. Особенно важно было научиться сдерживаться и научить этому своих помощников в условиях разработки новых конструкций, когда на каждом шагу подстерегал соблазн усовершенствований.

Главный реагировал на все причины, приводящие к задержке в работе, так, будто ему наносили личную обиду. За всеми изменениями он следил лично, и иногда дело принимало плохой оборот для «улучшателя». Королев учил помощников открывать новое в технике простыми решениями, ориентируясь обязательно на выигрыш в средствах и во времени.

Специалисты придерживались этого правила и во время работы по проекту ЭПАС. На космическом корабле «Союз» многое было изменено в конструкции, улучшено. Но делалось это только тогда, когда вызывалось технической необходимостью, задачей добиться лучшей их совместимости.

Никаких лишних переделок! Золотое королевское правило являлось рабочим девизом «сторон» и обеспечивало успех.

Директор Центра пилотируемых полетов имени Джонсона доктор Крафт потом скажет советским журналистам:

«Когда ЭПАС только рождался, у нас, признаюсь, были серьезные сомнения по поводу успеха этой миссии. Многие технические принципы и методики их решения мешали нам не меньше, чем языковой барьер. Работу, на которую надо было затратить 10 минут, мы выполняли за день. Но со временем мы научились понимать друг друга и доверять друг другу. Мы почувствовали общую ответственность за начатое дело. Космонавтика — на виду всего мира. Мы обязаны были добиться полного успеха».

Западная пресса была полна догадок.

«Американцы,— писали газеты,— шесть раз совершали полет в направлении Луны. 3 раза — в космической станции «Скайлэб» и один раз должны — для встречи на орбите с двумя космонавтами из Советского Союза. Удастся ли?»

Первый экипаж США. Командир — бригадный генерал авиации (кстати, самый молодой генерал в армии США) Томас Стаффорд, высокий, седовласый, с большими умными и настороженными глазами под кустистыми бровями. Томасу — сорок пять трудных авиационных и космических лет жизни. У него 6200 часов налета.

Стаффорд окончил военно-морскую академию со степенью бакалавра наук. В бурные годы развития авиации он решает посвятить себя трудному и рискованному делу — испытанию авиационной техники. В школе летчиков-испытателей Томас убедился в своей глубокой привязанности к небу. Он был в лучшей спортивной форме (Томас занимается тяжелой атлетикой, плаванием, играет в ручной мяч), имел до-

статочно высокий профессиональный авторитет, когда узнал о наборе в астронавты.

Томас Стаффорд трижды побывает в космосе, напишет две книги по аэронавтике, станет заместителем начальника отдела подготовки экипажей, в феврале 1974 года будет утвержден командиром основного экипажа по проекту ЭПАС, но будет по-прежнему считать себя неудачником.

— Я уже решил, что злой рок преследует меня,— скажет он потом.— Но опустить руки — значило отказаться от профессии космонавта.

Стаффорд был трижды дублером по программе «Джемини», прежде чем в декабре 1965 года на корабле «Джемини-6» отправится в космос. Это была третья попытка руководства НАСА поднять корабль в небо.

Первоначально старт был назначен на 25 октября 1965 года. До запуска двигателей оставалось 42 минуты, когда выяснилось, что попытка вывести на орбиту ракету «Аджена-Д», с которой предполагалось осуществить встречу и стыковку, не удалась. Ракетоноситель и корабль были сняты со стартового комплекса и увезены в ангары.

12 декабря того же года были включены двигатели первой ступени, однако спустя 1,17 секунд (еще до отрыва ракеты от стартового стола) они выключились по сигналу системы обнаружения неисправностей. Создалась ситуация, при которой командир корабля Уолтер Ширра должен был выдернуть кольцо катапультирования. Но Ширра этого не сделал. Хладнокровие и осмысленность действий были именно тем необходимым, что должен был проявить экипаж в столь сложной ситуации.

«Джемини-6» стартовал лишь 15 декабря.

17 мая 1966 года Томас Стаффорд должен был лететь на «Джемини-9». Запуск не состоялся из-за потери связи с ракетой-мишенью, стартовавшей несколькими часами раньше.

Неудачи продолжали преследовать Стаффорда. Старт «Джемини-9» состоялся лишь 3 июня. И когда все тревоги, казалось, были позади, а пилотируемый Томасом корабль почти вплотную приблизился к стыковочной мишени, стало ясно, что запланированная программа не может быть выполнена, носовой обтекатель от аппарата не отделился. От стыковки пришлось отказаться.

26 мая 1969 года Т. Стаффорд, Д. Янг и Ю. Сернан успешно совершили полет к Луне. Но и этот рейс Стаффорда не был лишен волнений. Находясь на низкой селеноцентрической орбите, астронавты имитировали взлет с Луны. Неожиданно в момент, когда произошло отделение посадочной ступени, взлетная кабина начала кувыркаться. В эти решающие секунды находчивость и мужество Стаффорда помогли избежать

больших неприятностей. Он взял управление на себя и стабилизировал полет кабины.

Томас Стаффорд — оптимист. Улыбка редко покидает его крупное лицо. Он искренне заражается смехом от шуток своего коллеги. Леонов поражал Стаффорда работоспособностью, умением владеть собой, переделывать в день кучу дел. Леонов тоже оптимист, он писал картины, когда уставал на тренировках. Писал много и, как находил Томас, хорошо. Он рисовал на листке бумаги и, если вдруг его творения исчезали, не обижался, а добродушно говорил: «Взяли, значит, нравится».

Он писал книги, когда считал, что наполнен мыслями, которые интересны читателю. У него 10 книг. И все это он делал легко, уверенно, увлекательно. Стаффорд оказывал Леонову все знаки внимания, был предупредителен, заботлив, тактичен. Члены его экипажа Вэнс Бранд и Дональд Слейтон были постоянно, круглые сутки, рядом, также внимательные и работоспособные.

Космонавты, американские и русские, пришлись друг другу по душе, они хотели летать вместе.

Этому радовались сторонники международных контактов, люди, хорошо понимающие и научное и политическое значение совместных исследований в космосе.

Американская печать была ареной борьбы за мнение простого американца.

«Каждый доллар, вложенный США в исследование космоса за последние десять лет, принес сегодня четыре доллара»,— писали одни газеты.

«Одна минута пребывания на орбите Джона Гленна (первого астронавта США) стоила 1 миллион 680 тысяч долларов!» — кричали другие газеты.

«Каждая секунда пребывания на Луне обходится налогоплательщикам в 30 тысяч долларов»,— возмущались противники ЭПАС.

«Затраты американского Национального управления по аэронавтике и исследованиям космического пространства в 3 раза меньше затрат американцев на спиртные напитки, в 2 раза меньше затрат на табачные изделия, меньше затрат на пари и тотализаторы...» — констатировали другие.

Впереди были встречи в Америке. Рабочий день согласован обоюдно: работать по 10—12 часов в сутки. Отдых лишь в воскресенье.

Технический барьер преодолевался легче, чем языковой.

«В космосе мы будем говорить по-русски, а они по-английски,— объяснил Стаффорд сенаторам.— Так мы будем лучше понимать друг друга. Поверьте мне, господа, учить русский язык с моим оклахомским акцентом было так трудно».

При согласовании программы для отдыха Стаффорд просил принять предложение — посетить его дом. Ответная учтивость. Томас потом скажет: «Встреча с советскими коллегами продляет занятия русским языком, практикум, что ли. И потом Алексей — такой прекрасный парень. Он похож на Гагарина».

Бывать друг у друга в гостях стало традицией.

У Стаффорда скромный небольшой дом с гаражом. Том охотно показывает дом, свои многочисленные сувениры, в том числе и московские подарки, представляет жену Фэй, дочерей. Фэй гостеприимна и радушна, просит устраиваться. Встречи с советскими космонавтами в этом доме были неоднократны, и ей они доставили удовольствие. Пока готовятся угощения — смешанная русская и американская кухня, Том с гордостью показывает редкий набор ружей многих стран. В тот вечер в его коллекции появилось великолепное русское ружье.

Непременное условие вечера — говорить как в полете: советские космонавты — на английском, американские — на русском. Алексей Леонов предложил краткий терминологический словарь: «очень о'кэй», «пора обедать», «стыковка выполнена». Том поддержал идею и просил учесть его вклад в это международное дело: «наливай», «привет, Союз», «перекур на обед...»

Валерий Кубасов очаровал хозяев своей молчаливостью, редкими и точными фразами. Математик виден с полета. Фразы ложились точно, как швы его космической сварки.

В середине обеда заговорили о войне. Ее помнили все, а Дональд Слейтон особенно хорошо — он участник войны. Алексей Леонов рассказывал об Иване Никитиче Кожедубе. Этого выдающегося летчика хорошо знали в США. Национальная гордость России, он стал гордостью стран антигитлеровской коалиции.

Алексей Леонов тоже хорошо помнил Великую Отечественную войну. Он помнил слезы обессиленных в горе женщин, глаза осиротевших детей, вывезенных из блокадного Ленинграда и с Украины. Он помнил душные, смрадные теплушки, переполненные ранеными и старцами.

Вспомнилось, как он работал в поле до изнеможения, убирая картофель, собирал колоски, возил сено, выискивал лекарственные травы. Это был его вклад в Победу. Он не раз думал, что опоздал родиться, что все героическое совершилось. Высшее счастье землян — Победа добыта без него, а более великого, героического на земле, как казалось ему, не могло быть.

И тогда, когда он приехал в училище военных летчиков и с благоговением переворачивал боевые донесения о подвигах

выпускников, когда читал их письма, ставшие реликвией музея, он помнил о войне...

Приближался день старта.

Корреспондент «Красной звезды» Лев Нечаюк писал в те дни о Байконуре:

«Наш главный космодром еще очень молод. Он так же, как Комсомольск, Магнитка или Братск, начинался с первого колышка, вбитого в седую от соли, выжженную землю, с первой палатки, с первого камня в фундаменте первого дома и с первого деревца, одолевшего безжалостную пустыню.

Современный космодром — это необычайно сложное, так сказать, многоотраслевое хозяйство, раскинувшееся на огромной территории. Здесь, посреди пустыни, вырос город с многочисленным населением, в котором есть все привычное и необходимое человеку.

А вокруг города возведены десятки предприятий, сооружений и установок, где собраны новейшие достижения науки, техники, индустрии».

Время отсчитывало свой неукротимый бег, оно работало напряженно, как мозг космонавта. Секунда была мгновением, но и вехой величайшего исторического события.

12 июля 1975 года тепловоз выкатил из монтажно-испытательного корпуса платформу — установщик с космической ракетой и кораблем. Путь этого поезда невелик — километра два. Многие в тот день, по старой традиции, заведенной еще Сергеем Павловичем Королевым, шли к месту старта пешком, рядом с медленно движущейся громадной ракетой...

14 июля в 15 часов 20 минут руководитель смены в советском центре Вадим Кравец по прямому каналу связался с Хьюстоном и сообщил своему американскому коллеге Джону Темплу, что в советском центре объявлена суточная готовность.

Еще сутки — и счет откроют секунды: 3... 2... 1... Старт!

Здесь следует отметить, что если бы после выведения «Союза» на орбиту американцы почему-либо не смогли отправить в космос свой «Аполлон» в течение трех последующих за стартом «Союза» суток, то Советскому Союзу пришлось бы посадить свой первый корабль и вывести на орбиту второй. Поэтому по ЭПАС готовилось от советской стороны 4 экипажа, и 13 июля в Байконуре на стартовом столе появилась дублирующая ракета-носитель. Земля была готова ко всяким неожиданностям.

12 часов 25 минут 15 июля 1975 года. К подножию ракеты подъезжает автобус. Распахивается дверь, выходит Алексей Леонов, за ним — Валерий Кубасов.

Командир корабля А. А. Леонов докладывает Государственной комиссии: «Экипаж готов к выполнению полета!»

Потом они оба в белоснежных скафандрах упругой походкой направляются к трапу.

Леонов поднялся на несколько ступеней, остановился, услышав чье-то шутливое пожелание, задорно бросил: «К черту!»

12 часов 30 минут. Они в лифте. Еще несколько минут — и экипаж занял свои места в «Союзе».

15 часов 00 минут. Ракета стоит на стартовой площадке одиноко, как памятник. Возле нее — никого.

15 часов 05 минут. Объявлена пятнадцатиминутная готовность.

15 часов 12 минут. Звучит команда: «Ключ на старт!»

Все. Теперь судьба ракеты передана автоматам.

15 часов 16 минут. Космонавты опустили стекла гермошлемов.

15 часов 17 минут. «Ключ на дренаж!»

15 часов 18 минут. «Протяжка два!»

Две минуты до старта... Полторы. Одна...

Отошла заправочная мачта... Ничто теперь не связывает ракету с Землей...

15 часов 20 минут. Старт!

Обдав землю горячим выдохом могучих двигателей, ракета устремилась в просторы мироздания.

Мир хронометрировал время. Люди сверяли часы. Московские куранты начали единый отсчет времени. Через 7 часов 30 минут стартует «Аполлон».

В 19 часов 04 минуты 47 секунд 17 июля произошла сцепка. Стыковка! Из дневника Алексея Леонова.

«...Приближалась долгожданная минута рукопожатия в космосе.

— Открываем люк номер... Готовы к открытию люка,— говорит Валерий.

— Вас понял,— откликается по-русски Стаффорд. И тут же радостное: — Здравствуйте, Алексей! Здравствуйте, Валерий! Как дела?

— Рады видеть вас,— отвечаю я по-английски.

Стаффорд протягивает мне руку. Вот оно, рукопожатие в космосе! Валерий в это время снимает фильм.

Том гостеприимно приглашает:

— Проходите, пожалуйста!

Это не предусмотрено программой, но звучит так просто, как будто мы находимся не в космосе, а у порога его дома в Оклахоме.

— Нет, пожалуйста, к нам,— улыбаясь, настаивает Валерий...

...Я и Стаффорд обменялись государственными флагами СССР и США, подписали свидетельства Международной федерации авиационного спорта о первой международной сты-

ковке в космосе. Затем мы передали американскому экипажу флаг ООН, обменялись приборами для проведения биологических экспериментов...»

В 22 часа 24 минуты Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев поздравил космонавтов с выдающимся событием. В приветствии говорилось:

«Со времени запуска первого искусственного спутника Земли и первого полета человека в космическое пространство космос стал ареной международного сотрудничества».

Обращаясь к экипажам космических кораблей «Союз» и «Аполлон», президент США Дж. Форд сказал:

«Нам потребовалось много лет, чтобы открыть эту дверь для полезного сотрудничества в космосе между нашими двумя странами. И я уверен в том, что не за горами тот день, когда такие космические полеты, которые станут возможными благодаря этому первому совместному полету, будут в какой-то мере обычным делом».

Все, что было заложено в ходе совместного научного космического эксперимента, к сожалению, не имеет продолжения в настящее время из-за отсутствия желания у американской стороны к активному сотрудничеству.

В Москве и Хьюстоне были организованы комитеты по подготовке космической пресс-конференции. В каждый комитет было избрано по пять человек. Им предстояло отобрать из всей массы вопросов наиболее интересные. За несколько часов до начала пресс-конференции список вопросов был готов.

Из 135 часов совместного космического рейса на интервью лишь 22 минуты.

Кубасову. Вы были первым сварщиком в космосе. Предвидите ли вы создание постоянной орбитальной станции усилиями всех заинтересованных стран и на принципах равной выгоды для всех наций?

Ответ. Действительно, во время полета на корабле «Союз-6» мне довелось проводить эксперименты по сварке в космосе. Вчера и сегодня мы участвовали в эксперименте «Универсальная печь». Я думаю, что эта область — космическая металлургия — имеет большое будущее...

Бранду и Леонову. Вы уже трое суток обходитесь без прессы. Какую новость вы хотели бы услышать от нас, журналистов?

Ответ. Только хорошие новости. Мы хотели бы услышать, что мирная жизнь наступила во всех районах земного шара.

Леонову. Где у себя на родине вы хотели бы посадить семена деревьев, предназначенных для обмена между вами?

Ответ. Я родился в Сибири. И в моем сознании самые красивые деревья — ель и сосна. Я бы хотел у себя в Сибири посадить ель и сосну.

Кубасову и Слейтону. У каждого из вас есть дети. Что вы хотели бы пожелать им, а также всем детям Земли из космоса?

Ответ. Счастья. Пожелать всем детям, чтобы их будущее всегда было мирным.

Стаффорду. Насколько, по вашему мнению, оправданы ввиду существующих на Земле проблем расходы на космические полеты?

Ответ. Польза от этих полетов гораздо больше, чем затраты.

Леонову. Могли бы вы передать на Землю набросок рисунка, который выражал бы главный смысл совместной миссии ваших кораблей в космосе?

Леонов показывает зарисовки, сделанные им в этом полете: Томас Стаффорд, Дональд Слейтон.

Кубасову. Может ли опыт, полученный вами в этом полете, составить вклад в будущее космическое сотрудничество между СССР и США, то есть извлекли ли вы из нынешнего полета что-либо, что пригодится будущим космонавтам и астронавтам?

Ответ. Я думаю, что в нашем полете самое ценное — это предшествовавшая ему работа. Мы встретились со многими неожиданностями, но нашли пути их преодоления. Это был первый полет, я думаю, он откроет дорогу для будущих совместных экспериментов.

Леонову. Как вы оцениваете комфорт в корабле «Аполлон» и как вам понравилась пища американских астронавтов?

Ответ. Я сегодня шесть часов провел на «Аполлоне». Мне приходилось бывать там и раньше. Сегодня я посмотрел его в космическом полете. Это отличный корабль.

Пища мне нравится. Конечно, это не та, что едят все люди. Но, как говорят философы, главное не то, что ты ешь, а с кем...

Стаффорду и Леонову. Какой полет в космос вы хотели бы совершить вместе?

Леонов. Я глубоко уверен, что мы находимся в самом начале большого космического пути человечества. Мне бы хотелось побывать в длительном полете, чтобы глазами художника взглянуть на Землю.

Стаффорд. Совершить полет на каком-нибудь новом аппарате.

Стаффорду и Леонову. Считаете ли вы, что возможности в организации спасательных операций, продемонстрированные этим полетом, сыграют важную роль в будущих космических полетах?

Ответ. В космическом полете возможны всякие неожиданности, в том числе и такие, что потребуют спасательных

операций. Мы положили начало созданию технической основы для унификации стыковочных устройств. Это большой шаг в нужном направлении...

За время космической пресс-конференции космическая станция «Союз» — «Аполлон» проделала путь в 14 тысяч километров...

Сразу же после стыковки кораблей на орбите состоялся торжественный обед. Принимали гостей советские космонавты. Меню было шикарное. И русский борщ, и грузинское харчо... Когда же гостеприимные хозяева — Леонов и Кубасов — «выставили» на стол тубы со знакомыми всему миру фирменными этикетками: «Московская особая», Стаффорд и Слейтон ахнули от неожиданности...

— А как же?..— начал было изумленный Стаффорд, отыскивая подходящее слово.

— Начальство? — понял Леонов, тыча, как принято в таких случаях, указательным пальцем в сторону «потолка».— Во-первых, там, выше нас, никого нет, а во-вторых, почему бы и не выпить по случаю такой встречи глоточек-другой?

Через несколько минут под общий хохот выяснилось, что этикетки были настоящие, а содержимое — увы! — подменено фруктовым соком...

Оценив по достоинству русский юмор, американцы не остались в долгу.

Перед полетом «Союз» — «Аполлон» Вэнс Бранд попросил свою дочку Стефанию записать на пленку женский смех и взвизгивание на фоне льющейся воды. Стефания сделала такую запись со своей подругой. Вместе с музыкальными записями американские астронавты взяли эту пленку на борт «Аполлона». После двух дней напряженной, но плодотворной совместной работы экипажей настало время расставания. Корабли разошлись, и вскоре «Союз» уже летел над Тихим океаном в нескольких сотнях километров от «Аполлона». Тут-то астронавты и решили прокрутить пленку Стефании для экипажа «Союза».

Держа магнитофон перед микрофоном, Вэнс Бранд вызвал Алексея и Валерия по радио. И сказал приблизительно такую фразу:

— Мы здесь принимаем душ. А вы что делаете?

Теперь настал черед советских космонавтов по достоинству оценить американский юмор...

Находясь на орбите, Алексей Леонов не забыл, что взял с собой карандаши и фломастеры. И непосредственные участники эксперимента получили от него бесценные подарки — свои космические портреты. Впрочем, так как программа была очень насыщенной, остальные зарисовки этого полета Алексей Леонов решил сделать дома — уже на Земле.

21 июля в 13 часов 10 минут 21 секунду включился тор-

мозной двигатель. Леонов доложил: «Двигатель сработал нормально, на борту все в порядке, слышим, как работают двигатели системы управления спуском. Идем плавно, самочувствие хорошее».

А спустя несколько дней Земля встретила и «Аполлон». Он благополучно приводнился в заданном районе Тихого океана.

22 сентября 1975 года Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле экипажи «Союза» и «Аполлона». Леонид Ильич сердечно приветствовал американских и советских космонавтов. Он отметил, что успешное осуществление этого полета, в который космонавты внесли свой большой личный вклад, является наглядным свидетельством улучшения советско-американских отношений, возросшего доверия и взаимопонимания. Совместный полет советских и американских космонавтов явился олицетворением стремления народов обеих стран к мирному сотрудничеству и служит интересам его развития.

Космонавты вручили Леониду Ильичу Брежневу символ стыковки на орбите — металлический эллипс, половинки которого соединены специальным замком. Эллипс был собран из частей, доставленных в космос на советском и американском кораблях...

Отмечая стремление американского и советского народов к сотрудничеству, в том числе и в области космических исследований, нельзя не сказать об отсутствии такого стремления у нынешней администрации США, в результате чего широкая программа научных космических исследований, согласованная между обеими сторонами — советской и американской, сейчас практически приостановлена.

Космические исследования вступили в новую эру. Эру широкого международного космического сотрудничества.

Советский Союз выступил с предложением об участии граждан социалистических стран в пилотируемых полетах на советских космических кораблях и орбитальных станциях. Эта инициатива была встречена с большим удовлетворением. В июле и сентябре 1976 года в Москве представители НРБ, ВНР, ГДР, Республики Куба, МНР, ПНР, СРР и ЧССР обсудили и одобрили новое предложение Советского Союза. Была достигнута полная договоренность по всем вопросам, связанным с подготовкой к международным пилотируемым космическим полетам. После этого в восьми социалистических странах начался отбор кандидатов в космонавты и подготовка научно-технических экспериментов, которые предстояло выполнить членам международных экипажей.

В декабре 1976 года первая группа кандидатов в космонавты — граждан Чехословакии, Польши и ГДР (по два кандидата от каждой страны) — приступила к занятиям в Центре

подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина. Дел у заместителя начальника Центра — Алексея Архиповича Леонова — заметно прибавилось. В короткий срок было необходимо подготовить всех шестерых кандидатов к выполнению космического полета.

Надо отметить высокие моральные и физические качества будущих космонавтов. Это касается абсолютно всех. И Мирослава Гермашевского из Польской Народной Республики, Владимира Ремека из Чехословацкой Социалистической Республики, и приехавших в Звездный позднее — Георгия Иванова, гражданина Болгарской Народной Республики, гражданина республики Куба — Арнальдо Тамайо Мендес, космонавта Вьетнама — Фам Туана.

Например, Фам Туан — летчик-легенда. Он совершил то, что считалось невозможным совершить ни одному летчику мира.

Это произошло 27 декабря 1972 года. Американские «летающие крепости» «В-52» летели бомбить населенные пункты Родины Фам Туана.

В 20. 30 вечера раздалась боевая тревога. Готовность № 1. Запустив двигатели, Фам Туан поднял в небо свой «МИГ-21», с командного пункта с земли, где руководил боем Герой полка старший полковник Чан Хань, последовала команда — сбросить все три дополнительных бака с горючим и набрать высоту 9 тысяч метров.

Было уже известно, что, поднявшись с острова Гуам, в сопровождении истребителей-«фантомов» через Таиланд и Лаос идут несколько «В-52». На севере они намеревались сделать правый разворот и взять курс на Ханой. Когда Фам Туан по команде с земли, наведшей его на цель, приблизился к эскорту, его атаковали 12 «фантомов» охранения. Они дали ракетный залп, но, совершив противоракетный маневр — змейкой со снижением или набором высоты,— Фам Туан уклонился от ракет. «Фантомы» его на какое-то время потеряли, и тут он увидел летящий «В-52». Передатчики радиотехнических систем были у него отключены, чтобы начиненная электроникой «летающая крепость» не смогла обнаружить «МИГ-21». Зато глаза, его человеческая врожденная «электроника», четко видели габаритные огни громады, начиненной смертоносным грузом. Спросил командный пункт земли: «Разрешите атаковать цель». Оттуда последовала команда включить радиолокационную станцию, с помощью которой ракеты после залпа точно идут на цель. Но тогда чуткий «В-52» обнаружит его, решает Фам Туан и продолжает сближение, полагаясь лишь на собственное зрение. С земли следует команда «Пуск!». Но Фам Туан продолжает сближение, и лишь когда «В-52» отделяют 2—2,5 километра, нажимает кнопку пуска ракет. И его «МИГ-21» тут же совершает выход из атаки. Молнией — к

земле! И только после этого он взглянул наверх — там полыхала огнем доселе неуязвимая «летающая крепость». Только теперь спокойно доложил на командный пункт: «Цель уничтожена!..»

Алексей Архипович был наставником вьетнамского космонавта, высоко отзывался о его моральных качествах.

А Фам Туан так скажет: «Мои кумиры — Юрий Гагарин и Алексей Леонов...»

Говоря о Мирославе Гермашевском, Алексей Леонов вспоминает всегда такой случай:

«Вырезали ему гланды, операция, в общем, пустячная, да только у Мирослава вышло сложнее. Пробыл он в больнице месяц. Представляете — на месяц отлучиться от дел, от подготовки, это при нашем-то напряженном ритме. Не буду говорить о том, с каким неистовством он наверстывал упущенное, просто отмечу такой факт: двадцать один экзамен сдавал он перед полетом, и каждый раз — без единого исключения — против фамилии Гермашевского появлялась оценка «отлично»...»

И вот, наконец, 2 марта 1978 года — первый старт. С космодрома Байконур поднялась ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-28», на борту которого находились командир корабля летчик-космонавт СССР Алексей Губарев и гражданин ЧССР космонавт-исследователь Владимир Ремек.

Перед стартом Владимир Ремек сказал:

«Я горжусь тем, что моя страна, как и другие страны социалистического содружества, в сотрудничестве с Советским Союзом активно участвует в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях...»

После стыковки с «Салютом-6» экипажи станции и «Союза-28» приступили к выполнению заданий.

Представлял интерес, например, такой эксперимент — «Хлорелла». Требовалось изучить влияние невесомости на рост водорослей.

В этом эксперименте помимо хлореллы использовались и другие протококковые водоросли; кроме того, хлорелла была представлена не только нормальными зелеными формами, но и формами, лишенными хлорофилла. (Протококковые водоросли распространены в пресных водоемах, где они часто вызывают «цветение» воды.)

Космонавты Алексей Губарев и Владимир Ремек доставили на борт «Салюта-6» четыре контейнера с запаянными в ампулах водорослями и органической питательной средой. В первые три контейнера помещали по две ампулы с одним и тем же видом водорослей. Водоросли были в нерастущем, покоящемся состоянии, и только на станции космонавты засеяли подготовленную питательную среду.

Эксперимент «Хлорелла» начался с того, что в каждом

из трех контейнеров водоросли из одной ампулы ввели в питательную среду, где они стали размножаться в темноте. Другая ампула осталась для контроля: находившиеся в ней в неактивном состоянии водоросли были возвращены на Землю. Одновременно сделали контрольные посевы водорослей в наземной лаборатории, в идентичных условиях, конечно, за исключением невесомости. После завершения полета в каждом из контейнеров часть суспензии водорослей законсервировали для подробного изучения ее состояния в конце эксперимента, а часть перевезли в лабораторию для исследования воздействий факторов космического полета. Таким образом, удалось сравнить воздействие невесомости на активно растущие и покоящиеся клетки водорослей.

В четвертом контейнере находились три ампулы с разными видами водорослей — такими же, как и те, которые использовались в первых трех контейнерах. Здесь в ходе эксперимента в питательной среде оказалась культура, состоящая из трех видов водорослей. Предполагалось изучить конкуренцию различных форм в процессе их роста и возможное в конечном итоге преобладание одних форм над другими.

В эксперименте «Хлорелла» водоросли применялись как модель быстрорастущего организма. В оптимальных условиях роста количество клеток удваивается уже через четыре часа. Таким образом, в течение одной недели космического полета вырастает несколько поколений водорослей. В эксперименте были получены данные об организмах, несколько поколений которых последовательно развивалось в условиях невесомости. Следует подчеркнуть, что самые длительные космические полеты человека составляют пока лишь незначительную часть его жизни...

Полет успешно завершился 10 марта 1978 года...

Старты доказали: уровень подготовки космонавтов очень высокий. Взять хотя бы такой случай.

Во время космического рейса Георгия Иванова (НРБ) и Николая Рукавишникова (СССР) впервые за всю историю пилотируемых полетов отказал двигатель. Это произошло во время сближения с орбитальным комплексом «Салют-6» — «Союз-32». Вторая часть разработанной программы не была выполнена, и некоторые из намеченных научных исследований не были осуществлены.

Вот некоторые отзывы.

Валерий Кубасов считает этот полет исключительно тяжелым, особенно во второй его половине,— впервые в истории космических полетов корабль возвращался на запасном двигателе, причем в ночных условиях. Заместитель руководителя полета Виктор Благов подтвердил: «Такого сложного полета у нас до сих пор не было, но экипаж корабля работал очень точно, действовал спокойно и уверенно, как если бы на

борту все было в порядке». Заместитель начальника Центра подготовки космонавтов Алексей Леонов отметил: «Космонавты Рукавишников и Иванов держались геройски. Это нелегко в той обстановке, в какой они оказались. Да и тот факт, что они совершили посадку с дублирующим двигателем в баллистическом режиме, уникален в космонавтике. Они были уверены в своих действиях, точны во всех анализах. Николай Рукавишников более эмоционален. Нас поражало спокойствие Георгия Иванова». Далее он добавил: «В течение всего полета Георгий держался прекрасно. Он умело и со знанием дела выполнял возложенные на него и дополнительно возникшие в силу обстоятельств обязанности. И если нужно измерять дела точной оценкой, я не поколебался бы поставить Георгию Иванову «отлично»...»

Во время сложных и ответственных операций на орбите Алексей Архипович неизменно в Центре управления полетом.

В августе 1979 года, когда в космосе были Владимир Ляхов и Валерий Рюмин на комплексе «Салют-6» — «Союз», случилось непредвиденное. Антенна большого радиотелескопа, которая после завершения научных исследований должна была «отстрелиться» от станции, во время этой операции зацепилась за элемент стыковочного узла «Салюта-6» и «не ушла» в безвоздушное пространство.

Было предпринято несколько попыток исправить положение. Космические «маневры» ничего не дали. Оставался один выход.

16 августа руководство полетом приняло решение осуществить выход экипажа в открытый космос. Надо сказать, что именно в этом полете подобная работа на орбите являлась уникальной — Владимир Ляхов и Валерий Рюмин находились в состоянии невесомости уже 170 суток.

На связи с «Протонами» был Алексей Архипович Леонов.

— Люк открыт... Начинаем.

— Не торопитесь, не торопитесь...— предупреждала Земля.

— Вышел на «якорь»...

Это означало, что Валерий Рюмин находится на выступающей рядом с люком площадке, где должен быя надежно прикрепиться к летящему в пустоте комплексу.

— Откинут поручень...

— Пошел вдоль станции...

Несколько томительных минут ожидания — «Салют-6» — «Союз» вышел из зоны радиовидимости. И наконец долгожданное:

— Антенна сброшена. Все нормально!

В зале Центра управления полетом раздались аплодисменты. Алексей Архипович передал на орбиту:

— Молодцы, «Протоны»!

Вот и еще одно «космическое испытание» позади. А сколько их было в жизни Алексея Леонова...

Трудна дорога познания мироздания. Трудна и вместе с тем удивительна. Космонавт считает свою судьбу счастливой, удачной. Те, кто сталкивался в жизни с Алексеем Леоновым, говорят, что по-другому быть и не могло.

Алексей Архипович хранит такое письмо.

«...Днем 18 марта московский диктор успел только произнести «Леонов», как я крикнула на весь кабинет:

— Наш Леша!

Я давно ждала такого сообщения, хотя и не знала точно, когда именно мой школьный товарищ Алексей Леонов отправится в полет.

Мы три года учились в одной из школ Калининграда. «Рыжий Ленька» — так звали девчонки этого веснушчатого крепыша, который был душою нашего класса, запевалой веселых и интересных дел, бессменным редактором стенной газеты. Ему, помнится, прочили карьеру художника или журналиста. А он все твердил:

— Буду летчиком!

Дома у Алексея было полно книг об авиации, моделей и макетов самолетов, рисунков ракет и каких-то фантастических звездолетов.

После школы мы разъехались в разные концы страны. Леня — в Чугуев, в авиационное училище, я — в Алма-Ату. И вот письмо одной из подруг. Она советует непременно посмотреть фильм «Снова к звездам». Там в числе будущих космонавтов снят и наш Алексей Леонов. С тех пор я твердо знала: о нашем Леньке скоро заговорит весь мир.

Иногда люди, говоря о космонавтах, спрашивают: «И откуда берутся такие мужественные люди?» А их не надо искать! Они рядом с нами, среди нас, вот такие простые, волевые парни, как мой друг Леня...

Фаина Иседнярова».

Пишут космонавту рабочие и студенты, артисты и колхозники, пионеры...

Алексей Архипович считает своим долгом ответить на каждое письмо. Наиболее распространенная просьба в корреспонденциях: рассказать о профессии «космонавт». И Алексей Леонов рассказывает:

— Одно из важных качеств будущего космонавта — сила воли, выдержка. И забывать об этом не стоит. Правда, существует такая поговорка: «В здоровом теле — здоровый дух». Есть также все основания думать, что «здоровый дух» в состоянии поддерживать здоровое состояние тела. Однако сложность этого вопроса очень велика, и он важен и для земной

практики, и для космических полетов. Известно, что бывают люди мнительные: здоровый человек жалуется на недомогание, высказывает страхи по поводу своих несуществующих болезней. С другой стороны, есть люди, которые явно нездоровы, но силой своего внутреннего убеждения держатся, хотя другой на их месте давно лежал бы в постели. Реальное состояние здоровья человека и адекватность его оценки сознанием — вот в чем проблема, которую сознательно и разумно должен решать каждый человек.

В принципе, в ближайшее время в космос скоро будут летать люди всех профессий, всех возрастов. Космическая техника такое позволит.

А самое интересное, что с абсолютно здоровыми людьми нам и не приходится иметь дело. Гастрит в молодости, невроз в студенчестве, радикулит в зрелые годы — у каждого что-то болело... И даже про тех, кто готов к космическому полету, пишут «практически здоров», а не «абсолютно здоров». И некоторые отклонения от стандартов здоровья мы не считаем болезнями, а лишь особенностями состояния здоровья.

Перенести сам полет и связанные с ним нагрузки может любой человек с характеристикой «практически здоров». Однако это совсем не значит, что он получит удовольствие от этого полета и сумеет выполнять полезную работу. Скорее всего, он переживет неприятные ощущения, например, томительное ощущение прилива крови к голове, возможно, головокружение, пульсирующие боли в голове и так далее...

Направлять в космос на работу врачей, биологов, химиков, астрономов была мечта Сергея Павловича Королева...

О некоторых аспектах подготовки космонавтов заместитель начальника Центра подготовки космонавтов говорит:

— Вот, например, «эксперимент на выживаемость». Он помогает научиться в экстремальных ситуациях «не терять голову» и принимать верные решения.

Бывает, высаживают с вертолета группу в среднеазиатскую пустыню. Прямо на бархан. А бархан горячий — песок раскалило солнце. И кругом один раскаленный песок. Тень есть только там, где высадили врачей. Но до их лагеря пять — семь километров.

Казалось бы, пустяки, каких-то пять километров, долго ли дойти.

Отмахает человек сгоряча сразу три, а то и четыре километра. Вот он, лагерь, уже видно, уже рукой подать... Видно-то видно, а двигаться человек больше не может: ноги не идут. А тут еще ветер дует, песок несет... Решает передохнуть. Спускается в ложбинку, натягивает палатку и ждет под ней, ждет, когда силы вернутся... А они не вернутся. Лишь хуже будет: жара, духота, безветрие вымотают окончательно, до последней капли.

Как же быть? А надо было разбить палатку сразу и дождаться ночи, а ночью можно и десять километров пройти.

Или мы проводим испытания в сурдокамере. Обычно они кончаются благополучно. Но случалось и так, что эксперимент приходилось прекращать буквально в последние часы.

Академик Павлов, резюмируя серию опытов над животными, пришел к выводу, что для нормальной деятельности мозга необходима постоянная его «подзарядка» впечатлениями — нервными импульсами, поступающими туда от органов чувств. Однообразность и монотонность впечатлений при отсутствии достаточного притока внешних раздражителей резко снижает тонус мозга, что, в свою очередь, может привести к различным, подчас странным и неожиданным расстройствам психики.

Были у нас испытуемые, которые жаловались, что ощущают, будто бы голова у них отделилась от туловища, другие видели своих двойников, третьи утверждали, что приборная доска, с которой они должны работать, начинает вдруг «таять и капать на пол» или что телевизор якобы излучает палящий жар, который, дескать, невозможно вынести...

Алексей Архипович с увлечением рассказывает о Центре подготовки, космических исследованиях. Еще бы — космос его страсть. Но он художник, и его жизнь немыслима без искусства.

Судьба свела Алексея Леонова с Андреем Соколовым. Профессиональный художник, безгранично влюбленный в героическую тему, неутомимый искатель и новатор, человек пытливого ума и разносторонних способностей, оказался добрым соавтором и настоящим помощником.

Они пишут совместную работу «На Венере». Далекая, загадочная и неведомая планета, раскаленная атмосфера, безжизненная среда. На поверхность нашей соседки опустилась межпланетная станция «Венера». По композиции и цветовому решению эта работа объединила две школы, два художественных направления: леоновский реализм космоса и безбрежную фантазию Соколова.

Потом совместная работа — «Смена пришла». На далекой орбите, возможно даже в другой галактике, встречаются межпланетные станции. Фантастика, навеянная реальными свершениями человеческого разума. Конструкции, небывалая гамма неба. Жизнеутверждающее начало в космосе, всепобеждающая сила человеческого мышления и победоносная музыка, посвященная человеческому гению, всепланетному разуму.

Оригинально решается тема фантастики в работе «Мираж янтарной планеты».

Янтарная планета сохраняет обычный цвет свежего, необработанного камня, с множеством вкраплений, раковин, все-

возможных обрамлений. В центре на зернисто-охровой тверди четвероногое существо с круглым телом, формой привычной антенны. Вся янтарная планета окружена светящейся массой ультрамаринового цвета. Бесконечно далекое небо с сапфировыми светлячками-звездами, подобно зеркалу, отражает янтарную планету. При внимательном рассмотрении ощущение зеркального эффекта проходит: металлический робот — существо, представленное в верхнем плане в перевернутом виде,— оживает сиянием василькового глаза, а сама планета, темнее, мрачнее, представляется небом огромной части галактического существа. В изображении нет нарочитости гротеска, удручающей мрачности.

Труд, поиск, постижение... Эти слова могли бы стать рабочим и нравственным девизом художника Леонова. И хотя труд его признан, многие работы имели успех, о них писали специалисты, издательства охотно выпускают его произведения (уже выпущено четыре альбома), он стал лауреатом премии Ленинского комсомола, художник Леонов много работает. Иногда эта работа не у станка-мольберта, карандашные наброски — выстраивание сюжета, композиции, не знающие устали размышления над содержанием.

«Подлинный художник,— писал Бетховен,— лишен тщеславия, он слишком хорошо понимает, что искусство безгранично. Он смутно ощущает расстояние, отделяющее его от цели, и, быть может, в ту пору, когда люди восхищаются им, он страдает из-за того, что еще не достиг вершины, откуда излучает сияние величайший гений, подобно далекому солнцу...»

«Утро в космосе» — так по-земному просто назвал Алексей Архипович одну из своих работ. Однако увиденный им в том своем полете голубой пояс, охватывающий нашу Землю и выписанный доподлинно в этой картине, поражает землянина. Больше того, является предметом удивления и ученых. Мало кому из космонавтов приходилось встречаться с этим удивительным и пока не объяснимым фактом природы. Ему повезло. Но ведь повезло и науке, когда космонавт сумел не только описать это исключительное явление в бортжурнале, но и выразить в художественной работе!

Алексей Архипович большое значение придает искусству выписывать детали. Каждое явление, подмеченное в космосе, каждый штрих из жизни Вселенной он стремится передать доподлинно правдиво, точно. Одного этого, может быть, достаточно для того, чтобы поражаться бесконечности космоса, ощутить его стынущие, клокочущие, неумирающие дали. Вот почему каждую звезду, изображенную на полотне, он выписывает с изнурительной тщательностью, ищет требуемые компоненты цветовых гамм.

Картины, созданные им, человечны, пронизаны жизне-

утверждающими идеями, неразрывной связью с Землей. Каким бы длительным ни был полет космонавта, на каких бы планетах он ни бывал, он, этот труженик Вселенной, прежде всего землянин, сын своей планеты. И эта мысль в творчестве Леонова прослеживается четко. Он находит объяснение этому в своей причастности к когорте летчиков, коим, по его твердому убеждению, даровано природой ценить земное больше, чем что-либо другое.

В один из разговоров о смысле его творческого восприятия жизни, ее художественного отображения, вспомнилась ему полевая ромашка, приютившаяся у самого края «бетонки» военного аэродрома, куда ставил он свой ракетоносец после вылетов. Хлипкий то был стебелек, с белыми стрекозиными лепестками. Но в нем таилось столько силы и борьбы, что образ этой мужественной ромашки воскрес даже там, в стратосфере, за управлением реактивной машиной. Да такой ясный, выпуклый образ, что хоть берись за карандаш, за краски.

Однажды пролетая над древним городком Леонов глянул за борт истребителя и буквально ахнул: в лучах закатного солнца золотился куполами средневековый Спас. А над ним, словно разинские струги, режут ультрамариновую гладь неба пара легких облачков. Так и легло все это в запечатленных красках на полотно.

А совсем недавно, после проводов очередного интернационального экипажа на орбиту, Алексей Архипович возвращался на служебном «ТУ-134» с космодрома. Самолет шел северным курсом. А слева, на западе, завершало свой круговорот солнце. В космосе он обычно ловил такие мгновения, ибо величественнее игры красок не встретить, как при заходе солнца. Он припал завороженно к иллюминатору. Казахстанское небо, не тронутое канцерогенами цивилизации, щедро передавало игру красок и цвета. Точно как в космосе заря, только гораздо меньших размеров. Полыхает на части неба. А там — вокруг всей планеты золотой короной. «Отойти бы во Вселенную километров тысяч на двадцать,— подумалось ему,— вот бы была картина!»

Картина действительно открылась бы величественная, не похожая ни на какую земную. На многочисленных художественных полотнах, написанных им, космонавтом и живописцем, это хорошо видно. Так и осталось бы это красочное, удивительно яркое по композиции явление уделом изумления специалистов, не будь среди первопроходцев Вселенной талантливого художника Леонова...

Если удастся выкроить час, день, космонавт может без устали простоять за мольбертом. Не замечая приглашений ни на завтрак, ни на обед, не отвечая на телефонные звонки. Забывает обо всем. Однажды сунул в карман шагомер: заме-

рить количество шагов во время работы. Поработал с утра до вечера. Глянул на шкалу и подивился: сорок тысяч! В свои служебные дни — едва за десять набирается. Вот так работа художника!..

Делал как-то Леонов картину для Бакинской картинной галереи. Тема — выход человека в открытый космос. Большое полотно: 160×80. Сюжет из тех, которые постоянно волнуют, «вынашиваются» и до конца не исчерпываются. Так и с этой работой. Сделал эскиз раз, сделал два, потом еще, вроде бы уточняющий... И так много, много раз. «Выход человека в открытый космос». Имеются у него с десяток вариантов сюжетов. И все равно считает, что до конца еще не сделал. Тема не раскрыта, не нашел единственно правильного варианта. Не может сказать, чего не хватает. Надо сделать так, чтобы она, тема, стала «выпуклой», чтобы человек подошел к картине и воскликнул: «Ух, ты!»

Алексей Архипович сделал несколько эскизов, возможно их сотни — заготовки на будущее. Однажды один из эскизов неожиданно развернулся в полотно, родилась картина «Солнечная корона».

Один из пунктов совместной программы с США — ЭПАС — был выражен образно. Американским астронавтам понравилась работа. И Леонов подарил ее Национальному музею США. Ныне картина экспонируется в разделе «Техника», рассказывающем о программе «Аполлон» — «Союз».

Совместный полет советских и американских космонавтов по-прежнему в центре внимания его замыслов, творческих порывов и поисков. Задумал серию работ, которая могла бы составить специальный раздел, существовать самостоятельно. Реализуется и давно задуманная серия — написать портреты своих товарищей, и в первую очередь Юрия Алексеевича Гагарина. Портрет этот выполнен, сделаны повторы, размножены у нас, в СССР, и в США.

Написал эскизы о сверхтяжелых звездах, называемых карликовыми. Явление, связанное с ними, потрясающее, заманчивое, интересное. Карликовые звезды ведь состоят из ядер атомов, посему имеют гигантский вес. Один кубический сантиметр вещества такой звезды весит около миллиона тонн. А раз такие звезды, необычные и вроде бы странные, вокруг них должны протекать интересные оптические явления. Скажем, пролетая вблизи такой звезды, корабль должен потерять свое изображение. Все его изображение будет поглощено этим «карликом». Ведь световой поток материален. Частички его, фотоны, будут притянуты гравитационными силами сверхзвезды. Корабль, космонавты, может быть, еще и не почувствуют это, а изображение, часть его, уже притащит к себе сверхмощная сила гравитации. Как они должны выглядеть в художественном отображении, эти «черные дыры»?

В районе Южного Креста никогда не видно ни одной звезды. Что это такое, никто не знает. Но оно существует, волнует его как космонавта, художника космической темы...

В 1978 году в Москве экспонировались работы советских художников, посвященные космосу. На этой выставке была собрана живопись, графика, скульптура, были представлены работы Алексея Архиповича Леонова. В отчете об этой выставке писали: «В работах А. Леонова подкупает подлинность и свежесть непосредственных впечатлений, переданных на холсте живо и динамично. Странно и необычно видеть в зале полотна, на которых причудливо сплелась реальность и фантазия. Перед вами вдруг возникает мир, где светят сразу несколько разноцветных солнц, вы всматриваетесь в очертания далеких звезд, туманностей, созвездий, планет...»

Когда однажды Алексею Архиповичу сказали, что художник достигает вершин своего мастерства после пятидесяти, он улыбнулся:

— Мне еще только сорок семь. Доживем — посмотрим. Ах, если бы исполнились мои мечты...

Всем, конечно, было интересно узнать, какие мечты у прославленного космонавта. Он ответил так:

— И еще в космос хочу полететь, и картин новых написать, и чтобы времени свободного вагон было — так люблю путешествовать...

Неожиданно стал серьезным.

— Но я бы отдал их все за одно: чтобы был жив Юра...

Каждое утро, по дороге в Центр подготовки космонавтов, Алексей Леонов останавливается у памятника своему другу. Первому космонавту планеты — Юрию Алексеевичу Гагарину.

Несколько минут неподвижно стоит, словно время может измениться вдруг — и Юрий широко улыбнется... Как всегда, заговорит о будущих стартах, реальных и фантастических, о будущей жизни, о сегодняшних делах, которые должен успеть совершить, и сделает шаг с постамента...

Этого не происходит. Алексей Леонов идет по дороге... Он помнит, о чем мечтал Юрий, помнит его дела... И эта память — лучший гарант их свершения.

Он идет той дорогой.

В. ВИКТОРОВ

Человек играл с Солнцем

Человек играл с Солнцем: прятался за гранитный валун, притирался щекой к его жесткой шероховатости, из своего укрытия щелками острых глаз ловил желтые стрелы лучей. Солнце метило в человека, торопливо гналось за ним, норовило опутать своими золотистыми сетями.

Солнце любило Человека и постоянно следовало за ним, приходило к нему каждое утро и, несмотря на долгий путь, проделанный за ночь, не выглядело утомленным. Оно светило, грело, было умытым, веселым и ласковым. Вечером Человек провожал Солнце.

Утром оно появилось не там, куда спряталось, а на другой стороне. Человек, пораженный его коварством, воскликнул: «О Урания! О небо! — И, обращаясь к незримым соплеменникам, призывая их в свидетели, прокричал: — Астрон!»

Через несколько тысячелетий мифическая Урания станет музой астрономии, покровительницей гонимых ученых, будет признана во всем мире и воображением людей наделена волшебной силой. Вскидывая мускулистую руку вверх, ошалело пяля осмысленные глаза, Человек указывал на Солнце, призывая заглянуть в астроны, незадачливо предполагая, что звезды (астроны) часть Солнечного жилища. Заглянуть? Как? Люди еще не знали той горы, с которой можно было бы рассмотреть хижину Солнца. К звездам! Через тернии — к звездам! Так родилась мечта о полете.

Еще не было науки о земледелии, люди не научились приручать скот, не познали богатства моря, но сотворили учение о звездах. Тайны неба волновали их больше, чем земные. Первую из наук — астрономию человек начал передавать от поколения к поколению, ожидая от учеников новых открытий; так были введены в нее метрические системы измерения, внедрены математические расчеты, а недостигнутое стали выражать в фантастике.

Через тернии к звездам!

Став сильнее, люди не переставали мечтать о небе, только пути к звездам они избрали теперь другие.

Советский Союз первым в мире осуществил запуск в космическое пространство человека и в обращении ко всему прогрессивному человечеству так декларировал свою научно-ис-

торическую концепцию: «...победы в освоении космоса мы считаем не только достижением нашего народа, но и всего человечества. Мы с радостью ставим их на службу всем народам, во имя прогресса, счастья и блага всех людей на Земле. Наши достижения и открытия мы ставим не на службу войне, а на службу миру и безопасности народов».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Добровейн волновался. Он сидел спиной к зрителям, в доме Алексея Максимовича Горького, в голубой гостиной. Играл сдержанно, даже скованно, без сценической вольности и концертного размаха, как свойственно было людям провинциальной школы. Добровейн сегодня не походил на того Добровейна, которого хорошо знала музыкальная Европа, которым восхищался Новый Свет.

Добровейн играл любимую «Аппассионату» фа-минор. Алексей Максимович уже много лет знал Исая Добровейна, слышал его игру на Капри и в Париже.

В музыке была заключена какая-то неведомая для Горького тайна, не подвластная человеку гигантская сила. Горький осторожно, не привлекая внимания присутствующих, посмотрел на Ленина. Владимир Ильич сидел в вольной позе, опершись правой рукой на спинку кресла, левую ногу, будто в беге, отнес назад. И — весь внимание.

Алексей Максимович присел и, боясь потревожить Владимира Ильича, отвел взгляд в сторону. Ленин любил Бетховена. В тонкой с крутыми перепадами музыке, проникающей в самую суть мыслей и чувств слушателя, услаждая и будоража, призывая и убеждая, жила вечно новая человеческая мечта.

Горький вновь посмотрел на Ленина. О чем думал сейчас этот невысокий человек, что́ роится в его крутолобой голове, уставшей от бесчисленных государственных дел? Человек, который возложил на себя и своих единомышленников ответственнейшую задачу: изменить государственное устройство, накормить людей — и это в голодной и нищей стране,— дать всем работу по душе и способностям, научить всех читать и писать, сделать счастливыми и свободными. Под силу ли это?

А Ленин в свободной позе, кажется, и не думает об этом — слушает Бетховена. Вот и пойми этого гения!

Он глубоко понимает музыку, тонко чувствует, когда-то музицировал, пел со своей младшей сестрой Ольгой, любил рояль...

Горькому не однажды слышавшему «Аппассионату», на сей раз она кажется особенно стройной и глубокой. Ему, взволнованному и обрадованному приездом Владимира Ильича, в

бурной и пафосной сонате слышатся позывные Вселенной, отклик эфирных поселений, а в энергичном накате, мажорном подъеме пьесы, в так называемом аллегро, видится стремительное движение ракеты Циолковского к далеким галактикам, в бесконечном пространстве Вселенной.

Горький почувствовал сильное биение сердца. Алексей Максимович давно знал вождя. Но годы не давали ему основания сказать, что он хорошо знает Ленина. Он всегда был для него разный, сотканный из многочисленных забот о людях, из неукротимой энергии и бодрого юмора.

Все было в их отношениях: и ссоры — принципиальные, теоретические, и уступки — честные, дружеские, проникнутые духом житейской мудрости, и неистовая, неудержимая тяга друг к другу.

«А я, знаете, ли, литератор. Профессия обязывает меня подмечать мелочи, эта обязанность стала привычной...»

Владимир Ильич с присущей ему искренностью не выпячивал своей литературной работы, глубокой и давней привязанности к ней, говорил о неизмеримо трудной профессии Горького. Говорил уважительно, с большой симпатией и к личности писателя, и к детищам, созданным им и его собратьями.

Горькому тогда показалось, что Владимир Ильич ждет разговора о своей статье «Партийная организация и партийная литература», опубликованной в легальной большевистской газете «Новая жизнь». Статья вызвала целую бурю. Пролетарский Петербург поддержал Ленина, буржуазный Петербург, ошеломленный категоричностью автора, его уверенностью в революции, четкостью политической программы, обрушил шквал нападок на газету, статью, автора.

«Литературное дело,— писал Владимир Ильич,— должно стать частью общепролетарского дела...» Это было очень хорошо и очень понятно. Горькому это импонировало. Класс, в данном случае — рабочий, взяв власть, распорядится по-своему, создаст свою литературу. (Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.)

И Горькому, плененному простотой и доступностью мыслей, не терпелось поговорить, расспросить этого молодого автора обо всем, но пройдет еще два года, прежде чем они встретятся в Лондоне, обсудят часть вопросов, касающихся участия интеллигенции в революции, и почти двадцать лет, чтобы выполнил он высказанные тогда вождем пожелания.

В январе 1904 года Владимир Ильич, рекомендуя библиотеке ЦК РСДРП в Женеве создать отдел художественной литературы, в список авторов для комплектования включил Горького.

Через год Ленин обратился к Горькому с просьбой помочь партии материально. Тридцатисемилетнего писателя очень тронула просьба тридцатипятилетнего революционера. Что ста-

лось с Горьким? Он, разумеется, не думал о возврате долга. Революция — это пламень, в котором сгорает старое, Горький был счастлив, что такой признанный авторитет, как Ульянов, сообщал ему правду о состоянии партийной казны и просил помощи.

Музыкант опустил усталые, сводимые в судороге руки и закрыл глаза. Первым, выходя из оцепенения, встал Владимир Ильич, поискал глазами затаившегося Горького и деловито направился к нему.

— Превосходно, дорогой Алексей Максимович,— на лице Ленина блуждала мечтательная улыбка.— Безумно люблю музыку, могу ее слушать часами, но, представьте, она меня расслабляет.— О чем-то подумал, не переставая улыбаться.— А вам спасибо, глубокоуважаемый Алексей Максимович.

Владимир Ильич пожал руку Горькому, затем привлек, нежно полуобнял его, как он делал всякий раз, встречаясь с Алексеем Максимовичем.

— Спасибо, Владимир Ильич.— Горький, конфузясь ласковости вождя и его проницательного взгляда, а также своего непомерно высокого роста, спрятал в глазах робость и сентиментальную нежность.

Владимир Ильич стеснительно подошел к музыканту, благодарно поглаживающему рояль, и сердечно пожал ему руку.

— Ничего не знаю лучше «Аппассионаты»,— сказал Ленин.— Готов ее слушать каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

Алексей Максимович бросил беглый взгляд в другую комнату — готов ли стол,— решил, что сегодня поговорить о Циолковском ему не удастся.

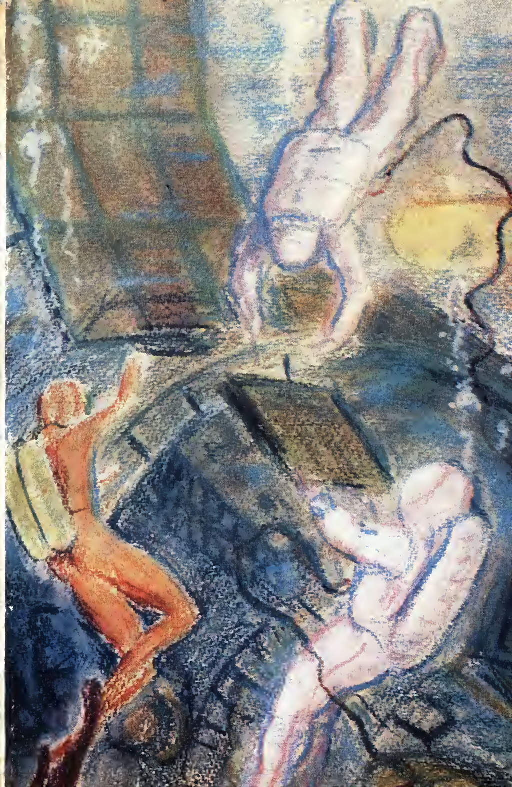
Впервые о Циолковском и его учении о Вселенной Горький услышал летом 1920 года, принимая у себя на квартире молодого физика, Александра Леонидовича Чижевского.

— Да-да, я слушаю вас,— сказал Алексей Максимович Горький, приглашая гостя войти в комнату, указывая на стул.— Петр Петрович ходатайствует, настаивает, говорит, что вы будущее нашей науки!

На широком мягком стуле стеснительно и неловко сидел болезненного вида молодой человек и отрешенно смотрел в сторону.

— Петр Петрович Лазарев содействует моей поездке в Стокгольм к профессору Аррениусу,— сказал робко и неуверенно Чижевский, словно боялся, что его не будут слушать.— Он хотел просить вашего участия и заступничества.— Последние слова двадцатитрехлетнего Чижевского прозвучали стеснительно, но с достоинством.

Действительно, два дня назад директор института биофизики Наркомздрава РСФСР академик Лазарев заверил своего

ученика в обязательном и непременном намерении выхлопотать ему разрешение на поездку за рубеж и обещал заручиться содействием Горького.

— А кто из наших ученых ознакомлен с вашими экспериментами? — спросил Горький юношу.

— В Москве — профессор Бачинский и академик Лазарев. В Калуге — Константин Эдуардович Циолковский, основоположник ракетодинамики и космонавтики.

— Как вы сказали? — заинтересовался писатель столь громкими титулами незнакомого ему ученого.— Циолковский? — Он вскинул брови, будто что-то припоминая, потом сокрушенно покачал головой.— Искренне сожалею, Александр Леонидович, но об этом ученом я слышу впервые.

— Когда-нибудь мы, современники Константина Эдуардовича Циолковского, будем гордиться тем, что нам выпало счастье жить с ним в одно время,— сказал Чижевский и осекся, не слишком ли круто он начал? Но писатель смотрел на него с таким вниманием и был снова так похож на могучего волшебника, что Чижевский уверенно продолжал: — Труды Циолковского станут известны всему миру, принесут славу нашему отечеству, окажут влияние на развитие многих наук. По расчетам Константина Эдуардовича, в недалеком будущем люди полетят к соседним планетам, откроют новые миры, изучат другие галактики. Своими трудами Циолковский приблизил человека к космосу, определил пути поэтапного освоения и даже заселения Вселенной.

— А есть ли у него, уважаемый Александр Леонидович, научные печатные работы?

— Есть! И не только научные. Ему хотелось бы, чтобы его поняли многие, не узкий круг ученых, а все люди Земли, ради которых он живет и работает,— и потому вслед за основательными теоретическими исследованиями он пишет популярные книги, облекая свои размышления в художественную форму...

— Фантастические рассказы и повести? — обрадовался писатель.

— Нет, не фантастические, Алексей Максимович. В его повестях нет никакого вымысла, просто идеи его пока очень далеки от реализации. Недавно в Калуге вышла повесть Циолковского «Вне Земли»...

— И о чем же она?

— О полете за пределы атмосферы.— Чижевский сказал это так, словно сам вопрос писателя показался ему странным: о чем же может писать Циолковский? — В красивейших отрогах Гималаев француз Лаплас, итальянец Галилей, немец Гельмгольц, англичанин Ньютон, американец Франклин и русский Иванов...

— Какой удивительный подбор героев!

— Это экипаж космического корабля.

— Любопытно...

— Константин Эдуардович описал все планеты Солнечной системы. Он считает, что на них возможна жизнь в формах, не обязательно подобных земной. Вот как, к примеру, описывает Циолковский астероид Веста. Простите, я по памяти: «Разумное население, покрытое прозрачной кожей, пропускающей свет, но не выпускающей материю, живет весьма долго и родится редко. Молодое поколение воспитывается в особых зданиях, со всех сторон закрытых, не пропускающих газов и жидкостей, но пропускающих свет. Одним словом, в первый период жизни и развиваются и растут приблизительно как жители Земли и Луны с тою только разницей, что среда их чисто искусственная и в питании их значительную роль играет солнечный свет».

— Да-а... Питание солнечным светом... Не кажется ли вам, уважаемый Александр Леонидович, что здесь больше от поэзии, чем от науки? Что Солнце — могучий источник жизни, это землянам давно известно. И особенно,— Горький улыбнулся,— писателям. Помните, «Дети подземелья»?

— И все же это не поэтическая метафора, а предмет науки,— осторожно сказал Чижевский.— По мнению Константина Эдуардовича, для зарождения жизни необходимо сочетание четырех элементов: влага, суша, воздух и Солнце. Соотношения между ними он не определил, но предпочтение отдал Солнцу.

Чижевскому показалось, что Горький не слушает его, и он замолчал, уставившись взглядом в раскрытую витрину книжного шкафа. Было так тихо, что, казалось, сделай небольшое усилие — и услышишь голоса прохожих не только за окном в Машковом переулке, но и на Чистых прудах.

— Послушайте, уважаемый Александр Леонидович,— неожиданно насмешливым голосом заговорил Горький.— Вы с такой страстью и упрямством говорите о Солнце как предмете науки, что мне начинает казаться, будто не ваш уважаемый учитель, а вы занимаетесь этим предметом.

— Изучением и описанием Солнца я занимаюсь по совету Константина Эдуардовича.

— А в чем суть вашей работы?

Чижевский задумался. О чем рассказывать? Об опытах с крысами? О том, что при отрицательной ионизации воздуха смертность подопытных крыс была минимальная, а при положительной — максимальная? Но как соединить эту тусклую прозу с тем, что писатель назвал предметом поэзии? Или рассказать о загадке «Чертовой ложбины» в Альпах? Что ж — горы, а от них конечно же ближе до Солнца...

— Чем занимается профессор Сванте Аррениус, я примерно себе представляю,— снова усмехнулся писатель.— Но вами, очевидно, он заинтересован не случайно...

— Мне кажется,— сказал Чижевский,— что без определенного количества ионов воздуха высокоорганизованная жизнь невозможна, как она невозможна без кислорода. Изучение этого вопроса — дело будущего.

— Изучаете ионы воздуха как фактор жизни... Прелюбопытно!

— Это, Алексей Максимович, лишь мои первые шаги в науке. Поведение отрицательно и положительно заряженных частиц воздуха тесно связано с Солнцем. Я хочу понять механизм взаимосвязи и найти пути управления этими процессами.

— И именно эта сторона вашей работы интересует Циолковского?

— Да, Алексей Максимович. Он мне так и сказал: ионизированный воздух я помещу в космический корабль, когда снаряжу экспедицию на Марс.

— Уж прямо-таки на Марс... А может, ближе? Куда-нибудь в Ясиноватовск?

— Нет! — упрямо сказал Чижевский.— На Марс. У Константина Эдуардовича уже есть расчеты. Многие вычисления я проверил и подивился его поразительной дотошности.

— Значит, ионы воздуха как фактор жизни,— снова задумчиво повторил Горький, и опять Чижевскому показалось, что его не слушают. Гость заторопился: беседа затянулась, ему хорошо известно, как занят знаменитый писатель, и потому нельзя злоупотреблять его радушием.— Если вы окажетесь правы,— сказал Горький,— можно будет говорить о следующей, более высокой степени познания механизмов жизни...

Он взял ручку с металлическим пером и четким почерком написал несколько строк.

— Это вам. Передайте письмо Михаилу Николаевичу Покровскому — академику, заместителю народного комиссара просвещения РСФСР.

Чижевский поднялся и быстро пробежал глазами записку:

«Дорогой Михаил Николаевич! Очень прошу Вас принять и выслушать гр. Чижевского. Из документов, которые он Вам представит, Вы увидите, что это человек, заслуживающий внимания.

Он хочет поехать учиться к знаменитому Аррениусу.

Крепко жму руку

М. Горький».

Чижевский почтительно склонил голову.

— Благодарю вас, Алексей Максимович. Обещаю не обмануть вашего доверия.

— Вы уж постарайтесь,— засмеялся Горький. Он встал из-за стола, подошел к своему гостю: — У меня просьба к вам, молодой человек. То, что вы сегодня рассказали мне, было очень интересно. Не откажете ли вы в любезности снабдить

меня работами вашего уважаемого учителя Константина Эдуардовича Циолковского?

— С большой радостью, Алексей Максимович!

— А письмо Аррениуса я пока у вас заберу,— сказал Горький.— Покажу его Луначарскому и Владимиру Ильичу.— Писатель пожал руку своему гостю и проводил его до дверей...— Думаю рассказать Владимиру Ильичу и о вашем учителе из Калуги...

...Нет, всенепременно необходимо рассказать о Циолковском Ильичу: Горький прекрасно понимает, что только Ленин может серьезно и основательно решить вопрос о помощи Константину Эдуардовичу.

Но Горький прекрасно понимает еще, что перед страной сотни и тысячи вопросов, которые может решить только Ленин...

Несмотря на усталость, несмотря на тысячи дел и земных забот, Ленин сразу же сумел оценить беспредельность пространства и ошеломляющую высоту полета мысли, которая открывалась за несколькими словами об ученом из Калуги. Разговор о нем Горький завел после II Конгресса Коммунистического Интернационала.

— Если все то, о чем пишет Циолковский, реально,— задумчиво сказал Ленин, — то мы находимся у истоков небывалых открытий... Надо помочь ему. Обязательно надо помочь.

И напутствуемый Лениным, врач по образованию, революционер по профессии, Федор Николаевич Петров направился в Калугу, чтобы ознакомиться с материальным положением ученого, принять экстренные меры по оказанию ему помощи и подготовить предложения для Совнаркома. Прочитав несколько тонких, изданных на серой оберточной бумаге брошюр Циолковского, Петров был потрясен. Он не торопился возвращаться в Москву. Все, что узнавал он от старого губернского учителя, волновало и восхищало его. Вечерами они вели долгие разговоры: гость рассказывал о Советской власти, хозяин о Вселенной, — и обе эти темы объединяла несокрушимая вера собеседников в будущее, их романтическая взволнованность.

Федор Николаевич интересовался новыми работами ученого, просил растолковать некоторые положения из них, цитируя из только что вышедшей повести «Вне Земли», ждал пояснений.

Константин Эдуардович терпеливо объяснял.

— Вам надо обязательно привлечь к своей работе врачей,— посоветовал однажды Петров.— Иначе все ваши расчеты останутся утопическими. Врачи помогут вам провести медико-биологические исследования, подготовить человека к полету в космическое пространство...

Выполнив поручение Владимира Ильича, организовав помощь Циолковскому, Петров вернулся в Москву. В октябре 1921 года Ленин попросил наркома просвещения А. В. Луначарского проявить повышенную заботу об изобретателе. В тот же месяц Константин Эдуардович стал получать два академических пайка. В ноябре 1921 года Малый Совет Народных Комиссаров принял решение о назначении Циолковскому персональной пенсии.

За столом Владимир Ильич, наслаждаясь ароматным чаем, сказал:

— У меня к вам и другое дело, значение которому придаю архиважное.— Владимир Ильич склонил чуточку набок голову и со строгой сосредоточенностью посмотрел в глаза Горького.— Ваше здоровье. ЦК настаивает, чтобы вы немедленно ехали лечиться. Без промедления. Врачи требуют создавать вам, так сказать, «прижим» (слово «режим» Владимир Ильич произносил по-своему), и мы обязаны им подчиниться. Вы очень нужны нам для важных дел.

Горький хотел возразить, повел плечами решительно, поставил чай на стол, отер ладонью усы, но Ленин опередил его:

— Никаких возражений. Будьте любезны подчиниться решениям ЦК, воле масс.

— Не могу, Владимир Ильич,— Горький положил руки на стол. Он не волновался, потому руки держал не по-боевому... Сейчас разговор шел не о литературе, а о нем самом. Он может возразить.— Многое не успел. Не пригодно так уезжать. Сделаю, возможно поеду.

— Что значит возможно, дорогой Алексей Максимович? Владимир Ильич спросил строго, не раздражаясь.

— А значит это, что, возможно, и не поеду. Вы же сами говорили, что революционеры должны находиться на посту...

— Говорил.

— Почему же вы не едете? Врачи вам давно прописали «прижим». Вот тут-то, как говорится, крыть нечем.

Горькому показалось, что последнее слово осталось за ним, но торжествовать победу не решался.

— Когда мне прикажут — поеду, без промедления подчинюсь воле партии. Как, кстати, я делал всегда.

Своей решительной позиции Ленин не изменил.

Через несколько месяцев Владимир Ильич признается Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу. А у вас кровохарканье, и Вы не едете!! Это ей-же-ей и бессовестно и нерационально. В Европе в *хорошем* санатории будете и лечиться *и втрое больше дела делать.* Ей-ей. А у нас ни лечения, ни дела — одна *суетня.* **Зряшняя** *с у е т н я.* Уезжайте, вылечитесь. Не упрямьтесь, прошу Вас.

Ваш *Ленин».*

Эти откровенные строки, наполненные искренней заботой о Горьком, очень взволновали Алексея Максимовича, и он, подгоняемый просьбой Владимира Ильича, выехал на лечение.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Работа продвигалась крайне медленно, двенадцать — четырнадцать часов за столом не приносили успокоительной радости, творческого удовлетворения, духовного наполнения. В минуты отдыха, которые становились все чаще и все продолжительнее и вместе с тем все мучительнее, Горький думал о России, о больном сыне, неожиданно оставившем работу дипкурьера, конечно, не ахти уж какую хорошую, но все-таки мужскую, с немалой долей опасности и романтики.

Максим — его любовь и его страдания — с годами требовал внимания не меньше, а даже больше, да и внимание это уже не включало мелкие бытовые услуги — он требовал участия в жизни.

«Ваше место около отца, заботиться о нем и беречь его». Простые строгие слова Ленина возымели действие, Максим — рядом, секретарствует теперь и довольно добросовестно переводит: мальчик знает итальянский, французский, немецкий. Максим гордится новым и необычным положением, просит отца время на языки не тратить, вообще всего себя отдавать рукописям.

Алексей Максимович, получив столь могучего помощника, меняет распорядок: работает утром и вечером. Когда устает, читает до рези, до боли глаз письма далеких друзей. Писем приходит много, но еще больше рукописей. Пристального внимания Горького удостаиваются письма писателей. В них все: биение литературной жизни России, рост молодых талантов, споры, жалобы, обиды и уйма всякой всячины: чудаки эти писатели, как дети: порочная страсть подмечать мелочь, профессиональная потребность к гиперболе...

«В Москве шумит последнее время Бабель,— пишет постоянный корреспондент Федин.— Этот человек пробыл долгое время в коннице, а вернувшись, высыпал целый сундук рукописей и затопил ими московские редакции. От него все в восторге».

Федин скуп на слова. Пишет дельно, кратко, тормошит вопросами скучающего по родине Горького. Семь лет они знакомы, кажется, вечность. И видится Горькому стеснительный, худой Федин, в растоптанных штиблетах, сером заношенном костюме, высоколобый, угрюмо-деловитый.

В Праге Горького настигло печальное известие о кончине Владимира Ильича. Он даже не поверил этому, счел грубой, беспрецедентной шуткой, хотел прикрикнуть, но сдержался —

кто же будет шутить этим? Ленина он любит, но ведь право его любить было и у других.

Ушел к себе, поднялся в верхнюю комнату, просил не беспокоить, хотел подумать, побыть один. Ленин заботился о нем, Горьком, а сам... Эта мысль неожиданно больно резанула сознание, и эта боль как нож осталась там, внутри. Виноват! Да, он виноват. Горький решительно обвинял себя. Ведь Ленин писал ему: «Я устал так, что ничегошеньки не могу».

Это было в августе. В декабре Владимир Ильич, никогда не жалующийся на здоровье, вновь вернулся к этому, для него щекотливому и очень непростому вопросу.

«Дорогой А. М. Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться...»

Он признавался Горькому, и, может быть, ему одному, в самом сокровенном — неимоверной усталости. А он оставил без внимания, не обратился в Политбюро, не выхлопотал для Ильича отпуска или просто передышку, паузу, время для досуга, не воззвал к разуму общественности, не пробудил заботу у окружения...

Горький слег, жизнь, кажется, оставляла его тело, выкуривалась бездымно. Оно медленно остывало — руки холодные, уже отдавшие благостное тепло горения, а голова, сконцентрировав остатки энергии, сопротивлялась, пылала — собрав всю оставшуюся жизнь, пугала неравномерным нагревом.

Поднимался Алексей Максимович медленно, хворь зацепилась крепко, не выходила из сильно иссушенного тела. Горбила его, выползала желтизной на тело. Лицо оскулилось, глаза утонули в непомерно больших донцах, плескались вяло, как умирающий родник, поредели волосы. утратилась их мягкость; отмирая, они желтели и ломались. В доме Горького Ленин еще значился в живых, говорили о нем в настоящем времени.

— Максим,— позвал Горький сына. Пешков-младший проворно влетел в комнату...— Вот что, наследник, я умирать не хочу. Я должен жить, обязан, это мой долг большевика, партийца. Я должен написать об Ильиче. Революционерам сейчас некогда, они преобразуют мир, а я напишу об их работе. Попроси Марию Игнатьевну ускорить наш отъезд из Праги. Италия так Италия.— Горький умолк, вспоминая, о каком распоряжении он говорил своему секретарю Марии Игнатьевне Будберг, поискал блокнот.— Да, Максим, попроси Екатерину Павловну — нашу маму — выслать все газеты, посвященные Ленину, они мне очень нужны. Я буду работать.

В Сорренто на вилле «Месса» Горький с раннего утра «вползал в очки» и писал. Иногда собственные строчки, излившись в ровные горошины на бумаге, начинали жить бесконтрольно, вызывали удушье, затапливали глаза.

«...В лице Ленина мир потерял человека, который среди

всех современных ему великих людей наиболее ярко воплощал в себе гениальность».

...Близкая и долгожданная встреча с Россией, надо так много успеть, осилить недуг, написать обещанное, излить только что родившееся в мыслях, побывать в новых городах, ответить на приглашения. Есть дело, большое, государственной важности, с которым связано имя Владимира Ильича. Этому Горький должен отдать значительную часть времени.

О Циолковском, его учении, гениальных гипотезах должны знать все граждане Советской России. Голова работает безостановочно, торопливо: утром — митинги, днем — званые обеды, вечером — приемы, беседы, встречи, работа на ночь. Но странно — усталости, которая таилась в каждой мышце, извилине, суставе, дырявых легких — как не бывало. Работается, пишется, думается, творится. К шестидесятилетнему человеку вернулись непоседливость двадцатилетнего, цыганская жажда к перемене мест, студенческая неутомимость познания.

По просьбе Алексея Максимовича, Чижевский, ставший известным ученым, присылает свои работы. Все так сложно, путано в книгах этих даровитых людей, объект исследования не хрупкая планета Земля, а Галактика, вселенские масштабы, субъект исследования — человечество! Гигантские масштабы!

«Дорогой Николай Александрович,— пишет Горький Семашко,— разрешите обратить ваше внимание на... А. Чижевского.

...Хорошая мы страна, хорошие у нас, талантливые люди, может, они потому и путаники такие, что уж очень даровиты.— Эта концентрированная философия Горького легко ложится на бумагу.— Легко жить с ними, необходимо ругаться, спорить, да...»

В эти радостные дни по просьбе писателя Совет Народных Комиссаров рассматривает предложения ученого Чижевского и принимает специальное постановление «О работе профессора Чижевского», отпускает необходимые средства на внедрение его изобретений, выдает автору премию в сумме десяти тысяч рублей.

Со слов Александра Леонидовича, писатель знал, что на трудную, но важную тему — изучение Солнца — его натолкнул Циолковский. Не просто проблемы Солнца, его природа и химический состав волновали Чижевского, а зависимость земных явлений от солнечной деятельности. Изменения на Солнце, которые, по наблюдениям ученого, происходили непрерывно, непременно вызывали у многих людей нервное возбуждение, резко выраженную повышенную эмоциональность и избыток моторики, биологические и патологические изменения.

Алексей Максимович не доживет до того времени, когда Первый Международный конгресс биофизиков изберет Александра Леонидовича Чижевского почетным президентом, вы-

двинет на соискание Нобелевской премии, охарактеризовав его как «Леонардо да Винчи двадцатого века».

Интерес Горького к работам Циолковского непрерывно возрастал. На Всероссийском съезде крестьянских писателей, который проходил под патронажем Горького, он расспрашивал журналиста и популяризатора науки Алтайского о Циолковском, его работах, здоровье, просил прислать последние издания ученого. Писатель не хотел отставать от тех, кто уже знал новые идеи Константина Эдуардовича.

Через месяц, когда нетерпение Горького достигло предела, он письмом уведомляет Алтайского, на которого возложил столь ответственную миссию, о высокой необходимости очерка о «нашем» Циолковском.

Первого мая, встревоженный настойчивостью Алексея Максимовича, Алтайский сообщает:

«Спасибо за письмо. Очерк о К. Э. Циолковском посылаю одновременно с этим письмом. При очерке фотографии Циолковского.

Вашу мысль о книге о жизни и работе Циолковского, конечно, принимаю и разделяю...»

Да, да, Горький был уверен, что сейчас нужна книга о Циолковском. Она возбудит интерес к работам ученого, его личности, поможет стать ему популярным... Нужна книга. И он снова возлагает надежды на Алтайского.

«Было бы хорошо, если бы вы дали очерк о К. Э. Циолковском, т. е. о всех его работах,— размером не более листа.— Горький подумал о размере материала лишь в зависимости от сроков его написания. Нужно заявить тему, широко объявить о всенародном признании великого ученого. Через минуту к тексту, уже сложившемуся в готовые фразы, он добавляет: — ...в 40 т. знаков.— Эта конкретная задача неизбежна. Но уж если он начал уточнять, то надо продолжить, объявить издание.— Это для «Наших достижений».— Пусть знает, что работает не зря, не на корзину, хранительницу всех гениальных творений. Но ведь не ради одного очерка, и не только им собирается он утвердить авторитет и имя Константина Эдуардовича. Журналисты говорят: газета живет один день, журнал — один месяц, книга — вечно. Нужна книга.— А затем,— пишет Горький,— пора, давно пора! — написать об этом изумительном человеке книгу листов на шесть...— Алексей Максимович прикинул в уме объем книги, подумал о большой, творчески насыщенной жизни ученого и решил, что это мало, дописал: —...на десять, написать популярно, рассказав подробно о его работах и об условиях, в которых он работал...

Я, наверное, помог бы вам издать эту книгу».

Это обязательство Горький брал на себя с удовольствием. Помочь — это значит, предполагал Горький, поработать с авто-

ром, отредактировать, во всяком случае с добрыми намерениями прочитать.

Через несколько дней фотограф А. Г. Нетужилин прислал из Калуги письмо:

«Уважаемый Алексей Максимович! — писал он.— Посылаю вам четыре фото для очерка Алтайского о Циолковском. Собственно для очерка три фото, четвертое, на паспарту, для вас. Думаю, что вам интересно иметь последнюю фотографию Константина Эдуардовича».

Горький, обрадованный этим письмом, удовлетворенно хлопнул по столу: он так и предполагал. Истинный ученый всегда скромен. Ему не нужна личная слава. Он рад популярности и живучести своих идей.

Алексей Максимович, увлекшийся наукой, не прекращает поисков авторов для написания книги о Циолковском, и все с той же бурной неукротимостью интересуется жизнью и бытом ученого, деталями его увлечений, кругом знакомых, пишет своему давнему корреспонденту Щербакову, проживающему в Калуге.

Щербаков, к несчастью, болен, но просьбу Горького выполняет по-военному тотчас. Он сообщает Алексею Максимовичу:

«...сегодня же пишу Адаму, чтобы он приурочил свою поездку в Калугу к твоему приезду сюда, то есть здесь соберется «золотая молодежь» около 200 человек...

...С Циолковским знаком более 30 лет — еще из Нижнего имел с ним переписку по поводу его исканий «Причины всех причин». Изредка встречались, встречи обычно бурные...»

Да, да, Горький сообщил, что намерен приехать в Калугу для личного знакомства с Циолковским.

Время становилось неуправляемым и бесконечным, как космос. Его так же не хватает: затягивается поездка. Неожиданные, непредвиденные дела постоянно мешают. А он не может, не познав «Причину Космоса», говорить о ней во весь голос. Прочь стыдливость, причина не в ней, а в некомпетентности. Дело-то какое, почти фантастическое, в руках Вселенная, как бы не ошибиться, не потерять пять-шесть галактик с населением в десять триллионов.

Циолковский верил в иные цивилизации; Кеплер, живший до Константина Эдуардовича, тоже допускал возможность их существования. Потому-то Циолковский и написал пророчески:

«Человечество не останется вечно на земле, но, в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство...»

«Не так уж невероятно, должен я заметить,— писал Кеплер со своим несокрушимым педантизмом,— что обитатели имеются не только на Лунах, но и на самом Юпитере... Одна-

ко едва ли кто-нибудь постигнет искусство летать и найдется достаточно поселенцев из числа нашего человеческого рода».

Раз между титанами есть понимание, достигнуто единство, значит, там что-то есть!

Кажется, свершилось. Рубикон перейден. Они знакомы пока заочно, но это временно. Теперь представился ему случай: Горький в день рождения Константина Эдуардовича посылает ему телеграмму:

«С чувством глубочайшего уважения поздравляю вас, Герой Труда».

Семидесятипятилетний юбилей Циолковского становится праздником науки, торжеством идей космоса, большим событием в жизни Страны Советов. Спустя несколько дней, отвечая на приветствие великого пролетарского писателя, Циолковский писал:

«Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю вас за ваш привет. Пользуюсь вашим расположением, чтобы сделать полезное для людей. Я пишу ряд очерков, легких для чтения, как воздух для дыхания. Цель их: познание Вселенной и философия, основанная на этом познании. Вы скажете, что все это известно. Известно, но не проникло в массы. Но не только в них, но и в интеллигентные и даже ученые массы...»

Циолковский полон творческих планов. Он продолжает разрабатывать теорию межпланетных полетов, занимается эффектом воздушной подушки (идея бесколесного поезда), реанимирует дирижабли и делает много теоретических вычислений.

За тридцать лет научной деятельности (Чижевский ввел собственную шкалу времени), с 1891 по 1921 годы, Константин Эдуардович написал более сорока книг, издал почти тридцать. В этом удивительном библиографическом реестре были работы по физике, воздухоплаванию, химии, истории, естествознанию и другие.

Ленин хотел... Ильич поручал... вождь собирался... Горький помнит, как Владимир Ильич живо и мудро отнесся к Циолковскому. Значит, помощь Константину Эдуардовичу есть память о Ленине. Но все, что до сих пор делал он, что успел сделать, по его мнению, было недостаточно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Весной 1931 года в теплый, погожий день Алексей Максимович с женой и семьей сына поселился в помпезном особняке у Никитских ворот, принадлежавшем до революции капиталисту П. П. Рябушинскому. Просторные светлые помещения,

великолепная внутренняя отделка, тишина и покой, о чем многие годы мечтал Горький, располагали к работе.

По настойчивой просьбе Олимпиады Дмитриевны Чертковой, комнаты первого этажа были отданы во владения Алексея Максимовича. Здесь находится его кабинет, библиотека, столовая, спальня. Олимпиада Дмитриевна, высокая красивая женщина, вела хозяйство, стояла на страже распорядка дня. Своей медицинской помощью Горькому она стремилась повысить его настроение, продлить писательскую деятельность... Алексей Максимович с детской покорностью относился к непоколебимой строгости врачевателя и хозяйки.

Горький вышел к книжным шкафам в просторное помещение библиотеки, затемненное деревьями, со специфическим запахом театрального реквизита, на полке, специально отведенной для книг Циолковского, поискал работы, которые могли бы пролить свет на неожиданно возникшую проблему. На одной из тонких брошюр черно-серое тиснение: «Тяготение как источник мировой энергетики». Горький взял ее в руки и, не раскрывая, стал вдумываться в содержание: тяготение как источник! Да, прелюбопытно. Но это было выше его знаний, и он, обрадованный реликвийной находкой, бережно вернул брошюру на место. В «Калужском вестнике» за 1896 год он нашел статью Константина Эдуардовича «Может ли когда Земля заявить жителям других планет о существовании на ней разумных существ». Взволнованный находкой, он хлопнул по обложке, предполагая немедленно прочитать ее.

Через несколько месяцев, страдая тяжелой хворью, за несколько дней до смерти Константин Эдуардович в письме к И. В. Сталину повторит свою мысль.

«...Всю свою жизнь,— писал Циолковский,— я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуществиться.

Лишь Октябрь принес признание... лишь Советская власть и партия... оказали мне действенную помощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не дает закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды.

С последним искренним приветом всегда ваш

К. Циолковский».

Да, это был последний привет, вполне осознанное прощание со своими соотечественниками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Дорогие товарищи!» — написал Гагарин и долго ходил по кабинету, думая о тех словах, которые должны лечь следом. Но слова не шли, не рождались. Охватывало нетерпение, волнение и стыдливость, что после стереотипа «Дор. тов.» не было ничего нового.

Он неподвижно стоял у окна, скрестив на груди руки, напряженно и бесцельно смотрел на снег, который на солнце бурел, набухал влагой и, проседая, уходил в землю, как в небытие.

«В душе каждого из нас,— слова приходили с мучительными потугами,— живет несокрушимый дух горьковского Сокола, неукротимого Буревестника, их «уверенность в победе»...»

Летчик-космонавт положил шариковую ручку, прочитал написанную фразу, недовольно поморщился, как от зубной боли, вновь встал и торопливо зашагал... Ведь в душе были чувства, были слова, но как медленно они выплескивались на бумагу.

Недавно, в день, когда он возобновил полеты, позвонил Константин Александрович Федин. Юрий Алексеевич вернулся с аэродрома, заполнял свою летную книжку, налетал он 1 час 52 минуты, пусть на спарке — двухместном учебно-тренировочном истребителе, но он вновь был в воздухе, в своей родной стихии и знал, что скоро начнет самостоятельные полеты. А это был для него праздник. На аэродроме ему подарили боевой листок, шедевр местного творчества, изошутка в одном экземпляре. «Гагарин на пути к звездам!», который он повесил на стене. Изредка, поглядывая на него, он с благодарной нежностью возвращал в памяти эти славные часы.

— Выступить? — испуганно изумился Гагарин предложению Федина.— Ведь это же Горький!

— Да, да, Горький,— спокойным, глуховатым голосом говорил председатель Всесоюзного юбилейного горьковского комитета,— именно вам и следует говорить о нем.

— Хорошо, Константин Александрович,— сдается Гагарин, ощущая нервное жжение в руке. Уступчивость космонавта имеет много причин. Одна из них — их отношения.— Буду готовиться.

И вот пока родилось лишь несколько фраз, и те появились в нелегких раздумьях, даже в страданиях.

Все месяцы в году одинаковы, и все месяцы непохожи один на другой. Зима не охлаждает деловой ритм, лето не ускоряет поступательного движения. В январе шла корректировка рабочих планов, ускоренная подготовка к очередным полетам. В феврале Юрий Алексеевич завершил работу над дипломным проектом, защитил его. Март рассчитывал всецело посвятить полетам, но, как нередко случается в жизни, человек предпо-

лагает, а жизнь располагает. Месяц начался с командировки, а она всегда требует напряжения, точности действий, объективности оценок. Неожиданная болезнь Валентины Ивановны внесла новые коррективы, непредвиденные трудности, немалые осложнения.

Очень хотелось войти в строй, налетать несколько очень важных часов, выполнить необходимый минимум, подготовиться к очередному полету. Космический корабль «Союз», им обжитый и, можно сказать, «зафрахтованный», ждал его.

Юрий Алексеевич думал о месячной загруженности, о распределении сил, о сосредоточении внимания на престижных событиях. Значит, выступление на вечере, посвященном памяти Алексея Максимовича Горького, выступление в Организации Объединенных Наций, выступление на московской городской партийной конференции, подготовиться... Ох, как много мероприятий, которых нельзя перенести, отменить.

Служебные командировки — их следует несколько, одна за другой — приостанавливают работу над текстом речи. Вначале Гагарину показалось, что эти нескончаемые поездки мешают ему сосредоточиться на материале, осмыслить жизнь и творчество писателя, сориентироваться на главном.

Алексей Максимович несомненно любил авиацию. Иначе почему бы он так живо принял участие в судьбе Циолковского, человека ему незнакомого и, по всей вероятности, близкого лишь по научно-практическому вкладу в новую и пока неведомую область человеческой деятельности.

В чем задача его, Гагарина? Соединить Горького с авиацией и космосом, показать влияние гения на распространение идей воздухоплавания? Или нет, как авиация отразилась в судьбе Горького? Тут есть над чем подумать! Великие личности не остаются безразличными к выдающимся свершениям века. Они или принимают их и становятся активными глашатаями идей, или отрицают.

Осенью 1906 года в тихом и живописном местечке Фонтэнэ-о-Роз под Парижем впечатлительный, нервный, энергично-неукротимый Максим Пешков наблюдает первые полеты французских авиаторов. Он посещает аэродромы и ипподромы, знакомится с героями «неба и необузданной стихии», разговаривает завистливо с Блерио, снисходительно с Дидье Дора, Гийоме и покровительственно с шестилетним Экзюпери, которого Максим называет «Сент-Экзю» и великодушно дарит ему крылатые фразы: «Я из моего детства. Я пришел из детства, как из страны». Потом эти фразы помогут юному французу в жизни, выведут на воздушные трассы, сделают писателем, прославят на весь мир, оромантизируют загадочную личность — творца и бойца. Впоследствии многие странные жители планеты усомнятся в самом факте такого презента, даже выразят недо-

умение столь щедрым подарком, ведь Сент-Экзю было всего шесть лет, как возможно это! Смешные обитатели шарика: Максиму было девять лет, он старше Сент-Экзю, а старших, как известно, положено слушать.

Авиация захватила Максима, он решает стать пилотом. В 1913 году он ошарашивает отца заявлением: «Свой двухфюзеляжный самолет-катамаран Ньюпор украл у меня».

Было чему подивиться: перед худым и длинным Пешковым (старшим) лежал рисунок самолета, как две капли воды похожего на «Ньюпор»! Рисунок выполнен Максимом в 1911 году, на два года раньше появления пресловутого «Ньюпора».

Глазастый Пешков-старший все мог простить головастому Пешкову-младшему, даже неукротимое проявление одаренности. Недавно умерла дочь Катя, и теперь все отцовское сердце принадлежало сыну.

— Ну, вот что, Дука,— Максим разнообразил имя отца.— А теперь я займусь шасси. Мне показалось, что они очень мешают в полете. Их надо убрать, ну, например, в пузо, накинуть на них юбки... Они тяжелы, неудобны, это конструкторский анахронизм... Возможно, когда не станет нас, шасси, как придаток анахронизма, словно аппендикс, будет ликвидироваться еще на конструкторском столе.

— Послушай, сынище, ты, кажется, собирался поймать облако за хвост, а теперь, я вижу, вместо полетов бредишь техническим моделированием.

— Дорогой мой папан (европеец), я буду служить великим идеям воздухоплавания в том качестве, какое позволит аэроплан сделать удобнее автомобиля... Все должно служить человеку, ибо он всесилен. Так думает твой сын-азиат.

Но пока не удавалось ни автомобиль, ни аэроплан сделать бытовой принадлежностью: автомобили сваливались в кюветы, аэропланы падали на землю. Статистика была мрачновата: число жертв возрастало. Максим окончательно определяет свою судьбу, свое будущее, свою профессию: воздухоплаватель.

«Я очень, очень обрадован тем, что тебе не понравились «мертвые петли» Габер-Влынского,— писал в 1914 году Горький сыну о полетах известного летчика.— Ты, дорогой мой, совершенно справедливо и верно называешь эти фокусы «игрой со смертью» да верно и то, что эта игра возбуждает в толпе, в публике, звериные, жуткие чувства. Ведь эти «петли» ничего не доказывают, кроме известного навыка, известной ловкости авиаторов, но если взорвется бензин, перестанет работать мотор, сотрется в нем какой-нибудь винт,— гибель авиатора неизбежна, и во всех этих случаях «петли» не помогут — так ведь?»

Но желание сына было непоколебимо. Он хотел бы парить как птица.

Максим завсегдатай Ходынского аэродрома, обыкновенно-

го поля на окраине Москвы, которое чудное человечество называет аэродромом: место шумных братских сборищ пилотов, привилегированной элиты общества. Нужны ли современной цивилизации аэропланы? Что такое воздушное сообщение? Обитаема ли Вселенная? Будут ли на Марсе яблони цвести? Максим стойкий участник всех шумных баталий: испытаний авиационных новинок на заводе Мюллер-Дуке. «Все принадлежит воздухоплаванию и моя душа тоже»,— решает дипкурьер Максим Пешков и оформляет документы для полного и окончательного перехода в ведомство «Воздухоплав».

Он еще не знает, что его подкарауливает неприятность, тяжелый и непоправимый удар.

«Максим очень болен,— писал советский посол в Германии Крестинский,— он очень истощен, у него расширение сердца, падает в обморок на улице, совершенно теряя сознание...»

Мечту об авиации пришлось оставить. Как жить дальше? Чем заняться? Какой избрать путь?

Языком, следует заняться языком. Когда-то «собственный отец» глубокоуважаемый папан советовал заняться языком, родным русским языком.

И грустно ему, Максиму, неудачнику двадцатого века. И кто это придумал двадцатый век! Пешков-младший бродил по улицам Берлина, не восхищаясь и не останавливаясь у архитектурных шедевров. В Неаполе он не слушал шум моря, в Париже его не захватила легкость европейской жизни. В Москве, по настойчивому велению отца, он встретился с Валерием Брюсовым. Поэт, энергичный человек с козлиной бородкой, большими безумными глазами, понравился Максиму своей неукротимой энергией и весьма обширными знаниями.

Брюсов свободно изъяснялся на французском, немецком и чешском языках. Максима это поразило, обрадовало. Он, разумеется, не знал, что Валерий Яковлевич гимназический курс по языкам окончил на отлично и, кроме того, проявил истинную прилежность к ним и самостоятельно изучил еще четыре языка.

В тот вечер в доме Брюсова на Мещанской улице они разговаривали по-немецки, читали на родном языке Бодлера, Верлена. Максим порадовал своего нового друга знанием немецкой поэзии.

Пешкову-старшему Максим скажет: «Не знаю, какой он поэт (Валерий Брюсов), но жить в двадцатом веке вполне достоин. Он указал мне на небо, на обитаемость миров, научил понимать язык Вселенной...»

Хандра, как затяжная болезнь, проходила медленно.

Добровольно, отказавшись от многих личных планов, он целиком посвящает себя делам Пешкова-старшего. Обрадованный таким поворотом дел, отец с решительностью военного деятеля посвящает сына в свою творческую лабораторию.

Максим ведет зарубежную переписку (очень пригодилось знание иностранных языков), печатает рукописи, за что Горький шутливо назовет Максима «печатным станком», выполняет курьерские обязанности — развозит на автомобиле рукописи, письма, записки, что покажется Максиму продолжением его дипломатической деятельности — дипкурьера.

Тогда никто, кроме сына, не будет знать, что Алексей Максимович Горький тяжело болен и что жизнь ему отвела очень мало лет. Врачи эту тяжелую весть тщательно скрывают.

Горький переведен на особый режим работы. Однажды, после недолгого обсуждения неотложных литературных дел, Горький, обращаясь к сыну, скажет:

— Спасибо тебе, Максим, за помощь. Я знаю, что у тебя другое призвание... Ты носишь имя своего деда — Максима Савватеевича, отдавшего ради сына, отца твоего, жизнь... Ты мечтал об авиации, и я, и болезнь тебе помешали... Я не буду возражать против твоего увлечения космосом. Брюсов мне говорил, что у тебя способности... В том шкафу книги Циолковского, подаренные мне великим ученым...

В 1932 году Максим Пешков узнает о строительстве воздушного гиганта «Максим Горький». Его неудержимо влечет в ЦАГИ, в конструкторское бюро Андрея Николаевича Туполева, на завод. Самолет-гигант имеет фантастические размеры: восемь двигателей, взлетный вес сорок две тонны, дальность беспосадочного перелета — две тысячи километров.

Общественность Советского Союза готовилась к сорокалетней литературной деятельности Максима Горького. Часть забот о подготовке к этому событию Пешков-младший взял на себя.

С утра, выполнив неотложные поручения отца, Максим представительствует во всевозможных комитетах, комиссиях, редколлегиях, инициативных группах, президиумах. Он скромно отвечает на вопросы корреспондентов, энергично ведет себя в юбилейном комитете, горячо благодарит тех, кто внес деньги на постройку самолета «АНТ-20», помогает издателям в подготовке к печати книг Пешкова-старшего. Во второй половине дня, уставший и заведенный до бешено вращающегося маховика, Максим Алексеевич появляется в ЦАГИ.

— Слушай, патриарх, нам нужен особый самолет,— обращается он к Туполеву.

— И нам тоже,— конструктор спокоен, уверен, деловит. Ему действительно нужен особый самолет, не престижности ради, а ради глубокого уважения великого писателя, настоящего патриарха русской советской литературы.

— Циолковский мечтает о космосе, он регулярно пишет папану. Понимаешь?

— Положим.

— В движении главное — сила толкания, правильно?

— Возможно.

Максим Алексеевич изложил целую программу строительства ракеты и космического корабля.

— Великолепно! — воскликнул молодой патриарх с малоизвестной тогда фамилией.— Все сделаем, но... не сейчас. Стартовать будем позже, сейчас надо научиться взлетать...

Патриарху было чуть-чуть за сорок, у него уставшие без вдохновенного блеска глаза, грубые руки столяра, пахнущие стружкой, мазутом и клеем, покатые плечи бухгалтера, некоторое утолщение в поясе, свойственное домоуправам.

— Но это надо сейчас,— горячо говорит Максим,— понимаешь, сегодня, не завтра... Об этом мечтает Циолковский, этого хочет Горький, об этом...

Самолет строился на средства, собранные почитателями таланта Алексея Максимовича. Испытывал самолет элегантный Михаил Громов — самый известный и самый популярный летчик того времени.

Изучив все публикации, относящиеся к этому времени, Юрий Гагарин уверен, что привязанность Алексея Максимовича к небу от сына.

Но космос? Одна из самых величайших тайн мира, мироздания, планеты. Все это теперь надлежало постичь Гагарину. Работа трудоемкая, да разве дело в объеме, тяжести груза, скорее в его значимости и целесообразности.

Как же устроен ум творца? Почему он ищет не простоты, как в живописании, не ясности, как в музыке, не совершенства формы, как в балете, образности, как в литературе?

Почему Горький, узнав о возможности построить ракету, заинтересовался єю? Он был очень болен, кровь шла горлом, врачи настаивали выехать на лечение за рубеж, не утомлять силы изнурительным трудом...

«Мы убеждены,— писал Юрий Алексеевич,— что наше стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький».

«Горький был другом Ленина, вдохновенным певцом революции, крупнейшим писателем мира,— размышляет Гагарин,— его художественные произведения продолжают доставлять нам огромное наслаждение. Он мудрый советчик, друг Человека, пробуждающий в каждом из нас лучшие чувства и стремления. Он вдохновляет нас на величайшие дерзания. Его произведения любил Главный конструктор советских космических кораблей Сергей Павлович Королев, ими зачитывался летчик-космонавт Комаров...»

Гагарин отложил перо, задумался. Горький и Ленин, Ленин и Горький... Владимир Ильич пророчески говорил о безграничных возможностях человеческого разума, опирающегося на практику, на диалектико-материалистическую теорию познания. Наука, говорил Ленин, уже открыла много диковинных

вещей, явлений в природе, в окружающем нас мире, она откроет новые, еще невиданные явления и процессы. Идеи Ленина вдохновляют и окрыляют наших ученых, всех специалистов, занятых освоением космоса...

В июле тридцать четвертого самый большой в мире самолет, названный именем великого пролетарского писателя «Максим Горький» пролетел над Москвой, приветствуя челюскинцев.

Но Максим Пешков, с таким нетерпением ожидавший этого дня, самолета не видел.

Весной он заболел крупозным воспалением легких, потерял сознание и стремительно угасал.

Горький безмерно любил своего единственного наследника. В письме к Ромену Роллану он писал о своем большом горе.

«Смерть сына для меня — удар действительно тяжелый... Он был даровит. Обладал своеобразным, типа Иеронима Босха, талантом художника, тяготел к технике, к его суждениям прислушивались специалисты, изобретатели...»

Максим оберегал отца, стремился продлить ему жизнь, а сам раньше его ушел из жизни.

...Земля бежит стремительно, строения, автомобили мелькают, прячутся за спину, взлетно-посадочная полоса выгибается, и, когда за стеклами фонаря все предметы стираются, вытягиваются в черно-белую лыжню, земля отпускает своих сынов, а сама уплывает в сторону, округляясь на горизонте. В полете возникает ощущение беспредельности силы. Все в этом мире подвластно человеку. Человек — первооснова цивилизации. Человек — начало жизни... Гагарин на мгновение задумывается: он уже читал об этом. Постой-постой, да это же Горький!

Вечерами, управившись по дому, Юрий Алексеевич продолжал работать над речью. О Горьком он и писал и говорил много, но сейчас он должен был сказать кратко и точно.

Однажды Гагарин писал:

«Я вспоминаю книги Островского и Толстого, Горького и Пушкина, Маяковского и Шолохова и говорю: спасибо вам, мои любимые писатели, первооткрыватели и учителя, наставники и товарищи. Спасибо вам за все, за вдохновение, за школу, за уроки жизни!»

Выступая на пленуме ЦК ВЛКСМ, на котором обсуждался вопрос об улучшении воспитания молодежи, Гагарин ничего не сказал о Горьком, а мог бы, обязан был сказать. Гагарин хорошо знал, что Алексей Максимович никогда не забывал говорить о героизме, любви к Родине, об ответственности за судьбы наций. Не сказал тогда, напишет сейчас.

«История сохранила ярчайшие свидетельства огромной

близости Горького и Красной Армии, веры в ее несокрушимую мощь...» Горький смотрел далеко вперед.

Но роль Горького в воспитании молодежи значительно шире, больше, она была практически всеохватывающей. Глубокой любовью к молодежи проникнуто письмо Горького, опубликованное в «Комсомольской правде».

«...Знание истории прошлого,— писал Алексей Максимович,— знание социально-бытовых отношений классов и форм жизни слишком теоретично и недостаточно насыщено материалом фактов».

Это о некоторых статьях газеты, о важности формирования у молодежи классовой ориентации. И об этом он, Гагарин, обязан был знать и чаще говорить...

И вот снова неожиданная командировка.

Юрий Алексеевич летел на юг: в края, где весна уже бодро и законно стлала свои узоры на землю.

Да, так что же такое космонавтика? Навязчивая мысль о новом поручении вторгается в сознание. Необходимо ответствовать о профессии. Нет, не так: профессия — космонавт! Что вместит в себя это емкое понятие, термин? Энциклопедия пока не объясняет.

В космос — ради Земли. Полеты не самоцель, но это и не лаборатория на орбите для подглядывания за Землей. Полеты должны приоткрыть завесу над тайнами рождения жизни. Константин Эдуардович утверждал: планета колыбель разума. Следовательно, космонавты, проникая в далекие миры Вселенной, понесут туда жизнь, разум, цивилизацию и «завоюют себе все околосолнечное пространство». А можно ли сейчас, с ходу, убаюкиваясь в самолете, дать определение космонавтике. Можно! Это будет начало начал. Жизнь, время, несомненно, внесут свои коррективы, добавят или существенно поправят, на то она и жизнь.

Солнце где-то рядом, невидимо лежит в небе, огромное, с размытыми краями и желтое, как речной песок, как песчаный берег, который уходит в высокую голубую высь и там, в белесых облаках, теряется.

После полета Юрия назвали Колумбом космоса. Его мифологически окрестили Икаром. Усердствовали журналисты: капитан космической каравеллы, капитан звездных далей, много разных имен присвоили ему. Обижаться он не мог. Это право людей по-своему выразить любовь к Первому... Но однажды он подумал: «А ведь я не был капитаном!» Самое уважаемое в армиях мира воинское звание капитан: вершина, олимп младшего офицера, высокая ступенька к старшему офицеру, пора созревания как военачальника. Эту ступеньку он миновал, шагнул со старшего лейтенанта сразу в майоры. Поначалу казалось — радостный прыжок.

В глубине воспоминаний, словно пробивающийся сквозь камни родник, рождалась уверенность: он, Гагарин, ученик и последователь Циолковского и Горького...

Так что же это за профессия, «космонавт»?

Космонавт — это человек, деятельность которого протекает в необычных условиях, оказывающих на его организм сильное воздействие, нередко близкое к предельно переносимым. Правильно, но это констатация, а где же характеристики?

Космонавт, несомненно, должен обладать глубокими знаниями науки и техники, опытом и навыками исследовательской работы. Космонавт — посланец всего человечества — должен быть Человеком с большой буквы.

С развитием космонавтики на орбиту выйдут многоместные корабли, усложнится работа экипажа, возникнет необходимость разделения функций между членами экипажа...

Профессия «космонавт» должна быть мирной, а результаты космических исследований нужно использовать для процветания жизни.

Все это надо вместить в речь.

В кухне у стены стол, заставленный посудой: тарелочки вокруг сковородки с головокружительным запахом жареной картошки, рядом кружка молока, вполне подходящая доза для утреннего рациона.

Гагарин еще не знает, что его жизнь измеряется днями. Но все равно он торопится. Успеть надо многое.

Да, незаконченная речь на горьковском юбилее. Написанные строки, торопливые, исправленные разноцветными чернилами, читаются легко, выражают определенные чувства, но не завершены. А вот эта строчка написана коряво, не нравится ему. А что, если дать ее в такой редакции: «Невозможно измерить одухотворяющую силу горьковских образов — образов смелых и мужественных людей, людей благородного и высокого свершения. Мы чувствуем проявление этой силы в подвигах Александра Матросова, Зои Космодемьянской, в отваге молодогвардейцев и героев Бреста, в несгибаемом мужестве защитников города Ленина, защитников Сталинграда, в решимости бойцов, штурмовавших рейхстаг...»

Пусть пока остается так. Ну, а дальше...

Мы убеждены также, что наше сегодняшнее стремление вырваться на просторы Вселенной является органическим продолжением того великого дела нашей эпохи, которое всю жизнь утверждал Горький. Неспроста в той же «Песне о Соколе» он стремился связать с идеей безумства храбрых мечту о постижении человеком всех тайн мира, мечтал о том, чтобы «трепетные узоры звезд» зазвучали для нас «дивной музыкой откровения».

Ему хорошо писалось. Кажется, за эти дни, что был оторван, удалось многое познать, уложить во фразы, отчистить до хрустального блеска...

26 марта в 15.00 Юрий был на предварительной подготовке к полетам. Затем вернулся в свой служебный кабинет, прочел почту, документы, вызвал для беседы товарищей. В настольном календаре написал:

«27 марта — полеты; телевидение — «Огонек» ко Дню космонавтики в 17.00.

28 марта — побывать у Вали. Дворец съездов — 100-летие Горького А. М.»

Утомленный, но довольный прожитым днем, Юрий медленно шел домой, останавливался, глубоко вдыхал мартовский воздух. Мял в руках снежок.

Вечер провел с детьми. Спать лег рано. Завтра снова полеты. Завтра — встреча с Горьким...

А. ВАРФОЛОМЕЕВ

Жена

Накануне последнего экзамена в общежитии областного медицинского института не спали: раздумчиво собирались к отъезду, страдальчески думали о подарках для близких, торопливо писали шпаргалки, веря в их магическую силу.

Оля Кумаренкова переживала, дрожала, терялась, как и все ее подружки: ошалело пялила глаза на гору непрочитанных книг, корила себя за прошлые непосещения. Подругам она сказала, что после сессии едет домой, вероятно, выйдет замуж за школьного товарища, который давно просит ее руки. Согласия она еще не дала, обещанием себя не обременила, ибо на примере своих сокурсниц видела, как нерадостна семейная жизнь студентов. Но... но время, возраст заставляют серьезно думать о будущем, да и парень крепкий, из настоящих поклонников, жаль терять. Подружки поддержали с несокрушимой убежденностью:

— Конечно, выходи. Не понравится, разведешься. А то сватался, сватался, да и спрятался.

Может быть, они и правы: разведешься. А годы? Они уйдут безвозвратно. А чувство? После первой любви им завладеет разум, вползет страх, опасение, осторожность.

— Нет, Олька, ты все-таки дура,— нервно вспархивала Людка Цветкова, с рыжим веснушчатым лицом.— Что же ты: и любить не люблю, и отвязаться не могу. Что ты, как нижегородская барышня, томишься в ожидании возвышенного чувства?! Женщина должна рожать сильных и здоровых детей. Это ее главная функция, ее земное предназначение. Раз просят — иди. Торопись. Голубчик — паровой огурчик, цветет, цветет, да и завянет. Опоздаешь. Для милого дружка и сережку из ушка...

Людка педагогически витийствовала, увлеченно излагала свое кредо непознанного женского счастья.

— Их надо поощрять,— утверждала Людка,— облегчить механизм вступления в брак. Истинные причины разводов не в кандидатских сроках, не в многоступенчатости процесса. А то что получается: свадьба не праздник, а полоса препятствий.— Людка на мгновение умолкла, думая о действительных причинах распада семей. Напряженная мысль, таившаяся в сосредо-

точенных глазах, не выплеснулась наружу.— Искусству семейной жизни научить нельзя, таких университетов не существует...

— Не барабань,— потребовала Верочка Прудникова, защищая Олю.— Она без тебя решит, надо ли ей выходить замуж или нет.

Оля благодарно посмотрела на Верочку.

Верочка — высокое нежное существо с большими темными глазами и прямыми волосами, водворив порядок в регионе, углубилась в созерцание конспекта. Она старше подружек, больше их знает цену хлеба, имеет рабочий стаж, четкую жизненную программу, числится в активистках, установила два областных рекорда в плавании.

Спорт приучил Верочку к дисциплине, строгому режиму, развил в ней самостоятельность.

— А может быть, и в самом деле,— оторвалась Верочка от конспекта,— тебе выйти замуж? А?

Оля рассеянно смотрела на подругу.

— Конечно, выходи,— поддержала Людка Цветкова.— Сватались к девушке тридцать с одним, а быть ей за одним. Выходи, выходи. Глядишь, и очередь уменьшится, мы приблизимся...— Людка, давясь, прыснула.

— Может быть, начнем пить чай? — предложила Оля, подводя итог разговору о женском счастье.

Чай пили крепкий, чтобы взбодрить себя, из больших персональных кружек.

— Кто же твой суженый? — полюбопытствовала Верочка, кусая сахар.

Понимая, что на сей раз не отмолчаться, Оля ответила:

— Учились вместе.— И протянула фотографию.

Верочка всмотрелась в красивое лицо юноши.

— Из интеллигенции?

— Вроде того.

— Не загнется в общежитии?

— Не знаю.

— Мы разбежимся,— лукаво констатировала Вера неотвратимый факт,— создадим условия...

К учебникам больше не притрагивались.

В институт они ехали трамваем. Трамвай гулко рыдал, шально покачивался, пошумливал, сыпал иней с потолка. Девчонки жались друг к дружке, кутались в поношенные одежонки, изредка обменивались незначительными фразами.

В институте, закрывшись в свободной аудитории, подружки устроили прогон программы по системе «вопрос — ответ». Вопрос, сформулированный в билете, звучал конкретно, ответ же был длинным и расплывчатым. Неуверенность и многословность объяснения расстроили Олю, ввергли в паническое со-

стояние ужаса Людку, выдавили ироническую улыбку Верочки. Была не была. Перед смертью не надышишься. Бригадный метод подготовки заменили индивидуальным, которому и был посвящен последний час изнывания.

По его истечении Оля собралась с духом, вошла в аудиторию, вялой рукой вытянула билет, бессвязно бормоча, прочитала вопросы и неожиданно с игривой беспечностью посмотрела на экзаменационную комиссию.

— Кто следующий? — спросил в это время председатель комиссии, доцент кафедры хирургии, и встретил благодарный взгляд студентки Оли Кумаренковой.— Пожалуйста.

Это предложение адресовалось ей. Не чувствуя под собой ног, держа правую руку на спасительном утолщении у пояса, она шла к столу комиссии под гипнотическим призывом доцента. Ответив все по билету, Оля ждала дополнительных вопросов, но председатель комиссии доцент Петропавловский смял в улыбке дряблые щеки, засветил с годами поблекшие глаза, притушив в них былое коварство:

— Благодарю вас за ответ. Вы удивительно гармоничны... Ваша красота удачно сочетается с широтой... не измените своей профессии, коллега, вы талантливы...

Ни Верочки, ни Людки в условленном месте не было: подружки испарились.

Оле сейчас было очень хорошо. Она устала до боли в пояснице, до одеревенения тела, но все равно мир кипел радостью. Хотелось петь, улыбаться, каждому встречному говорить: «Добрый день!»

Наконец с зачетками появились подружки.

— Девчонки,— призывно воскликнула Людка,— ужасно хочу есть!

Предложение подружки вернуло их к реальности, двое суток они жили на одном чае и теперь, сняв напряжение, ощутили волчий голод.

В огромном зале ресторана с высокими лепными потолками, могучей малахитовой колоннадой студенток приветливо встретила пожилая официантка. Исполненная величия и благородства, официантка выслушала гостей, на их признание о скудных денежных средствах отреагировала сочувственно:

— В ресторан ходят не только затем, чтобы поесть, но и отдохнуть.

Людка, сгорая от нетерпения, потянулась к хлебу; Верочка сглотнула горячую слюну. Оля трепетно отщипнула от горбушки, мазнула горчицей, кинула хлеб в рот, невинно скосила глаза:

— Умрешь, пока принесут. На волах везут...

— Где будет свадьба? — спросила Верочка у Оли.

Оля пожала плечами, неопределенно хмыкнула: тоже тему нашли.

— Мы приедем,— заявила Людка.— Но лучше в общежитии. Не так шикарно, но зато по-свойски.

— Несут,— торжественно объявила Верочка.

Стало смеркаться, синь уральского вечера мягко прильнула к стеклу. Ресторан заполнялся служилым людом, нарядными парами, шумливыми компаниями единомышленников.

Почувствовав тяжесть в желудке, Людка Цветкова, сверкнув подобревшими сонными глазами, сказала:

— Теперь и отдохнуть можно.

Верочка попросила компот заменить на кофе. Официантка, довольная своими нетитулованными посетительницами, одобрила их решение:

— Вот и правильно, сидите, слушайте музыку, танцуйте.

Людке очень захотелось пофилософствовать, поговорить о бренности жизни и зигзагах удачи. Она вела себя так, словно к комплексному обеду не имела никакого отношения, а была ресторанным завсегдатаем, слыла гурманкой и знала толк в изысканных европейских блюдах.

Покрывая густой гомон речи, звон посуды, шарканье ног, зазвучал оркестр.

— Ой, Олька, ты пропала,— неожиданно воскликнула Людка Цветкова, цепко удерживая глазами летчика, направлявшегося к их столику. Оля лениво посмотрела на преобразившуюся Людку, вяло двинула рукой, удивляясь беспричинным ее страхам. Оля не видела офицера, что остановился за ее спиной.

— Здравствуйте, девушки. Извините, что нарушил ваше уединение.— Офицер приложил руку к груди.— Можно пригласить вашу подругу на танец?

— Можно,— разрешила Людка, и повернула лицо к Оле.— Иди, иди,— страдальчески шептала Людка.— Тебя приглашают.— Она била Олю по ноге.

— Я не хочу,— спокойно сказала Оля не офицеру, а Людке.

Офицер, сконфузившись, убрал с Олиного плеча руку и извинился.

Оля обернулась. В шаге от нее стоял невысокий старший лейтенант, он терпеливо и завороженно смотрел в ее лицо. Она пожалела о том, что встала, что сейчас ее поступок может быть истолкован не так, как надо, что вообще пора уходить.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Оля охотно приняла извинение и, считая инцидент исчерпанным, собиралась сесть. Широкая мужская рука в этот момент завладела Олиными пальцами и, властно сжимая их, повела Олю на круг. Покоренная напористостью офицера, она подчинилась.

Танцевали молча. Офицер нежным взглядом облучал ее лицо, плечи, он никого не видел вокруг, плохо слушал музыку, терял такт, путал ноги. Оркестр играл заграничный шлягер. Соседи танцевали легко и увлеченно, импровизируя движения, оживленно переговаривались. Это был танец творчества и самовдохновения. Ни одного повторяющегося па, каскад невообразимых перемещений по залу.

Оля танцевала стесненно, боялась свободных и вольных поворотов, стыдилась за девушек, верткие бедра которых слишком энергично двигались из стороны в сторону. Потом они танцевали еще. Разговаривали, познакомились. Андрей, так звали летчика, оказался галантным кавалером, интересным собеседником.

— Хотите, мы вам покажем город с воздуха, с высоты птичьего полета? — предложил Андрей, поблагодарив Олю за очередной танец.

— Хотим,— тут же согласилась Людка Цветкова, присутствовавшая при этом разговоре. Она хотела верховодить, ею овладел дух подвижничества и озорства.

Автобус доставил их к самолету. Торопливо поднялись по трапу в холодный салон двухмоторного красавца. Увлеченная новизной, небывалостью вечера, Оля, подавляя в себе остатки пугливости и робости, с восторгом слушала рассказ Андрея. Заработали двигатели, самолет затрясло, ей захотелось засечь момент взлета. Она прильнула к иллюминатору. Самолет, взревев, побежал по аэродрому, нервно вздрагивая на неровностях.

В салоне стало тепло, запахло чехлами, лаком, маслом, терпким ароматом дорогого табака. Где-то курили. Транспортный самолет «Ил-14» скакнул вверх, а через несколько минут сделал вираж.

— Видите, ваш родной Свердловск.— Андрей показал в иллюминатор. Оля, сминая нос, ткнулась в оконце.

— Какой большой город! — воскликнула она.— Как красиво!

— Очень красиво. Смотрите, а то...

— А что, а то? — отпрянув, спросила Оля, уловив в словах летчика какой-то затаенный смысл.

— Может быть, не скоро придется увидеть его вновь.

— Это почему же? Я не собираюсь таинственно исчезать из этого города.

— Но это уже случилось. Мы сюда не вернемся.

— Выходит, вы обманули? Вы — офицер!

— Нет, Оля, я вас не обманул. На борту самолета находится командир нашего полка Александр Васильевич Скрипченко.— Это, по мнению Андрея Киброва, должно было успокоить испугавшуюся девушку: ведь в присутствии старших так не шутят.

— При чем здесь ваш командир? Показать город вызвался не Скрипченко, а вы. И вы должны отвечать за свои действия. Куда мы летим, что я буду там делать, в чужом городе?

— Вам ни о чем не надо беспокоиться...

— Это почему же?! — Олю стал раздражать его самоуверенный тон и его подчеркнутая почтительность.— Я не хочу знать, куда лечу, я хочу знать, когда я буду дома!

— Через два часа летного времени.

— Спасибо. Из Свердловска в Свердловск мы летим через Хабаровск.

— Мы летим в один конец.

Подошел невысокий старший лейтенант, сотрапезник Андрея, представился: Анатолий Пилюгин. Оля не ответила. Но ответа от нее и не ждали.

— Извините. Командир распорядился о втором ужине, поевропейски, и о первом завтраке по-восточному. Оля, что вы хотите?

— Где мои подруги?

Андрей ответил незамедлительно:

— Остались в Свердловске.

— Вы их подло обманули или они меня предали?

— Они к вам скоро приедут. Снимите пальто, в салоне уже тепло.

— Прекратите обо мне заботиться, мне противна ваша опека. Я хочу поговорить с командиром.

Старший лейтенант Кибров такое требование воспринял как должное, по его лицу пробежала тень досады и неуверенности.

— Хорошо,— сказал он,— я ему доложу.— Кибров встал и некоторое время стоял в глубокой задумчивости.— Хорошо,— он снова повторил это слово, но уже более решительно. Потом направился в кабину самолета.

Через пять минут в салон вышел довольно ординарный человек, в кожаной куртке, с большой дымящейся трубкой в зубах. Знаков отличия на нем не было. Он был удивительно непропорционально сложен: ноги — короткие, руки излишне длинные, большая голова на узких плечах сидела чуточку карикатурно.

— Здравствуйте. Скрипченко Александр Васильевич. Чем могу быть полезен? Разрешите курить? — все это он сказал сразу, без пауз.

— Курите,— снисходительно разрешила Оля и еще раз внимательно посмотрела на человека, от которого сейчас зависела ее судьба.— Мне неприятно обращаться к вам с жалобой, но я вынуждена. Ваш летчик, старший лейтенант Кибров, похитил меня.

— Вас похитил не он, а я.

— Вы? С какой стати? Я впервые вас вижу и, надеюсь, в последний раз.

Скрипченко молчал. Трубка, словно латинское «S», опускалась ниже его подбородка, почти к самой груди.

— Я не хочу, чтобы меня похищали. Ни вы, ни он. Я человек.

— Вы правы, но... не спешите с выводами, приглядитесь к Андрею. Он заслуживает внимания и прощения. Любовь с первого взгляда в наши дни чего-то да стоит.

— Отец-командир в роли сводника,— сыронизировала Оля.— Какова же мораль ваших подчиненных, если вы сами...

— Не судите строго, Оля, ни меня, ни моих воспитанников,— грустно сказал Скрипченко.— Они очень самоотверженные ребята. Это лучшие молодые летчики округа, а может быть, и ВВС. И возвращаемся мы с окружного совещания отличников. Повторяю: отличников.

— Александр Васильевич, зачем все это? — Оля продолжала негодовать.— Для создания семьи нужны чувства, а мы ведь чужие люди, у нас ресторанное знакомство. Или я похищена для других целей, для вашего гарнизонного гарема? Я хочу домой!

Скрипченко давно вынул трубку, да так и держал ее в скрюченной руке, долго и задумчиво глядя перед собой.

— Хорошо. Я исполню ваше требование.— Скрипченко встал, сунул погасшую трубку в карман. В нерешительности, в какой-то недосказанности или неудовлетворенности исхода разговора, потоптался на месте.— Извините, прощайте...

— Командир принял решение посадить самолет на ближайшем аэродроме. Мне приказано проводить вас, купить билет на первый же самолет, следующий в Свердловск. За все свои действия я приношу извинения. Считайте это неудачной шуткой. Как офицер я понесу наказание в дисциплинарном порядке.

Оля, закрыв глаза, откинулась на спинку кресла. Так легче думалось. Значит, она победила, добилась своего. Расстегнула пальто, было действительно душно, с интересом, распахнув свои подобревшие глаза, посмотрела на растерянного летчика, ей стало жаль его и с наигранной снисходительностью она сказала:

— Я хочу чаю, Кибров...

...Она согласилась лететь. Зачем, куда? Настоящее безумие. Собиралась каникулы провести у родителей, ждала встречи со своим женихом Сергеем Никитиным, обещала ему сказать «да», готовиться к свадьбе, а сама? Угорела, девка! Перед ней на столике стоял остывающий чай, от тряски вздрагивали бутерброды на изящной тарелочке, полированно блестели вымытые яблоки и апельсины, разноцветно лоснились обертки конфет.

Есть не хотелось. Надо было подумать, сосредоточиться, разобраться в случившемся.

Так, не проронив ни слова, окаменело просидела она в кресле, пока самолет не приземлился в далеком, неведомом для нее городе.

Скрипченко все с той же важностью командира-единоначальника спустился по шаткому трапу, с хозяйской озабоченностью выслушал рапорт встречавшего офицера и, поздравив Олю с прибытием в «родной дом», попрощался.

В узкой маленькой комнате, куда Кибров привел свою гостью, солнце гоняло зайчиков. Комната была покрашена по-казарменному: белый потолок, зеленые стены. Справа у стены стояли узкая железная койка и стол с тумбочкой, выкрашенной в зеленый цвет. На полу у отопительной батареи лежал толстый, яркой расцветки ковер.

— Вот и наша обитель.

— Наша? Римские легионеры. Наша?! — Оля сурово посмотрела на Киброва.— Ваша! Твоя!

Летчик склонил повинную голову. Оля, осторожно ступая по ковру, подошла к окну, расстегнула пальто, оперлась на подоконник и твердо сказала:

— Кибров, не обольщайтесь, я не ваша. Сегодня же вы отправите меня домой.

— Хорошо.

Оля вскинула брови, возмущенная той легкостью, с которой Кибров согласился проводить ее обратно. Не просит остаться. Не убеждает побыть в гостях.

За дощатой дверью послышались тяжелые торопливые шаги, на пороге, облаченный в штатский костюм, вырос Анатолий Пилюгин.

— Можно? — он весело скалил зубы.— Вы еще одеты? — Пилюгин деловито и решительно направился к Оле.— Я вам помогу. И вообще, пусть он не воображает, что он тут гусь, а остальные — цыплятки, я вас тоже люблю и буду опекать. Кстати, у нас женихов много, хоть пруд пруди, не понравится один — тут же его спишем, заменим другим.

Оля повиновалась. А что еще оставалось делать? Пилюгин, по-видимому, был тут завсегдатаем, он по-хозяйски вторгся в шкаф, повесил пальто, раскинув длинные руки в стороны, спросил:

— Почему же мы стоим? Прошу на пиршество!

Пилюгин жил этажом выше в уютной двухкомнатной квартире.

— Здравствуйте,— появилась жена Пилюгина, радушно протянула руку. — Таня, — представилась она.

— Оля...

— Я рада вас видеть.— Таня на правах хозяйки дома бра-

ла инициативу в свои руки.— Мы вам потом все покажем, а пока давайте обедать. Толь, я предлагаю на кухне. А в комнатах будем беседовать, пить кофе...

— Не согласен, Тэт,— сказал Пилюгин, тоном, не допускающим возражения.— Будем обедать там,— Анатолий указал на большую комнату.

— Хорошо,— покорно согласилась Таня.— Пожалуйста, накрой стол. А мы,— она извинительно улыбнулась,— пока поговорим.— Таня хотела создать непринужденную обстановку, женский интим, домашний уют.

Таня выше, крупнее своего мужа, но это не мешает ей быть изящной и подвижной, у нее белое лицо, большие голубые глаза и яркой снежной белизны зубы.

За обедом разговор шел о дальневосточных яствах. Андрей молчаливо и настороженно смотрел на Олю и чего-то тревожился, ел мало, ненавязчиво ухаживал за гостьей.

— Возьмите, Оля, медвежатину,— посоветовал Пилюгин.— И вообще — не стесняйтесь, ешьте. Сегодня вы у нас обедаете, завтра мы у вас ужинаем. Командир обещал заехать, ждите. Он хозяин своего слова.— И Оля, подчиняясь неведомому чувству страха перед начальством, посмотрела на Андрея. Он положил свою руку на ее запястье, чем подтвердил свое покровительство. Легкое прикосновение сухой руки Андрея обожгло ее, она вздрогнула, шевельнула пальцами, намереваясь вытянуть их из-под мягкого пресса, но раздумала.

— Вот что, милые существа, а не выпить ли вам? — несколько игриво, будто не всерьез, а испытательно, предложил Пилюгин.

— В самом деле, давайте выпьем, Оля,— поддержала Таня мужа. Она сделала вид, будто нуждается в допинге. Тут же встала и принесла бутылку болгарского вина.

— А мужчинам? — нерешительно спросила Оля.

— Мужчины у нас ангелы, не пьют,— оживилась Таня. Лицо ее подрумянилось, вишневые губы заиграли, глаза засветились.— А мы сейчас...— И она налила до краев большие стаканы.

* * *

...Оля впервые видела так много военных. Молодые, улыбчивые, нарядно одетые, с пышными шевелюрами, учтивые и внимательные, они оживленно говорили, шутили, терпеливо ожидая появления командира. Полковник Скрипченко пришел с женой и, приветствуя собравшихся, обошел холл, пригласил всех в банкетный зал. Произнес речь о важности семьи в жизни военнослужащего.

— Вот это командир! — восторженно шепнул Кибров Оле.— Человек!

Оля кивнула!

Через некоторое время Оля вновь встретилась с командиром полка.

Произошло это в середине дня, примерно в два часа пополудни. В то утро Оля долго спала, проснулась, услышав приглушенный шепот Татьяны и торопливое шарканье ног не поддающегося никаким уговорам Пилюгина-младшего. Снова задремала. Она слышала гул самолетов, удаляющихся от городка, и оглушающий рев, когда истребители проходили над домами. Начались полеты. Сегодня Оле в холостяцкой квартире Киброва надлежало быть хозяйкой, принимать чету Пилюгиных. Она думала о том, что приготовит, как поставит на стол, кого из друзей Андрея еще пригласить в гости. Обещал побывать полковник Скрипченко, но так и не заехал. Может быть, зайдет сегодня?

Услышав шум подъехавшей машины, Оля подошла к окну. Из командирской «Волги», подкатившей к подъезду, вяло, с сумрачными лицами вышли Скрипченко и замполит, фамилии его Оля не знает, и в меховом аэродромном костюме Кибров.

Обрадовавшись приезду Андрея, Оля забарабанила по стеклу.

— Андрей! — кричала она.— Андрю-ша...

Командира и сопровождающих его людей Оля встретила на лестничной площадке.

— Проходите, пожалуйста! — Оля поднялась, по-хозяйски распахнула дверь, приглашая войти.— Будем очень рады. Сейчас я стол накрою... Мы ждали вечером, но я мигом...

Скрипченко, опустив голову, молчал, хмуро слушал торопливую речь девушки. Молчали и остальные.

— Андрей, почему ты не приглашаешь гостей? — волнуясь и недоумевая, она подталкивала к решительным действиям Киброва — в конечном счете, разве не ради него она это делает, разве не его советы претворяет в жизнь?

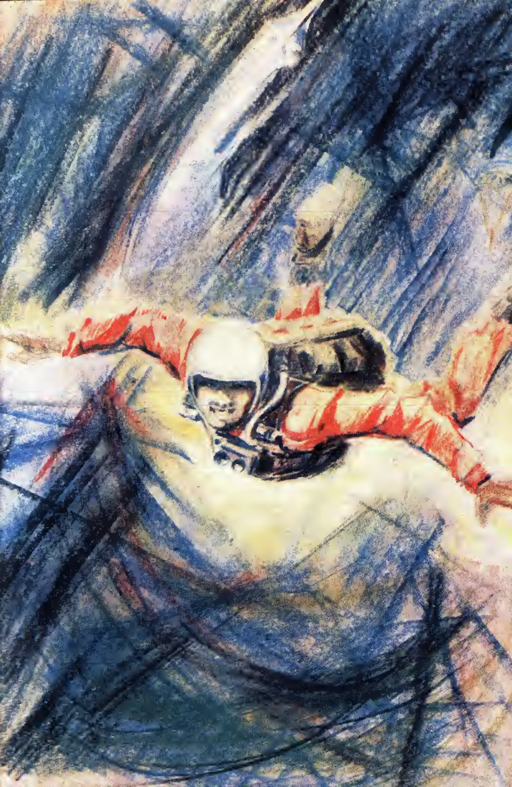
— Прости, Оля, нам надо выше, к Пилюгиным,— тяжело проговорил Кибров и указал на лестничный пролет, по которому они должны проследовать.

— Вы хотите к Пилюгиным, да? Хорошо! Я сейчас открою.— Оля услужливо пошла вверх, приглашая за собой гостей, на ходу отыскивая ключ, торопливо щелкнула замком, растворила дверь: — Пожалуйста.

Командир полка, поразмыслив, принял приглашение, поднялся на следующий этаж. Не сняв папахи, вошел в квартиру. За ним потянулись сопровождающие.

— Раздевайтесь,— хлопотала Оля.— Я сейчас накрою стол.

— Стол накрывать не надо.

— Почему, Андрей? Ты же сам говорил, что командира надо встретить хлебосольно. Я все купила, целый портфель принесла.

Скрипченко подошел к ней, пожал ее руки сильными пальцами, благодарно и ласково посмотрел в глаза.

— У нас нет повода для торжества,— сказал полковник.— А за то, что вы такой хороший человек, спасибо, спасибо за все. Сегодня погиб Анатолий Пилюгин. Умный человек, превосходный летчик...

Оля высвободила свои руки, большими округлившимися глазами заглянула в глаза Скрипченко.

— Как погиб? Нет-нет! — она мотала головой.— Мы утром разговаривали!.. У него такая жена, а Мишка... Вы подумали, как они будут без него? Андрей, почему ты молчишь?

Кибров, будто окаменевший, стоял у притолоки двери, за спиной Скрипченко, рядом с заместителем командира полка по политической части, постаревший, ссутулившийся.

— Оля,— напрягая волю, проговорил Кибров.— Анатолий погиб. Это факт...

Оля подошла к полковнику, положила руку на холодную шинель, заглянула в глаза, спросила:

— Александр Васильевич, неужели ничего нельзя сделать?

Полковник покачал головой, сказал:

— Воскресить невозможно.

Что было потом, Оля помнила плохо. Она видела окаменело застывшую Татьяну, тихую, бесчувственную, с меловым лицом и сахарными нитями в волосах, многочисленных людей, одетых в черное, плачущих женщин, судорожный взгляд Мишки, с угрюмой остервенелостью протиравшего стекло на портрете отца. Входили и выходили люди, говорили шепотом с замполитом, совали заплаканные лица к плечу Татьяны, целовали Мишку, нервно поглаживая его голову, надолго замирали у улыбчивого портрета погибшего.

Люди шли непрерывно день и ночь. И снова день.

Пошатываясь, Оля вышла на лестничную площадку, опухшими глазами поискала Киброва, не найдя, спустилась в его комнату отсидеться, побыть одной. Андрей был с товарищами. Несколько офицеров, одетых в меховые куртки, шинели, пальто, о чем-то горячо спорили. Вероятно, разбирали причину катастрофы. Приход Оли смутил их, разговор оборвался. Офицеры, извинившись, ушли.

Не раздеваясь, Оля легла на неразобранную постель. Закрыла глаза, утонула в темноте, отгородилась от всего горького.

Когда Оля открыла глаза, перед ней была сине-зеленая стена. Она долго не могла понять, где она. Попыталась припомнить, как она попала в эту комнату. Хотела откинуть одеяло встать, но руки повиновались плохо. Силы как будто оставили

ее. У кровати на табуретке, приспособленной под аптекарский стол, лежали таблетки, градусник, стоял флакон с какой-то микстурой. Заболела! Оля хотела крикнуть, позвать кого-нибудь, открыла рот, но тихие звуки, вырвавшиеся из воспаленного горла, едва ли кто мог услышать. Снова очнулась от людских голосов. Услышала приглушенное:

— Сейчас ей станет лучше.

— Она оправится?

— Организм сильный, победит.

— Что же у нее было?

— Простуда, нервный шок, общее потрясение. Вероятно, из-за гибели Анатолия. Был еще какой-то толчок, что-то личное.

— Спасибо, сестра. Вы свободны, я присмотрю за ней.

Преодолевая свинцовую тяжесть век, Оля открыла глаза и через дымчатую пелену различила женщину в белом халате и разглядела бледное лицо Андрея Киброва.

— Здравствуйте, Оля,— сестра наклонилась над больной.— Как вы себя чувствуете?

— Так, значит, я больна?

— Еще как!

— Но мне можно пойти на похороны Анатолия?

— Никуда идти не надо. Его уже три дня как похоронили.

— Уже? — Оля закрыла в отчаянии глаза и заплакала.— А как Татьяна? А где Мишка?

У нее вновь начинался бред.

Когда она снова пришла в себя, Андрей был рядом.

— Ты очень тяжело болела,— нежно сказал он,— но сейчас, кажется, все позади, скоро встанешь.

— Я много дней лежу?

— Уже пятый...

— Что же случилось? А как же институт?.. Каникулы уже кончились. Меня ждут...

— Успокойся, Оля.— Кибров взял Олину руку.— Я звонил в институт и твоим родителям.

— Родителям? — больше всего Оля боялась огласки о своем поступке.— Что же ты им сказал?

— Сказал, что ты больна. Как только поправишься, мы вместе к ним приедем.

— Вот как? Опять ты все решаешь за меня. Снова гусарские замашки.

— Тебе нельзя волноваться. Прости, что я опередил твое согласие. Я прошу тебя стать моей женой. Я люблю тебя.— Кибров нежно поцеловал ее руку.

Она болезненно закрыла глаза. Как складываются семьи, она не знала. Не знала она и брачного обряда, где и когда просят руки. А потом, почему просят руку, а не сердце? За лю-

бимого можно отдать жизнь, за счастье с ним, даже недолговечное,— голову.

— Мне холодно,— сказала Оля и осторожно высвободила руку.

«Все так перепуталось в жизни, смешалось,— писала Оля своей институтской подруге Верочке,— что на многие вопросы, хотя уже и прошло несколько недель, я еще ответить не могу. Последний экзамен, случайная идея пообедать в ресторане, неожиданная встреча... Видишь, все случайно, все неожиданно, никакой взаимосвязи, нарушение диалектики. Замысел увезти меня созрел у летчиков сразу, видимо, вам они его изложили и вы их поддержали. Почему? Ведь и ты и Людка знали о моем решении выйти замуж, уехать завтра, на следующий день, к своему жениху... Но вы... не буду бросать громких слов, обвинять вас в предательстве, измене... Хотя мне очень хочется знать мотивы ваших поступков... Ведь я не давала поводов, не проявляла повышенного интереса к мужчинам, к замужеству.

Замуж я вышла в обещанные сроки, но не за Сергея Никитина, а за капитана Киброва. Я почти не знаю ничего о нем, даже редко вижу, он все время на аэродроме, много летает, занят на службе. В маленьком военном городке я почти одинока. Но я не скучаю, не сожалею о своем скоропалительном браке, не собираюсь отсюда бежать. Мне кажется, что я даже не люблю Киброва. Мы совершенно разные, у нас несовместимые характеры, несхожие взгляды на жизнь. Он малословен, даже немножко угрюм, настойчив, решителен, не оставляет возможности для рассуждений. До сих пор не решила, как быть с институтом, бросить учебу? Одним словом, не знаю, не знаю, не знаю. Ты вправе назвать меня несерьезной и еще более обидным словом. Все будет верно. Но ради Киброва я готова на все. Он, нелюбимый человек, мне дорог.

Верочка, родная! Как идут дела у вас? Сейчас начались лекции, занятия в анатомичке, а меня нет. Трудно представить, а еще труднее понять: с таким трудом поступила в институт и так легко его бросила. Не осуждай. Может быть, я права, вдруг этот путь окажется единственно верным.

Дай Людке почитать мою исповедь, и пусть она не считает, что произошло крушение всего того, о чем мы говорили. Я подчинилась судьбе, добровольно избрала такой путь.

Пожалуйста, не думайте, что все у меня легко, хорошо, беззаботно. Я мужняя жена, живу без проблем, как одноклеточное... Меня беспокоит обман Сергея. Посылаю тебе его адрес, короткую записку для него, пожалуйста, повидайся с ним, объясни ему все... Я остаюсь здесь, рядом с Кибровым, хмурым и одержимым человеком. Когда он идет на работу, мысленно рядом иду и я, когда он улетает на задание, я с ним в кабине ист-

ребителя, когда он пишет письмо домой, каждая вторая строка его посвящена мне... Везде я. А разве мы, женщины, не этого хотим в жизни? Целую. Оля, бывшая студентка...»

* * *

...Второй час бродила Оля по пыльным улицам Чупска. Она шла то быстро, то медленно, опустив голову, ничего не видя под ногами.

«Выпроводите маму гулять, а то неизвестно, кого надо будет спасать!» — худой высокий хирург, монстр, непререкаемый авторитет местного значения, гаркнул на сестру. Вероятно, зная характер главного и его рабочее состояние, она тотчас подошла к Оле, взяла под руку, подняла со стула и со словами: «Вам надо отдохнуть, мы сделаем все возможное...» — вывела за ворота больницы. Упираться бесполезно и бессмысленно, помочь врачам она не может, сидеть у двери живым укором — только мешать им.

Куда идти? Что делать?! Ей было все равно. Даже она, недоучившийся медик, хорошо знала: сын обречен. Острый лейкоз неизлечим. Но продолжала верить, на что-то надеяться.

Оля пересекла улицу, вышла на широкую, залитую солнцем площадь, остановилась у входа в монастырь, сложенный из серых гранитных глыб.

Постояв немного в прострации, она пошла вправо, неуверенно ступая по неровно отесанным плитам, почти не поднимая глаз вверх, оставаясь безразличной к архитектурным красотам памятников старины.

Вдруг Оля почувствовала, что кто-то идет следом. Она не проявила ни беспокойства, ни волнения, не обернулась, лишь ниже наклонила голову, спрятала заплаканные глаза. Мелькнули желтые штиблеты и серые брюки. Кто бы это мог быть? Провинциальный ловелас? Скучающий балбес?

— Здравствуйте, Оля.

Ослепленная солнцем, она прищурилась, с недоумением и тупым безразличием посмотрела на мужчину, рискнувшего на уличное знакомство.

— Сережа Никитин?!

Сергей подошел к ней, обнял, расцеловал.

— Ну-ну, будет плакать.

— Это ты шел за мной по пятам?

— Прости, я. Красивая, эффектная дама скучающе осматривает город...

Оля освободилась из рук Сергея, посмотрела на него изучающе-доброжелательно.

— А ты не меняешься.

— Не меняюсь,— согласился он.— А ты меняешься, хорошеешь, цветешь.

— Где уж...

— Я всюду искал тебя, разумеется, не думал встретить здесь.— Сергей жестом предложил продолжить путь и, когда они пошли, патетически продолжил: — Я по-прежнему люблю тебя, Оля, готов все простить, забыть. Прошу, вернись.

— Извини, я замужем. Наверное, ты слышал, как произошло это, но я ни о чем не жалею. Судьба. Если бы не встретила Киброва, я была бы тебе верной женой.

— Кстати, Оля, время обеда,— спохватился Никитин.

— Прости, Сережа, я не хочу. Пообедай один.

— Понимаю,— догадливо протянул он,— режим, блюдешь фигуру, перешла на одноразовое питание.

— Я очень тороплюсь.

— Мы успеем везде, я при машине. Вон стоит,— Сергей показал на бежевую «Волгу». Извлек из кармана брелок с ключами: покрутил их на пальце.

— Пожалуйста, подвези меня к больнице.— Лицо Оли страдальчески побледнело: правой рукой она судорожно схватила локоть Сергея.— Пожалуйста.

— Мигом домчу. Прошу.

— Пожалуйста, остановись здесь,— попросила Оля за целый квартал до больницы.— Мне туда. Я немножко пройдусь.

— Я подожду.

— Я могу задержаться, да и зачем? Прошлого не вернешь. У тебя ведь дела в городе... не смею мешать.

— Нет, смеешь!..

Сердце учащенно забилось, когда Оля остановилась у стеклянной перегородки, не было сил перешагнуть невысокий порожек — рубикон жизни, оперлась о косяк и закрыла глаза. Здесь ее и увидел сумрачный доктор. Он виновато положил воздушную руку на Олино плечо, открыл рот, что-то сказал, но она его не слышала. А он продолжал говорить беззвучно, как в немом кино, потом перевернулся — точнее, покатился куда-то вниз...

Когда Оля от запаха нашатыря пришла в себя, то увидела, что лежит на каталке, а рядом стоят доктор и сестра. Они помогли ей подняться, подали сумочку, проводили к выходу.

Боясь потерять равновесие, Оля осторожно спустилась по каменным ступенькам, вышла за ограду. Солнце, склоняясь к горизонту, бросало длинные тени на улицы Чупска, красило стекла в золотисто-багряный цвет.

— Оля.— Голос Сергея вывел ее из задумчивости.— Оля, я жду тебя.

— Меня? — Зачем она спросила? Э, да не все ли равно! — Я здесь.— Она обернулась.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, Сережа, ничего.

Очень болела голова, стучало в висках. Сколько прошло времени, как они расстались? Час, два? А ей кажется, что за это время пролетели годы! Почему так быстро жизнь уходит в прошлое? Был сын... Какое страшное слово «был». Уж лучше бы умереть ей... Двадцать три года, а так много горя!..

— Ты что-то сказал?

— Да, Оля, сказал, мы собирались с тобой пообедать, а теперь уже пора ужинать.

— Ужинать? Что ж — поедем ужинать.

Оля, безучастная ко всему, молча пошла к машине.

— Будем пировать, — бодрячески изрек Никитин, хотя видел, что ей не до веселья.

Никитина встретили в ресторане как старого знакомого.

— Пожалуйста, сюда, Сергей Иванович,— официант в синем костюме, лучась любезностью, предложил следовать за ним. В дальнем углу небольшого зала, у высокого окна, был накрыт стол. Никитин, поблагодарив официанта, отпустил его, подал стул Ольге, сел напротив. Минуту выжидающе изучал постаревшее лицо Оли.

— За встречу.

Она не ответила, сидела безучастная и равнодушная ко всему происходящему. Никитин налил водку, что-то сказал, Оля не слышала. Не пригубив даже, она поставила рюмку на стол.

— Оля, ты ничего не ешь? Тебе не нравятся эти закуски, я закажу другие.

— Спасибо, не хочу.

— Где ты остановилась?

— Нигде.

— Ты вернешься домой или заночуешь в Чупске?

— Останусь здесь.

— У меня большой номер...

— Не надо.

— Оля.— Никитин положил вилку на стол.— Ты прости, что повторяюсь, но прошу тебя, вернись ко мне. Я люблю тебя.

— Не надо об этом. Я же замужем!

— Ты счастлива?

— Не знаю. У меня много печали...

— Я постараюсь сделать тебя счастливой, ты вернешься в институт.

— Сережа, я жена военного летчика...

— Понимаю. Но у меня право на счастье такое же, как и у него.

— Возможно. Ты женат?

— Да.

— Значит, счастлив!

— Нет. Почему ты вернула мою фотографию?

— Я ее не возвращала. Она оказалась у Верочки случайно, в день злополучного последнего экзамена.

— Спасибо и за это, сняла груз... А Люда преподнесла как...— он замялся.

— Люда? — удивилась Оля.— Почему Люда? Верочка. Ведь именно ей я поручила встретиться с тобой и передать письмо.— Она, кажется, начала понимать: — Значит, Людка Цветкова твоя жена? И у вас двое детей?

— Все точно.

— А я и не знала об этом. Верочка сообщила, что просьба моя выполнена, и все. Мы с Андреем переезжали из гарнизона в гарнизон, переписка с подругами оборвалась, вероятно, письма где-то затерялись. Так обычно и бывает.

— Люда очень изменилась, она кандидат медицинских наук, заведует клиникой. В одном неизменна: старается походить на тебя — в манере говорить, одеваться... Этим она мне и дорога. Так что у тебя есть двойник.

— Кто бы мог подумать? Людка и такая воля... Знаешь, силе ее характера можно только позавидовать. Тебе повезло. Ради тебя она и защитилась.

Никитин налил фужер водки, поднял его, вероятно, хотел чокнуться, посмотрел на прозрачную жидкость, с отчаянием опрокинул в рот. Так пьют от невыразимого страдания. Так пьют алкоголики. Никитин долго держал губы сцепленными, не дышал, задумавшись, смотрел в одну точку.

— Кофе?

— Спасибо, не надо.

— Я могу тебя отвезти домой.

— Отвези меня в больницу,— попросила она, сожалея, что пошла с ним в ресторан.

— В больницу? Зачем?

— Надо.

— Пожалуйста. Не боишься?

Оля опустила глаза, не ответила.

За рулем Никитин не разговаривал, машину вел осторожно, скорости не превышал.

Час пик миновал, ничто не затрудняло движения, Никитин подъехал к больнице, пересек тротуар, уткнулся носом в ворота, эффектно нарушил правила уличного движения, вероятно, рассчитывая на вечернюю безнаказанность.

— Я скоро вернусь.

Оля вышла во двор, посмотрела на часы: восемь вечера. Застанет ли кого в больнице? Нянечка скорбно выслушала женщину, показала на четвертую палату. Осторожно ступая по натертому паркету, Оля прошла несколько метров по коридору, остановилась у двери молочного цвета, прислушалась. В пала-

те смеялись, громко разговаривали. Она рывком отворила дверь и решительно вошла. Доктор, увидев Киброву, торопливо шагнул навстречу.

— Можно мне повидать сына?

Доктор предвидел этот вопрос, даже к нему готовился, но, услышав его, замешкался.

— Как вам будет угодно.

Не выпуская руки Кибровой, доктор препроводил ее в морг. У дверей этого мрачного сооружения они остановились.

— Можно я побуду одна?

Доктор согласно кивнул.

Из морга Оля вышла через десять минут. Весь ее вид говорил о том, что она пересилила свое горе и больше не нуждается в сочувствии.

— Благодарю вас, доктор.

— Беда непоправима, но вы женщина молодая и у вас все впереди. Держите себя в руках.

Оля со стоическим спокойствием выслушала сентенции доктора, не обронив ни слова, пошла к выходу.

* * *

— Вот, послушай,— Кибров осторожно лег рядом, поправил светозащитные очки, устремляя взгляд на открытую страницу миниатюрной книги «Легенды Крыма». — Очень интересно! «Когда-то на Медведь-горе стоял величественный замок. Далеко видны были его высокие башни, еще дальше разносилась слава о его владельцах — братьях-близнецах Петре и Георгии». Уяснила?

Оля не ответила. В голубом однотонном купальнике она лежала под солнцем спокойная и умиротворенная, безразличная к небу, морю, окружающим. Андрей решил увезти ее к морю, настоял; она, безразличная ко всему, согласилась. Нужна была смена обстановки. Действительно, внешне что-то изменилось, а внутри ее — все по-прежнему тускло и мрачно. Боль не утихала, рана не зарубцевалась. Оля не свыклась и никогда не свыкнется с тем, что Толика нет.

— Послушай дальше, очень интересно,— не унимался Андрей Кибров, вкладывая в эмоциональное пробуждение жены всю свою волю.— «Однажды в темную ночь постучал к братьями Нимфос». Ты помнишь, кто это? Забыла? Это старый любимый слуга. Братья его слушались во всем. «Я пришел с вами проститься, — сказал старик, — ухожу. Не уговаривайте меня, на то не моя воля... А на прощание даю вам по подарку. Вы постигнете тайну живущего, узнаете, как устроен мир. Но помните,— воскликнул старик»... Ты меня слушаешь? «Никогда не пользуйтесь этим даром с корыстной целью, для насилия.

Пусть он служит вам только для радости познания».— Кибров читал медленно, выразительно, доводил образ Нимфоса до полного зрительного восприятия.— «Поставил он на стол два перламутровых ларца и исчез. Бросились братья к ларцам и открыли их. В одном лежал костяной жезл с надписью: «Подними его — расступится море, опусти — увидишь все, что есть в пучине», а в другом ларце — два серебряных крыла, тоже с надписью: «Привяжи их — и понесут тебя, куда захочешь, узнаешь все, что пожелаешь». Вот видишь — наш авиационный сувенир. Оля, давай поплаваем.

— Я не хочу. Я боюсь воды.

Она думала о своем муже Андрее Киброве, о его страданиях. Сейчас эстрадничает, массовничает, а ночью — она не спала, слышала, как он плакал, стонал, звал Толика... Разговора о сыне не заводит, боится разбередить рану жены, но сам впадает в затяжные размышления, глубокую, как сон, грусть. В сердце Оли колыхнулась жалость, прорезалась мысль: она не принесла ему счастья.

— Может быть, тебе вновь поступить в институт? — Андрей боится молчания.

— Может быть.

Оля духовные допинги пока не воспринимает. Она думала об институте. Все-таки коллектив: студенческая среда оживит.

— Нам, возможно, придется переехать, жду телеграмму,— сказал Андрей.

— Она уже пришла. Тебя поздравляют...

— Ты не боишься переезда?

— Боюсь. Я не хочу уезжать от сына.

— Я тоже, но это необходимо. Он бы нас понял.

— Да, понял бы. Он был умным мальчиком.

— У нас будет трудная пора, мне придется много ездить, готовиться...

— Меня это не пугает.

— Спасибо.

— Не надо.

* * *

Андрей приступил к тренировкам. Опытные наставники. отмеченные многими орденами, глубокими бороздами морщин, тренеры и инструкторы вытрясали из него душу, а когда уставали, не доверяя собственным выводам, сдерживая эмоции и симпатии, вверяли летчика технике. И та, радуясь безграничной власти над человеком, своим создателем, пытала его температурой, влагой, тряской, светом, темнотой и, не довольствуясь этим, следила за ним зоркими телеобъективами, фиксировала каждое слово, запоминала каждый поступок. Испытаниям не было конца.

Андрей уходил рано — к этому привыкла Оля, возвращался поздно — это она терпела. Андрей улетал в командировку, из которой не писал, не звонил. Она даже не знала, где он бывает. Андрей перестал говорить об авиации, полетах, происшествиях.

Комната — временное пристанище Кибровых — превратилась в книжное хранилище, склад научно-фантастической литературы, хаотическое скопище фолиантов о небе, Земле, Вселенной, внеземных цивилизациях. Она стала малой Галактикой, земной Солнечной системой. Каждая полка концентрировала знания об одной из планет Солнечной системы, о ее прошлом, настоящем и будущем. Тут же были глобусы Земли и Луны, карты звездного неба, графики движения планет, их местоположения в разное время суток.

Оля тоже все это читала, запоминала места их хранения. Она постигала астрономию и геофизику, космологию и Герберта Уэллса, Итало Кальвино и Антона Чехова, Жюля Верна и Алексея Толстого, Константина Циолковского и Германа Оберта. Какое-то время она думала, что приобрела определенные познания в астрономии, космонавтике, геофизике, научно-фантастической литературе. Но так она думала до первой обстоятельной беседы с Андреем. И тогда она решила учиться всерьез.

* * *

Пасмурным осенним днем Оля Киброва приехала в областной педагогический институт, робея, переступила порог старого особняка, в котором теснились факультеты почтенного вуза, прошла в ректорат, обратилась к высокой чернявой секретарше.

— Вам надо бы к тому,— выслушав просьбу, указала она малиновым пальчиком на дерматиновую дверь.— Но лучше к этому, он более душевный... Правда, учиться у нас может не всякий...

Процокав каблуками от своего крепостного вала — письменного стола к каменно-мрачной двери, секретарша прислушалась, как подводник-акустик, потупила глаза цвета мытой сливы и заговорщически шепнула:

— Разговаривает, сейчас закончит.— Через несколько минут по улавливаемым звукам определила: — Освободился! Смелее... Зовут Алексеем Сергеевичем.

Не чувствуя ног, Оля вошла в кабинет проректора института.

— Присаживайтесь.

За столом сидел крутолобый, большеротый мужчина с голубыми смеющимися глазами.

Оля прошла к столу и протянула пакет с документами.

Проректор вскрыл пакет, бегло проглядел справки, выписки, оценочные листы, характеристики, достал папиросу, жадно затянулся.

— А где заявление?

— А надежда есть?

— Будем рассматривать. Думаю, что поддержим вас.— Проректор встал.— Куда же мы денемся от таких проблем! Жены офицеров — вечные странники. Спасибо вам, что вы есть. Вам и так нелегко, мы не будем создавать вам дополнительных сложностей. Только, товарищ Киброва, восстановить вас на третий курс мы, пожалуй, не сможем. Сами понимаете, не профильный вуз, да и не учитесь вы давно. Принять на второй дерзнем. Кое-что придется досдать, поусерднее походить на лекции, посоветоваться с преподавателями.

— Спасибо,— Оля улыбнулась.— Заявление я привезу.

— Нет, напишите сейчас же. Вот бумага.

Дрожащей рукой Оля под диктовку написала заявление.

Через час, добежав до метро «Бауманская», абитуриентка Киброва зашла в гастроном, купила ветчины, карбоната, яблок, спустилась в метро и доехала до площади трех вокзалов.

Оля спешила на электричку.

Незаметно в приподнятом настроении она доехала до нужной остановки. Пробежала мимо стройных березок к своему дому. И вдруг...

— Оля, случилось несчастье.

Слова врача с трудом дошли до ее сознания.

— Что-нибудь с Андреем? А почему вы одна?

Валентина Григорьевна Смирнова поправила пальто, наброшенное на плечи.

— Все уехали к Андрею в госпиталь, а я жду вас.

Оля уронила сумку, вывалились свертки, высыпались яблоки, покатились по тротуару. Она почувствовала головокружение и боль в боку.

Валентина Григорьевна поддержала ее.

— Сломал ногу, да? — придя в себя, переспросила Оля.

— Перелом голени.

— Я хочу поехать к Андрею.

— Сегодня уже поздно, лучше завтра.

В одиночной палате Киброва Оля появилась перед утренним обходом. Андрей не спал. Ткнулась в его жесткое плечо, закрыла глаза. Андрей растроганно гладил Олину голову, запекшимися губами бормотал успокоительные слова, с недоумевающим сожалением посматривал на оттянутую вверх ногу, бережно вложенную в гипсовый футляр.

— Вот видишь, мое прокрустово ложе,— горько пошутил Андрей.— Прикован, как Прометей...

— Я останусь с тобой.

— Это невозможно.

— Невозможно жить без тебя. Я медицинская сестра, у меня же незаконченное медицинское образование... Здесь я буду рядом.

И Оля осталась.

Работала она ловко и сноровисто, строго выполняла предписания врачей. Домой не ездила, в магазины не бегала, писем никому не писала, о своем исчезновении никого не информировала. Спала тут же, в отделении, тревожно и зыбко, ловя каждый шорох. Течение болезни Киброва у врачей тревоги не вызывало. Они создали ему щадящий режим, разрешили ходить, заниматься спортом, читать книги. Оля набирала необходимую литературу, ту, что Андрей указывал в списке, по возможности читала и сама.

— Оля,— неожиданно ласково и нежно сказал Андрей,— скажи мне честно.— Он сглотнул слюну, осторожно опустился на подушку.— Ты счастлива? Ты можешь сразу не отвечать, я тебя не тороплю, поразмысли, можешь вообще не отвечать...

И Оля не ответила.

— Помнишь,— сразу же продолжил он, гоня коварную тишину, боясь Олиного ответа.— Я обещал постоянно заботиться о тебе, создать рай на земле. Видишь, не получилось! Да и семья, кажется, не сложилась, случайный симбиоз. Все на тебе, все удары по тебе. Я иногда с сокрушающей жестокостью думаю о своем поступке: увез, сорвал из института, продержал несколько лет в глухомани...

Оля, опустив голову, опираясь на левую руку, бесчувственно лежала в кресле. Кибров мгновенно вскочил, забыв о боли в ноге, бросился к жене, бережно взял ее руку, лихорадочно думая, что же предпринять. Так, в полном оцепенении Кибров простоял несколько минут.

С трудом открыв глаза, Оля сказала:

— У нас будет ребенок.

Она не хотела ошеломляющего эффекта и потому до поры до времени решила молчать, однако обстоятельства вынудили, и она открылась. Радость — лучший лекарь, а это Киброву сейчас так необходимо.

* * *

Посетители музея изнывали от монотонного повествования, скучали от цифр, скрытно зевали при рассказе о запасниках, несметных богатствах кунсткамеры, никогда целиком не экспонируемом фонде музея. Вот тогда, чтобы завоевать внимание посетителей, увлечь их, она и ее коллеги стали придумывать легенды, опираясь на случаи из жизни космонавтов, на подаренные ими уникальные экспонаты. Оля радовалась: люди

потянулись в музей, они приходят нарядные, празднично-возвышенные, взволнованные.

Взглянув на часы, Оля облегченно вздохнула: через двадцать пять минут конец рабочего дня. Из большого главного зала она сейчас перейдет в мемориальный кабинет Юрия Алексеевича Гагарина — там семнадцать минут, и затем вниз, в фойе — единственное место, где выставочные материалы наиболее наглядно рассказывают о профессии летчика-космонавта,— еще пять — восемь минут...

Оля любит свою работу, не тяготится черновой, непарадной ее стороной. Музей, по ее мнению, не только хранитель культуры и истории, но и центр средоточия богатства науки, ее золотой фонд. Отдельные экспонаты стали уникальными, бесценными.

Оля хотела выйти из людского круга, освободить гостям подход к витражу и вдруг увидела заместителя начальника Центра подготовки космонавтов, склонившегося над письмом златоустовских рабочих. Павлов внимательно читал письмо, читал, как показалось Оле, въедливо, как криминалист, рассматривал бумагу, изучал шрифты, подписи. Смуглое лицо его было бесстрастным.

В той витрине, над стеклом которой склонился генерал, еще вчера находились часы американского астронавта, но сегодня их там нет, они бесследно исчезли. Пропажу Оля обнаружила вчера перед самым закрытием музея. Проверяя противопожарное состояние и дежурное освещение, она переходила от двери к двери, мимолетно, случайно взглянула в витрину и не поверила своим глазам: голубая фланелька, на которой вот уже несколько месяцев лежал уникальный подарок, была пуста — исчез один из самых редчайших экспонатов. Может быть, кто-то подшутил? Нет, так рискованно не шутят, остается одно: кто-нибудь из коллег отнес их в запасник, а замену не произвел, не успел. Да, такое может быть. Но почему не сказали ей, ответственной за фонд музея?

...Оля с трудом подняла отяжелевшую голову, силясь понять, где она, почему вокруг лампочек образовался золотой мерцающий нимб? Больше она ничего не помнила. Когда сознание вернулось, посмотрела на часы — четверть третьего: горит ночник, она лежит в кровати, не раздета, в сапогах... Когда же она сняла шубу? Хотела припомнить: сама сняла или ей помогали? Встала, пошатываясь прошла в детскую. Дети, укрывшиеся теплыми одеялами, спали, громко посапывали. Она остановилась в проеме, прислонилась к притолоке и напряженно подумала: «Кто-то их уложил?» Наверное, соседи. А может быть, сами — раннее взросление. Сейчас это называется космополитическим словом «акселерация».

«Инструкция папы действует»,— подумала она с нежностью и тихонечко прикрыла дверь в детскую.

В ее комнате, на широком письменном столе, у телефона, лежал длинный список фамилий «Кто звонил». Оля читала знакомые и незнакомые фамилии. На обратной стороне листка рукой соседки, Клавы Зубковой, написано:

«Олечка! Дома все в порядке, ребята накормлены. Отдыхай. Я у себя, по первому зову — приду. Твоя Клава».

Оля прошла на кухню, включила металлический ночник, поделку под вечный огонь, осмотрелась. Это были ее владения, святая святых семьи. Пламя успокаивало. Она вымыла лицо холодной водой, присела.

Сегодня она не слушала радио, некогда, день суматошный, и ничего не знает о полете — как там? На Земле тяжко, а в космосе? На кухне чисто, прибрано, посуда покоится в ячейках сушильного шкафа, белые госпитальной стерильности табуретки под широким обеденным столом. Открыла холодильник — полон. Запаслись. Кто же это? С миру по банке — дома банкет!

Кофе Оля пила неторопливо, по-деревенски, вприкуску, обжигаясь, движения рук стали плавными, щеки зарумянились, утихала дрожь в теле.

Но потом тошнота снова усилилась, подступила к груди, сдавила горло, закружилась голова, в висках застучали молоточки. Ей показалось, что на голове зашевелились волосы и что-то непомерно массивное навалилось на грудь, стало трудно дышать. Оля, боясь задохнуться, рванула ворот кофты, пошатываясь пошла в ванную. В холодной и сырой комнате почувствовала себя еще хуже. Начались судорожные боли в животе, лицо покрылось холодным потом. Опустошенная и истерзанная, с глазами, полными слез, она едва добралась до постели, не раздеваясь, легла поверх одеяла, закрыла глаза и провалилась в тартарары. Очнулась от истошного крика. Вскочила, кинулась к выходу, но ее обхватили чьи-то сильные руки и удержали в кровати.

— Кто это? Что вам угодно? — неистово закричала Ольга.

— Успокойся, Оля, это я, Клава. Тебе надо раздеться и лечь. У тебя озноб.

Ольга некоторое время лежала тихо, но затем снова рванулась к двери.

— Зачем ты меня удерживаешь? Там, наверху, плохо Андрею. В станцию попал метеорит, они погибают...

Оля закрыла лицо руками, плечи мелко вздрагивали, волосы рассыпались, прикрыла искаженное в страдальческой гримасе лицо.

— Метеорит? — Клава посмотрела на нее с испуганной настороженностью.— Ну что ты говоришь? Какой метеорит? — встала, подошла к Оле, бережно подняла и в сумеречном свете начинающегося утра посмотрела в округлившиеся, невидящие глаза. Олю трясло. Ей было холодно. Клава обхватила ее за

талию и проводила к кровати.— У тебя опять подскочило давление, зря ты пила кофе. Я принесла понижающее, вот таблетки.

Оля покорно улеглась, приняла таблетки.

— Спасибо. Включи свет,— попросила она.

Оля приподнялась и с нескрываемой нежностью посмотрела на гостью. Угольно-черные волосы Клавы уложены в высокую прическу. Над верхней губой Оля увидела малюсенькую родинку и очень удивилась, что она не обращала раньше внимания на такую прелесть. Оля любовалась своей подругой. Восторг женщины дорогого стоит.

— Ты очень красива,— восторженно, но без лести сказала Оля.— Прости, мне неудобно. Я сейчас встану.

— Полежи. — Клава медицинский работник. У нее большой стаж.

— Я не хочу.— Оля вытянула руки поверх одеяла, бледная, остроносая, с глубоко запавшими глазами. Она с трудом подавляла в себе желание говорить об Андрее, о видении, возникшем сегодня ночью. Клава, судя по ее глазам, думала о чем-то своем. Оля, боясь тишины, попросила: — Позвони, узнай, как там они? Тебе скажут правду.

Клава отозвалась не сразу.

— Ну с чего ты взяла, что в станцию попал метеорит? — Клава недоуменно пожала плечами.— Вероятность такого чрезвычайно мала, считают ученые.— Она хотела внушить Оле спокойствие.

— Но ведь есть?! — Оля оставалась непреклонной.

— У тебя такая уверенность... просто поразительная,— лицо Клавы порозовело, в глазах появился нервный блеск, твердость Оли ее пугала.— Хорошо, если ты настаиваешь, я позвоню.— Клава встала.

Вернулась она через несколько минут.

— Ну как там? — настороженно спросила Оля.

— Ничего страшного.— Клава села на прежнее место. Положила руку на Олин лоб.— В станцию действительно попал метеорит. Ребята работают в костюмах. Вероятно, им снова придется выйти в открытый космос. У тебя температура.

— Спасибо.— Оля сосредоточенно смотрела прямо перед собой, в высокий потолок, разрисованный блеклыми тенями люстры.— Почитай мне стихи. Помнишь, их читал Юра Гагарин: «Средь знаменитостей, среди актрис в рассветной дымке синего экрана вы не заметили их нежных лиц, их балуют не часто...»

— Как ты узнала о метеорите?

— Мне приснился сон.

— Сон? Мистика. Ты же не спала.

Лицо Клавы посуровело, стало еще прекраснее, в нем появилась властность и надменность.

— Не помнишь, кто написал эти стихи?

— Кажется, Беляк Германов... да Германов,— Клава неожиданно сникла, недосягаемость ее исчезла, она торопливо поджала колени и в отчаянии уронила на них голову.— Прости, — прошептала она, — Герман Беляков. — Клава подняла голову и, не открывая глаз, стала читать: — «Для них тревожно проплывает ночь, и стынет ужин долгими часами. Мужьям они не в силах чем-нибудь помочь. Они лежат с открытыми глазами».— Голос был сухим, ровным, без эмоционального наполнения.

— Не торопись. Повтори: «Мужьям они не в силах чемнибудь помочь. Они лежат с открытыми глазами». А дальше? Ведь есть продолжение? — Оля была во власти стихов, жила пробуждением чувств.

— Есть. «И все-таки совсем не в этом суть. Когда корабль космический вернется, сиянье славы их мужья несут, а тяжесть славы женам достается».— Клава боялась выразить свое отношение к прочитанному, отвела свой взгляд в сторону и с холодным равнодушием, несвойственным ей, стала смотреть на фарфоровую вазу.

— Очень верно,— после долгого размышления сказала Оля.— Я обязательно напишу ему письмо.— Она была героиней поэтического опуса и свою причастность к описываемому хотела выразить письмом.

— Это под чувство,— тихо заметила Клава, сжимая пальцы своих рук.— Обстоятельства.— Больше она ничего не сказала, уверенная в бесполезности разубеждать Олю: она несомненно напишет письмо, но будет в нем присутствовать не героиней, а благодарной читательницей.

— А твой Федор пишет стихи?

После этого вопроса Клава подумала, что Оля не напишет письма, а передаст поэту свою признательность через Федора.

— Не знаю, возможно, и пишет, но чаще математические формулы и, когда не решаются задачи, ругательные слова.

— Он полетит второй раз?

Изнурительная подавленность проходила, спала напряженность тела, оттаяли глаза. Сейчас, восстановив силы, она начнет действовать.

— Может быть, это его дело.

— Я буду вставать,— решительно заявила Оля, шевельнув ногами.— Пора.

В ее воскресших глазах плескалось голубое небо. Сопротивляться не имело смысла, тем более именно ради этого она здесь. С каждой секундой Оле становилось лучше.

— Хорошо. Я погашу люстру.

Клава выключила свет, и тотчас густой мрак вполз в комнату, отодвинул и попрятал предметы, мебель, погрузил все в глубокий предутренний сон.

Исстрадавшаяся и разбитая, прошедшая через жестокие ночные страдания, Оля подошла к окну и, к своему изумлению, увидела, как ночь бежала от дома, скрылась в густом ельнике, зацепилась за кустарник и, таясь, залегла внизу. Темнота боится человеческих глаз, комната наполнилась светом.

— Ты не ходила бы сегодня на работу,— посоветовала Клава.— Дел по дому накопилось, и ночь не спала...— Клава хотела сказать о детях, о внимании к ней со стороны руководства Звездного, о ее праве на исключение, но Оля ее опередила.

— Это не единственная... Ничего, выдюжу. Я ведь офицерская жена и обязана не пищать...— Оля отошла от окна, приблизилась к подруге: — Надо идти, дела, дела, дела. Сегодня какие-то важные гости. Да и не только это. Вчера из музея исчезли часы, уникальный подарок, а это, ты знаешь, шум, скандал, неприятности...

— Но ты же не виновата?

Клава отстаивала невиновность подруги.

— Виновата, и еще как,— опираясь на спинку кресла, Оля искала глазами халат. Необходимость говорить о пропаже возникла у нее вчера, эта потребность была как кашель, который не приносит облегчения, но и подавить его нельзя.— Директриса. Не обеспечила сохранность ценнейшего экспоната... Мировой скандал. В общем, плохо.— Оля накинула халат на плечи.— Куда они исчезли? Начальству не доложила, рапортом не донесла. Начальник Центра за такие дела по головке не погладит...

Клава щурилась, всматриваясь в картину. Она видела ее не в первый раз, но всегда походя, торопливо, в связи с чем-то. Сейчас она с профессиональной медлительностью облучала глазами миниатюрный шедевр неизвестного ей художника. Она видела крошечный солнечный лучик, греющий темную проталину, деревья, сгрудившиеся на синем фоне. Клава бережно перенесла свой взгляд за окно и увидела то же самое небо, холодные тучи, мрачные остовы деревьев и затаенно улыбнулась. Картина на стене и панорама за окном были сутью одной и той же темы. Художник уловил пробуждение природы, приход весны и запечатлел смену времен года.

— Я так тебе обязана.— Оля придвинулась к Клаве и нежно положила свою ладонь на ее руку.— У тебя свои дети, им тоже нужно внимание. Институт...

— Я могу пропустить занятия,— с услужливой готовностью выпалила Клава.

— Ты уж и так много пропустила из-за меня. Спасибо. Иди отдохни.

Поеживаясь от озноба, Оля проводила Клаву. В холле, запахнув утепленный халат, она села в кресло, поджала ноги и попыталась обдумать свои действия, выстроить очередность дел, связать цепочку мероприятий.

Думала о завтраке, о школьных делах Сергея, о последних прививках младшему сыну, а сама неотрывно смотрела на телефон в кабинете Андрея. Протянуть руку, снять трубку и набрать требуемый номер... дел на одну минуту. Но она не решалась, медлила. Что ей скажут? Правду? Какую сказали Клаве? Да и какая может быть правда: ЦУП на земле, а он с ребятами в космосе, 392 километра над Землей. Это ведь не обычное расстояние, не вешки на земле, а там, в краю вечного безмолвия. Там расстояние без величин, лишенное измерений, пространства и времени. Лгать не станут, не смогут, понимают состояние жены. Их выдаст честный, правдивый голос. Нет, надо ждать.

Звонко зазвонил телефон. Оля вздрогнула, не испугалась — она ждала звонка. Телефон бренчал переливчато, баритонально, без начальствующей строгости и нетерпеливости.

Из детской, шлепая босыми ногами по холодному полу, вышел Сережа.

— Мама, возьми трубку,— ласково уведомил Сергей мать.

— Сейчас, мой родной.— Он вырос, подтянулся, окреп в плечах, прошлогодняя пижама уже мала.— Боже, как все быстро... Тебе надо постричься.

— Мне об этом сказала Бронислава Владимировна.

— Учительница права, Сережа. Пора побывать в парикмахерской.

— Хорошо. Она мне разрешила после того, как папа вернется.

В Сережкином голосе прорезался бас, мальчик становится мужчиной. Любимый Сережка! Он вновь возродил надежду на счастье. Ждали, клялись дышать на него, ни на минуту не оставлять, а вырос он почти самостоятельно. Учеба в институте оторвала ее от ребенка.

— Ты похудел.

— Пустяки, немножко. Я тебе подам телефон.

— Подай. Спасибо тебе за Клаву Васильевну.

— Тебе плохо было, и я напугался.— Сережа шмыгнул носом, пошел за телефоном, подчеркивая всем видом нежелание продолжать разговор, унижающий мужское достоинство.

Телефонный звонок звучал все тише, как бы увядал, таял в черной спирали шнура. Сережка принес аппарат. Оля наконец решилась и отчаянно сняла трубку.

— Киброва.— Как хорошо, что есть такое слово. В нем

сконцентрировано все. Никаких тебе чувств и достоинства целые Гималаи.

— Здравствуйте, Ольга Николаевна,— голос чужой, незнакомый. Это ее успокоило. Беду принесет хорошо знакомый, слышанный не раз голос.— Вам звонит редактор газеты Борисов Алексей Михайлович. Простите, что так рано. Дела, Ольга Николаевна.

— Ничего. Я слушаю вас,— отчужденным, спокойным голосом сказала Оля. Ей послышались нотки властности, высокомерия, превосходства, чуждые ей самой.— Вам нужна моя помощь? Сережа, не стой, иди одевайся.

— Мы получили много писем,— без прежнего апломба начал Борисов.— Читатели просят подробнее, глубже рассказать об экипаже космического комплекса «Интернационал-7».

— Просьбы вполне правомерны, рассказывайте,— педантично и дидактично посоветовала Оля.

— Законны-то законны, но где же мы возьмем материал? Нам очень трудно. Помогите, пожалуйста.

— Я — помочь? Но как? О полете я знаю не больше вас, потом — жены очень уж субъективный источник информации.

— Но нас как раз, простите, читателей, интересуют семьи космонавтов, то есть та среда, где формировались их лучшие качества.— Борисов сказал это твердо, полагая, что в его словах выражена вся комплиментарная суть просьбы.— Семья космонавта не просто семья, каких миллионы, а лучшая. Вот мы и хотели бы узнать о вас и о детях.

— Я не очень интересный субъект. Жена — как большинство офицерских жен, обременена проблемами детей... Я, Алексей Михайлович, не отказываюсь вам помочь, но поймите меня, я могу разочаровать вас, читателей.

— Хорошо, мы так и напишем.

— Что вы напишете? — встревожилась Оля.— Что я неинтересная жена?

— Только то, что вы скажете.

Это уже была игра, которую она с треском провалила. О женах других экипажей будет написано подробно, несомненно, с любовью, а о ней, жене командира космического комплекса «Интернационал-7», впопыхах, скороговоркой.

— Хорошо, спрашивайте. Сережа, ну что ты стоишь, одевайся.

Сережа, рассерженный на мать, направился в детскую.

— Ольга Николаевна, а вы просто так говорите о себе, все что хотите; рассказывайте, что придет на душу, а мы запишем.

— Что придет на ум? Странно. Я родилась в некогда отсталом краю, в котором при царизме,— заученно и высокопарно, будто читала старую анкету, начала Оля Киброва.

— Спасибо,— сказал редактор сухо. Теперь, добившись ее

согласия, он заставлял ее выкладываться до конца! — Этого не надо. Это мы знаем. Так можно написать, не беспокоя вас. Слушайте, Ольга Николаевна, о вас ходят легенды, о вашей житейской мудрости, слагают небылицы о всепокоряющей любви к мужу, да и он сказал: «Удачу полета на законных основаниях делю с самым мне близким человеком, с моей женой Олей. Она...»

— Спасибо,— решительно оборвала редактора Оля.— Не надо.— Эти слова из космического репортажа Андрея Киброва она знала наизусть.— Я отвечу на все ваши вопросы. Может быть, не по телефону? Давайте встретимся. Приезжайте в Звездный городок...

— Вы согласны на интервью?

— Согласна.

Оля положила трубку, уставилась в одну точку, она что-то сделала не так. Могут подумать о звездной болезни.

«Боже, а завтрак?» — вспомнила Оля.

— Сергей, Степан! — прокричала она, вскакивая.— Быстро мыться! — А сама замешкалась, раздвоилась, с чего начинать?

— Мама, мы тебя ждем.

Старший сын Сергей, умытый и причесанный, в школьной форме, в красных подтяжках, недавно вошедших в моду, горделиво появился в проеме кухонной двери.

— Иду, Сережа.— Оля, запахнув полы халата, сползла с кресла и пошла на кухню.— Прости, я быстро.— Она решила накормить детей яичницей и напоить чаем. Впорхнув в кухню, Оля кинулась к холодильнику, к благоспасительным яйцам, распахнула дверцу и обнаружила, что ячейки пусты. Она была потрясена: пусто, яйца съедены. Ко всем прочим провалам в ее деятельности прибавились изъяны в памяти: не купила, думала и забыла.

Так она и стояла, забыв закрыть холодильник, причитая по случаю крайней своей неорганизованности.

— Вот что, мальчики,— сказала она, хлопнув дверцей холодильника.— Завтрака нет, в школу сегодня не пойдем...

— Ура! — прокричал Степан, радуясь решению матери.— Поедем разговаривать с папой.

— Не поедем,— резко сказала Оля.— Нас никто не зовет.— Она открыла кран горячей воды, подставила ладонь, проверяя жесткость струи, намереваясь заняться мытьем посуды.— Идите в свою комнату.

— А завтракать? — по-взрослому спросил Сергей.

— Я уже сказала...— Оля обернулась затем, чтобы выговорить старшему сыну и выдворить его за дверь, но своего намерения не осуществила.— Спасибо.— Только сейчас она увидела приготовленный завтрак.

Оля виновато-покорно села к столу, взяла чайную ложку и стала есть глазунью, гоня грустные мысли: устала, раздражительна, нервна. Отковырнула белый, с хрустящим кружевом кусок яичницы и, священнодействуя, чтобы и тут не потерять своего авторитета, бережно, осторожно понесла в рот. Ела медленно, не ощущая вкуса, не получая удовлетворения от утренней трапезы.

— У папы что-нибудь случилось? — Сережкин голос прозвучал солидно и требовательно.

Оля не ответила.

— Очень вкусно. Ребята — вы молодые гении. Вы спасли меня от голодной смерти.

— Мамочка, а знаешь, что сказала Лена Малахова? — оглушающе потягивая чай, сказал Степан.

— Нет, родной, не знаю.

— Она сказала, что она — птенчик, мама — наседка, а папа у них лебедь! Вот смех!

Оля посмотрела в плутоватое личико Степана: юмор! Он первым нашел спасительный выход из затруднительного положения. Боже, и он вырос!

— Она — чудачка, мала еще, ей верить нельзя.— Это было сказано серьезно, с убежденностью взрослого человека, для которого возраст определяет все человеческие критерии.

— А может быть, пойдем в школу, в садик и на работу тоже? — предложила Оля детям.

— Можно,— поддержал ее Сережа.

— Не хочу. Я буду разговаривать с папой,— настойчиво заявил Степан, отодвигая тарелку.

— Помолчи.

— Не помолчу,— взвизгнул Кибров-младший.

— Ты меня возьмешь с собой? — попросила мама младшего сына и посмотрела на часы.— Время, мальчики.

— Мама,— догадливый Степан больше не настаивает на своем,— а что нам папа привезет из космоса?

— А что ты хочешь, малыш?

— Я? — Степан хитрыми, вдумчивыми глазенками обводит кухню, будто среди этих светлых, чистых до стерильности стен есть то, что может натолкнуть его на фантастическое желание.— Чтобы папа завтра прилетел.

— Папа прилетит обязательно.— Она вздрагивает, открывает наполненные страхом глаза.— Я скажу ему: пусть привезет нам один астероид.

— Астероид не хочу. Хочу звезду, яркую, как северная, и ценную, как Кассиопея.

— Я передам, малыш, а сейчас быстро одеваться. Сережа, убирать со стола не надо. Я вернусь с работы и уберу.

— Хорошо, мама,— Сергей встал.— Может быть, надо в магазин?

— Надо.— Оля прижалась к голове сына.— У меня будет время зайти. Одевайтесь.

Оля прошла в спальню, сняла халат, достала из шкафа платье, надела, лавируя между стульев, подошла к зеркалу, причесалась, взяла помаду, ткнула карандаш в синеву губ, замерла. Из зеркала, словно из окна дома напротив, смотрела рано увядшая, робкая, неуверенная в себе женщина.

У подъезда она поцеловала своих юных мужчин, сопроводив это материнским напутствием: «Не деритесь», «Слушай воспитательницу», «Младших не обижать»,— прощально шлепнула по спине и, взглянув на часы, торопливо зашагала к Дому культуры.

В пути, длиной в двести шестьдесят девять шагов, она думала об Андрее, о дне его возвращения, о том новом в ее жизни, которое непременно должно наступить теперь, после очередного полета, и это новое, неведомое еще, рисовалось ей спокойным, размеренным, «как у людей», устроенным и благополучным.

Потом мысль по-лисьи переметнулась к работе, вчерашнему происшествию — исчезнувшим часам, к размышлению о своей профессии. По штатному расписанию она — старший научный сотрудник, а фактически, по обязанностям, директор музея Звездного городка, экскурсовод, гид.

Поначалу все ей казалось простым: встретить гостей, мило поприветствовать, ввести в большой зал и ждать, когда пройдет у них оторопь. Оля хорошо усвоила необходимые правила: быть терпеливой, вежливой, тактичной. Она вкладывала свою хрупкую трепещущую душу в каждую экскурсию, и не просто в экскурсию, а в каждого человека и каждый экспонат. Старалась никогда не повторяться.

В кабинете Юрия Алексеевича Гагарина, сохраненном в святой неприкосновенности, она знала каждый предмет, историю его появления в музее, она всегда рассказывала об этом взволнованно и вдохновенно. Обо всем, кроме одного экспоната. О нем она говорила или медленно, растягивая слова, или скороговоркой, как бы вскользь, торопливо, так, как глотают горькую ягоду. Этим криминальным экспонатом были настенные часы — свидетели трагедии века. Часы остановлены, они зафиксировали застывшее мгновение вечности.

Часы висят высоко на стене, над дверью, их, пожалуй, ни разу не коснулась рука хозяина кабинета, они кажутся чужеродными для всего окружения, слишком уж мрачны большой круглый циферблат и черные обрубленные стрелки. Они показывают десять часов тридцать одну минуту двадцать седьмого марта тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года.

...Терзаемая дурными предчувствиями, начинала она рабочий день. «Что же Начальнику Центра было надо? — продолжала гадать она. — Что-то случилось с Андреем или он

узнал о пропаже часов? — И тут же успокоила себя: — Если бы что случилось с Андреем, руководитель, мужественный и бывалый человек, сказал бы об этом прямо», — и все же по телу прошла расслабляющая дрожь.

Сохраняя внешне спокойствие, Оля решила пока не уходить из большого зала, поработать здесь. Все было бы хорошо, если бы не исчезнувшие часы. Оля быстро, словно отдыхая на тайм-ауте, окинула взглядом музей. Ей подумалось, что сейчас лучше рассказать о подарке из Германской Демократической Республики — сером медвежонке. Этот музейный экспонат отличается от бесчисленных своих собратьев космической амуницией. На медвежонке марка «Сделано в ГДР», а на космической экипировке — «Сделано в СССР».

Оля кашлянула и произнесла несколько коротких предложений.

Высокий мужчина с седыми вьющимися бакенбардами откачнулся от двери, ведущей в соседний зал, и, пряча в больших карих глазах недоумение, спросил:

— Следовательно, они погибли?

Оля очнулась, вопрос, адресованный ей, вернул ее на землю.

— Простите, я вас не поняла. Кто погиб?

— Вы только что сказали о том, что в орбитальную станцию попал метеорит?

— Я? — Оля покраснела, вскинула руки к горячим щекам, забыв об указке. Указка вылетела из рук, шлепнулась на пол.— Разве я это говорила?

— Да, вы сказали,— подтвердила женщина в костюме цвета электрик.

Оля смешалась: в музей снова пришел начальник Центра.

Генерал недоверчиво и осуждающе смотрел на хозяйку музея. «Слышал»,— испуганно подумала она. Экскурсанты нетерпеливо сжимали кольцо вокруг Оли. Они напирали на нее, дышали ей в лицо. И Оля, переборов минутную растерянность, обворожительно и лучисто улыбнулась.

— Об этом потом, несколько позже,— сказала она с интригующей бодростью, уверенная в том, что к этой теме больше не вернется, и указала на дверь, ведущую в соседний зал.

Напряжение спало, волнение улеглось, тишина отступила, взорванная репликами гостей.

Оля сделала шаг в сторону двери, собираясь укрыться за ней, но затем, осознав неотвратимость беды, пошла ей навстречу.

— Извините, товарищ генерал.— Оля заговорила взволнованно.— Это случилось вчера. Я не снимаю с себя вины, но я не успела доложить вам вчера... А сегодня так много групп... — Она испуганно посмотрела в лицо генерала, ожидая сердитое замечание, но он смотрел на нее ласково.— Я узнала об этом

перед самым закрытием... звонить было неудобно, а потом... потом я не знаю, как они могли исчезнуть.

Генерал молчал. Выслушав длинное и сбивчивое объяснение Кибровой и посочувствовав, он указал на группу, предлагая ей вернуться к своим обязанностям.

— После этой группы я официальной докладной извещу вас о таинственном исчезновении часов. Вот здесь они лежали.— Оля указкой показала на витрину, ткнула по памяти в место, где уже много месяцев хранились часы.— Ума не приложу, кому они...— Оля посмотрела в витрину и не поверила своим глазам: часы находились на своем обычном месте. Галлюцинация. Их же не было ни вчера вечером, ни сегодня утром. Не снимая указки со стекла стенда, она зажмурилась и секунду постояла в полной темноте. Открыв глаза, она снова посмотрела на конус указки, под острием которой лежали часы.

— На месте! — Она не обрадовалась, а даже испугалась: выходит, над ней кто-то так жестоко и коварно подшутил. Виновато и пристыженно посмотрела на генерала Павлова и, опустив в отчаянии голову, обреченно шагнула к выходу. У двери ощутила на своей спине пристальные взгляды, обернулась и увидела рядом с генералом политработника Белова. Оля вздрогнула и замерла на месте. Иван Прокопьевич Белов вошел в музей с запасного выхода и, приблизившись вплотную к генералу, о чем-то тихо с ним заговорил.

Вероятно, дело было срочным и важным, так как генерал обеспокоенно посмотрел на часы и, энергично жестикулируя, что-то ответил на сообщение Белова. Оля чутьем поняла, что разговор о ней, о ее муже Андрее Киброве, и потому, что этот разговор происходит здесь, и потому, что начальник Центра и политработник пришли к ней вместе, она подумала о беде. Увидев, что Павлов и Белов идут к ней, Оля откачнулась от стойки дверного проема, вышла из зала и закрыла за собой дверь на замок. Так лучше. Она отгородилась от беды таким простым и верным способом...

Оля засуетилась.

— Все собрались? — этого вопроса она могла и не задавать. В кабинете Гагарина ее ждали уже несколько минут. Экскурсанты с глубоким душевным волнением и благоговейностью смотрели на то, что уже не принадлежало Юрию Алексеевичу Гагарину. Книги, карты, глобус, шкаф, скульптурная модель памятника Константину Эдуардовичу Циолковскому, картина «Панорама города Смоленска». Здесь, в маленьком и весьма скромно меблированном кабинете, можно было бы вообще ничего не говорить. Здесь вся обстановка говорила сама за себя. Люди хотели тишины. И, догадавшись об этом, Оля долго молчала. На нее неотвратимо надвигалось прошлое, маленький военный гарнизон, квартира Пилюгина, их страшные

предчувствия и последовавшие за этим трагические события — гибель Анатолия.

Обманет ли ее предчувствие сейчас?..

— Товарищи,— начала Оля дрожащим голосом.— Это рабочий кабинет Юрия Алексеевича Гагарина.— Сделала паузу, сглотнула ком. Ей надо было говорить, иначе разрыдается.— Здесь все восстановлено в том виде, как было в день его трагической гибели. Вот эти часы...— Она продолжала говорить то, что должна была сообщить гостям Звездного. Она хорошо знала предмет, помнила последовательность рассказа. От часов она перейдет к книгам, маленькой рабочей библиотеке космонавта. Этими книгами он пользовался часто, нередко брал с собой в отпуск, командировку.

Потом, как уже было ею заведено, она обратила внимание присутствующих на рабочий стол Юрия Алексеевича. Крышка стола прикрыта колпаком из оргстекла: тут хранятся подлинные письма Юрия Алексеевича и письма, адресованные ему. Календарь. На нем тот день, когда произошла трагедия. Записи. Краткий рабочий план: «Летная подготовка. Планирование летной подготовки. Информация...» Еще несколько пунктов. А пятью днями раньше Юрий Алексеевич пометил: «Побывать в музее, помочь Ольге Николаевне». Она узнала об этой записи много позже, когда рабочий кабинет стал музейным экспонатом. Знает, но никому не говорит. Она не преувеличивает своей роли в пропаганде истории Звездного. На столе рабочая тетрадь Юрия Алексеевича, две непроизнесенные речи — на вечере, посвященном столетию со дня рождения Алексея Максимовича Горького, и здесь же в стопке деловых бумаг, тоже готовая, отпечатанная на машинке речь, которую Юрий Алексеевич собирался произнести на конференции Организации Объединенных Наций по исследованию и использованию космического пространства в мирных целях.

Оля читает несколько фраз, точных, выверенных, выученных наизусть. Они будто ее собственные, выстраданные ею, но записанные Юрием Алексеевичем.

Вперед выдвинулся мужчина лет сорока в желтой водолазке.

— Извините, Ольга Николаевна,— мужчина смотрел на нее большими раскосыми глазами.— А опись кабинета имеется? Адекватные фотографии?

— Фотографии? — Оля переспросила, чтобы оттянуть время, а сама подумала: «Зачем ему это надо? А правда, почему мы не имеем описи кабинета? Но ведь часы «Ролликс» исчезали? Нам нужен фотостереотип».— Есть, недавно сделали. Отобрали, что было поставлено лично Юрием Алексеевичем, и произвели съемку.

— Это будет продаваться? Можно ли будет купить?

— Купить? Я, право, не могу заранее сказать. Ведь мы не

издательство, не фотохроника ТАСС. Кому это потребуется для научной или творческой работы, конечно, поможем.

— Большое спасибо, Ольга Николаевна.

Оля взглянула на часы, прошло лишь десять минут. Почему так медленно идет время? Бывало, и в двадцать не уложишься, а тут через десять минут сказать нечего.

— Товарищи, если вопросов нет, то перейдем в следующий зал.

Переходы придумали для размышления, это — паузы для отдыха.

— Мы просто восхищены, Ольга Николаевна,— направляясь к выходу, сказала в учительской манере женщина с большим пучком каштановых волос.— Какое удивительное собрание ценностей, настоящий Лувр!

— Спасибо,— Оля подарила женщине благодарную улыбку.

В зале первого этажа, куда сейчас направлялись экскурсанты, находился макет-тренажер корабля «Восток», особо ценный экспонат музея.

Именно на нем, в этом кресле, на этих приборах учился Юрий Алексеевич Гагарин. Корабль вызывал просто удивительные эмоции, буквально взрыв восторга, когда она рассказывала, что в нем тренировался Гагарин.

— Вот в этих остекленных тумбах,— начала свой рассказ Оля, когда гости, преодолев крутую лестницу, спустились в большой светлый зал музея,— вы видите наборы космического питания. Пожалуйста, присмотритесь к ним. Обратите внимание на ассортимент, упаковку, калорийность. А вот здесь, у окна, вы можете познакомиться с образцами питания американских астронавтов...

Экскурсанты, войдя в азарт, забыли о незыблемом правиле музеев: «Ты не один здесь, не мешай», говорили в полный голос, запальчиво, не по возрасту горячо.

Поблагодарив Ольгу Николаевну за экскурсию, гости организованно и неторопливо удалились. Когда их шаги затихли, Оля подошла к окну и долго смотрела на белесые, как вата, облака, стремительно несущиеся куда-то на юг. «Вечные путники, вечные странники».

Пискнула шарнирными петлями дверь: кто-то робко вошел в зал. Оле не хотелось оборачиваться, отрывать свой взгляд от неба. Может быть, это и не к ней.

На приступках лестницы, ведущей из холла в выставочный зал, придерживаясь за поручень, сидели два мальчика, одетые в пальто и валенки, и совестливо смотрели на Олю. Она медленно подошла к ребятам и выжидательно поглядела на них.

Вовка Авдеенко, тараща большие зеленые глаза, вытирал рыжие брови, на которых таял снег. Юрик Крахмалев, со скуластым и волевым лицом, сбычился.

— Спасибо, ребята, ваша помощь сейчас не нужна.

Эти мальчишки — большие друзья музея — выполняли многие ее поручения. Знали они экспозиционный материал и легенды о нем не хуже самой Оли.

— Мы по другому делу.

Вовка Авдеенко неторопливо говорит первым: смелость города берет, атакует с ходу.

— Может быть, потом? Сейчас я занята.

— Мы недолго. Скажем о часах, и все.

— О часах? Каких часах? — Она недоуменно и в то же время пугливо посмотрела на ребят.

— Мы взяли часы американского астронавта. Не спросили вас.

— Что же вы теперь хотите? — Оля оперлась на указку и укоризненно посмотрела на мальчишек.

— Мы их положили на место.— Юрка Крахмалев медленно, как бы удивляясь непонятливости Ольги Николаевны, встал и произнес:

— Они должны быть там, откуда мы их взяли.

— Зачем же вы это сделали? Разве можно брать музейные экспонаты?

— Простите нас. Мы их носили Льву Соломоновичу Меерзону. Он часовых дел мастер.

— Разве часы сломались?

— В том-то и дело, что нет. Наоборот, они на уровне мировых стандартов...

Оля нетерпеливо и раздраженно повела головой в сторону:

— Ну при чем здесь мировые стандарты? Что дальше-то?

— Он посмотрел,— теперь пояснял Авдеенко,— и сказал: «Молодой человек, часы делают на заводе, а я же их чиню. Или как теперь говорят, ремонтирую». А Юрка ему: «Нам нужно сделать новые и лучше, чем эти, и сделать быстро». А он в ответ: «Зачем лучше? Я не конкурирующая фирма». А мы ему: «Эти часы американского астронавта...»

— Ну, а он? — поторапливала Оля.

— Сказал: «Сделаю. Только скажите, для кого. У них должен быть достойный хозяин».

— Ну и что дальше?

— Ничего. Часы мы показали Меерзону и положили на место. И вы не ругайте нас, пожалуйста...

Ольга натянуто улыбнулась, теперь история с часами прояснилась. Заверив ребят, что не сердится, отправила их домой. Устало опустилась на ступеньки. И вдруг услышала:

— Ольга Николаевна, бог мой, с ног сбилась — ищу вас,— дежурная по Дому культуры, в котором находится и музей Звездного городка, выросла над ней.— Начальство вас ждало, ждало и не дождалось, весть какую-то приносили...

— Говорите,— бессильно сказала Оля.

— Ушли они,— торжественно объявила дежурная, державшая руку на расшалившемся сердце.— Слава богу, до смерти боюсь начальства... Вот послание вам передать велено...

Оля взяла протянутый ей конверт и, набравшись храбрости, отчаянно вскрыла его:

«Глубокоуважаемая Ольга Николаевна,— писал генерал Павлов.— Видя, как вы увлечены группой, не осмелился прерывать вас. Полет продолжается успешно. Госкомиссия решила его продлить на семь дней. Завтра в 12.00 у вас телесеанс с экипажем.

Искренне Ваш...

и подпись генерала».

Слезы потекли из ее глаз, она и не пыталась их сдерживать, лишь тихо повторяла:

— Что же это я так? Что же это я так, а?..

Е. МАЛАХОВСКАЯ

Анатомия Вселенной

Всех, кто близко знал Юрия Гагарина, работал с ним, с годами будет объединять не только чувство естественной гордости и благодарности судьбе, но и чувство возрастающей ответственности за каждое слово о нем.

Алексей Леонов

Военный оркестр начинается с маршей. Оркестр авиационного училища начинается с марша летчиков «Все выше и выше...»

Марши сменяются танцевальными мелодиями. Гремит оркестр, солнцами горят люстры, присутствующих ослепляет медь духовых труб, барабан не меняет в угоду танцующей публике размеренный бас: бум-тум, бум-тум. Скромность украшает барабан, он располагается сзади, но веселые удары его управляют движением присутствующих.

Молодые курсанты, принимая гостей — девушек и юношей соседних предприятий, гусарят. Они в новеньких мундирах, неистоптанных, пахнущих гуталином кирзовых сапогах, лысенькие, угловатые, стеснительные, робкие. Это их первый бал. Он памятен. Никто из присутствующих не знает, что этот вечер войдет в историю училища, жизни многих летчиков, о нем будут писать спустя много лет...

Тогда любили бальные танцы. Их внедряли, культивировали. Их танцевали. Бум-тум, бум-тум.

На вальс выходят все.

И уже меньше стесняются гости, молодые курсанты, необычная обстановка новизны ими преодолена: они свои. Это их вечер.

Девушки танцуют охотно. У них жажда к общению, они молоды, избыток энергии поглощают танцы. У них долг: общение с воинами Советской Армии.

Народ и армия едины. Святые принципы федерации для парней и девушек — азбучные постулаты.

Мальчики станут солдатами, девочки, возможно, их боевыми подругами.

У каждой есть мечта: встретить своего «принца». Он может явиться неожиданно в облике курсанта, а может быть, офицера. Пути жизненные неисповедимы.

Юра танцует весело, беззаботно, непринужденно. Молчит. Внимание партнерши держит на улыбке. Он еще не знает ее силы, обаяния. Правда, она еще не та, которую увидят люди в 1961 году.

Бум-тум, бум-тум.

Гремят нерасторопные, неизношенные кирзовые сапоги.

— Вам нравится?

— Да.

— Вы первый раз у нас?

— Как вы.

— Приходите чаще.

— Подумаю.

— Не надо думать.

— Но это неистребимая функция мозга.

— Это мое желание!

— Вот как?!

Мальчишки гусарят. Они стремятся казаться старше, быть общительнее, многоопытнее, снисходительнее.

Ах, как жаль, нет шпор, ментика, мазурки...

— Итак, до следующего воскресенья,— говорит Юра.

— Следующее может быть через год,— парирует она его непоколебимую уверенность.

Время стремительно приближает их к расставанию, и Юра точно рассчитанным приемом резюмирует встречу:

— Все очень хорошо, я так ее и представлял. Итак, до следующего воскресенья... Пойдем... — тут он замолкает и, несколько смущаясь, улавливая ее настроение, смотрит в лицо.— Пойдем в гости.

— Это к кому же? — Догадываясь, она с несвойственной ей ироничностью спрашивает: — К нам, что ли?

— Да, к вам.

Все это было так быстро, решительно, властно, что не оставалось время на размышления. Со стороны могло показаться легкомысленным приглашать к себе в дом парня. Но он... Почему он хотел познакомиться с ее родителями? Позднее, когда она лучше узнает Юру, она поймет, что одна из самых примечательных черт его характера — легко и быстро сходиться с людьми, мгновенно осваиваться в любой обстановке и, какое бы общество ни собиралось, сразу же становиться в нем своим, чувствовать себя как рыба в воде...

Оркестр надрывается, зазывает в круг, рвет воздух, пыжится, словно стремится поднять потолок зала, раздвинуть стены, заставить вокруг всех плясать.

Музыка взвинчивает нервы, толкает в пляс, будоражит воспоминания, выдавливает грусть... Музыка гуляет по кори-

дорам, плавает над строевым плацем, носится над зачехленными, дремлющими в усталости самолетами, надолго поселяется в сердцах присутствующих.

«В военной службе есть много суровой прелести, она возлагает на человека немало обязанностей, требует ежедневного труда» (сержант Юрий Гагарин).

Он может позволить себе вольность: выйти из зала, прервать самоподготовку, отвлечься. Служебные обязанности нередко ломают привычное, нарушают рабочий ритм одного во благо другим. Учебный отдел — координатор учебного процесса — потребовал очередных сведений.

Аудитории погрузились в тишину, притушен свет в длинных коридорах, бесшумно передвигаются преподаватели.

Гагарин идет быстро, дробь его сапог гулко уносится вперед.

Через все коридоры и лестничные проемы он проходит быстро, давая дружескую отмашку знакомым. Сегодня Юра нарушает обычный маршрут, спускается вниз, на первый этаж, входит в большой зал училища. Зал свободен.

Его тянет сюда, в эти салатные стены, в этот предвечерний полумрак. Он идет тихо, эхо шагов ранит его, мешает сосредоточиться. Останавливается посередине.

Вот так стоял его взвод в двухшеренговом строю; взвод его боевых товарищей. Он стоял перед портретом Ленина, нет, чуточку правее, ему хочется, чтобы все было как тогда, восьмого января, в день принятия военной присяги.

«...Со стены напротив глядит на меня с портрета прищуренными глазами Ленин. Быть всегда и во всем таким, как Владимир Ильич, учили меня семья, школа, пионерский отряд, комсомол...»

В зал никто не войдет, можно побыть одному, сосредоточиться, подумать. Сейчас у него нет оружия, как в тот день, нет текста присяги. «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным...»

Он наизусть знает слова солдатской клятвы, они вошли в сознание сами, без принуждения.

«...Я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни...»

Кто придумал этот ритуал? Почему же он так взволновал его, почему его так влечет в этот зал, в котором он дал клятву?

«О торжественном событии — принятии военной присяги — я написал домой, поделился с родителями своими чувствами» (рядовой Юрий Гагарин).

Он поднимает глаза и смотрит в лицо Ильича, ему хорошо наедине с ним. «Нет, я никогда не нарушу данного слова». Он ничего не говорит, губы плотно сжаты, говорит сердце. Как и положено по уставу, Юра стоит по стойке «смирно», навытяжку, перед председателем Совета Народных Комиссаров, плотно прижав руки к бедрам.

«...До последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству».

Как о многом говорит тишина. Какая мудрость спрессована в одиночестве. Почему мрак благоприятствует настроению?

В школе, на конкурсе сочинений, Юра получил первое место, приз. Он написал о школьных годах Ленина. Его назвали «биограф Владимира Ильича».

Сегодня реферат Гагарина по работе Ленина «Что делать?» признан лучшим в училище, выставлен в библиотеке.

Он уже ощутил силу ленинского ума. Юра нашел в его работах так много важного, мудрого. Теперь он знает больше.

«Мы разбили на всех фронтах белогвардейские банды, мы завоевали мир в международном масштабе и завоевали не пушками, а симпатиями...»

Двадцатый век — время потрясений и катаклизмов. Ленин — возмутитель спокойствия, непримиримый враг буржуа.

«Войны мы еще не окончили. Надо всю военную готовность сохранить, надо войска Деникина уничтожить, надо показать помещикам и капиталистам любой страны, что, если они пожелают еще войной считаться с Россией, они потерпят такую же судьбу, как Колчак и Деникин».

Удивительное пророчество! На что опирается Ленин в своих выводах?

«Никто два года тому назад не верил, что Россия — страна, разоренная 4-летней империалистической войной, могла выдержать еще два года гражданской войны».

«...Рождение нового строя невозможно без революционного насилия...»

«История, которая двигается благодаря отчаянной классовой борьбе...»

Он пытается понять, осмыслить произведения Ленина и произведения о Ленине.

Юра был сторонником сильных и решительных революционных преобразований, много раз он говорил о величайшем гуманизме нашей революции и восхищался людьми, совершившими ее. Он считал доброту уделом сильных.

«Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты» (В. И. Ленин).

Почему иногда в рассказах и повестях Ленина показывают добреньким? Разве революция, ниспровергающая старое, отжившее, приносящая людям свободу, счастье, есть союз творящих добро для всех?

«Ленин был добрый человек, говорят иные. Но слово «добрый», взятое из старого лексикона добродетелей, мало подходит к Ильичу, оно как-то недостаточно и неточно» (Н. К. Крупская).

Увлечение работами Владимира Ильича Ленина у Гагарина было всесильным. На Севере, в далеком Заполярье, где началась его офицерская служба, в дни и часы, когда еще регулярные полеты не отняли все свободное время, он много занимается теоретическим наследием вождя.

«В сочинениях Владимира Ильича Ленина мы находим ответы на многие вопросы современности. Я переписывал из его книги к себе в тетрадь:

«Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней» (лейтенант Юрий Гагарин).

Молодой летчик заполняет тезисами работ Ленина несколько толстых тетрадей.

С нерушимой последовательностью он изучает все, что могло пролить свет на отношение Владимира Ильича к космосу.

«Весною обновляется, расцветает все в природе, а в человеке весна рождает новые мечты, новые надежды: открывает перед ним новые ясные дали... И мы, советские люди, горды тем, что эта цель — наша с вами... Ее указал человечеству, путь к ней озарил своим гением великий Ленин» (майор Юрий Гагарин).

Эти слова он произнес по радио Первого мая 1961 года. Он мог это сказать, он имел на это право.

В апреле 1963 года на торжественном собрании, посвященном Дню космонавтики, Первый космонавт планеты скажет:

«Еще в конце 1921 года, когда Советское государство залечивало тяжелые раны гражданской войны, великий Ленин в беседе с инженером-изобретателем говорил, что глубоко верит в то, что через двадцать — тридцать, а может, и пятьдесят лет советский человек, именно советский, совершит сказочное путешествие в космос».

В апреле 1964 года Юрий Алексеевич вновь вернется к своей любимой теме:

«Советские космические корабли несли бессмертные идеи Ленина вокруг всей нашей планеты. И мы, летчики-космонав-

ты, вглядываясь в очертания родной Земли — колыбели человеческого разума, думали о великом вожде и учителе Владимире Ильиче Ленине.

Ленин совершил самый дерзновенный полет в будущее, на который только способен человек. Он указал путь к миру и счастью народов. И то, что сделано в нашей стране в покорении космоса, как и во всей нашей жизни, достигнуто благодаря воплощению в жизнь великих идей марксизма-ленинизма».

Отныне каждое его выступление становится пропагандой ленинизма. Беседуя с молодыми людьми, он призывает их глубже изучать работы Ленина, встретившись в ЦК ВЛКСМ с комсомольскими работниками, он говорит о заботе Владимира Ильича об основоположнике отечественной космонавтики Константине Эдуардовиче Циолковском.

«Меня всегда поражает всеобъемлющий и разносторонний гений Ленина. Удивительна была способность Владимира Ильича угадывать великое будущее новых, едва оформившихся идей, теорий, направлений технического прогресса. Так было с физикой атомного ядра и подземной газификацией угля, с конвеерной системой производства и развитием радиовещания. Мы по праву гордимся тем, что космонавтика стоит в ряду этих проблем, отмеченных вниманием Ильича» (летчик-космонавт СССР Юрий Гагарин).

«Владимир Ильич Ленин пророчески писал о могуществе, величии, силе, безграничных возможностях человеческого разума, опирающегося на практику, на диалектико-материалистическую теорию познания. Наука, говорил Ленин, уже открыла много диковинных вещей, явлений в природе, в окружающем нас мире, она откроет новые, еще невиданные явления и процессы. Идеи Ленина и ленинизма вдохновляют и окрыляют наших ученых, всех специалистов, занятых освоением космоса» (полковник Ю. А. Гагарин).

* * *

«Волевые качества развиты хорошо. Летать любит, летает уверенно. В полетах спокоен, инициативен, усталости в полетах не наблюдалось» (летчик-инструктор капитан Я. Акбулатов).

Цыплят по осени считают, выпускников училища — на торжественном построении.

До выпуска четыре месяца.

Злополучные компоты, выпитые и недопитые, как хронометр времени, потеряли свою актуальность.

Жизнь измеряется летными днями, числом взлетов и посадок, количеством часов летного времени.

Аэродром — рабочая площадка, за его чертой прошлое: детство, юность, беззаботная жизнь.

Показатели каждого курсанта на доске — для всеобщего обозрения, в «талмуде» инструктора — для индивидуального учета.

Рабочий ритм высок, напряжен, но никакой торопливости, методологические принципы несокрушимы, педагогические приемы незыблемы: от простого к сложному.

Итак, самостоятельные полеты курсантов. Первые страсти отгорели. Раздвоение личности инструктора болезненно сказывается на капитане Ядкаре Акбулатове и питомцах.

Он, Акбулатов, вроде бы находится в кабине самолета — летит, а так как истребитель одноместный, то он находится здесь, на земле.

Акбулатов, будто в вольере, ходит у границы ограждения, глазами сопровождает самолет, на вопросы присутствующих отвечает невпопад. Мыслями он в кабине. Все-таки это он летит.

Июньское солнце палит нещадно. Все полегло, все попрятались в тень, лишь загнанно мечется Акбулатов: в воздухе Гагарин. Можно сесть, вытянуть уставшие ноги, снять напряжение с мышц, не толкать больше планету — пусть и она успокоится.

Истребитель Гагарина появляется над аэродромом в часы, определенные плановой таблицей. Акбулатов, сопроводив самолет внимательным взглядом, предположил: все в порядке. Пилотаж в зоне прошел успешно.

Только инструктор безошибочно определяет состояние летчика. Склонив голову, он устало смотрит в землю, всем своим видом говоря: лучше сто раз самому слетать, чем пять курсантов выпустить. Он может так думать, но не может так говорить. Учить летать — это его профессия. Может быть, самая трудная на земле.

Самолет Гагарина, как учили, вошел в коробочку, направляясь на посадку.

Курсанты, товарищи Гагарина, глазами, как локаторами, ведут истребитель, подмечая малейшую неточность. Молчат, ведут без комментария. Замечаний нет. Это успех.

У инструктора может быть другое мнение. На земле тишина, значит, все идет, как учили.

Гагарин вел самолет к третьему развороту. Неожиданный удар по корпусу истребителя отбросил летчика на борт: Юра ударился головой о фонарь. Самолет потерял устойчивость, изменил направление, стал терять высоту.

Курсант Гагарин, подавив в себе ощущение боли, установил педали, подтянул привязные ремни, двинул ручку управления к груди, сохраняя высоту, осмотрелся. На фюзеляже и

крыле кровяные пятна, порыв обшивки, почувствовал снос вправо. Самолет плохо повиновался рулям, нарушена аэродинамика. Доложил руководителю полетами. Кратко, почти телеграфно, не теряя управления. Сообщил о своем решении продолжать полет.

Земля не имела времени на уточнение, дополнительный расспрос, размышления. Строить свои предположения, давать рекомендации она могла исходя из стереотипа прошлого. Курсантов обучают на типовых примерах. Но отказы материальной части, как правило, оригинальны, они повторяются редко, не аналогичны и аварийные ситуации. Встречаясь с ними в полете, летчик прежде всего должен рассчитывать на свое умение и профессиональное чутье. Курсантов не учат на аварийном самолете.

— Не волнуйтесь, все будет в порядке.

На СКП эти слова приняли за болтовню сменного расчета, и руководитель, старший на «вышке», потребовал немедленно прекратить разговоры. Потом, поняв, что эти слова принесло радио, он спросил:

— Значит, вам, Гагарин, не так уж плохо, если остается время для юмора.

— Так точно.

На земле Гагарина поздравляли, качали, обнимали.

— Ты, старик, в рубашке родился,— сказал Юрий Дергунов.

Подобные воздушные приключения бесследно не проходят, нередко они изменяют отношение к своей профессии, торпедируют сложившиеся взгляды на жизнь, по-иному формируют психологию. Отбарабанив здравицы, товарищи замерли в ожидании приговора судьбе.

Что может сказать сейчас человек, который чудом остался живым? Он мог уйти из авиации, отказаться от летной карьеры, послать все к черту.

О происшествии в воздухе уже знали на аэродроме. К самолету Гагарина бежали, ехали, многочисленными ручейками текли со всех сторон. Были прерваны занятия, приостановлены полеты, приведены в готовность спасательные средства.

Юра вытирал обильный пот, осторожно ощупывал ссадины на висках, счастливо улыбался, с трудом удерживал равновесие.

Офицеры, курсанты, летчики, бывалые и начинающие, с напряжением смотрели на Гагарина, в немой тишине ждали его слова.

— Птицу жалко,— застенчиво сказал Юра.— Все-таки живность. Надо их беречь.

* * *

Юра остановился и долго смотрел в небо, поражаясь чистоте неба, яркости звезд, близости горизонта. Волшебство какое-то, он прятал глаза и снова, закинув голову, восхищенно глазел на чудо природы.

— Что это? — спросил он дежурного по части.

Капитан, как бывалый житель Заполярья, снисходительно ответил:

— Небо, товарищ лейтенант, в которое вам не скоро предстоит подняться.

— Чистота какая!

— А здесь все чисто, и люди тоже,— с достоинством проговорил дежурный, поправляя портупею.

Гагарин правильно понял иронию старожила.

— За этим и приехал. Тянет к своим.— Гагарин парировал вежливо, соблюдая субординацию.— Да, а белых медведей вы причисляете к чистым?

— Белые медведи, между прочим, лейтенант, старожилы.— Менторски поучал дежурный.— Они-то и сохранили окружающую среду в первозданном виде.

— Виват медведям! — воскликнул Гагарин.— В их честь обязуемся начать летать на месяц раньше.

— Летать? — удивление дежурного так было велико, что Гагарин вновь остановился на узкой тропке среди высоких сугробов, возмущенный двусмысленным вопросом.

— Ну, разумеется, летать,— с достоинством подтвердил он.— Ведь мы же летчики. Чкаловцы!

Летать, как и говорил дежурный, они приступили не скоро. Началась наземная теоретическая подготовка. Вновь сели за парты. Конечно, многое изменилось. Прежде всего в обращении преподавателей и слушателей.

Кто-то шутливо назвал это «братством сотрапезников»: ели одну и ту же полярную похлебку.

«Жили дружной, спаянной семьей, наверное, так же живут и моряки, сплоченные суровыми условиями корабельного быта» (Юрий Гагарин).

Не было академизма у местных преподавателей, пухлых портфелей с готовыми конспектами, не было надменности эрудитов. Они знали то, что могло продлить жизнь летчика Заполярья. Как взлетать в пургу и сесть на ВПП, превратившуюся в сплошной лед, как уйти от снежных зарядов и устойчиво работать в условиях активных магнитных бурь... Вопросы, вопросы...

Привыкать к новым условиям нелегко. Полярная ночь «непроницаемо» накрыла землю, угнетающе действует на людей с «материка». Хочется спать тогда, когда надо бодрство-

вать. Не можешь сомкнуть уставших глаз в часы полного покоя.

Свободное время, счастливый дефицит «материка», невыносимо тягостное бремя Севера. Нет привычной суеты большого города, торопливых бесед, неожиданных встреч, щедрых посул на очередной раунд. Средневековая размеренность поселилась на необозримых пространствах заснеженного края, ограниченность жизненного пространства породила свой уклад. Оно подарило людям свободу, время, отсчет которого не зависит от ручных часов.

Метели укрывали от человеческого взора не только горизонт, но и близстоящие строения, меняли быт, нравы, формы общения.

Книги приближали цивилизацию, письма несли знакомым правду о жизни северного «отшельника».

Писал Юра часто домой, в Оренбург, «однокорытникам» по славному училищному периоду, разбросанным по далеким гарнизонам.

В письмах он исповедовался, заглядывал в будущее, реально оценивал настоящее.

«У меня сложились четкие взгляды на нашу жизнь, наше будущее. Хочу тебя заверить, что все, что я сделаю, чего достигну, я посвящаю тебе и сделаю ради тебя. С тобой я пройду любые испытания, преодолею самые сложные преграды к цели, никогда не спасую, не отступлю от задуманного, выбранного»,— сообщал Юра в Оренбург.

Бодрые, полные юмора и оптимизма письма слал старшему брату Валентину. Бывалый солдат, фронтовик, тот с веселой беззаботностью относился к бытовым неустройствам, с неомрачающей беспечностью преодолевал многочисленные барьеры.

«Везет тебе, братец, первым из Гагариных на Севере. Папанинцы там славно заночевали. Пожми лапу белым медведям. Все запоминай, приедешь — расскажешь».

Откликался Валентин быстро, с тоскливым состраданием по тем неувиденным краям, куда его непоседливость тоже могла занести. Но ветер странствий наполнял паруса каравеллы, идущей в другую сторону.

«Приедешь — расскажешь». Зачем так долго ждать? Юра пишет о житье-бытье, о глыбистых торосах василькового оттенка, о березках, не становящихся здесь деревьями.

«Сейчас полярная ночь. Я не видел еще всей округи, но старожилы хвастаются своими открытиями и говорят, что это необычно красивые места. Здесь свои трудности, вероятно, как в каждом крае» (Юрий Гагарин).

Письма не сохраняются: кто мог знать об их исторической значимости. Письма как письма — правда о себе, приветы от друзей.

«Я еще не видел белых медведей,— писал он,— не блуждал в снежных нагромождениях,— без этого какой я полярник? И все-таки мне хочется тебе сказать, что я освоился, полюбил этот край и, как всякий военный, готов сказать: я жил здесь всегда».

Писал в Оренбург.

Был еще один адрес, куда письма шли с регулирующей очередностью дня и ночи. Он бережно выводил на конверте: Гжатск.

Он назовет его родным городом, возбудит интерес к его истории, будет содействовать его будущему.

«Мама!..» И Юра писал правду маме. Это была сыновняя правда, сообщал он то, что могло ее интересовать.

О родителях он проявлял постоянную, никогда и ничем не заслоняемую заботу. Любовь и уважение к ним не сводились лишь к материальному напоминанию о себе. Юра духовно был близок им, знал о их заботах, печалях, болезнях, проявлял сыновнюю нежность и уважительное послушание.

К маме, Анне Тимофеевне, он был особенно нежен, чуток ко всем ее просьбам. Юрино сердце целиком принадлежало родителям, его поклонение им было поистине беспредельным.

Юра часто вспоминал детство, время, которое так быстро и незаметно переходит в юность. Грань между ними иллюзорна, незрима.

Память хранит детали, как при испуге; расположена к домыслам, именуемым в зрелые годы «воспоминания о детстве». На хрупкие плечи детей военного поколения легли совсем недетские заботы о доме, скудном домашнем хозяйстве, раненых отцах и болезненных матерях...

В тот вечер, один из многих забытых, не отмеченных исторической значимостью, он выступал в школьном концерте, читал отрывок из романа Александра Фадеева «Молодая гвардия».

Юра вышел на импровизированную сцену, заложил руки назад, ожидая предательскую дрожь в коленях. Она преследовала его постоянно, на всех выступлениях. Ждал ее и сейчас. Юра сосредоточенно смотрит в зал, узнает своих товарищей, учителей, отыскивает маму, не пропускавшую ни одного его выступления. Вот и сейчас, успевает подумать, начнется трепет. Молчание его затягивается, ожидание вызывает нетерпение. Нет волнения, нет дрожи, констатирует свое состояние он и начинает читать:

«...Мама, мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя на свете. За лето их всегда покрывал загар, он уже не отходил и зимой,— он был такой нежный, ровный, только чуть-чуть темнее на жилочках. А может быть, они были и грубее, руки твои,— ведь им столько выпало работы в жиз-

ни,— но они всегда казались мне такими нежными, и я так любил целовать их прямо в темные жилочки.

Да, с того самого мгновения, как я стал сознавать себя, и до последней минуты, когда ты в изнеможении, тихо, в последний раз положила мне голову на грудь, провожая в тяжелый путь жизни, я всегда помню руки твои в работе...»

На этих словах Юра заплакал и, плохо различая зрителей, не осознавая своего поступка, ушел за кулисы. В зале стояла гробовая тишина. Пришел Юра в себя уже в объятиях мамы. Ощущая легкое прикосновение ее рук: он целовал их. Они плакали вместе.

Детство было трудное, полуголодное, обожженное войной, растоптанное грубыми сапогами гитлеровских солдат, оно казалось мрачным и бесперспективным. Перед глазами проходили тяжелые испытания народа, его воли и мужества.

Это питало Гагариных живительными соками бесстрашия и трудолюбия, безграничного уважения к своим соотечественникам. А дома, в неостановимой закрученности домашних дел, в вечном водовороте их неотложности, неустаеваемой заботе о детях,— мама. Лучшего примера трудолюбия, чистосердечности и добра не было. Она, не ведая об зтом сама, являла идеальный педагогический пример, сцементированный принцип: делай, как я. Безграничная любовь к труду лежала в основе всех ее воспитательных стихийных приемов. Нелегкая доля русской женщины: домашнее хозяйство, дети, общественно полезный труд социально раскрепощенного человека и раннее вдовье однообразие. По зтой веками рождавшейся схеме сложилась и жизнь Анны Тимофеевны Гагариной.

Она помнит жизнь в Петрограде. Большая семья: четырнадцать братьев и сестер, постоянная бедность, утомительная нищета и непоправимые потери, умерла младшая сестра, умер отец, умерла мать. Она осталась сиротой. На ее плечи легла забота об оставшихся, о фамильной гордости. Она шьет, стирает, убирает улицы, нянчит чужих детей. У настоящей няньки чужих детей не бывает, она любит детей, оберегая их не понаучному, а по внутреннему материнскому велению и интуиции. Росли дети, росла и она. Заботы детей — всегда переживания для родителей. Она не хотела от них отставать, постигала то, чем жили дети. Они знали зто и любили ее сильным и преданным чувством.

* * *

Ураган начался в двадцать один час. Предупрежденные синоптиками офицеры собрались в штабе, одетые по суровым северным законам. Здесь предполагали время его буйства, последствия своеволия, сроки восстановления, условия возврата к размеренной жизни.

На лицах летчиков не было растерянности, испуга, озабоченности. По их внешней беспечности можно было подумать, что собрались они на очередное совещание или радостную вечеринку. Младшие выслушивали старших, подчиненные беспрекословно повиновались начальникам, на трудные задания шли с той же самоотверженностью и непоколебимостью, как и в годы войны. Штаб жил по строгому распорядку осажденного укрепрайона. Руководили бастионами, ударными группами, распределяли продукты, берегли НЗ, оказывали помощь пострадавшим, формировали резервные отряды.

В одну из таких групп вошел Гагарин. Одиннадцать минут третьего она получила задание отыскать потерявшийся автобус. Старшему выдали компас, рацию и указали примерное место поиска. Наделенный властью офицер обошел строй, осмотрел экипировку, напомнил сигналы информации, указал на недопустимость самостоятельных действий.

— Там женщины, дети,— обратился старший,— действовать будем решительно.

Восемьсот метров. Это даже не километр. Этот путь окажется долгим.

Неистовство природы было так велико, что понять происходящее невозможно. В ночной непроглядной мгле с диким ревом как будто перемещались гонимые ветром сопки, горные гряды. Снег образовал селевые потоки и с водопадным шумом, с ураганной скоростью катился куда-то в тартарары. Ветер дул отовсюду, с кукольной легкостью опрокидывал людей, вырывал из рук предметы, швырял в лицо лед, больно бил по глазам.

Шли, низко склонившись к земле. Разговаривать было бесполезно, да и не безопасно. Полярная ночь без карнавальных звезд — пугающее и мрачное зрелище. Быть участником этого гигантского спектакля рискованно. Один в Заполярье не воин.

Сколько шли, никто не знает. Ночь окутывала их на всем протяжении пути и долгой изнурительной работы.

Ветер вырывал из рук лопату, а снег, поднятый вверх, тут же обрушивался на голову. Казалось, в этой ужасающей вакханалии всякая борьба со стихией бессмысленна и человек перед этим гигантским парадоксом природы — ничтожен.

Но люди победили. А когда утихло, посмотрели на место сражения — и стало стыдно своего героизма, и все величие, добытое в той схватке, показалось ничтожным и оскорбительным, осталось только доброе воспоминание о людях, своих товарищах, неспасовавших, неушедших, отдавших себя чужой беде.

К гостинице шли молча. Их никто не встречал, оркестр не играл торжественного марша: все было по-рабочему просто и

обыденно. Хотели спать. Каждый мечтал добраться до койки. Гагарин вполз в комнату и плюхнулся на постель..

Без стука вошел знакомый летчик.

— Юра, я к тебе,— скороговоркой выпалил он.

— Заходи, коли дело есть,— пригласил Юрий, с усилием открывая глаза.

— Ты, конечно, занят? — это была не ирония, но и не похвала.

— Да, занят. Знаешь, в наших местах геройски воевал Алексей Хлобыстов. Наш ровесник, а как воевал. Три тарана, десятки сбитых. Герой... Все-таки герои хранят какую-то тайну. Как ты думаешь?

— Зачем тебе нужен Хлобыстов? Ну был, ну воевал? Ну, что дальше?

— Ну уж, ну уж! Был — воевал. Какая легкая житейская формула. Хлобыстов сирота, отец погиб в гражданскую, мать умерла. Рано начал учиться, работать... Правильнее — работать, а уж позже учиться. Окончил вечернюю школу, аэроклуб. Качинское авиационное училище... Три тарана — это много! Вот где нужны воля, решительность, мастерство. Прекрасно! Да ты, видать, по делу.

— В общем, да, по делу,— с меньшим жаром произнес гость и рассказал о цели прихода.

— Да, но какой же я могу дать совет? Сам неопытен. Когда я полюбил, решение о женитьбе принимал сам.

— А я не могу принять! — с пафосом воскликнул гость.— Просто не могу, и все тут. Жениться? Да позволь! Не рано ли?

— Но ведь она ждет ребенка? — недоумевал Юрий.— Как же можно: две исковерканные судьбы получаются? А мы — офицеры! Военные летчики!

— Ну и что! Нельзя же жениться на каждой женщине.

— На каждой нельзя, это ты прав, да просто и не нужно, но на любимой должно...

— Так то на любимой...

— Ты прости меня,— Гагарин встал.— Считай, что советов не было, вообще разговора не было. У нас с тобой все разное... И еще... пожалуйста, никогда больше ко мне не приходи...

— Это почему же? Это твоя просьба...

— Нет, это не просьба,— твердым голосом сказал Юрий.— Это ультиматум.

Проснувшись, Юра пытается вспомнить: что это было — сон или действительно приходил его однополчанин? Может быть, это всего лишь юношеский максимализм?

Резало глаза, болели руки, ныла спина, не хотелось вставать. Верить в реальность сна не хотелось: ведь он так много работал! Молодчина! Неужто?

Но тот летчик, ночной гость, никогда больше не заходил в гостиничный номер Гагарина.

* * *

Подполковник Бабушкин стоя выслушал доклад Гагарина, принял рапорт, вышел из-за стола, размышляя, как отреагировать на столь необычное заявление подчиненного летчика, сделал круг по кабинету. Как же называется это? Космонавтика, космонавт! Подписать ходатайство о зачислении в несуществующую группу космонавтов. Это же...

Завтра об этом заговорят повсюду. Но почему же неуступчиво тверд Гагарин? Откуда у него такая уверенность? Отказать? Какое он имеет право?

— Прошу вас,— командир пригласил Гагарина сесть.— Пока я не имею никаких распоряжений по интересующему вас вопросу, но...— Бабушкин подумал, посмотрел в рапорт, который лежал перед ним на столе.— Откуда у вас информация?

— Из газет, товарищ командир.

— Из газет? — удивление Бабушкина напугало Гагарина.— Но ведь я тоже читаю газеты. В какой же вы прочитали о космосе?

— В «Правде». У меня есть вырезка.— Гагарин достал из бокового кармана аккуратно сложенную статью.— Вот, пожалуйста.

Бабушкин прочитал статью, название, фамилию автора. «С. Королев, член-корреспондент АН СССР».

— Не знаю такого.— Пробежав глазами статью, зацепился за абзац, прочитал: — «Наиболее интересным и увлекательным разделом в трудах Константина Эдуардовича, несомненно, являются работы, относящиеся к проблеме межпланетных путешествий». Это не фантастика?

— Никак нет, товарищ командир.

— Ну-ну,— и снова Бабушкин читает, увлекаясь и понимая автора.— «Подсчеты показывают... что одного квадратного метра оранжереи, обращенной к солнечному свету, уже достаточно для питания человека...»

Командир поднимает голову и долгим проницательным взглядом смотрит на летчика.

Гагарин — возмутитель спокойствия, своими мифическими идеями о скором полете человека в космическое пространство сбил с толку не одного летчика. Многое знает, многое помнит командир, не все он говорит. Как-то в летной столовой Гагарин сказал своему приятелю лейтенанту Юрию Дергунову о скором, по его мнению, полете в космос человека. Как и многие другие, летчик Дергунов не верил в реальность близкого полета в космос, но, как всякий молодой человек, был полон радужных мечтаний, нетерпеливых ожиданий, которые нередко определяли прямоту его поступков, твердость суждений. Он

был другом, оппонентом, собеседником Гагарина, но он не был единомышленником.

— Вся наша наука, спутники направлены на то, чтобы понять и объяснить происхождение Земли, других планет Солнечной системы,— с жаром отстаивал свою точку зрения Юрий Гагарин,— научиться управлять сложными механизмами природы.

Дергунов мыслил иначе.

— Что дает науке, человечеству тайна происхождения Солнечной системы? Сейчас, когда на повестке дня куда более актуальные задачи, например, энергетический кризис шарика... Пожалуйста, не перебивай. Я согласен, что человеческая мысль шагнула далеко за пределы Земли, возможно, она проникнет в другие галактики. Но я так думаю, что мы пока бессильны что-либо изменить в истории происхождения Галактики, жить же с закрытыми глазами на свое будущее не велика радость для человечества. А вот дать «горы хлеба» — это весьма важно. Ведь хорошо знаешь, что на нашей родной планете один миллиард людей голодает...

— Ты принижаешь роль космической науки,— возразил ему Гагарин. — Космос может дать не только горы хлеба... Я понимаю тебя — ты говорил образно; по Циолковскому, космическая наука должна проложить дорогу всем направлениям: и теоретическим, и прикладным. Из книг ты знаешь, какое большое значение древние народы придавали Луне, Венере, Марсу... Еще античные астрономы в изучении этих планет искали ключ к познанию истории образования Земли и других планет Солнечной системы, к разгадке причин возникновения жизни...

— Это все краснобайство, Юра,— холодно и жестко констатировал Дергунов.

Гагарин умолк.

Бабушкин, оказавшийся невольным свидетелем спора друзей, насторожился, прислушался, проявляя чрезвычайный интерес к жареному картофелю.

— Вот что, брат мой Юра! — патетически проговорил Дергунов. — Мог бы ты публично покаяться в своей привязанности в космосу?

Гагарин, держа стакан с молоком, с некоторым недоумением смотрел на своего возбужденного партнера.

— Можно, но зачем? У нас есть дела поважнее. И вообще, мои увлечения — не твоя забота.

— Ну вот видишь, а ты говоришь, что все это серьезно.

— Да, серьезно.

Гагарин уступил притязаниям друга и в четверг, как было условлено, выступил перед товарищами.

Движимый разыгравшимся интересом. Бабушкин пришел на это выступление подчиненного.

Гагарин, смущаясь всеобщего интереса к своей персоне, стеснительно сказал, что он хотел бы поделиться некоторыми сведениями, прочитанными в газетах и книгах.

— Давай, Юра, смелей,— крикнул кто-то из середины зала.— Отвечай, есть ли жизнь на Марсе?

Очень популярная фраза немедленно вызвала смех. Не удержался от смеха и Гагарин.

— А теперь,— не дожидаясь, когда утихнет в зале,— несколько слов о пространстве, располагающемся над атмосферой.— И Гагарин стал говорить.

В сознании Бабушкина прочно обосновались слова Гагарина: «...жизнь — есть форма движения материи. Это философское определение я переношу и на нашу планету. Планета движется, перемещаются материки, меняются водные акватории, суша уходит на дно, океан наступает на прибрежные земли. Нашу планету называют Землей, хотя ее следовало назвать Океаном. Вода занимает свыше двух третей поверхности земного шара, она поглощает массу солнечной энергии и потому оказывает огромное влияние на температурные процессы всей планеты. Человек, находящийся в космическом полете, может видеть все изменения, происходящие на нашей Земле, всю сетку «морщин» на лице планеты. Создав теорию относительности, Альберт Эйнштейн установил, что пространство и время искривляются, что длины и промежутки времени зависят от полей тяготения. Во Вселенной прямая может не быть кратчайшим расстоянием между двумя точками. Форма пространства зависит от тяготения — гравитации...»

Успех выступления Гагарина был огромен. Больше всех ему радовался Дергунов, спровоцировавший эту беседу.

Нет в живых Дергунова... да мало ли событий произошло за эти месяцы?

— Это попытка уйти из полка?

Лицо Гагарина потеряло веселость.

— Товарищ командир, я не ищу путей, предлогов, причин уйти из родного для меня полка.— Гагарин сделал паузу, положил руки на стол, как бы призывая к долгому и обстоятельному разговору.— Не пугает меня и Заполярье. Я солдат. Но у меня, как у каждого летчика, есть мечта: полетать на сверхзвуковых самолетах. Ведь я прошусь не на легкую, а на более трудную работу.— Гагарин опустил голову, думая, какие избрать аргументы для убеждения.— Люди обязательно станут изучать космос, а возможно, и жить, как это предсказывал Циолковский...

И Бабушкин подписал рапорт...

«Было жаль расставаться с товарищами, с полюбившейся суровой природой, со сполохами северного сияния...

Что ждало нас? На этот вопрос никто не мог ответить...» (Юрий Гагарин)

У трапа самолета, прощаясь, Бабушкин сказал:

— Очень хотелось бы, чтобы вы, Юрий Алексеевич, первым полетели в космическое пространство. Куда — на Луну, на Марс, какая, в общем-то, разница? Главное — первым. Если есть на свете справедливость — наш голос услышат, внемлют ему и удовлетворят нашу просьбу. Для нас это была бы большая честь. Летчик — существо коллективное. Он и в бой идет за коллектив, и воюет в коллективе.

— Спасибо, спасибо за науку, за доверие...

* * *

Завтра встреча с Главным конструктором. О нем, загадочном и таинственном ученом, руководителе ракетно-космических программ страны, говорят редко, уважительно, величают сокращенно: СП.

Сергей Павлович Королев, автор той самой статьи, которая окончательно склонила Юру к перемене профессии. Какой он?

Гагарин пытается представить: высок, сед, широкий лоб, карие глаза (обладатели их — властелины положения), с сокрушающим голосом...

Ученые ссылаются на труды СП.

А сам СП неразлучен с Циолковским. В статьях, работах, исследованиях, выступлениях присутствует его научный кумир, цитирует Циолковского по памяти.

«Пусть не покажется странным,— говорит Виталий Севастьянов,— что человечество, не изучив хорошо своей планеты, устремило взор во Вселенную. Мы еще не можем объяснить, а во многих случаях повторить, каменные колоссы острова Пасхи, уникальные творения цивилизации древнего Перу, изумительные сооружения народов Индии и кхмерских умельцев. Мы пока не можем объяснить причину появления в Файюмском оазисе каменного монолита со следами, отдаленно напоминающими упоры для пуска ракет».

Да, история сохранила для потомков много тайн. Находка в Файюмском оазисе продолжает волновать исследователей.

Ученые, читающие лекции космонавтам, вступают в полемику, отвечают на проблемные вопросы, охотно размышляют о существовании разумной жизни во Вселенной, будят фантазию.

Гагарин записывает воззрения ученых, источники этих научных гипотез.

Циолковский верил в то, что жизнь — явление весьма распространенное в космосе. Причем он считал, что живая мате-

рия, как и материя вообще, эволюционирует, развивается от более простых форм к более сложным: «Прогресс организмов шел непрерывно и не может поэтому остановиться на человеке». Согласно его гипотезам, разумные существа других миров в своем развитии значительно превзошли человека. В этой связи ученый много внимания уделял анализу социально-технических последствий возможных контактов. Он, по существу, явился основоположником астросоциологии, посвятив этой проблеме значительное количество своих работ.

Циолковский считал, что, достигнув определенного уровня социального и технического развития, любая цивилизация начнет «распространяться не только в своей Солнечной системе, но и в соседних...». Он говорил, что разум «всякий уголок Вселенной может сделать доступным для жизни». Анализируя эту проблему, ученый полагал, что космическое расселение общества не только возможно, но, что самое главное, оно необходимо. Эта необходимость проявляет себя на определенном этапе развития любой цивилизации.

Преподаватели ссылаются на находки в перуанском местечке Наска, на загадочные сооружения в английском местечке Стоунхендж, которые, по мнению некоторых ученых, имеют инопланетное назначение.

О создании Стоунхенджа существует много легенд. Считалось, что Стоунхендж построен Мерлином. Но для чего, для каких целей построен Стоунхендж почти четыре тысячи лет тому назад? Ученые утверждают, что Стоунхендж — каменная астрономическая обсерватория. Другие ученые назвали Стоунхендж «вычислительной машиной каменного века».

Загадок, связанных со Стоунхенджем, много. Самое удивительное не в том, как древние люди, пусть даже обладавшие неимоверной физической силой и хитроумными техническими средствами, откололи, обработали и перетащили пятидесятитонные глыбы. Но как древние британцы нашли принцип вычислительной машины, не имея ни систем исчисления, ни письменности?! Кто научил жрецов сложному геометрическому искусству, как выполнили они уникальную геодезическую разметку, не имея самых примитивных инструментов? Каким образом из поколения в поколение передавались идеи? Почти несомненным кажется тот факт, что Стоунхендж строился по единому генеральному плану...

Изучая британское чудо света, многие ученые пришли к выводу о возможности контактов неизвестных высокоразвитых цивилизаций с землянами.

Гагарин, увлеченный этими идеями, нашел в книгах ответ Константина Эдуардовича студенту Юдину.

«Попытки высших существ помочь нам возможны,— писал К. Э. Циолковский,— потому что они продолжаются и сейчас. Размышления о созерцании Вселенной могли также слу-

жить основой для веры в высшие существа. Но немногие знают и то и другое. Для всех это не очевидное. Мы, люди, не стараемся убедить животных в неразумности их жизни, потому что это невозможно — так велико расстояние между человеком и животным. Дистанция между нами и совершенными существами едва ли не меньше, если принять в расчет среднего человека. С другой стороны, австралийцы и американцы тысячи лет дожидались европейцев, однако дождались. Дождемся и мы».

Важно и познать, и понять существующие и надуманные аргументы.

«Есть ли жизнь на Марсе?

Итак: вторжение человечества в Галактику, во Вселенную, несомненно, ее изменит. У многих планет появятся искусственные спутники, живые существа, кочуя по космическому пространству, будут расселяться в самых отдаленных просторах Вселенной, изменят атмосферу планет».

Это что? Цитата, мысль? Заимствованная или собственная?

Он размышляет, углубляется, предполагает.

Постигая мир, углубляясь в таинства сотворения, начинаешь понимать, сколь ничтожны наши знания о нем.

Да, пока еще никто не познал до конца мир, но, объединив свои усилия, человечество может приблизиться к желаемой цели. Изучая Солнце, наши соседние планеты, мы получили ключ к познанию истории образования Земли и других планет Солнечной системы, к разгадке причин возникновения жизни.

Современному миру известно восемьдесят восемь созвездий, многие из них были известны еще в древности, упоминались в Библии.

Все хочется познать, но удастся ли? Хорошо бы частичкой знаний овладеть к завтрашнему дню. «Что день грядущий мне готовит?»

Куда обратит свой взор человек?

На Марс, Венеру, Юпитер?

Человеческая мысль, не сдерживаемая технической рутиной, сила безбрежная. СП может спросить о... о чем?

О проблемах проявления жизни на других планетах. Всерьез говорить пока можно только о Марсе. Это очень интересная планета. Год на ней почти вдвое длиннее земного (687 суток). В полярных областях находятся белые «шапки», достигающие в поперечнике 3—4 тысяч километров и покрывающие площадь до 10 миллионов квадратных километров. Долгое время считали, что «шапки» состоят из снега и льда. Последние исследования позволяют предположить, что полярный покров состоит из твердой углекислоты, а лед является лишь ее сердцевиной (как начинка в пироге).

Но особенно привлекают ученых сезонные изменения цвета различных участков поверхности Марса. Например, зимой «моря» светлее, а с наступлением весны они заметно темнеют, чтобы в середине лета или ближе к осени снова посветлеть. Для объяснения этого явления выдвинута гипотеза, согласно которой весной поверхность «морей» одевается ковром каких-то растений, что и порождает более темную окраску. К осени растительность выгорает и делается более светлой. Принять такую гипотезу — значит признать возможность жизни на планете. Там, где есть флора, может оказаться и какая-то, пусть самая примитивная, фауна. А может быть, Марс — планета угасающей жизни, жизни, которая некогда была столь же бурной и разнообразной, как и на Земле? Будущие экспедиции ответят на этот вопрос...

Какова же цель полета? Борьба со стихией, с непознанными тайнами Вселенной... Нет, главное — добыча знаний, приобретение их любой ценой.

Утомительная предтеча.

Сергей Павлович вошел в зал, вглядываясь в лица будущих капитанов космических каравелл, представился, пожимая каждому руку: «Очень рад вам». Обойдя строй, он еще раз, как полководец, окинул взглядом свое, пока немногочисленное, войско, но, думая о своем, остался доволен и числом и бравостью молодцев, пригласил всех к столу, сказал:

— Прежде всего рад приветствовать вас, главных испытателей нашей пилотируемой продукции... Да, мы дожили до того времени, когда полет человека в космическое пространство — не мечта, не фантазия, а реальность завтрашнего дня... Кто-то из вас будет первым, полетит пока ненадолго и только на трехсоткилометровую орбиту... Готовьтесь. Машина уже есть...

Главный конструктор пригласил гостей посмотреть на космический корабль. Прошли в цех. Сергей Павлович показал на большой круглый шар и назвал его космическим кораблем. У шара-то и крыльев нет, хвостового оперения и кабину определить нельзя. Словом, этот предмет лишен привычных форм летательного аппарата — самолета. Стоит на подножках белый шар, и сразу не догадаешься, что это такое.

А Главный конструктор спрашивал:

— Может быть, кто-нибудь желает посмотреть космический корабль?

— Разрешите мне? — сказал старший лейтенант Гагарин.

Сергей Павлович внимательным взглядом посмотрел на невысокого худенького офицера и кивнул: дескать, давай дерзай!

Гагарин стремительно подошел к кораблю и потрогал рукой обшивку. Она была прочной. Он повернулся и улыбнулся

присутствующим. Гагарин взялся за поручень и не поднялся вверх к открытому люку, как этого все ожидали, а замер на стремянке так неожиданно, словно получил ошеломляющий и внезапный удар в грудь, медленно опустился на пол на растянутый брезент и снял черные форменные ботинки.

В космический корабль, как в новый дом, по народному обычаю, он входил без обуви.

Сергей Павлович Королев, увидев космонавта без ботинок, разволновался, прижал руку к левой части груди.

«Какое уважительное отношение к труду»,— подумал ученый.

«Мы увидели широкоплечего, веселого, остроумного человека. Он сразу расположил к себе и обращался с нами как с равными, как со своими ближайшими помощниками» (Юрий Гагарин).

* * *

Члены Государственной комиссии по пуску космического корабля «Восток» с человеком на борту медленно рассаживаются. В папках, отягощающих руку, документы по самым различным вопросам пуска, поиска, доставки космонавта, обеспечения его безопасности, экипировки, методологии анализа результатов полета и многим другим вопросам, обозначенным в приложении номер один.

За окном яркий весенний день, неистово печет солнце, нагревая остывшую за ночь землю. Тепло и влага, конденсированная из почвы, дали бурный рост тюльпанам. Они поднялись быстро, стремительно, потянулись к солнцу, заслонили горизонт весенним разноцветьем.

В зале, за длинным рабочим столом, чистым, как аэродромное поле, известные всей стране ученые, малоизвестные конструкторы, уставшие инженеры, представители ведомств, многочисленных министерств, эффектные летчики-испытатели, презирающие страх.

В ожидании начала процедуры присутствующие говорят о погоде в Казахстане, о бурном таянии снега в столице, о густых туманах в Ленинграде, запоздалой весне на Урале.

— Надежность полная. Вчера видел ленту о приземлении «Ивана Ивановича» (так называют манекен), знаете ли, голубчик, прекрасно. У нас есть гарантия,— говорит шепотом невысокий человек с землистым лицом.

— Американцы хотят двадцать восьмого.

— СП — это ум, власть, единоначалие, воля, подкупающее внимание к людям, абсолютное бескорыстие...

Костюмы присутствующих не отражают их положения в стране, науке, мире. Это рабочее совещание, но оно станет историческим потом. Многие живут здесь, в Байконуре, месяцы, у них нет выходных, дни, недели выстроились в сплошное ра-

бочее время, ночь и день сместились, спутались, иногда спят днем, работают ночью.

Они забыли о чистых рубашках, нарядных костюмах, свежих платочках...

Вместе с принятием решения о полете им предстоит вынести вердикт: кто полетит первым.

Кандидаты на первый полет, их шесть, в МИКе (монтажно-испытательном корпусе) сосредоточенно занимаются в корабле. Редкий случай: у семи нянек дите... На шесть учеников-космонавтов десятки преподавателей. На вопрос космонавта отвечают тотчас, консультируют, рекомендуют, советуют — ученый, конструктор, теоретик, инженер, сменный мастер, опытный рабочий, ветеран цеха.

Пока до сего часа все, что они делали: слушали, тренировались, примеряли скафандры, сдавали экзамены, фотографировались, посещали Красную площадь, стояли у величественного Мавзолея — принадлежало в равной степени шестерым. Через несколько часов вперед выйдут двое. Кто?

Право внести предложение на первый полет, высказать свои суждения по кандидату номер один предоставили прославленному советскому летчику Герою Советского Союза Николаю Петровичу Каманину. Педантичный, образованный, с легкой спортивной походкой генерал Каманин прошел к столу, отвлеченно посмотрел на соседей, притерся к стулу, положил перед собой рабочий карманный блокнот. Ему он поведывал свои сокровенные думы о своих питомцах, листая короткие наброски, размышлял: кто первый? На листах пометки, знаки-каракули, понятные только ему. Если расшифровать эти записи, можно написать столистный отчет, объемный роман. Жизнь много просеет, отбросит, отберет и весьма мало оставит для потомков. Есть записи, которые так и останутся рабочими, для себя, на случай. Они составят дневник генерала Каманина.

Беседовал с Павлом Поповичем. Секретарь партийной организации. Дал своим товарищам отличные характеристики. Он единственный из кандидатов летал на «МИГ-19», а это сверхзвук.

Еще страничка.

Кинооператоры снимали скрытой камерой, монтировали для себя, для памяти, об этом историческом времени короткий хроникальный фильм. Гагарин в гуще событий, признанный лидер, недолжностной вожак.

Авиационный врач, готовя документы к заседанию Государственной комиссии, составил медицинскую характеристику на Юрия Гагарина. «Старший лейтенант Гагарин,— писал врач,— сохраняя присущее ему чувство юмора, охотно шутит, а также воспринимает шутки окружающих...»

Клавдия Акимовна — хозяйка домика, где предстояло про-

вести командиру «Востока» и его дублеру последнюю ночь перед стартом, спросила Сергея Павловича Королева:

— На какой койке будет спать Юрий Алексеевич?

— Гагарин? — удивился Королев.— А почему вы решили, что он будет в этом домике спать?

— Не знаю. Просто я думаю, что первым нашим человеком в космосе должен быть такой, как Гагарин. Я мать летчика... Так где же он будет спать?

— А зачем вам, Клавдия Акимовна, это надо?

— Надо. Я поставлю у его кровати много-много тюльпанов...

Председатель Государственной комиссии предоставляет слово Каманину.

* * *

Это все было так необычно: почитание, признание, интерес к каждому его слову, доверие впечатлениям, возвеличивания, которые ему казались чрезмерными и незаслуженными. Он стал центром притяжения, постоянным объектом внимания, сосредоточения журналистов.

И рапорт командира корабля, и неистощимая забота стюардессы, и непрекращающийся поток жаждущих автографа, и все возрастающий газетный бум... Все это было для него чужим, а самое главное — ненужным, мешающим, сдобренным ароматом сенсационности и чего-то неуважительного, кратковременного. Газеты, выложенные перед ним, смущали его, выбивали робкую улыбку, вынуждали просить помощи, искать защиты, уклоняться от интервью, познавательных бесед, исповедальных речей.

Все, что он сейчас видел и слышал, в окружении кого вращался, ему, осмысляющему происходящее, иногда казалось сном, дружеским розыгрышем, короткометражкой, конец которой будет неожиданным, образумит многих, кое-что изменит, вернет каждого на свое место. Почему СП, сотворивший чудо, отодвинут на второй план, живет в сознании людей не обликом, именем и фамилией, а должностью, слывет мифической личностью, теряет лик реальности. Обещаемые блага на потом, как ветхозаветное чудо на том свете, воспринимаются иронически, доверительную ценность его трудов удостоверяют высказывания его учеников.

Оставшись на какое-то мгновение вдвоем, отделившись от неуступчивых эскулапов под благовидным предлогом необходимого отдыха и конфиденциальной беседы, сдерживая напор любознательных поклонников, СП, уставший и ослабевший за эти нескончаемые дни, с нежной грустью смотрел на Гагарина, проникал своим взглядом в его душу, искал и находил радующие его изменения. У Королева не было сил пошевелиться, как

у спортсмена на финише, рука, управляющая штурвалом огромного научно-технического корабля, отчужденно лежала на бедре, властные губы разомкнулись, но не произнесли тех заветных слов, припасенных для этого случая.

Гагарину, оказавшемуся под облучением глубоких и проницательных глаз СП, стало не по себе. Вероятно, надо было тотчас встать, подойти почтительно к Главному, сказать какие-то нестандартные, теплые и благодарные слова, непременно заверить в чем-то, ведь существует же схема подобных протокольных процедур, но он неведомым ему чувством удерживался на месте, опирался спиной на узкий гостиничный диван, нервно мял потные пальцы и с трепетностью первоклашки смотрел на недосягаемого учителя.

Может быть, следовало доложить по всей форме: «Товарищ Главный конструктор, майор Гагарин...»

Но как остановить ход мыслей Главного, как вызвать внимание на себя?

СП многозначительно молчал.

Скакали секунды, бежали минуты, шли часы.

— Спасибо, Юра,— неожиданно нарушил тишину СП, как бы говоря о завершении аудиенции.— Мы не ошиблись в тебе. История нас не осудит.

И снова Гагарину стало не по себе. За что этот Человек благодарит его? Это ему надо воздать хвалу.

«Я видел дневные звезды над головой,— подумал Гагарин.— Они необычайно отчетливы, будто бриллиантовые бусинки на черном бархате... вселенского светила и впрямь видятся ближе, яснее: ведь с них сдернута чадра земной атмосферы.

Кто до него поднимался к звездам? Люди всегда мечтали о небе. Их влекла тайна Вселенной. Не найдя точку опоры, они проникли туда мысленно. Какова же сила этого человека, сумевшего осуществить тысячелетние чаяния людей...»

Это была запланированная аудиенция Главного с испытателем космического корабля «Восток».

На вопросы журналистов, о чем была беседа, что нового о корабле сказал Юрий Алексеевич, Королев отвечал почти час.

Гагарин посмотрел в иллюминатор, за борт самолета, на стелющиеся под крылом облака; глядя на них, можно фантазировать, мечтать, видеть воздушные замки... Вот откуда сказочная мифология заимствовала декорации. Через рваную пробоину облаков к собственному восторгу увидел холодную равнинность земли.

В самолете сосредоточение людей, оправдательное переполнение разных по положению, возрасту, ученым званиям и степеням, и все они, зараженные бациллой непоседливости, ло-

вят его внимание. А он, Гагарин, военный летчик, старший лейтенант... нет, уже майор, робеет перед своими почитателями, с девичьей стыдливостью опускает очи. С каким неимоверным напряжением воли, теряя интерес к собеседнику, он думает об ответе на вопрос. Разве можно все знать? Да и нужно ли? Но они наседают, восторженно унижаясь, требуют беседы по ими же избранной теме, жаждут крылатости, утверждения тождественности. А ему трудно. Лучше всего говорить о полете, впечатления свежие, великолепные. Он с большим удовлетворением расскажет, не обойдя вниманием каждого, но компетентно рассуждать о плазменной физике, рукотворной генетике он пока не может.

Гагарин переводит взгляд на Каманина, своего адепта[1], Николай Петрович побродил за свою жизнь на туманных берегах Альбиона, пережил «медные трубы», прошел путаными лабиринтами славы, покупался в жгучих лучах лести, кое в чем поднаторел, и теперь хорошо понимал состояние своего подопечного. Но как помочь Гагарину? Генерал морщит лоб, думает, вспоминает. На необозримых путях неожиданностей силки не расставишь. Встретиться с настойчивым интервьюером, любознательным человеком, восторженным поклонником ему, конечно, придется. Поступят письма, прилетят телеграммы, увеличится поток корреспонденции... Надо отвечать, и это общение напугает, количество информации вызовет шок и лишь потом доставит огромную радость, даст возможность излиться откровенно, исповедаться о прошлом, без всякой назидательности ответить на просьбы. Он будет держать в руках тысячи нитей соприкосновения.

В конечном счете, народ вправе выбирать героев, иметь таких, каких он хочет. Идеалы формируются не сами по себе, а под воздействием общества. Они отвечают целям и задачам роста, они вбирают лучшие черты нации. Герои становятся кумирами, выразителями духа нации, развивая свои достоинства, прокладывая дорогу к сердцу каждого.

— Надо, Юрий Алексеевич,— шепчет Каманин на молящий взгляд космонавта.

«Юрий Алексеевич». Гагарин не отводит глаз, продолжает настойчиво и раздумчиво смотреть на своего наставника. И он тоже перешел на величание, лицедействует... Каманин понимает недоумение, с достоинством опускает тяжелый взгляд.

— Все правильно.

Всегда «товарищ старший лейтенант», а в лучшие минуты откровения и дружественности — «Юра» и вдруг... Что это: отчуждение, дипломатический формализм, отдаление, фарисейство?

Каманин, овладев собой, говорит о процедуре встречи в

[1] Адепт — сторонник, союзник.

Москве, о регламенте торжества, церемониале в Кремле. Голос ввергает в простодушие, раскованность предполагает обыденность. Опыт прошлого накладывает на обстоятельства нынешнего времени.

Встреча героев в столице — традиция древняя, появилась она во времена ветхозаветные. Герой и его окружение, верное войско приносили своему народу победу, свободу, радостную весть о силе мужской, так волновавшей толпу. Триумфатор становился правителем, диктатором, богом. Он дарил людям желаемое, они — право повелевать.

А что дал он, молодой человек, беззаветно любящий свою могучую Родину, свой великий народ?..

И снова пытливо-ищущий взгляд на Каманина.

— Так надо.

Испуг космонавта генерал гасит молниеносным ответом. Это не приказ, который нельзя обойти, это совет, о котором тотчас можно забыть. В глазах Гагарина нет заносчивости супермена, чванства киногероя, полное доверие личности, опыту старшего и немножко собственной интуиции, развитие которой предстоит в самое ближайшее время. Космонавт думает, по-детски морщит лоб, трепетно опускает уголки рта. Время бежит, самолет летит, земля крутится. В угрюмой сосредоточенности Гагарин врывается взглядом в облачные разрывы. На подлете к Москве усилились суетливость и как психологическая инъекция возможность посмотреть московские газеты, опоздавшие с мировой сенсацией, но подарившие несокрушимый факт истории.

Зашуршала «Красная Звезда», повернутая к свету. Гагарин, ткнувшись взглядом в полосу, обратил внимание на стихотворение Ивана Шамова: «Мир взбудоражен новой бурей, одной сенсацией живет: советский летчик, русский Юрий свершил космический полет».

«Громковато»,— подумал он и стеснительно скосил тревожный взгляд в сторону.

Иван Шамов лирик, в прошлом военный летчик, тяжелобольной, прикованный к постели, пишет о красоте, силе, бодрости, о том, что сам потерял навсегда.

В газете сообщалось, что Центральный аэроклуб СССР имени В. П. Чкалова направил в Париж в Международную авиационную федерацию (ФАИ) телеграмму, в которой извещал, что 12 апреля 1961 года гражданин СССР летчик-космонавт Юрий Алексеевич Гагарин впервые в истории человечества совершил рекордный полет в космическое пространство на ракете-спутнике «Восток». Подробности этого полета для утверждения его в качестве абсолютного мирового рекорда по полетам человека в космическое пространство будут сообщены дополнительно. Все полосы газет были заняты материалами о

первом космическом полете. Сложив газету, Юра бережно, зная, что это предназначается истории, положил на стол.

Родная «Комсомолка» печатала стихи Михаила Дудина, фронтовика, застенчивого и скромного человека.

О, Родина! Ты смотришь в небо смело,
Ты рвешься к звездам, обгоняя птиц.
Нет разуму свободному предела,
И смелости высокой нет границ.

Александр Казанцев, популярнейший фантаст, в «Комсомольской правде» писал: «Мы создаем в нашей стране фантастических возможностей беспримерную технику, создаем ее вовсе не ради того, чтобы использовать космически точный прицел тяжелых ракет для наземных целей... все нам нужно не во имя абстрактных далей, а во имя Земли.

Во имя Земли изучают астрономы далекие туманности, познавая исходные законы развития материи, во имя Земли и ее людей занимались ученые, казалось бы, совсем отвлеченными идеями...»

Гагарина притягивало имя, увлекала раскованность авторитета, философская широта взгляда.

Да, мир жил в новом исчислении времени, новом измерении ценностей. Что-то произошло. Неужели он, Юрий Гагарин, имеет к этому непосредственное отношение? Право, чудеса! Он закрывает глаза, бережно, остерегаясь хруста ломающейся бумаги, стелет газету на коленях. Но теперь, огненно плеснув информацией, газеты перешли в период своего бессмертия.

Газеты сообщали: «За выдающиеся в истории человечества достижения — космический полет на корабле-спутнике «Восток», установление первых мировых рекордов в космическом пространстве Центральный Совет Союза спортивных обществ и организаций СССР присвоил майору Гагарину Юрию Алексеевичу почетное звание «Заслуженный мастер спорта СССР».

Ошеломляющая новизна с водопадной неудержимостью обрушилась на читателя.

Самолет завершил круг, терся крыльями о ватную мягкость висящих облаков, пролетая над Москвой. Гагарин посмотрел вниз, на улицы столицы и увидел несметные толпы людей, движущихся в радостном возбуждении. Улицы были запружены потоками народа. Со всех концов столицы живые человеческие реки, над которыми как паруса надувались алые знамена, широкие транспаранты, стекались к стенам Кремля.

Юрий Алексеевич, окунаясь в томительную неопределенность, тревожно посмотрел на своего наставника. Каманин сосредоточенно смотрел перед собой, делал вид, что не замечает взгляда космонавта.

* * *

Есть события, которых нельзя предвидеть, обстоятельства, к которым невозможно привыкнуть... Радость всегда волнует, печаль непременно тревожит. Человек — дитя природы, продукт обстоятельств.

— Пожалуйста, Юрий Алексеевич.

Его приглашают к микрофону, ему дают возможность сказать о... о своих чувствах, полете... Надо сказать об СП, товарищах, Николае Петровиче. Надо сказать... так много хочется сказать. Но всего сразу не скажешь: человек утверждается не количеством слов, а глубиной их...

Гагарин с робостью смотрит на тех, кто стоит рядом с ним на трибуне Мавзолея. Доброжелательные улыбки, искренние пожелания, отеческие напутствия, мудрые наставления.

Ему никогда не приходилось говорить с трибуны Мавзолея. Оторопь берет от собственной значимости, волшебного мига истории, от внимательных и напряженных глаз людей.

Здесь, на Красной площади, начинались события, которые становились священными страницами истории государства Российского.

Здесь выступал Ленин, по этой брусчатке прошли первые советские автомобили и тракторы, отсюда ушли войска на защиту столицы, здесь, у подножия Мавзолея, закончили свой бесславный путь боевые штандарты гитлеровских войск. Может быть, и сейчас святой час истории. Юра смотрит на многочисленных гостей, нетерпеливых манифестантов, рабочие руки которых сжимают транспаранты, флаги. Море людей, не счесть числа голов. Море состоит из капель воды. Став морем, капля потеряла себя. Здесь, на площади, в море людского наполнения, человек сохранил себя, обозначил улыбкой, глазами, индивидуальным взмахом руки.

На фисташковом фасаде ГУМа гигантский красный флаг с портретом В. И. Ленина. Рядом лозунги. На здании Исторического музея огромное панно: Ленин, а рядом космический корабль — вольная фантазия художника — и... кажется, это его, Гагарина, портрет. И снова тревожный взгляд в сторону Каманина.

— Прошу вас, Юрий Алексеевич.

Это опять его приглашают к микрофону. Оцепенение не проходит. Сейчас задрожат колени, у него так бывает. Когда в школе он читал стихи, у него всегда дрожали колени. Правда, один раз, этот случай он хорошо помнит, когда читал отрывок из романа Фадеева, ноги почему-то не дрожали. А сегодня? Как ведут они себя сегодня?

Подчинятся ли волевой сдержанности хозяина или проявят дерзкое неповиновение?

Кажется, спокойно!

Кто-то взял за руку, легкое, дружеское, подбадривающее пожатие. Обернулся: Брежнев. «Спасибо, Леонид Ильич». Вот она, точка опоры. И Юра радостно улыбнулся, впервые за эти долгие часы он послал благодарную улыбку, в которой сконцентрировал свою внутреннюю суть, осознание национальной гордости, расцвеченной могуществом русского достоинства и буйно проявившейся эстетической одаренности. Скованность, без волевого усердия, обернулась бы бесчувственностью.

Гагарин одними глазами сказал: «Спасибо». Птицей взметнул для приветствия правую руку, заражаясь розовой торжественностью. У микрофона Юра на секунду попытался ощутить себя, свое тело, не потерял ли контроль над ногами, не балуют ли нервишки... все в порядке — и снова благодарный взгляд влево.

— Родные мои соотечественники! — Гагарин сделал паузу и подумал не о том пафосе, с которым он это сказал, а о том чувстве, которое вложил в эти слова, обращаясь к своему народу.— Мне, простому советскому летчику, было оказано такое большое доверие и поручено ответственное задание совершить первый полет в космос.

Волнение передалось не на ноги, руки, а на горло. Говорить становилось трудно. Горло вышло из повиновения. В нем, стало непривычно сухо, жестко, исчезла эластичность, широта звуковой гаммы.

— Любовь к славной партии, к нашей Советской Родине и нашему героическому трудовому народу вдохновила меня и дала мне силы совершить этот подвиг.

Подавляя в себе расслабленность, внутренним усилием возвращая горлу рабочую мягкость, боясь потерять контроль над глазами, Гагарин с болезненной медлительностью смежил веки, спрятал бушующую нежность от счастливых демонстрантов.

Площадь снова стала морем, замерла, потрясенная откровением космонавта, несколько секунд молчала, потом, будто срежиссированная, пришла в лихое неистовство. Участники митинга кричали «ура!», скандировали: «Слава партии!», «Гагарин!», «Космос!»

— Я убежден,— продолжал Гагарин, поборов слабость,— что все мои друзья летчики-космонавты также готовы в любое время совершить полет вокруг нашей планеты.

Он почувствовал второе дыхание, ему стало легко и свободно говорить, раскованность пришла к рукам, веселость лицу, вдохновение мыслям.

Гагарин говорил:

— Первый самолет, первый спутник, первый космический корабль и первый космический полет — вот этапы большого пути моей Родины к овладению тайнами природы.

Теперь, утверждая очевидное, он не собирался тонуть в благословенной лести, а хотел объять перспективы, как он недавно лицезрел с орбиты мир.

Мимо Мавзолея проходили колонны трудящихся, рабочие и колхозники, студенты и учащиеся, дорогие его москвичи, у которых подвиг советской науки всколыхнул глубинные патриотические чувства.

Юрий Гагарин видел море людских голов, тысячи вскинутых рук — не счесть радостных улыбок,— букеты, расцветившие колонну манифестантов весенними красками.

«Вот так же в мае 1935 года демонстранты приветствовали речь Константина Эдуардовича Циолковского, обращенную к москвичам»,— подумал Гагарин.

Основоположник тогда ошеломил радиослушателей: «...Я точно уверен в том, что и моя другая мечта — межпланетные путешествия,— мною теоретически обоснованная, превратится в действительность.

Сорок лет я работал над реактивным двигателем и думал, что прогулка на Марс начнется лишь через много сотен лет. Но сроки меняются. Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия.

...Герои и смельчаки проложат первые воздушные трассы — Земля — орбита Луны, Земля — орбита Марса и еще далее: Москва — Луна, Калуга — Марс».

А «море» шумело, плескалось тысячами рук, вскипало миллионами искусственных цветов, грохотало неукротимым «ура-а-а», шквально катилось к седым уступам древнего храма.

История повторялась. Над Красной площадью, как мечтал Константин Эдуардович Циолковский, звучала речь первого космонавта планеты, которым, по его твердому убеждению, должен был стать русский человек.

* * *

Предстояло многое сделать: написать отчет о полете, составить предложения по усовершенствованию корабля, высказать суждения о методике подготовки космонавтов. Но все, что было предусмотрено до полета, тщательно расписано, скреплено подписью высоких авторитетов, летело в корзину. Жизнь с ураганной стремительностью вносила серьезные коррективы, существенные изменения, оправдательные дополнения. Поступали в преогромном количестве просьбы о проведении пресс-конференций, встреч с учеными, конструкторами, рабочими, тружениками села, приходили приглашения на симпозиумы, конференции, совещания, съезды. Открывали двери своих границ зарубежные государства. Неотвязчивость проявили эскулапы, требовавшие стационарного обследования, пси-

хологи жаждали общения, астрономы — уточнения, геофизики — подтверждения, студенты — встречи!

Гагарина приглашали не рассказать об увиденном из космоса, не поделиться впечатлениями о познанном, а посмотреть маленькую европейскую страну, которую, вероятно, с большой высоты невозможно различить.

Хорошо понимая, что встреч с иностранными слушателями не избежать, Юрий Гагарин готовился к неизбежным встречам. Надо готовиться, надо помнить о... о многом!

Центральный Комитет Коммунистической партии Чехословакии приглашал посетить страну, встретиться с рабочими, крестьянами немедленно, тотчас, в апреле. Еще не было получено подтверждение о визите, не согласовано его время, а газеты без устали писали о программе пребывания первого космонавта планеты в Праге, Брно, Братиславе, Оломоуце, печатали списки семей, пригласивших Гагарина в гости, называли учреждения, готовые ответить радушием на любезность космонавта. В студенческих аудиториях и рабочих клубах проходили вечера, посвященные победе советской и мировой науки, конкурсы на лучшую песню о Гагарине.

Добрый день, майор Гагарин,
Мы наконец этого дождались.
Весь мир пьет за ваше здоровье
Красное вино!..

Песен было много. Их писали на мелодии вальса, чарльстона, марша, танго. Озвучивали, чтобы никогда не забыть его, этого великого и неповторимого момента истории.

Потом, 28 апреля, одна из таких песен прозвучит на аэродроме Рузина, а комсомолка Анежка преподнесет почетному гостю страны букет алых роз.

Злата Прага, откуда начинался визит Юрия Алексеевича, оделась в праздничное убранство. Улицы в кумачовых транспарантах, на домах праздничные шелестящие флаги, витрины украшены цветами, в них большие портреты Юрия Гагарина.

Самолет «ТУ-104», мировая гордость авиастроения, пилотируемый известным пилотом Героем Советского Союза Павлом Михайловым, блеснув серебристыми боками, толкнул бетонку у кромки, подрулил к зданию аэропорта. Юрий Алексеевич Гагарин бросил руки на мундир, навел лоск, попрощался со своими спутниками по салону, вежливо поблагодарил экипаж.

— Спасибо, Павел Михайлович, за мягкую посадку, за экскурсии по земле нашей.— Михайлов, передав штурвал второму пилоту, вел экскурсию по земле, рассказывал космонавту о местах героических, памятных, исторических.— Вас все время тянет к героическому, тяготеете вы к подвигу... Кутузов... Нахимов... Денис Давыдов...

— Тяготею, Юрий Алексеевич. Считаю мужество, благородство высочайшими качествами человека, так сказать, вечными...

— Завидую я вашей силе...

— Так ведь я ее черпаю у вас, Юрий Алексеевич. Знаете, сколько силы придал мне ваш полет.

Подали трап, и командир корабля пригласил Гагарина к выходу.

Юрий Алексеевич прощально махнул рукой и с веселой беспечностью шагнул на площадку новенького трапа, застеленного ковром. Через секунду, преградив дорогу идущему ему вслед Каманину, Гагарин с ловкой проворностью юркнул в салон.

— Там кого-то встречают...— растерянно проговорил он.— Столько людей, руководители партии, государства...

Николай Петрович сдержанно улыбнулся, обрадованный конфузливостью Юры: Гагарин впервые растерялся.

— Это вас и встречают, Юрий Алексеевич,— пояснил он космонавту.

— Меня? За что? Нет-нет, я не пойду! — категорически отказался он.— Первым положено вам. Вы — Каманин.

— Спасибо, Юрий Алексеевич. Но чехословацкие друзья встречают вас. Надо идти. Время.

— Не могу, я не умею... Вы генерал, Герой, это вас встречают.

Встречавших, ими была запружена вся привокзальная площадь, было так много, что казалось, вся Чехословакия приехала в Рузину встретить своего гостя.

Здесь, в салоне, укрывшись от многочисленных глаз за металлическими стенами, он слышал, как дружно, скандировали: «Мир — дружба!», «Гагарин, Гагарин, Гагарин!», «Москва — Прага!»,— как в этот многоголосый хор врывалась музыка, ее сменяли песни, гремели здравицы в честь первого в мире космонавта. Сомнения не было — встречали его.

— Это вас приветствуют,— подтвердил Каманин, обрадованный таким вниманием к космонавту.

Да, это приветствовали его, космонавта Гагарина. Эти люди, оставив токарные станки, отпарковав рейсовые автобусы, прервав занятия в университетах, встав с больничной койки, приехали, чтобы приветствовать советского космонавта, победу разума во Вселенной, общечеловеческий триумф.

Есть точка опоры, можно летать в мертвый мир космоса, можно жить и работать в нем. Это доказал русский человек.

Конечно, ни Гагарин, отправившийся в первое зарубежное турне, ни Каманин, сопровождавший в этой поездке Юрия Алексеевича, не знали о протоколе встречи, да и не могли знать. Эта встреча не имела дипломатического аналога, не знала подобного стереотипа, да и сама поездка была уникальной, заим-

ствовать из прошлого, из истории других народов ничего не могли. Все было впервые.

И снова Гагарин умоляюще смотрит на Каманина, интуиции и опыту которого он доверяет. Но и всесильный Каманин не может с обычной легкостью посоветовать, прокомментировать, принять единственно правильное решение. В конечном счете, это право самого народа, его руководителей решать, как принять гостя. Гостеприимство всегда наиболее полно характеризовало культуру нации.

И Юрий Алексеевич, поборов собственное оцепенение, сделал очередной шаг навстречу неизвестности. Он снова вышел на трап.

Хозяева, проявляя трогательное радушие, предложили такую насыщенную программу, что, даже сократив ее наполовину, турне затянулось бы на месяцы. Но как ее сжать, уплотнить, исключить из нее города, музеи, предприятия, беседы, митинги, банкеты, уложить в два дня? Это невозможно. Но надо.

Экскурсии — на ходу, осмотр в машине, завтрак короткий, сон беглый, ужин а-ля фуршет.

В день десять — пятнадцать посещений и столько же записей в книгах почетных гостей.

В музее теологии Юрий Алексеевич написал: «Восхищен великим хранилищем великих умов». В Лидице, потрясенный увиденным, Гагарин пишет: «Нетленная память о погибших — хорошее назидание врагу».

Машины стремительно летят по узким дорогам, кавалькаде — зеленая улица. Надо многое успеть показать. Мешают движению не светофоры и переезды, а люди. Они останавливают колонну, преподносят цветы, просят сказать несколько слов, сфотографироваться, посмотреть космонавта наяву.

Волнуются хозяева: вроде не предусмотрена остановка, нарушена программа, смещено время. Юра, смеясь, успокаивает их, говорит, что это хорошо. Хорошо, что нестереотипно, что жизнь очеловечивает даже такую скучную вещь, как прием официальных лиц.

— У нас самое популярное имя — Юра,— говорит юноша, упираясь животом в радиатор.

— Юра? Почему? — удивляется Гагарин, напрягая слух.

Юношу не смущают водопадные восторги, он показывает в сторону, на зеленый склон горы.

— Там могила советского сержанта, он погиб в этих краях первого июля 1945 года.

Сбивчиво, торопливо, понимая, каким малым временем он владеет, подбирая русские слова, рассказывает о том, что в послевоенные дни в горах укрылись недобитые гитлеровцы. Однажды, загнанные и озверевшие, они ворвались в дом беременной женщины. Угрожая оружием, потребовали еды. Женщина,

хорошо понимая ситуацию и зная, что ей, возможно, придется за непослушание поплатиться жизнью, отказала. Ее стали бить. Озверелый фашист, патлатый, рыжими руками ударил женщину в живот. В этот момент, словно на крик ее, в селе появился советский сержант. Узнал о немцах и тотчас бросился на помощь к дому. Завязалась перестрелка. Сержант одиннадцать ран по всему телу нахватал, но выбил фашистов, заставил их покинуть дом, драпать в горы. Благодарная женщина обмыла руки, перевязала своего спасителя. Превозмогая боль, он шутил: «Смерть не брала на войне, а теперь и подавно не возьмет. Бессмертный я. Родится сынок, Юркой назовите. Хорошее имя. Ах, забыл я, нет у вас такого имени. По-вашему это Жорж, наверное». «Когда через сорок минут хозяйка дома вместе с врачом вернулась к раненому, он был мертв,— печально закончил рассказ юноша.— В тот же вечер родился я. С тех пор имя Юра у нас стало самое распространенное...»

* * *

Солнце будто стреляло прямой наводкой. Лупило прицельно в голову, и не было, казалось, другого объекта, кроме человека. Оно слепило глаза, жгло плечи, клонило ко сну, сушило траву, пылью вздымало дороги, парило реки, голубило озера.

Путь через гористые земли был быстр, тороплив, неостановимо стремителен. На дворец, завод, первый высотный дом смотрели со стороны, с мягких сидений медленно движущейся машины.

На лице Гагарина не отразилась утомленность, глаза не покрылись блеклой сонливостью, плечи не ссутулились от усталости, он стоически нес невероятные земные перегрузки.

Гагарин останавливался там, где замирали радушные хозяева, вникал в то, что особенно волновало сопровождающих, был организован, послушен в реорганизации программы пребывания.

Но здесь, у памятника легендарному Алеше, Гагарин замер, не сводя своего восхищенного взгляда с молодого лица воина.

«Видимый отовсюду,— вспоминал он позже,— как часовой, стоял он на вершине, окидывая орлиным взором освещенную солнцем страну.

Я глядел на него, как на живого, и мне казалось, что свежий ветер, летящий с Балканских гор, шевелит его молодые, слегка тронутые сединой пряди волос, выбивающихся из-под фронтовой пилотки. Я вглядывался в улыбающееся лицо «Алеши» и узнавал в нем волевые черты многих советских людей...»

Он стоял у подножия горы, среди шумной дубравы, серьезный, вскинув левую руку вверх, а правой сжимая автомат.

Ветер обдувал его плечи, солнце пекло его голову, а он, приветливый, с широким носом, высоким лбом, всматривался без устали в даль. Он смотрел на восток, он хотел вернуться домой к родным, но была война.

Он остановился на мгновение, а замер навечно. К нему приходят люди, разговаривают с ним.

— Говорят, ты из Рязани.

— Нет, я калининский. Нас, таких белокурых парней, почти вся дивизия была. Много погибло.

— У тебя есть семья?

— Я любил девушку.

— Вчера она приходила. У тебя есть дочь, она очень похожа на тебя.

— Обозналась женщина. Он был во втором взводе, ее муж, и погиб в марте сорок третьего.

— Жаль, людям всегда нужно счастье.

Ни ветры, ни дожди не властны над ним. Он приветливо сдержан, мягко задумчив.

— Ты мой папа?

— Нет, малыш...

— Я хочу, чтобы ты был моим папой.

— Хорошо, я буду жить ради тебя.

Льются медленные, задумчивые песни, песни-откровения, песни любви. Никто не стыдится настоящей любви. Алеша слышит разговоры влюбленных, но никому не говорит о них. Влюбленные доверяют ему, и он надежно бережет их тайны.

— Я стала бы твоей женой.

— Спасибо. Но я любил другую, Аленку. Она жила в соседней деревне. Очень любил.

— Какая счастливая!

— Какое уж тут счастье, когда меня нет, а годы...

— Да, счастье. Алеша, измеряется не годами. Ты принес свободу моему народу, и я буду любить тебя вечно. Ты генерал?

— Нет, я сержант. Я командир отделения автоматчиков.

— И все вы такие красивые были?

— Да кто ж знает? Красота мужская особенная, она, пожалуй, в силе. Не сродни женской.

— Можно я расскажу о тебе подругам? Пусть знают о тебе и твоих отважных товарищах. И еще помни, что после смерти жизнь не кончается.

— А ты, значит, космонавт?

— Я летал в космос первым по воле людей, облетел Землю.

— Красивая она?

— Очень. Об этом трудно рассказать. Это надо видеть.

— Значит, слетать надо. Это ведь невозможно — всем летать.

— Почему же, возможно. Надо очень беречь нашу Землю.

— Ты правду говоришь: надо беречь. Надо все беречь, что трудом создано. И славу тоже.

— А что ее беречь?

— Отнимут.

— Невозможно. Она не моя, народная. К тому же, кто ее отнимет?

— Отнять легче, чем дать! Зависть всесильна. От нее нет спасения.

— Спасибо, мне пора...

Смежив веки, Гагарин стоит в немом оцепенении. Он думает о своем соотечественнике, сотворенном в камне талантливым болгарским скульптором. Почему его, человека, пришедшего сюда к подножию горы через шестнадцать лет, волнует судьба безымянного героя? Шестнадцать лет нет войны. Заросли окопы и траншеи, пушки и танки стали на постаменты, превратились в музейные экспонаты. Выросло новое поколение людей, слышавшее залпы артиллерийских орудий лишь при салютах.

Может быть, дело в неповторимости ситуаций? Схожести судеб? Может быть, он прошел, освобождая леса и долы Смоленщины, сразил метким выстрелом того фашиста, который мог бы выстрелить в мальчишку из Гжатска? Может быть, в лице этого русского парня он нашел собственные черты? А может быть, Гагарин хорошо понял, как трудно воину без родины, как сильно гложет его тоска, как бессонны его ночи?

Может ли он ему помочь?

Ответить на вопросы, выразить восхищение, рассказать о нем на родине. Да, может!

* * *

Очередной визит не был неожиданностью. Предстояла поездка в Англию... Наконец-то, отбросив все дела, зная о сроках визита, он собирался серьезно к нему подготовиться. Но снова, уже в который раз, планируемое не удалось осуществить.

Много времени отняла работа над книгой. Он задумал серию статей, записок о полете, но читатели «Правды», в которой публиковались его записки, просили расширить их, рассказать о себе и своих товарищах, учебе, родителях, и он, понукаемый бесконечными просьбами, продолжал ежедневно работать.

Время визита подкралось, дни быстротечно приблизили час отъезда.

И снова, уже в который раз, опора на приобретенные знания прошлых лет, на интуицию, шутливо называемую «соба-

чий нюх», на врожденную привязанность к юмору, на профессиональную способность к интерпретации.

Англичане с нетерпением ждали космонавта. Англия готовилась к приему необычного гостя.

«Сегодня,— писала газета «Дейли миррор»,— майор Юрий Гагарин прибывает в Лондон. Гагарин — храбрый человек. Он — символ величайшей победы науки, которая когда-либо была достигнута. Стало известно еще в пятницу, что приедет в Англию. Вчера после сомнений в том, какой должна быть процедура встречи, британское правительство наконец решило, кто будет приветствовать героя с мировым именем от имени всего британского народа, когда он сойдет с самолета. Его встретит не премьер-министр Макмиллан, не министр иностранных дел лорд Хьюм, не министр по вопросам науки лорд Хейшлем, а Френсис Ф. Тэрнбулл (секретарь канцелярии министра). Объяснения, которые дают этому, заключаются в том, что Юрий Гагарин не глава государства. Но никто не считал, что Гагарин является главой государства. Однако остается фактом, что он совершил подвиг, перед которым меркнет все, что когда-либо сделали Макмиллан или кто-нибудь из его министров.

Английскому народу нет никакого дела до протокола, он придает большое значение первому человеку, завоевавшему космос, и хочет, чтобы этого человека должным образом встретили от его имени. Первый космонавт мира заслуживает, чтобы его с честью встретила вся страна».

Не амбициозная гордость «холодных людей», а глубокая неискоренимая верность народным традициям «хорошего тона» взбурлила национальный дух англичан.

Газета «Дейли мейл» писала: «Если бы речь шла о приеме премьер-министра, или посла, или даже третьего секретаря, знали бы, что делать. Но справочник по этикету не содержал ничего о том, как принимать космонавта». Статья заканчивалась обращением к Юрию не обижаться, если его встретит постоянный заместитель министра вместо премьер-министра, который должен был бы это сделать.

Позднее известный английский общественный деятель К. Заллиакус скажет: «Тем, кто считает, что в нашей стране живут сдержанные, холодные, несклонные выставлять свои чувства напоказ люди, нужно было бы побывать у нас, когда Англию посетил Юрий Гагарин.

Вслед за Юлием Цезарем он мог бы сказать: «Пришел, увидел, победил».

В лондонском аэропорту Юрия Алексеевича Гагарина, прибывшего на рейсовом самолете, встретил Фрэнсис Тэрнбулл, приобретший в эти дни нарицательную известность, ставший предметом иронических шуток и оскорбительных нападок. Он выполнял почетное поручение английского правительства, изобретая нечто среднее в ритуальных процедурах приема. Анг-

лийские ВВС, претендовавшие на роль хозяев приема, представлял маршал авиации Рональд Лиз.

Несмотря на промозглую погоду, моросящий дождь и холодный ветер, тысячи лондонцев вышли на улицу приветствовать советского космонавта, нетерпеливые, энергичные люди заполнили все тротуары, образовав сплошной живой коридор на всем пути следования Гагарина.

«Лондонцы встречали Юрия Гагарина с такой теплотой и сердечностью,— расскажет позднее Николай Петрович Каманин,— с таким темпераментом, что опровергли все привычные представления об английской сдержанности и хладнокровии».

Люди оставались людьми. Настоящее, возвышенное волновало англичан так же сильно, как немцев, итальянцев, испанцев, французов.

Машина, которая была закреплена за Гагариным, имела номер, отчеканенный в единственном экземпляре: «ЮГ-1» (Юрий Гагарин-Первый).

Английское общество межпланетных сообщений, предав забвению недавнее высказывание о невозможности скорого полета человека в космос, торжественно вручило Юрию Алексеевичу Гагарину — Первому космонавту планеты — золотую медаль, учрежденную в торопливой поспешности накануне. Он стал первым ее обладателем.

«В Эрло-Корт он показал себя дипломатом и романтиком,— писала газета «Ивнинг стандард»,— равно как и астронавтом...

Разумеется, как всегда на пресс-конференциях... были затасканные пропагандистские вопросы. Но он разделался с ними так же чисто, как и нажимал на нужные кнопки во время своего исторического полета. Этот его тур был триумфом. Триумф для Гагарина-человека, так же как и для Гагарина-астронавта». Это была правда. Гагарин стал для них той же сенсацией, что и космический полет. Космонавт открыл для англичан новую, социалистическую Россию.

13 июля Юрий прибыл в Манчестер — рабочий центр Британии. Приветствуя советского космонавта, президент профсоюзов литейщиков Фред Холлингсуорт, поборов в себе волнение, четко поставленным голосом говорил о необходимости дружбы рабочих двух стран, дружбы людей труда, тех, кто создает материальные ценности мировой культуры.

Как свидетельство огромного восхищения рабочих трудовой Англии героическим подвигом советского космонавта он вручил грамоту, утверждающую, что Юрий Гагарин избран Почетным членом профсоюза — членом Союза номер один, приколол к груди космонавта медаль, на которой были выбиты слова: «Вместе мы отольем лучший мир». Присутствующие громкими аплодисментами одобрили действия своего лидера.

По протоколу, награжденный имел право на выступление. Юрий Гагарин не нарушил общепринятого этикета. Он сказал:

— Наступит время, когда на межпланетных станциях и кораблях космонавты различных стран будут встречаться как друзья и коллеги. В космосе всем хватит места: и русским, и американцам, и англичанам.

Гагарин охотно делился воспоминаниями о своей работе литейщика, говорил о достигнутых успехах, курьезах, неудачах, о грандиозных планах. Коллеги по профессии по достоинству оценили откровенность своего гостя.

В Лондоне, куда Юра вернулся после поездки по стране, он узнает о готовящейся встрече с премьер-министром Великобритании Гарольдом Макмилланом. Подчиняясь радушию англичан, он вынужден был согласиться на эту непредусмотренную «милость».

— Надо идти,— весело сказал он своим товарищам.— Нас приглашают.

Газеты, узнав о резком потеплении в правительственных эшелонах, писали:

«Премьер-министр решил, что его достоинство позволяет ему, в конце концов, принять Юрия завтра у себя, в палате общин. Это глупый жест. Юрий должен быть приглашен на обед как почетный гость всем кабинетом. Любой английский министр должен бы гордиться тем, что присутствовал там.

Каждый гражданин Великобритании, имеющий искру воображения, с восхищением узнает, что королева проявила инициативу там, где премьер-министр плетется позади, и пригласила Юрия на завтрак в Букингемский дворец. Каждый гражданин Великобритании будет восхищен, если теперь королева сделает шаг дальше и почтит Юрия рыцарским званием». Газеты создавали духовный климат нации.

Они отражали общественный интерес Англии, журналисты с детской непосредственностью указывали на просчет правительственного аппарата.

На следующий день Юрий Гагарин действительно был приглашен к королеве Елизавете Второй. Монаршая особа вняла голосу разума и требованиям прессы и, не желая усугублять ситуацию, решилась на шахматную комбинацию.

По английской традиции, прием иностранного гостя царствующими фамилиями является высшей почестью.

Прием у королевы не предусматривался программой.

«Популярность посланца СССР,— писал английский публицист Пэт Слоун,— была поистине необычна. Толпы англичан стекались повсюду, где бы они ни находились, чтобы лично приветствовать космонавта.

Энтузиазм был настолько велик, что вопреки своим первоначальным намерениям премьер-министр принял Юрия Гагарина в своей резиденции, а королева устроила завтрак в его честь. Впрочем, по-настоящему королевскую встречу герою оказали, конечно, простые люди страны».

Корреспондентка газеты «Дейли мейл» Ольга Франклин писала: «Безусловно, Юрий Гагарин воплощает тот образ, который живет в сердце женщины, образ, каким должен быть герой... и как он должен выглядеть.

В Юрии есть нечто, о чем так хорошо писал Толстой в «Войне и мире»,— отсутствие эгоизма...»

* * *

Сюда приходят письма почти со всех континентов. От рабочих и крестьян, артистов и писателей, президентов и королей. Здесь есть письма от мальчишек и девчонок. От всех, кто сам умеет писать, и от тех, которые пока еще не умеют, за которых пишут папы и мамы, бабушки и старшие братья и сестры.

На конвертах штемпеля разных стран, почтовые марки всех цветов, адреса, написанные на многих языках народов мира.

Писем много, тысячи, сотни тысяч. В них делятся своей радостью или рассказывают о печали, просят совета или приглашают в гости. Письма восторженные и наивные, но все очень искренние.

Они экспонируются в музее Звездного городка, к ним разрешен доступ отдельным корреспондентам, некоторые письма оглашают на торжественных собраниях Звездного.

Их поток не прекращается. Письма приходят каждому космонавту. Когда письмо прочитано и на него подготовлен ответ, оно, получая статут архивной неприкосновенности, под регистрационным номером сдается на хранение. Теперь оно будет храниться вечно. Письма принадлежат потомкам. Они — история нашей Родины.

Пройдут годы. Почта космонавтов сохранит для новых поколений тот волнующий порыв человеческих страстей, которые вызвали достижения Советского Союза в освоении космического пространства.

* * *

— Давай-давай приезжай,— приглашал Гагарин меня в Звездный.— Тебе все неймется писать о космонавтах. Народ мы неблагодарный. Нам всегда кажется, что можно написать лучше. Вообще по-другому. Чур, не обижайся. Жду.

В Звездном по воскресеньям не так суетно, и в тот день было тихо, шел снег, мягко, бесшумно ложился он на землю.

В коротком пальто, запустив руки в карманы, Гагарин медленно шел впереди меня.

— Знаешь,— мечтательно говорил он,— немного времени отведено нам на жизнь. Сейчас с удовольствием снова раскрыл бы заветные страницы. Люблю Толстого, Тургенева, Паустовского. Стариной отдает несравненной, но у них — жизнь, а не просто динамика событий. Эх и мало удается читать,— на одном выдохе закончил Гагарин,— очень много работы. Я ведь хочу еще разок слетать в космос, ох как хочу! А может быть, и не разок. Летать в космос — наша профессия...

Сегодня он обещал беседу, которая была обусловлена загодя, и он с непоколебимой верностью данному слову выполнял обещанное.

— Юрий Алексеевич, верно ли, что Землю посещали обитатели других миров?

Гагарин улыбнулся: опять тот же вопрос. Сколько раз он отвечал на него, редко повторялся, но именно сейчас он мог вспомнить сказанное.

— Наука пока этого не доказала, есть только гипотезы. Думаю,— сказал Юрий Алексеевич,— что по мере освоения космоса число легенд будет увеличиваться, а их убедительность, разумеется, будет возрастать. Космонавт,— размышлял Юрий Алексеевич,— это уже профессия, быть может и не самая тяжелая из всех существующих, но, бесспорно, требующая большого упорства, выдержки, воли, хладнокровия и мужества, безукоризненного знания целого ряда наук,— без этого профессия космонавта немыслима.

— Однако наука доказывает, что космонавт — профессия древняя,— подзадоривал я своего собеседника.

— Меня этим не обидишь,— парировал Гагарин.— Я ведь знаю, к чему ты клонишь. Определенно, будешь доказывать, что на Земле были пришельцы других миров. Если это так, я охотно уступлю первенство. Но я не уверен, что обитатели иных миров посещали нашу Землю. Скорее всего человеческая мечта, дерзновенный поиск рождали полуреальные фантазии. Почему-то удивительно много общего у тех, кто прилетел к нам, и у тех, кто живет здесь, на нашей Земле. Мечты земных людей были реальны, история Файюмского оазиса...

И Юрий Алексеевич стал рассказывать об удивительной тайне африканского континента. Возвращение Гагарина к желаемой теме было не моей победой, а очередной уступчивостью космонавта.

Гагарин был достаточно хорошо начитан, легко ссылался на авторитеты, излагал точку зрения ученых, позиции которых считал близкими к его взглядам.

— Путь космонавта — это не легкое победное шествие к славе,— говорил он,— как, может быть, некоторые думают. Много труда надо положить, много пота пролить, изведать не

только радости, но и огорчения, прежде чем тебе разрешат сесть в кабину космического корабля. И не ради славы советские космонавты штурмуют космос. Ими движет беспредельная любовь и преданность Родине, партии, народу, желание помочь советским ученым раскрыть тайны Вселенной, осуществить вековую мечту человечества.

Гагарин рассказывал о себе, вспоминал о детстве, о недавних поездках за рубеж, о встречах на космических орбитах.

— Я очень благодарен Цека комсомола за то, что он включает меня в состав делегаций, берет на новостройки. Это очень интересно. Вот где настоящая жизнь. Там есть чему учиться. Оттуда я приезжаю бодрый, обновленный, заряженный оптимизмом.

И Юрий Алексеевич стал говорить о том, что́ ему хочется сделать в жизни. Планы были обширные, и чтобы их осуществить, нужно было сто лет жизни. Но он и не собирался жить меньше.

Я тогда не знал, что это моя последняя встреча с Гагариным, что через несколько месяцев, потрясенный его трагической гибелью, буду жестоко страдать оттого, что тогда не осуществил запись беседы.

В·СТЕПАНОВ

Серп Земли

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ

Лететь в Байконур — это всегда лететь в голубой, пронизанный солнечным светом апрель, осень ли, зима, лето ли плывет под крылом самолета. Лететь в Байконур — это лететь в утро новой эпохи, наполненное вселенской музыкой воспламененных дюз, громовыми раскатами старта, сквозь которые на всю планету еще слышится, еще отдается перекликающийся со звездами восхищенный гагаринский голос.

Впервые я летел в Байконур осенью. Далеко внизу трепетал, разливался багряной рябью подмосковный лес, зеленые ковры озими, разбросанные тут и там по полям, кое-где уже присыпало метелями, но чем ближе подступали к нам казахстанские степи, тем щедрее вливалось в иллюминаторы солнце, тем все больше любопытных приникало к круглым окошкам, словно самолет и впрямь, превратясь в машину времени, возвращал нас в прекрасный тот день.

Рассматривать, собственно, было нечего: бескрайняя пустыня расстилалась всюду, куда только доставал с такой высоты взгляд. Сверху она чем-то напоминала песочную площадку, заброшенную когда-то игравшими здесь детьми: какие-то ямки, бугорки, глиняные домики. Но когда и эти зыбкие, мимолетные приметы человеческого присутствия исчезали, сразу же навязчиво напрашивалось другое сравнение — сравнение с уныло-однообразными и все же таящими загадку пейзажами Луны или Марса. Но разве и вправду не летели мы в мир, так близко стоящий к иным планетам?

Так и не увиденный нами с самолета Байконур возник неожиданно и словно бы ниоткуда. Земля приникла к шасси как бы взвешивая нас на бетонной своей ладони, и замерла, мелькнув в последний раз взлохмаченными от реактивного вихря пирамидальными тополями. В распахнутую самолетную дверцу ворвались теплые запахи степи, и еще на ступеньках трапа, да-да, еще наверху, до того, как нога коснулась как будто другой планеты, оглушила мысль о сопричастности: «Вот этого солоноватого горячего ветерка глотнул и Он. И вот по такому же трапу Он спускался и шел вот по этой дорожке».

И теперь уже все, все, что двинулось нам навстречу, едва мы ступили на байконурскую землю, рассматривалось словно

Его глазами. Вот здесь Его обнял Королев. Нет, они увиделись позже. Но то, что Королев встречал самолет, это точно. И вот по этому прямому, как будто выстланному по линейке, шоссе вереница автомобилей ринулась в звездоград.

Что Он видел в окошко автомобиля? Что больше всего поразило? Покачивание за стеклом равнины, пологой как застывшее бурое море, или колючий шар перекати-поля, перебежавший шоссе так испуганно, словно был он живым? Нет-нет, тогда в степи цвели тюльпаны, как будто заря разлилась по земле до самого горизонта... «Какое жизнерадостное солнце!» — воскликнул Он. Сейчас все словно чуть-чуть приржавело, но тот же ветер бил в лобовое стекло, закручивал позади вихри, а вдалеке, на острие шоссе, как мираж проступал на бледнеющем небе город. Вот здесь, возле трехэтажного кирпичного дома, они тоже повернули направо. Интересно, какими были тогда вот эти в две шеренги расступившиеся по сторонам тополя?

Они еще сопротивлялись осени, шелестели жесткими, но зелеными, не желающими опадать листьями, и вместе с ними, смело пустившими в сухой, безжизненный песок корни, жадно ищущими, вбирающими по капле скупую влагу, росла, набирала силу и распускала звенящую крону легенда о первом деревце, привезенном Королевым из Москвы на самолете и посаженном здесь наперекор всем стужам и суховеям. Сейчас весь город был в тополях.

И на нем, таком еще молодом, на его улицах, просматривавшихся насквозь и удивительно похожих на взлетные полосы, потому что и начинались и кончались они небом, тоже лежал розоватый отблеск той байконурской зари, неземные краски которой не смоет никакое время. Праздных прохожих совсем не было видно, и даже невнимательный взгляд мог подметить несвойственную обычному людскому потоку сосредоточенность в движении, в самой походке людей; ребятишки и те со своими рюкзаками и портфелями держались как-то особенно, словно старались подражать своим родителям — знаменитым, увенчанным самыми высшими наградами, но известным только немногим. Не это ли — космическая масштабность будничного дела и в то же время скромность, желание оставаться как бы в тени — отличало, как мне на первый взгляд казалось, замкнутых и не очень словоохотливых жителей звездограда? Несколько позже ко мне вернулась та же мысль, когда на официальном вечере, куда полагалось прийти во всех регалиях, я увидел на пиджаках людей, с которыми две недели ел, спал, разговаривал, золотые звезды — при всей доверительности и откровении они и словом ни разу не обмолвились о том, что давно уже герои. И я преувеличу лишь немного, если добавлю, что в тот вечер просторный, чуть-чуть холодноватый зал освещали и словно бы согревали не люстры, а именно золотые

звезды, звезды, составившие как бы земную Галактику. Я никогда в жизни не видел так много собравшихся вместе Героев Социалистического Труда. Утром я вновь встречал их на космодроме — в застиранных куртках, потертых комбинезонах, регланах и свитерах. Они продолжали свое великое дело, и новая ракета словно дышала морозным паром, ожидая старта.

Но это было позже, значительно позже. А тогда, в день приезда на Байконур, мы жаждали одного — поскорей повидать космонавтов.

Серый двухэтажный особняк под названием «Космонавт», ничем не примечательный, казалось, излучал стеклами своих окон и дверей звездный свет. Приученные видеть космонавтов в фантастическом одеянии у подножья ракет или в кабине корабля на орбите, а еще чаще идущими по ковровой дорожке от трапа самолета к гремящим маршем трибунам, мы не сразу привыкли к той обыденности, с какой они встретили нас в своем доме. Когда мы переступили порог особняка, двое из них — в синих тренировочных костюмах — играли в бильярд, остальные прыгали, били по звонкому мячу в спортзале, готовясь к волейбольным состязаниям. Семерым из них назначено было стартовать в космос, и наши глаза придирчиво искали на их лицах приметы волнения. Но нет, внешне они ничем не отличались от своих сотоварищей, среди которых еще семеро были дублерами. Шары впечатывались в лузу, мяч бешено метался над сеткой... Неужели эти ловкие, как бы сдерживающие силу парни не думали о том, что послезавтра о них узнает весь мир? Нет, наверное, и здесь витала тень Гагарина — живого, азартного в игре и невозмутимо спокойного за сутки перед всечеловеческим подвигом. И новая догадка пришла как открытие: мы не просто смотрели на них, а все время сравнивали, соизмеряли их с Ним.

Да, и в тот вечер, и на другой день, и каждый час, и каждый миг. Мы искали, ловили в их взглядах, улыбках, жестах похожесть на Него и находили, да находили роднящие с Ним черты.

В чем они проявлялись?

В простосердечии и общительности, желании принизить значение в предстоящем полете собственной персоны, в сметливости ума, понимании малейших намеков на шутку и быстрой ответной реакции на нее. Почти незнакомые до этого, мы через полчаса беседы становились друзьями.

Мне даже показалось, что их улыбки, честное слово, их улыбки тоже чем-то напоминали гагаринскую.

Это чувство родственности, словно все они были детьми одних родителей, особенно проявилось в тот вечер, когда вместе с космонавтами мы отправились на окраину звездограда, чтобы постоять перед стартом возле домиков, от которых нача-

лась тропа к звездам. Два побеленных известью домика с наличниками на окнах и с крылечками об один порожек дремали под сенью тополей, когда-то посаженных их недолгими, остававшимися здесь только переночевать жильцами. В одном из домиков возле окна, выходящего на закат,— наверное, для того, чтобы раньше времени не потревожило солнце,— спали перед полетом два звездных брата — Гагарин и Титов, в другом, соседнем, провел не одну бессонную ночь Королев.

Космонавты переступали порог в молчании, останавливались, обнажив головы, и с чувством внезапного узнавания смотрели на розоватые обои, на невысокий потолок, на две заправленные серыми казенными одеялами кровати, на столик между ними, на телефон, который тогда вряд ли кому пригодился. Несвойственное этим мужественным людям выражение растерянности и детского удивления вызывали на лицах вещи, еще хранящие тепло рук Гагарина и Королева: книги, журналы, шахматы... Так смотрят выросшие и вернувшиеся из дальних странствий дети на родительский очаг, на уже ветхие свидетельства детства, юности, еще как бы живущих в остывающих стенах. Конечно, все они теперь были космическими братьями, все чем-то походили и на Него, и один на другого...

Я думал об этом ночью, когда в своих словно отключенных и изолированных от мира сего комнатах названные первыми в списке стартующих космонавты спали крепким гагаринским сном. Я спрашивал себя об этом утром, когда вулканический столб огня вытолкнул в небо корабль с космонавтами на борту. Тот же вопрос задавал я себе при каждом очередном сеансе связи, пытливо всматриваясь в словно бы размытые дождем их лица на экране телевизора.

Ответ пришел сам собой через несколько дней, когда из распахнутой дверцы вертолета выглянули космонавты, приземлившиеся в казахстанской степи. Они были одеты не так, каким мы запомнили Юрия. Теплые, наброшенные на плечи куртки, летные шлемы, унты... Но странно — внешняя непохожесть заставила застыть нас в изумлении: стало очевидным необыкновенное, почти близнецовское их сходство. С небритых и как бы чуть-чуть одутловатых лиц на нас смотрели живые гагаринские глаза. Их взгляд исходил из глубины и выражал нечто такое, что было трудно передаваемо словами. Да-да, у них теперь были совершенно иные, чем до полета, глаза. Звездный свет отражался в них. И еще что-то такое совершенно необъяснимое, неведомое тем, кому никогда не приходилось смотреть на Землю о т т у д а. Но и на эту землю, блестевшую у них под ногами белизной первого снега, они тоже смотрели другими глазами.

Что же это такое — звездный свет в глазах совсем, совсем земных людей?

ГОЛОС ЛАЙКИ

Странное чувство испытывал Владимир Иванович, приходя в виварий. Порой ему казалось, будто собаки знают, для чего они здесь находятся. В этих приподнятых над землею, стоящих как бы на куриных ножках домиках протекала своя — не хотелось сказать собачья, но какая-то удивительная и недоступная пониманию людей жизнь, жизнь, очень похожая на зоопарковую и в то же время решительно от нее отличавшаяся.

Сейчас подошло время обеда, и собаки, еще десять минут назад резво носившиеся по газонам и асфальтовым дорожкам своего двора, без понуканья вернулись в домики. Голод не тетка, и стригущие уши и нетерпеливые глаза повернуты в одном направлении: к входу в виварий. Владимир Иванович пропущен почти равнодушно — знают, что он не по обеденной части,— а вот следующего за ним служителя в синем халате надо приветствовать стоя. И хвостом веселей, веселей, глядишь, и стукнется в миску что помясистей, хотя первое — пшенный суп — для всех одинаково.

Впрочем, не для всех. Старожилы и внимания не обратили, а новенькая Пальма сразу уши навострила, стрельнула ревнивым взглядом — от соседнего домика плеснул в нос наивкуснейший запах колбасы: мне похлебку, а Гильде колбасу? Это по какому такому случаю, за какие такие заслуги?

Как объяснить ей, Пальме, что Гильда три дня и три ночи прожила в особой, совершенно темной конуре — сурдокамере. Владимир Иванович вспомнил сейчас то, отчего становилось не по себе: когда наконец дверцу сурдокамеры открыли и из нее после долгих просьб и уговоров высунулась помятая мордашка, собачьи глаза были полны обиды. Не надо бы Пальме удивляться и другому — почему вместо положенного всем пшенного супа куриный бульон был налит в миску Марсианки. Она лизнула и отвернулась — не до бульона: не так-то просто десять минут прокружиться на центрифуге. Это тебе не карусели на детской площадке, куда ради смеха усадят иной раз ребятишки... Наверное, Марсианка перехватила завистливый взгляд незнакомки. Ткнулась в сетку носом, вяло тявкнула, как будто про себя. Что она ей сказала? «Посмотрим, как у тебя получится, милая»?

Да, своя, полная непонятного жизнь протекала в виварии. И направляясь сейчас к самому, можно сказать, главному на сей день домику, Владимир Иванович видел эту жизнь во всех вроде бы и привычных и каждый раз вновь открываемых подробностях.

Первое, что бросалось в глаза,— какая-то удивительная похожесть населения этого городка: почти все собаки были белыми, одинакового роста, чуть крупнее кошки, словно однажды их сняли с полки магазина и оживили. Цвет шерсти и «га-

бариты» диктовались соображениями чисто техническими: оказывается, белое на фоне темного больше устраивало киносъемку и телевидение, что касается размеров, то на первых кораблях-спутниках, впрочем, как и на последующих, на строгом счету был каждый килограмм веса. Владимир Иванович улыбнулся, вспомнив трагикомическую ситуацию, когда щенка, неотвратимо вдруг начавшего превращаться в большую, превысившую допустимый вес собаку, с огорчением пришлось забраковать, отчислить из кандидатов в «космонавты», несмотря на то что Малыш подавал немалые надежды. Всякое бывало в этом городке.

Но за внешней похожестью собак скрывалось то общее, что и объединяло их в одну семью. Стоило только незнакомцу войти в виварий, как его встречал дружный заливистый лай. Словно где-нибудь в деревне глухой ночью неосторожным стуком калитки ты вспугнул чуткую, недремлющую свору, и теперь, в какую бы сторону ни кинулся, всюду — впереди, сзади, со всех сторон — тебя преследует и теснит безудержное тявканье отводящих душу собак. Такое сравнение напрашивалось не случайно, ибо все обитатели этого городка были дворняжками. Да, выбор пал на беспородных представителей, хотя по всем признакам — малому, почти игрушечному весу, внешней симпатичности — в космос могли бы годиться так называемые декоративные собаки. Но первые же экзамены на выносливость показали, что благородная порода комнатных обитателей, привыкших к жизни со всеми удобствами, для космоса неподходяща. Владимир Иванович и раньше почему-то терпеть не мог гладко шоколадных тойтерьеров с нагловатыми, чуть навыкате от чувства собственного достоинства глазами, с их тонкими хрупкими лапками, похожими на крошечные человеческие руки с хищными коготками, а с тех пор как однажды на испытаниях такой тойтерьер мгновенно испустил дух от разрыва сердца, потому что рядом хлопнула перегоревшая лампа, он не мог побороть в себе чувства отвращения, когда сталкивался с представителями этого фасонистого собачьего рода.

Теперь уже никто и не помнит, кому пришла мысль обратить взор на обыкновенную дворняжку и как звали голосистую и бойкую ту собачку, от которой ведется родословная Белки, Стрелки, Пушинки, Жемчужинки и всех обитателей этого шумного городка. Говорят, что какой-то молодой лаборант после множества неудач с испытанием благородных, увенчанных призами и наградами кандидатов вышел однажды во двор и увидел возле ворот приблудную собачонку. Ее «габариты» соответствовали нормативам. На свой страх и риск поместил он пушистую незнакомку в центрифугу и включил предельную нагрузку. Через несколько минут вынув из кабинки неизвестную, он пожалел о своей беспечности: Пушинка — так назвал он ее мысленно — лежала, вытянув лапки, в полнейшей не-

подвижности. Лаборант уже было начал раскаиваться, как вдруг Пушинка зашевелилась, поднялась и, глянув на такого жестокого, но все-таки вновь обретенного хозяина, уважительно завиляла хвостом. Это было непостижимо! Ни одной собаке еще не удавалось столь безболезненно перенести тяжелейшую нагрузку. Правда, в следующем эксперименте, в кабине одиночества, Пушинка подвела — съела на стенах почти весь поролон и разгрызла датчик,— но находчивый лаборант выручил свою подопечную. «Надо было ее своевременно проинструктировать», — сказал он членам приемной комиссии.

Так единодушно для подготовки в космос была утверждена «порода» дворняжек, вот этих таких одинаковых, но все же таких разных собак, которые наперебой пытались сейчас о чем-то сообщить Владимиру Ивановичу. Нет, их лай не был похож на злобный лай гремящих цепями деревенских сородичей. Стоило подойти к домику, протянуть руку к решетке — и собака, склонив голову, сложив уши, замолкала. Значит, она не отпугивала, а звала? Вот она уже сама тянется к руке мордашкой, смотрит добрыми, ласкающими глазами. Откуда такая привязанность к человеку вообще, а не просто к своему хозяину? Хотя собака остается собакой. Вот выбрала же Белка именно женщину, одну-единственную, и именно с ней, а не с кем другим особенно приветлива, на прогулках ходит за ней по пятам. И даже после триумфального полета осталась верна своей хозяйке.

Но это желание общения с человеком не от предчувствия ли близкой и опасной разлуки? Может быть, разлуки навсегда? В такую интуицию собак не хотелось верить, но и не думать об этом было невозможно. С этими мыслями и подошел Владимир Иванович к домику, хозяйке которого сегодня предстояло стать героиней дня.

Две темные блестящие вишенки глаз — вопрошающих, но уже с тем оттенком спокойного любопытства, какое было характерно для собак, прошедших все «огни, и воды, и медные трубы» предполетной подготовки,— глянули на него. Прядая темными, чуть обвислыми ушами, собака склонила набок голову, стараясь без слов, по одному только выражению лица понять, чего хочет от нее Владимир Иванович. Он открыл дверцу, и она, секунды две-три помешкав, еще раз подняв на него глаза-вишенки, соскочила по лесенке вниз, заюлила под ногами, ткнулась влажным холодноватым носом в подставленную ладонь.

— Ну, здравствуй, здравствуй...— проговорил Владимир Иванович, испытывая неловкость оттого, что не мог назвать собачку по имени.

Странная человеческая беспечность — это симпатичное, ласковое, не совсем, правда, белое, а какое-то дымчатое существо не имело имени. В списках вивария собачка значилась под

лабораторным номером 238, но не будешь же звать ее по номеру! Потому-то симпапульку звали всяк по-своему, как кому вздумается: Дымка, Тучка, Тиша и даже Точка. К чести 238-й, из сочувствия к представителям высшего земного разума она откликалась одинаково чутко на любое имя.

— Ну, пойдем, пойдем,— сказал Владимир Иванович, направляясь к выходу, и через секунду дымчатый клубок катился уже далеко впереди него.

Ослепляющий голубой свет марта заливал поляну. Судя по теплу, погода в этих краях давно уже обогнала календарь. Свежесть еще улавливалась дыханием, но ее сминал, прогонял подступающий зной, и было приятно смотреть на редкую, доверчиво выглянувшую травку, которая в подмосковных краях решается показаться только в мае. К этим травинкам и кинулась собачка. И остановившись, не мешая этой игре одной природы с другой, Владимир Иванович подумал о том, что, наверное, очень сейчас похож на столичного жителя, вышедшего в воскресный день прогулять свою собачонку. Да и глядя на этот дымчатый клубочек, очутись он в московском дворе, кто бы мог подумать, что через каких-то три-четыре часа эта милая мордашка глянет с экранов всех телевизоров, какие есть на Земле. «А может, она в последний раз бегает по планете и эта травинка, которую она так старается сорвать, может, эта травинка — последняя ниточка?..» Ему, конечно, было ее жаль, очень... Но от исхода ее полета зависела теперь не только ее собственная жизнь. Уж слишком много других «датчиков» было привязано к этой неказистой и такой милой собачонке.

Желтый огонек бабочки замелькал над поляной, дымчатый клубок покатился было за ней, но замешкался возле Владимира Ивановича, словно спрашивая разрешения порезвиться. «Пожалуйста», — разрешил глазами Владимир Иванович и уловил в ответном блеске собачьих глаз нечто вроде даже иронии, как будто, перехватив его мысли, она хотела сказать: «Не волнуйся!» Не волнуйся, говорили ее глаза, все обойдется, ну смотри, какая я тренированная: вот прыгнула и почти достала до бабочки; но я ее не цапну, пусть живет и летает; вернусь — и тогда мы еще поиграем...

Вот так же успокоительно-доверчиво смотрели на него четыре года назад глаза Лайки. Он гулял с ней перед стартом на этой же лужайке, только тогда была осень, ветер завивал песок и Лайка все больше жалась к его ногам. У нее были чуткие, очень выразительные уши — словно два надломанных пальмовых листа,— по этим ушам сразу улавливалось любое движение собачьей души. Я верю тебе и твоей диковинной машине, на которой зачем-то надо лететь в небо, просемафорили тогда уши Лайки, ты не волнуйся, я вернусь, вот увидишь...

Чувство непростительной вины перед этой ее доверчивостью не проходило до сих пор. Он-то знал то, о чем даже не

подозревала Лайка,— он знал, что завтра в удобной, сделанной на совесть кабинке, застеленной пробковым полом, напичканной хитроумными приспособлениями для кормления и очистки воздуха,— завтра в этом удобном ложе Лайка будет отправлена на верную гибель. Тогда еще не умели возвращать аппараты на Землю.

Сейчас он вспомнил все до подробностей: как, опутав проводками датчиков, Лайку усадили в кабину, как закрыли колпаком, как на стальном крюке подъемного крана «собачий домик» укрепили в носовой части ракеты. Лайка подчинялась каждому приказанию, каждой дотрагивавшейся до нее руке... Она верила, она доверяла людям в белых халатах, и это как бы ею самой подчеркиваемое доверие, ее мордочка, спокойно поглядывавшая из иллюминатора там, на переезде, или уже когда готовили ракету к старту — Владимир Иванович сейчас точно не помнил,— настолько обострили чувство вины, что он пошел на поступок почти невероятный: попросил у Королева разрешения отвинтить на минутку в кабине пробку и дать Лайке напиться. В этом не было никакой необходимости, приготовленная в дорогу пища, упакованная в автоматическую кормушку, содержала нужную воду, но чистой воды в кабине не было. Все знали, как относился Королев к подобного рода просьбам, нарушающим стартовый регламент космодрома. А тут, можно сказать, прихоть, пустяк... Гром и молнии должны были обрушиться на Владимира Ивановича — в подобных прогнозах ошибок обычно не было. Но что-то произошло с Главным. Встал, заглянул в иллюминатор, отвел глаза.

— Дайте ей попить... Только быстренько. Ну!

И ушел к себе в бункер принимать командование стартом.

Какой радостью вспыхнули Лайкины глаза, когда через резиновую трубочку при помощи шприца Владимир Иванович капнул ей прямо на нос, на язык несколько капель...

На другой день, когда Лайка плыла уже высоко над Землей и перед ним лежал другой, телеметрический ее портрет в виде широкой бумажной ленты, на которой тонкие, чуткие перья вычерчивали биение собачьего сердца, он понял, что там, на старте, вода была нужна не ей, а ему. Для очищения совести. Семь суток ловил он со страхом и надеждой признаки жизни, рисуемые магическими перьями. Лайка жила, питалась, двигалась, насколько позволяла ей «упряжка» из проводов и кабина. На восьмые сутки перья остановились, словно поставили точку... Что там было, на медленно пересекающей невообразимую высоту звездочке? На этот вопрос теперь ответить не мог никто. Ждала ли Лайка увидеть в иллюминаторе знакомое человеческое лицо или, привыкнув к новой жизни, тихонько засыпала, чтобы уже никогда не проснуться?.. Люди знали главное — сразу космос не убивает живое сердце.

Портрет Лайки висел теперь у него в кабинете. Впрочем,

так же как и фотография Белки и Стрелки. Но тех провожать было легче, им предстояло вернуться. Потом Пчелка и Мушка, которые не долетели обратно. Потом Чернушка, ее радостный лай на Земле...

Сегодня было 25 марта, нужна была еще одна гарантия, и все надежды теперь возлагались на эту собачонку, вприпрыжку бегавшую за желтым огоньком бабочки.

— Ну, погуляли — и хватит, пора,— тихо сказал Владимир Иванович, и пушистый комок, как бы все время державший уши настороже, тут же откликнулся, подкатился.

Через час вымытая, высушенная рефлектором и тщательно расчесанная, в окружении возбужденных, но не подающих виду, что волнуются, людей она стояла на столе и помогала себя одевать. Да, помогала! И Владимир Иванович опять удивился этому словно бы осмыслению собакой важности наступившего момента. Девушка-лаборантка еще только подносила зеленую рубашку, а собачья мордочка уже сама просовывалась в ворот. Вот подняла лапку, которую надо продеть в рукав... А теперь замерла. Неужели понимает, что так удобнее закреплять на животе капроновые ленты?

Космическая путешественница была уже почти в полном облачении, когда в лабораторию вошли несколько совершенно незнакомых сотрудникам людей. С любопытством наблюдая за процедурой одевания, они улыбались, тихо переговаривались.

— Кажется, все,— утерев со лба пот, сказал лаборант.— Теперь в путь.

И тут молодой, стриженный под полубокс человек, робко улыбнувшись, шагнул к столу:

— Разрешите подержать на руках?

— Подержите,— сухо разрешил старший лаборант: вообще-то такие фамильярности с собаками не допускались.

Что-то мальчишеское, озорное и доброе одновременно мелькнуло в глазах юноши, когда, потянувшись к путешественнице, он спросил, подмигнув:

— А как нас зовут?

Собачка повела в ответ влажным носом, и в наступившей неловкой тишине старший лаборант смущенно признался:

— Номерная она у нас... Кто как хочет, так и зовет...

— Номерную в космос отправлять нельзя,— возразил молодой человек.— Это же живая душа...

— Пусть будет Дымка,— подсказал кто-то.— Дымка или Шустрая.

— Ну что за Дымка,— не согласился парень.— Да и Шустрая — это не для космоса.

Он на минутку задумался, глянул в собачьи глаза, как будто в них искал подсказки, и твердо, как уже о решенном, сказал:

— Пусть будет Звездочка. За Звездочкой легче лететь...

Было 25 марта. До 12 апреля оставалось немногим более двух недель. Но почему до сих пор не забывалась, не выходила из сердца Лайка?

Спустя много лет, когда в космос летали уже люди, Владимир Иванович прочитал в записках Владислава Волкова такие строки:

«Внизу летела земная ночь. И вдруг из этой ночи сквозь толщу воздушного пространства, которое, как спичечные коробки, сжигает самые тугоплавкие материалы космических кораблей,— оттуда донесся лай собаки. Обыкновенной собаки, может, даже простой дворняжки. Показалось? Напряг весь свой слух, вызвал в памяти земные голоса — точно: лаяла собака. Звук еле слышим, но такое неповторимое ощущение вечности времени и жизни... Не знаю, где проходят пути ассоциаций, но мне почудилось, что это голос нашей Лайки. Попал он в эфир и навечно остался спутником Земли...»

КОНЦЕРТ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО С ОРКЕСТРОМ

Сколько прошло времени? Неделя, две, месяц? Ей казалось, что она давно уже сбилась со счета, что ее обманывает разграфленный на клеточки дней блокнотный лист, на котором когда-то еще бодрой рукой она заштриховала первый квадратик. Даже в четком цикадном тиканье часов ей слышалось что-то ироническое — одним и тем же положением стрелок они могли показывать и полдень и полночь. Впрочем, на часы не стоило обижаться — они были здесь единственным дорогим и милым слуху звуком, кроме, конечно, стука собственного сердца, все чаще и настойчивей напоминавшего о себе в этой непроницаемой стерильной тишине.

А тишина становилась тревожней. Любой звук погибал в ней, едва успев родиться,— пластиковые, словно обитые ватой стены сразу же ловили и безвозвратно впитывали слабейший шорох, шуршание карандаша о бумагу, тупой щелчок кнопки на пульте, и она уже не пыталась, как это делала раньше, перехитрить безмолвие, вспугнуть его враждебную осаду нарочитым покашливанием или внезапными шагами от стены к стене. Чужим, принадлежавшим кому-то другому голосом она роняла в вязкую пустоту привычные, почти одни и те же фразы о самочувствии, об ощущениях и после каждого такого доклада, замерев, прислушивалась к Земле. Но Земля по-прежнему не отвечала. В микрофоне как в «черной дыре» бесследно исчезал не просто ее голос — она сама словно растворялась во всепоглощающем и жадном пространстве.

Могло быть все... Могла по неизвестным причинам выйти из строя радиоаппаратура. Да и сам корабль мог вырваться из

чутких объятий земных антенн. Когда включается тормозная двигательная установка, достаточно ошибки в ориентации — и корабль соскользнет на другую орбиту, с которой уже не скоро вернется к Земле... Все могло быть, и она была готова ко всему. Только бы услышать голос Земли. Но и в следующий назначенный расписанием час Земля опять не ответила.

Значит, все начиналось сначала, вернее, все повторялось. Можно невесомо погрузиться в кресло, закрыть глаза, чтобы не видеть ослепляющего однообразия кабины... Но куда деться от самой себя? Теперь она поняла: самое тяжелое для человека, летящего в бездне, тишина, разрушающее чувство одиночества.

Стараясь поторопить время к очередному сеансу связи, она попыталась отвлечься, вызвать из памяти прошлое, чтобы оттуда не спеша возвращаться к себе сегодняшней. Еще недавно такие путешествия удавались. Но сейчас все путалось, сбивалось, насильно вызванные воспоминания всплывали словно со дна мутного потока, плоские и бесцветные, не причиняя ни радости, ни печали. Зато какая щемяще-сладкая боль вдруг коснулась сердца, когда как бы в дыхании мимолетного ветерка (откуда здесь быть ветру?) она уловила чудом воскресший в складке рукава запах любимых духов! Запах, пролепетавший ей о чем-то очень земном и неповторимом. Неужели и это ей показалось?..

Кто бы мог подумать, что однажды так мучительно захочется услышать когда-то не дававший уснуть, сосредоточиться скрежет трамвая под окном, разноголосый гвалт толпы, штурмующей эскалатор, досадливый гул автомобилей на улице...

Очередной выход на связь опять остался без ответа. Она машинально бросила в эфир горсть обязательных фраз, обессиленно откинулась в кресле, прикрыла глаза и больше уже ни к чему не прислушивалась.

И в этот момент невесомости тела и мыслей раздался далекий мечтательно-нежный и властный зов. Слитными голосами звали кого-то трубы, и, как бы обрадовавшись им, подсобляя, звонкими переливами заговорил рояль... Да, теперь она явственно слышала восторженные возгласы фортепьяно, чуть-чуть возбужденный речитатив на фоне плавно восходящей мелодии оркестра. Она открыла глаза...

Липовая аллея старого парка, пересеченная тенями, открылась перед ней. На красноватой кирпичной дорожке перемешивались, играя и трепеща, солнечные блики, а сверху из густо зеленеющих купин щедро сыпался птичий щебет. Где она видела этот просторный парк и эти в два обхвата теплые, хоть прижмись щекой, изборожденные морщинами липы?.. Музыка навевала ей не просто зрительные образы, а вселяла в нее неизъяснимое чувство, какое в детстве заставляет сбросить ботинки и бежать без оглядки по колючей холодной траве, а в

юности обжигает перевивами зеленого пламени первых листьев по ветке... Бежать и бежать туда, в теснящую дыхание бескрайнюю даль, какую можно увидеть только в степи, бежать и никогда не достичь этой дали, так и оставшейся тайной, дымчатой полоской лиловой зари...

Теперь уже знакомая, напомнившая голос матери певучая мелодия вплелась в ровное звучание оркестра. Многоголосый поток подхватил, вынес корабль на звездный простор, и снизу сквозь иллюминатор, как бы в сто крат увеличенные, проступили и крыши Москвы, и волнистые разливы пшеничного поля, и задремавшие в снежных бурках горы... Не чувством ли родины, переполняющим человека в минуты наивысшего озарения, было это чувство, сдавившее дыхание, застлавшее радужной влажной пеленой глаза? Снова силы вернулись, наполнили ее, и, приходя в себя, вслушиваясь в тающую мелодию, она теперь верила, что выдержит испытание тишиной. Она не знала, что эксперимент кончился, что минуту назад, взглянув на вызванное телевизионным экраном из непроницаемости сурдокамеры лицо, по которому бежали слезы, девушка-лаборантка испуганно крикнула врачу, спокойно наблюдавшему за происходящим:

— Что же вы смотрите? Прекращайте опыт! Ей плохо!

— Наоборот, ей сейчас очень хорошо,— улыбаясь, сказал врач.

Испытание действительно завершилось. Но прежде чем вернуться к суете земных звуков, ее попросили рассказать в отчете о самом главном, ради чего назначался экзамен.

«Состояние было совершенно необычным,— написала она.— Я чувствовала, как комок слез душит меня, что еще минута — и я не сдержусь и зарыдаю. Чтобы не расплакаться, стала глубоко дышать. Передо мной будто пронеслись семья, друзья, вся предыдущая жизнь, мечты. Собственно, пронеслись не сами образы, а пробудилась вся та сложная гамма чувств, которая отображает мое отношение к жизни. Потом эти острые чувства стали как бы ослабевать, музыка стала приятной, красота и законченность ее сами по себе успокоили меня».

Эти строки в ее отчете врач-экспериментатор подчеркнул красным карандашом. А на полях заметил наискосок: «Против сенсорного голода великолепно помогает музыка».

— Что-то космическое и одновременно земное. Неужели Рахманинов? — спросила она.

— Первый концерт для фортепьяно с оркестром,— сказал врач.

Первый концерт... Как безвозвратно утерянную где-то там, среди звезд, и вновь возвращенную радость держала она через несколько дней граммофонную пластинку, словно впитавшую непроглядную черноту космоса.

Удивительно! Зашифрованные в нотных значках звуки пе-

редавали то же, что переживал семьдесят лет назад юный композитор, вглядываясь в сад через раскрытое окошко, за которым слышался шепот ночного дождя. На весь дом прозвучал тогда для него повелительный трубный призыв вступления Первого концерта... И так же, как когда-то Сережу Рахманинова, ее снова подняла и понесла в ночь полноводная река музыки, которая катилась волнами в раскрытые окна, бежала по мокрой траве сквозь почернелую чащу липового сада. И может быть, еще до утра по полянам Звездного городка кружило эхо умолкнувшей музыки, пока не ушли дождевые тучи и не зажглись на небе первые задымленные звезды...

До полета Валентины Терешковой оставалось несколько месяцев. Не знаю, что думала первая космонавтка планеты об этой исповеди подруги. Может быть, та была на старте, когда огненный гром поднял ракету Терешковой над Байконуром, и лишь смерчевый горячий ветер шевельнул тонкое синее платьице той, что осталась на Земле...

ДОЖДЬ

Дождь застал его в лесу. От мягкого, без грома света молнии, метнувшейся в низких набухших облаках, вспыхнули не по времени сгустившиеся сумерки, по вершинам деревьев прошелестел ветер, как бы перебирая невидимые струны и задавая музыке тон, и, смешиваясь с теперь уже непрерывным спелым шумом леса, позванивая о сухие, скрученные жарой листья, сверху сквозь ветви посыпалось холодное мокрое серебро.

Перекидывая с руки на руку отяжелевшую корзину, он добрался до самой разлапистой ели и встал под ее непроницаемым, источавшим острый хвойный запах пологом. В этом живом шалаше на мягкой, выстланной мхом и усыпанной прошлогодними иголками подстилке можно было пережидать ливень сколько угодно.

Дождь теперь шумел словно по крыше; лес притих, замер, предаваясь блаженству, подставляя живительной искрящейся влаге каждый листок, каждую травинку; и поглядывая на жучка, безбоязненно прядавшего усиками под резным листом орешника, достававшего веткой до лица, он обрадовался смутной, как сполох мелькнувшей при взгляде на этого жучка и на этот лист мысли — мысли о единстве, родственности всего сущего на земле и в небе. Сколько спокойствия, какой-то даже вечной неспешности в этом ровном шелесте капель, и не потому ли так сладко спится где-нибудь на чердаке, на сеновале под убаюкивающий шум дождя... Неужели все это приснилось?

Виталий открыл глаза и, все еще пребывая по ту сторону

яви, чуть выплыл из спального мешка, прислушался. Нет, дождь продолжал шуметь по обшивке «Салюта». Или нет, это похоже на густой, непрерывный шелест листвы о металл, когда по ней упруго пробежит, когда ее взъерошит ветер. И опять дождь... Дождь в космосе? Но откуда быть дождю в этой то кромешной, то слепящей солнцем пустыне? И все же, не доверяя себе, наполовину высунувшись из мешка, он подплыл к иллюминатору и, окончательно проснувшись, глянул в него словно в окно, как будто и впрямь ожидал увидеть пляску дождя по лужам.

Далеко внизу медленно, словно льдины по невидимому течению, плыли подтаявшие облака. Пустотой, холодом и зноем одновременно дышала безжизненная, окружавшая станцию необъятность. Почему вдруг почудился дождь?

Слева, у другого иллюминатора, бесшумно качнулась тень: Петр Климук, неестественно — к этому все еще трудно было привыкнуть — зависнув вниз головой и, как плавниками, пошевеливая руками, регулировал кинокамеру.

— Петя, а какие бывают дожди?

Да, он так и спросил, как говорится, ни к селу ни к городу. Откуда Петру было знать, что этому неожиданно и нелепо прозвучавшему сейчас вопросу предшествовала длинная цепь ассоциаций, в истоке которых был такой взаправдашний, перешедший в явь сон... Но за долгие дни скупого на разговор общения здесь, на «Салюте», где любое оброненное слово мог услышать только один-единственный человек, они привыкли к таким вот по-детски неожиданным вопросам, как бы продолжающим уже начатые, сами собой разумеющиеся рассуждения. Петр повел темными, неудивившимися глазами, повернулся к Виталию и серьезно ответил, подкручивая какой-то винт·

— Дожди, Виталий, бывают разные...

Он нарочно затягивал паузу, вспоминал: в самом деле, какие бывают дожди?

— Проливные,— подсказал Виталий, совсем уже освободившись от мешка.

— Обложные...— обрадованно подхватил Петр, угадав направление его мыслей.

И по обоюдному, тоже невысказанному согласию они начали непроизвольную игру, которая, впрочем, не мешала им сосредоточиться на деле,— Виталия ждал РТ-4, рентгеновский телескоп, благодаря которому вчера были получены хорошие результаты. Надо было спешить и с утренним туалетом и с завтраком: великодушный Климук позволил проспать почти на целый час больше отведенного программой. Впрочем, вся их непростая хлопотливая жизнь на борту «Салюта» и скрашивалась вот такими уступками, желанием хоть в мелочах устроить сюрприз.

Виталий промокнул лицо гигиенической салфеткой, и влажное, с холодком прикосновение ее вернуло ощущение дождя, очень далекое, смутное, собственно, даже не дождя, а какого-то неуловимо-летучего его подобия, когда вот так же, бывало, вбежав под навес, начинаешь промокать платком лоб, щеки, глаза...

— Будет дождичек — будут и грибки. А будут грибки — будет и кузовок! — чуть ли не пропел Петр.— Это же бабушка так говорила. Честное слово — с самого детства ни разу не вспомнил...

Теперь и Виталию надо было звать на помощь свою бабушку — из поговорок о дожде он знал только одну, и ее не мог не знать Петр,— «то ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет». Или, но это уж совсем примитив, «не под дождем — постоим да подождем». Вспомнил, вспомнил — а вот от кого слышал? «Дождь, дождь, иди там, где тебя просят».— «Нет! Пойду туда, где косят».— «Дождь, дождь, иди туда, где тебя ждут».— «Нет, пойду туда, где жнут».

— Такую слыхивал?

Это была верная шайба в ворота Петра. И, поморщив лоб, пошарив по сусекам памяти, Климук только и нашел что сказать:

— А еще, Виталий, дожди бывают грибные...

И они оба враз замолчали, потому что, наверное, каждый из них вспомнил о своем грибном дожде. Когда это было и было ли вообще?

Где-то далеко внизу, так далеко, что кажется, будто это происходило на другой планете и не с ним, и не с его женой Аленкой, и не с его дочерью Наташей, а с кем-то другим, шли по лесу трое, и под каждым кустом, под каждой еловой лапой чудился гриб. Солнце играло причудливыми бликами, пробивалось сквозь ветви на землю и зажигало лиловые колокольчики, золотилось в ромашках... Откуда он взялся, зашелестевший золотыми нитями, протянутыми словно из самого солнца, дождь? Они не стали от него прятаться, а остановились прямо на поляне, пронизанной мокрым, несущим радость светом. Аленка, раскрылившая руки, словно хотела обнять весь мир, а Наташа, потрясенная, быть может, впервые в жизни увиденной красотой дождя, что-то говорила, смеялась, кричала...

А Климук вспомнил детство. И точно такой же дождь, тоже хлынувший как бы из солнца посреди улицы. Нет, он точно помнил — золотой дождь прошел только по одной стороне Комаровки, а другая осталась совершенно сухой, и куры, ничего не подозревая, барахтались, купались в пыли. «Грибной дождь по нашей стороне на счастье»,— сказала мать, глянув в окно. А эти теплые пузыристые лужи, по которым всласть бегали босиком! И правда как парное молоко...

Они снова, точно подталкиваемые одним желанием, потя-

нулись к иллюминаторам. Нет, не видать было отсюда Комаровки. Где-то там, слева, в мареве облаков, что простерлись над лесами и долами, крохотной точкой была улочка, по которой, быть может, в эту самую минуту шел золотой дождь.

А что пытался разглядеть в иллюминатор Виталий?

Через много дней он расскажет о том, во что трудно будет поверить. «Трудно поверить — правда? — вспомнит Виталий,— но я действительно видел из космоса тот маленький двухэтажный домик в Сочи, в котором я вырос и в котором и сейчас живут мои родители. Как я искал свой дом? Сначала я высматривал на кавказском побережье мыс Адлер. Река Мзымта, впадая в районе Адлера в море, резко подкрашивает морскую воду своим илом. Это самый точный ориентир. Для привязки я находил Адлер, а чуть-чуть дальше уже видел и сочинский порт. А прямо по оси от главного причала, чуть выше у основания телевышки находил и свой дом. Видел его как маленькую точечку среди деревьев — наш дом окружен кипарисами...»

Да, позже Виталий расскажет о том, во что многие не поверят, а тогда, на «Салюте», приникнув к иллюминатору, он тихо, словно продолжая начатую игру, спросил:

— Петя, а что такое дождь?

То ли внимание Петра совсем поглотила работа — у них вот-вот должны были начаться астрофизические эксперименты,— то ли он не принял шутливости вопроса, ответить Виталий был вынужден сам себе. И он, выдержав паузу, пробурчал себе под нос в расчете все же, что Петр его слышит и слушает:

— Дождь, Петя, это атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде капель... — Он пощелкал кнопкой на телескопе и, как бы сам с собой разговаривая, продолжил: — Дождь, Петя, как правило, выпадает из смешанных облаков, содержащих при температуре ниже нуля переохлажденные капли и ледяные кристаллы. Капли испаряются, кристаллы растут... Укрупняясь и утяжеляясь, кристаллы, Петя, выпадают из облака, примораживая к себе при этом переохлажденные капли... А дальше все просто: входя в нижние части облака или под ним в слои с положительной температурой воздуха, кристаллы тают и превращаются в капли дождя...

Виталий оттолкнулся от поручня и снова подвсплыл к иллюминатору, улыбнувшись как-то грустно и словно бы виновато.

— Смотри, Петя,— сказал он голосом, обретшим внезапную твердость.— Видишь кристаллики льда на внутренней поверхности среднего стекла? Это совсем иные кристаллы, они асимметричны...

Петр внимательно посмотрел на иллюминатор и увидел эти необычные кристаллы. Отсутствие силы тяжести делало

их совсем не похожими на те, что вырастают в земных условиях. Кристаллы выглядели пауками...

— Инвалиды в чудесном мире земных кристаллов,— глухо произнес Виталий.

Но надо было переключаться на другую волну настроения: на связь выходила Земля.

О, если б кто знал, как ждали они родные позывные! Ну говорите, говорите, мы вас слышим, друзья! Что за чудесный день — даже «Рубин-2», вечно придирчивый Феоктистов, доволен вчерашней работой. А это командно-повелительный и все же с дружеской мягкостью тембр «Гранита». Шаталов не любит высоких тонов.

— Минуту, одну минуту, «Кавказы»...

И вдруг звонкий, на весь «Салют», как будто он забрался сюда, под звезды, голос сына Климука Мишки:

— Пап! Ты слышишь меня?

— Слышу, сынок, слышу! — растерянно, не сообразив сразу, что это вышел на связь сын, крикнул Петр. И замолчал, не зная, что сказать, теряя драгоценные секунды. Спохватился, собрался: — Как вы там? Как живете?

О чем спросить еще, о чем? Что важнее всего узнать из уст сына?

— По грибы ходите? — совсем потерявшись, спросил Петр.

И за триста шестьдесят пять километров, словно Мишка был рядом, донеслось:

— Нет, они еще не растут...

Слабым эхом — так показалось — откликнулись стены станции (мягкая непроницаемость обивки поглощала каждый звук), а Виталий услышал волнистые метания голоса от дерева к дереву — и сам он, да, наверное, и Петр мальчишками бежали сейчас по лесу на родной ободряющий зов. Пни и узластые корни лезли отовсюду, стараясь, как нарочно, подставить подножку, и лица были исхлестаны ветками, и паутина облепила глаза, а голос то удалялся, то приближался...

Только сейчас Виталий обратил внимание на то, что давно уже не слышит преследовавшего его с самого утра шуршащего, навевающего дремоту шума. Да, дождя уже не было слышно. И когда в переговорах с Землей наступила его очередь, он, перебарывая волнение, не выдержал и спросил, был ли на Земле дождь час или два назад.

— Да,— ответили с Земли.— У нас здесь прошел такой грозовой дождь, что до сих пор пахнет озоном и цветами.

— Не понял, повторите! — поразился Виталий.— У вас действительно только что прошел дождь?

— Ну конечно, нормальный дождь, ничего особенного,— подтвердили с Земли.

Виталий и Петр недоуменно переглянулись.

Они, конечно, догадывались, что это произойдет рано или поздно. Возбуждение и радостную растерянность я уловил, еще договариваясь о встрече по телефону. А когда вошел в квартиру, увидел перед собой смущенное лицо пожилого человека, темные, оттененные спадающей на лоб седой прядью глаза, оживленные воспаленным, наверное, от бессонницы блеском. «Вот он, отец космонавта, за неделю до звездного старта сына»,— подумал я, чувствуя, что и мне передается волнение.

Пожимая жестковатую ладонь, я не мог не заметить, что и оделся-то Николай Григорьевич, наверное, более тщательно, чем в обычный воскресный день. От его хрустящей свежим крахмалом сорочки, от зарумянившихся по-молодому щек, тщательно выбритых, веяло праздничностью и прекрасным настроением.

Из кухни, вытирая о передник руки, вышла немолодая полная женщина и, коротко поздоровавшись, тут же начала хлопотать возле стола.

— Мать Владика, Ольга Михайловна,— представил ее Николай Григорьевич.

— Прошу, пожалуйста, за стол,— грустно улыбнувшись, позвала Ольга Михайловна.

Стол был накрыт. И в том, каким радушием сияла скатерть и как щедро, по-родительски наполнялись тарелки, я вновь ощутил расположение к гостю.

Ольга Михайловна поднесла платок к глазам и тут же быстро поднялась, ушла в другую комнату, сославшись на головную боль.

— Переживает,— сочувственно кивнув в ее сторону и словно бы винясь за жену, проговорил Николай Григорьевич.— А у нее уж и сил нет... Всю жизнь боится за него, за Владика. Боялась, когда он первый раз пошел на каток, когда вратарем стал в школьной команде. А когда в аэроклуб записался, сердчишко ее совсем схватило. Что уж теперь говорить...

Николай Григорьевич нахмурился, замолчал, но тут же справился с собой и, как бы подбадривая себя, махнул рукой:

— А, что говорить! Мать, она и есть мать... Вы кушайте, кушайте, будьте как дома...

Стесняясь блокнота, нелепо выглядевшего на праздничном столе,— задание редакции все-таки надо было выполнять,— я начал задавать Николаю Григорьевичу вопросы, малоподходящие к мужскому застолью, но, как мне казалось, чрезвычайно важные для будущего очерка. Эта официальность, как я ни пытался ее замаскировать, сразу отодвинула от меня Николая Григорьевича и заметно его озадачила.

— Знаете что,— сказал он с укоризной,— давайте говорить просто так, по-человечески. В биографии Владика нет ничего такого... Честное слово. Просто был маленьким, а теперь вот вырос...

Но чем старательнее Николай Григорьевич уклонялся от ответа на прямые вопросы, чем сильнее старался сделать разговор непринужденным, тем больше находил он связующих звеньев в биографии сына и, словно бы удивляясь собственному открытию, начинал прислушиваться сам к себе.

— Как оно бывает? Попробуй подсмотри ее, сыновнюю мечту-то... Что такое рейсфедер и рейсшина, Владик узнал, можно сказать, раньше, чем научился говорить «мама» и «папа»... Выходит, тянул я его к своему конструкторскому делу. Да и мать опять же в конструкторском... Только она...— И он понизил голос, с опаской поглядел на дверь, за которой скрылась Ольга Михайловна.— Она хотела видеть его на земле. А я, выходит, пошел у него на поводу... Сначала разрешил в аэроклуб, а теперь вот...

Мне и в самом деле показалось неприличным держать на столе блокнот, я сунул его в карман и сразу как будто снял с себя неимоверную тяжесть. Да и Николай Григорьевич оживился, вспоминал, как учил Владика делать кораблики. Казалось бы, чего проще — выстругал корпус из доски, воткнул спичечные мачты, укрепил бумажные паруса. Все мальчишки переплывают однажды свое детство на таких фрегатах. А они с Владиком не так.

— Ты, говорю ему, сначала нарисуй то, что хочешь сделать... Вообрази... Не умеешь один — давай вместе. Хотя кто ж в его тогдашнем понятии конструктор?.. В войну мы с Ольгой Михайловной сутками не вылезали из цеха. Бывало, придешь домой, глянешь в зеркало — одни только глаза и остались. Ну а что до космоса, то, наверное, правильно все. Что такое взлет космического корабля? Это взлет конструкторской мысли. Разве не так?

И словно впрямь спрашивая моего подтверждения не дававшим ему покоя мыслям, Николай Григорьевич смотрел на меня долгим настойчивым взглядом.

— А вы знаете,— спросил он, доверительно наклоняясь ко мне,— вы знаете, какая у Владика любимая песня?

Когда иду я Подмосковьем,
Где пахнет мятою трава...

И тут же неожиданно вспомнил картофельное поле в Химках, на которое они в послевоенную осень ездили с Владиком, чтобы в копаной-перекопаной земле, в которой была перещупана каждая ботвинка, набрать хотя бы кулек картошки. Стоя-

ла такая же сухая, как бы в обнимку с летом, осень, хотя уже по зорькам морозцем прибеливало поля, и они, перевыполнив «норму», позволили себе пороскошествовать: развели костер, бросили в горячую золу несколько картофелин, а затем, обжигая почерневшие губы, с аппетитом их уплетали. Почему-то вспомнились по-мальчишески тонкие, измазанные землей и углем Владькины руки.

А потом память вернула в тот день, когда, тайком от матери приглашенный на Тушинский аэродром, Николай Григорьевич с недоверием глядел на неузнаваемого в пилотском шлеме сына, который вдруг как бы шутя порулил самолет на взлетную полосу и незаметно, так, что Николай Григорьевич и опомниться не успел, взмыл в чистое, роняющее серебряные паутинки небо. Была тоже осень, да... кажется, осень.

А сейчас, в эту минуту, где-то в необъятной, еще пышущей жаром степи его Владик шел по бетонной дорожке на космодром, чтобы в последний раз перед стартом примериться к космонавтскому креслу.

— Вот она, наша родительская жизнь,— вздохнул Николай Григорьевич, возвращаясь в действительность.

Но пора было прощаться. Из своей комнатки на наши раздававшиеся уже из прихожей голоса вышла Ольга Михайловна. С глаз ее как будто спала краснота, лицо просветлело, и знакомая грустная улыбка тронула ее губы, когда я начал откланиваться.

Через несколько дней я улетел на Байконур. Там уже все жило предчувствием старта, Владислава Волкова я встретил в гостинице за бильярдом — пренебрегая субординацией, он успешно обыгрывал начинающего переживать поражение генерала Каманина. Каково же было мое удивление, когда, загнав в лузу последний победный шар, Владислав, словно только меня и ждал, обернулся и проговорил с разоблачающим видом:

— Я уже все знаю. Спасибо за приветы.

Через сутки после раскатов байконурского грома ликующий голос диктора передал сообщение ТАСС — я берегу его до сих пор:

«Продолжая намеченную программу научно-технических исследований и экспериментов кораблей «Союз», 12 октября 1969 года в 13 часов 45 минут московского времени в Советском Союзе произведен запуск второго космического корабля — «Союз-7». Экипаж космического корабля: командир подполковник Филипченко Анатолий Васильевич, бортинженер Волков Владислав Николаевич, инженер-исследователь подполковник Горбатко Виктор Васильевич. По докладу командира корабля товарища Филипченко, участок выведения на орбиту пройден нормально. Все космонавты чувствуют себя хорошо. Бортовые системы работают нормально».

«Сейчас Николай Григорьевич услышит это сообщение и увидит Владислава на экране телевизора,—подумал я тогда, почему-то вспомнив заплаканные глаза Ольги Михайловны.— Все прекрасно. Все хорошо».

И уже в Москве, вернувшись с Байконура, я не выдержал и позвонил в дом на Ленинградском шоссе.

— А, это вы! — сразу узнал меня Николай Григорьевич.— Все отлично! Ждем-ждем, у нас как раз гости!

В трубке, заглушая этот радостный голос, слышалась любимая песня Владислава о Подмосковье, где пахнет мятою трава. Но в гости я так и не попал.

«Союз-7» благополучно сошел с орбиты на Землю, и звездочка, как бы ненароком прихваченная в высоком небе, заблестела на пиджаке Владислава.

А через два года я вновь провожал его на космодроме — вместе с Георгием Добровольским и Виктором Пацаевым Владислав стартовал на «Союзе-11», чтобы на космической орбите состыковаться со станцией «Салют» и работать в этом доме не день, и не два, и не три.

Владислав старался казаться спокойным: летел-то второй раз! И все же у самого трапа, обернувшись и поглядев на меня погрустневшими, совсем как материнские, глазами, признался:

— А ты знаешь, я опять сказал маме, что уезжаю в командировку.

Замотавшись в делах, я не позвонил старикам и не поздравил их в тот день, когда тройка отважных перекочевала из корабля на станцию и начала свои труды. Впрочем, мы, земляне, ничему уже не удивлялись, разве только забавляли нас несуразные, стоящие иной раз ногами на потолке люди или плывущие в воздухе карандаши. О времени же, проведенном на борту станции, зримее всяких календарей говорила закустившаяся на чуть одутловатом, но, как обычно, веселом лице Владислава бородка.

Не помню, когда точно, кажется, уже на завершении программы полета, о конце которой я приблизительно знал, мне позвонил Николай Григорьевич:

— Что-то не вижу вестника. Вестей не слышу!

Посмеиваясь, ответил я ему, что вестей полны газеты, а уж главное сообщение не замедлит. Эти слова, кажется, успокоили его, а я, вдруг вспомнив у трапа погрустневшего Владислава, попросил к телефону Ольгу Михайловну. Она, наверное, стояла рядом, ловила каждое наше слово и поэтому тут же взяла трубку.

— Ольга Михайловна! — крикнул я как можно бодрее.— Ну как?

— Что как? — настороженно отозвалась она.

— Как настроение? Здорово ребята работают, а?

— Да с виду вроде так,— согласилась она.— Только Владик уж больно усталый. Какой-то он не такой... Непривычный...

— Все будет прекрасно! Вот увидите! — заверил я.

— Ну, спасибо вам, спасибо,— сказала Ольга Михайловна.

На другой день я был уже в Караганде, мы начали готовиться к встрече «Союза-11». Медики настраивали свои мудреные приборы, повара изощрялись в сочинении меню... В одной из кастрюлек — мы знали это точно — закипал любимый украинский борщ Владислава. Все шло по программе. По программе раскрылся в небе оранжевый цветок парашюта, по программе плавно лег на траву спускаемый аппарат, по программе был тут же ловкими руками отброшен люк.

— Ребята! — позвал их просунувшийся внутрь корабля парень.— С приездом!

Корабль ответил молчанием.

Нет, ее уже было не остановить — телетайпную ленту, хищной змейкой нырнувшую в аппарат. Стой, черная весть! Где-то в доме на Ленинградском шоссе Николай Григорьевич и Ольга Михайловна чутко прислушивались к мелодичным, обещавшим радость позывным радио. Сообщение ТАСС... Сообщение ТАСС...

«В соответствии с программой после аэродинамического торможения в атмосфере была введена в действие парашютная система и непосредственно перед Землей — двигатели мягкой посадки. Полет спускаемого аппарата завершился плавным приземлением...»

Наверное, в эту минуту они просветленно переглянулись и не поверили, не могли поверить беспощадным словам:

«Приземлившаяся одновременно с кораблем на вертолете группа поиска после вскрытия люка обнаружила экипаж корабля «Союз-11» в составе летчиков-космонавтов подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Волкова Владислава Николаевича, инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича на своих рабочих местах без признаков жизни...»

Как? Все трое? Так вот что такое «через тернии — к звездам»!..

В Москву мы вернулись в тот день, когда по площади к Центральному Дому Советской Армии в тягостном молчании двигались траурные колонны. Знакомые космонавты, дежурившие у входа, зная, что мы прямо с аэродрома, отворили железную калитку и пропустили нас без очереди туда, откуда по мраморной лестнице, ударяясь о затянутые черным крепом и кумачом стены, стекала, выплескивалась на улицы разрывающая сердце музыка.

Рдяный отсвет венков озарял лица. Мы подошли к постаменту и на роскошные, источающие похоронную яркость цветы положили уже привядшую охапку ромашек, сорванных на том месте, где коснулся земли корабль «Союз-11». Поднять глаза на три красных гроба не было сил, и я перевел взгляд в сторону, где на поставленных в ряды стульях сидели родственники погибших.

ДУБЛЕР

Как передать чувство, какое испытываешь на космодроме в первые минуты после старта ракеты, когда она уже невидимо высоко, где-то за вспыхнувшими ватой облаками, а разметанный с оглушительным треском на куски воздух, будто его раскалывали гигантским отбойным молотком, все еще дрожит, опаляет лицо и вулканический гул отдается в груди, стесняя дыхание, заставляя учащеннее биться сердце? Первая осенившая радостью мысль, что космонавты уже там, на орбите, и эти двое или один, чьи рукопожатья еще помнит ладонь, выбрались наконец-то на свой нелегкий звездный курс — простые парни, твои знакомые, но уже как бы примерившие ореол славы. В эти минуты тревога, накопившаяся в душе за медлительно-тягостные часы ожидания, вдруг чудодейственно превращается в такой необузданный, неудержимый восторг, что хочется обнимать всех без разбора.

Голубой автобус, два часа назад доставивший к ракете космонавтов, словно и ему передалось наше возбуждение, резво мчался обратно в звездоград. Водитель, разрешивший по такому случаю всем желающим переступить порог специального транспорта, явно нарушил инструкцию. Но и он мимолетно поглядывал сейчас в зеркальце, ничуть не смущаясь ни тесноты, ни развязности захмелевших от радости пассажиров, его губы то и дело трогала, откликаясь на каждую шутку, улыбка, а шутками и песнями автобус был переполнен.

Только двое, занявшие места впереди, в одинаковых кожаных регланах и синих вязаных шапочках, сидели молча и как бы отчужденно, словно их отгораживала от окружающих глухая прозрачная стена. Один из них, совсем молодой брюнет с коротко подстриженным затылком, иногда поворачивал сильную смуглую шею и изображал некое подобие улыбки, другой, почти уже седой, устало и скучно поглядывал в окно. Эти двое были дублерами только что стартовавших космонавтов. Молодого я знал мало, всего лишь по нескольким фразам, оброненным в короткой беседе, из которой ясно стало одно: он совсем новенький и в Байконур приехал впервые; второго мы встречали здесь уже не однажды — и все дублером, хотя познакоми-

лись с ним еще в ту пору, когда он был таким же чернявым красавчиком, как и его напарник. За глаза мы уже и не звали этого, старшего, по фамилии и между собой все чаще называли его запросто: Седой. Сколько же раз он ездил сюда дублером? И о чем сейчас думал он, уже немолодой человек, в ушах которого еще стоял рев стартующей ракеты, на которой мог бы полететь и он? Мог бы...

Ну а почему бы и нет? В наших корреспондентских блокнотах давно таились строки его биографии. Но то была первая ступень его жизни, еще до прихода в отряд космонавтов... А что дальше, за чередой космонавтских лет? Нет, наверное, ничего мы не знали толком об этом человеке, задумчиво поглядывавшем в окно на унылую степь. Да и кому он был теперь интересен? «Почему после старта мы сразу же забываем о дублерах? — с некоторой даже виноватостью думал я, поглядывая на Седого и чувствуя, как между мною и ликующим автобусным столпотворением пассажиров тоже возникает прозрачная глухая стена.— Надо поговорить с ним, поговорить обязательно, ему сейчас тяжело».

Но встретиться нам довелось только утром.

Седой, облаченный в спортивный костюм, подтянутый и легкий, упруго сбежал со ступенек гостиницы, а когда очутился рядом, я не заметил на его лице и тени вчерашней удрученности.

— Вы меня? — спросил он, блеснув доверчивым взглядом.— Я-то вам зачем?

Что-то, видно, смутило, насторожило его в моей настойчивости непременно увидеться и поговорить именно сегодня хотя бы десять — двадцать минут.

— Как это зачем? — сказал я как можно веселее и непринужденнее.— Теперь-то уж ваша очередь...

Это был с моей стороны запрещенный прием, правда, неосознанный, без умысла, и, чтобы как-то выправить возникшую и сразу отдалившую нас друг от друга неловкость, я добавил:

— В следующий раз полетите. Вот увидите...

Он, конечно, давно разгадал маневр, усмехнулся и предложил сесть.

— Акацией пахнет,— шумно вздохнул Седой, как будто мы только затем и встретились, чтобы наслаждаться и впрямь густым и текучим ароматом степных акаций. И, как-то сбоку с легкой укоризной взглянув на меня, закончил мою же фразу:— Полечу, конечно, полечу, и очень возможно, что в следующий раз...

Облака, очень бледные, словно высушенные здешней жарой, обволакивали бесцветное небо. Духотой тянуло со степи, окружавшей городок со всех сторон, и уже не верилось ни во

вчерашний праздник на старте, ни в восторженное возбуждение, охватившее нас в первые минуты после сообщения ТАСС, ни даже в то, что где-то в этой блеклой, недосягаемой для зрения дали облетал Землю стальной наперсток — виток за витком, виток за витком. И, словно разгадав причину моего настроения, чувствуя, что молчание все больше и больше рождает неловкость, Седой вздохнул, обмякнув плечами, и проговорил совсем уже доверительно:

— А вообще-то... Готовишься, готовишься — и... Все сначала, опять с нуля.

Он нагнулся, сорвал сухую былинку, повертел-повертел, помял ее в длинных, точно с набалдашниками пальцах и продолжал, как бы успокаивая себя этими движениями рук, совсем не обязательными, но все же отвлекающими от главной темы, от ненужной откровенности, на которую волей-неволей переходил разговор:

— Я ведь еще, можно сказать, из гагаринского набора... Правда, в отряд пришел позже. А сколько всяких перипетий... Жизнь-то, она, можно сказать, на сто восемьдесят градусов поворачивалась. Ведь что получалось? Собирали нас всех желающих, или, как говорится, давших согласие, на медкомиссию из разных летных полков. Полтора месяца вроде как в санатории находишься, а в среднем, когда бабки подобьешь, получалось, что из пятнадцати — двадцати человек все этапы обследования проходил только один. Тут ребята некоторые, прямо скажем, скисли — ведь иных после такой скрупулезной проверочки всех твоих жизненных систем вообще списывали с летной работы. А кто мог дать гарантию, что этим списанным не окажешься ты? Так вот трое моих соседей по палате, еще не дождавшись результатов, шапку в охапку и домой. Наотрез отказывались продолжать обследования, не хотели терять профессию... Лучше уж, как говорится, синица в руке, чем журавль в небе.— Седой помолчал, возможно, раздумывая, говорить дальше или не говорить, и продолжил: — У меня же на удивление все шло гладко — без сучка без задоринки. Врачи только головами качали: ну и добрый молодец, хоть к чему бы прицепиться — ан нет, кругом все двадцать четыре... Годен... Ох уж это словечко! В нем так и светилось что-то непонятно счастливое. Но годен — это даже еще и не готов, что ж что годен?

Седой сорвал еще былинку, надкусил ее и снова завертел в пальцах. Только сейчас, разглядывая его, я заметил то, чего не мог видеть раньше. Возраст тронул его лицо и волосы только сверху, словно хватил утренний морозец по вершине дерева, обжег листья, и дерево стало от этого только красивее. Лучистые морщины у глаз, резкие складки на лбу, блестки серебра на висках делали Седого мужественным, обстоятельным, надежным.

— А дальше, как говорится, дело судьбы, хотя она и в наших руках,— проговорил Седой, возвращаясь к своему рассказу.— Зачислили меня в отряд космонавтов и, наверное, потому, что был я, как говорится, слишком годный, назначили выполнять тренировочные прыжки с новой парашютной системой, той самой, на которой должен был приземляться после полета наш один товарищ... Представляете? Я сижу у открытой грузовой двери самолета в громоздком скафандре, на спине ложемент с основным и запасными куполами, с разными там приборами и автоматами для включения всех систем спуска. А под ложементом еще ящичек, контейнер с назом — носимым аварийным запасом. Вся эта амуниция весом больше сотни килограммов не дает ни встать, ни как следует сесть... Манекен с живыми глазами, да и только. А и чем не манекен, если я собственными силами не смогу даже выброситься и меня подхватят на руки и вытолкнут из кабины два дюжих парня? Сижу я и думаю: почему не он, кто полетит в космос раньше меня, а именно я должен испытать эту систему?.. Только ведь это я задним числом сейчас рассуждаю, а на самом деле, если будешь предаваться сентиментальным философствованиям, почему он, а не я, в космонавты лучше не ходить. Не приживешься. Да и ничего не выйдет, пожалуй. Сейчас я так думаю, может, тогда вместе с той парашютной системой испытывали и мой характер. Ну да об этом долго рассказывать. Одно только плохо, и не то чтобы плохо, а чрезвычайно трудно переносимо — сознание того, что ты не первый, а дублер... Но вы же знаете, я ведь тогда в дублерах значился совсем недолго. Пробил и мой час, как писали в старинных романах, «возродилась на небосклоне и его вещая звездочка»...

Седой взглянул на небо, тронул зубами былинку, и крупный желвак обозначился и исчез на скуле.

— Полет обещал быть сложным, чертовски сложным, но интересным. Готовились так, что по семь потов из себя выжимали, все уже знали наизусть с закрытыми глазами. Ночью тряхни на постели, спроси, какую когда кнопку нажать,— как свои пять пальцев, лучше таблицы умножения... В общем, еще немного, еще чуть-чуть... И надо же такому случиться: на самой финишной прямой к старту споткнулся. Во время медицинского обследования при вращении на центрифуге на моей кардиограмме выскочили экстрасистолы. Стоп, говорят, товарищ, вам дальше нельзя, приехали. И из группы подготовки меня долой одним росчерком карандаша. Побойтесь бога, говорю, я же отлично себя чувствую, поверьте... Не имеем права, отвечают, мы аппаратуре обязаны верить. Ну и началось: я требую чуть ли не через день, через два снимать эту коварную ЭКГ, а она и впрямь как нарочно: одна лента в норме, на другой опять эти самые экстрасистолы. Ничего в жизни

я так не боялся, как стрекотания этого аппарата и этих проводков-жгутиков. Спрут, честное слово, осьминог тянул меня назад, от космоса. В конце концов победил он меня. Еле ноги доволок я до санатория. А после, как отдохнул месячишко, что ж вы думаете — все пришло в норму! Оказалось, я просто-напросто перетренировался. Вот так. А уж в санатории услышал сообщение ТАСС о запуске на орбиту моего корабля. Моего — понимаете? Который я до заклепки обжил и дыханием своим обогрел. Полетел на ту работу мой дублер, а я опять в дублера превратился, потому как в космических делах один корабль вроде другой подпирает. И если, как говорится, поезд твой ушел, не трудись догонять. Нужно садиться на другой, но уже дублером.

Так вот во второй раз назначили меня дублером на новую программу. Что такое дублер, вы должны знать, обязаны. Подготовка к полету длится долгие месяцы, а иногда и годы. И все это время дублер выполняет то же, тик в тик, что и основной экипаж. Тебе не дают никаких поблажек — ты одухотворенная, во плоти тень тех, кто полетит. Как бы это вам сказать... Ну вот стыковка, к примеру. На нее при всех благоприятных моментах уходит пятнадцать — двадцать минут, а мы выполняем ее на тренажерах по пятьсот — семьсот раз, повторяя без конца одни и те же действия с разными вводными. И надо сказать, что техника Центра подготовки дает почти полностью прочувствовать себя в кабине корабля. Начать с того, что интерьер кабины точно такой же. Такие же ручки, тумблеры... Выведение на орбиту и спуск дает прочувствовать центрифуга. Причем в точной очередности ступеней — первой, второй, третьей. И при спуске такой же график перегрузок, и все проигрывается на центрифуге. Невесомость имитируется на «Ту-104» в ходе выполнения горки. Двадцать пять секунд ты паришь вроде в космосе, за это время надо зафиксироваться, достать скафандры, успеть надеть их на плечи... Потом следующие операции — и так без конца. Ну и жизнь, само собой, все эти годы выдерживаешь по строжайшему режиму, хоть ты и дублер...

Седой внезапно замолчал, опустил глаза, и мне показалось, что он одернул себя: не слишком ли далеко зашел в откровении?

— Ну а что же дальше, после того полета? Вы, насколько мне известно, опять перешли на новую программу? — спросил я, не давая угаснуть этой доверительности.

Седой усмехнулся, пожевал былинку и долго не отвечал, удивляясь, должно быть, моей настойчивости, а еще более тому, с какой нетерпеливостью пытался я понять, откуда берется у таких людей выдержка и что движет ими, самозабвенно отрешающимися от всего земного ради достижения занебесной высоты. Давно замечал я, что умный человек в разговоре с по-

чти незнакомым гораздо откровеннее, чем недалекий, ограниченный,— последний в таких обстоятельствах либо великий молчальник, либо неуемный говорун. С людьми, много пережившими, если чем-то тронута в их душах заветная струнка, легко устанавливать контакт, и я ждал сейчас, быть может, самого главного, ради чего пошел на такой открытый разговор Седой.

— Я ведь мог бы в тот раз сам полететь,— тихо, как бы самому себе и словно в чем-то сомневаясь, проговорил Седой.— Дело прошлое, но ведь вы знаете ту историю с...— И Седой назвал имя прославленного космонавта, дублером которого готовился к очень ответственному полету.— У моего — назовем его так — ведущего накануне полета, месяца за полтора, стряслась беда. На ровном месте потянул ногу. На таком ровном, что ровнее и некуда,— на теннисном корте. Ну, как водится, все достижения медицины были брошены на то, чтобы привести ногу в нормальное состояние, а она ни в какую, раздулась что твой чурбан и наступать на нее — адская боль. Помаялись-помаялись с моим ведущим и видят — дело швах. Вызывают меня и недвусмысленно намекают: тебе, мол, лететь, бери основной экипаж в свои руки. Что там говорить, с одной стороны, сердце радостью облилось — вот оно, сбылось желание, с другой — холодом окатило: вроде нечестно все это, на беде товарища вылезаю на орбиту. Да только у него — это я про ведущего — дело на поправку идет и, надо полагать, к полету в самый раз все отладится. Врачи заявляют обратное, настаивает на своем начальство. А я опять поперек: врачи его только в кабинете видят, а я видел, как сегодня он своим ходом, извините, до туалета дошел и обратно. А какой там дошел — он пяти метров не мог ступить форточку закрыть или там радио выключить. Ну, хорошо, посмотрим еще три дня, сказало начальство, а вы все равно готовьтесь... Вышел я из кабинета, и взяло меня зло на самого себя. Принципиалец ты этакий, думаю, и черт тебя за язык дергал, тебе же самому давно лететь пора. Так я подумал, а сам, вместо того чтобы домой идти, почему, не ведаю, свернул к дому, где ведущий живет. Зашел к нему, заперлись. Так и так, говорю, надо форсировать выздоровление, иначе цейтнот получается. И давай ему всякие мази выкладывать и припарки рекомендовать — что где слышал, про что знал. И что же вы думаете? Встал парень, через три дня встал и явился для доклада о выздоровлении. Бледный, правда, был, думаю, что от боли. Только мы двое и знали, что нога не совсем зажила... Полетел...

Седой замолчал, посмотрел на часы, и по переменившемуся, построжавшему вдруг лицу его я понял, что разговор наш окончен. Да он, видимо, и в самом деле торопился — из открытых дверей гостиницы раздавались голоса его друзей-космонавтов.

— Мне пора, извините, — привстал Седой и подал мне сухую крепкую руку.

— Это вы меня извините,— сказал я, думая совсем о другом, но так и не решившись сказать это совсем другое. Мне хотелось подбодрить его, взять по-дружески за локоть, обнадежить. Но что для таких стойких и одержимых, как Седой, любые слова утешения? «Я его увижу, обязательно увижу на следующем старте. И обязательно в основном экипаже»,— загадал я.

С тех пор прошло несколько лет. Фамилии Седого в сообщениях ТАСС я пока не встречал.

ЧЕРНЫЙ ОМУТ

Странно — только теперь, много лет спустя, он понял наконец, почему деревня, стоявшая, в общем-то, на ровном месте, называлась Малые Горки: крайними домами своими единственная ее улица, длинная-предлинная, там, где доживали свой век липы барского сада, уже словно бы облысевшие, скатывалась под горку к речке. Горка была крутая и разгонистая — если съезжать по ней на санках или лыжах, то уж точно выскочишь на лед, жесткий как наждак; если же рискнул на велосипеде — жми на все тормоза. По этой горке, еще когда были ребятишками, любили сбегать к берегу просто так, босиком, раскрылив руки, задыхаясь от ринувшегося навстречу ветра, так что если бы оторвать от земли заплетающиеся, уже не держащие ноги, то полетел бы легким планером над речкой, лугом, лесом и еще дальше, куда хочешь, куда только в силах достать взгляд.

Но ноги не хотели отрываться от земли, потому что для полета недоставало главного — крыльев, и, едва касаясь деревянными, онемевшими пятками травы, мальчишки сбегали вниз, на ходу сбрасывали майки и птицами, стремительными, как снующие тут же стрижи, летели с обрыва в воду.

Он помнил эту речку еще полной, налитой в берега по самые края, помнил чистую, холодновато-родниковую ее воду, совсем ледяную, перевитую жгутиками бурунчиков, темную под обрывом в том месте, которое почему-то звали Черным омутом. В омуте страшила не глубина, а коряги, которые — только нырни без оглядки — хватали за шею щупальцами спрутов и не хотели выпускать назад. Здесь не раз забрасывали они с отцом удочки, вытягивая на готовой вот-вот лопнуть леске такую плотву, что иной раз не верили себе сами и то и дело подбегали к бидону, чтобы опустить руку и пощупать живое трепещущее, выскальзывающее из руки холодное серебро. Рыбаки поухватистее ухитрялись доставать из-под коряг ра-

ков, но такое занятие прельщало не всех, особенно после того как один из любителей пивного деликатеса был до крови цапнут в норе водяной крысой. Черный омут жил своей, невидимой речной жизнью и защищался как мог.

Но если к нему подходили по-человечески, он отвечал лаской. Несметные полчища отдыхающих оккупировали его черемуховые берега по выходным дням — и всем хватало места на примятой шелковистой траве, хватало воды — глубокой, прохладной, неба — ясного, бездонного, и солнца — улыбчивого, радостного. Да, больше всего он помнил на этой речке именно Черный омут, потому что именно в нем научился плавать.

К тому времени речка начала мелеть. Где-то километрах в пяти ниже сломали старую плотину вместе с мельницей, и теряющая на глазах силу вода начала убывать, обнажая когда-то страшные, а теперь безжизненно повиснувшие коряги. Нет, наверное, была к тому какая-то другая, не понятая людьми, причина — ведь насыпали же плотину позже,— и ничего, река не возродилась, так и не набрала силу. Может, потому начала она словно бы испаряться, что на берегах ее повырубили когда-то густой ольшаник? Или экскаватор нарушил, растревожил и оборвал какие-то тайные корни, когда выбирал ковшом вдоль по берегу глину и песок для стройки?

Не та уже была речка, не та. Но Черный омут не сдавался, еще ввинчивались в его стоячую темную гладь бурунчики, еще попадалась, правда не такая уже крупная, плотва. При сноровке и опыте кое-кто ухитрялся потаскивать и раков, однако все знали, что через самую глубину на тот берег взрослому теперь можно было пройти пешком.

То были первые летние дни, когда, смыв с себя свинцовую весеннюю рябь, вода поголубела, поласковела и уже манила к себе. Он пришел на омут один, как будто кто-то позвал его и ему нельзя было отложить этого купания. Он поспешно разделся и вошел в воду по пояс по привычке робко, прихлопывая ладонями по плотной глади. Нужно было поскорее окунуться, и он окунулся. Пересиливая обдавший его холод, зашлепал, забарабанил по воде ногами. Наверное, постепенно он очутился на глубине, потому что, когда опустил ногу, не достал дна. Испугавшись, он забултыхал ногами и руками еще сильнее и, сам того не сознавая, поплыл. Он узнал, что плывет, по тому, как медленно двинулся назад куст черемухи. Успокоившись, он сделал еще несколько движений, теперь уже более плавных и осмысленных, и достиг следующего куста, потом повернул к берегу. Удивительно — когда он влез в воду еще и еще раз, ему показалось, что он плавал всегда. «А я умею плавать»,— сказал он появившимся через некоторое время товарищам, сказал без бахвальства, просто и тут же, уже весь в ознобных

мурашках, показал, как он плавает. Только спустя несколько дней, когда прошло это почти шоковое возбуждение необыкновенного открытия чего-то нового в самом себе, он ощутил настоящее наслаждение от победы над глубиной. Плыть, плыть и не бояться темной, тайной, страшной, а теперь покоренной воды, плыть, словно лететь, куда только достанут глаза.

Это необыкновенно радостное, до замирания сердца ощущение власти над самим собой, над каждым движением вспомнилось ему спустя многие годы под хлопнувшим над головой куполом парашюта, когда он стиснул в немеющих ладонях тугие, но податливые стропы. Чувство, пережитое мальчишкой, бултыхающим ногами по воде, чтобы достичь нависшего над рекой куста черемухи, он испытал еще раз, когда в кабине космического корабля, отстегнувшись от кресла, невесомо повис между полом и потолком.

Он висел почти неподвижно, беспомощно, вдруг потеряв привычную опору, ребенок Вселенной, мужественный, но не знающий ее глубины, и, сообразив наконец-то, что нужно всего-навсего оттолкнуться от стенки мизинцем ноги, поплыл, как рыба в аквариуме, пошевеливая руками, к ожидавшему его прибору. Научиться здесь плавать значило научиться работать и жить...

Сколько же прошло лет с тех пор, как он проплыл над Черным омутом? «Как далеко все и как высоко мы ушли от Земли»,— подумал он там, на орбите, мечтая почти о несбыточном — хоть раз очутиться на черемуховых берегах той речки. Прошли еще годы и годы, прежде чем уже прославленным космонавтом он вернулся туда, откуда, если сказать по правде, и начинался его путь к звездам.

Он не узнал того места. Пожалуй, только горка оставалась той же, да и она, казалось, сгорбилась, сникла. «Это оттого наши горки становятся ниже, что мы вырастаем»,— подумал он, спускаясь к берегу, на котором уже не курчавилось ни одного кустика. Словно полчища варваров прошли по здешним местам, оставив вытоптанную и как бы оплавленную огнем землю. В том месте, где когда-то таинственно темнел, завиваясь бурунчиками, Черный омут, берег обвалился, осыпался, напоминая неухоженный, давно позабытый могильный холм. И самого омута уже не было: что-то похожее на заросшую ряской воронку от бомбы круглело внизу, пересеченное ленивым, обессиленным, цепко схваченным со всех сторон осокой ручейком, который можно было запросто перешагнуть. «Неужели здесь учился я плавать?» — с грустью о невозвратимом подумал он, с трудом отыскав взглядом два торчащих корешка — жалкие остатки когда-то раскидистых кустов черемухи, между которыми проплыл он мальчишкой, одержав победу над глубиной. Еще несколько дней назад на космическом корабле меньше чем

за полтора часа он огибал земной шар. Но почему так волновали, будто цеплялись за самое сердце два культяпых корешка, почему так настойчиво возвращала память уже чернеющие ягодой кусты и голубую воду между ними? «Сюда уже незачем приходить, тут ничего не осталось от прежнего, ничего,— думал он, с тоской оглядывая пересохшее русло когда-то полной реки.— Вместе с нею утекло время, а мы остались, как будто проросли через него».

Он уехал в Звездный, который ждал его для новых подвигов, уехал, постепенно, как о старой боли, забывая о месте, родившем его в полет. Думал ли он, что однажды Черный омут все-таки напомнит ему о себе?

Вдвоем с товарищем он снова стартовал на космическом корабле, чтобы произвести фотосъемку огромного участка земной поверхности. На пятнадцатом витке они фотографировали Иркутскую область, озеро Байкал, южную часть Якутии; на тридцать первом — районы БАМа, Улан-Удэ, Читы, Якутии; на тридцать втором — горы, окружающие Иссык-Куль, Алтай, участок Центральной Сибири...

Уже на Земле, когда снимки были дешифрованы, они с интересом потянулись к тем из них, на которых запечатлелся Байкал,— очень важно было узнать о распределении твердого вещества, поступающего в озеро вместе со стоком рек. Очень беспокоило и другое озеро, берега которого обнажились на двести — пятьсот метров. Суша наступала на воду. Почему? Может быть, этому способствовал большой «водозабор» для орошения или были другие, неизвестные пока причины?.. Но карта озера, составленная всего шесть лет назад, явно устарела.

— А это уже совсем беда! Смотрите! — позвала сотрудница лаборатории и показала на очередной снимок.

Поросший осокой, как магмой залитый илом берег проглядывал сквозь черноту. Его нынешняя черта далеко отступала от прежней, в извилистой змейке угадывалось русло реки. Не почерневшие ли корявые культяпки когда-то буйных черемуховых кустов видел он? Черный омут? Но нет, это был, конечно, не Черный омут. Беда, такая же непоправимая, настигла другую реку. И как это было похоже на то, что он видел там, на речке детства, в последний раз!

«Странно,— подумал он,— человек стремился взлететь к звездам, все выше и выше, а оказывается, что все это — и Байконур, и ракеты, и корабли — понадобилось для того, чтобы мы внимательнее взглянули на Землю. Да, чтобы мы посмотрели на нее как дети на мать и увидели, какая она одинокая и беззащитная...»

Черный омут просил белоснежных черемуховых кустов и воды...

ПОДЗОРНАЯ ТРУБА ГАЛИЛЕЯ

Высокое зимнее небо горит надо мною звездами, такими трепетно яркими в зените и как бы пригасающими ниже, по краям горизонта, что кажется, будто я иду под огромным сверкающим куполом. В глубокой недосягаемой тьме занебесной вьюгой-завирухой безмолвно вихрится Млечный Путь, тут и там белеют, горбятся сугробы звездного снега, все привычно, все много раз видано, но отчего, когда в одиночестве очутишься в такую ночь посреди унылого белесого поля, облитого лунным светом, вдруг ощутишь на себе как бы пристальный взгляд миллионов глаз, неотрывно наблюдающих тебя сверху? Словно силовые линии магнита осязаемо пройдут через тебя и потянут — куда и зачем? И спохватишься, опомнишься, наконец сообразишь, что невидимый магнит обратил твой взор опять к небу.

Вот отсюда, с этого пригорка, я увижу сейчас небо таким, каким его не видел никто из вас. Но дело не в выборе особого места, нет! У меня на груди болтается на ремешке бинокль — обычный полевой, с семикратным увеличением. Я вынимаю его из футляра, припадаю глазами к прохладным кружочкам и поднимаю вверх. «Эврика!» — хочется крикнуть мне, ибо надо мною распахивается совсем другое, неведомое простым смертным небо. Желтые, серебряные, синие, алые звезды так ослепительны, что хочется зажмуриться. Небо спустилось ниже, новые звезды проглянули сквозь черноту, а самые яркие прежние повисли, как круглые светлые шарики. Тихо! Где-то рядом стоит Галилей. Мой бинокль ничуть не слабее самой первой его подзорной трубы.

Я вижу, как старческая, в узловатых прожилках рука обращает подзорную трубу к небесам — и возглас изумления нарушает ночную тишину: никто до него, ни Коперник, ни Джордано Бруно, не испытывал такого счастья от созерцания звездной Вселенной.

Планеты представились ему «маленькими кружочками, резко очерченными, как бы малыми лунами... Неподвижные звезды,— торопливо, потрясенный увиденным, записывал он у свечи,— не имеют определенных очертаний, но бывают окружены как бы дрожащими лучами, искрящимися подобно молнии. Труба увеличивает только их блеск, так что звезды пятой и шестой величины делаются по яркости равными Сириусу, самой блестящей из неподвижных звезд».

Таял, плавился в подсвечнике воск, рассвет голубел за узким окном, и подрагивало в быстрой руке перо.

«За главное в нашем деле почитаю сообщить об открытии и наблюдении четырех планет, от начала мира до наших времен никогда не виданных. 7 января 1610 года, в первом часу ночи, наблюдая небесные светила, я, между прочим, направил

на Юпитер мою трубу и благодаря ее совершенству увидел недалеко от планеты три маленькие блестящие звездочки, которых прежде не замечал... Через восемь дней, ведомый не знаю какой судьбою, я опять направил трубу на Юпитер и увидел, что расположение звездочек значительно изменилось... С величайшим нетерпением ожидал я следующей ночи, чтобы рассеять свои сомнения, но был обманут в своих ожиданиях: небо в эту ночь было со всех сторон покрыто облаками. На десятый день я снова увидел звездочки...»

Подзорная труба Галилея в облаках Млечного Пути высветила звезды, разделения Земли и неба больше не существовало: все звезды — это далекие планеты, все планеты подобны Земле. Тайна Вселенной была разрушена.

Но еще вьется и летит к небесам пепел от костра, на котором сожжен Джордано Бруно. И звездный свет серебрит виски семидесятилетнего Галилея. Я вижу его как бы в тунике, сотканной из ночного неба, чуть-чуть озябшего, склонившего голову перед судом инквизиции, но не в покорности, а только спрятавшего в этом поклоне хитрющий взгляд.

И белеет голова Галилея, седеет от звездного света.

«Я, Галилео Галилей, сын Виченцо Галилея, флорентиец, на семидесятом году моей жизни, лично предстоя перед судом, преклонив колени перед вами, высокие и достопочтенные господа кардиналы вселенской христианской республики и против еретического развращения всеобщие инквизиторы... признан находящимся под сильным подозрением в ереси, т. е. что думаю и верю, будто Солнце есть центр Вселенной и неподвижно, Земля же — центр и движется...»

Он отрекался утверждая и утверждал отрекаясь. Даже в отречении ему нужно было повторить, обязательно повторить то, что открыла людям подзорная труба.

«Я, поименованный Галилео Галилей, отрекся... в подтверждение прикладываю руку под сею формулою моего отречения, которое прочел во всеуслышание от слова до слова. Июня 22 дня 1633 года, в монастыре Минервы...»

«А все-таки она вертится!»—думал он, роняя из слабой руки перо. «Вертится, вертится!» — эхом отозвались звезды.

История сохранила более веское свидетельство непреклонности старика — его письмо к Кеплеру. Вот что звезда звезде говорила:

«Посмеемся, мой Кеплер, великой глупости людской. Что сказать о первых философах здешней гимназии, которые с каким-то упорством аспида, несмотря на тысячекратное приглашение, не желали даже взглянуть ни на планеты, ни на Луну, ни на телескоп. Поистине как нет у аспида ушей, так закрыты у этих философов глаза для света истины... Как громко расхохотался бы ты, если бы слышал, что толковал против меня первый ученый этой гимназии, как тщился он логическими

доводами, словно магическими заклинаниями, удалить с неба новые небесные тела».

Как от звезды к звезде, от одного великого мыслителя к другому лучился свет истины.

Не мысль ли Галилея о том, что отполированный корабль на гладком море будет скользить «непрерывно вокруг нашего земного шара... если... убрать все внешние препятствия», ассоциативно родила у Кеплера образ другого корабля?

«Не так уж невероятно, должен я заметить,— писал он,— что обитатели имеются не только на лунах, но и на самом Юпитере... Однако едва лишь кто-нибудь постигнет искусство летать — и найдется достаточно поселенцев из числа нашего, человеческого рода. Кто знает, может, это плавание по широкому океану будет более спокойным и безопасным, чем по узким Адриатическому и Балтийскому морям или Ла-Маншу? Дайте только корабли и паруса, пригодные для небесных ветров, и тут же найдутся смельчаки, которые без трепета отправятся в эти необозримые просторы. А потому ради тех, кто того и гляди предпримет это путешествие, создадим же, Галилей, астрономию: ты — Юпитера, а я — Луны...»

Так долог и труден путь истины. В год смерти Галилея родился Ньютон. Сейчас это трудно представить, но простенький его рисунок (воображаемый вид Земли с единственной высокой горой, а на горе пушка, выпускающая ядро за ядром) привел истину от подзорной трубы Галилея к космодрому Байконур, где, вглядываясь в силуэт ракеты, стоит на степном ветру академик Сергей Королев. На рисунке Ньютона первое ядро падает у подножия горы; второе выпущено с большей скоростью и потому, прежде чем упасть, огибает часть земного шара. И наконец, ядро выпускается с нужной скоростью — и, по мере того как оно падает, земная поверхность изгибается и уходит вниз, а ядро остается на постоянной высоте относительно Земли, описывая круги вокруг нее... Ядро вышло на орбиту! Но это уже не ядро, а первый в мире искусственный спутник, круглый блестящий шарик со звонкоголосым «бип-бип», огибает планету Земля. От рисунка Ньютона до эскиза Королева — триста лет. В самом деле, почему так неимоверно долог и труден путь истины? И что сказали бы инквизиторы-кардиналы де Аскуло, Бентивольо, де Кремона, доведись им воскреснуть из мертвых? Впрочем, истина есть истина. Недавно в печати мелькнуло сообщение: в кругах Ватикана решили пересмотреть «дело Галилея» и оправдать великого ученого. Покровитель путников святой Христофор стараниями церковных реформаторов превратился в покровителя космонавтов.

...Я опускаю бинокль и из трехсотлетней давности, из времен Галилея, возвращаюсь во вторую половину двадцатого века. Снова серебристый, как бы приподнявшийся купол мерцает

надо мной и вокруг меня. Но разве не таким же было небо, и тысячу лет назад и разве не таким же будет оно и тысячу лет спустя?

Значит, надо просто выйти ночью в поле и взглянуть на звезды, чтобы увидеть невообразимо далекое прошлое и такое же недосягаемое будущее. Взглянуть на звезды и ощутить миг вечности.

ШАР ГОЛУБОЙ

Глаза видят то, чего не может постичь разум. В черной необъятной глубине космоса голубым школьным глобусом висит земной шар. Как будто злой мальчик, не выучивший урок, отвинтил его от подставки и выбросил за окно в кромешную темень. Но шар не упал, не разбился, а волшебно повис в этой страшной густой черноте — сияюще-легкий, играющий на боках радужными переливами.

Нет, такое постичь невозможно: на округлой стороне, обращенной ко мне, я вижу сразу полмира. Я поднимаю ладонь и прикрываю весь Атлантический океан. Коричневые, будто припорошенные снегом пятна-материки выглядывают снизу Африкой, сверху Европой. А эта синяя лужица... Неужели Черное море? Чуть правее по самому круглому краю опять завитки метели — это циклон над другим океаном, над Тихим. Я прикрываю ладонью и его.

Тишина. Вы слышите? Смолкли все звуки, мир опять обрел немоту, и снова так тихо, что, наверное, как миллиарды лет назад, слышится музыка звезд. Их лучи словно светлые струны, которыми перетянута ночь. Вечная ночь. Вечная жуткая ночь с этим слабеньким бликом тепла. Неужели это Земля?

Я — человек, я — бог, с любопытством взираю на шар. И звезды, звезды навевают неземной свой мотив.

Кто ответит, кто скажет, как вместились в седой одуванчик могучая ширь штормовых океанов, точно щепками играющих кораблями; горы с сиянием снега на заоблачных пиках; города с небоскребами и толчеей улиц; жар пустынь и снега полюсов?..

Этого нет ничего. Только снежные вихри циклонов да бурые серые пятна в ореоле дымящейся голубизны.

Я не бог, я — Человек. И висящий над вечностью шар — моя колыбель.

Чутким ухом — за тысячу верст — я слышу, как муравей тащит в куче — к своей пирамиде Хеопса — былинку; как с хрустальным звоном катает ручей жемчужные камни. И еще мне слышится голос матери — самый родной из всех земных голосов... Но ей не дозваться меня. Почему же так слышен —

за тысячу верст — этот к дому, к родному порогу кличущий голос?

Все исчезло. Висит только шар — голубое творенье природы. И не верится, что где-то в недостижимой дали брел в ромашках по грудь и гонялся за красной бабочкой мальчик, что он вырос в мужчину — и вот отлетел от Земли...

Все исчезло, все стало уменьшенным в тысячи раз. И если как лужица Черное море, то каким же крошечным должен быть сад в розовом цвете яблонь, дом, смотрящий резными окнами из-за акаций? А уж самых близких людей, идущих к нему тропинкой, не увидеть совсем.

И думаю я: а есть ли жизнь на Земле?

И на этот вопрос отвечает лишь память. И в уменьшенном шаре прессуется время, сжимая в секунды века.

Палеозойская эра плещет морями, даруя кораллы, губки, рыб и акул. Полмиллиарда лет — как быстро проходит время! — и вот уже мезозойская эра ползет по земле динозавром. А вот и я, человек, встаю на обе ноги. Я смотрю на портреты далеких предков и не узнаю никого.

Здравствуй, австралопитек! Узкий покатый лоб и сутулость походки, руки свободны, но нет-нет да и коснешься ими земли. Два миллиона лет или больше, не установлена точно дата рождения, да к тому же очень поздно, слишком поздно дарить подарки. А вот волосатый — могучие плечи и сильная грудь — неандерталец. Это он углублялся в пещеры, спасаясь от льдов. Он ушел навсегда и оставил на память кремневый топор, я видел его в музее.

А это — совсем уже близко — люди, кроманьонцы, рослые, сметки не занимать, и походка прямая, и шаг размашистый, прочный. Эй, кроманьонцы, какие созвездия видели вы над Землей?

Я — человек и на Землю, на небо смотрю глазами то Коперника, то Галилея. И Ломоносов моими устами читает стихи:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне дна...

И не я ли стою Циолковским на крыше калужского дома и до звезд — до самых высоких — рукой достаю? Я, конечно же я, человек по фамилии просто Гагарин, выхожу на бетонный проспект космодрома и к ракете иду, на которой мне от Земли отлетать.

...Глаза видят то, чего не может постичь разум. В черной необъятной глубине космоса голубым школьным глобусом висит земной шар. Один на все человечество. Один на всю Солнечную систему, быть может, один-единственный на всю Галактику, на всю Вселенную.

Звездам числа нет, бездне дна...

Сейчас это и трудно и легко: вернуться в необозримо далекое прошлое и представить, как в солнечном отблеске кружат девять планет. Они безмолвно плывут по своим орбитам, но никто, никто в мире еще не видит этой прекрасной космической карусели, ибо во всей Вселенной нет разума. Есть время и есть пространство — но для кого? Миллионы, миллиарды веков неподвижны.

Но вот на третьей по счету от Солнца планете блеснул окуляр телескопа. Кто же знал, кому было знать, что, пока кипят, пока остывают гигантские шары, на одном из них по счастливой случайности возникло то, что с любопытством взглянуло на звезды?

А взгляд проникал все дальше и дальше. И вот он уже у границ Вселенной, где нестерпимо ярким светом полыхают костры иных миров. Вот и они позади, и снова мрак, и снова впереди остатки отгорающего звездного пламени. Что же это такое родилось на круглой, как шар, третьей по счету от Солнца планете? Что проникло взором в грядущее не только Земли, но и Солнца, галактик и всей Вселенной?

Представим себе взгляд, вобравший кружение всех девяти планет. Мрачное безмолвие на восьми из них. Но вот с третьей по счету от Солнца, как из созревшего цветка споры, выстрелились в черную пустоту серебристые искры. Сначала одна из них покружила вокруг шарика, потом другая долетела до Луны, третья до Марса, четвертая до Венеры. Что он ищет в этой пустыне, разум Земли? Раздвигает границы познания?

«Это космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим»,— сказал еще Гераклит.

Сегодня ученые утверждают, что Вселенная расширяется, что она вступила в стадию разворачивающихся спиральных галактик, обычных звезд, самая знакомая из которых — Солнце. Вокруг некоторых из этих звезд, считают они, образовались системы планет, по крайней мере на одной из таких планет возникла жизнь, в ходе эволюции породившая разум. Как часто встречаются в просторах космоса звезды, окруженные хороводом планет, ученые пока еще не знают. Ничего они не могут сказать и о том, как часто возникает на планетах жизнь. Да и вопрос, как часто растение жизни расцветает пышным цветком разума, остается открытым...

Глаза видят то, чего не может постичь разум. В черной необъятной глубине космоса голубым школьным глобусом висит земной шар. Да и не шар это вовсе, а нежное, голубовато трепещущее сердце Вселенной, да-да, человеческое сердце Вселенной, животворно пульсирующее на тысячи звездных миров вокруг.

Не окулярами телескопа, а памятью, проникающей в глубь веков, вглядываюсь я в знакомые мне земные очертания и думаю: да здравствует жизнь на Земле! Да здравствует Человек, идущий сквозь дебри тысячелетий к прекрасному самому себе! Но если человечество — сердце Вселенной, то против кого стальные стрелы, затаившие в наконечниках нейтронную смерть? И для чего приготовлены уже не пороховые, а урановые погреба?

С любовью и надеждой всматриваюсь я в силуэт Родины, окаймленный на картах красным — самым мирным цветом Земли. Плыви под солнечным ветром, шар голубой!

И он все уплывает, все тает в звездных далях. И вот уже висит в поднебесье сияющий серп Земли...

Составитель
Виктор Анатольевич Митрошенков

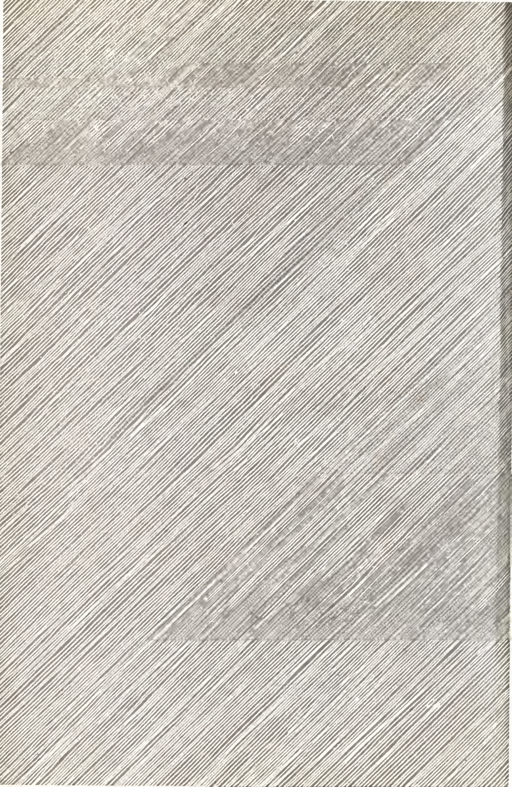
СЫН ЗЕМЛИ

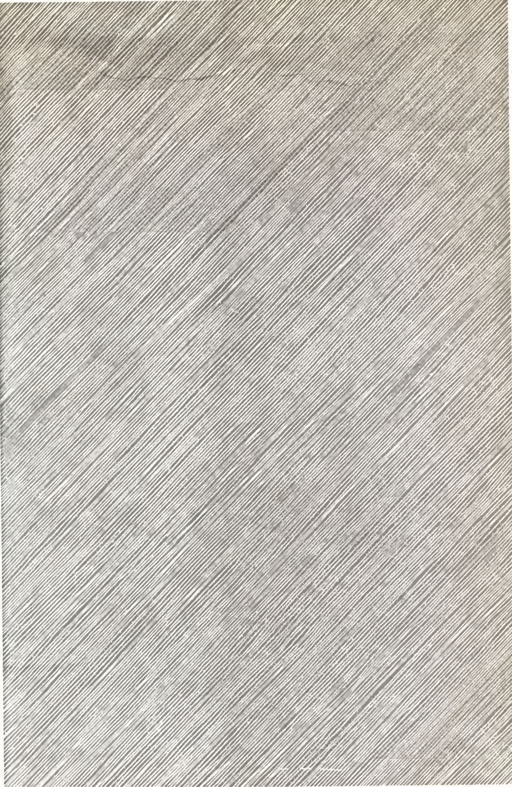
Сборник

М., «Советский писатель», 1983, 432 стр.
План выпуска 1982 г. № 76
Редактор *Н. Г. Поливин*
Худож. редактор *Н. С. Лаврентьев*
Технич. редакторы
Ю. Н. Чистякова, Е. П. Румянцева
Корректор *Л. Н. Морозова*

ИБ № 3344

Сдано в набор 30.04.82. Подписано к печати 02.03.83. А 04521. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Журнальная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 27,56. Уч.-изд. л. 29,28. Тираж 30 000 экз. Заказ № 456. Цена 2 р. 30 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Тульская типография Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект Ленина, 109

СЫН ЗЕМЛИ